

№ 7
ИЮЛЬ
2024 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2024

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гушчин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев

доктор юридических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (Certificate on registration of mass media PI No. FS77-46150 dated August 12, 2011)

Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гуцин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Специальность: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Специальность: 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Специальность: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право

С.М. Зырянов - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Р.М. Мырзалимов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени ЖусупаБаласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Ю.М. Алпатов - доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов»

А.М. Воронов - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Н.К. Потоцкий - доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of copyright, related rights and private law disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Specialty: 12.00.03 - Civil law; business law; family law; private international law

V.P. Kamyshansky - head of section, doctor of law, professor, head of the Department of civil law, FSBOU VPO "Kuban State Agrarian University," head of the Department of civil law and process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation

E.V. Bogdanov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor, professor of the Department of civil law disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - doctor of jurisprudence, professor, professor of department of civil law of the Saratov state legal academy, the Honored lawyer of Russia

V.N. Tkachyov - doctor of jurisprudence, professor, the Honored lawyer of Russia, professor of department of civil disciplines of Plekhanov Russian Academy of Economics

Specialty: 12.00.11 - Judiciary, prosecutorial supervision, organization of law enforcement

O.V. Khimicheva - head of section, doctor of legal sciences, professor, head of the Department of criminal procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

V.V. Sangadzhiev - scientific secretary of section, doctor of law, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

A.P. Galovanov - doctor of legal sciences, Honored Lawyer of Russia, president of the Moscow Region Bar, president of the Federal Union of Lawyers of Russia, vice-president of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.V. Grebennikov - doctor of legal sciences, professor, Honored Lawyer of Russia, head of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

V.V. Komarova - doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGUA)

L.A. Tkhabisimova - doctor of legal Sciences, Professor, Director of Law Institute Pyatigorsk state University, director of the North Caucasian centre of electoral law and process, the head of North-Caucasus scientific-educational center of political and legal problems, Academician AMAN, Honorary worker of education of the Russian Federation, Honored lawyer of the Republic of Adygea

Specialty: 12.00.14 - Administrative law, financial law, information law

S.M. Zyryanov - head of section, doctor of legal sciences, professor, chief researcher of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

R.M. Myrzalimov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor of the Department of administrative law, faculty of law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

Y.M. Alpatov - doctor of law, corresponding member of the Russian academy of natural sciences, chairman of the presidium of the Moscow Guild of Lawyers and Lawyers

A.M. Voronov - doctor of legal sciences, professor, chief researcher of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N.K. Pototsky - doctor of legal sciences, professor, professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Н.И. Беседкина - кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Почетный адвокат России, эксперт РАН

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

И.А. Конюхова - доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.В. Кроткова - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

В.О. Миронов - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин - доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник - кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - chairman, editor-in-chief, doctor of law sciences, professor, deputy first vice-rector for educational and methodological work, professor, Department of Finance University under the Government Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences

M.S. Shaikhullin - first deputy chief editor, doctor of legal sciences, associate professor, head of the Center for state legal research of the Eurasian Research Institute of Human Rights Problems

E.G. Bagreeva - doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity Financial University under the Government of the Russian Federation

N.I. Besedkina - candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of legal regulation of economic activities of Financial University under the Government of the Russian Federation

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

L.Yu. Grudtsina - doctor of law, professor, professor, Department of civil law and civil process, Northwestern Institute (branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State University), Honorary lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

I.V. Doinikov - doctor of law sciences, professor, professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government

A.A. Dorskaya - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of international law of the Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - doctor of law, professor, leading researcher in the international legal research sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, professor of the Department of international law of the Russian Peoples' Friendship University

I.A. Konyukhova - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of constitutional law and professor of the Department of constitutional law of the Russian Academy of Justice

N.V. Krotkova - candidate of legal sciences, leading researcher in the constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences

A.N. Levushkin is a doctor of jurisprudence, professor, professor of department of enterprise and corporate law of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin, professor of department of civil law of the Russian state university of justice

V.O. Mironov is a doctor of jurisprudence, professor, professor of "State Law and Management of Customs Activity" department of the Vladimir state university him. A.G. and N.G. Stoletovych

Yu.V. Nikolaeva is a doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity of Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, N.N. Semenov Federal Research Center for Chemical Physics, Russian Academy of Sciences, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

A.V. Ragulin is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of the center of a research of problems of the organization and activity of legal profession of the Eurasian research institute of problems of the right, the Chairman of the commission on protection of the rights of member lawyers of lawyer formation of the Guild of Russian Lawyers

G.M. Reznik - Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Member of the Presidential Council for the Improvement of Justice, Vice-President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

T.A. Soshnikova is a doctor of jurisprudence, professor, the dean of law department, the manager of department of civil process and the social industries of the right of the Moscow humanities university

D.P. Strigunova is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the associate professor of the international and integration law of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

V.E. Usanov is a doctor of jurisprudence, professor, the academician of the Russian Academy of Education, professor of department of state and legal and criminal disciplines of the Russian economic university him G.V. Plekhanova

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - doctor of economics, candidate of law, candidate of historical sciences, professor, professor of the Department of civil and labor law, civil process, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

- Ари Палениус** – проф., директор кампуса г. Керавы Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)
- Арройо Эна Росьо Карнеро** – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.
- Безерра Феликс Валуа Гуара** – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
- Велиев Исахан Вейсалоглы** – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
- Деян Вучетич** – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Джун Гуан** – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Дуран Роберто Альваро Гусман** – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.
- Ким Эшли** – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.
- Лай Дешенг** – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Марек Вочозка** – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
- Миндагулов Алькен Хайдарович** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- Нематов Акмал Рауфджонович** – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
- Она Гражина Ракаускиене** – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
- Пол Брэнд** – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Пол Дэвис** – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Предраг Димитриевич** – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Тепман Леонид Наумович** – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
- Чирич Александр** – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

- Ari Palenius** – prof., Director of the campus, the KeravaLaurea University of Applied Sciences (Finland)
- Arroyo Ena RosyoKarnero** – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.
- Bezerra Felix Valois Goira** – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.
- VeliyevIsakhan Veysal Oglou** – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)
- Dejan Vuchetich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)
- Jun Guan** – prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Durán Roberto Alvaro Guzman** – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.
- Kim Ashley** – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.
- Lai Desheng** – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Marek Vochozka** – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)
- Mindagulov Alken Haydarovich** - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)
- Nematov Akmal Raufdzhonovich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)
- Ona Grazyna Rakauskiene** – prof., University MykolasRomeris (Lithuania)
- Paul Brend** – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)
- Paul Davies** – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)
- Predrag Dimitriyevich** – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)
- Tepman Leonid Naumovich** – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)
- Chirich Alexander** – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Содержание:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Кондращенко Д.А.** * Конституционно-правовое регулирование механизмов защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации 15
- Сурдина А.И.** * К вопросу об экстерриториальном действии национального права при реализации приоритетных принципов конвенции ООН о правах ребенка 22
- Гусевской М.А.** * Проблемы защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве гражданина . . 30

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Ашхотова Л.А.** * К вопросу о сущности принципа законности 33
- Смагулов М.К., Стёпкин Е.Ю.** * Зарубежный опыт эволюции моделей конституционного контроля и имплементация их элементов в национальное законодательство 36
- Аминов И.Р., Черецких А.В.** * Государственный контроль в сфере местного самоуправления в России 42

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Колчина Е.И.** * Оспоримость сделок несостоятельного должника при нестандартном способе расчетов с использованием векселя 46
- Шадиева А.М., Свиридова Е.А.** * Неустойка и астрент как последствия нарушения обязательства . . 52
- Золотуева Е.К., Афанасьев И.В.** * Проблема реформирования системы вещных прав на жилые помещения 57
- Чеченов А.А.** * Основные вопросы цифрового права в системе объектов гражданских прав 64
- Шумиловская А.С., Рыженков А.Я.** * Понятие, виды и признаки самовольной постройки 67
- Микаилов Р.В.** * Залог как инструмент обеспечения интересов кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) 73
- Шикула И.Р., Власов Д.В.** * Нарушение правил эксплуатации транспортных средств: проблемы квалификации 77

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Вопленко Н.Н., Рябов С.И., Поляков В.А.** * Субъекты юридической техники как вида юридической деятельности 81
- Моисейцев Р.А., Лесников А.А., Куделя Н.Ю.** * Инновационные методы и технологии в государственном контроле и надзоре 85

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

- Нагоева М.А.** * Процесс формирования культуры доверия между сотрудниками полиции и различными группами населения как педагогическая проблема 90
- Кабанченко С.Н., Першин А.Ю., Майер Е.В.** * К вопросу о профессиональной этике сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации 95

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Кулакова Е.А.** * Истцы по делам о защите деловой репутации в арбитражном процессе в случае распространения недостоверных, порочащих сведений об умершем физическом лице 98
- Хамов С.С.** * Об отдельных периодах становления регулирования рассмотрения и разрешения споров в сфере интеллектуального права в арбитражном судопроизводстве 104
- Микаилов Р.В.** * Кто такой арбитражный управляющий? 107

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Роженцева А.П., Жевлакова Д.М., Квасникова Т.В. * Эвтаназия: уголовно-правовые аспекты . . .	111
Батюкова В.Е. * К вопросу об уголовно-правовой охране несовершеннолетних	115
Бабич Н.В. * Особенности концепции и модели организации следственного аппарата, при которой следственная функция распределена между несколькими правоохранительными органами: часть вторая модели	120
Мороз И.Н., Коновалов С.И. * Принцип «дополнительности» в использовании специальных знаний по уголовным делам о преступлениях против личности	129
Коровников А.Л. * Некоторые организационные и правовые основы изъятия образцов для сравнительного исследования	134
Овечкин Д.Г., Примакова С.В. * Значение субъективной стороны в раскрытии сущности общественной опасности	137
Сурцев А.В. * Проблема реализации целей уголовного наказания	141
Тамбиев С.А. * Проблемы привлечения понятых для производства следственных действий	147
Васильев А.А. * Проблемные аспекты прокурорского надзора при обеспечении экологической безопасности водных объектов	154
Воронович Н.К., Павлов Д.В. * Типичные следственные ситуации начального этапа расследования террористического акта	157
Кочесокова З.Х. * Субъективная сторона составов преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов	162
Кежов А.А. * К вопросу об историко-правовых аспектах преступности	169
Нагоева М.А. * Теоретико-педагогическое сопровождение развития профессиональной адаптивности молодых сотрудников органов внутренних дел	172
Казаков А.А. * Информационно пропагандистское противодействие терроризму, взгляд молодого поколения	176

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Ростокинский А.В., Данелян Р.С. * Гопники новейшего времени	179
Хамгоков М.М. * Актуальные проблемы борьбы с распространением экстремистской и террористической идеологии среди населения в условиях проведения специальной военной операции	185
Савенков С.С. * Полномочия прокурора в досудебных стадиях расследования уголовных дел	191
Левин Д.Д. * К вопросу о понятии, видах и формах экстремизма	197
Кушхов Р.Х., Бозиев М.В., Кумехова М.Б. * Актуальные проблемы уголовной ответственности за привилегированные виды убийств и пути их решения	202
Муртазина К.А. * Мнимая благотворительность как один из видов мошенничества, совершаемого в информационно-телекоммуникационной сети	209
Симонова Е.К., Истомина В.В., Чёрный Т.М., Квасникова Т.В. * Государственная измена: проблемы квалификации	214
Бабенкова В.Р., Труфанова А.Ю., Крюкова М.И., Лясковец А.В. * Критерий допустимости реализации тактических приемов криминалистики в ходе следственных действий	220
Медведева Т.В., Сериков Р.В. * К вопросу соблюдения временных интервалов от задержания лица, при применении меры государственного принуждения до избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу	225
Ашхотова Л.А. * Совершенствование уголовной ответственности за контрабанду в Российской Федерации	228
Теуважев З.А. * Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет пространстве: традиционные и инновационные формы	233
Торлов Л.О., Болтенко С.С., Квасникова Т.В. * Преследование в уголовном законе Российской Федерации	237
Глухова Д.А. * Значение экспертных исследований при установлении объекта мошенничества, сопряженного с использованием подложного документа	243
Лайпанов А.И., Федоренко Я.А. * О некоторых проблемах квалификации правонарушений, совершаемых в общественных местах	248

Кораблев А.А. * Современные аспекты уголовного права в век развития телекоммуникационных технологий	252
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Ковалев О.Г. * К вопросу соблюдения законности содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещений камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений	257
Царькова Е.Г. * К вопросу автоматизации процессов планирования в производственно-хозяйственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	262
Ковалев О.Г. * Актуальные проблемы психологической готовности сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы	271
Туманова Е.В. * Социальная работа с сотрудниками в пенитенциарных учреждениях на примере скандинавских стран	277
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Ефимов А.А., Кубиясова А.М. * Некоторые вопросы реализации норм административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения	282
ДИСКУССИЯ	
Иванов А.С. * Комиссионная оценочная экспертиза	285
Кружкова Т.И., Рущицкая О.А., Фетисова А.В., Батракова С.И., Ручкин А.В. * Особенности анализа конкурентоспособности современного промышленного предприятия	295
Фетисова А.В., Кружкова Т.И., Рущицкая О.А., Батракова С.И., Ручкин А.В. * Функции и роль корпоративной культуры в развитии современной организации	302
Калашник Ф.А., Белобородов М.В. * Антикоррупционная оговорка как обязательный элемент государственных контрактов: соотношение с принципом свободы договора	307
Истомина В.В., Симонова Е.К., Квасникова Т.В. * Сравнительная характеристика наказаний в уголовно-правовой системе России и Китая	311
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ	
Карчаева К.А. * Обеспечение кибербезопасности в современном мире	317
Акользин Е.П., Примакова С.В. * К вопросу понятий кибербезопасности и киберзащиты. Виды объектов охраны	321
Урсова Л.Х. * Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях	325
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Багиров З.Р. * К вопросу о гармонизации российского законодательства в сфере экономической деятельности в условиях цифровизации	330
Иконников Д.С., Ковалев О.Г. * Правовые и организационные особенности применения современных информационных технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества	335
Ковтун Н.А., Маришева А.М. * Интернет как платформа для распространения радикальных идей и экстремизма, меры ее профилактики	340
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	
Алексеева Е.В. * К вопросу о развитии отечественной научной мысли о правовой природе решений собраний хозяйственных обществ	343
Оганнисян К.С., Синцов Г.В. * Зарубежный опыт обеспечения правопорядка в период COVID-19 на примере Китая	349
Данилова С.А. * Проблемы сотрудничества Российской Федерации и Королевства Испания в сфере признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения	353
Акинин А.А. * Сохранение культурного и исторического наследия культуры народов России	358

Contents:

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

- Kondrashchenko D.A.** * Constitutional and legal regulation of mechanisms for protecting the election rights of citizens in the Russian Federation 15
- Surdina A.I.** * On the question of the extraterritorial effect of national law in the implementation of the priority principles of the un convention on the rights of the child 22
- Gusevskoi M.A.** * Problems of protecting creditors' rights in extrajudicial bankruptcy of a citizen 30

POLICY AND LAW

- Ashkhotova L.A.** * On the essence of the principle of legality 33
- Smagulov M.K., Stepkin E.Yu.** * Foreign experience in the evolution of models of constitutional control and the implementation of their elements in national legislation 36
- Aminov I.R., Cheretskikh A.V.** * State control in the field of local self-government in Russia 42

CIVIL LAW THEORY

- Kolchina E.I.** * Contestability of transactions of an insolvent debtor with a non-standard method of settlements using a bill 46
- Shadieva A.M., Sviridova E.A.** * Id and astrent as consequences of breach of obligation 52
- Zolotueva E.K., Afanasiev I.V.** * The problem of reforming the system of real rights to residential premises 57
- Chechenov A.A.** * The main issues of digital law in the system of objects of civil rights 64
- Shumilovskaya A.S., Ryzhenkov A.Ya.** * The concept, types and signs of unauthorized construction 67
- Mikhailov R.V.** * Collateral as an instrument for securing the interests of creditors in insolvency (bankruptcy) cases 73
- Shikula I.R., Vlasov D.V.** * Violation of the rules of operation of vehicles: the modern view of the legislator and the problems of qualification 77

CONTROL THEORY

- Voplenko N.N., Shestak V.S., Polyakov V.A.** * Subjects of legal technology as a type of legal activity 81
- Moiseyev R.A., Lesnikov A.A., Kudelya N.Yu.** * Innovative methods and technologies in state control and supervision 85

TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS EDUCATION AND LAW

- Nagoeva M.A.** * The process of forming a culture of trust between police officers and various groups of the population as a pedagogical problem 90
- Kabanchenko S.N., Pershin A.Yu., Mayer E.V.** * On the question of professional ethics of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation 95

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

- Kulakova E.A.** * Plaintiffs in cases of protection of business reputation in arbitration process in the event of dissemination of false, defamatory information about a deceased individual 98
- Khamov S.S.** * On certain periods of formation of regulation of consideration and resolution of disputes in the field of intellectual property law in arbitration proceedings 104
- Mikhailov R.V.** * Who is an arbitration manager? 107

CRIMINAL LAW THEORY

Rozhentseva A.P., Zhevlakova D.M., Kvasnikova T.V. * Euthanasia: criminal law aspects	111
Batyukova V.E. * On the issue of the criminal law protection of minors	115
Babich N.V. * Features of the concept and model of the organization of the investigative apparatus, in which the investigative function is distributed among several law enforcement agencies: part two of the model	120
Moroz I.N., Konovalov S.I. * The principle of “complementarity” in the use of “special knowledge” in criminal cases of crimes against the person	129
Korovnikov A.L. * Some organizational and legal bases for the seizure of samples for comparative research	134
Ovechkin D.G., Primakova S.V. * The importance of the subjective side in discovering the essence of public danger	137
Surtsev A.V. * The problem of implementing the goals of criminal punishments	141
Tambiev S.A. * Problems of attracting witnesses for investigative actions	147
Vasilyev A.A. * Problematic aspects of prosecutorial supervision in ensuring the environmental safety of water bodies	154
Voronovich N.K., Pavlov D.V. * Typical investigative situations in the initial stage of investigation of a terrorist act	157
Kochesokova Z.Kh. * The subjective side of crimes related to the illegal production and trafficking of pornographic materials or objects	162
Kezhov A.A. * On the issue of historical and legal aspects of crime	169
Nagoeva M.A. * Theoretical and pedagogical support for the development of professional adaptability of young employees of internal affairs bodies	172
Kazakov A.A. * Outreach counterterrorism, younger generation view	176

CRIME AND PUNISHMENT

Rostokinsky A.V., Danelyan R.S. * Gopniki of modern times	179
Khamgokov M.M. * Current problems of combating the spread of extremist and terrorist ideology among the population in conditions of a special military operation	185
Savenkov S.S. * Powers of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal investigation	191
Levin D.D. * On the question of the concept, types and forms of extremism	197
Kushkhov R.Kh., Boziev M.V., Kumekhova M.B. * Current problems of criminal liability for privileged types of murder and ways to solution their	202
Murtazina K.A. * Imaginary charity as one of the types of fraud committed in the information-telecommunications network	209
Simonova E.K., Istomina V.V., Chernuy T.M., Kvasnikova T.V. * Treason: qualification issues	214
Babenkova V.R., Trufanova A.Yu., Kryukova M.I., Lyaskovets A.V. * The criterion of the admissibility of the implementation of tactical techniques of criminology in the course of investigative actions	220
Medvedeva T.V., Serikov R.V. * On the issue of compliance with time intervals from the detention of a person, when applying a measure of state correction before the election of a preventive measure against him in the form of detention	225
Ashkhotova L.A. * Improving criminal liability for smuggling in the Russian Federation	228
Teuvazhaev Z.A. * Prevention of extremism and terrorist behavior young people in the internet: traditional and innovative forms	233
Torlov L.O., Boltenko S.S., Kvasnikova T.V. * Prosecution in the criminal law of the Russian Federation	237
Glukhova D.A. * The importance of expert research in identifying the object of fraud involving the use of a forged document	243
Laipanov A.I., Fedorenko Ya.A. * On some problems of offending qualification, committed in public places	248
Korablev A.A. * Modern aspects of criminal law in the age of telecommunications technology development	252

CRIMINAL PROCEDURE

- Kovalev O.G.** * On the issue of compliance with the legality of the detention of convicts in penal isolation cells, cell-type premises, single cell-type premises and single cells of correctional institutions 257
- Tsarkova E.G.** * Automation of planning processes in the production and economic activities of penal institutions of the Russian Federation 262
- Kovalev O.G.** * Actual problems of psychological readiness of employees of operational units of the penal enforcement system 271
- Tumanova E.V.** * Social work with employees in penitentiary institutions on the example of the scandinavian countries 277

ADMINISTRATIVE LAW

- Efimov A.A., Kubiyasova A.M.** * Some issues of implementation of the norms of administrative legislation in the field of road safety 282

DISCUSSION

- Ivanov A.S.** * Commission assessment examination 285
- Kruzhkova T.I., Rushchitskaia O.A., Fetisova A.V., Batrakova S.I., Ruchkin A.V.** * Peculiarities of analyzing the competitiveness of a modern industrial enterprise 295
- Fetisova A.V., Kruzhkova T.I., Rushchitskaia O.A., Batrakova S.I., Ruchkin A.V.** * Functions and role of corporate culture in the development of a modern organization 302
- Kalashnik F.A., Beloborodov M.V.** * Anti-corruption clause as a required element government contracts: relation to the principle of freedom of contract 307
- Istomina V.V., Simonova E.K., Kvasnikova T.V.** * Comparative characteristics of punishments in the criminal legal system of Russia and China 311

CYBER CRIME

- Karchaeva K.A.** * Ensuring cybersecurity in the modern world 317
- Akolzin E.P., Primakova S.V.** * On the issue of the concepts of cyber security and cyber protection. Types of protection objects 321
- Urusova L.Kh.** * Countering the use of information and communication technologies for criminal purposes 325

DIGITAL LAW

- Bagirov Z.R.** * On the issue of harmonization of russian legislation in the field of economic activity in the context of digitalization 330
- Ikonnikov D.S., Kovalev O.G.** * Legal and organizational features of the use of modern information technologies and search engines to search for convicts who evade serving their sentences without isolation from society 335
- Kovtun N.A., Marisheva A.M.** * The internet as a platform for the dissemination of radical ideas and extremism and measures to prevent it 340

HISTORICAL ARCHIVE

- Alekseeva E.V.** * To the question of the application of the extra-judicial form of protection of subjects of business activity: pro et contra 343
- Hovhannisyan K.S., Sintsov G.V.** * Foreign experience in ensuring law and order during COVID-19 using China 349
- Danilova S.A.** * Problems of cooperation between the Russian Federation and the Kingdom of Spain in recognition and enforcement of foreign judgment 353
- Akinin A.A.** * Preservation of the cultural and historical heritage of the culture of the peoples of Russia . . . 358

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-15-21
NIION: 2021-0079-7/24-531
MOSURED: 77/27-025-2024-7-531

КОНДРАЩЕНКО Дарья Алексеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права
Саратовского национального
исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
e-mail: dariakr2004@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана тем, что защита прав и свобод человека и гражданина имеет приоритетное значение в настоящее время. Несмотря на то, что правозащитной деятельности в настоящее время уделяется пристальное внимание со стороны государства, на практике возникают отдельные проблемы с защитой избирательных прав граждан. Правозащитная деятельность в сфере избирательного процесса весьма фрагментарно исследуется в современной науке, в то время как процедурные особенности, возникающие в результате современной трансформации избирательного процесса, объективно обуславливают необходимость совершенствования механизмов защиты избирательных прав граждан.

Цель: анализ современного состояния конституционно-правового регулирования механизмов защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации. В результате отмечается наличие в действующем избирательном законодательстве необходимых правовых основ для судебной и внесудебной защиты избирательных прав граждан, однако положения федеральных законов нуждаются в конкретизации. Автор приходит к выводу о необходимости разработки и принятия ЦИК РФ методических рекомендаций по защите избирательных прав граждан в целях систематизации существующих подходов правозащитной деятельности.

Ключевые слова: защита прав граждан, избирательные права, судебный порядок, внесудебный (административный) порядок, правозащитная деятельность в электоральной сфере.

KONDRASHCHENKO Daria Alekseevna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law of the Saratov National
Research State University named after N.G. Chernyshevsky

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF MECHANISMS FOR PROTECTING THE ELECTION RIGHTS OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The relevance of the study is due to the fact that the protection of human and civil rights and freedoms is a priority at the present time. Despite the fact that human rights activities are currently receiving close attention from the state, in practice certain problems arise with the protection of the electoral rights of citizens. Human rights activities in the field of the electoral process are studied very fragmentarily in modern science, while the procedural features arising as a result of the modern transformation of the electoral process objectively determine the need to improve the mechanisms for protecting the electoral rights of citizens.

Purpose: analysis of the constitutional and legal regulation of mechanisms for protecting the electoral rights of citizens in the Russian Federation. The authors come to the conclusion that it is necessary to develop and adopt methodological recommendations by the Central Election Commission of the Russian Federation on the protection of citizens' electoral rights in order to systematize existing approaches to human rights activities.

Key words: *protection of citizens' rights, electoral rights, judicial procedure, extrajudicial (administrative) procedure, human rights activities in the electoral sphere.*

Электоральные правоотношения активно развиваются в современном мире, и российское государство в данном случае не является исключением. Институт выборов активно трансформируется с учетом современных правовых, политических и социальных реалий, что объективно обусловлено не только острой необходимостью участия населения в формировании выборных органов государственной власти, но и данная деятельность имеет важное практическое значение в контексте участия граждан в управлении делами государства.

В условиях повсеместной информатизации и цифровизации внедрение новейших технологий происходит в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, и важно отметить, что вышеназванные процессы в полной мере затрагивают организацию и проведение выборов на территории Российской Федерации. Информационные и цифровые технологии обладают существенным потенциалом осуществления многих процессов в кратчайшие сроки и на качественно новом уровне, в связи с чем их активное использование представляется закономерным вектором развития современного российского государства. Однако важно отметить, что помимо положительного влияния на различные сферы общественной деятельности, вышеназванные достижения науки и техники порождают новые вызовы и угрозы, среди которых наиболее значимыми представляются риски нарушений прав человека.

Наличие подобных рисков имеет специфику проявлений в электоральной сфере. Во-первых, в настоящее время в условиях активного использования электронного голосования в Российской Федерации со стороны населения возникают некоторые сомнения в отношении честности и прозрачности его результатов. Даже многолетняя практика использования КОИБов и КЭГов до сих пор вызывает опасения со стороны не только избирателей, но и иных участников электорального процесса. Несмотря на то, что использование вышеназванных комплексов не существенно изменяет процессуальные аспекты организации и проведения выборов, с правозащитной точки зрения возникают дополнительные механизмы, направленные на обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Во-вторых, в последние годы активно развивается практика дистанционного электронного голосования, который все чаще применяется в различных регионах. Несмотря на существенный интерес со стороны населения к подобным возможностям реализации активного избирательного права, на практике возникают отдельные организационно-правовые проблемы, которые также негативно влияют на восприятие информационных технологий и опыта их использования в электоральной сфере. Дистанционное электронное голосование из-за удаленного формата его проведения создает новые угрозы нарушения избирательных прав, в связи с чем правозащитные механизмы в контексте данной разновидности голосования нуждаются в конкретизации.

В-третьих, несмотря на масштабный опыт применения средств видеонаблюдения и видеофиксации на выборах в Российской Федерации, а также доступности осуществления видеосъемки для отдельных участников электорального процесса, сами по себе указанные технологии представляют угрозу нарушения прав человека и гражданина. В данном случае речь идет не только об избирательных правах граждан, но и в рамках вышеназванной деятельности могут нарушаться требования российского законодательства о защите персональных данных.

Таким образом, многоаспектность информационной и цифровой трансформации избирательного процесса объективно обуславливает необходимость анализа существующих правозащитных механизмов в контексте вызовов и угроз нарушения прав граждан в условиях применения соответствующих технологий. Процедурные особенности, возникающие в результате современной трансформации избирательного процесса, объективно обуславливают необходимость совершенствования механизмов защиты избирательных прав граждан [1, с. 160].

Прежде чем перейти к вопросам, связанным с правозащитной деятельностью в электоральной сфере, видится необходимым сконцентрировать внимание на особенностях современного правового регулирования избирательного права и процесса. Действующее избирательное законодательство характеризуется множественностью актов, регламентирующих различные

аспекты организации и проведения выборов на территории российского государства. Базовым в данной сфере считается Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [8]. Кроме того, существуют законы, регламентирующие конкретные электоральные процессы – выборы Президента РФ, депутатов Государственной Думы и др. Отдельный федеральный закон регламентирует особенности функционирования ГАС «Выборы» [7], что объективно обусловлено спецификой правоотношений, подлежащих регулированию в контексте применения вышеназванной системы и комплексное ее использование в процессе выборов.

Несмотря на то, что действующее избирательное законодательство сформировано на протяжении долгих лет и имеет весьма устоявшуюся систему нормативно-правовых актов, в правовой науке достаточно часто отмечается его определенное несовершенство. В данном контексте необходимо отметить большое количество дублирования норм в федеральных законах, регулирующих конкретные электоральные процессы, однако подобная ситуация объективно возникает в связи с наличием определенной специфики выборов в определенные органы государственной власти. Также достаточно часто в последние годы поднимаются вопросы кодификации избирательного законодательства, что, по нашему мнению, действительно решило бы многие проблемы и противоречия современного правового регулирования. Однако единых подходов к содержательным характеристикам Избирательного кодекса Российской Федерации до сих пор выработать квалифицированному юридическому сообществу не удалось.

Важно отметить, что все материальные и процессуальные изменения избирательного процесса имеют соответствующую правовую регламентацию в российском законодательстве. Так, например, с 2022 года Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дополнен ст. 64.1, регламентирующей возможность организации и проведения дистанционного электронного голосования на выборах в Российской Федерации по решению избирательной комиссии соответствующего уровня (для федеральных выборов – ЦИК РФ, для региональных выборов – Избирательными комиссиями субъектов РФ) [8]. Для проведения дистанционного электронного голосования используются федеральные и (или) региональные государственные информационные системы, в зависимости от чего закрепляется избирательная комиссия, утверждающая порядок проведения

соответствующего голосования. Важнейшее практическое значение в данном случае имеют положения Постановления ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [3].

Практика дистанционного электронного голосования существенно различается в различных избирательных кампаниях, в связи с чем в рамках заявленной проблематики предусмотрено принятие актов, регулирующих требования и порядок организации и проведения соответствующего голосования для каждого конкретного случая. Так, например, на последних выборах Президента РФ особенности проведения дистанционного голосования регулировались отдельным актом ЦИК РФ [5]. Подобная правотворческая модель представляется весьма оправданной, поскольку позволяет оперативно фиксировать значимые организационно-технические аспекты.

Видеонаблюдение и видеофиксация достаточно часто применяются на выборах в Российской Федерации, однако важно отметить, что данная сфера электоральных правоотношений детально регламентируется правовыми актами ЦИК РФ. В данном контексте из последних принятых в данной сфере актов следует выделить Постановление ЦИК России от 24.01.2024 № 151/1194-8 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения при проведении выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» [6], в котором регламентированы особенности организации видеонаблюдения на выборах соответствующего уровня.

Видеосъемка также фигурирует в действующем избирательном законодательстве в контексте обеспечения гласности и открытости электорального процесса, в связи с чем отдельные участники (наблюдатели, представители СМИ) наделяются соответствующим правом. Однако принципиальное значение в данном контексте имеет положение ч. 14 ст. 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которое закрепляет недопустимость нарушения тайны голосования и осуществления контроля за волеизъявлением избирателей, а также необходимость обеспечения конфиденциальности персональных данных в рамках реализации вышеназванного права [8].

Для содействия реализации активного избирательного права гражданами РФ действующее избирательное законодательство предусматривает возможность голосования вне помещения для голосования для лиц, которые по объектив-

ным причинам не могут явиться на участок (так называемое надомное голосование). Также в настоящее время имеется весьма масштабная практика голосования по месту временного пребывания (больницы и др.), когда у избирателей имеются веские основания для реализации своего активного избирательного права посредством обращения в специальные образованные избирательные комиссии в местах их пребывания в момент выборов. Правовые основы вышеназванных процессов закреплены в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», однако конкретизируются соответствующие нормы также в актах ЦИК РФ [4].

Таким образом, на основе анализа современного состояния избирательного законодательства следует сделать вывод о том, что несмотря на наличие достаточно большого количества федеральных законов в указанной сфере наиболее значимое практическое значение приобретают положения актов ЦИК РФ. В данных актах в полной мере конкретизируются различные требования и процессуальные аспекты организации и проведения выборов на территории Российской Федерации. С одной стороны, подобная модель позволяет оперативно реагировать на динамику совершенствования электоральных отношений, с другой стороны – наблюдается дисбаланс правового регулирования в части регламентации многих значимых положений лишь в актах ЦИК РФ, в то время как они регулярно применяются на практике и для исключения проблем толкования или, наоборот, игнорирования со стороны участников выборов соответствующих положений, видится необходимым своевременно дополнять федеральное законодательство.

Переходя к анализу регулирования правозащитной деятельности в электоральной сфере следует отметить, что данное функционирование осуществляется на основе положений Конституции РФ, которая закрепляет высшую ценность прав и свобод человека, а также определяет их защиту в качестве одной из основных обязанностей государства. Рассматривая правозащитную деятельность именно как обязанность государства важно подчеркнуть доступность различных механизмов защиты прав человека и гражданина, которые в полной мере актуальны и для электоральной сферы. Важно отметить, что в данном случае, безусловно, принципиальное значение приобретают не только конституционные положения, регламентирующие активное и пассивное избирательное право, а но и в рамках правозащитной деятельности – гарантии государственной защиты прав человека и право защиты

любыми способами, кроме тех, которые непосредственно законодательно запрещены (ст. 45 Конституции РФ), а также гарантии судебной защиты, возможность обращения в судебные органы Российской Федерации и международные органы по защите прав человека (ст. 46 Конституции РФ) [2].

Анализируя практику защиты избирательных прав на территории российского государства следует отметить, что данная деятельность, как правило, осуществляется во внесудебном (административном порядке) или же посредством обращения в судебные органы. Выбор механизма правозащитной деятельности в данном случае обусловлен не только процессуальной спецификой конкретных споров, но еще и пониманием со стороны населения возможностей соответствующей правозащитной деятельности [9, с. 202].

Важно отметить, что действующее избирательное законодательство не содержит отдельных разделов или комплексных норм, посвященных правозащитной деятельности, однако отдельные правовые положения закрепляют основы обращения граждан за защитой избирательных прав. Так, например, ч. 2 и 3 ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регламентируют полномочия избирательных комиссий в сфере защиты прав граждан, в том числе в части рассмотрения обращений о нарушениях в пределах своей компетенции [8]. Кроме того, именно за избирательными комиссиями закрепляется право обращения в правоохранительные органы и органы исполнительной власти в связи с обращениями граждан и в случае необходимости пресечения противоправного поведения участником электоральных правоотношений. В данном контексте следует отметить актуальность внесудебного формата защиты избирательных прав, который ориентирован на обращение граждан в избирательные комиссии, в том числе процесс обжалования предусматривает возможность обращения в вышестоящие инстанции в системе комиссий.

Анализ практической деятельности избирательных комиссий всех уровней позволяет выделить следующие наиболее распространенные темы жалоб:

- 1) неточности и ошибки в документах избирательных комиссий, которые как правило оперативно устраняются после рассмотрения соответствующих жалоб;
- 2) информационное обеспечение выборов, что наглядно демонстрирует необходимость совершенствования подобной деятельности;

- 3) проблемы организации и проведения голосования вне помещения для голосования, что также весьма оперативно устраняется на практике;
- 4) ненадлежащее хранение избирательных документов, что достаточно часто не подтверждается в результате проверок, проводимых избирательными комиссиями;
- 5) жалобы на конкретные нарушения избирательных прав, совершенных отдельными участниками электорального процесса (наблюдателями, представителями СМИ), что в дальнейшем становится основой для соответствующих мер реагирования со стороны избирательных комиссий, начиная от вынесения предупреждений и заканчивая удалением их с избирательного участка через суд.

Подача жалоб достаточно часто встречается в деятельности абсолютно всех избирательных комиссий, однако важно отметить, что до сих пор далеко не все избиратели и иные участники электоральных правоотношений понимают материальные и процессуальные возможности подобных обращений. В данном контексте особое значение приобретает информирование участников избирательных правоотношений о порядке реализации процедуры обжалования в целях обеспечения и защиты избирательных прав граждан. Кроме того, перспективным представляется обучение членов избирательных комиссий в части расширения их знаний и навыков правозащитной деятельности, поскольку от эффективности функционирования указанных лиц во многом зависит охрана избирательных прав граждан. Внесудебный порядок защиты избирательных прав характеризуется короткими сроками рассмотрения соответствующих обращений, и наличием полномочий у избирательных комиссий не только рассматривать обращения, но и принимать дальнейшие действия, необходимые для обеспечения или восстановления нарушенных прав граждан.

Говоря о судебном порядке защиты избирательных прав граждан следует отметить, что в данном случае речь идет о серьезных нарушениях, которые в свою очередь могут повлиять или не повлиять на результаты выборов. Как правило, подобный формат правозащитной деятельности активно используется в процессе защиты пассивного избирательного права или в контексте наличия существенных нарушений на избирательных участках, позволяющих поднимать вопрос об административной или уголовной ответственности виновных лиц. Действующее отраслевое законодательство (административное и уголов-

ное) предусматривает ряд норм, закрепляющих ответственность для лиц, нарушающих требования нормативно-правовых актов, регламентирующих электоральные правоотношения. Однако эффективность юридической ответственности в указанной сфере также критикуется в современной науке.

Разграничение административной и уголовной видов ответственности в избирательном процессе представляет собой сложную процедуру, имеющую комплекс проблемных вопросов. В связи с этим видится обоснованной разработка на законодательном уровне правовой регламентации применения оценочных критериев при выборе вида ответственности.

Достаточно часто высказывается мнение о том, что нормы КоАП РФ и УК РФ не предусматривают ответственности за ряд деяний, которые получили распространение в последние годы (например, порча бюллетеней и публичный призыв к данным действиям и др.). Безусловно, учет электоральной практики имеет принципиальное значение в контексте эффективности института юридической ответственности, и в данном контексте видится необходимым своевременно дополнять соответствующее отраслевое законодательство.

Кроме того, институт ответственности имеет принципиальное значение и для правозащитной деятельности, поскольку в случае отсутствия возможности квалификации конкретных противоправных деяний и назначения справедливого и соразмерного наказания, возникают угрозы масштабного распространения подобного поведения, а, следовательно, нарушения избирательных прав граждан. В данном контексте актуальным также видится подчеркнуть пробелы, существующие в действующем законодательстве в части конкретизации ответственности за противоправные деяния, совершаемые при дистанционном электронном голосовании.

Участники избирательного процесса Российской Федерации в связи со стремительно развивающимися и быстро проникающими почти во все сферы жизни общества информационными технологиями также сталкиваются с проблемами применения данных технологий в ходе избирательных кампаний. Дистанционное электронное голосование является закономерным следствием усовершенствования и распространения информационных технологий, в том числе и в избирательном процессе. Данная разновидность голосования имеет ряд преимуществ, в частности, – это возможность для избирателей проголосовать без посещения избирательного участка, сокращение расходов на проведение избирательных

процедур, упрощение процесса подсчета голосов. Однако дистанционное электронное голосование в силу своей новизны, отсутствия унифицированного законодательного регулирования имеет многие недостатки, одним из которых является несовершенство в виду недостаточной ясности процедуры привлечения правонарушителей к юридической ответственности.

Предлагаемые изменения положительно скажутся на развитии выборов и позволят избежать масштабной противоправной практики. Потому что предлагаемые изменения законодательства можно рассматривать не только как правовую основу привлечения к ответственности и справедливого правосудия в отношении лиц, которые допускают противоправное поведение, но и совершенствование отраслевого законодательства об ответственности имеет определенную профилактико-предупредительную направленность, поскольку, предусмотрев конкретную ответственность за подобные деяния, лицо, прежде чем его совершить, может задуматься о существующих для него правовых последствиях и не допустить самого деяния.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что к настоящему моменту в Российской Федерации приняты все необходимые правовые основы для внесудебной и судебной защиты избирательных прав, однако данные нормы нуждаются в конкретизации с учетом внедрения различных информационных технологий. В данном контексте для систематизации существующих подходов правоохранительной деятельности видится необходимым разработать и принять ЦИК РФ методические рекомендации по защите избирательных прав граждан изложив в указанном документе основные организационно-правовые аспекты анализируемой деятельности. Данный документ своевременно может дополняться пунктами в отношении новых информационных технологий, которые также обуславливают внедрение специальных процессуальных механизмов защиты избирательных прав.

Список литературы:

[1] Дубровина Ю.Я. Развитие законодательства России по защите избирательных прав: история и современность // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1(23). С. 157-165.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

[3] Постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» (ред. от 09.08.2023) // Вестник ЦИК России. 2022. № 5.

[4] Постановление ЦИК России от 08.08.2018 № 174/1414-7 «О Методических рекомендациях по организации голосования отдельных категорий избирателей при проведении выборов на территории Российской Федерации» (ред. от 28.06.2023) // Вестник ЦИК России. 2018. № 17.

[5] Постановление ЦИК России от 20.12.2023 № 143/1099-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» (ред. от 14.02.2024) // Вестник ЦИК России. 2024. № 2.

[6] Постановление ЦИК России от 24.01.2024 № 151/1194-8 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения при проведении выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» // Вестник ЦИК России. 2024. № 4.

[7] Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 172; 2023. № 29. Ст. 5305.

[8] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2024. № 1 (часть I). Ст. 16.

[9] Шкляр Т.А., Воронин Д.Ю. Процессуальные особенности рассмотрения споров о защите избирательных прав и права на участие в референдуме // Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. С. 184-207.

Spisok literatury:

[1] Dubrovina Yu. Ya. Development of Russian legislation on the protection of electoral rights: history and modernity//Citizen. Elections. Power. 2022. № 1(23). S. 157-165.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec 25; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

[3] Decree of the CEC of Russia of 08.06.2022 No. 86/716-8 "On the Procedure for Remote Elec-

tronic Voting Using Federal State Information Systems” (ed. 09.08.2023) //Bulletin of the CEC of Russia. 2022. № 5.

[4] Decree of the CEC of Russia of 08.08.2018 No. 174/1414-7 “On Methodological Recommendations for Organizing Voting of Certain Categories of Voters during Elections in the Russian Federation” (as amended by 28.06.2023) //Bulletin of the CEC of Russia. 2018. № 17.

[5] Decree of the CEC of Russia of 20.12.2023 No. 143/1099-8 “On remote electronic voting in the elections of the President of the Russian Federation scheduled for March 17, 2024” (ed. 14.02.2024) // Bulletin of the CEC of Russia. 2024. № 2.

[6] Decree of the CEC of Russia of 24.01.2024 No. 151/1194-8 “On the Procedure for the Use of Video Surveillance and Image Broadcasting during the Presidential Elections Scheduled for March 17, 2024” //Bulletin of the CEC of Russia. 2024. № 4.

[7] Federal Law of 10.01.2003 No. 20-FZ “On the State Automated System of the Russian Federation” Elections “” (as amended on 10.07.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 2. Art. 172; 2023. № 29. Art. 5305.

[8] Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation” (ed. 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 24. Art. 2253; 2024. No. 1 (Part I). Art. 16.

[9] Shklyar T.A., Voronin D.Yu. Procedural features of the consideration of disputes on the protection of electoral rights and the right to participate in a referendum//Judicial protection: novels and traditions in theory, legislation and law enforcement: monograph. Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2023. S. 184-207.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЙСТВИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ ПРИНЦИПОВ КОНВЕНЦИИ ООН О ПРАВАХ РЕБЕНКА

Аннотация. Поиск правовых инструментов, позволяющих разрешать трансграничные споры с учетом национальных особенностей, для Российской Федерации приобретает все большую актуальность, а в свете внесенных в 2020г. конституционных поправок, поиск таких инструментов для эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних российских граждан, находящихся за пределами государства, становится еще и одной из приоритетных задач. В статье автор обосновывает идею распространения экстерриториального действия национального права при реализации основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка. Для обоснования экстерриториального действия национального права предлагается использовать комплексный подход, основанный на применении личного закона индивида с учетом действия принципов тесной связи и выбора наиболее благоприятного права, а также доктрины публичного порядка в контексте ограничения действия иностранного законодательства.

Ключевые слова: принципы Конвенции ООН о правах ребенка, экстерриториальное действие национального права, защита прав и интересов детей, доктрина эффекта, личный закон индивида, принцип тесной связи, принцип выбора наиболее благоприятного права, публичный порядок.

SURDINA Anna Ivanovna,
senior lecturer Department of Legal Support
market economy School of Law IPACS RANEPА

ON THE QUESTION OF THE EXTRATERRITORIAL EFFECT OF NATIONAL LAW IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRIORITY PRINCIPLES OF THE UN CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD

Annotation. The search for legal instruments that allow resolving cross-border disputes taking into account national characteristics is becoming increasingly relevant for the Russian Federation, and in light of the amendments introduced in 2020. constitutional amendments, the search for such tools for the effective protection of the rights and interests of minor Russian citizens located outside the state is also becoming one of the priority tasks. In the article, the author substantiates the idea of extending the extraterritorial effect of national law when implementing the basic principles of the UN Convention on the Rights of the Child. To justify the extraterritorial effect of national law, it is proposed to use an integrated approach based on the application of the personal law of the individual, taking into account the principles of close connection and selection of the most favorable law, as well as the doctrine of public order in the context of limiting the operation of foreign legislation.

Key words: principles of the UN Convention on the Rights of the Child, extraterritorial application of national law, protection of the rights and interests of children, doctrine of effect, personal law of the individual, principle of close connection, principle of choosing the most favorable law, public order.

В свете сложившейся за последние годы геополитической ситуации развитие различных отраслей и институтов международного и национального права приобретает новые векторы. Односторонние принудительные меры в отношении некоторых государств, несомненно,

послужили толчком для развития различных доктрин и механизмов, начиная от доктрин публичного порядка, тесной связи, применимого права, заканчивая трансформацией инструментов международного частного права из экстраординарных в обычные [7].

Наиболее остро в общественных и научных кругах обсуждаются вопросы негативного воздействия репрессивных мер международно-правового характера на экономические процессы, финансовую сферу, бизнес. Однако, вопросы частноправового характера, затрагивающие негативное влияние на реализацию прав и свобод человека, в том числе, связанные с защитой прав и интересов детей, в настоящее время также приобретают все большую актуальность.

Основным международно-правовым документом, регулирующим обязательства государств в сфере защиты прав и интересов детей, по-прежнему остается Конвенция ООН о правах ребенка 1989г. [8], в которой содержатся основные принципы, определяющие направления внешней и внутренней политики государств в области защиты прав и интересов детей. В качестве таких приоритетных принципов Комитет по правам ребенка в Замечании общего порядка №5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка» выделил: принципы недискриминации, обеспечения наилучших интересов ребенка, обеспечения права на жизнь, выживание и развитие, уважения взглядов и учета мнения ребенка [9]. Однако, многие страны сталкиваются с серьезными проблемами и вызовами в реализации этих принципов, и Российская Федерация не является исключением.

Помимо Конвенции ООН о правах ребенка базовыми универсальными международно-правовыми документами, регламентирующими процедурные вопросы разрешения споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних, являются Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980г. [10] (далее – Гагская конвенция 1980г.), а также Гагская Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. [11] (далее – Гагская конвенция 1996г.) Однако, реализация приоритетных принципов через применение норм специальных договоров также имеет ряд недостатков.

Так, анализ статистических данных, представленных на официальных сайтах российских судов, рассматривающих дела о международном похищении детей в соответствии с Главой 22.2 Гражданского процессуального Кодекса РФ, наглядно показал достаточно низкий уровень количества рассматриваемых дел данной категории за последние три года. По данным статистической отчетности Московского городского суда за 2021 год всего рассмотрено 18 дел, за 2022 год – 14 дел, за 2023 год – 14 дел [12]. В Ставропольском краевом суде за 2021 год не было рассмотрено ни одного дела, в 2022 году и 2023 году

соответственно было рассмотрено всего три и два дела [13]. В Нижегородском областном суде за 2021 год также не было рассмотрено ни одного дела, за 2022 год – одно дело, за 2023 год – шесть дел [14]. Из чего можно сделать вывод, что даже самый действенный и продуманный механизм разрешения трансграничных споров, закрепленный международным договором, в последнее время перестает эффективно действовать в рамках юрисдикций государств-участников.

Кроме того, универсальность специальных конвенций также остается под вопросом, поскольку они не охватывают достаточное количество государств, а зачастую в них не участвуют целые регионы. Например, из стран Центрально-Азиатского региона Гагскую конвенцию 1980г. ратифицировали только четыре государства Россия, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, для Китая, Монголии, Киргизии и Таджикистана договор не действует до сих пор. Гагская конвенция 1996г. в настоящее время вступила в силу только для Российской Федерации – одного из восьми государств региона.

Похожая ситуация наблюдается и для стран СНГ. Гагскую конвенцию 1980г. не ратифицировало три государства из одиннадцати (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан), при этом Гагская конвенция 1996г. в настоящее время ратифицирована только Российской Федерацией и Украиной. И если между странами СНГ действует общий механизм разрешения споров, основанный на коллизионных нормах региональных конвенций о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [15], то в большинстве регионов такие инструменты отсутствуют.

Кроме того, при возникновении споров о детях, в частности, о возвращении в Российскую Федерацию детей из европейских стран по процедуре Гагской конвенции 1980г., имеется существенный риск отказа в возвращении по статье 13 Гагской конвенции в связи с угрозой причинения вреда ребенку, без каких-либо разумных юридических обоснований.

Логично, что ситуация, которая сложилась в настоящее время между государствами, не должна приводить к игнорированию принципов, заложенных в Конвенции ООН о правах ребенка. Толкование норм международного частного права в ракурсе характера международных отношений между государствами также не является перспективным выходом из сложившейся ситуации, поскольку защита прав и интересов детей любого государства должна быть эффективной и рациональной как на национальном, так и на международном уровнях.

Одним из ярких примеров разнонаправленного толкования одних и тех же принципов может послужить анализ позиций, изложенных в шестом и седьмом периодических докладах Российской Федерации о выполнении положений Конвенции за 2011-2019 гг., Ответах на вопросы Российской Федерации в связи с ее шестым и седьмым периодическим докладами, представленный в Комитет 11 октября 2023г., а также позиции Комитета ООН о правах ребенка, изложенной в Заключительных замечаниях к шестому и седьмому периодическим докладам о выполнении положений Конвенции от 01 марта 2024 г.

Так, например, остро дискуссионными остаются вопросы, связанные с реализацией принципа недискриминации. Комитет настоятельно рекомендует государству принять всеобъемлющий закон о недискриминации, отменить законы об иностранных агентах, ограничении доступа детей к определенной информации, отменить решения о признании нетрадиционных движений «экстремистскими». В свою очередь, Российская Федерация аргументирует свою позицию о нецелесообразности введения «всеобъемлющего закона о борьбе с дискриминацией» с точки зрения введения ограничений с целью защиты не только прав и интересов детей, но и основ нравственности и морали, а также безопасности страны в целом.

Справедливости ради необходимо отметить, что и сам Комитет в своей практике неоднократно высказывался о том, что определенные меры, такие как различия, исключения или ограничения, не должны рассматриваться как дискриминационные, если они обусловлены объективными и разумными основаниями, причем эти меры должны быть адекватны и необходимы для достижения законных целей. Важно, чтобы цели введения таких мер были юридически обоснованы и пропорциональны возможным отрицательным эффектам, которые могут возникнуть при отсутствии таких ограничений [16].

В связи с перечисленными выше причинами в настоящее время назрела необходимость поиска национальных правовых инструментов, позволяющих разрешать споры в ракурсе применения базовых принципов, закрепленных Конвенцией ООН о правах ребенка, но с учетом прав и интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

Одним из возможных вариантов решения проблемы является закрепление и распространение экстерриториального действия национального права применительно к принципам, закрепляющим защиту прав и интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся на территории иностранного государства. Поскольку именно экстерритори-

альность национального права создает единую правовую платформу, действие которой выходит далеко за правовое пространство государства, создавая концепцию наднационального трансграничного действия внутренних юридических норм.

Важно отметить, что влияние национального законодательства обычно ограничивается границами собственного государства, не оказывая юридического влияния за их пределами. Это подчеркивает необходимость тщательного обоснования идеи о том, что принципы защиты прав и интересов детей, воплощенные в соответствующих национальных нормах могут иметь экстерриториальное действие. В этом контексте предлагается рассмотреть использование концепции личного закона индивида и таких принципов международного частного права, как принцип тесной связи и выбора наиболее благоприятного правового режима, а также доктрину национального публичного порядка, как основания для ограничения применения иностранного законодательства к несовершеннолетним гражданам Российской Федерации, находящимся за рубежом и не домицилированным в иностранном государстве, обеспечивая защиту их прав и интересов в международном контексте.

Необходимо отметить, что изначально в Конвенцию ООН о правах ребенка предполагалось включить пункт о том, что ее «действие распространяется на каждого ребенка, находящегося на территории или под юрисдикцией» государств-участников. Однако после долгих обсуждений было решено исключить слово «территория» из текста соглашения и ограничиться только термином «юрисдикция». Тем самым участники пришли к согласию о том, что государство может распространять свою юрисдикцию в том числе и на действия, совершенные или имеющие негативные последствия за пределами своих национальных границ [17].

По вопросу экстерриториального действия национального права государства гражданства в отношении несовершеннолетних также высказывался и Комитет ООН по правам ребенка, который неоднократно обращал внимание, что Конвенция не ограничивает юрисдикцию государства пределами национальной территории в отношении своих несовершеннолетних граждан [18].

Существует разделение экстерриториальности на два типа: первичную и вторичную. В рамках первичной экстерриториальности юрисдикция страны охватывает ее граждан независимо от их физического местоположения. В случае вторичной экстерриториальности национальные правовые нормы, могут распространять свое действие на определенные правоотношения за пределами территории конкретного государства.

Как указывает Г. Дмитриева, двойное правовое подчинение гражданина, который находится на территории иностранного государства, является одной из особенностей правового положения физического лица в трансграничной частно-правовой сфере [2]. Выезжая с территории государства, лицо никогда не теряет связи с государством, а его правовое положение подчиняется его личному закону, который применяется в двух вариантах: либо законам государства его гражданства, либо законам государства domicilia (места жительства лица). В силу того, что несовершеннолетние лица из-за своей уязвимости должны быть обеспечены максимально эффективным уровнем защиты за пределами своего государства, распространение на них закона государства гражданства вне его территории может стать одной из ключевых специальных мер защиты, о которых еще в 1989г. упоминал Комитет ООН по правам человека.

В науке выделяется три подхода к экстерриториальному действию национального законодательства. Первый подход заключается в признании права государства распространять свою юрисдикцию на любые действия, начатые на его собственной территории, но завершённые в другой стране – «доктрина субъективной территориальности». Второй подход подразумевает возможность распространения национальной юрисдикции в том случае, если действие произошло за пределами территории, но его последствия оказали влияние на интересы конкретного государства – «доктрина объективной территориальности». И «доктрина эффекта» или «доктрина последствий», которая выводит экстерриториальность за рамки традиционного географического понимания и исходит из оценки степени связи конкретного события с иностранной или национальной юрисдикцией [3].

И если первые две доктрины в основном применяются в международном уголовном либо деликтном праве, то третья, основанная на принципе тесной связи, вполне может быть применима к частноправовым отношениям, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

Принцип тесной связи является одним из специальных принципов международного частного права, и в качестве субсидиарной привязки для выбора применимого права закреплен в пункте 2 статьи 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации. В семейном законодательстве данный принцип прямо не закреплен, поэтому может использоваться применительно к семейным правоотношениям через норму статьи 4 Семейного кодекса Российской Федерации о применении к семейным отношениям гражданского законодательства.

В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №24 от 09 июля 2019г. в качестве обстоятельств, определяющих территориальную связь с правом государства в том числе указано место жительства и гражданство лица. Кроме того, в качестве одного из основополагающих начал при определении наиболее тесной связи Суд предлагает применять концепцию наилучшей реализации общепризнанных принципов гражданского права. Такая позиция также позволяет обосновать тесную связь правоотношений с участием несовершеннолетних граждан Российской Федерации, имеющих место жительства в своем государстве, с национальным правом, поскольку данная концепция наилучшим образом соответствует реализации основных детских принципов, а также основных интересов ребенка.

В одном из своих исследований Г. Федосеева предлагает в совокупности с принципом тесной связи применять с семейным правоотношениям принцип наиболее благоприятного права, который основан на «соображениях разумности и объективности, направленных на достижение объективного результата» [4]. При этом автор предлагает использовать указанный принцип в качестве основного правила для выбора права, применимого к семейным отношениям с иностранным элементом с участием детей. Представляется, что концепция о наилучшей реализации общих принципов, сформулированная Верховным Судом Российской Федерации в упомянутом выше постановлении, коррелируется и с принципом выбора наиболее благоприятного права, как еще одного основания экстерриториального действия детских принципов в отношении несовершеннолетних российских граждан.

Еще одним основанием для экстерриториального действия национальных правовых норм и принципов, регулирующих правоотношения с участием детей, может служить применение публичного порядка, как способа ограничения применения иностранного права к несовершеннолетнему гражданину, находящемуся за пределами территории своего государства. По словам Л. Терентьевой «Установление экстерриториальной предписывающей юрисдикции также возможно даже в отсутствие предусмотренной в законе экстерриториальной сферы его действия, если его экстерриториальное применение имеет существенный публично-правовой интерес для соответствующего государства» [3]. Нормы, закрепляющие оговорку о публичном порядке известны законодательствам большинства стран мира. В российском праве такие нормы закреплены в различных отраслевых кодексах, в том числе в статье 1193 Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации и статье 167 Семейного кодекса Российской Федерации, которые содержат негативный вариант такой оговорки.

Самого понятия «публичный порядок» ни в гражданском, ни в семейном законодательстве не содержится, единообразное применение и толкование этого термина также отсутствует. В судебной практике можно найти некоторые разъяснения, однако, и они не дают возможности четко определить понятие публичного порядка.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 указывается, что под публичным порядком понимаются, в частности, основы правопорядка, которые закреплены в первую очередь в Конституции и законах Российской Федерации. В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2001 г. № 60пв-02 указывается, что нарушение публичного порядка подразумевает нарушение фундаментальных основ установленного в государстве правопорядка. С учетом внесенных в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации положений о том, что дети являются важнейшим достоянием и приоритетом государственной политики России, установление экстерриториальности защиты прав детей вполне соответствуют тем ценностям, которые закреплены в Основном законе.

В связи с тем, что дети рассматриваются основой государственной политики, являются продолжением поколенческой преемственности, постольку даже находясь за пределами юрисдикции своего государства гражданства они не перестают быть носителями этой преемственности и не выбывают из-под защиты своего государства. Разумно предположить, что такой подход, позволяющий привязывать наилучшие интересы ребенка с тем толкованием, которое воспринимается именно в государстве гражданства верным и правильным, или хотя бы с учетом тех ценностей, которые существуют в государстве, как раз и будет основой для экстерриториального действия права при реализации принципов международных конвенций о защите прав и интересов детей. Подобной позиции придерживался в своем исследовании И. Барциц, который отметил, что «фундамент «ценностной экстерриториальности» можно обнаружить практически во всех конституциях мира, когда речь заходит о защите прав своих граждан, в том числе находящихся за пределами своего государства» [1].

Вопросы экстерриториальности принципов защиты прав и интересов детей косвенно затронуты не только в основной Конвенции ООН о правах ребенка, но и в Гагской конвенции 1996 г., которая формулирует принцип экстерриториаль-

ности через выбор юрисдикции к правоотношениям с участием ребенка по его личному закону, и в статьях 5 и 6 признает компетенцию того государства, где обычно проживает ребенок. Кроме того, в статье 8 Конвенции 1996г. регламентируется ситуация, при которой компетенция по рассмотрению спора может быть передана другому государству (например, государству гражданства ребенка), если государство обычного проживания сочтет, что такая передача необходима для обеспечения наилучших интересов ребенка.

Вопрос о применимом праве в статье 15 рассматриваемого Договора решается по закону страны суда, то есть по закону государства обычного места жительства, чья юрисдикция распространяется на сложившиеся правоотношения. Право другого государства может быть применено только в исключительных случаях и только с учетом принципа тесной связи. К вопросам возникновения и осуществления родительской ответственности также применяется право государства domicilio. Таким образом, Конвенция 1996 г. предоставляет национальным судам широкое поле для усмотрения при выборе наиболее благоприятного для ребенка применимого права и наиболее эффективной юрисдикции. А следовательно, можно сделать вывод о том, что возможность экстерриториального действия принципов защиты прав детей, также косвенно регламентируется в тексте договора.

Осмысливая феномен экстерриториальности принципов Конвенции ООН о правах ребенка, необходимо подчеркнуть, что несмотря на их всеобъемлющую, универсальную природу, непосредственная их реализация в рамках национальных правовых систем неизбежно сталкивается с разнообразием в подходах к толкованию и применению этих принципов, которое, в свою очередь, коренится в различиях в культурных ценностях, традициях и социальных нормах. Чтобы обеспечить единообразное и справедливое толкование, актуальной становится необходимость разработки механизма, который бы гармонизировал национальное и международное понимание данных принципов, не затрагивая при этом уникальность национальной идентичности. Баланс между национальными и международными правовыми интерпретациями может быть найден путем адаптации и толкования соответствующих принципов специализированными международными органами и организациями [5], которые в свою очередь должны акцентировать внимание на необходимости сбалансированного подхода к реализации указанных принципов в разнообразных правовых системах в отрыве от геополитических процессов и взаимоотношений между государствами.

Представляется, что одним из приоритетных направлений в данной сфере может как раз стать подход, основанный на экстерриториальности действия национального права в области защиты прав детей с учетом коллизий, основанных на личном законе ребенка. При такой интерпретации трансформация основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка будет осуществляться посредством конструктивного диалога между внутринациональным и международным правом. Представляется, что для надлежащей реализации экстерриториального действия принципов международного права о защите прав детей в российское законодательство целесообразно внести поправки, устанавливающие основные гарантии прав несовершеннолетних граждан РФ не только на территории государства, но и за его пределами, сформулировав в Семейном кодексе Российской Федерации нормы, посвященные выбору применимого права на основе тесной связи, с учетом личного закона ребенка, а также выбора наиболее благоприятного для ребенка права. Кроме того, необходимо расширить категорию дел, входящих в исключительную подсудность российских судов, спорами, затрагивающими права и интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации, не домицилированных и временно проживающих за рубежом, вне зависимости от гражданства родителей, а также дополнить основания отказа в принудительном исполнении решений иностранных судов, вынесенных в отношении несовершеннолетних граждан.

Кроме того, для успешной практической реализации принципа экстерриториальности защиты прав и интересов детей необходимо создать эффективную систему контроля за его выполнением, в том числе обеспечить присутствие юристов и адвокатов в консульских учреждениях или на территории РФ, которые предоставляли бы консультации и помощь по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся за рубежом. Этот вопрос также был предметом обсуждения в ходе рабочей встречи Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации Марии Львово-Беловой с министром иностранных дел Российской Федерации Сергеем Лавровым 02 февраля 2023г [6]. Таким образом, для обеспечения эффективной защиты прав детей граждан России за границей требуется разработка системы законов, которые должны быть основаны на принципах, не связанных исключительно с семейным правом. Важным элементом социальной ответственности должно стать внедрение принципа экстерриториальности в культуру государства.

Список литературы:

[1] Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 144 с.

[2] Дмитриева Г.К. Международное частное право: учебник / отв. Ред. Г.К. Дмитриева. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. – 1216 с.

[3] Терентьева Л. В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ / Л. В. Терентьева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. – С. 160-180

[4] Федосеева Г. Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию трансграничных брачно-семейных отношений / Г. Ю. Федосеева // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65, № 1. – С. 103-115

[5] Шахназаров Б. А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8(117). - С. 174-184

[6] Состоялась рабочая встреча Уполномоченного при Президенте по правам ребенка Марии Львово-Беловой и Министра иностранных дел Сергея Лаврова. URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/70438> (дата обращения 04.04.2023г.)

[7] Влияние санкций на международное частное право. Обзор сессии ПМЮФ-2024 «Международное (нес)частное право: как односторонние санкции меняют МЧП» URL: <https://pravo.ru/lf/story/253861/> (дата обращения 09.07.2024г.)

[8] Конвенция ООН о правах ребенка 1989г., принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 04.07.2024г.)

[9] Замечания общего порядка № 5(2003) «Общие меры по осуществлению конвенции о правах ребенка (CRC/GC/2003/5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (дата обращения 30.04.2023г.)

[10] Гагская Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г., Российская Федерация ратифицировала договор 28 июля 2011г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> (дата обращения 04.07.2024г.)

[11] Гагская Конвенция о юрисдикции, признании, исполнении и сотруд-

ничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г., Российская Федерация ратифицировала договор 20 августа 2012г. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=70> (дата обращения 04.07.2024г.)

[12] Статистические данные Московского городского суда. URL: <http://usd.msk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=1> (дата обращения 21.06.2024г.)

[13] Статистические данные Ставропольского краевого суда. URL: <http://usd.stv.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (дата обращения 21.06.2024г.)

[14] Статистические данные Нижегородского областного суда. URL: <https://nnobsud.ru/index.php/dokumenty/statipaste2019> (дата обращения 21.06.2024г.)

[15] 28 июня 2023г. для Российской Федерации вступила в силу Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07 октября 2002г., режим Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993г. в настоящее время сохраняется с Республикой Молдова, Грузией и Туркменистаном

[16] См., например: Сообщение Комитета по правам ребенка относительно сообщений №№ 114/2020, 116/2020, 117/2020, 118/2020 от 12 сентября 2022г. по делу «А.Б.А и Ф.З.А; Ф.Е.М. и С.Е.М.; С.Е.Й. и М.Е.Й., и Н.Л., Р.А. и М.А.А. против Испании» (CRC/C/91/D/114/220, CRC/C/91/D/116/220, CRC/C/91/D/117/220, CRC/C/91/D/118/220). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3715/ru-RU> (дата обращения 06.12.2023г.)

[17] Legislative history of the Convention on the Rights of the Child (HR/PUB/07/1). New York. Geneva. 2007. С.332-333. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/602462> (дата обращения 07.02.2024г.)

[18] См., например, Сообщения, принятые Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 30/2017 по делу «Н.Р. против Парагвая» от 03 февраля 2020г. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US> (дата обращения 07.12.2023)

Spisok literary:

[1] Barzits I.N. Constitutional identity and international law: on the constitutionalization of international law and the internationalization of constitutional law. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА, 2020. - 144 s.

[2] Dmitrieva G.K. International private law: textbook/ed. Ed. G.K. Dmitrieva. 5th ed., Revised and add. Moscow: Prospect, 2023. - 1216 s.

[3] Terentyeva L.V. Extraterritorial manifestation of the jurisdiction of the state in the context of the transformation of the perception of its spatial boundaries/L.V. Terentyeva//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 3. - S. 160-180

[4] Fedoseeva G. Yu. The principle of the closest connection and the principle of the most favorable law in relation to the regulation of cross-border marriage and family relations/G. Yu. Fedoseeva//Lex Russica (Russian law). 2006. VOL. 65, NO. 1. - S. 103-115

[5] Shakhnazarov B. A. Direct application of the rules of international treaties when protecting the rights of subjects Shakhnazarov//Actual problems of Russian law. 2020 T. 15, NO. 8 (117). - S. 174-184

[6] A working meeting was held between the Presidential Commissioner for Children's Rights Maria Lvova-Belova and Foreign Minister Sergei Lavrov. URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/70438> (accessed 04.04.2023)

[7] Impact of sanctions on private international law. Session Overview PMYuF-2024 "International (ness) private law: how unilateral sanctions change MFR" URL: <https://pravo.ru/lf/story/253861/> (accessed 09.07.2024)

[8] UN Convention on the Rights of the Child 1989, adopted by UN General Assembly resolution 44/25 of November 20, 1989. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child-con.shtml (accessed 04.07.2024)

[9] General comment No. 5 (2003), "General measures for the implementation of the Convention on the Rights of the Child" (CRC/GC/2003/5). URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en (accessed 30.04.2023)

[10] The Hague Convention on Civil Aspects of International Child Abduction of 25 October 1980, the Russian Federation ratified the treaty on 28 July 2011. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24> (accessed 04.07.2024)

[11] Hague Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in Respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children of 19 October 1996, the Russian Federation ratified the treaty on 20 August 2012. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=70> (accessed 04.07.2024)

[12] Statistics of the Moscow City Court. URL: <http://usd.msk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=1> (accessed 21.06.2024)

[13] Statistics of the Stavropol Regional Court. URL: <http://usd.stv.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (accessed 21.06.2024)

[14] Statistics of the Nizhny Novgorod Regional Court. URL: <https://nnoblsud.ru/index.php/dokumenty/statipaste2019> (accessed 21.06.2024)

[15] June 28, 2023 for the Russian Federation, the Chisinau Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases of October 07, 2002, the regime of the Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases of January 22, 1993 entered into force. currently maintained with Republic of Moldova, Georgia and Turkmenistan

[16] See, for example, the Committee on the Rights of the Child's consideration of communications Nos. 114/2020, 116/2020, 117/2020, 118/2020 of 12 September 2022. in the case of "A.B.A. and

F.Z.A.; F.E.M. and S.E.M.; S.E.Y. and M.E.Y., and N.L., R.A. and M.A.A. v. Spain "(CRC/C/91/D/114/220, CRC/C/91/D/116/220, CRC/C/91/D/117/220, CRC/C/91/D/118/220). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3715/ru-RU> (accessed 06.12.2023)

[17] Legislative history of the Convention on the Rights of the Child (HR/PUB/07/1). New York. Geneva. 2007. S.332-333. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/602462> (accessed 07.02.2024)

[18] See, for example, Views adopted by the Committee under the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the procedure for communications concerning communication No. 30/2017 in the case of N.R. v. Paraguay of 03 February 2020. (CRC/C/83/D/30/2017). URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2629/en-US> (access date 07.12.2023)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ Внесудебном Банкротстве Гражданина

Аннотация. Процедура внесудебного банкротства является для большинства должников шансом начать жизнь с чистого листа, поэтому граждане нередко прибегают к её использованию. Несмотря на продолжниковскую модель внесудебного банкротства, законодатель наделил кредиторов инструментами защиты их интересов. В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве гражданина, а также анализируется действующее законодательство.

Ключевые слова: должник, кредитор, внесудебное банкротство, защита прав кредиторов, банкротство физических лиц, гражданин, защита гражданских прав.

GUSEVSKOI Matvei Andreevich,
student of the Law Institute National Research
Tomsk State University

PROBLEMS OF PROTECTING CREDITORS' RIGHTS IN EXTRAJUDICIAL BANKRUPTCY OF A CITIZEN

Annotation. The extrajudicial bankruptcy procedure is for most debtors a chance to start life with a blank slate, so citizens often resort to using it. Despite pro-debtor model of extrajudicial bankruptcy, the legislator provided creditors with tools to protect their interests. The article discusses current problems of protecting the rights of creditors in the case of extrajudicial bankruptcy of a citizen, and also analyzes current legislation.

Key words: debtor, creditor, extrajudicial bankruptcy, creditor protection, bankruptcy of individuals, citizen, protection of civil rights.

В сентябре 2019 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесён законопроект, о внесении изменений в Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)», который был направлен на введение в российское законодательство внесудебного порядка признания гражданина банкротом [1]. Принятие внесудебного механизма банкротства физических лиц было обусловлено необходимостью уменьшения нагрузки на судебную систему, которая с каждым годом имела тенденцию постоянного увеличения.

С 1 сентября 2020 года законодатель ввёл возможность внесудебного банкротства граждан [2]. Принятое решение позволило задействовать многофункциональные центры для разрешения споров по обязательствам между физическими лицами и кредиторами размер которых должен был составлять от 50 до 500 тысяч рублей. Позже, в ноябре 2023 года вступили в силу изменения, которые понизили минимальную сумму до 25 тысяч рублей и повысили максимальный порог до одного миллиона [3].

По внесудебной процедуре банкротства за четыре года её существования стартовали более 15 тысяч процедур в отношении граждан с общей суммой долга в 5,22 миллиарда рублей [4]. В связи со вступившими изменениями в 2023 году, количество внесудебных банкротств только возрастает. Поправки 2023 года направлены на расширение прав должников, однако не затрагивают права кредиторов.

Обеспечение прав и законных интересов кредиторов в сфере несостоятельности имеет принципиальное значение для эффективности применения процедур банкротства в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов, оказавшихся не погашенными по причине неплатежеспособности должника [5].

На основе анализа норм параграфа пятого главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 можно сделать вывод, что в правовом регулировании отношений по поводу процедуры внесудебного банкротства баланс склоняется в сторону защиты интересов и прав должников [6]. Этот перевес

связан с установленными законом последствиями, которые выражаются в освобождении должника от исполнения требований перед кредиторами.

В процедуре внесудебного банкротства отсутствует такой участник как арбитражный управляющий, в полномочия которого при судебном банкротстве входит обнаружение имущества должника, в данном случае такие полномочия возлагаются на кредиторов. В законе закрепляется обязанность должника при подаче заявления представить список всех известных ему кредиторов [6]. Лица, добавленные в этот перечень, наделяются правами направлять в органы определёнными Правительством Российской Федерации запросы, с целью обнаружения принадлежащих должнику имущества и имущественных прав, а также обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина банкротом.

Из этого следует, что кредиторы, указанные в списке, имеют преимущество в сравнении с теми, кого должник осознанно или по другим причинам не указал в этом перечне. Кредитор вынужден занимать активную позицию по отношению к своим должникам. Это выражается в создании и ведении перечня всех должников, и осуществлении за ними постоянного мониторинга. Вышеуказанные положения вынуждают кредиторов тратить дополнительные силы и средства для своевременной защиты своих прав.

Решением данной проблемы могло бы послужить введение обязательного оповещения кредиторов о начале процедуры внесудебного банкротства гражданина, которое бы выражалось в возложении обязанности уведомителя на многофункциональный центр или на самого должника и применении надзорным органом в случае нарушения порядка уведомления, правовых последствий в виде пересмотра результатов внесудебной процедуры банкротства.

Ещё одна проблема защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве проявляется в невозможности пересмотра результата данной процедуры в случае, если должник преднамеренно сокрыл своё имущество [5]. Данный пробел зачастую используется недобросовестными должниками с целью избавиться от обязательств, параллельно сохранив своё имущество. Вышеупомянутый недочёт в законодательстве необходимо устранить, предоставив возможность кредиторам обращаться в арбитражный суд с целью обжалования процедуры внесудебного банкротства.

Другой проблемой является отсутствие согласованности действий между кредиторами относительно поиска имущества. В случае, когда у должника есть несколько кредиторов, каждый из них может иметь свои интересы, требования и

подходы к взысканию долга. Возникает сложность в координации действий между кредиторами и достижении общего согласия относительно дальнейших шагов. Это может замедлить или затруднить процесс внесудебного банкротства.

Кроме того, некоторые кредиторы могут усложнить процесс внесудебного банкротства, найдя имущество и обратившись в арбитражный суд за признанием гражданина банкротом.

Таким образом, коллективные действия кредиторов и необходимость достижения общего согласия могут стать серьезными препятствиями в процессе внесудебного банкротства гражданина, требующими комплексного подхода и профессиональной координации действий.

Подводя итог, можно утверждать, что процедура внесудебного банкротства является важным инструментом для решения финансовых проблем граждан, но при этом она может стать источником серьезных трудностей для кредиторов. Проблемы взаимодействия с должниками, недостаточная информированность о процессе, возможность недобросовестных действий со стороны должников и сложности, связанные с коллективными действиями кредиторов, требуют внимательного внимания и дальнейшего исследования.

В настоящее время процедура внесудебного банкротства продолжает развиваться с уклоном на расширение прав должника. Однако реализация предложенных в статье решений будет иметь прогрессивное значение для нивелирования прав и интересов должников и кредиторов [7].

Достижение баланса интересов кредиторов, должников и системы в целом является сложной задачей, требующей согласованных усилий со стороны всех участников. Важно разрабатывать эффективные механизмы регулирования и обеспечения справедливости в рамках процедуры внесудебного банкротства, учитывая специфику российского законодательства и практики.

Список литературы:

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «о внесении изменений в федеральный закон « о несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства гражданина» // СПС КонсультантПлюс

[2] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // СПС КонсультантПлюс

[3] Федеральный закон от 4 августа 2023 г. N 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

[4] Банкротства в России: II полугодие 2023 года. Статистический релиз Федресурса // Официальный сайт единого федерального реестра сведений о банкротстве

[5] Ураева Елизавета Юрьевна защита прав кредиторов во внесудебном банкротстве // Вопросы российской юстиции. 2023. №24.

[6] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (действ. ред.) «О несостоятельности (банкротстве)»// СПС КонсультантПлюс

[7] Порошкина, Ю. О. Некоторые аспекты проблематики баланса интересов должника и кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) граждан / Ю. О. Порошкина, А. А. Марьина, Л. Н. Починалина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 334-337.

Spisok literatury:

[1] Explanatory note to the draft federal law “on amendments to the federal law “on insolvency (bankruptcy)” regarding extrajudicial bankruptcy of a citizen” // SPS ConsultantPlus

[2] Federal Law of July 31, 2020 N 289-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and certain legislative acts of the Russian Federation regarding extrajudicial bankruptcy of a citizen” // SPS ConsultantPlus

[3] Federal Law of August 4, 2023 N 474-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus

[4] Bankruptcy in Russia: II half of 2023. Statistical release of the Federal Resources Agency // Official website of the Unified Federal Register of Bankruptcy Information

[5] Uraeva Elizaveta Yurievna protection of creditors’ rights in extrajudicial bankruptcy // Issues of Russian justice. 2023. No. 24.

[6] Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ (current edition) “On Insolvency (Bankruptcy)” // SPS ConsultantPlus

[7] Poroshkina, Yu. O. Some aspects of the balance of interests of the debtor and creditors in the case of insolvency (bankruptcy) of citizens / Yu. O. Poroshkina, A. A. Maryina, L. N. Pochinalina // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 2(230). – pp. 334-337.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

Аннотация. В статье исследуются основные принципы законности, как многоаспектной правовой категории. Рассматриваются принцип законности как единство, целесообразность, реальность законности. Данные принципы раскрываются через основные требования законности. Данная преемственность к закону исходит из норм, которые закреплены в Конституции Российской Федерации. Одним словом, законность – социальный режим, главное правило для достижения правопорядка над людьми и общества в целом.

Ключевые слова: принцип законности, современное государство, международный акт, судебное разбирательство, судебное решение.

ASHKHOTOVA Liana Arkadyevna,
teacher of the department organization
of law enforcement activities North Caucasus Institute (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, candidate of pedagogical sciences,
police captain

ON THE ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY

Annotation. The article explores the basic principles of legality as a multidimensional legal category. The principle of legality is considered as unity, expediency, reality of legality. These principles are disclosed through the basic requirements of legality. This continuity to the law proceeds from the norms that are enshrined in the Constitution of the Russian Federation. In a word, legality is a social regime, the main rule for achieving law and order over people and society as a whole.

Key words: principle of legality, modern state, international act, trial, court decision.

Для современного общества соблюдение законности как принципа обеспечения защиты граждан и их имущества – это постоянное соблюдение всех норм главного закона, действующего на всей территории Российской Федерации т.е. Конституции. К числу законов, обязательных для соблюдения, относятся федеральные законы, федерально-конституционные законы, а так же, играющие немаловажную роль это законодательные акты всех субъектов Российской Федерации. Ни одна законодательная норма не должна идти в противовес к основному закону [1]. Нормативные акты, в той или иной степени, противоречащие основному российскому закону, запрещены к применению. Пристальное внимание имеют законодательные нормы, которые касаются вопросов защиты личности человека и гражданина, их жизни и имущества. Абсо-

лютно все федеральные законы непереносимы к исполнению на всей территории нашей страны. Если суд при разбирательстве конкретного дела установит, что какой-то из таких актов или любой иной правовой акт, в том числе изданный федеральным органом, противоречит основному закону, то он вправе принять решение, руководствуясь не этим актом, а Конституцией Российской Федерации [2].

Уникальность понимания данного принципа законности заключается в том, что оно позволяет при конкретных условиях право на неприменение судебными органами при этом законов, а также федеральных нормативных актов. Данная преемственность к закону исходит из норм, которые закреплены в Конституции Российской Федерации. Это максимально поддерживается Пленумом Верховного Суда РФ, который в постановле-

нии «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 года № 8. В соответствии с ч.1 ст. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Все правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны идти в противовес Конституции Российской Федерации. В соответствии с этим нормативным положением судам при рассмотрении дел необходимо оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего данные правоотношения и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого влияния. Судебный орган, который рассматривает дело, применяет непосредственно Конституцию, а именно:

- когда закрепленные нормой основного закона положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, защищающего права, свободы, обязанности человека и гражданина;
- когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;
- когда любой законодательный акт, принятый субъектом по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции.

Распорядительные указы Президента Российской Федерации как главы государства обязательны к применению судами при разрешении конкретных судебных дел, если они не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам (ч. 3 ст. 90 Конституции Российской Федерации). Если говорить иначе, судья вынесший судебное решение по уголовному, административному и иному законодательству, применяя законодательные акты на районном уровне, т.е. законом субъектов, то данный судебный акт либо судебное решение может быть отменено, в случае если оно противоречит основному свободу законов, действующему на территории нашей страны – Конституции Российской Федерации, так как оно нарушает его основные принципы.

Поскольку Конституция приобрела важную роль именно в нормативно-правовой системе на международном уровне, что в очередной раз доказывает ординарность и своеобразие принцип законности в современной правовой системе

Российской Федерации [3]. Нормативные акты, которые, в свою очередь, идут в разрез с таким договором на международном уровне также в категоричной форме не могут применяться при вынесении решения судьями. Можно назвать это явление уже реальностью то, что многие судьи в качестве прямого воздействия применяют на практике положения и нормы международного договора, в случае если норма российского законодательства ему противоречит, принимая обращения граждан, например, такие как нарушение прав при кратковременном ограничении свободы по подозрению его в совершении противоправного деяния, ссылаясь на положения Международного акта [4]. Данное действие судов не предусматривает российское законодательство.

Эти правовые новшества, однако, не следует воспринимать как шаг к умалению роли основного принципа – принципа законности. До настоящего времени и по праву Конституция являлась и будет государственным механизмом для рационального функционирования всех судебных органов при вынесении судебного решения всех отраслей российского законодательства и правовых принципов, имеющее особое значение. Как и упоминалось выше, законность как главный принцип, применяется в обязательном порядке при судебном разбирательстве уголовного и гражданского судопроизводства[5], что означает неуклонное соблюдение требований и норм установленного порядка. Если же замечен факт неисполнения норм закона, неприемлемо использование термина правосудие. Такое «правосудие» не исполняет свои прямые функции, как социального рычага.

Соблюдение принципа законности – это не лозунг, а адекватное осуществление ее в любой отрасли права, которой способствует система правовых гарантий [6]. Каждое судебное решение будет справедливым и законным, если неукоснительно проводить в жизнь данный принцип. Система правовых гарантий содержится не только в законодательных актах, но и в других нормах таких как досудебная проверка, выявление и собирание доказательств, что в конечном итоге способствуют рациональному правосудию в делах не только гражданских, но уголовных, арбитражных и т.д. Если перевести слово «принцип» с латинского оно значит «начало», что говорит об исходном превосходстве данного принципа. Однако, существует много субъективных подходов к изучению принципа законности, ученые часто спорят по данному вопросу [7], используя субъективные подходы к его изучению, так одни считают это как суверенитет прав и свобод человека, другие же считают его принципом справедливости или солидарной ответственностью между судебным органом и гражданином в

отношении которого данное решение было принято. С другой стороны, если рассматривать значение слова «законность» здесь уже более многогранный подход и однозначно сказать уже сложно, хотя ученые предлагают свои термины их достаточно много. Одним словом, законность – социальный режим [7], главное правило для достижения правопорядка над люди и общества в целом.

Однозначно сложно гиберболизировать смысл и значение принципа законности, как для общего, так и для государства в целом, так как данный принцип лежит в основе нормативной системы всех государств на международном уровне, как для российского государства Основной закон – Конституция 1993 года. В нормах Конституции, а именно в части 1 статьи 1 она закреплена, как страны в которой главное слово выражает сам народ, основой и начальство имеет легитимность.

Список литературы:

[1] Кияйкин Д.В. К вопросу о реализации принципа законности в правоприменительной деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2017. №2 (24).

[2] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. - М.: Юристъ, 2007. - С. 88.

[3] Никифоров Б. С. Правовая культура и закон // Известия. - 1962.

[4] Артемьев, Н. С. Соблюдение законности и соблюдение прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Н. С. Артемьев, А. М. Розуван, А. В. Семено // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - № 4/2014. - С. 78-80.

[5] Кияйкин, Д. В. Особенности реализации принципа законности в поисково-познаватель-

ной деятельности при расследовании преступлений: монография / Д. В. Кияйкин. - Самара, 2008. - 143 с.

[6] Кубанов, В. В. Принципы планирования расследования преступлений / В. В. Кубанов, В. К. Толоконников // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. - № 3(17)/2015. - С. 53-57.

[7] Машекуашева М.Х. Современные приемы и средства взаимодействия органов государственной власти. Право и управление. 2023. № 11. С. 34-36.

Spisok literatury:

[1] Kiyaykin D.V. On the implementation of the principle of legality in law enforcement//Bulletin of the Samara Law Institute. 2017. №2 (24).

[2] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. - M.: Lawyer, 2007. - S. 88.

[3] Nikiforov B. S. Legal culture and law//Izvestia. - 1962.

[4] Artemyev, N. S. Observance of the rule of law and observance of human rights in institutions and bodies of the penal system/N. S. Artemyev, A. M. Rozuvan, A. V. Semeno//Bulletin of Vyatka State University for the Humanities. - № 4/2014. - S. 78-80.

[5] Kiyaykin, D.V. Features of the implementation of the principle of legality in search and cognitive activities in the investigation of crimes: monograph/ D.V. Kiyaykin. - Samara, 2008. - 143 s.

[6] Kubanov, V.V. Principles of Crime Investigation Planning/V.V. Kubanov, V.K. Tolokonnikov//Bulletin of the Samara Law Institute: scientific and practical journal. - № 3(17)/2015. - S. 53-57.

[7] Mashekuasheva M.Kh. Modern methods and means of interaction of state authorities. Law and governance. 2023. № 11. S. 34-36.

JURCOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СМАГУЛОВ Медетбек Кошкинбаевич,
адъюнкт 2 курса Академии управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: medet_bek@bk.ru

Научный руководитель:
СТЁПКИН Евгений Юрьевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: estepkin2@mvd.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЭВОЛЮЦИИ МОДЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ИХ ЭЛЕМЕНТОВ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье автором рассмотрена американская и английская модели конституционно-го контроля. Проанализировано законодательство ряда зарубежных стран и выделены основные элементы доктрины конституционного контроля (конституционной юстиции). Обоснована необходимость имплементации в национальное законодательство отдельных элементов конституционного контроля, учитывая при этом правовую систему страны, историко-политический анализ становления государства и иные факторы. Автор отмечает, что каждая в отдельности модель обладает внутренним развитием и при ближайшем рассмотрении обнаруживает те или иные недостатки (дефекты). Кроме того, прямая имплементация формальных параметров модели не является гарантом того, что выбранная модель контроля будет обладать аналогичной эффективностью. В данном случае имеет значение влияние большой группы факторов, которые могут, как способствовать, так и затруднять реализацию заимствованной модели (преимущественно касающиеся специфики политического режима государства). В заключении, автор отмечает, что модель конституционного контроля в Республике Казахстан стала результатом следования европейским моделям конституционного контроля, причем максимальная ориентация в его структуре прослеживается на французском опыте.

Ключевые слова: модель, законодательство, юрисдикция, Конституция, типология, функции, норма, суд.

SMAGULOV Medetbek Koshkinbaevich,
Associate of the 2nd year Management
Academies Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
STEPKIN Evgeny Yurievich,
Candidate of Law, Deputy Head of the Department
of Public Law Disciplines Management Academies Ministry
of Internal Affairs Of the Russian Federation

FOREIGN EXPERIENCE IN THE EVOLUTION OF MODELS OF CONSTITUTIONAL CONTROL AND THE IMPLEMENTATION OF THEIR ELEMENTS IN NATIONAL LEGISLATION

Annotation. In the article, the author examines the American and English models of constitutional control. The legislation of a number of foreign countries is analyzed and the main elements of the doctrine of constitutional control (constitutional justice) are highlighted. The necessity of implementing certain elements

of constitutional control into national legislation is substantiated, taking into account the country's legal system, historical and political analysis of the formation of the state and other factors. The author notes that each individual model has an internal development and, upon closer examination, discovers certain shortcomings (defects). In addition, the direct implementation of the formal parameters of the model is not a guarantee that the selected control model will have similar effectiveness. In this case, the influence of a large group of factors is important, which can both contribute to and hinder the implementation of the borrowed model (mainly concerning the specifics of the political regime of the state). In conclusion, the author notes that the model of constitutional control in the Republic of Kazakhstan was the result of following European models of constitutional control, and the maximum orientation in its structure can be traced to the French experience.

Key words: *model, legislation, jurisdiction, Constitution, typology, functions, norm, court.*

Во многих странах институт конституционного контроля имеет длительную историю своего становления, что связано с реалиями историко-правового развития стран. К настоящему времени в современных исследованиях уже становится своего рода теоретическим консенсусом признание того факта, что происходит конвергенция традиционных моделей конституционного контроля, в ходе которой имеет место как сближение противоположных моделей, так и образование «гибридных» вариантов.

Несмотря на условность любой типологии, следует признать, что интерес к их выделению, изучению, выработке классификационных критериев не снижается. Так, в частности, реконструкция в Казахстане института Конституционного Суда привела к новому «витку» оживления сравнительно-правовых исследований стран ближнего и дальнего зарубежья. В частности, российские ученые отмечают следующее: «...Российская Федерация и Республика Казахстан, как государства-соседи с близкими правовыми системами, восприняли австрийскую разновидность кельзеновской модели конституционного контроля, что сказывается на наличии многих точек соприкосновения правовых материй, но в то же время есть достаточно уникальных норм, представляющих интерес для отечественной практической юриспруденции и науки конституционного права» [1, с.54]. То есть, даже при сопоставлении двух отдельно взятых национальных моделей осуществляется прием поведения их в рамки единого объединяющего той или иной внешней модели, которая имеет свойство воспроизводиться в различных вариантах законодательного регулирования.

В целом же объединяющим для моделей конституционного контроля является то обстоятельство, что он имеет характер конституционной юстиции и преимущественно связывается с разновидностью судопроизводства, отличающегося значительным количеством специфических признаков. Функция первичного конституционного контроля имеет отношение и к деятельности судов общей юрисдикции, которая выражается в

том, что конституционность «объектов контроля» устанавливается с помощью децентрализованного (обычные методы) или централизованного (Верховный суд или создаваемые специальные палаты) контроля. В отношении специализированных форм конституционного контроля, речь идет о деятельности специализированных судов, непосредственно осуществляющих конституционный контроль. Именно специализированная форма конституционного контроля и является критерием для определения той или иной модели.

В законодательстве зарубежных стран полномочия судов общей юрисдикции детализированы: это либо результат судебной практики, формируемой на основе толкования собственной компетенции; либо общие упоминания о подобной функции судов общей юрисдикции или уточнение тех или иных конкретных полномочий. Так, в соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», в рамках определения полномочий судов общей юрисдикции отсутствует детализация относительно их участия в механизме конституционного контроля (данное положение непосредственно закреплено в ст. 78 Конституции Республики Казахстан). Вместе с тем, в ч.2 ст. 1 указанного Конституционного закона отмечается, что «...судебная власть осуществляется от имени Республики Казахстан и имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров республики».

В рамках правового поля любого государства, формирующего правовые механизмы конституционного контроля, имеются основания для утверждения о наличии своей национальной модели. При этом, типология обычно выстраивается вокруг наиболее устойчивых систем, которые реципируются другими странами. Несмотря на разнообразие существующих моделей конституционного контроля, до настоящего времени принятой является дихотомия североамерикан-

ской и европейской модели, причем по объему воспроизводства в национальных моделях вторая к настоящему времени явно превалирует. Рассмотрим их более подробно.

В США существует традиционная (американская) система конституционного контроля. В ст.6 Основного закона указано, что «...в случаях расхождения общефедерального права и международных договоров с конституцией и законами штатов, суды штатов должны руководствоваться национальной конституцией, законами и договорами, заключенными США» [2, с.195]. Функции по осуществлению конституционного контроля в США к настоящему времени предоставлены Верховному суду страны, а также верховным судам штатов, причем, соответствующие права не закреплены в Конституции США, их фиксация производится в отдельных параграфах свода законов США.

В рамках конституционного контроля полномочия Верховного суда страны и верховных судов штатов заключаются в следующем: толкование норм Конституции, проверка на конституционность законодательных актов США и штатов; проверка на соответствие Конституции нормативных актов исполнительной власти; формулировка судебных прецедентов. В рамках подобной системы роль Верховного Суда в развитии правовой системы страны приобрела решающее значение.

В свою очередь, становление североамериканской модели закономерно связывать с Конституции США 1787 года, повлиявшей на процесс трансформации конфедерации американских государств в федерацию штатов. Федеративное устройство требовало надлежущей организации процесса взаимодействия штатов, в том числе и наличие у них законодательной инициативы. На первоначальном этапе система права отдельных штатов отличалась выраженным партикуляризмом, что было необходимо для учета некоторых частных особенностей и, в конечном итоге, для благополучного сосуществования всех федеральных частей государства. Несмотря на то, что в последующей политической истории США имели место политические конфликты (в частности, гражданская война 1861-1865 гг.), именно сформированные на основе Конституции 1787 г. «пропорции» в вопросах разграничения полномочий федеральной власти и власти штатов стали основной правовой системой страны, сохраняющей данные черты до настоящего времени. В целом, Конституция США предопределяет такое положение вещей, согласно которому отсутствие прямого урегулирования на уровне федеральной конституции предполагает, что соответствующий вопрос оставлен для самостоятельного решения на уровне законодательства штатов.

Несмотря на исторически обусловленную близость США англосаксонским традициям, система конституционного контроля, которая именно посредством особенностей конституционной практики США сложилась в одну из двух основных моделей, была связана с тем, что она имела свою специфику (в частности, особую роль Верховного суда, особые черты федерального устройства государства и некоторые другие черты американской правовой системы). Наиболее характерными чертами анализируемой модели конституционного контроля является то, что имеет место явно выраженное диспергирование данного права практически на всю судебную систему государства. То есть конституционная юстиция фактически не выделяется из всей системы правосудия, к чему преимущественно приводит отсутствие специализированного судебного органа контроля.

Применительно к Великобритании, следует отметить, что в стране отсутствует нормативно оформленная система конституционного контроля. Вместе с тем, его элементы, безусловно, существуют, однако обладают значительной спецификой, поскольку в Великобритании отсутствует писаная конституция. Конституционно-правовые нормы в Великобритании можно разделить на четыре основные группы: нормы-статуты, нормы-прецеденты, конституционные обычаи и доктринальные источники. Парламенту Великобритании (по причине презумпции его верховенства) принадлежат как исключительные полномочия в вопросах издания законодательных актов, так и в вопросах их применения и взаимодействия между собой. Несмотря на отсутствие четко выраженных элементов конституционного контроля, к началу XXI века, в целом, сложилась практика последующего конституционного контроля. Датирование возникновения первых элементов конституционного контроля (конец XVI-начало XVII вв.) преимущественно связано с развитием правовой системы Великобритании. Именно в этот период в Англии начал свою деятельность «Тайный совет», который обладал полномочиями осуществлять «государственный контроль» за соответствием нижестоящих по юридической силе предписаний вышестоящим [3, с.67]. В рамках функций, возложенных на «Тайный совет», его деятельность преимущественно сводилась к анализу источников английского писаного права.

Сопоставляя американскую и английскую модели, следует отметить, что, основным элементом отличия является то обстоятельство, что в США Конституция воспринимается в качестве основного политико-юридического источника. Фактически существующая североамериканская модель, сложившаяся на базе модели конститу-

ционного контроля США, в качестве своей генерации имеет значение судебно-процессуальных форм защиты и обеспечения прав граждан, когда конституционные права становятся предметом судебного разбирательства. В частности, обращение к суду с данной целью предусматривается в учредительном акте Северной Каролины.

Важнейшими элементами доктрины конституционного контроля в США стали положения, закрепленные в решениях высшей судебной инстанции: во-первых, конституция была признана законом, подлежащим судебному толкованию, как и любой другой нормативно-правовой акт; во-вторых, наличие принципа «связанной компетенции суда» (то есть фактически конституционный контроль является неотделимым от этой функции); в-третьих, явная выраженность принципа прямого действия Конституции. В данном случае следует особо отметить, что в теории относительно правовой природы конституционно-правовых норм и их месте в общем механизме правового регулирования нередко встает вопрос о том, что данные нормы должны признаваться в качестве норм прямого действия. Это фактически та «идеальная модель», которая признается в качестве реальной гарантии как четкой адресации, так и гарантий исполнимости норм конституции. При этом, именно североамериканская модель конституционного контроля в максимальной степени соответствует данному принципу «прямого действия». То есть фактически по любому делу, в любом суде штата (равно как и в Верховном Суде США) возможно предметное рассмотрение любой конституционной нормы по отношению к любому нормативному акту государства или отдельного штата.

Во Франции же особенностью модели конституционного контроля является сочетание контрольных полномочий специализированного органа конституционного контроля (Конституционного Совета) и Государственного совета, размежевание между которыми происходит в зависимости от юридической силы проверяемых данными органами законодательных актов. Государственный совет осуществляет проверку только в отношении подзаконных актов (различного рода регламентов), издаваемых органами исполнительной власти; при этом данный орган выступает в роли высшей инстанции в системе административных судов государства, в силу чего частично имеющиеся функции конституционного контроля являются вторичными, не основными [4, с.3]. В свою очередь, Конституционный совет в рамках своей компетенции имеет исключительно функции конституционного контроля. В указанном аспекте следует отметить, что экстраординарность функций по конституционному контролю, в

целом, не является характерной для существующих моделей конституционного контроля. При наличии специализированного органа (суд, совет и т.д.) определенные фрагменты соответствующих полномочий обычно признаются и в структуре компетенций должностных лиц (например, Президента, Премьер-министра, Генерального прокурора и т.д.).

В ФРГ также имеется специализированный орган конституционного контроля, в роли которого выступает Федеральный конституционный суд, состоящий из двух сенатов, в каждом из которых включены 8 членов суда. Данные подразделения осуществляют предварительный и последующий конституционный контроль. Зафиксированный объем полномочий Федерального конституционного суда ФРГ является достаточно широким, поскольку в него входит и решение вопросов о соответствии Конституции ФРГ федеральных законов, законов субъектов федерации; осуществление толкования норм Конституции, а также отмена законодательных актов, противоречащих Конституции. В Германии явно прослеживается многосубъектность в вопросах конституционного контроля при решающей роли Федерального конституционного суда (непосредственно в Основном законе ФРГ обособляется роль конституционного суда по отношению к иным органам - бундестагу, бундесрату, федеральному президенту и правительству). При этом наиболее значимые процедурные вопросы разрешения конституционных споров решаются непосредственно в Основном законе ФРГ.

Схожей с германской системой конституционного контроля является также модель судебного конституционного контроля в Испании. В испанском варианте регулирования вопроса утвержден специализированный орган по конституционному контролю - Конституционный суд Испании, в состав которого включены 12 судей, срок назначения которых на должность составляет 9 лет. Субъектный состав лиц, обладающих правом на обращение с жалобами и запросами, является достаточно широким: председатель Правительства, Защитник народа (омбудсмен), депутаты и сенаторы при условии, что в обращении участвует не менее 50 человек, представительные и коллегиальные исполнительные органы автономных областей, суды; если дело касается вопросов нарушения конституционных прав, то правом непосредственного обращения наделены граждане, юридические лица, а также прокуратуры. В контексте оформления субъектного состава лиц, обладающих правом на обращение, с жалобами или заявлениями в Конституционный суд Испании отметим, что в рамках деятельности вновь созданного в РК Конституционного Суда,

начавшего свою деятельность с начала 2023 года, в настоящее время также предусматривается возможность обращения со стороны Уполномоченного по правам человека.

В приведенных примерах фактически отображены основные элементы североамериканской и европейской моделей конституционного контроля. При этом европейская модель, к настоящему времени является превалирующей с точки зрения ее рецепции в различных странах и прошла четыре основных этапа своего развития. На первом этапе значительную роль сыграл венский адвокат Ганс Кельзен, благодаря которому в 1920 г. в Австрии была принята Конституция, на основе которой и был сформирован Высший конституционный суд. Как видно из всех кратко рассмотренных национальных механизмов, соотносимых с европейской моделью конституционного контроля, всех их объединяет наличие специализированного органа конституционного контроля, в качестве которого чаще всего выступает суд (в редких случаях – совет). Вслед за австрийской конституционной юстицией аналогичные органы были созданы в Чехословакии (1920 г.), в Испании (1931 г.), в Веймарской республике Германии и в Ирландии (Конституция 1937 г.).

На втором этапе можно выделить формирование органов конституционной юстиции в Японии (1947 г.), Италии (1948 г.), ФРГ (1949 г.). В свою очередь, третий этап был связан с более поздним формированием института конституционного контроля в таких странах, как Греция, Португалия, Испания в связи с отдельными политическими событиями (в частности, режимом «черных полковников» в Греции, поздним падением фашистского режима в Португалии). В это же время имеет место усложнение институтов конституционного контроля, объединение тех или иных его элементов, повышение вариативности национальных механизмов. Был заметно реформирован Конституционный совет во Франции, созданный в 1958 г., произошло также реформирование органов конституционного контроля в ФРГ, Австрии и Швеции. Наконец, в качестве четвертого этапа можно выделить новый этап серьезных политических трансформаций в Европе, которые произошли в связи с изменением курса развития стран бывшего социального лагеря, а также территориальными изменениями. В этом периоде институты конституционного контроля были сформированы в Польше, Словении, Хорватии, Словакии, Венгрии, Чешской Республике, Болгарии, Румынии. В целом, данный процесс происходил во многом параллельно с аналогичными изменениями в рамках стран бывшего СССР, когда также стали появляться зачатки элементов конституционного контроля в странах бывших союзных республиках.

К настоящему времени европейская модель является более востребованной и склонной к рецепции в зарубежные практики стран, находящихся в стадии формирования собственной системы конституционного контроля или трансформации уже существующей. Причем, в рамках одной европейской модели возможны существенные изменения, при которых признаки данной модели будут сохраняться. В качестве примера можно отметить казахстанский опыт изменения механизма конституционного контроля в государстве (суд-совет-суд), при котором в любом из вариантов присутствуют признаки европейской модели, хотя сами внутренние изменения являются достаточно существенными. Фактически основным признаком, вокруг которого формируется европейская модель, является наличие специализированного органа конституционного контроля, полномочия которого даже при наличии элементов многосубъектности являются исключительными.

Таким образом, отличительными чертами европейской модели конституционного контроля в обобщенном варианте являются [5, с.117]:

- наличие строго определенного специализированного органа, в исключительные функции которого входят вопросы осуществления конституционной юстиции. Для данного органа соответствующая функция является единственной, она не делегируется другим органам и не конкурирует с другими функциями;
- строго определенная процедура формирования органа конституционной юстиции, отличная от формирования других судебных органов;
- наличие специфичных процедур собственно конституционного судопроизводства (инициации, формы осуществления и правового результата);
- общеобязательность решений органа конституционной юстиции, отсутствие уровней принятия решения и возможности его отмены иными субъектами. Орган специализированного конституционного контроля в европейской модели всегда занимается рассмотрением дел исключительно по конституционным вопросам.

Подводя итог рассмотрению современного понимания моделей конституционного контроля, сформированных практикой конституционной юстиции различных стран, можно сформулировать следующие теоретические выводы.

Во-первых, в рамках основных моделей конституционного контроля происходит наиболее обобщенная типология организационно-правовых аспектов конституционной юстиции, осно-

ванная преимущественно на выделении специализированного (в европейской модели) и неспециализированного (в североамериканской модели) конституционного контроля. При этом к настоящему времени период генерации конституционных моделей, в целом, можно считать завершённым, поскольку дальнейшее развитие происходит уже в рамках вариативных механизмов, укладываемых в соответствующую модель.

Во-вторых, в рамках одной конституционной модели возможна заметная трансформация собственно механизма конституционного контроля. Республика Казахстан в данном случае является ярким примером такой трансформации по причине неоднократного изменения соответствующего механизма. При этом в последние годы имеют место выраженные процессы универсализации моделей конституционного контроля, что во многом предопределяется снижением уровня критичности политических режимов различных государств, общим вектором движения в сторону не только провозглашения, но и нормативной фиксации элементов правового государства.

Список литературы:

[1] Ревнов Б.А., Кохман Д.В. Сравнительно-правовой анализ Конституционных судов Российской Федерации и Республики Казахстан: процессуальный аспект // Пролог: журнал о праве. 2023. № 2. С. 54-61.

[2] Нугуманова А.Б. Анализ конституционного контроля в США // Межвузовский вестник. 2012. С.193-196.

[3] Остапович И.Ю. Взаимодействие конституционного судебного контроля и законодательного органа в зарубежных странах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3(44). С.67-75.

[4] Нарузова Э.Ф. Особенности осуществления конституционного судебного контроля в зарубежных странах и в Российской Федерации // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. № 11 (27). С. 3-10.

[5] Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах: учебное пособие / А.А. Клишас. -М.: Международные отношения, 2004 г. - 296 с.

Spisok literatury:

[1] Revnov B.A., Kohman D.V. Sravnitel'no-pravovoj analiz Konstitucionnyh sudov Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan: processual'nyj aspekt // Prolog: zhurnal o prave. 2023. № 2. S. 54-61.

[2] Nugumanova A.B. Analiz konstitucionnogo kontrolja v SShA // Mezhvuzovskij vestnik. 2012. S.193-196.

[3] Ostapovich I.Ju. Vzaimodejstvie konstitucionnogo sudebnogo kontrolja i zakonodatel'nogo organa v zarubezhnyh stranah // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo». 2015. № 3(44). S.67-75.

[4] Naruzova Je.F. Osobennosti osushhestvlenija konstitucionnogo sudebnogo kontrolja v zarubezhnyh stranah i v Rossijskoj Federacii // Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal «Alleja Nauki». 2018. № 11 (27). S. 3-10.

[5] Klishas A.A. Konstitucionnaja justicija v zarubezhnyh stranah: uchebnoe posobie / A.A. Klishas. -M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004 g. - 296 s.

JURKOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: Aminov76@mail.ru

ЧЕРЕЦКИХ Антонина Владимировна,
старший преподаватель кафедры
информационно-аналитического и документационного
обеспечения деятельности сотрудников ОВД
ФГКОУ ДПО Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России,
e-mail: acheretskih@bk.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема осуществления государственного контроля. Специально уполномоченными государственными органами обладающими государственно-властными полномочиями, которые осуществляют контрольно-надзорную функцию. А также проверяют деятельность органов местного самоуправления и должностных лиц, которые являются муниципальными служащими. На основании законов и иных нормативно-правовых актов выполняют контрольно-надзорную функцию.

Ключевые слова: государственный контроль, органы местного самоуправления, должностные лица, государственный надзор, представительный орган муниципального образования.

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate, Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs Of the Russian Federation

CHERETSKIKH Antonina Vladimirovna,
Senior Lecturer of the Department of Information,
Analytical and Documentation Support of the activities
of the Department of Internal Affairs Tyumen Institute
for Advanced Training of Employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

STATE CONTROL IN THE FIELD OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Annotation. This article deals with the problem of state control by specially authorized state bodies with state-power powers, as well as check the activities of local governments and officials who are municipal employees, also on the basis of laws and other legal acts perform a control and Supervisory function.

Key words: state control, local self-government bodies, officials, state supervision, representative body of the municipality.

В современном обществе большая часть вопросов по обеспечению жизнедеятельности населения решается местным самоуправлением, что подразумевает обширный

спектр действий, которые могут осуществляться органами самоуправления. В то же время достаточно широкий спектр полномочий порождает возможность злоупотребления своим положе-

нием со стороны органов и должностных лиц местного самоуправления, что плохо сказывается не только на качестве жизни населения, находящегося на территории конкретного муниципального образования, но и отрицательно влияет на государство в целом.

В целях поддержания порядка и стабильности в государстве, а также предотвращения злоупотреблений со стороны местного самоуправления государство проводит ряд мер, по контролю над органами местного самоуправления.

Для того, чтобы раскрыть механизмы, при помощи которых государство осуществляет контроль в сфере муниципального образования необходимо сначала дать определение «государственному контролю».

В доктрине под государственным контролем понимается деятельность государственных органов, наделённых специальными компетенциями для осуществления контрольно-надзорной функции с целью выявления, предупреждения и пресечения неправомерных действий юридическими и должностными лицами.

Стоит отметить, что в результате осуществления государственного контроля проводятся мероприятия с целью выявления, обнаружения и пресечения незаконной деятельности, которые осуществляют представительный орган муниципального образования, руководитель муниципального образования, а также муниципальные служащие.

Таким образом, у государственного контроля есть ряд функций, выполняя которые он и осуществляет поставленные перед ним задачи. Принято выделять следующие функции государственного контроля:

Во-первых, это информационная. Она осуществляется путём сбора информации о проделанной работе муниципальным образованием;

Во-вторых, это аналитическая. Которая заключается в проведении анализа, а также в изучении фактической пользы о проделанной работе муниципальным образованием;

В-третьих, это организационная. Её суть в том, что прокуратура определяет вектор и координирует деятельность муниципального образования, а также выявляются наиболее важные проблемы, на которые стоит обратить внимание органам местного самоуправления при осуществлении своей деятельности.

Государственный контроль, как и любая другая деятельность публичной власти должна соответствовать определенным требованиям, которые необходимы для поддержания качества соответствующей деятельности, а как следствие и для корректности выполнения функций. Так можно выделить требования, которые предъявляются к государственному контролю:

Во-первых, это объективность, которая выражается в том, что при проведении проверки проводится объективное изучение проделанной работы муниципальным образованием, выявляются её положительные стороны и недостатки;

Во-вторых, это действенность. Она проявляется в том, что после проведенной проверки муниципальное образование при обнаружении неточности в проделанной работе исправило их в определённый срок, а также, чтобы не повторяло в дальнейшем;

В-третьих, это эффективность, иными словами, после проверки муниципальное образование должно стремиться повышать продуктивность своей работы.

Рассматривая государственный контроль нельзя не затронуть правовое регулирование данной деятельности. Правовую основу государственного контроля составляет Конституция Российской Федерации [1], федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъекта Российской Федерации, на территории которого осуществляют свою деятельность органы местного самоуправления, уставы муниципальных образований и муниципальные правовые акты.

Согласно Федеральному закону от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», государственный контроль осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации, что является гарантией законности и правопорядка. [2] Необходимо отметить, что органы местного самоуправления на данный момент находятся в состоянии становления, и в дальнейшем их деятельность будет совершенствоваться, и нормативная база претерпит определенные изменения. На современном этапе особое внимание уделяется развитию и становлению органов муниципальной власти, ставших составной частью российской государственности. Следует заметить, что в Конституции Российской Федерации заложены основы для построения местного самоуправления как одной из составляющих конституционного строя России [3, с. 26]. В связи с этим, государство уделяет особое внимание экономическому, культурному и социальному развитию местного самоуправления. Из-за чего, по нашему мнению, контроль в соответствующих направлениях должен осуществляется более гибко и быстро, чтобы отвечать новым тенденциям развития государства и местного самоуправления.

Для возможности гибко и своевременно реагировать на изменения в местном самоуправлении, прокуратура может осуществлять контрольно-надзорную функцию путём проведения следующих мероприятий:

Во-первых, это плановая проверка, суть которой заключается в том, что органы прокуратуры по истечению определённого периода времени проверяют деятельность органов местного самоуправления на соблюдение законодательства Российской Федерации, а также на выявление и обнаружение противоправных действий;

Во-вторых, это внеплановая проверка, смысл внеплановой проверки заключается в том, чтобы проверить, как происходит соблюдение законности и правопорядка на территории муниципального образования, а также на выявление коррупционных факторов;

В-третьих, это документарная проверка, она необходима для проверки правовых актов, которые рассматриваются представительным органом муниципального образования, а также подписываются главой муниципального образования;

В-четвёртых, это выездная проверка, которая проводится при непосредственном осмотре сотрудниками органа прокуратуры деятельности муниципального образования.

В результате осуществления данных действий, прокуратура Российской Федерации осуществляет постоянный надзор над деятельностью муниципального образования при этом используя различные методы и способы осуществления данной функции.

Согласно Федеральному закону от 26 декабря 2008 года №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [4]. Осуществляются плановые, внеплановые, выездные, документарные проверки, благодаря, которым удается на законном основании сотрудникам прокуратуры в соответствии с своими компетенциями осуществлять свои служебные обязанности. Однако при осуществлении контроля над местным самоуправлением существует ряд проблем, которые не позволяют добиваться поставленных задач и максимально эффективно осуществлять возложенные функции.

Первая проблема заключается в том, что государственный контроль происходит в определённый период времени, соответственно, после осуществления контроля есть вероятность того, что не добросовестные муниципальные служащие могут совершать неправомерные действия до следующего государственного контроля, в связи с этим мы предлагаем следующие решения данной проблемы.

Для того, чтобы минимизировать коррупционный фактор необходимо проверять муниципальное образование каждый месяц или каждый рабочий квартал. Тем самым, находясь под постоянным контролем, у муниципальных служащих

просто не будет времени и желания совершать противоправные деяния, так как они находятся под постоянными проверками.

Следующей проблемой является эффективность государственной проверки, так как на прокуратуру возложены очень важные задачи и функции в связи с чем государственный контроль должны осуществлять только специалисты с опытом работы, а также те, которые постоянно повышают свои профессиональные навыки. Решение данной проблемы кроится в том, что сотрудников прокуратуры необходимо каждые 6 месяцев отправлять на курсы повышения квалификации, в результате мы получим специалистов высочайшего уровня, которые готовы осуществлять контрольно-надзорные функции на высоком уровне.

В то же время для повышения эффективности государственного контроля можно использовать и ряд других методов:

Во-первых, это совершенствование организационной структуры повышения уровня взаимодействия всех структурных подразделений прокуратуры для эффективного и быстрого проведения проверки;

Во-вторых, это стимулирование проведения качественной проверки деятельности муниципального образования путём поощрения сотрудников органа прокуратуры за проделанную работу.

Местное самоуправление максимально приближено к населению, оно является первичной ячейкой организации публичной власти, поэтому свои и недостатки в работе органов местного самоуправления негативно отражаются на всем обществе, а следовательно, на всем государстве в целом [5, с. 29].

В заключение стоит сказать, что государственный контроль очень важен и необходим, потому что благодаря ему обеспечиваются такие фундаментальные принципы, как законность, справедливость, правопорядок, гуманизм, равенство всех граждан перед законом и судом, в связи с этим местное самоуправление при осуществлении своей деятельности если подходит добросовестно, то тогда повышается доверие и уважение к муниципальному образованию, которое влечёт за собой много положительных моментов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.10.2003. – № 40. – ст. 3822.

[3] Аминов И.Р. Органы государственной власти и местное самоуправление: проблемы и перспективы взаимодействия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1 (71). 26 с.

[4] Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 26.12.2008. – № 52. – ст. 6249.

[5] Аминов И. Р. Юридические коллизии нормативных правовых актов местного самоуправления. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. №3 (69). 29 с.

Spisok literatury:

[1] Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s

uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ).

[2] Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshhikh principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 06.10.2003. – № 40. – st. 3822.

[3] Aminov I.R. Organy gosudarstvennoj vlasti i mestnoe samoupravlenie: problemy i perspektivy vzaimodejstvija // Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1 (71). 26 s.

[4] Federal'nyj zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ «O zashhite prav juridicheskikh lic i individual'nyh predprinimatelej pri osushhestvlenii gosudarstvennogo kontrolja (nadzora) i municipal'nogo kontrolja» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 26.12.2008. – № 52. – st. 6249.

[5] Aminov I. R. Juridicheskie kollizii normativnyh pravovyh aktov mestnogo samoupravlenija. // Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. №3 (69). 29 s.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-46-51

NIION: 2021-0079-7/24-537

MOSURED: 77/27-025-2024-7-537

КОЛЧИНА Елизавета Игоревна,
юрист Адвокатского кабинета Серикова Д.В.,
аспирант департамента права института
экономики, управления и права ГАОУ ВО МГПУ,
г. Москва,
e-mail: kolchinaei@mgpu.ru

ОСПОРИМОСТЬ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА ПРИ НЕСТАНДАРТНОМ СПОСОБЕ РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЕКСЕЛЯ

Аннотация. Увеличение количества банкротных производств среди юридических лиц и индивидуальных предпринимателей способствовало установлению наиболее жестких правил при рассмотрении дел о несостоятельности. В настоящий момент при наличии заявления от уполномоченного лица арбитражные суды подробно исследуют обстоятельства заключения каждой оспариваемой сделки должника на наличие недобросовестности или злоупотребления правом. В частности, тщательным образом судами рассматриваются обстоятельства предоставления встречного исполнения по сделке и при обнаружении использования нестандартной формы расчетов данные сделки подпадают под категорию подозрительных. Исходя из судебной практики чаще других у правоприменителей возникает вопрос о наличии встречного исполнения при расчетах между сторонами с использованием векселей. В статье автором исследуются общие особенности оспаривания сделок в процедуре банкротства, факторы, позволяющие признать сделку с использованием вексельной формы расчетов недействительной, кроме того, в работе излагается мнение цивилистов по данному вопросу, а также приводятся выдержки из противоречивой судебной практики. Таким образом, автор считает, что данная тема нуждается в дополнительном исследовании как со стороны цивилистов, так и правоприменителей, полагает, что должная разработанность исследуемой проблематики позволит минимизировать риски нарушения прав добросовестных участников правоотношений и устранил неоднозначные основания для оспаривания сделок.

Ключевые слова: несостоятельность, оспаривание сделок, нестандартные формы расчетов, вексель, неликвидность.

KOLCHINA Elizaveta Igorevna,
lawyer of the Law Office Serikova D.V.,
postgraduate student of the State Autonomous Educational Institution
of Higher Education in Moscow "MSPU" Institute of Economics,
Management and Law

CONTESTABILITY OF TRANSACTIONS OF AN INSOLVENT DEBTOR WITH A NON-STANDARD METHOD OF SETTLEMENTS USING A BILL

Annotation. The increase in the number of bankruptcy proceedings among legal entities and individual entrepreneurs contributed to the establishment of the most stringent rules when considering insolvency cases. At the moment, if there is an application from an authorized person, arbitration courts examine in detail the circumstances of the conclusion of each contested transaction of the debtor for the presence of bad faith or abuse of right. In particular, the courts carefully consider the circumstances of the provision of counter-execution for a transaction, and if the use of a non-standard form of payment is detected, these transactions fall into the category of suspicious. Based on judicial practice, more often than others, law enforcers have a question about the existence of counter-execution in settlements between the parties using bills of exchange. In the article, the author examines the general features of challenging transactions in bankruptcy proceedings, the factors that make it possible to recognize a transaction using the bill of exchange form of payment as

invalid, in addition, the work sets out the opinion of civil experts on this issue, and also provides excerpts from controversial judicial practice. Thus, the author believes that this topic needs additional research both from civil experts and law enforcement officers, and believes that proper development of the issues under study will minimize the risks of violating the rights of bona fide participants in legal relations and will eliminate ambiguous grounds for challenging transactions.

Key words: *insolvency, challenging transactions, non-standard forms of payment, bill of exchange, illiquidity.*

Российское гражданское законодательство построено на принципе диспозитивности, который проявляется в свободе выбора субъектами правоотношений контрагентов, вида договора и его условий.

Вместе с тем, предоставляя субъектам правоотношений достаточную диспозитивность поведения, законодатель в целях контроля и недопущения злоупотребления правами, устанавливает императив и обязывает стороны руководствоваться принципом добросовестности, который предполагает отсутствие в действиях контрагентов умысла на причинение вреда друг другу или третьим лицам, а также извлечение преимущества из своего положения. Несоблюдение сторонами данного принципа может стать основанием для оспаривания в судебном порядке заключенных между ними сделок.

В настоящий момент наиболее интересным является изучение процессов оспаривания сделок в процедурах банкротства, в виду целого ряда факторов - множественности субъектов, противоречия интересов, возможной подозрительности тех или иных обстоятельств [4], неоднозначной судебной практики по делам о банкротстве [7], повышенных критериев доказывания, а также потенциально высоких рисков формирования прокредиторской судебной практики в судах. Стоит отметить, что о недействительности сделки может быть заявлено, как в рамках самостоятельного обособленного спора в деле о несостоятельности, так и при включении требований отдельного кредитора в реестр. Особенно оспаривания сделок в банкротных процедурах заключаются: в многообразии целей оспаривания сделки; в субъективном составе, уполномоченном на оспаривании сделок должника; в предмете оспаривания, которым может выступать не только сама сделка или их цепочка, но и сделкоподобные действия; в специальных основаниях оспаривания; в перераспределении бремени доказывания.

В теории оспаривание сделок должника представляет собой инструмент реституции, единственной задачей которого, является восстановление нарушенных прав [3]. На практике же обособленные споры по признанию сделок недействительными могут преследовать множество целей в зависимости от заинтересованности

лиц, участвующих в деле. К примеру, кредиторы заинтересованы в возврате в конкурсную массу имущества, в том числе залогового. Должник, отчуждающий в преддверии собственного банкротства имущество, преследует цель признания данных сделок действительными или наоборот, если последствия реституции могли бы покрыть часть реестровых требований. Оспаривание сделок, на основании которых конкурсные кредиторы включаются в реестр требований, нередко направлено на исключение неугодных кредиторов и получение тотального контроля над процедурой. Таким образом, в каждом обособленном споре преследуемая цель уникальна.

Кроме того, определенную сложность данной категории дел придает также появление нового заинтересованного субъекта - арбитражного управляющего, который имеет полный контроль над должником и вступление в дело, которого может привести к восстановлению пропущенных сроков и пересмотру дел на основании новых и вновь открывшихся обстоятельств. Согласно нормам Закона о банкротстве, правомочными субъектами оспаривания сделок должника являются: арбитражный управляющий (по собственной инициативе или по решению собрания (комитета) конкурсных кредиторов), собрание (комитет) конкурсных кредиторов, конкурсный кредитор или уполномоченный орган с долговыми обязательствами более 10% от общего объема долга должника перед кредиторами, а также временная администрация финансовой организации.

Согласно разъяснениям, приведенным в Постановлении ВАС РФ № 63 оспариваться в рамках дела о несостоятельности, могут любые гражданско-правовые сделки, а также действия, связанные с их исполнением (расчеты, заявления о зачете, соглашения о новации, предоставление отступного), банковские операции, сделки, возникающие из брачно-семейных, трудовых, налоговых правоотношений и иные. Следовательно, как уже отмечалось ранее помимо сделок и их совокупности, отдельно могут быть оспорены и сделкоподобные действия. К примеру, передача имущества в отсутствие оформленного между сторонами соглашения и т.д.

Высокие стандарты доказывания, возлагаемые на стороны оспариваемой сделки, не всегда

позволяют соблюсти баланс интересов, также не исключено ущемление прав ответчиков, в связи с невозможностью предоставления последними доказательств или информации, наличие которых в свою очередь само по себе исключало бы их добросовестность. Например, при оспаривании договора займа между должником и иным лицом помимо обстоятельств предусмотренных ст. 61.2, 61.3, исследуется также целая совокупность обстоятельств, таких как фактическая передача денежных средств должнику, оригинальность документа (договора, расписки), соответствие дат, а также иных сведений, содержащихся в долговом документе, финансовая возможность займодавца предоставить денежные средства в счет займа (безденежность), возможность предоставления займа в иностранной валюте, конвертация необходимой суммы займа в иностранную валюту. Абсурдность недавней судебной практики заключается в том, что займодавец помимо вышеперечисленного также должен раскрыть суду цель расходования заемных денежных средств должником, что невозможно без наличия контроля над должником и его действиями.

Между тем, основной спецификой оспаривания сделок должника являются основания, по которым сделка может быть признана недействительной, поскольку помимо общегражданских оснований, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 10, 168 ГК РФ), в делах о банкротстве установлены специальные основания признания сделок недействительными, предусмотренные Законом о банкротстве (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве) [9]. Как верно отмечают практикующие юристы, применение совокупности норм ст. 10 и 168 ГК РФ при наличии специальных оснований, должно носить исключительно субсидиарный характер. Однако, на практике уполномоченные на оспаривание субъекты нередко в целях увеличения срока исковой давности прибегают к общегражданским основаниям. Кроме того, в последнее время, в виду некомпетентности участников, все чаще можно увидеть процессуальные документы с указанием в них совокупности специальных и общих составов.

Рассматривая исключительно специальные основания, можно усмотреть что наиболее активно при выборе состава арбитражные управляющие ссылаются на положения ст. 61.2. Закона о банкротстве, предусматривающей признания недействительной сделки, причиняющей вред кредитором. По мнению автора, зачастую отказ от применения ст. 61.3 Закона о банкротстве связан со сложностью доказывания обстоятельств предоставления преимущества должником одному из кредиторов. Судебная практика выше-

стоящих судов относительно предмета доказывания по ст. 61.2. Закона о банкротстве сформировалась еще в период деятельности Высшего арбитражного суда Российской Федерации, так высшая судебная-экономическая инстанция на тот момент постановила, что для признания сделки недействительной управляющему необходимо установить наличие: вреда, причиненного кредиторам, цели причинения вреда конкурсным кредиторам и осведомленности всех сторон сделки о противоправной цели. При этом Высший арбитражный суд категорично указал в своем разъяснении, что ввиду отсутствия доказанности хотя одного из вышеуказанных обстоятельств сделка не может быть признана недействительной.

Рассматривая вышеназванные условия, хотелось бы отдельно рассмотреть каждое по отдельности, а именно наличие вреда, цели причинения вреда имущественным интересам кредиторов и осведомленности контрагента по договору о наличии противоправной цели. Понятие вреда приводится в ст. 2 Закона о банкротстве, согласно которой, это уменьшение стоимости и количества имущества или имущественных требований должника, представляющего собой в будущем конкурсную массу, а также увеличение размера задолженности по средствам создания дополнительных обязательств должника перед иными лицами.

Согласно разъяснениям вышестоящих инстанций, отраженным в практике арбитражных судов цель причинения вреда, присутствует в действиях должника или обеих сторон, если:

- на момент заключения сделки должник отвечал признаками недостаточности имущества или неплатежеспособности, однако безвозмездно произвел отчуждение ликвидного имущества;
- договорная цена совершенной сделки существенно ниже рыночной цены;
- после отчуждения должник сохранил фактический контроль над вещью и продолжает ей владеть, пользоваться и распоряжаться.

Исследуя вопрос о наличии на момент подписания договора у второй стороны сделки информации о признаках неплатежеспособности у должника, суды принимают во внимание могло ли лицо действуя разумно и добросовестно, принимая должную осмотрительности установить наличие данного обстоятельства.

Обстоятельство аффилированности сторон имеет принципиальное значение при оспаривании сделки по специальным основаниям и влияет на объем и распределение бремени доказывания, увеличивает период времени, предшествующий подаче заявления о банкротстве, за который могут быть оспорены сделки должника. При этом

одновременно проверяется наличие признаков не только юридической, но и фактической аффилированности и заинтересованности.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, нестандартный характер сделки, недоступный иным участникам рынка может свидетельствовать о фактической аффилированности должника и кредитора, при этом под нестандартными отношениями также понимается использование между сторонами нестандартных форм или способов расчетов.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что нестандартный способ расчетов принимается судебными органами с одной стороны в качестве основания для оспаривания, а с другой как подтверждение аффилированности сторон. В виду чего, необходимо разобраться, что законодатель и правоприменители понимают под расчетами.

Основные нормативные положения, регулирующие расчетные правоотношения, закреплены в главе 46 Гражданского кодекса РФ, однако, в кодифицированном акте отсутствует нормативное понятие расчетов [5]. Его нам в свою очередь раскрывает Федеральный закон от 22.05.2003 № 54, которым разъяснено, что под расчетами следует понимать прием (получение) и выплату денежных средств наличными деньгами и (или) в безналичном порядке за товары, работы, услуги и т.д. Цивилисты при изучении института расчетов в общем то сходятся к аналогичному единому мнению, что это действия, связанные с исполнением обязанности по передаче наличных или безналичных денежных средств, возникшей в связи с заключением гражданско-правовой сделки [1]. Из этого следует, что законодатель разрешает участникам правоотношений совершать расчеты с использованием наличных денежных средств, для физических лиц на неограниченную сумму, для юридических лиц совершение сделок с использованием наличных возможно только в пределах суммы в размере ста тысяч рублей, или в безналичной форме без лимита по операции [2].

Бесспорно, наличие у отмеченных выше форм расчетов, как отрицательных, так и положительных аспектов, вместе с тем в современных реалиях при рассмотрении банкротных дел в суде только безналичная форма расчетов, с участием посредника в виде банка, выступает в качестве неопровержимого доказательства передачи денежных средств. Сделка, в которой расчеты проводились наличными с составлением расписки в подтверждении передачи соответствующей суммы денежных средств, с большой долей вероятности будет признана недействительной с последующим возвратом отчужденного имущества по сделке в конкурсную массу.

Однако, многообразие видов деятельности с присущей спецификой, меняющаяся конъюнктура рынка, ужесточение кредитной политики в отношении предпринимательства, дороговизна банковского сопровождения и обслуживания, а также иные объективные факторы, которые могут возникнуть вне зависимости от сторон, способствует поиску альтернативных способов расчетов. Исследовав, судебную практику по оспариванию сделок с нестандартным способом расчетов, автор делает вывод о многократном использовании между субъектами при расчетах схемы с использованием векселей и соглашений отступном. При этом данный алгоритм не является стандартным, его использование обусловлено возникшей необходимостью отступления от стандартных форм расчетов. Обосновать разумность проведения расчетов таким образом затруднительно в суде.

В соответствии со статьями 142, 143 и 815 ГК РФ простой вексель относится к ценным бумагам и представляет собой письменный документ, содержащий простое и ничем не обусловленное обязательство векселедателя (должника) уплатить векселедержателю указанную в векселе сумму в указанный в нем срок. Требования к форме, а также содержанию и способу передачи векселя установлены в Положении, согласно которому, простой вексель содержит: наименование «вексель», включенное в самый текст и выраженное на том языке, на котором этот документ составлен; простое и ничем не обусловленное обещание уплатить определенную сумму; указание срока платежа; указание места, в котором должен быть совершен платеж; наименование того, кому или приказу кого платеж должен быть совершен; указание даты и места составления векселя; подпись того, кто выдает документ (векселедателя) [6]. Дополнительных требований, не предусмотренных Положением, к векселю законодатель не предъявляет, как и не ставит обязательных условий к личности векселедателя, им может быть, как физическое, так и юридическое лицо.

До внесения изменений в законодательство и разработки счета-эскроу, застройщики динамично внедряли вексельную форму расчетов при взаимодействии с дольщиками. Структура действий, в общих чертах и без углубления в фактические и юридические нюансы, состояла в следующем: застройщики на стадии начала строительства объекта привлекали денежные средства дольщиков, а взамен выдавали собственные векселя, в последствии при передаче квартир в собственность данные векселя подтверждали внесение полной оплаты, стороны заключали соглашение об отступном и акт приема-передачи квар-

тиры. Очевидным минусом вышеизложенного алгоритма являлось массовое банкротство недобросовестных застройщиков и отсутствие у дольщиков доказательств надлежащей оплаты. Непонимание данного механизма судебными органами и противоречивая судебная практика, вынудила Верховный суд Российской Федерации сформировать собственную правовую позицию, согласно которой в силу прямого указания Закона о банкротстве, принятие застройщиком обязательств по передаче жилых помещений может оформляться различными договорами - договорами участия в долевом строительстве, купли-продажи будущего жилого помещения, предварительными договорами, договорами простого товарищества, о привлечении заемных средств или о приобретении векселей с условием о дальнейшем прекращении заемных (вексельных) обязательств передачей жилых помещений и т.д.

Таким образом, предоставленная возможность использования вексельной схемы, как вариативной законодателем и высшей судебной инстанцией, не исключает, тот факт, что арбитражные суды с подозрением относятся к данным взаиморасчетам и добросовестности сторон при их использовании. К примеру, при рассмотрении обособленного спора по заявлению компании о включении в реестр требований кредиторов должника Арбитражный суд Западно-Сибирского округа признал обоснованным отказ нижестоящих судов и согласился с наличием нестандартной формы расчетов между сторонами и их аффилированностью. Более того, судом указано на несоблюдение установленных законодательством правил при оформлении передачи векселя от первоначального держателя к последующим, а именно на отсутствие ряда индоссаментов.

В ином аналогичном деле судом отказано во включении в реестр на основании отсутствия в материалах дела доказательств возникновения правоотношений между должником и заявителем, поскольку как указал Арбитражный суд г. Москвы формальное наличие векселей у лица, получившего его в отсутствие какого-либо обязательства, а также встречного предоставления должнику, не может являться основанием для признания вексельного долга обоснованным.

Среди иных оснований по которому сделка с использованием вексельной схемы расчетов может быть признана недействительной, следует обозначить следующие: нарушение формы и содержания векселя, выдача векселя неправомочным векселедателем, отсутствие передаточной надписи на векселе (индоссамент), приобретение или выдача векселя выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности лиц, в качестве отступного передан вексель срок предъ-

явления которого не наступил к моменту подписания соглашения об отступном, отсутствие информации о векселях в бухгалтерско-финансовой отчетности, отсутствие оригинала векселя, неликвидность векселя, в связи с неплатежеспособностью векселедателя на дату предъявления векселя к исполнению.

Однако существует альтернативная практика, исходя из содержания которой, при рассмотрении обособленных споров по оспариванию сделок с использованием вексельной формы расчетов, суды не всегда принимают за аксиому доводы об отсутствии встречного исполнения и фактической аффилированности сторон. Так в деле о банкротстве ООО «БЗСК-Инвест» суды трех инстанций признали надлежащей оплатой передачу собственных векселей Обществом (дольщиком) в счет оплаты по договору долевого участия на сумму более полмиллиарда рублей в банкротстве застройщика. При этом, даже Верховный суд Российской Федерации счел выводы судов нижестоящих инстанций законными, обоснованными и не подлежащими отмене.

Как верно обращает внимание, Е.Д. Суворов в своей монографии, одним из основных доказательств наличия встречного предоставления по вексельным расчетам выступает ликвидность векселя, которая напрямую зависит от наличия платежеспособности векселедателя на момент предъявления векселя к исполнению. В качестве обоснования своих выводов Е.Д. Суворов приводит судебную практику Верховного Суда РФ, который также признает важность финансовой состоятельности векселедателя или авалиста при определении ликвидности векселя [9].

При этом стоит дополнительно отметить, что реже удается оспорить сделки, в которых расчеты произведены векселями эмитентов-банков, данное обстоятельство возможно связано с высоким уровнем доверия судебных органов к кредитным организациям. В делах с отчуждением векселей банков вопрос о неравноценности предоставленного исполнения судами даже не исследуется, поскольку никто не ставит под сомнение платежеспособность банка или ликвидность выданного им векселя, за исключением наличия возбужденной в его отношении процедуры санации.

Резюмируя, хочется отметить, что безусловно, недопустимо совершение сделок с единственной целью причинения вреда контрагенту или третьему лицу, как и осуществление отчуждения имущества с целью его сокрытия и недопущения обращения на него взыскания. Однако, не во всех случаях использование вексельной формы расчетов связано со злоупотреблением правом сторон, как в случае с дольщиками. Изу-

чение данной темы в контексте современных условий, деловой и судебной практики позволит сформировать более глубокое понимание особенностей оспариваемости сделок с использованием вексельных схем. Данный анализ также может способствовать принятию превентивных мер и повышению эффективности защиты интересов сторон в уже сформированных реалиях, включая справедливое распределение бремени доказывания. Возможно, заставит обратить внимание на имеющийся пробел законодателя, который в свою очередь внесет поправки в устаревшее законодательство и установит ограничение по кругу субъектов, которым разрешен выпуск векселей.

Список литературы:

[1] Вавилова Е.М. О некоторых особенностях и проблемах правового регулирования расчетов без открытия банковского счета // Право и политика. 2020. № 4. С. 34-41.

[2] Вильданова М.М. Особенности правового регулирования расчетов в наличной и безналичной формах в России // Право и практика. 2023. №3. С 93-100.

[3] Гаджиев И.Г. Проблемы соотношения общегражданских и специальных оснований признания сделок недействительными в рамках дела о банкротстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 297-300.

[4] Голышев В.Г., Голышева А.В. К вопросу о «подозрительности» как правовой категории, применяемой при квалификации гражданско-правовых отношений // Право и экономика. 2024. № 3 (433). С. 5-9.

[5] Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – С. 477-461.

[6] Ивлиев П.В., Кондрашов С.В. Проблемы интеграции вексельного правоотношения в системе гражданского права России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11 (203). С. 33-36.

[7] Колчина Е.И., Голышев В.Г. К вопросу о правоприменительной практике в делах о несо-

стоятельности (банкротстве) иностранных физических и юридических лиц // Право и управление. 2023. № 11. С. 139-146.

[8] Оспаривание сделок должника: монография / Е.Д. Суворов. – Москва: Статут, 2021. С. 204-205.

[9] Фурсова Е.М. Оспаривание сделок в процедуре банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1 (256), С. 71-77.

Spisok literatury:

[1] Vavilova E.M. On some features and problems of legal regulation of payments without opening a bank account // Law and Politics. 2020. No. 4. pp. 34-41.

[2] Vildanova M.M. Features of the legal regulation of payments in cash and non-cash forms in Russia // Law and practice. 2023. No. 3. From 93-100.

[3] Gadzhiev I.G. Problems of the relationship between general civil and special grounds for invalidating transactions in a bankruptcy case // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 8 (224). pp. 297-300.

[4] Golyshev V.G., Golysheva A.V. On the issue of “suspiciousness” as a legal category used in the qualification of civil law relations // Law and Economics. 2024. No. 3 (433). pp. 5-9.

[5] Civil law: Textbook. In 2 volumes / Ed. B.M. Gongalo. T. 2. – 2nd ed., revised. and additional – M.: Statute, 2017. – P. 477-461.

[6] Ivliev P.V., Kondrashov S.V. Problems of integration of bill of exchange legal relations in the civil law system of Russia // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 11 (203). pp. 33-36.

[7] Kolchina E.I., Golyshev V.G. On the issue of law enforcement practice in cases of insolvency (bankruptcy) of foreign individuals and legal entities // Law and Management. 2023. No. 11. pp. 139-146.

[8] Challenging the debtor's transactions: monograph / E.D. Suvorov.-Moscow: Statute, 2021. P. 204-205.

[9] Fursova E.M. Challenging transactions in bankruptcy proceedings // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 1 (256), pp. 71-77.

ШАДИЕВА Айна Магомедовна,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, Россия Юридический факультет,
e-mail: shadieva.aina@mail.ru

Научный руководитель:
СВИРИДОВА Екатерина Александровна,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, Россия,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры
правового регулирования экономической деятельности,
e-mail: esviridova@fa.ru

НЕУСТОЙКА И АСТРЕНТ КАК ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу неустойки и астрента как способов обеспечения исполнения обязательств и их применения в случае нарушения договорных обязательств. Проведенное исследование позволило выявить ключевые различия между неустойкой и астрентом, а также определить условия и особенности их применения в современной судебной практике. Сформулированы рекомендации по оптимизации правового регулирования данных способов обеспечения исполнения обязательств.

Ключевые слова: обязательство, неустойка, астрент, способы обеспечения исполнения, гражданский оборот, судебная практика.

SHADIEVA Aina Magomedovna,
FSBEI HE “Financial University under the Government
of the Russian Federation,” Moscow, Russia Law Faculty

Scientific supervisor:
SVIRIDOVA Ekaterina Alexandrovna,
FSBEI HE “Financial University under the Government
of the Russian Federation”, Moscow, Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Legal Regulation of Economic Activity

LD AND ASTRENT AS CONSEQUENCES OF BREACH OF OBLIGATION

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of penalties and a warrant as ways to ensure the fulfillment of obligations and their application in case of violation of contractual obligations. The conducted research made it possible to identify the key differences between a penalty and an astrent, as well as to determine the conditions and features of their application in modern judicial practice. Recommendations are formulated to optimize the legal regulation of these methods of ensuring the fulfillment of obligations.

Key words: obligation, penalty, warrant, methods of enforcement, civil turnover, judicial practice.

Внедрение в соглашения положений о взыскании неустойки в качестве меры ответственности, на сегодняшний день, крайне распространено. Стороны гражданских правоотношений видят в институте неустойки элемент защиты их от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, рассчитывая на то, что контрагент под страхом применения к нему санк-

ций будет надлежащим образом исполнять взятые на себя обязательства.

Относительно недавно в российском правовом порядке появился и стал активно развиваться институт астрента – судебной неустойки. Астрент в отличие от классической неустойки актуален в делах, где требуется исполнение обязательств в натуре, а не в денежном эквиваленте. Говорить

об идеальном правовом регулировании вышеназванных институтов не приходится. На сегодняшний день практика применения судами астрента, взыскания неустойки имеет несколько стихийный характер, что очевидно не является чем-то позитивным. В рамках данной работы будут рассмотрены различные судебные дела, где будет продемонстрирован вышеобозначенный тезис.

Ключевой задачей законодательного регулирования отношений в сфере применения неустойки и астрента является создание действующих правовых механизмов, которые позволят обеспечить стабильный гражданский оборот. Анализ данных правоотношений указывает на недостаточную регламентацию многих важных аспектов, связанных с включением в гражданско-правовые договоры положений о неустойке, применением судами института астрента. Правовая база, регулирующая неустойку в российском законодательстве, является важнейшим аспектом договорных отношений, обеспечивая основу для обеспечения соблюдения требований и защиты прав участвующих в каких-либо правоотношениях сторон. Данное исследование направлено на выяснение правовой природы неустойки и астрента, углубление в их концептуализацию, роль в качестве санкций и их особое место в обеспечении прав в контексте российского законодательства.

Начать исследование стоит с определения понятия «неустойки» в российском законодательстве. Итак, на российском юридическом языке понятие неустойки, называемое «санкция», включает в себя финансовые санкции, налагаемые на стороны за несоблюдение договорных обязательств. Этот правовой инструмент служит двойной цели: предотвращение нарушений и компенсация ненарушившей стороне ущерба, понесенного в результате нарушения договорных условий. Юридическое определение, возможность исполнения и ограничения наказаний тщательно сформулированы в конкретных правовых положениях, что обеспечивает справедливость и соразмерность их применения.

Неустойка занимает важное место как вид санкций в различных сферах российского законодательства, особенно в сфере договорных правоотношений. Выступая в качестве сдерживающего фактора против нарушений, неустойки играют важную роль в обеспечении исполнения обязательств и обеспечивают механизм компенсации потерпевшей стороне. Правовые основы штрафных санкций заложены в различных законодательных актах, в первую очередь в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс РФ) [5], который определяет условия, пределы и порядок наложения и исполнения. Конкретные положения Гражданского

кодекса РФ устанавливают условия наложения наказаний, включая соображения разумности и предсказуемости [2]. Неустойки, будучи договорным соглашением, получают свою правовую основу из принципа свободы договора, подчеркивающего важность ясных и недвусмысленных условий в соглашениях. Исполнение неустойки зависит от соблюдения требований законодательства и взаимного намерения договаривающихся сторон.

Неустойки предназначены для обеспечения выполнения договорных обязательств, а не для компенсации нарушений. Стороны предусматривают неустойку в качестве превентивной меры, обеспечивающей соблюдение требований и сигнализирующей о приверженности выполнению договорных условий. Российское законодательство признает автономию сторон в установлении положений о неустойке в договорах, обеспечивая гибкость и одновременно гарантируя выполнение обязательств.

Понимание правовой природы неустойки предполагает всестороннее изучение видов, пространственности и особенностей, отличающих одну форму от другой. Российское законодательство признает несколько видов неустоек, каждый из которых выполняет уникальную функцию в рамках договора. К ним относятся [1]:

Неустойки с фиксированной суммой: эти неустойки предусматривают заранее определенную сумму, которую сторона-нарушитель должна выплатить в случае несоблюдения требований. Фиксированный характер обеспечивает ясность и предсказуемость при определении последствий нарушения. Процентные неустойки: рассчитываются как процент от общей стоимости контракта. Эти неустойки корректируются в зависимости от масштаба нарушения. Они предлагают пропорциональную реакцию на тяжесть нарушения, что соответствует принципу справедливости. Компенсационные неустойки. Компенсационные неустойки, направленные на компенсацию потерпевшей стороне реального ущерба, понесенного в результате нарушения, неразрывно связаны с причиненным ущербом. Они требуют детальной оценки понесенных финансовых потерь. Повышенные (увеличенные) неустойки: эти неустойки со временем возрастают, увеличиваясь с каждым днем несоблюдения требований. Они стимулируют быстрое устранение нарушений и отражают продолжающееся воздействие нарушения.

Неустойки за конфискацию: в случае серьезных нарушений конфискационные неустойки влекут за собой конфискацию конкретного актива или заранее определенной суммы денег. Эта форма наказания представляет собой строгую меру, предусмотренную за серьезные нарушения. Среди различных видов неустойки в

фиксированной сумме являются наиболее распространенными в российском законодательстве. Их распространенность можно объяснить ясностью и простотой определения последствий нарушения. Неустойки с фиксированной суммой дают сторонам четкое понимание финансовых последствий, связанных с несоблюдением требований, что способствует прозрачности и простоте исполнения.

Астрент – это особая правовая концепция в российском законодательстве, играет ключевую роль в обеспечении соблюдения требований закона и обеспечении защиты прав. Данный параграф исследования направлен на обеспечение всестороннего понимания правовой природы астрента путем описания его концепции, определения его места как вида санкции и установления его роли в защите прав в российской правовой системе. Если обратиться к статистике Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП), которая имеется на официальном сайте государственного органа, то можно увидеть плачевную ситуацию относительно того, как исполняются судебные решения. Ежедневно выносятся сотни положительных для кредитора решений, однако исполняются фактически лишь десятки. Так, за 2021 года из порядка восьмисот тысяч решений исполнено было меньше трехсот тысяч [4]. Данные показатели видятся крайне негативными.

Для начала необходимо определить природу астрента. Если обратиться к нормативной базе, а именно, п. 1 ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ, то можно увидеть, что законодатель говорит о возможности кредитора взыскать денежную сумму, которую установит судебный орган, в случае неисполнения судебного решения. Указанные полномочия суда также прослеживаются в процессуальном законодательстве: ч. 4 ст. 174 Арбитражного процессуального кодекса РФ и ч. 3 ст. 206 Гражданского процессуального кодекса РФ. Если обратиться к вышеназванным нормам процессуальных кодексов, то в них указывается, что кредитор может получить денежную сумму в рамках компенсации за неисполнение должником судебного решения. При этом суд, устанавливая размер судебной неустойки, должен руководствоваться принципами «справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения».

Законодатель никак не ограничивает кредитора в возможности потребовать компенсацию за неисполнение решения суда, ставя в зависимость определенные обстоятельства, связанные с поведением должника. Так, законодатель не разграничивает причины неисполнения должником решений суда: умышленно должник отклоня-

ется от исполнения, в том числе игнорирует действия судебных приставов или же ответчик отсутствует вовсе. Таким образом, имеющая вероятность того, что судебный пристав может истребовать у должника вещь самостоятельно, никак не ограничивает кредитора в том, чтобы обратиться в суд с целью взыскать судебную неустойку [3]. Однако в ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ сделана отсылка на ст. 330 Гражданского кодекса РФ, которая посвящена неустойке. Из этого можно сделать вывод, что сам законодатель называет данную возможность кредитора неустойкой. В доктрине и в практике у астрента имеется название – судебная неустойка.

Основываясь на судебной практике астрент нередко устанавливается в делах, связанных с неисполненными требованиями. Например, снос самовольно построенных объектов, негаторные иски [6], иск об истребовании каких-либо вещей [7], семейные и трудовые споры, которые не связаны с имущественными правоотношениями. Исходя из данного у многих исследователей имеются сомнения относительно того, что астрент можно назвать неустойкой в прямом смысле слова. Многие сходятся во мнении, что астрент имеет гибридную природу и особенное положение в праве. Астрент относится к правовой концепции, которая предполагает принудительные меры, применяемые с целью заставить сторону выполнить свои обязательства или прекратить противоправные действия. В отличие от неустойки, астрент более конкретно относится к обязательствам, связанным с исполнением, уделяя особое внимание обеспечению фактического выполнения договорных или юридических обязательств. Эта концепция соответствует более широкой системе средств правовой защиты, доступной сторонам в случае несоблюдения требований закона или договора.

В иерархии правовых санкций российского законодательства астрент занимает уникальное положение. Хотя неустойки в первую очередь служат финансовыми последствиями нарушений, астрент подчеркивает аспект исполнения обязательств. Он действует как принудительная мера, которая вынуждает сторону, не выполняющую обязательства, выполнять свои обязательства, способствуя эффективности средств правовой защиты в обеспечении соблюдения требований закона или договора.

Неустойка как правовой институт имеет большую историю и укоренился в российском законодательстве значительно давно. Аналогичного нельзя сказать в отношении астрента, который закрепился в российском праве лишь в прошлом десятилетии. Его появление было вызвано массовым запросом кредиторов в судах на денежную компенсацию от должников за несво-

временное исполнение судебных актов. При этом в кругу профессиональных юристов ставился вопрос о неэффективности имеющихся мер в законодательстве, которые напрямую не были связаны с частноправовыми отношениями. Так, именно общественный запрос стал отправной точкой в развитии института астрента в российском праве.

Неустойка как правовая категория в достаточной степени урегулирована нормами права, кроме того, имеется обширный перечень работ различных ученых, что говорит о том, что в доктрине тема о неустойке достаточно распространена. Так, ученые выделяют большое количество классификаций неустоек. Тем не менее, существуют проблемные аспекты, связанные с практикой взыскания неустойки. Астрент или иными словами – судебная неустойка, также является урегулированной законодателем правовой категорией. Однако исходя из статистических данных было установлено, что массовым распространением астрент не пользуется. Более того, отмечаются недочеты в формулировках законодателя, посвященных судебной неустойке.

Астрент появился в российском праве значительно недавно. Большую роль в появлении данного института сыграли высшие суды, которые в своих решениях делали отсылки на практику европейских судов и рассуждали о правах кредитора на своевременное исполнение решений суда.

В доктрине существует дискуссия относительно того, является ли неустойка способом обеспечения обязательства или же она носит только характер санкции. Проанализировав различные позиции ученых, видится, что неустойка и астрент – это меры ответственности за неисполнения обязательств, которые имеют стимулирующий характер, но полноценными способами обеспечения их назвать нельзя, ввиду отсутствия источника возмещения. Автономия воли имеет место быть при установлении сторонами неустойки, они властны самостоятельно определять ее размер, порядок взыскания и прочее. Они самостоятельны в своих действиях при ведении переговоров. Однако практика демонстрирует, что суды зачастую снижают размер неустойки, что очевидно нарушает изначальную волю сторон. Ввиду чего нельзя однозначно говорить о полной автономии воли сторон при назначении неустойки. Астрент назначается и полностью определяется судом, стороны никак не влияют на порядок его определения. Кредитор лишь может заявить требование о наложении астрента, при этом повлиять как-либо на решение суда он не может. Вопрос снижения неустойки судом стоит достаточно остро. В ходе исследования был

выявлен ряд проблем, которые существенно влияют на «разношерстность» судебных решений в вопросе снижения неустойки. Так, в законодательстве отсутствует метод, на основании которого суд делает оценку соразмерности неустойки, что зачастую приводит к противоречивым решениям. Кроме того, следует закрепить на законодательном уровне, что для снижения неустойки обязательно должно быть подано соответствующее требование суду вне зависимости от субъектного состава. При изучении вопроса о порядке определения астрента, было обнаружено, что в решениях суда зачастую прослеживаются публичные интересы государства. Методика и порядок расчетов каждый раз суд устанавливает самостоятельно. При этом судебная практика демонстрирует, что суммы астрента достаточно внушительные. Представляется, что важно выработать и установить единую методику наложения астрента для правоприменительной практики.

Сам порядок применения астрента затрагивает публичные правоотношения, ввиду чего нельзя однозначно причислить данный институт к числу гражданско-правовых. На основании общих положений закона кредитор должен доказать, что должник виновно не исполняет решение суда, совершая тем самым противоправное действие. Однако правильность данного механизма вызывает вопросы. Предлагается презюмировать виновность должника и переложить бремя доказывания невиновности на него, поскольку в большинстве случаев решения судов не исполняются намеренно. Более того, многие лица чувствуют безнаказанность в данном вопросе, поскольку служба судебных приставов не в полной мере справляется со всеми должниками.

В заключение можно выделить следующие ключевые отличия астрента от неустойки:

- расхождение в фокусе: в то время как неустойки, в первую очередь, касаются финансовых последствий, астрент расходуется с этим, подчеркивая выполнение обязательств, связанных с исполнением обязательств.
- цель и функция: неустойки выполняют карательную и компенсационную функцию, тогда как астрент действует скорее как принудительная мера, основная цель которой – обеспечение эффективности.
- гибкость в применении: гибкость астрента заключается в ее способности адаптироваться к различным обязательствам, обеспечивая детальный подход к устранению различных нарушений.

Специфика неустойки как гражданско-правового обязательства проявляется в том, что она является охранительной мерой, возникающей из

нарушения обязательств, и может быть как основным, так и дополнительным обязательством. Имеющаяся у суда возможность снижать размер неустойки автоматически ставит под сомнение обеспечительный характер данного института. Астрент, как мера, которая устанавливается только судом, сомнительно может считаться обеспечительной мерой. Астрент устанавливается судом по иску одной из сторон в случае неисполнения судебного решения или наличия риска неисполнения ответчиком решения. При этом если астрент не замотивирует должника исполнить обязательство, у кредитора не появится источник исполнения обязательства. Таким образом, видится корректным обозначать неустойку и астрент как меру ответственности за неисполнение обязательства. Представляется более корректным использования термина «стимулирующая мера» нежели «обеспечительная», поскольку действительно неустойка может замотивировать сторону исполнить то или иное обязательство или судебное решение, так как неисполнение может повлечь для стороны неблагоприятные финансовые последствия.

При установлении астрента принцип автономии воли можно считать не действующим в виду того, что размер астрента устанавливается судом. Суд самостоятельно устанавливает, как размер, так и порядок его взыскания, основываясь на принципах справедливости. Исходя из понимания «автономия воли», как института, позволяющего сторонам содержательно определять условия сделки, она не применима к астренту. Автономия воли при установлении неустойки является спорной, поскольку при судебном разбирательстве, размер неустойки может быть существенно снижен судом. То есть суд также самостоятельно определит размер взыскиваемой неустойки. Тем не менее, на этапе переговоров, заключения соглашений стороны имеют право самостоятельно определять размер неустойки, устанавливать порядок ее взыскания или устанавливать определенные факторы (отлагательные условия) для взыскания.

В законодательстве отсутствует метод, на основании которого суд делает оценку соразмерности неустойки, что зачастую приводит к противоречивым решениям. Следует закрепить на законодательном уровне, что для снижения неустойки обязательно должно быть подано соответствующее требование суду вне зависимости от субъектного состава. При изучении вопроса о порядке определения астрента, было обнаружено, что в решениях суда зачастую прослеживаются публичные интересы государства. Методика и порядок расчетов каждый раз суд устанавливает самостоятельно. При этом рассмотренная практика продемонстрировала, что суммы

астрента достаточно внушительные. Представляется, что важно разработать и установить единую методику наложения астрента для правоприменительной практики.

Список литературы:

- [1] Гонгало Б.М. Обеспечение исполнения обязательств. М., 1999. – С. 82-94.
- [2] Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право // отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 340.
- [2] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022 (авторы комментария к ст. 308.3 ГК РФ - А.А. Громов, А.Г. Карапетов). // СПС «Консультант Плюс».
- [4] Данные об исполнении судебных актов [Электронный ресурс]. – URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 24.06.2024).
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации ч. 1 // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
- [6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.06.2022 по делу № А79-9022/2020 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 30.01.2024).
- [7] Определение СКЭС ВС РФ от 11 июля 2017 г. № 307-ЭС16-21419 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 30.01.2024).

Spisok literatury:

- [1] Gongalo B.M. Performance Security. M., 1999. - S. 82-94.
- [2] Civil law: In 4 vols. Volume 3: Compulsory law//rev. ed. - E.A. Sukhanov. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Wolters Kluver, 2005. - S. 340.
- [2] Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation/Rev. ed. A.G. Karapetov. M., 2022 (authors of the commentary to Art. 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation - A.A. Gromov, A.G. Karapetov) .//SPS "Consultant Plus."
- [4] Data on execution of judicial acts [Electronic resource]. - URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (access date: 24.06.2024).
- [5] Civil Code of the Russian Federation, part 1//Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. № 32. Art. 3301.
- [6] Decision of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 02.06.2022 in case No. A79-9022/2020//SPS "Consultant Plus." (accessed on: 30.01.2024).
- [7] Determination of the RPS of the RF Armed Forces No. 307-ES16-21419//SPS Consultant Plus dated July 11, 2017. (accessed on: 30.01.2024).

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы регулирования вещных прав на жилые помещения в российском законодательстве. Рассмотрена необходимость разработки методики процедуры «дью-дилидженс» а также внедрения элементов титульной системы Торренса. На основе анализа судебной практики выявлены недостатки в определении категории объектов недвижимости в ЕГРН и регулировании приобретения права собственности на жилые помещения по давности владения. Предложены конкретные изменения в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и Жилищный кодекс РФ для устранения выявленных пробелов. Проведен сравнительный анализ регулирования вещных прав в Гражданском и Жилищном кодексах, выявлены причины существующих расхождений. Дана оценка возможности полного устранения противоречий и влияния нового законопроекта о внесении изменений в ГК РФ. Обоснована необходимость комплексного совершенствования законодательства для обеспечения баланса интересов участников жилищных отношений.

Ключевые слова: вещные права, жилые помещения, ЕГРН, приобретательная давность, «дью-дилидженс», мошенничество, Гражданский кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, законодательные изменения, судебная практика.

ZOLOTUEVA Ekaterina Konstantinovna,
Master's Degree student of the Faculty
of Law of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Scientific supervisor:
AFANASIEV Ilya Vladimirovich,
Ph.D. of Juridical Sciences.,
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity of the Faculty of Law of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

THE PROBLEM OF REFORMING THE SYSTEM OF REAL RIGHTS TO RESIDENTIAL PREMISES

Annotation. The article discusses current problems of regulating property rights to residential premises in Russian legislation. The need to develop a procedure methodology is considered “due diligence” as well as the introduction of elements of the Torrance title system. Based on the analysis of judicial practice, shortcomings were identified in determining the category of real estate in the Unified State Register and regulating the acquisition of ownership of residential premises by prescription. Specific changes are proposed to the Federal Law “On State Registration of Real Estate” and the Housing Code of the Russian Federation to eliminate the identified gaps. A comparative analysis of the regulation of property rights in the Civil and Housing Codes was carried out, and the reasons for the existing discrepancies were identified. An assessment is made of the

possibility of completely eliminating contradictions and the impact of the new bill on amendments to the Civil Code of the Russian Federation. The need for comprehensive improvement of legislation to ensure a balance of interests of participants in housing relations is substantiated.

Key words: *real rights, residential premises, Unified State Register of Real Estate, acquisitive prescription, due diligence, fraud, Civil Code of the Russian Federation, Housing Code of the Russian Federation, legislative changes, judicial practice.*

В настоящее время происходит активное развитие рынка жилой недвижимости. Государством выработаны разные механизмы реализации жилищной политики, сформирована нормативно-правовая база, регулирующая отношения с жилыми помещениями.

Однако в действующем законодательстве наблюдаются проблемы и противоречия, связанные с вещными правами на жилые помещения. Уделенное внимание субъективным гражданским правам в научной литературе привело к недостаточному рассмотрению многоаспектных сложностей, связанных с приобретением вещных прав. Права на недвижимость, как неотъемлемая часть материальных активов и недвижимого имущества, представляют собой особый набор проблем и сложностей, требующих тщательного изучения.

В российском праве возникновение права собственности на жилое помещение происходило в специфических условиях. Правильный подход к регулированию оборота жилых помещений, регламентации правоотношений по приобретению вещных прав, способствует стабильности и легальности гражданского оборота. В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) нет четкого разделения способов приобретения вещных прав. Однако примечательно, что положение, отраженное в статье 240 Законопроекта № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект), предлагает различные критерии классификации способов приобретения вещных прав, например, на первичные и производные [4].

Крайне важно подчеркнуть решающую роль, которую играет приобретение материальных прав собственности как фундаментальной предпосылки для реализации и последующей правовой защиты рассматриваемого механизма. В современных условиях вопрос правильной квалификации способа приобретения имущественных прав остается актуальным и проблемным аспектом, коренящимся в необходимости однозначного понимания его сложных нюансов.

В частности, суть дела заключается в необходимости четкого разграничения того, влечет ли приобретение прав правопреемство или отдельный, независимый процесс. Это различие имеет

последствия для правовой базы, регулирующей сделки с недвижимостью, а также для соответствующих прав и обязанностей участвующих сторон [9, с. 53]. Отметим, что в современном законодательстве имеются недостатки в части урегулирования возникновения прав на имущество. Эти пробелы становятся очевидными, когда применяются устоявшиеся методы классификации способов получения права собственности на недвижимость на основные и вторичные. Так, сложные и многоэтапные сделки, смешанные способы приобретения недвижимости могут относиться к мошенническим схемам.

Сфера недвижимости является достаточно уязвимой с точки зрения мошенничества и различных афер, в виду того, что операции с недвижимостью относятся к одним из наиболее высокодоходных видов бизнеса. С развитием цифровых технологий число преступлений в сфере недвижимости только растет, и, к сожалению, о таких правонарушениях становится известно только спустя годы. В виду невысокой правовой грамотности населения, растет количество сомнительных сделок с недвижимостью, что приводит к потере недвижимости, переплате или даже покупке по завышенной цене для граждан.

Специфической особенностью мошенничества в сфере недвижимости является его завуалированность под гражданско-правовую сделку и эксплуатация доверительных отношений между участниками. Преступные действия проявляются в виде совокупности корыстных поступков, целью которых является неправомерное приобретение имущества или получение необоснованной прибыли.

Так в Первом кассационном суде общей юрисдикции рассматривалось дело № 88-13454/2022, суть которого такова. Б. обратилась в суд с иском к Н. и Ч. о признании сделок недействительными. Спорная квартира принадлежала Б. на праве собственности с 1993 года, затем в 2015 году была передана по договору дарения Ч., а затем по договору купли-продажи Н. Договор дарения Б. не подписывала и не знала о его заключении. Экспертиза показала, что подпись на договоре дарения выполнена не Б. Кроме того, на основании заочного решения Пушкинского городского суда от 2014 года Б. снята с регистрационного учета из спорного жилого помещения. Однако из сведений Пушкинского

городского суда указанное заочное решение суда не выносилось, по указанному номеру решения суда, соответствует гражданское дело с другими сторонами. В результате решением суда и апелляционным определением сделки признаны недействительными, квартира истребована из владения Н., аннулированы записи в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) о регистрации права собственности Н. на квартиру. За Б. признано право собственности на квартиру.

Не согласившись с указанными решением указанных судебных актов, Н. была подана кассационная жалоба, однако судебная коллегия не нашла оснований для их отмены [5]. Подобные ситуации происходят достаточно часто, в связи с чем особое значение приобретает процедура «дью-дилидженс» (Due diligence – «должная осмотрительность»), которая имеет глубокие исторические корни. Такая процедура позволяет исследовать объект сделки, проверить его юридическую чистоту, что в конечном итоге способствует снижению рисков при заключении сделки с недвижимостью. Однако сама процедура «дью-дилидженс» нередко проводится консультантами без должных знаний в сфере недвижимости, что оставляет возможность для ошибок и предоставления недостоверной информации. Кроме того, у данной процедуры отсутствует методика проведения и стандартизация. Учитывая серьезные последствия юридических ошибок, есть необходимость создания методики процедуры «дью-дилидженс». В дополнение, для предотвращения мошеннических действий с жилыми помещениями, в систему регистрации недвижимости можно внедрить элементы титульной системы Торренса. Согласно этой системе, будущему покупателю предоставляется документ, в котором указаны все ранее совершенные сделки с объектом недвижимости, что помогает проследить всю историю сделок с приобретаемым объектом.

Далее перейдем к анализу определения и характеристик регулирования собственности на жилые помещения. Статья 216 ГК РФ предоставляет лишь общий перечень собственности, что порождает вопрос о том, какие именно права включены в этот список в отношении жилых помещений. Предложенная Д.А. Формакидовым система вещных прав основана на фундаментальном понятии прав собственности, которые наделяют собственника прерогативой распоряжаться жилыми помещениями с учетом ограничений, налагаемых действующими законами и правилами [14, с. 68-69]. По мнению В.М. Жукова, существует неразрывная связь между «отношениями собственности на жилые помещения и

жилищными отношениями, в соответствии с чем права собственности служат фундаментальной основой возникновения и реализации жилищных отношений» [10, с. 17]. Этот вывод, подчеркивает сложную взаимосвязь между правами собственности и вытекающими из них последующими жилищными отношениями. Подтверждая эту точку зрения, Л.Ю. Михеева замечает, что «среди всех прав, касающихся жилья, наиболее значимым и удовлетворяющим потребности человека является, без сомнения, право собственности» [13].

Право собственности на жилое помещение является фундаментальным правовым понятием, охватывающим комплекс прав и обязанностей, предоставляющих владельцу исключительный контроль над жилой недвижимостью с учетом определенных юридических ограничений.

Содержание этого права можно разделить на три отдельных, но взаимосвязанных компонента: право владения, право использования и право распоряжения. Право владения жилым помещением наделяет владельца юридическими полномочиями осуществлять физический контроль над имуществом, исключая вмешательство других лиц в его владение. Это право не является абсолютным, поскольку на него могут налагаться ограничения в соответствии с законом, например, право государственных органов на доступ к помещениям при определенных обстоятельствах или права арендаторов, или других законных жильцов. Право пользования жилым помещением тесно связано с понятием владения. Оно дает владельцу право использовать имущество в соответствии с его целевым назначением в качестве жилого помещения, включая возможность проживать в помещении, вносить изменения или улучшения и в целом пользоваться преимуществами, связанными с проживанием в жилом помещении. Право распоряжения жилым помещением является третьей основой собственности и включает в себя возможность владельца передавать или обременять свою долю в собственности посредством различных юридических механизмов, таких как продажа, аренда, ипотека или наследование. Данное право позволяет владельцу осознавать экономическую ценность своей собственности и способствует эффективному распределению ресурсов на рынке недвижимости.

Важно отметить, что права собственности не являются абсолютными и должны осуществляться в рамках закона и социальных норм. Действия владельца не должны ущемлять права других или нарушать соображения государственной политики. Эти три элемента в совокупности

составляют суть прав собственности. Но следует отметить, что в ряде обстоятельств, данные три права не могут принадлежать только собственнику. Например, в случае с арендой, эти права будет принадлежать арендатору. Т.е. он будет наделяться правами владения и пользования, и

частично правами распоряжения жилым помещением. Следовательно, актуальным становится выяснение точных особенностей собственности на жилые помещения и конкретного содержания полномочий, предоставляемых собственнику таких помещений.

Таблица 1 – Ключевые аспекты права собственности на жилое помещение.

№	Характеристика права собственности на жилое помещение
1	Право владения является правом собственности, связанным с жилым помещением, что подчеркивает его материальную природу.
2	Право собственности относится к вещным правам, давая владельцу полномочия влиять на объект и совершать действия в соответствии с ЖК РФ.
3	Исключительный характер права собственности наделяет владельца правом контроля над имуществом без позитивных действий со стороны других.
4	Право собственности устойчиво и возвращается в полном объеме после снятия временных ограничений.
5	Право собственности бессрочно и действует до добровольной передачи или отказа от владения.

Отдельно рассмотрим основные проблемы в сфере права собственности на жилые помещения в контексте вещных прав. В частности, рассмотрим судебную практику. Так, в деле № А40-224618/2017 Арбитражный суд города Москвы рассматривал спор о признании права собственности на нежилое помещение в многоквартирном доме. Истец приобрел указанное помещение по договору купли-продажи, однако при попытке зарегистрировать право собственности столкнулся с проблемой неверной категоризации помещения как жилого в реестре. Суд, изучив фактические обстоятельства дела, признал за истцом право собственности на спорное нежилое помещение [7]. Данный судебный пример демонстрирует проблему неверной категоризации объектов недвижимости в реестре. В рассматриваемом деле нежилое помещение было ошибочно указано как жилое, что создало препятствие для истца при регистрации права собственности.

Для решения подобных проблем необходимо обеспечить точность и достоверность информации, содержащейся в ЕГРН. Это можно сделать путем внесения изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ [3].

Также в рамках исследования был изучен еще один пример из судебной практики. В опре-

делении Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 5-КГ16-160 рассматривался спор о признании права собственности на жилой дом в порядке приобретательной давности. Истец фактически владел спорным домом более 15 лет, однако не имел правоустанавливающих документов. Суд, оценив представленные доказательства, удовлетворил требования истца, признав за ним право собственности на дом в силу приобретательной давности. Этот пример иллюстрирует возможность приобретения вещных прав на жилые помещения в случае отсутствия формальных оснований при условии добросовестного, открытого и непрерывного владения в течение установленного законом срока [6].

Приведенный пример иллюстрирует, как можно стать собственником жилого дома (жилого помещения) посредством приобретательной давности, даже если нет документов, подтверждающих право. Согласно статье 234 ГК РФ, определены критерии, при которых возможно приобретение права собственности на недвижимость за счет длительного владения. Тем не менее, для жилых помещений применяются специфические условия и ограничения.

Для решения подобных вопросов целесообразно внести изменения в Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ), допол-

нив его новой статьей, посвященной приобретению права собственности на жилые помещения по давности владения, где следует четко прописать условия и порядок приобретения такого права, а также установить дополнительные требования и гарантии для защиты прав добросовестных приобретателей и предотвращения злоупотреблений. Например, предусмотреть обязательное судебное решение для признания права собственности по давности владения жилым помещением, а также установить более длитель-

ный срок непрерывного владения (20-25 лет) по сравнению с общим сроком приобретательной давности. Такие изменения позволят урегулировать данный вопрос на законодательном уровне, обеспечив правовую определенность и защиту прав граждан в сфере жилищных отношений. Исходя из приведенных примеров судебной практики можно отметить, что в двух главных законах, регулирующих вещные права на жилые помещения (ГК РФ и ЖК РФ) наблюдается определенные проблемы, требующие устранения (таблица 1).

Таблица 2 – Сравнительный анализ ГК РФ и ЖК РФ в сфере регулирования вещных прав на жилые помещения

Аспект	Гражданский кодекс РФ	Жилищный кодекс РФ
Определение жилого помещения	Отсутствует специальное определение жилого помещения	Содержит определение жилого помещения как изолированного помещения, пригодного для постоянного проживания (ст. 15)
Объекты вещных прав	Вещные права возникают на вещи, включая недвижимое имущество (ст. 128, 130)	Объектами вещных прав являются жилые помещения (квартиры, жилые дома) (ст. 19)
Приобретение права собственности	Регулирует общие основания приобретения права собственности (ст. 218)	Устанавливает специальные основания приобретения права собственности на жилые помещения (ст. 12)
Права членов семьи собственника	Не содержит специальных норм о правах членов семьи собственника жилого помещения	Члены семьи собственника имеют равные права пользования жилым помещением (ст. 31)
Приватизация жилых помещений	Не регулирует вопросы приватизации жилых помещений	Содержит нормы о приватизации жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов (гл. 8)
Выселение из жилого помещения	Не устанавливает специальных правил выселения из жилых помещений	Регламентирует основания и порядок выселения из жилых помещений (ст. 90, 91 и др.)
Пользование жилым помещением	Общие положения о пользовании имуществом (ст. 209, 293)	Специальные правила пользования жилыми помещениями (ст. 17, 30, 31 и др.)
Сохранение жилого помещения	Не содержит специальных норм	Устанавливает правила сохранения жилого помещения в случае выезда нанимателя или собственника (ст. 35, 83, 86 и др.)

Такие расхождения обусловлены тем, что ГК РФ регулирует гражданские правоотношения в целом, включая вопросы права собственности и других вещных прав, а ЖК РФ является специальным законодательным актом, который детально регламентирует правовой режим жилых помещений и жилищные отношения.

Отдельно отметим, что полностью устранить противоречия между ГК РФ и ЖК в рамках исследуемой темы невозможно по ряду причин. Во-первых, из-за различия в предмете и целях правового регулирования. ГК РФ регулирует гражданские правоотношения в целом, включая вопросы права собственности и других вещных прав на любые объекты, а ЖК РФ регулирует правовой режим жилых помещений и жилищные отношения с учетом их социальной значимости и особого характера жилья. Во-вторых, из-за различия в подходах к регулированию, поскольку ГК РФ устанавливает общие принципы и правила регулирования вещных прав, а ЖК РФ в свою очередь содержит специальные нормы, учитывающие особенности жилых помещений как объектов вещных прав. В-третьих, из-за необходимости обеспечения баланса интересов. Так ГК РФ защищает интересы собственников и других обладателей вещных прав, а ЖК РФ стремится обеспечить баланс интересов собственников, нанимателей и других участников жилищных отношений.

Даже исследуемый Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не сможет полностью устранить противоречия между Гражданским кодексом РФ и Жилищным кодексом РФ в регулировании вещных прав на жилые помещения. Но его принятие позволит уточнить ряд понятий и терминов, связанных с вещными правами. В частности, Законопроект вносит изменения в нормы ГК РФ о праве собственности, ограниченных вещных правах, владении и других вещных правах. Однако, несмотря на эти положительные моменты, законопроект не затрагивает напрямую специальные нормы ЖК РФ, регулирующие вещные права на жилые помещения. Поэтому полное устранение противоречий между ГК РФ и ЖК РФ в данной сфере маловероятно и требует более комплексной работы со стороны государства.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301

[2] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. N 1 (часть I) ст. 14

[3] Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2015 г. N 29 (часть I) ст. 4344

[4] Проект федерального закона N 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации) во втором чтении // [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1634826> (дата обращения: 15.06.2024)

[5] Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2022 № 88-13454/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 5-КГ16-160 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Судебное решение № А40-224618/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Батюкова В.Е. Мошенничество в сфере недвижимости: проблемы и пути решения / В.Е. Батюкова // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2023. – № 1. – С. 6-13. EDN: WGCHXG.

[9] Бикчурина, Г. Ф. Приобретение вещных прав на недвижимость: проблемы определения способов / Г. Ф. Бикчурина // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 93-4. – С. 53-55. – DOI 10.18411/trnio-01-2023-169.

[10] Жуков В.М. Проблемы гражданского процессуального права / В. М. Жуйков – 3-е изд. доп. - Москва: Городец, 2021. – 285 с.

[11] Королев Т.О. К вопросу о регистрационных системах недвижимости в странах общего права / Т.О. Королев // Вестник права. – 2023. – № 1. – С. 23-27. EDN: MWZFIO.

[12] Нечухаева О.В. Исторические аспекты правовой реализации Due Diligence / О.В. Нечухаева // LEGAL BULLETIN. – 2021. – № 3. – С. 41-46. EDN: YNIXED.

[13] Михеева Л. Ю. Система прав граждан на жилые помещения в свете реформы жилищного законодательства. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Формакидов Д. А. Вещное право: учебное пособие/Д.А. Формакидов. — 2-е изд., доп. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 184 с.

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 11.03.2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 1994 g. N 32 st. 3301

[2] Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 N 188-FZ (red. ot 22.04.2024, s izm. ot 25.04.2024)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 yanvarya 2005 g. N 1 (chast' I) st. 14

[3] Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 N 218-FZ (red. ot 14.02.2024) «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.05.2024)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 20 iyulya 2015 g. N 29 (chast' I) st. 4344

[4] Proekt federal'nogo zakona N 47538-6/13 «O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty Rossijskoj Federacii) vo vtorom chtenii//[E'lektronnyj resurs] URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1634826> (data obrashheniya: 15.06.2024)

[5] Opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 08.07.2022 № 88-13454/2022 // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[6] Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 22.11.2016 N 5-KG16-160// Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[7] Sudebnoe reshenie № A40-224618/2017// Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[8] Batyukova V.E. Moshennichestvo v sfere nedvizhimosti: problemy i puti resheniya / V.E. Batyukova // Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti. — 2023. — № 1. — S. 6-13. EDN: WGCHXG.

[9] Bikchurina, G. F. Priobretenie veshnyx prav na nedvizhimost': problemy opredeleniya sposobov / G. F. Bikchurina // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. — 2023. — № 93-4. — S. 53-55. — DOI 10.18411/trnio-01-2023-169.

[10] Zhukov V.M. Problemy grazhdanskogo processual'nogo prava / V. M. Zhujkov — 3-e izd. dop. — Moskva: Gorodecz, 2021. — 285 s.

[11] Korolev T.O. K voprosu o registracionnyh sistemah nedvizhimosti v stranah obshchego prava / T.O. Korolev // Vestnik prava. — 2023. — № 1. — S. 23-27. EDN: MWZFIO.

[12] Nechuhaeva O.V. Istoricheskie aspekty pravovoj realizacii Due Diligence / O.V. Nechuhaeva // LEGAL BULLETIN. — 2021. — № 3. — S. 41-46. EDN: YNIXED.

[13] Mixeeva L. Yu. Sistema prav grazhdan na zhilye pomeshheniya v svete reformy zhilishhnogo zakonodatel'stva. Dokument opublikovan ne by'l. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

[14] Formaкидов Д. А. Вещное право: учебное пособие/Д.А. Формакидов. — 2-е изд., доп. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 184 с.

Юрическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. В современном мире возникла необходимость в регулировании правоотношений с использованием цифровых технологий, которые применяются весьма активно в каждой сфере жизни, в том числе в экономической деятельности, трансформируются и объекты гражданских правоотношений, создаются новые объекты права, которые требуют норм регулирования. Право отстает от этой эволюции, не успевая вовремя создавать необходимые законодательные акты. Потребуется разработать специальный правовой инструмент, который позволит регулировать возникшие цифровые правоотношения.

Ключевые слова: цифровое право, гражданско-правовые отношения, объект гражданских правоотношений, криптовалюта, криптокошелек, блокчейн, токен.

CHECHENOV Alim Aminovich,
Lecturer at the Department of GIPD
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE MAIN ISSUES OF DIGITAL LAW IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

Annotation. In the modern world, there is a need to regulate legal relations using digital technologies, which are used very actively in every sphere of life, including economic activity, objects of civil legal relations are also being transformed, new objects of law are being created that require regulatory norms. The law lags behind this evolution, failing to create the necessary legislative acts in time. It will be necessary to develop a special legal instrument that will allow you to regulate the digital legal relations that have arisen.

Key words: digital law, civil law relations, object of civil law relations, cryptocurrency, crypto wallet, blockchain, token.

Каждая сфера общественной коммуникации развивается по пути глобализации. Активно используются ИТ-технологии, которые стали доступны каждому гражданину; они используются коммерцией, муниципальными предприятиями, государственными органами и органами местного самоуправления. Эти особенности цифровых технологий вызывают отклик и в гражданско-правовых отношениях. Требуется сформировать нормы права и правоприменительную практику, последнее потребует достаточно много времени, но позволит упорядочить применение современных технологий, избавиться от проблем и коллизий.

Цифровые технологии используются весьма активно, в каждой сфере жизни, в том числе в экономической деятельности, трансформируются и объекты гражданских правоотношений, создаются новые объекты права, которые тре-

буют норм регулирования. Часто они нематериальные, и из-за этого им трудно дать определение. При этом такие объекты могут иметь стоимость и использоваться в имущественном обороте. Из-за этого происходят и изменения в области права, каждый новый объект должен не только занять свое место в системе, но и иметь четкие механизмы регулирования тех отношений, в которых он участвует.

Современное население имеет свободный доступ к любой информации, технику, способную проводить различные операции не просто быстро, а за несколько секунд, при этом государственные границы уже не имеют значения. Например, можно сделать денежный перевод, и он будет доставлен адресату в другой стране за несколько секунд, при этом не нужно будет идти в банк или на почту. Можно закупать товары в любой точке мира, не покидая собственной квар-

тиры. С исторической точки зрения прошло совсем немного времени, за которое цифровые технологии получили столь высокое развитие и стали общедоступными.

Неудивительно, что право отстает от этой эволюции, не успевая вовремя создавать необходимые законодательные акты. Однако некоторые подвижки есть: например, в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ есть определение: «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Есть различные законопроекты и пояснения к ним: например, Пояснение к Закону № 34-ФЗ говорит о том, что российское законодательство понимает цифровое право в узком смысле. Для него это совокупность электронных данных, которая определяет принадлежность объектов гражданского права к какому-либо субъекту. Таким образом, можно понять, что в данном случае повествование ведется о токене, который представляет собой ключ для идентификации владельца цифрового актива.

Многие ученые-юристы критикуют такой подход, так как законопроект № 424632-7, являющийся основой Закона № 34-ФЗ, был изначально разработан для цифровых денег (криптовалют). Он определяет криптовалюту как денежную единицу, работающую по технологии блокчейна, что значительно отличает ее от классических валют, используемых в гражданском обороте. Главная особенность заключается в высокой достоверности расчетов, отсутствии посредников, возможности публичного аудита.

Однако мировая и отечественная практика не отлажена, в ученой среде продолжают споры о том, как соотносить криптовалюту с обычной валютой, контролируемой государством. Для гражданского права это означает только перспективу большого изменения, так как появляется все больше объектов правового регулирования. Потребуется провести большую работу по формированию цифрового права, развитию национальной культуры в этой области.

Информация в формате цифровых данных или информационные объекты, связанные с такими данными, не относятся к личным или материальным благам. Для них требуется совершенно отдельная категория, так как они не обладают признаками вещей или обладают ими лишь частично. Повышают сложность и дефиниции,

применимые в ФЗ от 21 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В нем нет регламентации рассматриваемых понятий. Из-за этого сложно дать четкое определение таким понятиям как данные, сведения, сообщения. Также возникает вопрос: может ли объект права собственности существовать в исключительно электронном виде?

NFT-токены имеют отличную от цифровых валют природу, поэтому относить их к таковым было бы неверно. Цифровую валюту используют для совершения транзакций в блокчейне. Некоторые страны допускают ее конвертацию или свободное приобретение. NFT отличается тем, что конвертировать его нельзя, этот актив незаменим, подделать его тоже нельзя. Его можно купить на криптовалюту, но стоимость объекта к курсу этой валюты не привязана. NFT не является взаимозаменяемым для чего-либо. В этом кроется его основная особенность.

Цифровые финансовые активы можно выпустить только через операторов, у них есть реестр, который контролируется Центробанком. Но сервис NFT ему неподконтролен. Им пользуются многие авторы для продажи своей интеллектуальной собственности через маркетплейсы. Однако NFT не является интеллектуальной собственностью, хотя и предпринималась неудачная попытка сделать его таковым, внося соответствующие изменения в ст. 1 225 ч. 4 ГК РФ. Правительство РФ не поддержало данной инициативы.

В результате независимые токены в России до сих пор не имеют четкого правового статуса и по сути ничем не регулируются. Существует большое количество вопросов, касающихся их правовой природы, на которые еще нет ответов. Многие ученые спорят на эту тему: так, М.А. Рожкова называет возникшую ситуацию серьезной проблемой из-за того, что в существующей правовой системе разделяют только два вида права: собственности, которое распространяется на материальные объекты, и интеллектуальное, распространяющееся на нематериальные объекты. Таким образом, новые объекты не входят ни в одну из существующих систем, так как они нематериальны, при этом относятся к собственности, но не являются результатом интеллектуальной деятельности автора.

Российское законодательство игнорирует оборот NFT и не запрещает его. Значит, токен может быть объектом купли-продажи, хранения, мены, дарения, иных действий, присущих объектам материального права. Но в России для NFT не предусмотрено категории имущественного права, в которую он мог бы войти. На сегодняшний день токены находятся в равном правовом положении с криптовалютой, их правовой статус не определен.

Из-за отсутствия определения NFT и его правового статуса возникают и иные проблемы, например, определение правомочий владельца NFT, а также то, как защитить право собственности в виртуальном мире. Покупатель может приобрести этот актив напрямую или воспользоваться маркетплейсами, используя для оплаты криптокошелек, привязанный к выбранной платформе. Кроме этого, купить актив можно через брокеров, которые управляют виртуальной недвижимостью.

Не всегда платформа, торгующая токенами, требует подтверждение личности владельца. Это может приводить к тому, что кто-то может действовать под чужим именем или псевдонимом. Например, NFT (картины) художника Бэнкси были проданы за \$338 000 через OpenSea, однако позже выяснилось, что сам автор ничего на данной платформе не создавал и не продавал, он даже не был в курсе происходящего.

Мошенники могут действовать и иными способами, например, создавать NFT платформы. Получить информацию об авторе иногда можно через пользовательское соглашение, если оно будет опубликовано владельцем платформы. Например, игра Kaiju Worlds предусматривает реальные выигрыши, которые игроки получают через токены. Последние нельзя продавать ниже определенной цены, иначе они будут уничтожены автоматически, это касается и вторичных рынков [1].

Система сама по себе децентрализована, криптокошелек закрыт, и доступ к нему имеется только у владельца этого кошелька. Это говорит о том, что правомочия такого собственника никак не регулируются, не контролируются и не ограничиваются, что говорит о крайней ненадежности системы. Например, Евросоюз принял против Российской Федерации восьмой пакет санкций, в котором содержался запрет на использование россиянами на территории ЕС криптокошельков [2]. Новые пользователи получили запрет на регистрацию, а старые — на доступ к кошелькам. В самой Российской Федерации невзаимозаменяемые токены вообще находятся вне правового поля. Механизма права, регулирующего их работу, просто не существует. Отсутствует и терминология, которая помогла бы сдвинуть проблему с мертвой точки. Особенность невзаимозаменяемого токена заключается в том, что он может быть одновременно цифровым сертификатом и самостоятельным объектом сделки. В первом случае он только подтверждает право собственности на что-либо реально существующее, а во втором сам является имуществом [3].

NFT - это наглядный пример того, что законодательство не имеет универсальных механизмов регулирования. При появлении принципиально нового для него объекта возникает боль-

шое количество вопросов и сложностей, решение которых потребует много времени и усилий. Потребуется разработать специальный правовой инструмент, который позволит регулировать возникшие цифровые правоотношения.

Список литературы:

[1] Богустов А.А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства //Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 4. С. 25-31.

[2] Мансуров Г.З. О цифровых деньгах и цифровых правах как объектах гражданского права //В сборнике: Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 80-83.

[3] Мирманов Д.А., Новокшонова Н.А. Цифровые права как объекты гражданских прав: проблемы правоприменения //В сборнике: Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум. Материалы XXI Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Челябинск, 2023. С. 56-58.

[4] Молчанов А.А. Особенности гражданско-правового регулирования цифровых прав как одного из объектов гражданского права //В сборнике: Гражданские правоотношения в цифровой среде: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 12-16.

Spisok literatury:

[1] Bogustov A.A. Digital image (digital copy of personality) in the system of civil rights objects: experience of model legislation//Legal Bulletin of Samara University. 2023. VOL. 9. № 4. S. 25-31.

[2] Mansurov G.Z. On digital money and digital rights as objects of civil law//In the collection: Problems of interaction of public and private law in the regulation of economic relations. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2023. S. 80-83.

[3] Mirmanov D.A., Novokshonova N.A. Digital rights as objects of civil rights: problems of law enforcement//In the collection: Modern trends in the development of regions: management, law, economy, society. Materials of the XXI All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, 2023. S. 56-58.

[4] Molchanov A.A. Features of civil law regulation of digital rights as one of the objects of civil law// In the collection: Civil relations in the digital environment: questions of theory and practice. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2023. S. 12-16.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРИЗНАКИ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Аннотация. Вопросы самовольного строительства возникают в каждом секторе социальных взаимодействий и почти в каждом регионе отечественного государства, что предопределяет актуальность проблем их правового регулирования. Игнорирование градостроительных норм и отступление от них становится причиной многих потенциальных негативных последствий: от рисков для жизни и здоровья населения как следствия нарушения строительных норм и правил (далее по тексту – СНИП), до неблагоприятного воздействия на экономическую систему государства. Соответственно, анализ характера и особенностей правового режима самовольной постройки является значимым и актуальным. Законно построенные объекты недвижимости доступны к последующим модификациям посредством реконструкции, переоборудования и пр. Анализ таких изменений также демонстрирует актуальность в настоящее время.

Ключевые слова: строительство, самовольная постройка, закон, недвижимость, нарушение строительных норм, объекты, строение.

SHUMILOVSKAYA A.S.,
a 4th-year graduate student
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Kalmyk State University
named after B.B. Gorodovikov”
Department of Civil Law and Procedure

Scientific supervisor:
RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich,
Doctor of Law, Professor

THE CONCEPT, TYPES AND SIGNS OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION

Annotation. Issues of unauthorized construction arise in every sector of social interactions and in almost every region of the domestic state, which determines the relevance of the problems of their legal regulation. Ignoring urban planning norms and deviation from them causes many potential negative consequences: from risks to the life and health of the population as a result of violations of building codes (hereinafter referred to as the SNIP), to adverse effects on the economic system of the state. Accordingly, the analysis of the nature and features of the legal regime of unauthorized construction is significant and relevant. Legally constructed real estate objects are available for subsequent modifications through reconstruction, re-equipment, etc. The analysis of such changes also demonstrates the relevance at the present time.

Key words: Construction, unauthorized buildings, law, real estate, violations of building codes, objects, structure.

Исходя из содержания ст. 222 ГК РФ, предусматриваются три варианта объектов, допустимых к причислению к категории «самовольная постройка». Так, первым видом

выступает здание; ко второму виду относится сооружение; в качестве третьего вида определяется «другое строение». Хотя указанная правовая норма оперирует единым термином «постройка»,

совершенно очевидно наличие у всех представленных вариантов особых дифференцирующих черт [3]. Так, ключевой специфический признак, позволяющий провести разграничение между зданием и сооружением, закреплен ст. 2 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [8]. Согласно положениям данного нормативно-правового акта, в первом случае, объект отличается жилым назначением; во втором – объект используется для решения задач технического характера, в связи с чем, присутствие в нем человека обуславливается исключительно необходимостью реализации им служебных или должностных обязанностей. Термином «строения», в свою очередь, помимо ГК РФ, оперирует и Федеральный закон от 16 июля 1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [11]. Так, в соответствии с его положениями, строения потребительского назначения выступают одним из пунктов списка недвижимых объектов, доступных к залого.

Согласно позиции О.В. Гумилевской, как правило, в российских научных источниках и нормативно-правовых актах понятие «строение» используется для выражения обоих терминов: и «здания», и «сооружения». При этом, значение данного понятия раскрывается в качестве постройки, характеризующейся правовой связью с участком, на котором она возведена, и физически неотделимой от такого участка [12].

Актуальный вариант содержания ст. 222 ГК РФ [3] отличается от прежних версий этой правовой нормы более узким списком объектов, подлежащих причислению к категории самовольно возведенных. В частности, в противовес более ранним редакциям, из списка изъяли такой пункт как «жилой дом». Кроме того, вместо словосочетания «иное недвижимое имущество» теперь используется словосочетание «другое строение». Именно последнее обстоятельство стало причиной острых обсуждений ученых и правоприменителей. С точки зрения О. Мананникова, включение объектов незавершенного строительства в категорию самовольной постройки недопустимо, ввиду продолжения процесса их возведения. По мнению данного автора, все несоответствия СНиП доступно исправить до полного завершения строительных работ. Аналогичная возможность присутствует также в отношении оформления разрешения на возведение объекта и надлежащего получения участка, в рамках которого уже осуществляются такие работы [13]. Уточним, что в более ранней версии нормы ст. 222 ГК РФ допускалось узаконение недвижимости и по окончании процесса ее возведения. Однако, действующее законодательство категорически запрещает строительство объектов при несоблюдении условий, закрепленных нормативно-право-

выми актами и СНиП, ввиду существенного риска таких построек для жизни и здоровья населения. Исходя из опыта практической деятельности, нередко наблюдались ситуации, при которых в отношении завершенного и уже применяемого объекта сохранялось отсутствие должным образом подтвержденного права собственности, вследствие отсутствия действий застройщика по его оформлению. При этом, подобное положение потенциально способно длиться чрезвычайно продолжительный период. Указанное совершенно недопустимо, поскольку вступает в критическое рассогласование с основными принципами отечественного гражданского законодательства, которые, по словам С.В. Никитина «выступают нормативной основой, своего рода каркасом формирования законодательства о гражданском судопроизводстве» [14]. Иную позицию высказывает Р.А. Валеев, утверждая допустимость отнесения объекта незавершенного строительства к категории самовольной постройки [15]. В этом случае, следует применять те же параметры причисления, что и в случае с завершенными объектами. Исходя из таких рассуждений, исследователь уверен в потребности закрепления соответствующих изменений в текущей редакции ст. 222 ГК РФ.

На сегодняшний день, теоретики расходятся во мнении о конкретном этапе строительных работ, обуславливающим фактическое существование объекта незавершенного строительства, допустимого к рассмотрению в качестве недвижимой вещи. В соответствии с одним из мнений, этим этапом следует признать наличие котлована. По другому мнению, одного котлована недостаточно, требуется одновременное присутствие также и фундамента. По нашему мнению, справедливой является вторая позиция. Мы считаем, что именно параметры фундамента позволяют четко установить признаки потенциального здания или сооружения.

Кроме того, внимание ученых и правоприменителей сосредотачивается на доступности причисления готового объекта строительства к категории построек, возведенных при несоблюдении требований нормативно-правовых актов. В такой ситуации, правовой режим указанного объекта будет отличаться дуальным характером (как недвижимой вещи, с одной стороны, и как самовольной постройки, с другой).

Подобные случаи возникают под воздействием ряда обстоятельств, в частности:

- становление характеристик недвижимой вещи (тесная взаимосвязь с земельным пространством, на котором она возведена, постоянство, невозможность потребления и пр.);

- становление характеристик самовольной постройки (возведение здания или строения на участке нецелевого назначения, отсутствие предварительных разрешений, несоблюдение СНИП и пр.);
- прекращение (в т. ч. временное) строительства по инициативе непосредственного застройщика или вследствие действия внешнесредовых факторов [16].

Начало последнего из указанных обстоятельств представляется датой одновременного применения в отношении объекта незавершенного строительства двух вариантов правового режима.

Одновременно необходимо принимать во внимание закрепленные положениями ст. 222 ГК РФ разнонаправленных юридических механизмов, ориентированных на снос объекта самовольного возведения или на его узаконение, обеспечивающее возможность использования такого объекта в рамках современного гражданского оборота. При наличии длящихся строительных работ – нет самого объекта недвижимости, следовательно, возникают проблемы с использованием указанных механизмов. Фактически, в этом случае имеет место самовольное строительство, не подпадающее под предмет регламентации положений ст. 222 ГК РФ [3]. Таким образом, актуализируется потребность незамедлительного принятия правового положения, закрепляющего необходимость безотлагательного прекращения строительных работ, осуществляемых с нарушением требований законодательства, после их выявления. Соответствующим положением предлагается дополнить ст. 222 ГК РФ, используя следующее содержание: «самовольное строительство подлежит немедленному приостановлению» [3].

Определенные усилия по заполнению этого юридического несовершенства уже предприняты. В соответствии с позицией ВС РФ, выраженной данной высшей судебной инстанцией в «Обзоре судебной практики 2014 года по делам, связанным с самовольным строительством» [17], устанавливается доступность использования такого варианта обеспечительной меры как наложение запрета на осуществление строительства. При этом, право судебного назначения запрета не ограничивается исключительно непосредственным ответчиком по делу, одновременно распространяясь на всех субъектов, производящих соответствующие строительные работы.

По мере расширения современной судебной практики, в научных источниках возникла дискуссия о потенциале использования положений ст. 222 ГК РФ в отношении объектов недвижимости, подвергшихся самовольным реконструкциям. В настоящее время, отечественной

нормативно-правовой базой регламентируется единственный вариант, при котором реконструкция обуславливает возникновение объекта, существенно различающегося с исходным, и построенного при несоблюдении требований п. 1 ст. 222 ГК РФ. При наличии таких условий, данный объект можно причислить к категории самовольной постройки [18]. Таким образом, при реконструкции в условиях предварительного оформления соответствующих разрешений, произведенной на участке должного целевого назначения и при соблюдении СНИП, итоговый объект недопустимо рассматривать в качестве самовольной постройки. С точки зрения В.В. Чубарова, в ситуации, когда реконструкция не стала причиной существенных преобразований изначального объекта, такие работы в любом случае обуславливают мелкие изменения, противоречащие утвержденному проекту.

Необходимость предварительного получения особого разрешения присутствует как при реконструкции, так и при осуществлении капитальных ремонтных работ в отношении недвижимого объекта, на что указывает ст. 51 Градостроительного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГрК РФ). Иными словами, даже незначительную реконструкцию в отсутствие действий по предварительному получению специального разрешения или осуществленную при несоблюдении СНИП и исходного проекта, потенциально можно причислить к категории самовольной постройки [2].

Перейдем к анализу оснований отнесения объекта к категории самовольной постройки. Их перечень представлен в п. 1 ст. 222 ГК РФ. Сразу отметим, что достаточным признается наличие хотя бы одного основания (впрочем, возможно и выявление целого комплекса). Прежде всего, недопустимо несоблюдение правил получения участка соответствующего целевого назначения (иными словами, под строительство) [3].

Для законного строительства объекта следует оформить все необходимые разрешения. Так, предварительно застройщику следует получить разрешение на проведение строительных работ. После окончания таких работ, необходимо получить разрешение на ввод здания или сооружения в непосредственную эксплуатацию. Правила оформления разрешений закреплены ст. ст. 51, 55 ГрК РФ [2]. Кроме того, следует заручиться согласием владельца земельного участка, на котором планируется возведение объекта. В противном случае, готовый объект может быть причислен к самовольной постройке, о чем свидетельствует судебная практика. Так, например, именно такое решение было принято Арбитражным судом Пензенской области от 12 мая 2014 г. Рассмотрев материалы дела, суд выяснил, что

арендатор участка, произведший строительство объекта, не получил предварительного согласия собственника земли на осуществление таких работ [19].

При проведении строительных работ требуется обеспечение тщательного соответствия СНИП. При необходимости последующего узаконения самовольной постройки, со стороны застройщика присутствует обязанность подачи подтверждений соблюдения СНИП. Как вариант, проведение соответствующей экспертизы объекта, что наглядно просматривается в актуальной судебной практике (в частности, решении Арбитражного суда Пензенской области от 10 марта 2015 года) [20].

В соответствии с условиями, закрепленными положениями п. 3 ст. 25 Закона об архитектурной деятельности, лицо, которое возвело объект недвижимости при несоблюдении СНИП, должен произвести его снос [5]. Как показывает изучение «Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством», как правило, значительными нарушениями СНИП судебные инстанции считают непреодолимые нарушения, оставление объекта при которых будет сопровождаться его разрушением, возникновением рисков для жизни и здоровья населения или их собственности [21]. Итак, перечень объектов, доступных к отнесению к категории самовольной постройки, включает в себя три варианта: здания, сооружения, а также другие строения. По нашему мнению, целесообразно расширить этот список посредством добавления в него объектов незавершенного строительства, закрепив данное положение в содержании ст. 222 ГК РФ.

Возможность рассмотрения объекта незавершенного строительства в качестве недвижимой вещи возникает на этапе котлована, при условии наличия фундамента, т. к. его параметры позволяют четко установить признаки потенциального здания или сооружения. Таким образом, актуализируется потребность незамедлительного принятия правового положения, закрепляющего необходимость безотлагательного прекращения строительных работ, осуществляемых с нарушением требований законодательства, после их выявления. Соответствующим положением предлагается дополнить ст. 222 ГК РФ, используя следующее содержание: «самовольное строительство подлежит немедленному приостановлению» [3].

В качестве оснований отнесения объекта к категории самовольной постройки определяются: несоблюдение правил получения участка соответствующего целевого назначения (иными словами, под строительство); игнорирование застройщиком условия о предварительном получении разрешений; нарушение СНИП. Достаточ-

ным признается наличие хотя бы одного основания. Таким образом, для причисления возведенного объекта к категории самовольной постройки, у него должны присутствовать характеристики недвижимого имущества. Проведение строительных работ по возведению такого объекта осуществляется на участке несоответствующего целевого назначения. Исходя из содержания норм ст. 40 ЗК РФ [4] и ст. 263 ГК РФ [3], комплекс распорядительных компетенций собственника участка предполагает и доступность постройки недвижимых объектов, если такое строительство отвечает изначальному целевому назначению земли.

Следующим основанием является возведение объекта в отсутствии требуемых разрешений. Так, предварительно застройщику следует получить разрешение на проведение строительных работ. После окончания таких работ, необходимо получить разрешение на ввод здания или сооружения в непосредственную эксплуатацию. Правила оформления разрешений закреплены ст. ст. 51, 55 ГрК РФ [2]. Потребность установления таких административных преград в сфере строительства обуславливается необходимостью соблюдения публичных интересов.

Последним основанием выступает проведение строительных работ со значительными нарушениями СНИП. Согласно позиции ВС РФ, традиционно, такими нарушениями судебные инстанции считают непреодолимые нарушения, оставление объекта при которых будет сопровождаться разрушением, угрозами жизни и здоровья населения или их собственности.

Особо подчеркнем, что специфика правового режима объекта самовольного возведения выражается в невозможности его причисления к недвижимому имуществу, несмотря на наличие соответствующих признаков. В результате, такая постройка не может рассматриваться в качестве стопроцентного объекта гражданских прав (в отношении самовольной постройки невозможно совершать сделки, она не включается в состав наследственной массы и пр.) [22].

Современными отечественными актами гражданского законодательства закрепляются два диаметральных варианта обретения иного правового режима объектом самовольного возведения: признание права собственности, с одной стороны, и снос объекта, с другой. Раскрывая суть понятия, видов и признаков самовольной постройки отметим, что в ст. 222 ГК РФ, предусматриваются три варианта объектов, допустимых к причислению к категории «самовольная постройка». Так, первым видом выступает здание; ко второму виду относится сооружение; в качестве третьего вида определяется «другое строение». Хотя указанная правовая норма оперирует единым термином «постройка», совер-

шенно очевидно наличие у всех представленных вариантов особых дифференцирующих черт. В качестве оснований отнесения объекта к категории самовольной постройки определяются: несоблюдение правил получения участка соответствующего целевого назначения (иными словами, под строительство); игнорирование застройщиком условия о предварительном получении разрешений; нарушение СНИП. Достаточным признается наличие хотя бы одного основания, для причисления возведенного объекта к категории самовольной постройки, у него должны присутствовать характеристики недвижимого имущества.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.04.2024).

[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 14.04.2024).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 05 декабря. – № 32. – ст. 3301.

[4] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 14.04.2024).

[5] Федеральный закон «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» от 17.11.1995 № 169-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8344/ (дата обращения: 14.04.2024).

[6] Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 13.04.2024).

[7] Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» от 30.06.2006 № 93-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61224/ (дата обращения: 13.04.2024).

[8] Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от

30.12.2009 № 384-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/ (дата обращения: 13.04.2024).

[9] Постановление СНК РСФСР от 22.05.1940 № 390 (ред. от 23.07.1993) «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» (утратило силу) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136663/ (дата обращения: 12.04.2024).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19.03.1975 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении ст. 109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома» (утратило силу) // Консультант плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7288#B5bBTAUqD5cQh9ok> (дата обращения: 12.04.2024).

[11] Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 13.04.2024).

[12] Гумилевская О.В. Основания признания права собственности на самовольную постройку: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2008. – С. 60.

[13] Мананников О. Дамоклов меч самовольного строительства // ЭЖ-Юрист. – 2004. – №31. – С. 72.

[14] Гражданский процесс: учебник / Под ред. С.В. Никитина; 2-е изд., испр. и доп. М: РГУП, 2023. С. 50.

[15] Валеев Р.А. Правовой режим объектов незавершенного строительства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Уфа, 2007. – С. 71.

[16] Селиванов В.В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2012. – С. 21.

[17] Обзор судебной практики 2014 года по делам, связанным с самовольным строительством. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 марта 2014 года // [Электронный ресурс]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15133/> (дата обращения: 14.04.2024).

[18] Мотлохова Е.А. Особенности правового режима самовольных построек в российском гражданском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 10. – С. 29.

[19] Семенов Д.Ю. Правовые последствия возведения самовольной постройки // Эпомен. – 2021. – №52. – С. 257.

[20] Наумова О. Самовольное строительство и реконструкция – судебные споры судов

общей юрисдикции, рассмотренные Верховным Судом РФ // Жилищное право. – 2019. – №4. – С. 91.

[21] Уаров А.С., Данилова Е.Н. Понятие самовольной постройки и ее признаки // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – №80-4. – С. 132.

[22] Стоянова М.К. Отдельные аспекты правового регулирования института самовольной постройки // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №12. – С. 201.

Spisok literary:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 24.07.2002 dated 95-FZ (rev. dated 06.04.2024) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (access date: 15.04.2024).

[2] Town Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended 25.12.2023) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.04.2024) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (access date: 14.04.2024).

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended by 24.07.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. - December 05. – № 32. - Art. 3301.

[4] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ (rev. dated 14.02.2024) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.04.2024) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (access date: 14.04.2024).

[5] Federal Law “On Architectural Activity in the Russian Federation” dated 17.11.1995 No. 169-FZ (latest edition) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8344/ (access date: 14.04.2024).

[6] Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” dated 16.07.1998 No. 102-FZ (latest edition) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (access date: 13.04.2024).

[7] Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Simplified Registration of Citizens’ Rights to Certain Real Estate Objects” dated 30.06.2006 No. 93-FZ (latest edition) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61224/ (access date: 13.04.2024).

[8] Federal Law “Technical Regulations on Safety of Buildings and Structures” dated 30.12.2009 No. 384-FZ (latest edition) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/ (access date: 13.04.2024).

[9] Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of 22.05.1940 (ed. 23.07.1993) “On measures to combat unauthorized construction

in cities, workers, resorts and summer cottages” (expired) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136663/ (access date: 12.04.2024).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of 19.03.1975 No. 2 “On some issues arising in the practice of courts when applying Art. 109 of the Civil Code of the RSFSR on the gratuitous seizure of an unauthorized house” (expired) //Consultant plus. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7288#B5bBTAUqD5cQh9ok> (access date: 12.04.2024).

[11] Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” dated 16.07.1998 No. 102-FZ (latest edition) //Consultant plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (access date: 13.04.2024).

[12] Gumilevskaya O.V. Grounds for recognition of ownership of unauthorized construction: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. - Krasnodar, 2008. - S. 60.

[13] Manannikov O. Damoklov sword of unauthorized construction //EZh-Lawyer. – 2004. – №31. - S. 72.

[14] Civil procedure: textbook/Ed. S.V. Nikitina; 2nd ed., Rev. and add. M: RGUP, 2023. S. 50.

[15] Valeev R.A. Legal regime of construction in progress: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. - Ufa, 2007. - S. 71.

[16] V.V. Selivanov. Civil law regime of unauthorized construction and its normative consolidation: ref. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.03. - M., 2012. - S. 21.

[17] 2014 Review of Court Practice in Cases Involving Unauthorized Construction. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 19, 2014/[Electronic resource]. - URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15133/> (access date: 14.04.2024).

[18] E.A. Motlokhova. Features of the legal regime of unauthorized buildings in Russian civil law//Property relations in the Russian Federation. – 2015. – № 10. - S. 29.

[19] Semenov D.Yu. Legal consequences of the construction of an unauthorized building//Epomen. – 2021. – №52. - S. 257.

[20] Naumova O. Unauthorized construction and reconstruction - judicial disputes of courts of general jurisdiction considered by the Supreme Court of the Russian Federation//Housing Law. – 2019. – №4. - S. 91.

[21] Uarov A.S., Danilova E.N. The concept of unauthorized construction and its signs//Trends in the development of science and education. – 2021. – №80-4. - S. 132.

[22] Stoyanova M.K. Certain aspects of legal regulation of the institution of unauthorized construction//Issues of Russian justice. – 2021. – №12. - S. 201.

ЗАЛОГ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация. В данной статье автор затрагивает такой способ обеспечения удовлетворения требований конкурсных кредиторов в делах о банкротстве как залог. Залог является достаточно распространенным способом обеспечения интересов кредиторов-залогодержателей не только в банкротном праве, но и в других отраслях права, как, например, в банковском. Автор в статье указывает на виды залога в зависимости от способов его возникновения в гражданско-правовых отношениях. В делах о несостоятельности, как правило, признается залог, возникший на основании договора или закона. Но, тем не менее, с учетом последних изменений в правоприменительной практике стал признаваться еще один вид. Этот вид залога основан на актах органов государственной власти. Указанные акты накладывают запрет на пользование конкретной вещью. Лицо, которое владеет вещью, выступает как залогодатель, а лицо, в пользу кого было наложено ограничение на определенную вещь, выступает как залогодержатель. Залоговые кредиторы, которые имеют приоритет, связанный с удовлетворением своих требований перед другими реестровыми кредиторами, также с учетом последних изменений в судебной практике попали в невыгодное для себя положение. Это объясняется тем, что финансовая нагрузка по текущим платежам выросла, так как последние изменения обязывают арбитражного управляющего, ведущего дело о банкротстве, уплачивать налоги за реализованное (используемое) залоговое имущество. При этом четкого подхода, связанного с уплатой обязательных платежей, пока нет. Отсутствие такого плохого порядка побудит за собой множество споров между участниками банкротного процесса.

Ключевые слова: банкротство, банкротное право, реестровые кредиторы, залоговые кредиторы, уполномоченный орган, залог, виды залога, текущие платежи, имущественные налоги.

MIKAILOV Roman Vugarovich,
Assistant to the Chairman of the Disciplinary
Committee ACS «SRO «CASE»

COLLATERAL AS AN INSTRUMENT FOR SECURING THE INTERESTS OF CREDITORS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Annotation. In this article, the author touches upon such a method of ensuring the satisfaction of the claims of bankruptcy creditors in bankruptcy cases as a pledge. A pledge is a fairly common way to ensure the interests of creditors-pledgees not only in bankruptcy law, but also in other branches of law, such as banking. In the article, the author points out the types of pledge depending on the methods of its occurrence in civil law relations. In insolvency cases, as a rule, a pledge that arose on the basis of an agreement or law is recognized. However, taking into account the latest changes in law enforcement practice, another type has begun to be recognized. This type of pledge is based on acts of government bodies. These acts impose a ban on the use of a specific thing. The person who owns the thing acts as a pledger, and the person in whose favor a restriction was imposed on a certain thing acts as a pledgee. Secured creditors who have priority in satisfying their claims over other registered creditors also, taking into account the latest changes in judicial practice, have found themselves in a disadvantageous position. This is explained by the fact that the financial burden on current payments has increased, since the latest changes oblige the bankruptcy trustee conducting the bankruptcy case to pay taxes on the sold (used) collateral property. At the same time, there is no clear approach

related to the payment of mandatory payments yet. The absence of such a bad order will give rise to many disputes between the participants in the bankruptcy process.

Key words: *bankruptcy, bankruptcy law, registered creditors, secured creditors, authorized body, pledge, types of pledge, current payments, property taxes.*

Залог как один из способов обеспечения исполнения обязательств должника (залогодателя) перед кредитором (залогодержателем) является основным инструментом, который гарантирует возможность конкурсному кредитору получить удовлетворение своего требования. Но при этом в последнее время в судебной практике стали использоваться механизмы, которые постепенно снижают эффективность работы залога в делах о несостоятельности (банкротстве). Первое - это признание в банкротстве залога, основанного на аресте имущества. Одним из оснований для классификации залога является его возникновение. В зависимости от возникновения залог можно разделить на 3 (три) вида, а именно, на основании договора, закона или ареста. Залог на основании договора возникает при наличии факта заключения соответствующего договора, если договором или законом не установлено иное. Если предмет залога возникает в будущем, то право залога у кредитора появляется с момента возникновения самого предмета залога, если иной срок не установлен договором или законом. Договорный залог регулируется общими положениями ГК РФ о залоге: требования к форме договора, имуществу, выступающему в качестве предмета залога, данные об основном обязательстве, которое обеспечивается залогом. Если в договоре залога имеется отсылка к основному договору, на основании которого возникло (или возникнет в будущем) обязательство, которое обеспечивается залогом, то в этом случае условия, связанные с основным обязательством, считаются согласованными. Если должником-залогодателем выступает субъект предпринимательской деятельности, законом допускается описание основного обязательства, которое обеспечивается залогом, на момент обращения взыскания. Аналогичная особенность законодателем предусмотрена для предмета залога.

Залог на основании закона возникает на основании указания об этом в нормативном правовом акте. В законе указано, что обеспечивается, то есть какое обязательство и чем обеспечивается (каким имуществом). Законный залог регулируется нормами ГК РФ о договорном залоге, если законом не предусмотрено иное. Залог на основании закона содержит в себе несколько особенностей. Первая особенность связана с тем, что ГК РФ предусматривает заключение соглашения о залоге между должником и

кредитором. Суть данного соглашения направлена на урегулирование отношений между сторонами. К данному соглашению применяются нормы ГК РФ о договорном залоге в части формы такого договора. Вторая особенность состоит в том, что большая часть норм права, на основании которых возникает законный залог, носят диспозитивный характер. Это означает, что стороны правоотношения могут прийти к тому, что залог как способ обеспечения выполнения обязательств не возникает. Императивность законного залога возможна только в тех случаях, когда об этом указано в самой норме права. Отказ сторон в законном залоге, обладающим свойством императивности, не допускается, так же как и заключение соглашения, направленного на прекращение уже возникшего залога или изменение обязательств, обеспеченных залогом.

Третий вид залога – это залог в силу ареста имущества, он же судебный залог. Данный вид залога широко применяется в европейских странах. В гражданском законодательстве Российской Федерации он появился в ходе внесенных поправок в ГК РФ на рубеже 2013 - 2014 г.г. Характерной чертой судебного залога является запрет на пользование вещью, который устанавливается в отношении собственника этой вещи. Запрет на пользование устанавливается в процессуальном порядке в интересах того лица, в пользу кого был вынесен судебный акт, или на основании поданного им ходатайства после вступления в силу указанного судебного акта [1, с. 137-144]. Запрет – это обеспечительная мера в форме ареста, которая накладывается судом на конкретное имущество лица. Именно на основании указанного факта заинтересованное лицо становится залогодержателем, так как приобретает право залога. Помимо судебных актов, судебный залог может возникнуть на основании актов органов исполнительной власти, например, со стороны налоговых органов в соответствии с п. 2.1 ст. 73 НК РФ. Доктрина указывает на другую характерную черту судебного залога – это его неприменение в делах о банкротстве. Такое неприменение основывается на правовой природе возникновения судебного залога – запрета на распоряжение в отношении определенного имущества лица, что не соответствует принципу равенства прав кредиторов должника, требования которых относятся к одной категории выплат. В доктрине подчеркивается, что в банкротстве признается исключительно ординарный залог, то

есть залог, который возник на основании договора или закона. Закон о банкротстве не допускает удовлетворение требований тех конкурсных кредиторов, которые основаны на судебных актах или актах органов исполнительной власти, потому что такие требования не обеспечивают соблюдение принципа равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории и очереди выплат. По мнению А.В. Егорова, арестный залог должен сохраняться в делах о несостоятельности (банкротстве) залогодателя, при этом он может быть оспорен как сделка с предпочтением по тем же критериям, которые закреплены законодателем для оспаривания договорного залога [2, с. 84-103]. Хочу также заметить, что доктрина, что судебная практика при сравнении судебного залога с залогом в связи с удержанием вещи кредитор, который удерживает вещь должника, вправе включиться в реестр требований кредиторов должника. Требование кредитора, удерживающего вещь, будет рассматриваться в качестве обеспеченного залогом и подлежать удовлетворению в соответствии с Законом о банкротстве. Из чего можно сделать вывод, что залог в связи с удержанием вещи обладает признаками ординарного залога.

В 2023 г., в рамках рассмотрения судом кассационной инстанции жалобы по делу № А16-3347/2021 был признан залоговый приоритет конкурсного кредитора на основании п. 2.1 ст. 73 НК РФ за налоговым органом. Судебный залог был признан в деле о банкротстве. Указанный факт вызвал бурную реакцию со стороны юридического сообщества. Как указал в своем постановлении Арбитражный суд Дальневосточного округа, залог, установленный в пользу налогового органа, расценивается как залог в силу закона, который признается в делах о банкротстве. В своей позиции по данному делу налоговый орган указал, что его требования нельзя считать как требования, обеспеченные судебным залогом, так как право залога возникает у государства в силу закона, а именно п. 2.1 ст. 73 НК РФ и, соответственно, считается ординарным залогом. По мнению Р.С. Бевзенко, позиция налогового органа является несостоятельной по причине того, что в случае возникновения залога в силу закона в самом законе указывается, что будет являться предметом залога, а в НК РФ такого указания нет. Для обеспечения интересов налогового органа требуется арест. Разницы между основаниями возникновения судебного залога нет, при этом в данном случае необходимо разъяснение Верховного Суда РФ.

Второе - это последняя позиция Конституционного Суда РФ, которая затрагивает права залоговых кредиторов в рамках дела о банкрот-

стве. Данная позиция изложена Конституционным Судом РФ в постановлении от 09.04.2024 г. № 16-П. Позиция, представленная в указанном постановлении, является, на мой взгляд, неоднозначной. Эта неоднозначность выражается в некорректном толковании п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. В указанном пункте отмечается, что перед погашением требований залогового кредитора у нас погашаются расходы, связанные с обеспечением охраны и реализации предмета залога на торгах.

В постановлении № 16-П к расходам, связанным с обеспечением охраны и реализации предмета залога на торгах, были отнесены и требования об уплате имущественных налогов. Как требования об уплате имущественных налогов связаны с охраной и реализацией предмета залога на торгах? Логика никакой в этом нет. Также в указанном постановлении Конституционный Суд РФ указал на то, что в случае погашения требований налогового органа по имущественным налогам, если такое погашение приведет к утрате экономического смысла залога для залогового кредитора, и при этом большая налоговая задолженность ни коим образом не образовалась по вине недобросовестного поведения залогового кредитора. В данной ситуации арбитражный суд вправе соразмерно распределить денежные средства, полученные от реализации предмета залога (пользования им) между налоговым органом и залоговым кредитором. Отсюда возникает еще один вопрос, как определить тот показатель, при котором залог для залогового кредитора теряет экономический смысл? Так или иначе, все пробелы, которые вытекают из постановления № 16-П будут восполняться со временем. На момент написания настоящей статьи при рассмотрении кассационной жалобы по делу № А03-1592/2014 Верховный Суд РФ уточнил, что уплата в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве осуществляется в отношении тех имущественных налогов, которые были начислены на предмет залога после включения требования залогового кредитора в реестр требований кредиторов должника.

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов мы понимаем, что основной упор в банкротстве сделан на требования государства в лице уполномоченного органа. Следствием такого упора является потеря залогом своего основополагающего обеспечительного свойства. Я уже не говорю про то, что если интересы залоговых кредиторов ограничиваются, то что тут говорить про обычных конкурсных кредиторов, требования которых не имеют никакого обеспечения. Государство окончательно взяло банкротство под свой контроль. Это должно быть, так как

любое банкротство - это работа с денежными потоками и тут должен быть контроль со стороны государства, чтобы не было никаких злоупотреблений со стороны участников банкротного процесса. Но в то же время в настоящий момент нарушен баланс интересов между конкурсными кредиторами и уполномоченным органом, чего быть не должно.

Список литературы:

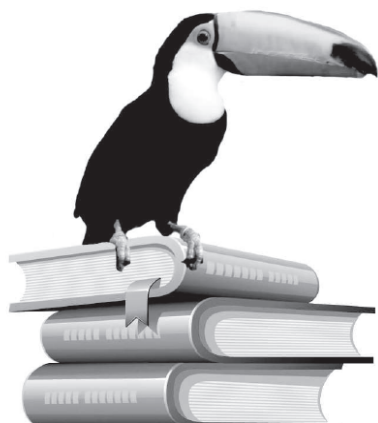
[1] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование. М., 2020. 480 с.

[2] Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 84-103.

Spisok literatury:

[1] Sukhanov E.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. III: Obshchie polozheniia ob obiazatel'stvakh i dogovorakh. Dogovornye obiazatel'stva po peredache veshchei v sobstvennost' ili v pol'zovanie. M., 2020. 480 s.

[2] Egorov A.V. Zalog v silu aresta: teoreticheskie i prakticheskie problemy. V Rossii i za rubezhom // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii. 2016. № 9. S. 84-103.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
заведующая кафедрой Гражданского
и Уголовного права и процесса
Московского международного университета
Профессор департамента права
Института экономики, управления и права
ГАО ВО «Московский городской
педагогический университет»,
доктор юридических наук, доцент;
Член экспертного совета комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
член-корреспондент РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

ВЛАСОВ Дмитрий Викторович,
Аспирант кафедры Гражданского и Уголовного права
и процесса Московского международного университета,
e-mail: 8048@mmu.ru

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье авторы исследуют проблемные вопросы ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Авторами проанализированы имеющиеся точки зрения в литературе, а также материалы судебной практики; выявлены правоприменительные проблемы, возникающие при квалификации указанных деяний.

Ключевые слова: дорожное движение, нарушение правил, уголовная ответственность, последствия.

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Head Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Moscow International University Professor, Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law, GAO HE Moscow City
Pedagogical University, Doctor of Law, Associate Professor;
Member of the Expert Council of the Committee of the State Duma
of the Russian Federation on family protection, paternity,
motherhood and childhood Corresponding member
of the Russian Academy of Natural Sciences

VLASOV Dmitry Viktorovich,
Graduate student of the Department of Civil and Criminal Law
and Proceedings of Moscow International University

VIOLATION OF THE RULES OF OPERATION OF VEHICLES: THE MODERN VIEW OF THE LEGISLATOR AND THE PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. In the article, the authors explore problematic issues of liability for violation of traffic rules and operation of vehicles. The authors analyzed the available points of view in the literature, as well as materials of judicial practice; identified law enforcement problems arising in the qualification of these acts.

Key words: traffic, violation of rules, criminal liability, consequences.

В Российской Федерации государственные органы придают большое значение решению сложных проблем, связанных с обеспечением безопасности на дорогах. Один из ключе-

вых способов обеспечить безопасное дорожное движение — это создать законодательство, которое требует от всех участников соблюдать установленные стандарты и в случае его нарушения

подвергнуться наказанию. Квалификация преступлений в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств — сложный процесс, в ходе которого правоохранительные органы определяют соответствие признаков деяния предусмотренным в законе составам.

Несмотря на различные меры, предпринимаемые государством, количество дорожно-транспортных происшествий в России продолжает оставаться на высоком уровне, о чем говорят цифры официальной статистики. Так, по данным МВД лишь за 2023 год на территории РФ произошло 126 705 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими. Каждое девятое — со смертельным исходом. За год на дорогах страны погибли 14 172 человека. Еще 159 635 получили травмы. Изучение законодательного опыта и судебной практики зарубежных стран, в которых культура вождения несравненно выше, чем в России, свидетельствует о более строгой оценке нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекших гибель людей. Более строго в законодательном порядке и эффективно в правоприменительном отношении оценивается оставление места дорожно-транспортного преступления и управление транспортным средством в состоянии опьянения [7, С. 125].

Несмотря на неоднократное реформирование ст. 264 УК РФ [9, С.55], все еще возникают значительные проблемы с ее квалификацией, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Согласно положению ч. 1 ст. 264 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, а ч. 3 — устанавливает ответственность за аналогичные действия, но с более серьезными последствиями — смертью. Очевидно, ч. 3 данной статьи охватывает, описанные в ч. 1 условия, поскольку при определении степени возможного вреда человеку необходимо учитывать, что смерть — это наибольший возможный из такового. Следовательно, если последствия включены в конструкцию, это означает, что ответственность за причинение вреда должна быть достаточной, чтобы покрыть ответственность за меньший вред. Это правило применяется в случае наличия единственного пострадавшего [2, С.55]. Как отмечает Д.М. Молчанов, что если есть два пострадавших, одному из которых причинена смерть, а другому — тяжкий вред здоровью, то утверждение о том, что ч. 3 ст. 264 УК РФ учитывает менее серьезные последствия, чем смерть, не является правдивым. [2, С.55]

Однако в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением пра-

вил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [3] говорится, что в таких ситуациях можно руководствоваться положениям ч. 2 ст. 17 УК РФ, не квалифицируя действие по совокупности, а применять ч. 3 ст. 264 УК РФ. Получается, что позиция законодателя не вполне соответствует, так как причинение смерти и серьезного вреда здоровью не может быть охвачено квалификацией ч. 3 ст. 264 УК РФ. Это связано с тем, что последствиями могут быть смерть и нанесение серьезных телесных повреждений не только одному, но и нескольким людям. В данном случае нарушается определенная пропорциональность [6].

В указанном Постановлении ВС РФ есть еще некоторые вопросы, требующие уточнения. Согласно п. 6, если водитель мог избежать аварии и его действия привели к последствиям, то он несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 264 УК РФ. Одна из сложностей заключается в отсутствии конкретизации, какие конкретные действия водителя относятся к данному контексту. Это объяснение не полностью точно, так как не рассматриваются вопросы о причинно-следственной связи между нарушениями правил дорожного движения [4] и управлением транспортным средством, действиями водителя и другими элементами. В юридической литературе представлены различные мнения по данному вопросу.

В.Н. Бурлаков заявляет, что в аспекте состава транспортного преступления нельзя рассматривать общественно опасное действие как сложное, то есть как совокупность нарушения правил движения и принятия или непринятия мер предосторожности. [1, С.25] По его мнению, следует установить причинную связь между нарушениями правил дорожного движения и возможными опасными последствиями для общества.

С.В. Проценко объясняет, что связь между нарушениями правил безопасности и общественно опасными действиями, которые могут причинить серьезный вред здоровью или смерть, состоит из нескольких этапов. Затем возникает связь между общественно опасными действиями и преступными последствиями, которые описываются в соответствующей статье уголовного закона. [4, С.71] Вторая трудность заключается в отсутствии ясного определения для термина «техническая возможность». Для правильного определения действия в соответствии со ст. 264 УК РФ, необходимо понимать суть данного понятия.

Согласно К.И. Бурдину, под «технической возможностью» понимается способность транспортного средства выполнять свои функции и работать полноценно благодаря исправности механизмов и конструкции. [7, с. 79].

В пункте 6 вышеназванного Постановления Пленума ВС РФ указано, что если нет возможности технической реализации, то ответственность по ст. 264 УК РФ не будет применяться. Однако необходимо отметить, что данный вывод не является достаточно точным, так как техническая возможность сама по себе не может быть конструктивным признаком объективной стороны деяния, описанного в ст. 264 УК РФ. Это объясняется тем, что между действиями преступника и наступившими последствиями проходит небольшой промежуток времени, поэтому, в данной ситуации сотрудники правоохранительных органов могут прийти к выводу, что невозможно избежать негативных последствий, предусмотренных соответствующей статьей УК РФ. В последнее время заметно увеличилось количество случаев нарушения правил дорожного движения лицами, не являющимися совершеннолетними.

Например, несколько подростков от 15 до 16 лет, украли автомобиль после употребления алкоголя и на перекрестке сбили двух женщин, которые скончались на месте происшествия. Им было предъявлено обвинение в совершении кражи автомобиля, но не были привлечены к ответственности за смерть двух человек. [8, С.10] Невозможность привлечения к уголовной ответственности объясняется тем, что подростки до 16 лет не являются субъектами данного состава преступления. Это обусловлено в том числе, что они не обладают достаточным опытом знаниями, чтобы полностью осознать, какие последствия могут иметь их действия для общества, особенно при управлении транспортными средствами [8, С.159]. Вместе с тем, полагаем, что существует необходимость пересмотреть возраст уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ. Целесообразно рассмотреть возможность его снижения до 14 лет. Это объясняется тем, что в наше время процесс формирования личности происходит гораздо быстрее в связи с быстрым развитием современного общества. В связи с чем, норма не обеспечивает достаточной защиты таких важных правовых интересов, как безопасность движения, эксплуатация транспортных средств, жизнь и здоровье людей.

Важным направлением повышения эффективности противодействия нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является стабильность формулирования состава преступления. В связи с этим видится непоследовательным исключение из числа признаков его объективной стороны в ч. 1 ст. 264 УК РФ причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. С учетом результатов анализа ситуации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения обосновано предло-

жение о расширении содержания объективной стороны состава нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств за счет возврата в нее указания на названные последствия.

В заключение можно сказать, что в работе описаны лишь некоторые вопросы, касающиеся квалификации ст. 264 УК РФ, требующие разрешения несмотря на то, что сама норма о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств существует в уголовном законе с момента его принятия в 1996 г.

Список литературы:

- [1] Бурлаков В. Н. Сложные вопросы квалификации транспортных преступлений // Известия вузов. Правоведение, 2009. № 1. С. 25-35
- [2] Молчанов, Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права», N 5, май 2016 г. С. 55-50
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016). О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»):
- [4] Проценко С. В. Установление причинной связи в процессе квалификации транспортного преступления // Юридический мир, 2010. № 7. С.77
- [5] Петрова, И. О. Проблемные вопросы квалификации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / И. О. Петрова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 16 (515). — С. 243-245. — URL: <https://moluch.ru/archive/515/113196/> (дата обращения: 30.06.2024)
- [6] Поляков, Р.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и их предупреждение. Эл. ресурс: <https://dspace.susu.ru/xmlui/handle/0001.74/18502>
- [7] Противодействие нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264, 264.1 УК РФ): проблемы построения составов преступлений, пенализации и предупреждения: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Собин Дмитрий Владимирович; [Место защиты: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина]. - Краснодар, 2019. - 187 с.
- [8] Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Безопасность дорожного движения в оценке совета безо-

пасности Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики//Экономика. Право. № 2(62). 2014 . С.159-165.

[9] Пудовочкин, Ю.Е. Квалификация административного проступка, совершенного ранее судимым лицом [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Российское правосудие. – 2016. – № 12. – С. 63 – 76.

[10] Статистика ДТП в России за 2022 год: причины ДТП, статический фактор — URL: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/42607002-statistika-dtp-v-rossii-za2022-god-prichiny-dtp-staticheskii-faktor/>

Spisok literatury:

[1] Burlakov V.N. Complex issues of qualification of transport crimes//News of universities. Jurisprudence, 2009. № 1. S. 25-35

[2] Molchanov, D.M. The enormity of crimes: actual problems and theoretical experience of research by scientists of the Department of Criminal Law of Moscow State Law Academy//Actual Problems of Russian Law, “No. 5, May 2016, pp. 55-50

[3] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.12.2008 No. 25 (ed. 24.05.2016). On the Rules of the Road “(together with the” Basic Provisions for the Admission of Vehicles to Operation and the Obligations of Officials to Ensure Road Safety “):

[4] Protsenko S.V. Establishing a causal relationship in the process of qualifying a transport crime//Legal World, 2010. № 7. Page 77

[5] Petrova, I.O. Problematic issues of qualification of violation of traffic rules and operation of vehicles/I.O. Petrova. - Text: direct//Young scientist. — 2024. — № 16 (515). - S. 243-245. —URL: <https://moluch.ru/archive/515/113196/> (accessed on: 30.06.2024)

[6] Polyakov, R.I. Criminal law and criminological characteristics of violation of traffic rules and operation of vehicles and their prevention. E-resource: <https://dspace.susu.ru/xmlui/handle/0001.74/18502>

[7] Countering violations of traffic rules and the operation of vehicles (Articles 264, 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of building corpus delicti, penalization and prevention: dissertation... Candidate of Law: 12.00.08/Sobin Dmitry Vladimirovich; [Place of protection: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin]. - Krasnodar, 2019. - 187 s.

[8] Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Road safety in the assessment of the Security Council of the Russian Federation: current problems of legal regulation and law enforcement practice//Economics. Right. № 2(62). 2014 . S.159-165.

[9] Pudovochkin, Yu.E. Qualification of an administrative offense committed by a previously convicted person [Text]/Yu.E. Pudovochkin//Russian justice. – 2016. – № 12. - S. 63 - 76.

[10] Accident statistics in Russia for 2022: causes of accidents, static factor - URL: <https://auto.rambler.ru/roadaccidents/42607002-statistika-dtp-v-rossii-za2022-god-prichiny-dtp-staticheskii-faktor/>

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-81-84
NIION: 2021-0079-7/24-544
MOSURED: 77/27-025-2024-7-544

ВОПЛЕНКО Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и
истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

РЯБОВ Сергей Иванович,
доктор исторических наук,
профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОЛЯКОВ Вячеслав Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СУБЪЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье авторами рассмотрены актуальные вопросы юридической техники как одного из факторов, оказывающего существенное влияние на уровень законности, эффективность механизма права и многие другие явления политико-правовой действительности. Определены и названы субъекты юридической техники, сформулировано понятие «субъект юридической техники».

Ключевые слова: юридическая техника, субъекты права, субъекты юридической техники, юридические науки, правотворчество, правоприменение, толкование права.

VOPLENKO Nikolay Nikolayevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SHESTAK Valentin Sergeevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law
and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs

POLYAKOV Vyacheslav Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor
of the Department of Philosophy of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

SUBJECTS OF LEGAL TECHNOLOGY AS A TYPE OF LEGAL ACTIVITY

Annotation. In the article, the authors consider current issues of legal technology as one of the factors that has a significant impact on the level of legality, the effectiveness of the legal mechanism and many other phenomena of political and legal reality. The subjects of legal technology are defined and named, the concept of “subject of legal technology” is formulated.

Key words: legal technology, subjects of law, subjects of legal technology, legal sciences, lawmaking, law enforcement, interpretation of law.

Сегодня мир переживает существенные трансформации как в объективной действительности, так и в юридическом поле. Процессы цифровизации обусловили необходимость пересмотра фундаментальных ценностей. Казавшиеся еще до недавнего времени устоявшимися алгоритмы создания, применения и трактования правовых норм видоизменяются, «перетекая» в информационно-коммуникационную среду, цифровой мир, виртуальное пространство.

В современном правовом государстве именно грамотная юридическая техника специальных субъектов позволяет реализовать цели правового государства, от нее зависит уровень соблюдения законности, позитивное или негативное отношение к праву со стороны населения, эффективность механизма права и многие другие явления политико-правовой действительности. Приходится констатировать, что сегодня в нашем государстве актуальна проблема несовершенства действующего законодательства, и причиной этому в немалой степени служит недооценка роли и значения юридической техники как в теории права, так и в практической деятельности. Представляется, что обобщение основных знаний о юридической технике, их усвоение и использование в дальнейшей профессиональной деятельности позволят преодолеть наметившийся кризис, станут вектором для сокращения количества пробелов и коллизий в праве, помогут структурировать нормативную правовую базу Российской Федерации таким образом, чтобы появились возможности для уменьшения числа принимаемых законов с одновременным упрощением их использования рядовым гражданином.

При исследовании природы юридической техники немаловажно определить круг субъектов данного вида юридической деятельности, т. е. потенциальных участников правотворчества, правоприменения и толкования права, что и предопределило цель данной работы. Следует отметить, что в современной как отечественной, так и зарубежной доктрине права отсутствует единое, общепризнанное и легально определенное понятие юридической техники. Обусловлено это, на наш взгляд, тем обстоятельством, что трактовка понятия напрямую зависит от субъективного мнения ученого. В данной статье мы предлагаем опираться на следующее определение юридической техники как дисциплины. Юридическая техника – это самостоятельная отрасль научных знаний, позволяющая на основании устоявшихся правовых доктрин, концептуально осмысленных идей, взглядов, научных достижений, собственного передового опыта создавать нормативные, административно-управленческие, нормативные правовые, правоприменительные и судебные

акты таким образом, чтобы они отвечали запросам гражданского общества и правового государства, имели однозначный смысл, логичную структуру и не противоречили друг другу, а равно профессиональные навыки по применению указанных документов при осуществлении властных полномочий.

Исходя из содержания определения юридической техники можно констатировать, что к ее субъектам относятся субъекты правотворчества, субъекты правоприменения, субъекты толкования права. При этом необходимо четко осознавать, что правотворчество, правоприменение, толкование права – это все деятельный, волевой процесс, а юридическая техника – это больше совокупность специальных навыков, позволяющих реализовывать правоприменение и правотворчество качественно, логически упорядоченно, выверенно, профессионально, системно и целесообразно. Иными словами, правотворчество реализуется в формально-юридической и деятельно-практической формах, так как оно, с одной стороны, является дозволением для определенного круга лиц участвовать в процедуре создания закона, с другой – деятельностью этих субъектов по созданию нового нормативного правового акта, которая выражается в конкретных стадиях (законодательная инициатива, подготовка проекта нормативного правового акта, предварительное обсуждение, принятие, обнародование). Особое место в этих механизмах занимает юридическая техника. Она выступает обязательным условием именно качественного правотворческого процесса, его катализатором, ускоряет наступление следующего этапа, является своего рода профессиональным мастерством.

Аналогичная ситуация и с правоприменением: чем выше уровень юридической техники у следователя или дознавателя, тем меньше ходатайств или жалоб, протестов или отмен постановлений и т. д. Наиважнейший вектор влияния юридической техники отражается именно в интерпретации права, так как подобная деятельность напрямую влияет на правовое сознание и правовую культуру как коллективных, так и индивидуальных субъектов, порождая их искаженное восприятие той или иной нормы, заставляя сомневаться в социальном назначении государства, компетентности и профессионализме представителей власти.

Таким образом, к субъектам юридической техники в первую очередь относятся субъекты правотворчества.

Субъекты правотворчества – это государственные органы, должностные и иные лица,

обладающие компетенцией по вопросам создания, изменения и дополнения нормативных правовых актов. Если понимать процессы правотворчества исключительно в позитивистском разрезе, то к субъектам юридической техники можно отнести: Президента Российской Федерации, Совет Федерации, сенаторов Российской Федерации, депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации.

Стоит отметить характерные особенности судебного правотворчества в Российской Федерации: 1) судебное правотворчество – это своеобразный итог, результат осуществления правосудия судами РФ; 2) осуществляется только на основе существующих и принятых высшими органами государственной власти законов; 3) основная цель правотворчества судов РФ – толкование Конституции, законов РФ и восполнение, уничтожение пробелов в праве; 4) правотворчество, осуществляемое судьей, должно быть максимально объективным, не допускать возможности вынесения решения, основанного на субъективном мнении судьи и толковании норм права; 5) нормы права судебных органов дают юридическую оценку законам, не имея права отменить или изменить конкретный закон. Особую роль в правотворчестве судебных органов власти играет Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ). Основной формой решений КС РФ является постановление. Как правило, правотворческая деятельность КС РФ направлена на сохранение конституционного порядка в обществе, решение вопросов о соответствии федеральных и иных законов Конституции РФ, споров между органами государственной власти, восполнение пробелов и устранение юридических коллизий в праве путем его детального анализа и подробного толкования.

Субъекты правоприменения – это наделенные властными полномочиями должностные лица, государственные служащие, органы и организации, которые управомочены реализовывать норму права в форме акта применения. В. Н. Карташов считает, что «субъект правоприменения – это наделенный государством соответствующей компетенцией активный участник правоприменительных отношений, которому принадлежит ведущая роль в развитии и движении этих отношений в направлении разрешения конкретной жизненной ситуации при помощи акта применения права» [1].

В круг субъектов правоприменения однозначно входят органы исполнительной власти, к

которым отечественным законодательством отнесены федеральные и региональный министерства, службы и агентства. Все перечисленные государственные органы в том или ином виде управомочены привлекать физических или юридических лиц к различным видам юридической ответственности путем составления специальных документов – протоколов, постановлений или определений. Кроме того, не стоит забывать и о таком виде юридической ответственности, как конституционная ответственность, когда, например, распускается парламент или выдвигается вотум недоверия президенту. В связи с этим сам президент и парламент тоже являются субъектами правоприменения в парламентских, президентских или смешанных республиках.

К органам правоприменения стоит отнести и прокуратуру. Несмотря на то что ей посвящена гл. 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура» и она осуществляет контроль и надзор за соблюдением законности, меры прокурорского реагирования позволяют прокурору привлекать к различным видам юридической ответственности как физических, так и юридических лиц.

К субъектам правоприменительной власти, а, следовательно, и к субъектам юридической техники, можно причислить и суды различных инстанций. Субъекты толкования права: Президент РФ, Государственная Дума, Совет Федерации, Правительство, Конституционный и Верховный Суды, депутатский корпус, парламентские комитеты, научные учреждения, законодательные (представительные) и исполнительные органы субъектов Федерации – все, кто обладает правом законодательной инициативы. Принимают активное участие в процессах неофициального толкования норм права общественные организации, движения, объединения, граждане, но не непосредственно, а через официальные каналы и прессу. Возможно, данный круг субъектов необходимо дополнить различными организациями, благотворительными фондами, зарегистрированными за границей Российской Федерации. Следует учитывать и бесчисленное количество комиссий, комитетов, советов и форумов. Также к субъектам юридической техники можно отнести:

- научные учреждения;
- общественные организации, движения, объединения;
- проактивные индивидуальные субъекты (вне зависимости от политического статуса);
- средства массовой информации (в том числе информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, различные мессенджеры).

Субъекты юридической техники – это коллективные или индивидуальные субъекты общественных отношений, которые в рамках исполнения своих должностных обязанностей и под угрозой применения различных видов юридической ответственности должны профессионально и качественно осуществлять деятельность по созданию и применению норм права, а также лица, осуществляющие официальное или неофициальное разъяснение нормативных правовых актов.

Список литературы:

[1] Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Практика реализации права. Правоприменительная практика. URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/19970902.pdf> (дата обращения: 02.07.2024).

Spisok literatury:

[1] Kartashov V.N. Introduction to the general theory of the legal system of society. Law enforcement practice. Law enforcement practice. URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru/edocs/iuni/19970902.pdf> (access date: 02.07.2024).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МОИСЕЙЦЕВ Руслан Андреевич,
студент 3-го курса
Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: moiseitsev.ra@dvfu.ru

ЛЕСНИКОВ Александр Андреевич,
студент 3-го курса
Юридической школы Дальневосточного
федерального университета, г. Владивосток,
e-mail: lesnikov.aa@dvfu.ru

Научный руководитель:
КУДЕЛЯ Наталья Юрьевна,
старший преподаватель,
e-mail: kudelya.nyu@dvfu.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ И НАДЗОРЕ

Аннотация. В настоящей статье проводятся исследования влияния инновационных методов и технологий на эффективность и эффективность государственного контроля и надзора. Обсуждаются современные подходы, включая применение искусственного интеллекта, анализ больших данных, цифровизацию и другие передовые технологии. Рассматриваются плюсы и минусы таких инноваций, их влияние на прозрачность и оперативность действий контролирующих органов. Наконец, делаются выводы о потенциале и вызовах, связанных с интеграцией этих методов в сферу государственного контроля и надзора.

Ключевые слова: предпринимательское право, бизнес, надзор и контроль, государство, юриспруденция, реформа.

MOISEYTSEV Ruslan Andreevich,
3rd year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LESNIKOV Alexander Andreevich,
3rd year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

Scientific supervisor:
KUDELYA Natalya Yurievna,
senior teacher

INNOVATIVE METHODS AND TECHNOLOGIES IN STATE CONTROL AND SUPERVISION

Annotation. This article studies the impact of innovative methods and technologies on the effectiveness and efficiency of government control and supervision. Modern approaches are discussed, including the use of artificial intelligence, big data analysis, digitalization and other advanced technologies. The pros and cons of such innovations, their impact on the transparency and efficiency of the actions of regulatory authorities are considered. Finally, conclusions are drawn about the potential and challenges associated with the integration of these methods into the field of government control and supervision.

Key words: business law, business, supervision and control, state, jurisprudence, reform.

Регулирование предпринимательской деятельности государством представляет собой сложный механизм воздействия публичного права на частных участников экономики. Этот процесс осуществляется через разнообразные правовые инструменты, которые охватывают различные сферы права. Среди основных нормативных актов, определяющих государ-

ственный контроль над предпринимательской деятельностью, на текущий момент стоят Федеральный закон от 26.12.2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее - № 294-ФЗ) [1] и Федеральный закон от 31.07.2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее - № 248-ФЗ), вступивший в силу с июля 2021 года [2]. Таким образом можно увидеть, что законодательные новеллы способствуют развитию и становлению инновационных методов и технологий государственного надзора и контроля. Это решение стало знаком начала широкомасштабной реформы законодательства, основанной на концепции «регуляторной гильотины», которая направлена на поэтапное устранение устаревших и неэффективных юридических механизмов в системе государственного контроля и надзора. Целью этой инициативы является построение новой модели правовых отношений между государством и бизнесом, отвечающей современным требованиям и стандартам эффективного правового регулирования [3].

Ст. 21, 40, 43, 98 ФЗ N 248-ФЗ предполагает переход к полному электронному документообороту. Федеральная государственная информационная система «Единый реестр проверок», оператором которой выступает Генеральная прокуратура РФ, содержит сведения как о проводимых мероприятиях по контролю, так и о профилактических мероприятиях в отношении подконтрольных субъектов и о решениях, принятых контрольными органами.

Далее, в ФЗ N 248-ФЗ вводится режим дистанционного контроля. Законодатель, идя по пути цифровизации, предусмотрел возможность использования технических средств при проведении контрольных мероприятий, когда подконтрольное лицо для осуществления мониторинга на добровольной основе предоставляет сведения для удаленной оценки его деятельности (пример: п. 5 ст. 56 ФЗ №248-ФЗ: Инспекционный визит, выездная проверка могут проводиться с использованием средств дистанционного взаимодействия, в том числе посредством аудио- или видеосвязи). Деятельность контрольных органов согласно новому подходу, принятому в ФЗ N 248-ФЗ, теперь оценивается в соответствии с установленными показателями результативности и эффективности по каждому виду контроля в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Данные показатели должны отражать уровень минимизации ущерба деятельности подконтрольных субъектов и использоваться для мониторинга при определении про-

блем контрольной деятельности. При этом законодатель не допускает установление показателей исходя из количества проведенных проверок, выявленных нарушений и числа привлеченных к ответственности подконтрольных субъектов (п. 7 ст. 30), что, безусловно, означает снижение административного давления на бизнес.

Нововведение относительно должностных обязанностей лиц контрольных органов: если в ФЗ N 294-ФЗ такие обязанности можно было установить лишь при системном анализе, то ФЗ N 248-ФЗ в главе 6 в полной мере раскрывает должностные обязанности лиц контрольных органов. Целью закрепления строго регламентированных должностных обязанностей лиц контрольных органов является установление ограничений для контрольных органов и их должностных лиц в процессе осуществления контрольной деятельности. В этой связи законодатель достаточно детально определил условия проведения различных контрольных мероприятий, реализуемых инспекторами. Нарушение требований к организации и осуществлению контрольных мероприятий влечет за собой недействительность решения контрольного (надзорного) органа государственной власти (ст. 91).

Так, грубыми нарушениями при осуществлении государственного контроля, при допущении которых решения контрольного органа подлежат отмене, являются: отсутствие оснований для проведения проверки, отсутствие согласования проверки с органами прокуратуры и нарушение уведомительного порядка при проведении проверок.

N 248-ФЗ вводит новые виды контрольных мероприятий, такие как выборочный контроль, мониторинговая закупка, выездное и инспекционное обследование (визит). На данный момент также действует контрольная закупка, целью которой является установление факта нарушения по заранее имеющимся сведениям. Мероприятия мониторинговой закупки направлены на последующую экспертизу качества товаров, работ и услуг. Выборочный контроль направлен на отбор образцов продукции из мест хранения и реализации для оценки соответствия их качества. Обследование же проводится для визуального осмотра и оценки соответствия требованиям по месту нахождения объекта контроля.

Законодатель устанавливает перечень профилактических мероприятий, направленных на минимизацию риска причинения ущерба. К таковым относятся: информирование, стимулирование добросовестности, объявление предостережения, консультирование, самообследование, профилактические визиты и обобщение правоприменительной практики. Также стала доступна возможность использования подконтрольными субъектами альтернативы плановым и внеплано-

вым проверкам путем негосударственного контроля и независимых экспертных оценок в соблюдении обязательных требований законодательства и разрешительной документации. К формам негосударственного контроля, которые признаются органами государственного контроля, относятся проведение проверки и оценки деятельности подконтрольного субъекта независимыми и саморегулируемыми организациями.

Федеральный закон N 248-ФЗ расширил список участников государственного контроля по сравнению с ФЗ N 294-ФЗ, где ранее закреплялось участие контролируемого лица, эксперта и экспертной организации. Теперь участниками государственного контроля также выступают свидетель и специалист. При этом привлечение свидетеля возможно только на добровольной основе, выступать им имеет право лицо, которому известны сведения и факты, имеющие значение для принятия решения контрольным органом. Привлечение специалиста возможно для оказания содействия контрольным органам при помощи технических средств, без которых работа контрольных органов будет менее результативной и эффективной.

Частью 2 ст. 39 N 248-ФЗ устанавливается обязательный досудебный порядок рассмотрения споров по поводу решений контрольного (надзорного) органа или действий (бездействия) его должностных лиц. В качестве правового эксперимента Постановлением Правительства РФ от 24.07.2020 N 1108 [6] был введен обязательный административный порядок обжалования действий (бездействия) и решений контрольных органов, который с 2023 года стал действовать для всех видов государственного контроля, указанных в перечне видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 28.04.2021 N 663 [4].

Порядок досудебного обжалования предусмотрен ст. 40 N 248-ФЗ, устанавливающей электронный способ подачи жалоб через портал государственных услуг с использованием электронной подписи. Данный механизм зарекомендовал себя во многих сферах деятельности (например, обжалование действий судебного пристава-исполнителя) и призван прежде всего снизить нагрузку на судебную систему в части рассмотрения заявлений об оспаривании действий государственных органов и предотвратить расход бюджетных средств на компенсационные выплаты. Кроме того, он позволяет обеспечить дополнительную защиту прав и законных интересов добросовестных предпринимателей. Обжаловаться могут любое решение контрольного

органа о проведении контрольных (надзорных) мероприятий или акт контрольных (надзорных) мероприятий, действие или бездействие государственных служащих, затрагивающие интересы заявителя, вплоть до вопроса о компетентности проверяющего инспектора. Более того, с 15 мая 2023 г. через систему электронного досудебного обжалования контролируемое лицо может заявить об изменении категории риска осуществляемой им деятельности или принадлежащего ему объекта контроля [5].

Однако, юристы и ученые отмечают, что установление механизма досудебного обжалования в качестве обязательного процессуального фильтра в настоящее время можно считать положительной инновацией лишь с некоторой натяжкой, ввиду того что его реализация на практике не всегда позволяет решить поставленные задачи, поскольку жалоба направляется в тот же орган, что и принял решение. А, как верно отмечает адвокат Адвокатской палаты г. Москвы О.А. Лисаев, отмена собственного решения для любого государственного органа трактуется как демонстрация некомпетентности и может повлечь санкции в отношении должностных лиц. Поэтому результатом подачи жалобы с большей вероятностью является направление заявителю стандартной отписки, а не полноценная проверка и отмена необоснованного решения.

Сложившийся на данный момент весьма формальный порядок административного обжалования приводит к тому, что вышестоящие контрольные органы редко признают недействительными результаты проверок и еще реже признают действия должностных лиц контрольных органов нарушающими права и законные интересы подконтрольных субъектов. Поэтому по-прежнему огромное число судебных дел связано с требованиями заявителей о признании недействительными результатов проверок, проведенных с грубыми нарушениями требований закона [7].

Также, в качестве итогов реформы заместитель министра экономического развития РФ Алексей Херсонцев представил предварительные результаты осуществления контрольной (надзорной) деятельности в 2023 году на расширенном заседании Комитета Государственной Думы по контролю.

«Динамика контрольной деятельности иллюстрирует продолжение многолетней тенденции к снижению количества проверок. В прошлом году проведено около 340 тыс. проверок, что в 2,6 раза меньше, чем в 2021 году. И такая динамика обусловлена введением масштабного моратория на проверки, который стал одной из первых мер поддержки бизнеса. Мораторий затронул более 150 видов контроля», – отметил Алексей Херсонцев.

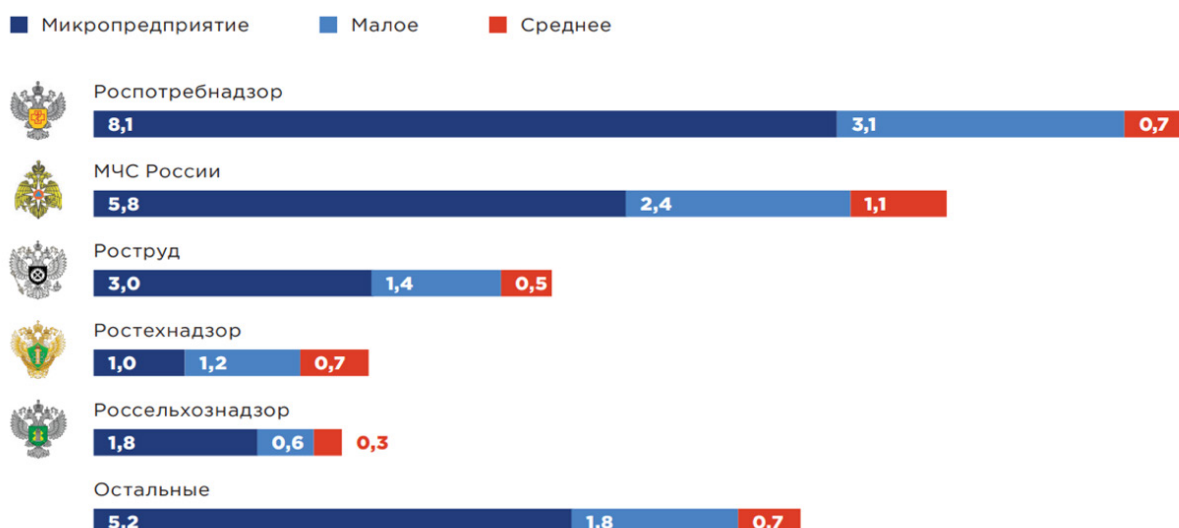
Профилактика заняла особое место с учетом введенного по поручению Председателя Правительства Михаила Мишустина моратория на проверки в 2022 году. Основной задачей контролеров стала реализация принципа «помогать, а не наказывать». Рост профилактических визитов является результатом слаженной работы всех ведомств. «Благодаря принятым решениям серьезно снизилась нагрузка на бизнес в 2022–2023 годах. По данным Минэкономки, в 2023 году число проверок достигло исторического минимума за всю историю. Сокращение стало возможным благодаря мораторию и тому, что вступивший в силу закон о контроле заложил хорошую основу, которая сегодня развивается», — сказал он.

«В 2022 году контролирующие органы провели более 560,3 тыс. профилактических визи-

тов. Также следует отметить увеличение роли предостережения как инструмента профилактики. В 2023 году было объявлено 1,4 млн предостережений», — прокомментировал замминистра.

Напомним, что одним из ключевых составляющих реформы контроля является внедрение механизма досудебного обжалования. Возможность подачи жалобы в досудебном порядке активно используется бизнесом. В 2022 году в досудебном порядке было подано более 9 тыс. обращений. Основные из них – ходатайства о продлении срока исполнения предписания для устранения нарушения. Треть таких решений была удовлетворена. Лидерами здесь являются МЧС России, Роспотребнадзор и Ростехнадзор. Средний срок рассмотрения жалоб по итогам прошлого года составил 10 дней (при нормативном сроке 20 дней) [8].

ПРОВЕРКИ МСП В РАЗРЕЗЕ КОНТРОЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ, ТЫС.

Структура проверок по группам МСП 30% всех проверок МСП приходится на долю Роспотребнадзора. Более 96% проверок Роспотребнадзора составляют проверки в рамках санитарно-эпидемиологического надзора [9]. Инновационные методы и технологии в государственном контроле и надзоре представляют собой ключевой фактор в современной трансформации органов государственного управления. Их внедрение не только повышает эффективность и точность контрольных механизмов, но также способствует улучшению прозрачности, оперативности и ответственности в действиях государственных служб. Эти инновации обеспечивают уникальные возможности для более эффективного выявления и предотвращения правонарушений, оптимизации процессов надзора и контроля, а также улучшения взаимодействия между государством,

бизнесом и гражданским обществом. Однако не следует забывать о вызовах, стоящих перед внедрением инноваций в государственный контроль и надзор, таких как необходимость обеспечения конфиденциальности данных, подготовка кадров к работе с новыми технологиями и обеспечение безопасности информационных систем. В целом, эффективное использование инновационных методов и технологий в государственном контроле и надзоре обещает улучшение качества государственного управления, повышение доверия к власти и улучшение условий для устойчивого развития общества в цифровую эпоху.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»

при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // «Российская газета», N 266, 30.12.2008

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Российская газета», N 171, 05.08.2020.

[3] Фесько Д.С. Новое законодательство о государственном контроле (надзоре) и гарантии прав контролируемых лиц // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. N 1. С. 163 - 171.

[4] Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб: Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 N 663 (ред. от 26.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

[5] О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу отдельного положения акта Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 10.03.2023 N 372 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

[6] О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц (вместе с Положением о проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц): Постановление Правительства РФ от 24.07.2020 N 1108 (ред. от 05.12.2020)

[7] Абакумова Е.Б. О некоторых правовых проблемах государственного контроля предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2023. N 4. С. 14 - 20.

[8] Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 год // Министерство экономического развития Российской Федерации // [электронный доступ] // URL: <http://static.government.ru/media/files/nl8VIVPes5mi2qAmn2Vgwwqrw1SGLhvDe.pdf> (дата обращения: 03.06.2024).

[9] Государственная автоматизированная информационная система «управление» // ГАС «Управление» // [электронный доступ] // URL: <https://gasu.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2024).

Spisok literatury:

[1] Federal Law of 26.12.2008 N 294-FZ (as amended 24.07.2023) “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control” (amended and supplemented, entry by virtue of 01.04.2024) // Rossiyskaya Gazeta, No. 266, 30.12.2008

[2] Federal Law of 31.07.2020 N 248-FZ (as amended by 25.12.2023) “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 171, 05.08.2020.

[3] Fesko D.S. New legislation on state control (supervision) and guarantees of the rights of controlled persons // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2021. N 1. S. 163-171.

[4] On approval of the list of types of federal state control (supervision) in respect of which the mandatory pre-trial procedure for consideration of complaints is applied: Decree of the Government of the Russian Federation of 28.04.2021 No. 663 (ed. 26.12.2022) // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru

[5] On amending certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidating a separate provision of the act of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of 10.03.2023 No. 372 // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru

[6] On conducting on the territory of the Russian Federation an experiment on pre-trial appeal of decisions of the control (supervisory) body, actions (inaction) of its officials (together with the Regulation on conducting on the territory of the Russian Federation an experiment on pre-trial appeal of decisions of the control (supervisory) body, actions (inaction) of its officials): Decree of the Government of the Russian Federation of 24.07.2020 No. 1108 (ed. 05.12.2020)

[7] Abakumova E.B. On some legal problems of state control of entrepreneurial activity // Bulletin of arbitration practice. 2023. N 4. S. 14-20.

[8] Summary report on state control (supervision), municipal control in the Russian Federation for 2022 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation // [electronic access] // URL: <http://static.government.ru/media/files/nl8VIVPes5mi2qAmn2Vgwwqrw1SGLhvDe.pdf> (date of reference: 03.06.2024).

[9] State automated information system “management” // GAS “Management” // [electronic access] // URL: <https://gasu.gov.ru/> (date of reference: 03.06.2024).

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-90-94
NIION: 2021-0079-7/24-546
MOSURED: 77/27-025-2024-7-546

НАГОЕВА Марина Аuesовна,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры специально-технической
подготовки ФГКОУ ВО «Северо-Кавказский
институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ И РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В настоящее время перед правоохранительными органами стоит не только задача обеспечения правопорядка, но и необходимость выстраивания доверительных отношений с различными группами населения, а процесс проектирования развития у сотрудников полиции культуры доверия играют ключевую роль в успешном взаимодействии с обществом, что несомненно ведет к повышению эффективности работы полицейских и способствует формированию позитивного имиджа правоохранительных органов. Разработка и внедрение инновационных подходов в обучение и повышение квалификации сотрудников полиции, направленных на укрепление культуры доверия, требует комплексного исследования данной проблемы, что свидетельствует об актуальности этого направления исследований, в целях создания эффективной модели взаимодействия с гражданами, что будет способствовать укреплению социальной стабильности и общественной безопасности.

Ключевые слова: программы обучения и развития, сотрудники полиции, коммуникативная, педагогические средства, педагогические условия, культура доверия, межкультурная компетентность.

NAGOEVA Marina Auesovna,
doctor of pedagogical sciences,
associate professor North Caucasus institute
of advanced training (branch) of Krasnodar university
of the Ministry of internal affairs of Russia

THE PROCESS OF FORMING A CULTURE OF TRUST BETWEEN POLICE OFFICERS AND VARIOUS GROUPS OF THE POPULATION AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

Annotation. Currently, law enforcement agencies face not only the task of ensuring law and order, but also the need to build trusting relationships with various groups of the population, and the design process of developing a culture of trust among police officers plays a key role in successful interaction with society, which undoubtedly leads to an increase in the efficiency of police work and contributes to the formation of a positive image of law enforcement agencies. The development and implementation of innovative approaches to training and advanced training of police officers aimed at strengthening a culture of trust requires a comprehensive study of this problem, which indicates the relevance of this area of research in order to create an effective model of interaction with citizens, which will contribute to strengthening social stability and public safety.

Key words: training and development programs, police officers, communicative, pedagogical tools, pedagogical conditions, culture of trust, intercultural competence.

В последние десятилетия вопросы эффективности деятельности правоохранительных органов всё чаще рассматриваются через призму их взаимодействия с обществом, и

в этом контексте особое значение приобретает культура выстраивания доверительных отношений сотрудников полиции с различными группами населения. Стоит отметить, что это понятие в педагогической науке может рассматриваться как комплекс знаний, навыков, умений и ценностей, призванных способствовать формированию у сотрудников полиции способности строить взаимоотношения с населением на основе взаимного уважения, доверия и понимания. С точки зрения педагогики, по мнению А.А. Тептеева, данное направление в обучении и развитии сотрудников полиции основывается на принципах гуманизма, индивидуализации и социализации, а гуманистический подход, соответственно, подчёркивает значимость взаимоуважения и эмпатии в общении с гражданами, индивидуализация позволяет учитывать личностные характеристики каждого сотрудника, а социализация направлена на формирование социально-ответственного поведения и преданности общественным ценностям [1, с.109].

Стоит согласиться с А.А. Арамисовым в том, что программы обучения и развития, интегрирующие данные принципы, должны включать модули по психологии общения, этнической и культурной компетентности, техникам переговорного процесса, а также методики решения конфликтных ситуаций, и, однозначно, целью такого обучения является не только приобретение знаний и развитие навыков, но и формирование отношения, при котором полицейский воспринимает свою роль как служение обществу и поддержание его безопасности через строительство доверительных отношений с гражданами [2, с. 8].

Культуры выстраивания доверительных отношений в современных условиях определяется изменениями социальной среды, увеличением этнического и культурного многообразия обществ, что требует от сотрудников полиции глубокого понимания социокультурных особенностей различных групп населения и умения на их основе строить эффективное взаимодействие и, таким образом, развитие культуры доверительных отношений становится неотъемлемой частью педагогического процесса в системе подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, открывая новые горизонты для укрепления общественной безопасности и гармонии [3, с. 87].

Научные исследования в области педагогики и социальной психологии подчеркивают важность развития у сотрудников правоохранительных органов навыков межкультурного общения и создания доверительных отношений с различными группами населения, а сама эта задача стоит на стыке нескольких дисциплин: психологии, социологии, педагогики и права, причем,

каждая из этих областей вносит свой вклад в формирование комплексного понимания того, как должна развиваться культура доверия в полиции, в этом мы полностью солидарны с А.А. Беликовым [4, с. 49].

Отметим, что в педагогической науке ключевым аспектом является обучение и развитие, и, соответственно, в контексте развития у сотрудников полиции культуры выстраивания доверительных отношений особое значение приобретает специфика взаимодействия с разнообразием социальных групп и изучение социально-психологических и культурных особенностей этих групп позволяет формировать у полицейских глубокое понимание и уважение к различиям, что способствует снижению напряженности и конфликтности в обществе. По нашему мнению, педагогический процесс обучения сотрудников полиции должен включать в себя как теоретические знания о культуре, правах человека, психологии общения, так и практические навыки — отработку сценариев взаимодействия с различными социальными группами, моделирование ситуаций, которые могут возникнуть в их рабочей деятельности, и, отметим, что важное место в этом процессе занимает рефлексия — способность анализировать свои действия и учиться на собственном опыте, что способствует формированию эмпатии и адаптации к изменяющимся социальным условиям [5, с.43].

По мнению Н.В. Железкина, программы профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России и обучения должны быть сфокусированы на развитии у сотрудников полиции гибкости мышления, открытости, готовности к диалогу [6, с.74]. Но, по нашему мнению, не менее важно обучение навыкам конструктивного разрешения конфликтов, что требует от правоохранителей не только знания законов, но и понимания тонкостей межличностного общения, а эффективное взаимодействие с обществом начинается с понимания сотрудниками полиции собственной роли в процессе формирования доверия и принятия этой роли и осознание ее важности являются ключевыми факторами в развитии культуры доверия. Считаем также, что педагогические подходы, направленные на развитие у сотрудников полиции профессиональных и личностных качеств, способствуют налаживанию эффективного взаимодействия с различными слоями населения, что, в свою очередь, повышает уровень общественной безопасности и способствует созданию более гармоничного и справедливого общества.

Нужно отметить, что важной составляющей в работе сотрудников правоохранительных органов является умение выстраивать доверительные отношения с различными группами населения, и,

соответственно, для развития соответствующих навыков необходимо применять комплексный подход к обучению и воспитанию сотрудников, что предполагает формирование у них не только профессиональных компетенций, но и выработку определённого социокультурного поведения, а основой модели развития у сотрудников полиции такой культуры могут стать следующие принципы:

- обеспечить межкультурную компетентность, позволяющую понимать особенности восприятия различных социальных и этнических групп, их традиций и ценностей;
- необходимо акцентировать внимание на этике общения, которая включает в себя уважение к личности, толерантность и справедливость в общении;
- следует обеспечить развитие эмоционального интеллекта сотрудников, что поможет им лучше понимать чувства и эмоции других людей, а также адекватно реагировать на различные ситуации.

Соответственно, для реализации этих принципов могут быть использованы разнообразные образовательные и тренинговые программы, направленные на развитие коммуникативных навыков, умение решать конфликты, знание психологических основ взаимодействия с людьми, важно включать в программу обучения элементы практической работы, например, участие в проектах по взаимодействию с общинами, что позволит сотрудникам на практике применять полученные знания и навыки.

Таким образом, модель развития у сотрудников полиции культуры выстраивания доверительных отношений предполагает комплексный подход, сочетание теоретической подготовки с практическими занятиями и постоянное совершенствование личностных и профессиональных качеств. Это поможет правоохранителям не только успешно выполнять свои непосредственные обязанности, но и способствовать формированию в обществе атмосферы доверия и уважения между населением и полицией.

Анализируя педагогические условия реализации модели в дополнительном профессиональном образовании сотрудников МВД России в контексте формирования у полицейских культуры выстраивания доверительных отношений с гражданами, нужно отметить, что значимую роль в данном процессе играют педагогические условия, реализуемые в рамках дополнительного профессионального образования (ДПО) сотрудников МВД России, а сама эффективность такого образования обусловлена созданием комплекса условий, способствующих развитию необходимых компетенций и навыков таких как:

- разработка образовательных программ, основанных на принципах взаимодействия

и партнерства (сами программы должны включать в себя кейсы из реальной практики, способствующие развитию умений адекватно реагировать на разнообразные ситуации;

- развивать навыки коммуникации и умение выстраивать взаимопонимание с различными группами населения (причем, важным условием является привлечение к образовательному процессу практикующих специалистов в области психологии, социологии;
- привлечение опытных сотрудников полиции, имеющих положительный опыт взаимодействия с общественностью (это позволит обогатить учебный процесс реальными примерами и практиками, а также сформировать у слушателей представление о лучших практиках и подходах к выстраиванию доверительных отношений [8, с.115].

По нашему мнению, важно обеспечить обратную связь и оценку эффективности обучения, что предполагает внедрение системы мониторинга и анализа результатов, что позволит адаптировать образовательные программы в соответствии с изменяющимися требованиями и условиями, а также с учетом индивидуальных особенностей слушателей. В современном цифровом и динамичном социуме становится крайне необходимым условием введение интерактивных форм обучения, таких как:

- деловые игры;
- тренинги по разрешению конфликтов и выстраиванию эффективного общения, с целью привития практических навыков и социальной адаптации (способствует не только приобретению знаний, но и развитию межличностного взаимодействия), что критически важно для работы сотрудников полиции с различными категориями граждан.

Обращаясь к рассмотрению технологий развития у сотрудников полиции культуры выстраивания доверительных отношений с различными группами населения, отметим, что это требует систематического подхода, начиная от обучения и заканчивая практическим применением полученных знаний и навыков в ежедневной работе, а основой такой технологии является комплексное обучение, включающее в себя:

- теоретические аспекты психологии общения и кросс-культурного взаимодействия;
- практические занятия, нацеленные на развитие соответствующих умений и навыков;
- проведение специальных тренингов и семинаров, на которых сотрудники могут получить знания о культурных, социальных и психологических особенностях разнообразных групп населения, что помогает

полицейским лучше понимать мотивы и ожидания людей из различных слоёв общества, а также учитывать их в процессе общения и взаимодействия.

Считаем важным и необходимым отметить, что регулярное проведение ролевых игр и тренинговых ситуаций, где сотрудники могут на практике отработать различные сценарии общения с представителями разных культур и социальных групп, является следующим важным шагом, в силу того, что подобные занятия помогают полицейским не только освоить теоретические знания, но и значительно повысить свои практические навыки коммуникации и взаимодействия, а внедрение модели менторства также может способствовать повышению уровня культуры доверительных отношений среди сотрудников полиции - более опытные коллеги, владеющие навыками построения доверительных отношений, могут передавать свой опыт младшим сотрудникам, примеряя на практике принципы и методы эффективного взаимодействия. Ключевым моментом в технологии развития является постоянный мониторинг и оценка результативности применяемых методов и подходов, что позволяет своевременно корректировать обучающие программы, а также адаптировать их под изменяющиеся условия и требования современного общества.

В ходе анализа невозможно обойти тему внедрения технологии в дополнительное профессиональное образование сотрудников МВД России, в силу того, что в современном мире активное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс открывает перед системой дополнительного профессионального образования сотрудников МВД России новые возможности для повышения квалификации и развития профессиональных компетенций, и, одним из ключевых аспектов обучения является формирование у полицейских культуры выстраивания доверительных отношений с различными группами населения, в этом контексте использование современных образовательных технологий играет критическую роль. Основным направлением является разработка и внедрение электронных обучающих курсов и вебинаров, которые охватывают различные аспекты взаимодействия с населением, а цифровые платформы позволяют сотрудникам полиции осваивать новые подходы и методы работы в удобном для них режиме, не отрываясь от выполнения своих прямых служебных обязанностей, что, в свою очередь, способствует быстрому внедрению и применению новых знаний на практике.

Использование интерактивных симуляторов и виртуальной реальности позволяет сотрудни-

кам полиции наработать навыки межкультурного общения и управления конфликтными ситуациями в безопасной и контролируемой среде, а сам такой подход способствует более глубокому пониманию потребностей и ожиданий различных социальных групп, а также формированию у участников обучения устойчивых навыков построения доверительных отношений. Активное внедрение информационных технологий в процесс обучения позволяет использовать большие данные (big data) для анализа существующих проблем и прогнозирования потенциальных вызовов в области обеспечения общественного порядка и безопасности, так, на основе аналитических данных разрабатываются специализированные программы обучения, направленные на развитие ключевых компетенций сотрудников полиции в области выстраивания доверия между полицией и обществом.

В качестве выводов в контексте проведенного анализа отметит следующее:

- интеграция вышеуказанных педагогических условий в образовательную программу дополнительного профессионального образования сотрудников МВД России способствует формированию у полицейских культуры выстраивания доверительных отношений и позволяет наиболее эффективно реализовывать задачи обеспечения общественной безопасности.
- развитие у сотрудников полиции культуры выстраивания доверительных отношений является многогранным процессом, который требует комплексного и индивидуализированного подхода, включая образовательные программы, практические занятия и постоянное совершенствование профессиональных навыков.
- внедрение современных технологий в дополнительное профессиональное образование сотрудников МВД России выступает не только как инструмент повышения эффективности обучения, но и как мощный ресурс для формирования новой культуры взаимодействия с населением, основанной на доверии, открытости и профессионализме.

Список литературы:

[1] Теппеев А.А. Педагогические условия развития у сотрудников полиции культуры выстраивания доверительных отношений с различными группами населения // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2022. №4 (53). С. 107-117.

[2] Арамисов А. А. Развитие профессиональной культуры как цель и результат дополни-

тельного профессионального образования сотрудников ОВД Российской Федерации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 7-10.

[3] Титова О.И. Способность устанавливать доверительные отношения с гражданами в контексте подготовки курсантов юридического вуза к партнерству: социально-психологические и методические аспекты // Проблемы современного образования. 2021. №2. С. 81-91.

[4] Белимова А. А. Методологические основания подготовки сотрудников полиции к социальному взаимодействию // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 2. С.48-51.

[5] Каширгов А. Х. Применение личностно ориентированных стратегий повышения квалификации сотрудников полиции для совершенствования культуры профессионального мышления // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 42-45.

[6] Железкин Н. В. Комплексная целевая программа профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-4. С. 73-76.

[7] Теппеев А. А. Культура выстраивания доверительных отношений с населением как профессионально важное качество сотрудников полиции // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, Оренбург, 27 июня 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Омега сайнс», 2021. С. 220-224.

[8] Шамаев А.М. Использование ресурсов дополнительного профессионального образования для развития у сотрудников полиции ценностного отношения к социальному взаимодействию с населением // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. №3 (48). С. 108-117.

Spisok literatury:

[1] Teppeev A.A. Pedagogical conditions for the development of a culture of building trusting relationships with various groups of the population among police officers//Scientific support of the personnel training system. 2022. №4 (53). S. 107-117.

[2] A. Aramisov. Development of professional culture as a goal and result of additional professional education of employees of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation//World of Science, Culture, Education. 2021. № 6 (91). S. 7-10.

[3] Titova O.I. The ability to establish trusting relationships with citizens in the context of training law school cadets for partnership: socio-psychological and methodological aspects//Problems of modern education. 2021. №2. S. 81-91.

[4] Belimova A. A. Methodological grounds for training police officers for social interaction//Problems of modern pedagogical education. 2019. № 2. S.48-51.

[5] Kashirgov A. Kh. Application of personally oriented strategies for advanced training of police officers to improve the culture of professional thinking//World of science, culture, education. 2022. № 3 (94). S. 42-45.

[6] Zhelezkin N.V. Comprehensive target training program in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Problems of modern pedagogical education. 2019. № 62-4. S. 73-76.

[7] Teppeev A. A. Culture of building trust with the population as a professionally important quality of police officers//Science in modern society: patterns and development trends: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, June 27, 2021. Ufa: OMEGA SAINS Limited Liability Company, 2021. S. 220-224.

[8] Shamaev A.M. Use of resources of additional professional education for the development of police officers' value attitude to social interaction with the population//Scientific support of the personnel training system. 2021. №3 (48). S. 108-117.

КАБАНЧЕНКО Сергей Николаевич,
доцент кафедры
физической подготовки и спорта
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: kabanchenkoserg@yandex.ru

ПЕРШИН Александр Юрьевич,
преподаватель кафедры физической подготовки
Белгородского юридического института МВД России
им. И.Д. Путилина, старший лейтенант полиции,
e-mail: sasha.perschin2014@yandex.ru

МАЙЕР Евгений Владимирович,
преподаватель кафедры физической подготовки
Омской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: mayer@rosfk.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В публикации рассматривается вопрос профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Анализируются основные нормативно-правовые акты, регулирующие этику сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации.

Ключевые слова: профессиональная этика, сотрудник органов внутренних дел, нравственные ценности и нравственные принципы сотрудника органов внутренних дел, нравственные качества сотрудника правоохранительных органов.

KABANCHENKO Sergey Nikolaevich,
Associate Professor of the Department
of Physical Training and Sports Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel

PERSHIN Alexander Yurievich,
Lecturer at the Department of Physical Training
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after. I.D. Putilina, senior police lieutenant

MAYER Evgeniy Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Physical Training
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police Major

ON THE QUESTION OF PROFESSIONAL ETHICS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The publication discusses the issue of professional ethics of employees of internal affairs bodies. The main legal acts regulating the ethics of employees of internal affairs bodies in the Russian Federation are analyzed.

Key words: professional ethics, law enforcement officer, moral values and moral principles of a law enforcement officer, moral qualities of a law enforcement officer.

Необходимым условием выполнения профессиональной и служебной деятельности сотрудником органов внутренних дел является соблюдение норм профессиональной этики. Данный аспект определен фактором непосредственного взаимодействия сотрудников органов

внутренних дел с гражданами в процессе реализации своих полномочий. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел не ограничивается общением с законопослушными гражданами и нарушителями закона, но и предполагает взаимодействие с коллегами и вышестоящими лицами, это определено вертикальным срезом системы органов внутренних дел, раскрывает ее организационную структуру и иерархию.

Термин «профессиональная этика» подразумевает не только раздел этической науки, но и своеобразный нравственный кодекс людей определенной профессии, представители которой находятся в постоянном или даже непрерывном общении с другими людьми, связанном с воздействием на их мировоззрение, принципы и установки, внутренний мир, судьбу, с нравственными взаимоотношениями [1, 14]. Можно отметить существование особенных «нравственных кодексов» представителей таких профессий и специальностей, как учитель, журналист, врач, писатель, судья, художник, работник телевидения, полицейский. Так, например, этика офицера полиции обязывает беззаветно служить Отечеству, проявлять стойкость и мужество, преданность профессии и служебному долгу, а также верность Присяге сотрудника органов внутренних дел.

Следует акцентировать внимание на соблюдении этических требований при реализации процесса профессионального общения. Единая централизованная система МВД России согласно Положению о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [2] охватывает: органы внутренних дел, включающие в себя полицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России. Вопрос этики в деятельности сотрудников ОВД преимущественно регламентируется Приказом МВД России от 26 июня 2020 года №460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [3].

Обозначим, что профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел призвана определять моральные нормы поведения сотрудника полиции, которые не должны противоречить всеобщему благу, а также призвана нивелировать противоречия, являющиеся источником возникновения ситуаций морального выбора. Например, противоречие между общими моральными нормами и теми решениями, которые сотрудник полиции вынужден принимать в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей.

Кодекс этики и служебного поведения представляет собой свод моральных и этических требований, предъявляемых к поведению сотрудни-

ков органов внутренних дел Российской Федерации при исполнении служебных обязанностей, во внеслужебной деятельности, взаимоотношениях с коллегами, гражданами, должностными лицами других государственных органов, организаций. Следует обратить внимание на то, что требование соблюдения установленных этических принципов распространяется не только на трудовую деятельность, но и на общение с людьми во внеслужебное время. Это объясняется, с одной стороны, личной ответственностью сотрудника, ориентирующегося в своем поведении на пример добропорядочного и законопослушного гражданина Российской Федерации. С другой стороны, нормативно-правовым закреплением в деонтологических документах понятия служебной дисциплины [4], требований к служебному поведению сотрудников полиции [4], принципа открытости и публичности [5]. А именно, Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации [6] регулируют понятие «служебной дисциплины», подразумевающей выполнение служебных обязанностей сотрудника полиции на основе строгой иерархии нормативных правовых документов. В свою очередь, служебная дисциплина предъявляет требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел, которые он должен соблюдать не только при осуществлении служебной деятельности, но и во внеслужебное время. Подобный формат поведения способен повлиять на формирование позитивного имиджа сотрудника, положительную репутацию органов правопорядка, рост доверия и уважения со стороны граждан к государственным органам и государству в целом.

Все эти факторы должны послужить основой формирования у должностных лиц нравственных качеств. Например, по отношению к окружающим сотрудник полиции должен проявлять: скромность, совестливость, справедливость, требовательность, правдивость, вежливость, порядочность, доброжелательность; по отношению к Родине, обществу, государству, народу патриотизм, преданность, гордость своей профессией, верность долгу, ответственность, самоотверженность, постоянную готовность прийти на помощь; по отношению к выполнению служебных обязанностей мужество, выдержку, самообладание, стойкость, решительность, дисциплинированность, честность, смелость, творческий подход.

Профессиональная деятельность сотрудников строится на общих принципах этики и морали, таких как добропорядочность, альтруизм, толерантность, корректность, коллективизм, а также дополняются специальными принципами профессиональной этики и служебными традициями

органов внутренних дел Российской Федерации. Содержание Раздела II Основные этические требования Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации включает положения о сферах проявления профессиональной этики, определяет нетерпимость к проявлениям коррупции, необходимость обладать навыками межнационального и межконфессионального общения, признает высшим нравственным смыслом служебной деятельности защиту человека, его жизни и здоровья, чести и личного достоинства, неотъемлемых прав человека. Уделяется внимание и поведению сотрудника в нерабочее время, выражающееся в соблюдении культуры речи, культуры поведения, всесторонне регулирует отношения сотрудников, как с гражданами, так с должностными лицами и коллегами, которые должны строиться на взаимном уважении, доверии, профессиональном взаимодействии. Настолько детальное регулирование поведения сотрудников может повлечь для них ряд правоограничений личного характера, именно поэтому Кодекс этики указывает на признание приоритета государственных и служебных интересов над личными. Все эти принципы призывают сотрудников к объективному и беспристрастному исполнению своих полномочий несмотря на возможное влияние факторов извне.

Анализируя всё вышесказанное, можем прийти к выводу, что важность наличия и закрепления этических норм, необходимых для соблюдения сотрудниками органов внутренних дел, обосновывается необходимостью формирования в обществе авторитетности, уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости органа внутренних дел.

Список литературы:

[1] Кобликов А. С. Юридическая этика. Учебник для вузов. — К-55 М., Издательская группа НОРМА — ИНФРА•М, 1999. — 168 с.

[2] Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 №699 (ред. от 05.02.2024) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[3] Приказ МВД России от 26 июня 2020 года № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[4] Федеральный закон от 30 ноября 2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[5] Федеральный закон от 07 февраля 2011 №3-ФЗ «О полиции» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[6] Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. №1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

Spisok literatury:

[1] Bozhenko V.A. Opredelenie ponyatiya «konflikt» // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. 2000. №2. S. 143 – 147.

[2] Zaprudskij YU.G. Social'nyj konflikt (Politologicheskij analiz). Rostov-na-Donu. 1992. 120 s.

[3] Emel'yanova I.E. Problema differenciacii ob'ekta i predmeta mezhlichnostnogo konflikta v processe ego analitiki // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. №76-4. S. 371 -374.

[4] Ancupov A.YA. Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov / A.YA. Ancupov, A.I. SHipilov - 4-e izd. isp. i dop. M.: Eksmo, 2013. Koblikov A. S. YUridicheskaya etika. Uchebnik dlya vuzov. — К-55 М., Izdatel'skaya gruppa NORMA — INFRA•М, 1999. — 168 s.

[2] Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 №699 (ред. от 05.02.2024) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[3] Приказ МВД России от 26 июня 2020 года № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[4] Федеральный закон от 30 ноября 2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[5] Федеральный закон от 07 февраля 2011 №3-ФЗ «О полиции» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

[6] Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. №1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы по законодательству Российской Федерации «ГАРАНТ».

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-98-103
NIION: 2021-0079-7/24-548
MOSURED: 77/27-025-2024-7-548

КУЛАКОВА Екатерина Алексеевна,
юрист ООО «Юридическое агентство
«Академия консалтинг групп»,
e-mail: ekaterina1kulakova@mail.ru

ИСТЦЫ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В СЛУЧАЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОСТОВЕРНЫХ, ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ ОБ УМЕРШЕМ ФИЗИЧЕСКОМ ЛИЦЕ

Аннотация. В статье анализируется круг лиц, которые могут быть истцами по делу о защите деловой репутации в случае распространения порочащих сведений об умершем лице. Исследованы позиции ученых по данному вопросу. Автор пришел к собственному выводу о том, что определение круга истцов зависит от выявленного у обращающихся с исковыми требованиями субъектов характера заинтересованности. На основании положений теории процессуального права и судебной практики обозначены виды заинтересованности, их влияние на вид и судьбу исковых требований. Изучены ошибки судов в определении круга истцом по рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: деловая репутация, диффамация, защита деловой репутации, спор о защите деловой репутации, порочащие сведения, истцы, юридическая заинтересованность.

KULAKOVA Ekaterina Alekseevna,
lawyer LLC «Legal Agency
«Academy Consulting Group»

PLAINTIFFS IN CASES OF PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION IN ARBITRATION PROCESS IN THE EVENT OF DISSEMINATION OF FALSE, DEFAMATORY INFORMATION ABOUT A DECEASED INDIVIDUAL

Annotation. The article analyzes the circle of persons who may be plaintiffs in the case of protecting business reputation in the event of dissemination of defamatory information about a deceased person. The positions of scientists on this issue have been studied. The author came to his own conclusion that determining the circle of plaintiffs depends on the nature of interest identified among the subjects filing claims. Based on the provisions of the theory of procedural law and judicial practice, the types of interest and their influence on the type and fate of claims are identified. The errors of the courts in determining the circle of plaintiffs in the category of cases under consideration have been studied.

Key words: business reputation, defamation, protection of business reputation, defamation dispute, defamatory information, plaintiffs, legal interest.

Напомним, что в соответствии со статьей 152 ГК РФ и пунктом 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 истец по делу о защите деловой репутации – лицо, которое считает, что в отношении него распространены несоответствующие действительности, порочащие сведения. В дополнение, в арбитражном диффамационном споре с позиции законодателя и правоприменителя истец так или иначе должен быть участником экономической дея-

тельности, в том числе предпринимательской, а порочащие сведения касаться именно данного вида его деятельности.

Действующим законодательством предусмотрена защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти по требованию заинтересованных лиц (абзац 2 пункта 1 статьи 152 ГК РФ), в то время как в абзаце 2 пункта 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 по требованию заинтересован-

ных лиц (например, родственников, наследников) после смерти гражданина допускается только защита чести и достоинства. Вновь обнаруженные разночтения связаны с тем, что на момент принятия постановления законом после смерти лица санкционировалась только защита чести и достоинства, а последующее внесение изменений в норму права отражения в постановлении не нашло. Это в очередной раз подтверждает недостаток юридической техники разъяснений, не только не выполняющих своей функции толкования норм для однозначного понимания их смысла, но и заставляющий задуматься, допустима ли защита деловой репутации умершего лица или правоприменитель, сузив содержание нормы, признал ошибку законодателя и предпринял попытку ее исправить. Безусловно, ничем большим, кроме ошибки юридической техники названного постановления указанное разъяснение не является. Ошибку Пленума Верховного Суда РФ не повторил Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре от 16 марта 2016 г. Тем не менее положение о защите заинтересованными лицами деловой репутации субъекта в случае его смерти в науке материального и процессуального права вызывает самые различные интерпретации, а в судебной практике число споров данной подкатегории растет, в связи с чем для единообразного применения нормы требуется объяснение природы и разумных целей разъяснения, оценка его согласованности с теорией права.

Основная проблема, от которой во многом рождаются по цепочке другие основания для дискуссии, заключается в определении характера заинтересованности при обращении лица за защитой деловой репутации умершего: чей интерес оно защищает, в чем он заключается. С позиции процессуального права это один из узловых вопросов, определяющий судьбу спора.

Возможно выделить несколько концепций, каждая из которых берет свое начало из материального права.

Первая основана на отступлении в исключительных случаях от принципа неотчуждаемости некоторых нематериальных благ, в том числе деловой репутации, чем устраняются препятствия для ее правопреемства и защиты после смерти пользователя блага. С. В. Потапенко, как один из сторонников этой позиции, оригинально разделяет порядки защиты деловой репутации умершего в зависимости от того, в какой момент были распространены порочащие сведения – до или после его смерти. В случае распространения порочащих сведений при жизни пострадавшего от диффамации субъекта защита его деловой репутации заинтересованным лицом возможна как в уже инициированном самим пострадавшим процессе, не оконченном по причине смерти, так

и путем предъявления самостоятельного иска заинтересованным лицом при наличии заранее выраженной при жизни воли умершего на защиту деловой репутации. В случае распространения порочащих сведений о физическом лице после его смерти, заинтересованное лицо вправе обратиться за защитой интересов умершего [1, с. 137-140]. При поиске в формулировках автора ответа на вопрос, чей интерес защищается в обсуждаемых случаях, постановка возможности заинтересованного лица обратиться в суд в зависимости от воли умершего позволяет сделать вывод о преобладании защиты интересов умершего над интересами живущего. Однако с процессуальной точки зрения неясно, какое положение в процессе занимают заинтересованные лица. Приоритет защиты чужого интереса препятствует отнесению их к классическим истцам. Наделение положением процессуального истца, поскольку право на защиту другого, хотя и умершего субъекта, предоставлено законом, также не обосновано, ведь физически истец в материальном смысле отсутствует.

Несмотря на явную спорность, высказанная С. В. Потапенко точка зрения находит отражение в формулировках судебных актов. В Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2023 г. по делу № 88-27909/2023 суд допустил следующее изложение: «ФИО2 И.Г., действуя от себя и в интересах сына ФИО2 А.И., скончавшегося в 2016 г., обратился в суд с уточненными в ходе рассмотрения дела исковыми требованиями к редакции независимой газеты «Местное время» о защите чести, достоинства, деловой репутации, понуждении принести извинения и опровергнуть опубликованную информацию в газете. Требования мотивировал тем, что он является отцом ФИО2 А.И., который ДД.ММ.ГГГГ трагически умер.». Остается надеяться, что оплошность суда в виде наделения умершего субъекта процессуальным положением материального истца стало следствием насущной проблемы судебной системы – чрезмерной загруженности судов, лишившей конкретного судью возможности уделить пристальное внимание смыслу каждой изложенной в определении формулировки.

Антагонисты вышеописанного подхода, следуя классическому принципу неотчуждаемости нематериальных благ, сходятся во мнении, что заинтересованные лица защищают свой интерес [2, с. 91-94]: «объектом защиты должны быть права и законные интересы живущего, реализация которых зависит от того, будут ли признаны не соответствующими действительности негативные сведения об умершем гражданине... Указание в качестве обязательного условия реализации права на судебную защиту на наличие взаи-

мосвязей репутаций умершего и инициатора обращения в суд необходимо...» [3, с. 55]. Таким образом, Е. М. Кобзаренко усматривает интерес в защите через влияние деловой репутации умершего на деловую репутацию живущего, предполагая в любом случае получение заинтересованным лицом собственной выгоды от обращения в суд.

Такая позиция также нашла практическое применение в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 августа 2023 г. по делу № 88-14310/2023: «По смыслу абзаца второго п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации это положение обусловлено неразрывной связью достоинства тесно связанных с умершим людей (близких родственников, друзей, сослуживцев и др.) и прижизненного достоинства умершего. ... вместе с тем, истцом не представлено доказательств, что он относится к кругу заинтересованных лиц, которые вправе требовать защиты чести и достоинства Ахмет-Заки Валиди Тугана, в связи с чем отказал в удовлетворении исковых требований.»

Сторонник еще одной концепции Е. В. Гаврилов вовсе считает целесообразным и обоснованным под влиянием существующей нормы создать новое нематериальное благо, поскольку «другие (заинтересованные) лица защищают вовсе не нематериальные блага умершего (ибо без субъекта права нет и нематериальных благ), а свое собственное нематериальное благо – добрую память об умершем человеке» [4, с. 40], отмечая при этом, что «защищаются в таком случае интересы общества и личные интересы близких к умершему лиц» [4, с. 40]. Представляется, что выводы автора о необходимости создания нового нематериального блага поспешны.

В диссертационных работах последних двух десятилетий, несмотря на многообразие точек зрения по данному вопросу, трудно обнаружить глубину погружения в проблему. Авторы по неизвестным нам причинам не считают необходимым обратиться к трудам предшественников, в которых, возможно, кроется не требующее никаких изменений в законодательстве, не посягающее на прочность классических теорий материального права и одновременно следующее из законов логики обоснование имеющейся формулировки нормы.

На наш взгляд, устранил проблему толкования абзаца 2 пункта 1 статьи 152 ГК РФ еще задолго до ее появления Р. Е. Гукасян: «Гражданское процессуальное право, помимо защиты субъективных материальных прав, акцентирует внимание на защите законных интересов, в связи с чем отпадает необходимость подведения любого подлежащего защите интереса под категорию субъективного права» [5, с. 23]. «Субъек-

тивное материальное право не является единственной формой охраны интереса... В области, регулируемой гражданским правом, имеет место непосредственная охрана интереса соответствующими правоохранительными органами. Иногда закон содержит прямое указание на это... Охрана интересов, но не защита субъективного материального права осуществляется судом, когда предъявляются иски о защите чести и достоинства умершего лица. В данном случае речь идет о защите интересов лица, заявившего иск, ибо со смертью лица прекращается его правоспособность, и не может быть речи о защите субъективных прав умершего. Исключается и защита интересов умершего, так как интересы – это социальные потребности, а у умерших никаких (ни социальных, ни иных) потребностей быть не может...» [5, с. 19-20]

На первый взгляд может показаться, что мысли Р. Е. Гукасяна восприняты, к примеру, в работе Е. М. Кобзаренко, но лишь отчасти. Классик процессуальной мысли, в отличие от современного исследователя, продолжает погружаться в проблему: «Из изложенного вытекает общий вывод, что предметом судебной защиты выступают интересы заявителя (истца) в тех случаях, когда им заявлен иск в целях восстановления справедливости против искажения личных достоинств, достижений, чести умерших лиц... Требуется некоторого уточнения вопрос о характере интереса, являющегося предметом судебной защиты в перечисленных случаях. Бесспорно, что носителем интереса выступает лицо, заявившее иск. Предметом судебной защиты выступает личный интерес, ибо судебное решение удовлетворяет личные духовные потребности (потребность в справедливости). Но в основе личного интереса лежит общественный: личный и общественный как бы проникают друг в друга.» [5, с. 19-20]

Таким образом, Р. Е. Гукасян выделяет в данной подкатегории споров особый, никем из вышеприведенных авторов не упомянутый характер интереса живущего лица – восстановление справедливости против искажения нематериальных благ, закрепленных в законодательстве в период написания работы, что применимо в настоящее время и к деловой репутации.

По нашему мнению, существование такой точки зрения на характер интереса одновременно устраняет посягательства на принцип неотчуждаемости нематериальных благ, однозначно определяет положение заинтересованного лица как истца с материальной заинтересованностью в достижении справедливости и позволяет буквально понять изложенную в законе норму без всяких отступлений и оговорок.

Исходя из представленных суждений, позволим сформировать свой взгляд на про-

блему. Безусловно, носителем интереса является лицо, обратившееся за защитой деловой репутации умершего. Характер заинтересованности может иметь двойственную природу:

1. Заинтересованность в «очищении» деловой репутации умершего лица от порочащих, не соответствующих действительности сведений («восстановление справедливости»).

Вполне допустимы случаи, когда заинтересованному лицу может быть важно, чтобы деловая репутация близкого ему человека, предположим, длительное время добросовестно занимающегося предпринимательской деятельностью, не была опорочена конкурентами, которые, воспользовавшись прискорбным фактом смерти, по негативным субъективным причинам решили ее очернить, тем самым поставив себя в более выгодное положение на рынке. Вид заинтересованности способен оказаться актуальным и в случае распространения порочащих сведений в отношении известной исторической личности [4, с. 42].

Интерес истца здесь не связан с собственной выгодой, не носит имущественного характера, но это не означает, что он не может быть защищен допустимыми законом способами. Однозначно, имеющее желание добиться справедливости лицо не должно задумываться о какой-либо материальной компенсации в свою пользу. Более того, ее взыскание умышленно подлежит исключению в таких ситуациях хотя бы на уровне правоприменения, дабы не порождать соблазн у заинтересованных лиц сменить намерения с благих на корыстные. Полагаем, одержимых добиться справедливости без получения собственной выгоды найдется немного, что не создаст «простор для сутяжничества» [3, с. 56], о котором высказывали опасения некоторые исследователи. Между тем такие неимущественные способы защиты как, например, опровержение порочащих сведений или их удаление будут допустимы и восстановят необходимую заинтересованному лицу «справедливость».

2. «Опосредованная заинтересованность» [6, с. 45] – заинтересованность в признании не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию умершего лица сведений, факт распространения которых повлиял на деловую репутацию предъявившего иск лица или иным образом «ущемляет его права и интересы» [6, с. 46].

В отличие от первого вида заинтересованности здесь истец косвенно преследует выгоду для себя от результата разрешения спора, в частности, для своей деловой репутации (выгода в форме предотвращения ущерба). Для восстановления ущемленных прав необходимо показать, как факт распространения сведений об умершем

ущемил права заинтересованного лица (причинно-следственная связь между фактами). Целесообразно заявить в качестве требования признание не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию заинтересованного лица сведений, распространенных в отношении умершего.

Представляется, это особенно актуально в предпринимательской сфере деятельности в случае смерти одного из партнеров по бизнесу, соучредителей, преемстве детьми бизнеса родителей после их смерти. В таких ситуациях не должно быть исключено взыскание в пользу истца какого-либо из видов возмещения за причиненный вред при доказанности его нанесения именно вследствие распространения порочащих сведений об умершем.

Не будем отрицать, что в судебной практике найти первый вид заинтересованности в чистом виде будет нелегко, особенно если затронута деловая репутация в сфере предпринимательской деятельности. Оптимальным вариантом в такого рода исках можно считать сочетание обоих видов заинтересованности.

Примером выводу служит дело Арбитражного суда Московской области № А41-23548/08 от 28 января 2009 г., в котором истцы указали, что распространенные ответчиком сведения не соответствуют действительности и порочат деловую репутацию их отца, умершего 20 октября 2007 г., бывшего в статусе директора закрытого акционерного общества, и одновременно, считая собственные права ущемленными, попросили взыскать в свою пользу компенсацию морального вреда в размере 15 000 рублей. Стоит обратить внимание, что обосновать последний вид требования крайне сложно, поэтому умышленная подмена характера заинтересованности истцом в судебном разбирательстве не принесет ожидаемых результатов.

Неопределенность характера заинтересованности закономерно выявляет проблему очерчивания круга субъектов, подпадающих под понятие «заинтересованные лица» в соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 152 ГК РФ. В Постановлении Пленума ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 применительно к защите чести и достоинства в качестве примера таковыми называются родственники, наследники.

В науке нет единообразия по данному вопросу. Так, например, М. Н. Малейной предложено относить к заинтересованным субъектам не более чем два следующих за умершим поколения, среди которых его родственники, члены семьи, друзья, а в защиту нематериальных благ исторических личностей – государство и общественные организации [7, с. 141]. Согласимся с авторами, которые, обратившись к точке зрения М. Н.

Малеиной, обоснованно настаивают на том, что перечень заинтересованных лиц «должен оставаться открытым, поскольку его границы определяются лишь действительным интересом, достаточную степень которого должен определить суд при рассмотрении дела по существу» [8, с. 28]. Очерчивая круг возможных заинтересованных лиц в сфере экономической, в том числе предпринимательской деятельности, помимо родственников, друзей, таковыми могут быть лица, находившиеся с умершим в корпоративных отношениях (соучредители юридического лица, работники, работодатель и т.п.).

Придерживаясь позиции о двойственном характере интереса, полагаем, что в случае преследования цели восстановления справедливости своего рода ограничителем круга лиц может выступать невозможность получения материальной выгоды от удовлетворения исковых требований, а в ситуации выражения опосредованной заинтересованности автоматически сдерживающим злоупотребление фактором служат высокие требования к доказыванию ущерба, причиненного живущему от распространения сведений об умершем.

Несмотря на то, что точка зрения С. В. Потапенко на допустимость в споре о защите деловой репутации правопреемства на стороне истца в случае его смерти при поиске ответа на вопрос о характере заинтересованности не была нами поддержана, стоит заметить, что автором поднята еще одна насущная проблема, возникшая в судебной практике: можно ли допускать правопреемство по делу о защите деловой репутации в случае, когда истец, инициировав процесс, не успел добиться защиты нематериального блага по причине смерти.

Интерес представляют подходы судов к разрешению данной проблемы. В 2017 г. в практике Московского городского суда обнаруживается основанная на буквальном толковании абзаца 2 пункта 1 статьи 152 ГК РФ позиция в поддержку правопреемства: поскольку законом предусмотрена возможность защиты чести, достоинства или деловой репутации граждан при их жизни, а также после их смерти, замена истца на его правопреемников возможна, а доводы противоположной стороны о том, что по указанным требованиям не допускается правопреемство, основаны на неверном толковании норм права (см. например, Апелляционное определение Московского городского суда от 2 июня 2017 г. по делу № 33-4263/2017). Изредка встречается схожая позиция и в более поздних судебных актах.

Тем не менее большинство судебных органов придерживаются противоположного толкования нормы, изложенного, например, в Апелля-

ционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 14 июля 2020 г. № 33-11728/2020 по делу № 2-2005/2019: «Учитывая, что истцом М.А.С. заявлены требования о защите личных неимущественных прав, процессуальное правопреемство по его требованиям недопустимо, в связи с чем производство по делу в данной части подлежит прекращению с отменой решения суда первой инстанции. То обстоятельство, что в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти, не свидетельствует о возможности процессуального правопреемства по настоящему делу, поскольку предполагает разрешение требований о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина после его смерти в рамках самостоятельного спора».

На наш взгляд, идея прекращения производства по делу о защите деловой репутации в случае смерти истца с последующей возможностью инициирования заинтересованным лицом самостоятельного спора о том же объекте, несмотря на трудоемкость реализации за счет совершения большего количества процессуальных действий по сравнению с продолжением судопроизводства после правопреемства, оправдывает свою некоторую несогласованность с принципом процессуальной экономии благодаря сохранению неприкосновенности классической концепции неотчуждаемости нематериальных благ и следованию вышеописанной специфике заинтересованности, поскольку правопреемство в этой ситуации однозначно свидетельствовало бы о защите интересов умершего, а не живущего лица.

Список литературы:

- [1] Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 319 с.
- [2] Парыгина Н. Н. О проблеме правопреемства деловой репутации и иных нематериальных благ // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. С. 91-94
- [3] Кобзаренко Е. М. Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 249 с.
- [4] Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39-47.
- [5] Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1970. 190 с.

[6] Белашова М. С. Доказывание и доказательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 226 с.

[7] Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. 244 с.

[8] Добриева М. Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 196 с.

Spisok literary:

[1] Potapenko, S. V. Problemy sudebnoi zashchity ot diffamatsii v SMI: dis. ... d-ra iurid. Nauk [Problems of judicial protection against defamation in the media: dis. ... Doctor of Law. Sci.]. Krasnodar, 2002. 319 p. (In Russ.)

[2] Parygina, N. N. O probleme pravopreemstva delovoi reputatsii i inykh nematerial'nykh blag [On the problem of succession of business reputation and other intangible benefits] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. 2016. № 8. P. 91-94 (In Russ.)

[3] Kobzarenko, E. M. Osobennosti sudoproizvodstva po sporam o diffamatsii v sudakh obshchei iurisdiktsii: dis. ... kand. iurid. Nauk [Peculiarities of legal proceedings in disputes about defamation in courts of general jurisdiction: dis. ...cand. legal Sci.]. Saratov, 2022. 249 p. (In Russ.)

[4] Gavrilov, E. V. Dobraia pamiat' ob umer-shem cheloveke kak nematerial'noe blago v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran [Good memory of a deceased person as an intangible benefit in the civil law of the Russian Federation and foreign countries] // Grazhdanin i pravo [Citizen and law]. 2014. № 9. P. 39-47. (In Russ.)

[5] Gukasian, R. E. Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave [The problem of interest in Soviet civil procedural law]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 190 p. (In Russ.)

[6] Belashova, M. S. Dokazyvanie i dokazatel'stva po delam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii grazhdan i iuridicheskikh lits: dis. ... kand. iurid. Nauk [Proof and evidence in cases of protection of honor, dignity and business reputation of citizens and legal entities: dis. ...cand. legal Sci.]. Moskva, 2008. 226 p. (In Russ.)

[7] Maleina, M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: poniatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. M.: MZ Press, 2001. 244 p. (In Russ.)

[8] Dobrieva, M. D. Chest', dostoinstvo i delovaia reputatsiia kak ob"ekt zashchity v grazhdanskom prave i protsesse: dis. ... kand. iurid. Nauk [Honor, dignity and business reputation as an object of protection in civil law and process: dis. ...cand. legal sciences]. Moskva, 2004. 196 p. (In Russ.)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРИОДАХ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы отдельных периодов становления регулирования и практики рассмотрения и разрешения споров в сфере интеллектуального права в арбитражном судопроизводстве. Приводятся основные акты, которыми были внедрены процессуальные механизмы рассмотрения таких споров. Также приводится статистика, которая показывает все более возрастающую потребность в разрешении споров в сфере интеллектуального права и накопление при этом количества неоконченных дел. В результате делается вывод о том, что такое положение может приводить к снижению эффективности разрешения указанных споров, а, соответственно, к необходимости выработки в том числе мер процессуально-правового характера.

Ключевые слова: Суд по интеллектуальным правам, споры в сфере интеллектуального права, арбитражный процесс, арбитражное дело, судопроизводство, судебная статистика, интеллектуальное право.

KHAMOV Sergei Sergeevich,
postgraduate student,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Russian State Academy of Intellectual Property”

ON CERTAIN PERIODS OF FORMATION OF REGULATION OF CONSIDERATION AND RESOLUTION OF DISPUTES IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW IN ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation. This article examines the issues of certain periods of the formation of regulation and practice of consideration and resolution of disputes in the field of intellectual property law in arbitration proceedings. The main acts that introduced procedural mechanisms for the consideration of such disputes are given. Statistics are also provided that show an increasing need for dispute resolution in the field of intellectual property law and the accumulation of unfinished business. As a result, it is concluded that such a situation may lead to a decrease in the effectiveness of resolving these disputes, and, accordingly, to the need to develop, among other things, procedural and legal measures.

Key words: Intellectual property rights court, disputes in the field of intellectual property law, arbitration process, arbitration case, court proceedings, judicial statistics, intellectual property law.

Исследование вопросов рассмотрения и разрешения споров по делам в сфере интеллектуальных прав в арбитражном процессе не теряет своего важного и актуального значения для юридической науки и практики. Потребность в этом наиболее отчетливо выражается в свете

все более возрастающей роли авторского права в отношениях субъектов экономической деятельности.

Для должного понимания существа действующего в этой сфере правового регулирования и обозначения ориентиров его дальнейшего

развития важно осмысление исторического пути становления и практики рассмотрения и разрешения споров по делам в сфере интеллектуальных прав в арбитражном процессе.

Необходимо начать с того, что до 2020 года Конституцией Российской Федерации арбитражное судопроизводство, как таковое, буквально не было предусмотрено. Долгое время правовое регулирование исходило из того, что арбитражное производство часть гражданского. В свою очередь, это вызывало оживленные дискуссии в научной среде.

Однако пунктами 38, 41 и 42 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» вопрос был, наконец, урегулирован, и в положения Конституции, регулирующие осуществление судебной власти в России, был внесен комплекс изменений, которым были разделены арбитражное и гражданское судопроизводства.

Новиков Н.А. указывает, что придание арбитражному судопроизводству конституционного статуса самостоятельной и независимой процессуальной формы защиты нарушенных прав означает, что можно говорить о новом для цивилистической науки понятии – «арбитражное дело» [1].

Конечно, так или иначе данное понятие использовалось в юридической науке до разделения в Конституции России арбитражного и гражданского судопроизводств [2]. Однако в современных научных трудах основательное исследование данного понятия и его содержания отсутствует.

Несмотря на это, правовое регулирование арбитражного судопроизводства существовало и до внесения изменений в Конституцию России в 2020 году. Как минимум, современная система арбитражных судов появилась в 1995 году, а Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, за исключением его отдельных положений, был введен в действие с 1 сентября 2002 года. В данный период рассмотрение дел в сфере интеллектуального права по спорам, вытекающим из экономической деятельности, осуществлялось обычными арбитражными судами.

Однако завершение 2011 года ознаменовалось созданием и началом функционирования Суда по интеллектуальным правам в качестве специализированного арбитражного суда. Федеральным конституционным законом от 06.12.2011 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Рос-

сийской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам».

Тогда Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в пояснительной записке мотивировал создание Суда по интеллектуальным правам так: «Увеличение числа споров, связанных с интеллектуальными правами, объективно требует создания профессионального специализированного арбитражного суда, способного рассмотреть спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики того или иного интеллектуального права, подлежащего защите. При этом рассмотрение таких споров, как правило, требует наличия специальных знаний (восполнить отсутствие которых у суда не может и проведение экспертизы, так как сама по себе экспертиза по таким делам нуждается в очень серьезной оценке). Создание такого суда позволит повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов» [6].

Представители научного сообщества тогда положительно оценили данную инициативу, отмечали, что создание Суда по интеллектуальным правам должно повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов, что особенно актуально ввиду вступления России во Всемирную торговую организацию [3].

Однако был и определенный скепсис по данному поводу. Например, Еременко В.И. считал, что формирование судейского корпуса, отвечающего всем современным требованиям специализированного суда в области интеллектуальной собственности, займет много времени и усилий. Без решения этого основополагающего вопроса Суд по интеллектуальным правам останется в полной зависимости от решений Роспатента и заключений экспертизы [4]. То есть одной из качественных характеристик деятельности Суда по интеллектуальным правам является степень его независимости от решений Роспатента и заключений экспертизы.

Безотносительно оценки качества рассмотрения дел Судом по интеллектуальным правам имеющаяся статистика позволяет увидеть соотношение потребности общества в рассмотрении споров таким Судом и его возможности по удовлетворению таких потребностей.

Для сравнения, согласно официальной статистике, в 2013 году в Суд по интеллектуальным правам всего поступило 464 заявления (исковых заявления) [7] для рассмотрения по первой инстанции, в 2014 году – 998, а в 2023 году – уже 1416 [7].

Если в 2012 году с вынесением решения было рассмотрено 770 дел (в том числе с удовлетворением требования - 596 дел), в 2013 году - 636 дел (из них с удовлетворением требования - 475 дел), то в 2014 году с вынесением решения рассмотрено 579 дел этой категории (в том числе с удовлетворением требования - 455 дел) [5]. Это на 9,0% меньше, чем в 2013 году, и на 24,8% меньше, чем в 2012 году [5]. В 2023 году с вынесением решения было рассмотрено 879 дел, то есть все так же существенно меньше количества поступивших заявлений [7].

Таким образом, приведенная статистика показывает, что, как минимум в период 2012-2014 гг., потребность в судебном разрешении спора в сфере интеллектуальных прав росла при снижении скорости завершения производства. Конечно, такой вывод является поверхностным, при этом является достаточным для начала более глубоких и системных исследований в данном направлении, показывает несовершенство действующего правового регулирования.

Список литературы:

[1] Новиков Н.А. О некоторых вопросах правового статуса арбитражного судопроизводства в современной России // Арбитражный и гражданский процесс. - 2021. - № 11. - С. 9-13.

[2] См., напр.: Жижина М.В. Рецензирование экспертных заключений в практике рассмотрения арбитражных дел // Вестник арбитражной практики. - 2014. - № 4. - С. 51-58; Отческая Т.И. Методика рассмотрения отдельных категорий арбитражных дел: учебное пособие / Т. И. Отческая; Новосибирский гос. технический ун-т. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. - 202

[3] Елисеев И.Н. Суд по интеллектуальным правам - первый специализированный суд в арбитражной системе // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2012. - № 4. - С. 88 - 95.

[4] Еременко В.И. О создании в Российской Федерации Суда по интеллектуальным правам // Законодательство и экономика. - 2012. - № 8. - С. 9 - 22.

[5] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2015. - № 11.

[6] Пояснительная записка к законопроекту № 446365-5 «О внесении изменений в Федераль-

ный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Официальный сайт «Система обеспечения законотворческой деятельности».

[7] Отчет о работе Суда по интеллектуальным правам (первая инстанция) за 2013 год // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам.

Spisok literatury:

[1] Novikov N.A. O nekotoryh voprosah pravovogo statusa arbitrazhnogo sudoproizvodstva v sovremennoj Rossii // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. - 2021. - № 11. - S. 9-13.

[2] Sm., napr.: Zhizhina M.V. Recenzirovanie ekspertnyh zaklyuchenij v praktike rassmotreniya arbitrazhnyh del // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. - 2014. - № 4. - S. 51-58; Otcheskaya T.I. Metodika rassmotreniya otdel'nyh kategorij arbitrazhnyh del: uchebnoe posobie / T. I. Otcheskaya ; Novosibirskij gos. tekhnicheskij un-t. - Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2010. - 202

[3] Eliseev I.N. Sud po intellektual'nym pravam - pervyj specializirovannyj sud v arbitrazhnoj sisteme // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. - 2012. - № 4. - S. 88 - 95.

[4] Eremenko V.I. O sozdanii v Rossijskoj Federacii Suda po intellektual'nym pravam // Zakonodatel'stvo i ekonomika. - 2012. - № 8. - S. 9 - 22.

[5] Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazanym s razresheniem sporov o zashchite intellektual'nyh prav, utverzhdenyj Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 23.09.2015 // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. - 2015. - № 11.

[6] Explanatory note to Bill No. 446365-5 "On Amendments to the Federal Constitutional Law" On the Judicial System of the Russian Federation "and the Federal Constitutional Law" On Arbitration Courts in the Russian Federation "in connection with the creation of the Intellectual Property Court in the arbitration court system "//Official website" System for ensuring legislative activity. "

[7] Report on the work of the Intellectual Property Rights Court (first instance) for 2013//Official website of the Intellectual Property Rights Court.

КТО ТАКОЙ АРБИТРАЖНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ?

Аннотация. В настоящей статье будет рассмотрено правовое положение арбитражного управляющего, а именно: требования к лицу, которое претендует на получение статуса арбитражного управляющего, особенности прав и обязанностей арбитражного управляющего в соответствии с законодательством о банкротстве, ответственность за нарушение возложенных на арбитражного управляющего обязанностей по делу о банкротстве. В статье будут представлены рассуждения автора о том, кем в современных реалиях является арбитражный управляющий - частнопрактикующим специалистом или предпринимателем в особом секторе российской экономике – банкротстве. Ведь ни для кого не секрет, что в настоящее время банкротство - это тоже определенная, специфическая и активно развивающаяся бизнес-сфера со своими участниками, требованиями к ним и нормативными правовыми основами, регулирующими указанную сферу. В рассматриваемой статье также будут затронуты возможности совмещения лицом статуса арбитражного управляющего с другими специальными, частнопрактикующими статусами, в частности, со статусом адвоката, основываясь на том факте, что в настоящее время достаточное число лиц совмещают статус арбитражного управляющего именно со статусом адвоката, из-за того, что ни Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ни Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (вместе с «Кодексом профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003)) не содержат прямого запрета на совмещение лицом указанных статусов. Такое совмещение разных статусов основывается на тех предпочтениях, которые предоставляет каждый из них.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, частнопрактикующий специалист, предприниматель, саморегулируемая организация арбитражных управляющих, банкротство, менеджер, кризис, восстановление платёжеспособности.

MIKAILOV Roman Vugarovich,
Second year graduate student of the Kutafin Moscow State Law University,
Assistant to the Chairman of the Disciplinary Committee ACS «SRO «CASE»

WHO IS AN ARBITRATION MANAGER?

Annotation. This article will examine the legal status of an arbitration manager, namely: requirements for a person who claims to receive the status of an arbitration manager, the specifics of the rights and obligations of an arbitration manager in accordance with bankruptcy legislation, liability for violating the duties imposed on the arbitration manager in a bankruptcy case. The article will present the author's reasoning about who an arbitration manager is in modern realities - a private practitioner or an entrepreneur in a special sector of the Russian economy - bankruptcy. After all, it is no secret that at present bankruptcy is also a certain, specific and actively developing business sphere with its participants, requirements for them and regulatory legal frameworks governing this sphere. The article under consideration will also touch upon the possibilities of combining the status of an arbitration manager with other special, private practice statuses, in particular, with the status of an attorney, based on the fact that at present a sufficient number of persons combine the status of an arbitration manager with the status of an attorney, due to the fact that neither the Federal Law of 26.10.2002 № 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" nor the Federal Law of 31.05.2002 № 63-FZ "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" (together with the "Code of Professional Ethics of an Attorney" (adopted by the 1st All-Russian Congress of Attorneys on 31.01.2003)) contain a direct ban on a person combining the said statuses. Such a combination of different statuses is based on the preferences that each of them provides.

Key words: arbitration manager, private practitioner, entrepreneur, self-regulatory organization of arbitration managers, bankruptcy, manager, crisis, restoration of solvency.

Арбитражный управляющий – это особый специалист, от которого зависит эффективность ведения банкротного дела в отношении должника. Указанный субъект является первым лицом в процессе банкротства [1, с. 328]. Базовый федеральный закон, который регулирует и координирует деятельность арбитражного управляющего, – это Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве). В Законе о банкротстве указана вся правовая сущность, значение статуса арбитражного управляющего. Если изучить все статьи Закона о банкротстве, связанные со статусом арбитражного управляющего, то можно провести сравнение арбитражного управляющего с дирижёром, который управляет оркестром (в качестве оркестра выступают лица, участвующие в деле о банкротстве, привлеченные специалисты).

Требования к арбитражному управляющему Закон о банкротстве содержит, но не на прямую, а в качестве обязательных требований, которые должна предъявлять саморегулируемая организация арбитражных управляющих (далее по тексту – СРО АУ) к своим потенциальным членам. Предъявляемые требования связаны с наличием высшего образования, управленческим опытом, наличием стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего и т.п. Самое главное – это то, что перечень требований, которые законодатель устанавливает для арбитражных управляющих через СРО АУ, не является исчерпывающим, и СРО АУ может предъявить еще какие-нибудь требования для потенциальных членов. На мой взгляд, указанная конструкция является достаточно несобранной. Исходя из того, что арбитражный управляющий – это высококлассный специалист, законодателю следовало бы разработать и закрепить напрямую в Законе о банкротстве закрытый перечень требований, которым должно соответствовать лицо, желающее стать арбитражным управляющим, в целях исключения злоупотреблений со стороны СРО АУ и обеспечения единства в арбитражном управлении. В Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 г.) было указано, что арбитражный управляющий должен соответствовать требованиям не только Закона о банкротстве, но и требованиям корпоративного законодательства, в части единоличного исполнительного органа, независимо от того, кого он банкротит – юридическое лицо или физическое. Рассматриваемая позиция ВС РФ указывает на тот факт, что сам по себе арбитражный управляющий – это антикризисный менеджер, управленец, основная задача которой выведение должника из кризисной ситуации.

В соответствии с Законом о банкротстве арбитражный управляющий имеет закрытый перечень прав. Эти права имеют сходство с действиями единоличного исполнительного органа. В ходе анализа материала по данной статье были выявлены моменты, связанные с отступом от положений Закона о банкротстве в части прав арбитражного управляющего. Так, например, арбитражный управляющий может привлекать специалистов, аккредитованных при СРО АУ, членом которого он является и такие специалисты не должны иметь отношение к лицам, участвующим в деле о банкротстве. Из данного права, закрепленного на законодательном уровне, есть исключение при работе с залоговым кредитором, которое подтверждено судебной практикой. Так, в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», предусмотрен факт того, что при работе с залоговым имуществом залоговый кредитор сам определяет порядок его реализации. Из чего следует, что если залоговый кредитор выбрал привлеченных специалистов не из числа аккредитованных при СРО АУ, членом которой является арбитражный управляющий, ведущий процедуру банкротства, то это не будет противоречить нормам Закона о банкротстве. В деле № А12-39038/2015 суд апелляционной инстанции указал, что когда порядок реализации залогового имущества определяет залоговый кредитор, не требует аккредитацию организатор торгов, оператор электронной площадки именно в той СРО АУ, членом которой является арбитражный управляющий. В рассматриваемом праве по привлечению специалистов арбитражным управляющим имеются и злоупотребления с его стороны. Практически всегда арбитражный управляющий привлекает аффилированного с ним специалиста. В качестве такого специалиста может выступать организатор торгов, консалтинговая компания и т.п. Указанное злоупотребление правом со стороны арбитражного управляющего подтверждается судебной практикой. Например, в деле № А40-168854/2014 была доказана аффилированность организатора торгов и конкурсного управляющего, последствием чего стало признание недействительным договора оказания услуг по организации и проведению торгов и неполучением организатором торгов своего вознаграждения в размере 63 000 000 руб.

Арбитражный управляющий имеет широкий круг обязанностей. И за все эти обязанности он несет полную, самостоятельную ответственность. Основная направленность его обязанностей – это пополнение конкурсной массы банкрота. За непринятие действий по реализации возложен-

ных на него обязанностей он может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения причинённых им убытков. Убытки для арбитражного управляющего - это самое страшное и опасное для него. Такая мера воздействия на арбитражного управляющего не является достаточно эффективной. Это обусловлено тем, что арбитражный управляющий иногда вынужден действовать в ситуациях, в которых есть некая правовая неопределенность, а действовать нужно оперативно. Более того, когда арбитражного управляющего привлекают к убыткам на крупные суммы, которые страховщики в рамках действия договора обязательного страхования его ответственности полностью не покрывают, и сам арбитражный управляющий в жизни убытки такого размера не возместит. Это является достаточно неэффективным способом пополнения конкурсной массы должника. Так, например, в деле о банкротстве ОАО «Амурметалл» бывшего конкурсного управляющего привлекли к убыткам в размере 1 807 529 609,48 руб. на основании определения Арбитражного суда Хабаровского края от 03.04.2020 г. по делу № А73-7519/2012. В деле о банкротстве АО «АНТИ-ПИНСКИЙ НПЗ» с конкурсного управляющего пытались взыскать убытки в размере 9 029 090 000 руб. на основании определения Арбитражного суда Тюменской области от 19.04.2023 г. по делу № А70-8365/2019. Таким образом, факт взыскания убытков с арбитражных управляющих лихорадит рассматриваемую профессию.

Законодатель указывает, что арбитражный управляющий является частнопрактикующим специалистом, то есть лицом, которое занимается частной практикой. Арбитражный управляющий может заниматься другими видами деятельности, но только если такая деятельность не оказывает негативного влияния на деятельность этого лица в качестве арбитражного управляющего. Можно сказать, с одной стороны, что профессия арбитражный управляющий - это что-то вроде ремесла. На это также указывает определение арбитражного суда первой инстанции по делу № А56-125191/2019. В данном определении было указано, что профессия арбитражный управляющий - это профессия свободного характера, как профессия адвоката, нотариуса и т.п. Лицо, имеющее статус арбитражного управляющего и получающее доход от такой профессии, должны воспринимать свою профессию как ремесло (или искусство). Ранее, до начала 2011 года, лицо, собирающееся осуществлять свою деятельность в качестве арбитражного управляющего, должно было быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя. С принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный

закон «О несостоятельности (банкротстве)» такая обязанность отпала. Арбитражный управляющий стал расцениваться как частнопрактикующий специалист в области банкротства. По моему мнению, арбитражный управляющий – это предприниматель. Указанный факт подтверждается с практической точки зрения. Во-первых, это вход в профессию. Когда лицо собирается получить статус арбитражного управляющего, оно должно пройти обучение, стажировку в качестве помощника арбитражного управляющего, заключить договор обязательного страхования ответственности, внести деньги в компенсационный фонд СРО АУ, уплатить членские взносы в СРО АУ, иными словами, иметь уставный капитал. Во-вторых, когда лицо получает статус арбитражного управляющего, встает вопрос о том, где брать первые процедуры? СРО АУ практически (за редким исключением) ничего не дает. Новоявленному арбитражному управляющему приходится искать процедуры на стороне, т.е. по связям. Это указывает на то, что профессия арбитражный управляющий требует значительных административных ресурсов, как в любом бизнесе. В-третьих, это само проведение процедуры банкротства в отношении должника. По общим правилам - финансирование осуществляется за счет средств должника, но на практике это не так. Финансирование идет за счет средств самого арбитражного управляющего, и иногда бывает так, что арбитражный управляющий работает себе в убыток, т.е. финансирует всю процедуру и не получает никакого вознаграждения, как фиксированного, так и стимулирующего. В-четвертых, это наличие фонда по заработной плате, т.к. арбитражный управляющий не всегда может работать в одиночку, как минимум должен быть помощник, а также наличие денежных средств для аренды офиса и т.п. Исходя из представленных выше четырех доводов, я могу с уверенностью сказать, что профессия арбитражный управляющий - это бизнес. Бизнес, который требует от лица как умственной готовности, так и финансовой.

Достаточно интересная ситуация обстоит с совмещением статуса арбитражного управляющего с другими частнопрактикующими статусами. Самое распространенное совмещение статусов - это арбитражный управляющий – адвокат, адвокат – арбитражный управляющий. Такое совмещение допускается из того факта, что ни один из нормативных правовых актов, который регулирует как несостоятельность (банкротство), так и адвокатуру, не содержит запрета на такое совмещение. Если отразить очевидный момент, что каждый профессиональный статус связан с определенной сферой деятельности, которые между собой могут пересечься, то следствием этого пересечения будет являться конфликт ста-

тусов друг с другом. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) несколько раз давала разъяснения по указанному вопросу, и эти разъяснения сводились к тому, что такое совмещение статусов допускается. Иными словами, указанный вопрос со стороны законодателя пока точно не урегулирован. На мой взгляд, совмещение 2 (двух) абсолютно разных статусов – это неправильно, бессмысленно. Арбитражное управление – это не в чистом виде юриспруденция, это симбиоз из юриспруденции, менеджмента, экономики, финансов и т.п. В свою очередь, адвокатура – это в чистом виде юриспруденция. Также не стоит забывать, что невозможно одновременно достигнуть успеха сразу в нескольких сферах.

Таким образом, арбитражный управляющий – это особый статус, который до сих пор окончательно не урегулирован законодателем. Одно можно сказать точно, что рассматриваемая профессия является достаточно самостоятельной, сложной, опасной, но в то же время интересной!

Список литературы:

[1] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / отв. ред. С.А. Карелина. Т. 1. М.: Статут, 2019. 925 с.

Spisok literatury:

[1] Nesostoiatel'nost' (bankrotstvo): Uchebnyi kurs. V 2 t. / otv. red. S.A. Karelina. T. 1. M.: Statut, 925 .2019 s.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-111-114
NIION: 2021-0079-7/24-551
MOSURED: 77/27-025-2024-7-551

РОЖЕНЦЕВА Арина Павловна,
студент, Дальневосточный
федеральный университет,
e-mail: rozhentceva.ap@dvfu.ru

ЖЕВЛАКОВА Дарья Максимовна,
студент, Дальневосточный
федеральный университет,
e-mail: zhevlakova.dm@dvfu.ru

КВАСНИКОВА Татьяна Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
e-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

ЭВТАНАЗИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы уголовно-правовых аспектов в вопросах эвтаназии. На основе проведенного исследования, авторы подчеркивают, что сегодня необходимо совершенствовать отечественное законодательство в данной сфере.

Ключевые слова: Эвтаназия, активная и пассивная эвтаназия, правовое регулирование эвтаназии, убийство из сострадания, самоубийство, причинение смерти.

ROZHENTSEVA Arina Pavlovna,
student, Far Eastern Federal University,

ZHEVLAKOVA Daria Maksimovna,
student, Far Eastern Federal University,

KVASNIKOVA Tatyana Vladimirovna,
phd in law associate professor
of criminal law and criminology

EUTHANASIA: CRIMINAL LAW ASPECTS

Annotation. The article analyzes the problems of criminal law aspects in matters of euthanasia. Based on the conducted research, the authors emphasize that today it is necessary to improve domestic legislation in this area.

Key words: Euthanasia, active and passive euthanasia, legal regulation of euthanasia, murder out of compassion, suicide, causing death.

Повышенное внимание к эвтаназии как древнему социальному явлению связано не только с достижениями медицинской науки, но и с изменениями в системе ценностных ориентаций личности и общества, актуализацией проблемы приоритета прав человека, ситуацией, когда зачастую значительная часть населения разных стран считает эвтаназию приемлемой, несмотря на то, что представители различных религий, а также ряд государств в лице законодателя решительно и последовательно выступают против эвтаназии. Современное общество становится все более сложным и изменчивым. Важней-

шим следствием его изменений является растущий интерес к человеку, его жизненному миру, его проблемам и потребностям [5. с.41].

В настоящее время сфера здравоохранения является средоточием наиболее острых противоречий и важнейших прав человека. Она становится объектом пристального внимания гуманитарных и общественных наук, в том числе и права.

Новые медицинские технологии, такие как искусственное оплодотворение, биологическое и генетическое конструирование человека, клональное размножение, продление жизни с помощью методов интенсивной терапии, трансформи-

руют понимание традиционных ценностей, порождают сложные ситуации, требующие дополнительного изучения. Благодаря развитию технологий и расширению прав человека, в том числе прав пациента, современное общество сталкивается с рядом проблем, которые уже не носят чисто медицинский характер, а требуют подробного уголовно-правового регулирования.

В рамках биоэтики (современного направления философии и этики) - осмысливаются морально-этические дилеммы, порожденные развитием медико-биологических наук в последней трети XX века. Особое внимание уделяется последствиям применения новейших технологий в клинической практике. В современной науке появляются сложные этические понятия, в понятийную систему медицинского тезауруса вводятся новые понятия «право на жизнь», «право на смерть», «права пациента», «права врача», «информированное согласие» и другие. Эта новая для общества ситуация создает многочисленные трудности для медицинских работников в их практической деятельности, а новые понятия, вошедшие в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ, встречают непонимание со стороны значительной части медицинских работников. Одним из таких явлений, требующих пристального исследования является эвтаназия.

Эвтаназия (или эйтаназия) (греч. ех- «хороший» + иѳнѳпт «смерть») -- практика прекращения (или сокращения) жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием, испытывающего невыносимые страдания; удовлетворение просьбы без медицинских показаний в безболезненной или минимально болезненной форме с целью прекращения страданий [7. с.61].

Термин «эвтаназия» сегодня используется в различных смыслах, среди которых можно выделить следующие:

- ускорение смерти тех, кто испытывает сильные страдания;
- прекращение жизни «лишних» людей;
- забота об умирающих;
- предоставление человеку возможности умереть.

Виды эвтаназии:

- пассивная эвтаназия (преднамеренное прекращение поддерживающей терапии пациента медицинскими работниками).
- активная эвтаназия (введение умирающему медицинских препаратов или другие действия, предполагающие быструю и безболезненную смерть). К активной эвтаназии часто относят самоубийство с помощью врача (предоставление пациенту по его просьбе препаратов, сокращающих жизнь).

Кроме того, необходимо проводить различие между добровольной и недобровольной эвтаназией:

- Добровольная эвтаназия проводится по просьбе пациента или с его предварительного согласия (например, в США принято заранее выражать свою волю в юридически действительной форме в случае необратимой комы).
- Недобровольная эвтаназия проводится без согласия пациента, обычно находящегося в бессознательном состоянии. Она проводится в отношении недееспособного пациента на основании решения родственников, опекунов и т. д.
- Непреднамеренная эвтаназия осуществляется без согласия компетентного лица. В данном случае под компетентностью понимается способность пациента принимать решение. Однако Совет по этике и судебным вопросам признает, что такие решения могут быть необоснованными. «Люди имеют право принимать решения, которые другие считают неразумными, потому что их выбор проходит через компетентно обоснованный процесс и совместим с личными ценностями».

Эвтаназия как новый способ медицинского решения проблемы смерти (прекращения жизни) входит в практику современного здравоохранения под влиянием двух основных факторов: Во-первых, прогресс медицины, в частности, под влиянием развития реанимации, позволяющей предотвратить смерть пациента, то есть работающей в режиме управления умиранием. Во-вторых, смена ценностей и моральных приоритетов в современной цивилизации, в центре которых находится идея прав человека [4. с.21].

В Российской Федерации эвтаназия, в какой бы форме она ни осуществлялась, запрещена законом. Как пассивная, так и активная эвтаназия является преступлением и квалифицируется как умышленное убийство в соответствии с ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако в судебной практике встречаются случаи, когда преступные действия виновных совершаются по настойчивой просьбе потерпевших.

В настоящее время остаются дискуссионными вопросы о применении права на жизнь и права на смерть. Российское уголовное законодательство предусматривает ответственность за причинение смерти человеку, методы и способы которой различны.

В то же время законодателем предпринимались попытки уголовно-правового запрета на применение эвтаназии, однако в действующем УК РФ такие нормы отсутствуют.

Понятие «эвтаназия» может трактоваться разными авторами весьма противоречиво, однако термин эвтаназия раскрывается в статье 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323 от 21.11.2011, согласно которой «медицинским работникам запрещается осуществлять эвтаназию, то есть ускорение по желанию пациента его смерти путем любых действий (бездействия) или средств, в том числе прекращения искусственных мер по поддержанию жизни пациента».

Прежде всего, необходимо различать объект эвтаназии - жизнь неизлечимо больного человека, обреченного на медленную и мучительную смерть. Лишение жизни по просьбе человека, страдающего от непереносимых временных физических страданий, не вызванных неизлечимой болезнью, не может считаться эвтаназией, поскольку такие страдания носят лишь временный характер, и речь идет о временном болезненном состоянии [2].

Как правило, лица, совершившие данное преступление, привлекаются к уголовной ответственности за «простое» убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Кроме того, при назначении наказания правоохранители учитывают мотив сострадания, который относится к смягчающим обстоятельствам, применяя положения статей 61, 62, 64 Уголовного кодекса РФ. Но в некоторых случаях возможна квалификация эвтаназии по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При таком варианте квалификации суд исходит из того, что потерпевший в силу своего заболевания не может оказать сопротивление преступнику. Такие выводы следуют из п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [2]. Однако эвтаназия - это убийство по просьбе жертвы, поэтому речи о сопротивлении идти и не может.

Таким образом, на наш взгляд, квалификация убийства по просьбе потерпевшего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ является неверной, и данное преступление должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В связи с тем, что решающим фактором в подобных ситуациях должен быть мотив сострадания, который снижает степень общественной опасности содеянного. Данная позиция может быть обоснована мнениями экспертов, которые считают, что лицо, причинившее смерть из сострадания, должно нести уголовную ответственность по ч. 1 ст. 105 УК РФ [3, с. 23]. Преступник в данном случае руководствуется прежде всего желанием прекратить страдания жертвы и не пытается воспользоваться ее беспомощным положением.

Несмотря на запрет эвтаназии, в российском обществе все чаще поднимается вопрос о ее легализации. Аргументы сторонников легализации основываются на праве человека на самоуправление и распоряжение собственной жизнью, а также на гуманистических ценностях, которые предполагают минимизацию страданий неизлечимо больных людей.

Однако противники легализации эвтаназии ссылаются на этические и религиозные возражения против лишения человека жизни, даже если это происходит по его собственной просьбе. Они также опасаются возможных злоупотреблений, таких как давление на больного со стороны родственников или медицинских работников, а также возможности использования эвтаназии для решения социальных проблем, например, для избавления от нетрудоспособных пожилых людей. Необходимо найти баланс между правом на жизнь и правом на смерть. Для этого можно предложить следующие решения:

- Разработка законодательства о паллиативной помощи. Необходимо обеспечить достойный уход за неизлечимо больными людьми, облегчить их страдания и улучшить качество жизни.
- Введение института «мер по поддержанию жизни».

Пациент должен быть наделяем правом решать, продолжать или прекратить такие меры, в соответствии с волей пациента, подтвержденной в письменном виде.

Разработать этические кодексы для медицинских работников.

Они должны четко регламентировать поведение врачей в ситуации, когда пациент просит об эвтаназии, а также устанавливать правила, исключающие возможность злоупотреблений. Важно подчеркнуть, что легализация эвтаназии в России - это не только вопрос правового регулирования, но и сложный этический и социальный вызов.

Развитие паллиативной помощи: Создание доступных и качественных служб паллиативной помощи, которые позволят обеспечить достойную и комфортную жизнь пациентам в терминальной стадии заболевания, минимизировать их страдания.

Повышение осведомленности граждан о проблемах, связанных с эвтаназией, и о доступных альтернативах, таких как паллиативная помощь и хоспис.

Создание консультативных органов: Создание специализированных комиссий, которые будут рассматривать каждый отдельный случай запроса на эвтаназию, принимая во внимание все факторы: состояние пациента, его волю, наличие альтернатив и потенциальные риски. Легализа-

ция эвтанази́и - это не панацея, а инструмент, который можно использовать в крайних случаях, когда все другие варианты исчерпаны. Важно помнить, что право на жизнь - одно из основных прав человека, но оно не является абсолютным. Любая законодательная инициатива в области эвтанази́и должна основываться на принципах гуманизма, ответственности и максимальной защиты прав и интересов всех участников процесса.

На наш взгляд, сегодня требуется более тщательное регулирование эвтанази́и, как активной, так и пассивной. России необходим специальный законопроект об эвтанази́и, который бы определил основные понятия, связанные с этой процедурой, и установил рамки ответственности.

При подготовке такого законопроекта стоит ориентироваться на успешный опыт зарубежных стран, уже легализовавших эвтанази́ю. Также необходимо четко разграничить эвтанази́ю (активную и пассивную) и право пациента на отказ от лечения и других медицинских вмешательств. До разработки достойного и продуманного проекта и его предварительного обсуждения в обществе легализация эвтанази́и в Российской Федерации невозможна.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Собрание законодательства РФ*. - 1993. - № 3. - Ст. 152.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // *Российская газета*, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.

[3] Актуальные проблемы Общей части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И. А., Фаргиев И. А. — М.: Проспект. 2020. 544 с.

[4] Голубовский В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник. — М.: Проспект. 2020. 736 с.

[5] Уголовное право России. Общая часть. Учебник для бакалавров. / под ред. Непомнящая Т. В., Гринберг М. С. — М.: Проспект. 2020. 448 с.

[6] Курс российского уголовного права. Общая часть. - М.: Экономика, 2020. - 672 с.

[7] Федотова, Е. П. Сущность эвтанази́и как социального института: основные подходы к проблеме / Е. П. Федотова. — Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. — 2021. — № 14 (356).

Spisok literatury:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. - 1993. - № 3. - Art. 152.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ//*Rossiyskaya Gazeta*, N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.

[3] Actual problems of the General Part of Criminal Law. Textbook / ed. Podroikina I.A., Fargiev I.A. - М.: Prospect. 2020. 544 p.

[4] Golubovsky V. Yu. Criminal Law of Russia. General and Special parts. Textbook. - М.: Prospect. 2020. 736 pp.

[5] Russian criminal law. General part. Textbook for bachelors / ed. Nepomniachtchi T.V., Greenberg M.S. - М.: Prospect. 2020. 448 p.

[6] Russian criminal law course. General part. - М.: Economy, 2020. - 672 с.

[7] Fedotova, E.P. The essence of euthanasia as a social institution: the main approaches to the problem/E.P. Fedotova. - Text: direct / *Young scientist*. — 2021. — № 14 (356).

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В данной статье автор рассматривает некоторые вопросы, касающиеся преступлений в отношении несовершеннолетних. Возрастные признаки потерпевших. Содержания насилия в отношении несовершеннолетних. Анализируется содержание жёсткого обращения с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, преступление, насилие, ответственность, жестокое обращение, наказание.

BATYUKOVA Vera,
Senior Researcher in the sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law,
Associate Professor

ON THE ISSUE OF THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF MINORS

Annotation. In this article, the author examines some issues related to crimes against minors. Age characteristics of the victims. The content of violence against minors. The content of the harsh treatment of minors is analyzed.

Key words: minor, juvenile, crime, violence, responsibility, abuse, punishment.

На сегодняшний день проблема применения насилия в отношении несовершеннолетних является одной из наиболее острых и актуальных тем ввиду незащищенности и уязвимости данной категории лиц. Защита несовершеннолетних лиц является приоритетной и важной задачей для государства, о чем свидетельствует тот факт, что Президент РФ издал указ, основное содержание которого заключается в разработке стратегии о комплексной безопасности детей в РФ, где к основным угрозам безопасности детей относится, в том числе, «вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и совершение преступлений в отношении детей» [7].

Уголовная ответственность предполагает включение и выделение возраста несовершеннолетнего лица в качестве важного квалифицирующего признака, который меняет вид и размер предполагаемого наказания. Понятие рассматриваемой категории лиц зафиксировано в ст. 87 УК. Так, несовершеннолетний – это уже достигшее возраста 14 лет лицо, совершившее преступление, которое при этом не достигло 18 лет. Однако данное определение относится к субъекту преступления, т.е. к лицу, совершившему

преступление, а не к лицу, чьи интересы были нарушены данным деянием. Из этого следует, что несовершеннолетний потерпевший будет являться таковым не с 14 лет, а с рождения [11; 210-216]. Более того, законодатель выделил отдельные возрастные группы, такие как несовершеннолетние, т.е. лица до 18 лет, лица, не достигшие 16 лет (ч. 1 ст. 135 УК РФ) и малолетние, т.е. лица не достигшие 14 лет, которые, помимо этого, делятся на лиц, достигших 12 лет (ч. 2 ст. 135 УК РФ), не достигших 6 лет (ч. 2 ст. 238 УК) и новорожденных (ст. 106 УК).

Данная дифференциация необходима в силу существующих различий в физическом и психическом развитии указанных лиц. Однако подобное выделение имеет свои недостатки и несовершенства. Например, в некоторых статьях указан как малолетний (п. «в» ч. 2 ст. 105), так и несовершеннолетний возраст потерпевшего (п. «д» ч. 2 ст. 126 УК). Возникает вопрос касательно отсутствия однозначной и единой позиции при обозначении фактически одной и той же категории потерпевших при наличии преступлений, посягающих на один и тот же родовой объект. Так, согласно ст. 241 УК РФ наказание на совершение этого преступления, в отношении лиц, не

достигших 14 лет, предусмотрено в виде лишения свободы на срок до шести лет, в то время как в отношении несовершеннолетних – до 6 лет лишения свободы [6; 86-89].

Необходимо понимать, что практика применения насилия к детям имеет свои особенности и характеризуется различной степенью общественной опасности. Несмотря на наличие разъяснений о том, что понимается под насилием, опасным и не опасным для жизни и здоровья, данных Пленумом Верховного суда РФ, в уголовном законодательстве не закреплено четкое определение. Данный термин широко используется в Особой части УК РФ, включая в себя как физическое насилие, так и психическое.

Традиционно, к составам преступлений, включающих в себя физическое насилие против несовершеннолетнего, относятся: убийство малолетнего лица, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, истязание, посягательство на половую свободу и неприкосновенность, побои, жестокость и др. Как сообщает уполномоченный по правам ребенка при президенте РФ Мария Львова-Белова, в 2022 г. было совершено более 100 тыс. преступлений против несовершеннолетних. В том же году 27 женщин были осуждены по ст. 106 УК, по ст. 156 УК – 616 осужденных, по ст. 150 УК – 243.

Особого внимания заслуживает жестокое обращение с несовершеннолетними. В ст. 156 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение данного деяния в совокупности с неисполнением обязанности по воспитанию указанного лица. Так, в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ было отмечено, что жестокое обращение с несовершеннолетним проявляется «не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ним, либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей) [8]. Однако позднее данный пункт утратил силу в связи с принятием нового постановления, где жестокое обращение с ребенком выражается в «осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность» [9].

Так, «жестокое обращение более объемное понятие, включающее в себя применение насилия» [3; 108-112].

По мнению Н.В. Коваль, уголовное законодательство включает в себя несколько так называемых категорий проявления жестокого обращения с несовершеннолетними. Эти проявления могут быть выражены и охарактеризованы, например, как общие нормы, предусматриваю-

щие совершение деяний с применением насилия как в отношении несовершеннолетних лиц, так и в отношении взрослых (ст. 115, 116, 119, 120, 125 УК РФ). Также существуют нормы, которые выделяют совершение преступления против несовершеннолетнего в качестве квалифицирующего признака – п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 и т.д. Наконец, в УК закреплены нормы, предусматривающие ответственность за различные проявления жестокости исключительно в отношении несовершеннолетних (ст. 106, 134, 135, 150, 151, 156, 242.1, 242.2) [5; 31].

Как было упомянуто ранее, ст. 156 УК содержит в себе жестокое обращение с несовершеннолетним. Однако фактически в УК РФ нет нормы, которая прямо бы регулировала жестокое обращение с ребенком без необходимости «прикрепления» данного деяния к иным элементам преступления. На данную проблему необходимо обратить внимание, так как аналогичная норма, содержащая прямое указание на жестокое обращение, существует – ст. 245, устанавливающая ответственность за подобный вид обращения с животными.

Так, Супрядкин, будучи недовольным поведением своей малолетней дочери, нанес скалкой в область верхних и нижних конечностей не менее 5 ударов, чем причинил ей множество телесных повреждений. В результате действий отца девочка не смогла посетить школу. Отец, желая замаскировать произошедшее, сообщил классной руководительнице, что та заболела и в течение долгого времени не сможет посещать образовательное учреждение. Позднее Супрядкин признал вину, объяснив, что действительно несколько раз бил дочь скалкой, поскольку та вела переписку недостойного содержания со своим двоюродным братом в мобильном телефоне. По мнению суда Супрядкин надлежащим образом не исполнял обязанности родителя по воспитанию малолетней дочери, что сопровождалось с жестоким обращением с последней, а именно – в нежелании проявлять должную заботу о всестороннем развитии и воспитании малолетней дочери, причинении побоев, физической боли и психических страданий, руководствуясь вместо общепринятых методов воспитания и убеждений ложным пониманием достижения положительного результата, под видом мер воспитательного характера [12].

Одной из важнейших общественно опасных и насильственных категорий деяний в отношении несовершеннолетних являются преступления, затрагивающие половую свободу и неприкосновенность личности. В первую очередь имеются в виду преступления, квалифицируемые по п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132, а также ч. 2 ст. 133 УК РФ. Совершение

подобного рода преступлений влечет за собой значимые, а в некоторых ситуациях даже критические последствия для физического и психического здоровья пострадавших лиц. По данной причине необходимо очень внимательно отнестись к положениям Верховного Суда РФ. Принимая во внимание, что при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних потерпевших, виновный может совершить несколько действий, входящих в объективную сторону анализируемых составов преступлений, например, в течение часа в отношении одной и той же потерпевшей. Логично предположить, что виновный должен понести ответственность за каждое совершенное им действие, соответственно квалификация должна осуществляться по правилам совокупности преступлений, а не принимать действия виновного как продолжаемое преступление. Следует согласиться, что большое значение имеют обстоятельства, при которых происходят эти преступления. В этом случае, если устанавливается единый умысел на совершение подобных действий, то содеянное судам следует рассматривать как единое продолжаемое преступление [10]. Полагается, что данное разъяснение в некоторой степени обесценивает испытываемые потерпевшей переживания и негативные последствия, ведь жертва фактически каждый раз претерпевает насильственные действия по отношению к ней, и каждый раз виновный нарушает объект уголовно-правовой охраны.

Далее стоит уделить внимание ст. 134 УК РФ. Данная статья является достаточно противоречивой ввиду наличия явных недостатков. По мнению некоторых ученых степень общественной опасности указанного деяния не может соответствовать необходимости криминализовать действия, указанные в данной статье. Охраняемый объект – это половая неприкосновенность, при этом формулировка диспозиции статьи (т.е. отсутствие как такового признака насилия) и примечаний не дает однозначно высказываться об объекте. Особую роль в данном случае играет примечание 1, которое позволяет лицу быть освобожденным от ответственности при одном условии – вступление в брак с потерпевшим. Более того, примечание обладает рядом существенных противоречий. Во-первых, вступление в брак не может компенсировать причиненный ущерб, так как фактически охраняемые государством права и интересы потерпевшего уже были нарушены. Во-вторых, если виновный совершил иные действия сексуального характера, то применение данного примечания уже не представляется возможным. То есть, совершение полового сношения между совершеннолетним лицом и лицом, не достигшим 16 лет при условии вступления в брак,

повлечет освобождение от ответственности, то, например, в случае осуществления орального секса, виновное лицо должно будет понести наказание. В-третьих, подобная мера приводит к заключению фиктивных браков, так как, с одной стороны, у потерпевшего возникает реальная возможность воспользоваться ситуацией и в буквальном смысле принудить виновное лицо совершать определенные действия с целью получения, например, материальной выгоды, а с другой стороны – давление виновного лица на потерпевшего для вступления в брак с одной единственной целью – избежать ответственности [4].

Говоря о преступлениях против несовершеннолетних, обязательно нужно упомянуть ст. 150 УК РФ, которая предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Данные судебной статистики свидетельствуют, в 2022 г. было осуждено 243 лица. Рассматриваемая норма является предметом споров некоторых авторов. Один из таких споров ведется по следующей причине: имеет ли место быть квалификация по ст. 150, в том случае, если несовершеннолетний не совершил преступных действий, но так или иначе найдены и, более того, доказаны попытки вовлечь указанное лицо в совершение таких действий. Анализ судебной практики помогает прийти к выводу о том, что суды придерживаются точки зрения, которая предписывает относить описываемый состав преступления к материальной конструкции состава, т.е. «оконченным оно является в момент совершения несовершеннолетним преступных действий». Но фактически состав является формальным, что подтверждается тем фактом, что очень редко можно встретить вынесение приговоров по ст. 150 УК РФ при этом с ссылкой на ч.3 ст. 30 УК РФ. То есть объективная сторона указанного преступления – это вовлечение несовершеннолетнего лица, что означает возбуждение совершеннолетним лицом желания у несовершеннолетнего совершить общественно опасное деяние [2; 158-162].

Приведем в пример приговор, вынесенный Октябрьским районным судом г. Уфы. Согласно материалам дела Кузнецов совершил грабеж совместно с тремя знакомыми несовершеннолетними лицами. Виновный предложил подросткам украсть рюкзак, в котором находились деньги на сумму 3500 рублей с причинением потерпевшему физической боли. Виновный обвинялся в совершении преступлений по п. «а, г» ч. 2 ст. 161 и ч. 4 ст. 150 УК РФ. Однако суд в итоге квалифицировал действия Кузнецова лишь по 161 статье. Обосновывал свое решение суд тем, что под вовлечением в совершение преступления понимается совершение взрослым лицом действий, чья направленность заключается в возбуждении у

подростков желания совершить активные противоправные действия. Ведущую роль в объективной стороне данного преступления будут играть действие и способ (обещание, угроза и т.д.) Обещание – это принятие на себя обязательств, например, по передаче частью похищенного, оплатить что-либо, разрешить какую-либо ситуацию. Но суд не нашел подтверждения наличию каких-либо активных действий по отношению к подросткам, т.е. Кузнецов не давал обещания, вследствие чего вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений нет [15].

Также в практике, хоть и не часто, но встречается такой вид преступления, как доведение до самоубийства – ст. 110 УК РФ. В 2022 г. по ч. 2 данной статьи было осуждено достаточно мало лиц – всего 6. Так, Мензелинский районный суд Республики Татарстан назначил Мусину наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года. Мусин, как установил суд, в состоянии алкогольного опьянения, наносил несовершеннолетнему Бугрий многочисленные удары и телесные повреждения, высказывал нецензурные слова, желая унижить честь и достоинство лица. Мусин совершал данные действия систематически, ввиду чего Бугрий, находясь в состоянии длительного накопления отрицательных эмоций, попытался нанести порезы по правому предплечью ножом [13].

Еще одним примером судебной практики является приговор Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края. Специфика данного уголовного дела заключается в том, что виновное лицо осуждено по совокупности преступлений – ст. 110 и, выше рассмотренной, ст. 156 УК РФ. Вакуликова на протяжении нескольких лет применяла в отношении своей несовершеннолетней дочери физическое и психическое насилие, сформировала у дочери чувство ненужности, безысходности и отверженности. Так, несовершеннолетняя, желая избежать такого жестокого обращения, причинила себе смерть через повешенье. Женщина неоднократно в присутствии посторонних использовала грубые и пренебрежительные выражения, высказывала угрозы. Так, суд приговорил Вакуликову к 2 годам лишения свободы по ст. 110, по ст. 156 – к одному году исправительных работ с условием удержания в доход государства десяти процентов заработка [14].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что преступления, включающие в себя насилие в отношении несовершеннолетних, имеют повышенную опасность. Насилие имеет различные виды, проявляется в разнообразных формах и что наиболее опасно – может применяться лицами, чья основная обязанность – не допускать совершение подобного рода действий в отношении несовершеннолетних.

Более того, существует немало неточностей и некоторых противоречий в уголовно-правовых нормах, которые требуют внимания законодателя. Были выявлены некоторые теоретические проблемы, выделяемые как существенные, например, несоразмерность санкций, применяемых за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних и особой категории – малолетних.

Список литературы:

[1] Архипцев И. Н., Александров А. Н., Максименко А.В. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ (на примере Белгородской области). Социально-политические науки. 2019 г. № 5 – С. 120-124

[2] Борисов А.В. О некоторых проблемах квалификации преступлений против несовершеннолетних. Военное право. 2022 г. № 3 – С. 158-162

[3] Боровиков В.Б. Жестокое обращение с несовершеннолетним как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК // Вестник Московского университета МВД России, 2014 г. № 11 – С. 108-112

[4] Дядюн К.В. К вопросу о целесообразности установления уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Universum: экономика и юриспруденция, 2017 г. № 5

[5] Коваль Н.В. Жестокое обращение с детьми: криминологические и уголовно-правовые проблемы: автореферат дис. ... кандидата юр. наук // Коваль Наталья Викторовна [Место защиты: Акад. Генер. Прокуратуры РФ]. – Москва, 2013 г. – С. 31

[6] Матвеева В.В. Влияние квалифицирующих признаков на изменение санкции за преступления в отношении несовершеннолетних. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2013 г. № 6 – С. 86-89

[7] «О стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»: Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 // Дата опубликования – 17.05.2023

[8] «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 // СПС «Консультант-Плюс»

[9] «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»: Постановление Пленума Верхов-

ного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 // СПС «КонсультантПлюс»

[10] «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // СПС «КонсультантПлюс»

[11] Павлов В. Г. Квалификация насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних. Царскосельские учения. 2015 г. – С. 210-216.

[12] Приговор Симферопольского районного суда Республики Крым от 21 июля 2023 г. По делу № 1-142/2023 // СПС «Судебный и нормативные акты РФ»

[13] Приговор Мензелинского районного суда Республики Татарстан от 24 января 2017 г. по делу № 1-18/2017 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ»

[14] Приговор Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края от 22 марта 2017 г. по делу № 1-12/2017 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ»

[15] Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 24 ноября 2020 г. по делу № 1-359/2020 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ»

Spisok literary:

[1] Arkhiptsev I.N., Aleksandrov A.N., Maksimenko A.V. Problematic issues of qualification of crimes under Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation (on the example of the Belgorod region). Socio-political sciences. 2019 No. 5 - P. 120-124

[2] A.V. Borisov. On some problems of qualification of crimes against minors. Military law of 2022 No. 3 - S. 158-162

[3] Borovikov V.B. Ill-treatment of a minor as a sign of the objective side of the crime under Art. 156 of the Criminal Code//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014 No. 11 - S. 108-112

[4] Dyadyun K.V. On the advisability of criminalizing sexual intercourse and other sexual acts with a person under the age of sixteen//Universum: Economics and Jurisprudence, 2017 No. 5

[5] Koval N.V. Child abuse: criminological and criminal law problems: abstract dis.... candidate Jurassic Sciences//Koval Natalya Viktorovna [Place

of defense: Acad. Gener. Prosecutor's Office of the Russian Federation]. - Moscow, 2013 - P. 31

[6] Matveeva V.V. The influence of qualifying signs on the change in sanctions for crimes against minors //News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences, 2013 No. 6 - S. 86-89

[7] "On the strategy of integrated safety of children in the Russian Federation for the period up to 2030": Decree of the President of the Russian Federation of 17.05.2023 No. 358//Date of publication - 17.05.2023

[8] "On the application of legislation by the courts in resolving disputes related to the upbringing of children": Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.05.1998 No. 10//SPS "ConsultantPlus"

[9] "On the practice of the courts of applying legislation in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of the child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights": Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2017 No. 44//SPS "ConsultantPlus"

[10] "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual": Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16//SPS "ConsultantPlus"

[11] Pavlov V. G. Qualification of violent crimes against minors. Tsarskoye Selo teachings. 2015 - S. 210-216.

[12] Verdict of the Simferopol District Court of the Republic of Crimea dated July 21, 2023. In case No. 1-142/2023//SPS "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation"

[13] Verdict of the Menzelsky District Court of the Republic of Tatarstan dated January 24, 2017 in case No. 1-18/2017//SPS "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation"

[14] Verdict of the Verkhnebureinsky District Court of the Khabarovsk Territory of March 22, 2017 in case No. 1-12/2017//SPS "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation"

[15] Verdict of the Oktyabrsky District Court of Ufa dated November 24, 2020 in case No. 1-359/2020//SPS "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation"

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА, ПРИ КОТОРОЙ СЛЕДСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНА МЕЖДУ НЕСКОЛЬКИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ: ЧАСТЬ ВТОРАЯ МОДЕЛИ

Аннотация. Концепция распределения следственной функции между несколькими правоохранительными органами является традиционной концепцией в организации следственного аппарата страны. Как было ранее установлено, что активный этап ее развития начинается после революции 1917 года. Вместе с тем, особый интерес представляет механизм ее реализации на практике, которые непосредственно выражается в моделях распределения следственной функции между несколькими государственными органами.

Ключевые слова: следователь, следственная функция, предварительное следствие, концепция, модель.

BABICH N.V.,
Ph.D., assistant to Cheryomushkinsky
interdistrict prosecutor of the city of Moscow

FEATURES OF THE CONCEPT AND MODEL OF THE ORGANIZATION OF THE INVESTIGATIVE APPARATUS, IN WHICH THE INVESTIGATIVE FUNCTION IS DISTRIBUTED AMONG SEVERAL LAW ENFORCEMENT AGENCIES: PART TWO OF THE MODEL

Annotation. The concept of the distribution of the investigative function between several law enforcement agencies is a traditional concept in the organization of the country's investigative apparatus. As it was previously established that the active stage of its development begins after the 1917 revolution. At the same time, of particular interest is the mechanism for its implementation in practice, which is directly expressed in the models for the distribution of the investigative function between several state bodies.

Key words: investigator, investigative function, preliminary investigation, concept, model.

Итак, теоретически, на практике можно воспроизвести любое количество вариантов моделей реализации концепции разделения следственной функции между несколькими правоохранительными органами. Фантазия правоведа в этом в представлении следственных моделей ограничивается только количеством, имеющихся всех действующих государственных органов. Такой теоретический подход, не смотря на его реальное проявление, является негативным нежели положительным в реформирование следственного аппарат страны. Проблема заключается в том, что качество и эффективность предварительного следствия в такой концепции зависит в первую очередь не количества государственных органов, на которые можно возложить

следственную функцию, а от проявляющего в научном исследовании первостепенного принципа-вопроса концепции – «насколько логичным и обоснованным будет наделение того или иного государственного органа следственной функцией».

Кроме принципа-вопроса, необходимо обратить внимание еще на один важный пункт, который также должен ограничивать количество моделей исследуемой концепции. Сущность этого пункта проявляется в уточнение единого правового статуса того или иного государственного органа, которая требуется для выявления точных моделей исследуемой концепции. Так, о чем конкретно в данном случае идет речь в рамках правового статуса? Как известно, в истории России и

зарубежных стран происходили не раз ситуации, когда подразделения одного ведомства выделялись из него и на его основе создавались другие целые службы, обладающие следственными полномочиями. По своему правовому статусу такие подразделения имели один и тот же правовой статус, что и у ведомства, из которого они были выведены, без какого-либо реального обоснования. После некоторого периода их функционирования, такие подразделения возвращали обратно в ведомство в силу опять же того самого единого правового статуса и общего назначения. Одним из ярких примеров, может служить правоохранительная реформа 2016 года, когда Федеральная служба по контролю за оборотом наркотических веществ России, имеющая статус явно полицейской структуры и осуществляющая полномочия (в том числе предварительного следствия) присутствующие, исходя из теории правоохранительной деятельности, Министерству внутренних дел была возвращена обратно в Министерству внутренних дел России на правах Главного управления. Утверждать о том, что была создана новая модель следственных органов лишь из-того, что Федеральная служба по контролю за оборотом наркотических веществ России имело свой следственный аппарат не логично и не представляется возможным в силу единого правового статуса и общего назначения с другим ведомством. По такой схеме, например можно выделить уголовный розыск с Министерства внутренних дел и сказать, что это новое ведомство. Новая модель исследуемой концепции образуется за счет надделения следственной функцией органов, которые имеют единый и не раздробленный на части правовой статус, иными словами ведомства в прямом смысле этого слова.

Таким образом для разработки и выявления новых, исследования действующих и т.п. моделей концепции разделения следственной функции между несколькими государственными органами требуется соблюдать как минимум два существенных условия:

- во-первых, определить целесообразность надделения того или иного государственного органа следственной функцией по форме предварительного следствия (концептуальная основа);
- во-вторых, установить отсутствие множественности государственных органов, дублирующих функцию, которая непосредственно, исходя из теории правоохранительной деятельности, закреплена за конкретным ведомством.

Принимая во внимание такие минимальные условия, то в России можно выделить две общие модели исследуемой концепции, предварительно и условно назвав их общей традиционной и общей

неотрадиционная [1]. Каждая из общих моделей состоит из специальных моделей. Рассмотрим каждую из подробнее.

Традиционная модель характеризуется тем, состоит из трех специализированных моделей: модель организации следственных органов в и при прокуратуре, модель организации следственных органов в Министерстве внутренних дел, модель организации следственных органов в органах государственной безопасности. Как уже видно из этого, подследственность в общей традиционной модели распределялась между такими государственными правоохранительными органами, как следственные органы прокуратуры, полиции/милиции и органов государственной безопасности. Организационная сущность этой модели заключается в том, что прокуратура как орган предварительного следствия занимается расследованием преступлениями, имеющих тяжкий и особо тяжкий характер. Причинами возложения таких функций на прокуратуру послужили: во-первых, как и при создании отдельных должностей при Наркомате юстиции, требовался следователь, который обладал более высоким профессиональными знаниями и мог сконцентрироваться именно на расследование уголовных делах повышенной опасности и значимости; во-вторых, концепция прокурорского следствия хорошо себя зарекомендовала на практике, в силу чего она стала одной из факультативных концепций вошедшей в состав общей концепции разделения следственной функцией между несколькими государственными органами; в-третьих, повышение объективности следствия по тяжким и особо тяжким преступлениям; в четвертых, и другие.

Полиция/милиция, является основным государственным органом этой традиционной модели. Если функции прокуратуры можно переложить на Министерство юстиции, то функции Министера внутренних дел в лице полиции/милиции переложить не представляется возможным по объективным причинам. Надделение полиции/милиции следственной функцией по форме предварительного следствия при традиционной модели необходимо из-за того, что полиции/милиции выступает как основной государственный орган правопорядка, который занимается расследованием общих преступлений, которые совершаются в жизни общества намного чаще чем иные.

Последним элементом традиционной модели, на который возлагают следственную функцию выступают органы государственной безопасности. Сегодня таким правоохранительным органом является Федеральная служба безопасности России. Из-за очень низкого качества своей профессиональной деятельности данная

структура сегодня, либо требует серьезного реформирования с полной переаттестацией кадров, либо полного упразднения и создания не на ее основе нового ведомства. Но это не означает, что органы государственной безопасности должны лишиться полномочий по предварительному следствию. Такая особая следственная функция требуется органам государственной безопасности для защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, среди которых обеспечение внутренней и внешней безопасности и защиты тех основ конституционного строя, которые гарантируют права и свободы человека и гражданина [2]. При этом интересы государства сводятся только к защите общества и личности.

Активное развитие и успешное применение в практической жизни государства традиционной модели организация органов предварительного следствия приходится в основном в период становления и существования Союза Советских Социалистических Республик. Формирование модели происходило постепенно начиная с реформ большевиков с 1920 года [3].

Некоторым расширением отдельной части этой модели уже в современной России явилось наделение следственной функцией органов, имеющие непосредственное полицейские/милицийские функции. Кроме Министерства внутренних дел России в лице полиции (ранее милиции) отдельными полицейскими и следственными функциями обладали органы налоговой полиции (до 2003 г. [4]) и наркоконтроля (до 2016 г.) [5]. Сейчас оба этих полицейских правоохранительных органов составляют систему подразделений Министерства внутренних дел России. Но сама традиционная модель прекратила свое существование на практике в 2011 году, в связи с созданием Следственного комитета России. Однако это не означает, что модель не может быть применена снова на практике. Так, в связи необходимостью дальнейшего реформирования действующего следственного аппарата России данная модель остается в числе рассматриваемых актуальных вариантов. Многие правоведы положительно относятся к такой модели организации предварительного следствия, которая действовала в России до 2011 года. В частности, обосновывается следственная функция в Министерстве внутренних дел России, по тем положениям, что система органов предварительного следствия в Министерстве внутренних дел России представляет собой устоявшуюся, самостоятельную, строго и хорошо организованную централизованную федеральную структуру, возглавляемую Следственным департаментом МВД России. Такая организация в системе министерства

позволяет быстро, качественно, законно расследовать преступления за счет тесных правоотношений между следователем и оперативно-розыскными и экспертно-криминалистическими подразделениями [6]. Обеспечивается быстрая процедура возбуждения уголовного дела [7]. Следственные подразделения Министерства внутренних дел России имеют богатый опыт расследования преступления, так как на них приходится основная масса уголовных дел. Наличие собственных ведомственных образовательных и научно-исследовательских учреждений, позволяет подготавливать высококвалифицированных следователей и вырабатывать современные методики и тактики для быстрого и качественного расследования различных преступных деяний.

Касаемо следственной функции органов прокуратуры. В традиционной модели следственная функция прокурора применяется не для выполнения задач прокурорского надзора, а для выполнения задач предварительного следствия, то есть расследования преступлений. Указываются такие положительные моменты, как высокий уровень прокурорского надзора; эффективное и качественное предварительное следствия; высокий уровень следственных работников; общий и жесткий, основанный на законе, контроль за предварительным следствием, осуществляемым следователями Министерства внутренних дел и органов государственной безопасности [8]; снижение ведомственных интересов и коррупционной составляющей [9]; повышение соблюдения прав и свобод человека и гражданина [10]; и т.п. После реформы 2007 года, многие правоведы высказывались за возвращение органам прокуратуры следственной функции [11].

Наделение следственной функции органов государственной безопасности в такой традиционной модели обладает, по сути, тем же свойствами, что и следственная функция в Министерстве внутренних дел, но только в очень узкой направленности, а именно укреплению законности; снижению уровня должностных преступлений; обеспечение, быстро и качественной расследование преступлений посягающих на безопасность государства за счет тесных правоотношений между следователем и оперативно-розыскными и экспертно-криминалистическими подразделениями; высокий профессиональный уровень следователей, в силу продолжительного богатого практического опыта, системы научно-образовательных учреждений; и т.п.

Исходя из предположений сторонников по отдельным частным моделям, формируются общие положительные свойства общей традиционной модели, среди которых: наличие объективной конкуренции в предварительном следствии

между органами прокуратуры, Министерства внутренних дел и государственной безопасности; быстрое, качественное и законное расследование преступлений за счет тесных правоотношений между следователем и оперативно-розыскными и экспертно-криминалистическими подразделениями; ведущая роль в следствие отводится органам прокуратуры; жесткий и эффективный прокурорский надзор; руководитель предварительного следствия – прокурор; формирование уголовной политики при участие трех ведомств, что позволяет увидеть разные варианты разрешения тех или иных проблем; расследование должностных преступлений, производиться высококвалифицированными кадрами – прокурорами; обеспечение наивысшего уровня прав и свобод человека и гражданина [12]; и прочие.

Проанализировав особенности организации и деятельности органов предварительного следствия по общей традиционной модели с 1991 по 2011 года, мы выступаем категорически против возвращения на практике к такой модели. Бесспорным является тот факт, что традиционная модель имеет свои положительные свойства. Однако стоит заметить, что такие положительные свойства проявлялись в период существования СССР и несколько первых годов после его распада, уже в Российской Федерации. Далее такие свойства стали носить негативный характер вместо положительного, что в результате сказалось на эффективности организации и деятельности следственного аппарата страны. Главными проблемами общей традиционной модели выступали и выступают: 1) малозначительная эффективность деятельности правоохранительных органов (снижение уровня раскрываемости уголовных дел, качества предварительного следствия и т.п.); 2) наличие отрицательных явлений в правоохранительной работе прокурора, следователя и оперативных работников, таких как подделывание отчетности, злоупотребления должностными полномочиями в процессе раскрытия уголовных дел; 3) «отсутствует должное современное техническое оборудование для следователей и оперативных работников; 4) нарушение законности в деятельности правоохранительных органов (необъективное следствие, обвинительный уклон, волокита и т. д.); 5) зависимость следователя от руководства [13]»; 6) в неверном закреплении прямых и косвенных доказательств; 7) в истечении срока давности (ввиду бездействия следственных органов); 8) в передаче уголовных материалов из одного ведомства в другое и обратно (неправильное закрепление подследственности); 9) в невозможности увязать события всей картины преступлений; 10) в повышении нагрузки следователей, связанной с ростом отчетности; 6)

в конкуренции между данными следственными органами за возможность принятия к своему производству уголовного дела; 11) в нерегламентированности определения подследственности между следственными органами; 12) в окклюзиях нормативно-правовых актов, которые создают условия для возникновения противоречий между прокуратурой РФ и СК РФ, что, в свою очередь, приводит к нарушению единства и системности уголовно-процессуальной деятельности; 13) в повышении обвинительного уклона со стороны следователя, руководителя следственного органа и прокурора; 14) в потере специализации следователя; 15) в бесконечных спорах о подследственности; 16) в фиктивной процессуальной самостоятельности следователя.

В результате, сегодня в России применить в процессе реформирования следственного аппарата общую традиционную модель невозможно, так как это приведет еще к более негативным последствиям. Возвращение прокурору таких полномочий, как возбуждать и прекращать уголовные дела, расследовать, поручать следователю расследовать уголовное дело, осуществлять контроль и надзор за следствием, давать обязательные указания следователю и поддерживать государственное обвинение, снова существенно увеличат число должностных преступлений в органах прокуратуры, которые будут нарушать законные права и интересы отдельных участников уголовного судопроизводства на всех его стадиях, как это было до реформы 2007 года.

Нелепым представляется негативная цепочка, когда прокурор сам возбуждает уголовное дело, сам его расследует, сам себя контролирует, сам за собой надзирает, сам дает себе же обязательные указания для исполнения, сам утверждает свое же сформированное обвинительное заключение и сам по своему делу поддерживает обвинение в суде. С таким подходом прокуратура снова превратится в супер-правоохранительное ведомство.

Есть еще один важный момент в невозможности применить традиционную модель на практике. Он заключается в том, что Россия является участницей в ряде международных правовых актов в области предварительного следствия [14]. Согласно им прокурорский надзор и следственная функция должны быть отделены друг от друга.

Теперь рассмотрим действующую неотрадиционную модель организации предварительного следствия. Неотрадиционная модель организации следственных органов – это традиционная модель построения органов предварительного следствия, при которой система органов предварительного следствия государства реформируется в целях адаптации к современным усло-

виям путем формирования не только на основных традиционных структурных принципах, но и в том числе на новых, либо на тех же самых, но усовершенствованных.

Становление данной модели произошло в 2011 году после серьезной реформы следственного аппарата страны. В итоге следственная функция по форме предварительного следствия распределилась между:

- новым правоохранительным органом в лице Следственного комитета России;
- уже существовавшими полицейскими органами в лице Следственного департамента Министерства внутренних дел России и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических веществ России;
- уже существовавшими органами государственной безопасности в лице Следственного управления Федеральной службы безопасности России.

Главным элементом следственной реформы стало как раз создание независимого Следственного комитета России с его особым правовым статусом, который положил начало неотрадиционной модели организации следственного аппарата страны.

Сразу стоит оговориться, что следственная функция была распределена именно между тремя правоохранительными органами: полицией, комитетом и органами государственной безопасности. СД МВД России и СД ФСБ России — это неграмотно раздробленные следственных подразделений одного полицейского ведомства, имеющих один и тот же правовой статус. Ранее нами уже упоминались причины, по которым мы не рассматриваем отдельно такие правоохранительные органы для выявления и определения концепций и их моделей реализации.

Безосновательное раздробление полицейского ведомства на отдельные части, является безграмотной ошибкой руководства страны. Эта ошибка была устранена в 2016 году, когда ФСБ, и ее подразделения, в том числе СД вошли как это положено исходя из теории правоохранительной деятельности и полицейской функции в Министерство внутренних дел России.

Говоря о взглядах правоведов то можно отметить, что многие из них положительно относятся к нетрадиционной модели организации следствия, хотя и отмечают некоторые моменты, которые требуют небольшого реформирования [15].

Однако глубокое исследование действующей уже сформированной в 2016 году неотрадиционной модели распределения подследственности между тремя правоохранительными органами, а именно такими как независимый СК РФ,

СД МВД РФ и СУ ФСБ РФ позволило сделать вывод о том, что решение одной проблемы привело к появлению новых. Так, прокурор полностью лишился реальных механизмов для осуществления своей ключевой функции в виде эффективного надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в целях защиты прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, а сам следователь как не обладал ранее процессуальной самостоятельностью, так и не обладает. Следователь находится в полной зависимости от руководителя следственного подразделения при принятии важных правовых решений, которую играют важную роль в расследование уголовного дела. Все указания руководителя следственного органа в соответствии со статьей 39 Уголовно-процессуального кодекса России являются обязательными для исполнения следователем, в то время как, указания прокурора по статье 37 этого же нормативно-правового акта носят по факту некий не понятный рекомендательный характер. Принять действенные и необходимые акты реагирования для того, чтобы повлиять на незаконное решение следователя СК РФ о прекращении возбужденного дела или о возбуждении уголовного дела у прокурора не представляется возможным по действующей неотрадиционной модели.

Распределение таким образом полномочий привело к тому, что практически полностью не исполняются и не принимаются во внимание обоснованные и законные требования прокурора об устранении нарушений законов. Все это сводится к противоречиям между органами прокуратуры и органами Следственного комитета России. Так, например, традиционная проблема в правоотношениях между прокурором и следователем - следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела, а прокурор в свою очередь, наоборот, принимает постановление об отмене постановления следователя о возбуждении уголовного дела и требует его прекратить, а следователь его не прекращает. Такая же ситуация только наоборот, прокуратура требует возбудить уголовное дело, а следователь выносит постановление об отказе в его возбуждении. Процедура таких правоотношений в таком виде может длиться, как это не практике присутствует, месяцами или годами. А какие же результаты всего этого?

- Нарушение законных прав и интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.
- Следователь в соответствии со статьями 37, 38 и 39 УПК России выполнит требования прокурора только после их одобрения руководителем следственного подразделения,

так прокурор некая фигура чья процессуальная деятельность в виде надзора на стадии предварительного следствия до утверждения обвинительного заключения носит рекомендательный характер.

В реальности положения статей 37 и 39 просто поменяли местами прокурора и руководителя следованного органа. Прокурорский надзор за следователем теперь по факту осуществляется в виде ведомственного контроля со стороны руководителя следственного подразделения.

Проблема также не разрешается если принять во внимание, формулировку нормы уголовно-процессуального закона о том, что в случае разногласий между (с одной стороны) следователем, руководителем следственного подразделения и (с другой стороны) прокурором итоговое решение в споре принимается Генеральный прокурор России. В этом случае проблема заключается в том, что Председатель Следственного комитета России обладает правом возбудить уголовное дело в отношении Генерального прокурора, а последний в свою очередь не имеет никаких механизмов. Возникает вопрос – так какова вероятность того, что итоговое процессуальное решение Генерального прокурора России не будет воспринято Председателем Следственного комитета России как процессуальное решение имеющие нарушение законодательства России.

Правовое положение прокурора в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного следствия в такой неотрадиционной модели выражается лишь в направлении актов прокурорского реагирования следователю, которые не обладают существенным влиянием на ход расследования, как указания руководителя следственного органа [16].

Единственным существенным полномочием прокурора в данной модели является его право не утвердить обвинительное заключение следователя по уголовному делу. Наделение прокурора таким полномочием в такой модели недостаточно. Для должного прокурорского надзора требуются дополнительные реальные процессуальные механизмы. Прокурору важно видеть весь ход расследования преступления. В случае нарушения следователем прав и свобод человека и гражданина на любом этапе расследования прокурор должен принять соответствующие меры реагирования. В действующей модели он может принять их только на том этапе, когда материалы уголовного дела поступят вместе с обвинительным заключением, т.е. когда следователь завершит уголовное дело. Какой-либо информацией по уголовному делу до этого этапа прокурор не обладает. У него нет реальных полномочий запросить уголовный материал и озна-

комиться с ним на любом этапе предварительного следствия. Выполнить исконную задачу по определению законности нахождения лица во временном изоляторе прокурор может только на заключительном этапе предварительного следствия. До этого момента такую прокурорскую задачу выполняет сам руководитель следственного подразделения или инспектора контрольно-следственных подразделений Следственного комитета России, которые связаны ведомственной заинтересованностью со следователем, находящимся в их подчинении.

Что касается Следственного департамента Министерства внутренних дел и Следственного управления Федеральной службы безопасности то в этой неотрадиционной модели им характерны такие же проблемы, как и при традиционной модели организации органов предварительного следствия.

В таком виде функционирующую неотрадиционную модель организации органов предварительного следствия оставлять нельзя. Она требует серьёзного реформирования, так как при ней: во-первых, практически отсутствует прокурорский надзор за предварительным следствием и следователь — это де-факто помощник руководителя следственного органа; во-вторых, происходит негативная конкуренция между органами предварительного следствия; в-третьих, реальную функцию прокурорского надзора за деятельностью следователя выполняется по факту руководителем следственного органа, что соответственно противоречит теории правоохранительной деятельности и уголовно-процессуального права; в-четвертых, возникают нелепые споры между правоохранительными органами, которые не имеют механизма их разрешения; в-пятых, остаются остальные те же самые проблемы, что и при традиционной модели организации следственных органов.

Итак, принимая во внимание все вышеизложенное можно сделать определённые выводы.

Модели реализации этой концепции различны и появились на практике задолго до самой концепции. Следственная функция может быть распределена между любыми государственными органами – судом, прокуратурой, министерством юстиции, полицией и т.п. Главный ее признак — это наличие не менее двух государственных органов. Многие модели были реализованы на практике в различные периоды истории нашей страны.

Устоявшимися, за последние несколько десятилетий нашей страны, моделями такой концепции стали традиционная (прокуратура, органы госбезопасности и полиция/милиция) и неотрадиционная (следственный комитет, органы госбезопасности и полиция/милиция).

Возвращение к традиционной модели следствия при реформировании следственного аппарата страны невозможно и может привести к негативным последствиям и ошибкам, которые уже имелись на практике. Модель была положительна для своего времени. Сегодня она устарела.

При традиционной модели следственная функция прокуратуры используется только для расследования преступлений, а не для выполнения задач прокурорского надзора.

Положительной является неотрадиционная модель следственного аппарата страны. Однако допущенные ошибки в процессе реформирования в 2011 году привели к существенным организационным негативными моментам, которые требуют их устранения.

Требуется реформировать неотрадиционную модель следствия и пересмотреть полностью правовое положение прокурора в уголовном судопроизводстве. Прокурор должен осуществлять только прокурорский надзор. Любое наделение прокурора полномочий по даче обаятельных указаний следователю приведет к повышению должностных преступлений, как это было до 2007 года.

Список литературы:

[1] Бабич Н.В. Правовое регулирование и организация деятельности органов предварительного следствия в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Бабич. – М., 2019. –31 с.

[2] Правоохранительные органы: учебник для академического бакалавриата / Н.П. Кириллова [и др.]; под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 455 с.; Савюк Л.К. Правоохранительные органы: учебник. М.: Юристъ, 2004. 671 с.; Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Российская газета. 1995. № 72. 12 апреля; Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. 3 января. № 1. Ст. 2; Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства. 1997. № 52. Ст. 5909; 2000. № 2. Ст. 170.

[3] История предварительного следствия России: монография / Н. В. Бабич, под ред. Б. В. Сангаджиева. – Москва: РУДН, 2020. – 214 с.

[4] Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[5] Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156 (ред. от 21.12.2016) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Собрание законодательства РФ. 2016. 11 апреля. № 15. Ст. 2071.

[6] Попов И.А. Органам предварительного следствия в системе МВД России 50 лет: основные итоги и дальнейшие шаги // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №7. С. 18-25.

[7] Багмет А. М. Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2015. № 11. С. 6-8.

[8] Кругликов, А. П. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве / А. П. Кругликов // Законность. - 2008. - № 8. - С. 25-29; Скабелин Александр Владимирович Возвращение прокурору полномочий по возбуждению уголовных дел: за и против // Legal Concept. 2016. №2 (31). С. 157-161; Сычев, Д. А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства / Д. А. Сычев // Криминалистика. - 2013. - № 1 (12). - С. 49-54.

[9] Гатауллин, З. Ш. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном судопроизводстве / З. Ш. Гатауллин // Бизнес в законе. - 2009. -№ 1. - С. 221-225.

[10] Силкин Вячеслав Петрович, Лодкин Александр Евгеньевич Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №5. С. 164-167. обращения: 05.01.2021).

[11] Буторина Е., Карачева Е. Заклятая дружба (Интервью Генерального прокурора РФ Ю. Чайки) // Время новостей. 2008. 28 марта; Кругликов А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. 2008. № 8. С. 25 - 29.; Рябинина Т. К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1. С. 41 – 45; Шичанин И. И. Деятельность прокурора по составлению постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлению обвинения // Рос. следователь. 2010. № 12. С. 13 – 16; Шичанин И. И. Деятельность прокурора по подготовке обвинительного заключения и направлению уголовного дела в суд // Рос. следователь. 2010. № 17. С. 11 – 13.

[12] Ситдикова Г.З. Формирование профессиональных компетенций специалистов следственной и оперативно-розыскной деятельности

// Евразийский юридический журнал. 2016. № 12 (103). С. 171-173; Цветков Ю.А. Роль следственных органов в реализации уголовной политики // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы 1-й всерос. науч.-практ. конф. / Российская академия правосудия. М., 2014. С. 133-142; Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Оценка эффективности следственной деятельности в России: размышления и выводы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №2 (85). С. 91-95; Бозоян А.О. Состояние и тенденции развития следственных органов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 12.

[13] Бозоян, А.О. Состояние и тенденции развития следственных органов в России: дис. ... канд. юрид. наук / А.О. Бозоян. М., 2014. 209 с.

[14] Рекомендация № R (2000) 19 КМСЕ «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» от 6 октября 2000 г. // Совет Европы и Россия: сборник документов / Отв. ред. Ю.Ю. Берстнев. М.: Юрид. лит., 2004. С. 746-779

[15] Багмет Анатолий Михайлович, Цветков Юрий Анатольевич Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. №4. С. 60-70; Попова Татьяна Юрьевна Изменение баланса полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник КемГУ. 2015. №2-2 (62). С. 200-203 и др.

[16] Лебедев В. М. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистра. М.: Юрайт, 2015. С. 1038.

Spisok literatury:

[1] Babich N.V. Legal regulation and organization of activities of preliminary investigation bodies in the Russian Federation: Author. dis.... cand. jurid. Sciences/N.V. Babich. - M., 2019. -31 s.

[2] Law enforcement: textbook for academic baccalaureate/N.P. Kirillova [et al.]; ed. N.P. Kirillova, N.G. Stoyko. 2nd ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2018. 455 p.; Savyuk L.K. Law enforcement: textbook. M.: Lawyer, 2004. 671 p.; Federal Law "On the Federal Security Service" of 03.04.1995 No. 40-FZ// Rossiyskaya Gazeta. 1995. № 72. April 12; Federal Law "On Safety" dated 28.12.2010 No. 390-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. January 3. № 1. Art. 2; On the approval of the Concept of National Security of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of December 17, 1997 No. 1300 (as amended on January 10, 2000 No. 24)//Collection of legislation. 1997. № 52. Art. 5909; 2000. № 2. Art. 170.

[3] History of the preliminary investigation of Russia: monograph/N.V. Babich, ed. B.V. Sangadzhiev. - Moscow: RUDN University, 2020. - 214 s.

[4] Decree of the President of the Russian Federation of March 11, 2003 No. 306 "Issues of improving public administration in the Russian Federation" //SPS ConsultantPlus.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 05.04.2016 No. 156 (ed. 21.12.2016) "On improving public administration in the field of control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and in the field of migration" //Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. April 11. № 15. Art. 2071.

[6] I.A. Popov. The preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are 50 years old: the main results and further steps//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. №7. S. 18-25.

[7] Bagmet A.M. Analysis of the expediency of introducing the institution of an investigative judge into criminal proceedings//Russian investigator. 2015. № 11. S. 6-8.

[8] Kruglikov, A.P. The role of the prosecutor in criminal proceedings/A.P. Kruglikov//Legality. - 2008. - № 8. - S. 25-29; Skabelin Alexander Vladimirovich Return to the prosecutor of the authority to initiate criminal cases: for and against//Legal Concept. 2016. №2 (31). S. 157-161; Sychev, D. A. Criminal procedural functions of the prosecutor carried out during pre-trial proceedings/D. A. Sychev//Kriminalisg. - 2013. - № 1 (12). - S. 49-54.

[9] Gataullin, Z. Sh. Criminal prosecution as a function of a prosecutor in criminal proceedings/Z. Sh. Gataullin//Business in law. - 2009. -№ 1. - S. 221-225.

[10] Silkin Vyacheslav Petrovich, Lodkin Alexander Evgenievich Practice and problems of prosecutorial supervision of criminal procedure activities of preliminary investigation bodies//Gaps in Russian legislation. 2017. №5. S. 164-167. Appeals: 05.01.2021).

[11] Butorina E., Karacheva E. Sworn friendship (Interview by the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Chaika)//News time. 2008. March 28; Kruglikov A. The role of the prosecutor in criminal proceedings//Legality. 2008. № 8. S. 25-29.; Ryabinina T.K. And again to the question of the legal status of the prosecutor in criminal proceedings//Criminal proceedings. 2008. № 1. S. 41-45; Shichanin I.I. The activities of the prosecutor in drawing up a decision on prosecution and indictment//Ros. investigator. 2010. № 12. S. 13-16; Shichanin I.I. The activities of the prosecutor in preparing the indictment and sending the criminal case to court//Ros. investigator. 2010. № 17. S. 11-13.

[12] G.Z. Sitdikova. Formation of professional competencies of specialists in investigative and operational-search activities//Eurasian Legal Jour-

nal. 2016. № 12 (103). S. 171-173; Tsvetkov Yu.A. The role of investigative bodies in the implementation of criminal policy//Actual problems of the theory and practice of the application of criminal law: materials of the 1st all-Russian. scientific-practical. conf. /Russian Academy of Justice. M., 2014. S. 133-142; Bulyzhkin A.V., Chaplygina V.N. Assessment of the effectiveness of investigative activities in Russia: reflections and conclusions//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №2 (85). S. 91-95; Bozoyan A.O. Status and trends in the development of investigative bodies in Russia: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2014. S. 12.

[13] Bozoyan, A.O. Status and trends in the development of investigative bodies in Russia: dis.... cand. jurid. Sciences/A.O. Bozoyan. M., 2014. 209 pp.

[14] CMCE Recommendation No. R (2000) 19 "On the Role of Prosecutors in the Criminal Justice System" of October 6, 2000//Council of Europe and Russia: Collection of Documents/Rev. ed. Yu. Yu. Berstenev. M.: Jurid. lit., 2004. Page 746-779

[15] Bagmet Anatoly Mikhailovich, Tsvetkov Yuri Anatolyevich Strong investigation and its opponents//Lex Russica. 2015. №4. S. 60-70; Popova Tatyana Yurievna Change in the balance of powers of the prosecutor and the head of the investigative body//Bulletin of KemSU. 2015. №2-2 (62). S. 200-203, etc.

[16] Lebedev V. M. Criminal Procedure Law: textbook for bachelor's and master's degree. M.: Yurayt, 2015. S. 1038.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МОРОЗ Ирина Николаевна,
Адъюнкт 2 курса, майор полиции,
Ростовский юридический институт МВД России,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: irina.moroz.2024@mail.ru

КОНОВАЛОВ Станислав Иванович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики и
оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
Ростов-на-Дону Российская Федерация,
e-mail: konovalov455@mail.ru

ПРИНЦИП «ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ» В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей при рассмотрении вопроса этимологического содержания понятия «специальные знания» через принцип «дополнительности», по уголовным делам о преступлениях против личности. Выводы. На основе анализа разногласий возникающих при изучении вопроса – определения понятия «специальные знания» через принцип «дополнительности», по уголовным делам о преступлениях против личности, выявлены следующие особенности, которые необходимо учитывать, при его решении: 1) необходимость применения не только специальных знаний в сфере биологии, медицины и других естественных наук, но и ряда гуманитарных отраслей науки, таких как психология и педагогика, призванных содействовать выявлению причин, способствующих и обуславливающих совершение данного вида преступлении. 2) привлечение специалиста в сфере IT-технологий в связи с возросшей тенденцией совершения данного вида преступлений в сети «Интернет».

Ключевые слова: принцип «дополнительности», «специальные знания», преступления против личности.

MOROZ Irina Nikolaevna,
Adjunct 2nd year, Police Major Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

KONOVALOV Stanislav Ivanovich,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Criminology and Operational Investigative Activities
of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Rostov-on-Don, Russian Federation

THE PRINCIPLE OF “COMPLEMENTARITY” IN THE USE OF “SPECIAL KNOWLEDGE” IN CRIMINAL CASES OF CRIMES AGAINST THE PERSON»

Annotation. The purpose of the study is to identify the specifics when considering the definition of the concept of “special knowledge” through the principle of “complementarity” in criminal cases of crimes against the person. Conclusions. Based on the analysis of disagreements arising in the study of the issue – the definition of the concept of “special knowledge” through the principle of “complementarity” in criminal cases of crimes against the person, the following features are identified that must be taken into account when

solving it: 1) the need to apply not only special knowledge in the field of biology, medicine and other natural sciences, but also a number of humanitarian branches of science, such as psychology and pedagogy, designed to help identify the causes contributing to and causing the commission of this type of crime. 2) the involvement of a specialist in the field of IT technologies in connection with the increased trend of committing this type of crime on the Internet.

Key words: the principle of “complementarity”, “special knowledge”, crimes against the person.

ВВЕДЕНИЕ

К числу стратегических национальных приоритетов отнесены, такие как повышение качества жизни, укрепление здоровья и снижение смертности населения.

Согласно официальным данным, общее число преступлений в России с 2019 по 2023 гг.

снизилось на 3,8 %. На фоне благоприятной тенденции к снижению уровня преступности, в Российской Федерации также снизилось на 16 % количество зарегистрированных преступлений против личности за рассматриваемый период. При этом, доля раскрытых преступлений данной категории сократилась на 16 % (рис. №1).

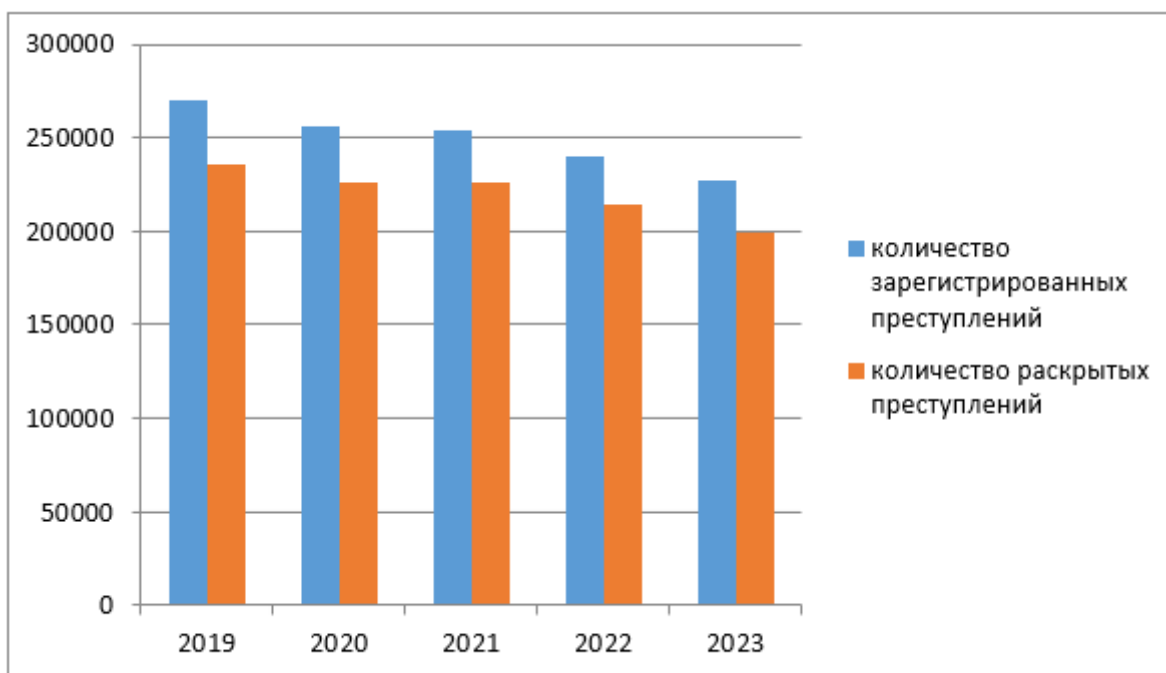

Рисунок 1. Количество зарегистрированных и раскрытых преступлений против личности за 2019-2023 гг.

Figure 1. The number of registered and solved crimes against the person in 2019-2023.

Трагические события, связанные с массовыми расстрелами в развлекательных центрах, в образовательных организациях дали очередной тревожный сигнал, показывая нерешенные проблемы как причин преступлений против жизни и здоровья, так и криминалистических аспектов их раскрытия и расследования.

Современные преступные посягательства против жизни и здоровья значительно отличаются от тех, которые были 10 – 20 лет назад: видоизменяются способы и методы преступной деятельности, её мотивационная основа, сама насильственная преступность, как и другие ее виды, перемещается в информационное пространство. В связи, с чем борьба с ней предпола-

гает использование новых методов, которые в свою очередь опираются на современные достижения науки и техники. В связи с этим, установление обстоятельств совершения преступлений, доказывание виновности лиц сопровождается активным использованием специальных знаний, а вопросы совершенствования этой деятельности вновь на пике актуальности.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ»

В современной научной литературе ведутся дискуссии связанные с определением понятия «специальные знания». Данная дефиниция не нашла своего закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

В статье мы не претендуем на анализ всех разногласий, связанных с рассматриваемой проблемой, ввиду их множественности. А.В. Варданян выделяет следующие дискутируемые вопросы: – разграничение знаний специальных от обыденных, общедоступных, правовых; – определение (направлений), выступающих источниками знаний (наука, техника, искусство, ремесло); – содержание знаний (профильное образование, опыт профессиональной деятельности, навыки) и т. д. [Варданян, 2019: № 2: 159] В настоящей статье мы коснемся источника знаний и их содержания.

Ряд ученых, (Т.В. Аверьянова [Аверьянова, 2001: № 2; 30], Ф.Г. Аминев [Аминев, 2016: 20], Р.С. Белкин [Белкин, 1987: 80], Е.Р. Россинская [Россинская, 2001: № 5; 117-120], и др.) рассуждают о том, является ли перечень областей человеческой деятельности, указанный в ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» исчерпывающим (области - науки, техники, ремесла, искусства) или в него включены и другие области.

Очевидно, что указанные ученые проводят исследования, направленные на разрешение вопроса об определении понятия «специальные знания» в рамках сложившегося четырехэлементного перечня областей знаний. Обобщив результаты их исследований относительно данного вопроса, мы приходим к выводу, что понятия специальных знаний формулируются ими с учетом следующих признаков: а) надлежащий субъект (действующий в области науки, техники, ремесла, искусства); б) научные знания; в) образование; г) профессиональный опыт.

В силу динамического характера процессов, происходящих со временем в области науки, техники, ремесла и искусства, возникает потребность в постоянном обновлении полученных знаний. В связи с чем, при формулировании понятия «специальные знания» стоит учитывать совершенствование приобретенных навыков и, как следствие, повышение уровня профессионализма использующего их субъекта.

В. Н. Махов же, говорит о том, что: «знания которые используют в своей профессиональной деятельности следователи и судьи нельзя отнести к специальным, а вот знания, которые используются в остальных видах профессиональной деятельности, являются специальными [Махов, 2000: 58]. Данная позиция сходна с мнением А.В. Варданяна, который считает единственным направлением, служащим источником получения знаний, науку, которая, в свою очередь, поглощает три остальных элемента. «Любые знания, относящиеся к категории специальных, и используемых в деятельности эксперта или специали-

ста, – считает ученый – должны обладать такими критериями, как научная обоснованность, наличие надлежащей методики проведения исследования. Следовательно, прямо или опосредованно они все же относятся к знаниям в сфере науки. Знания из науки вовсе не ограничиваются какими-либо умозрительными теоретическими конструкциями, а априорно воплощают в себе также и результаты эмпирического анализа, практическую апробацию и внедрение.» [Варданян, 2019: № 2: 159]. Исходя из выше изложенного, логичным было бы предположить, что, знания, которыми оперирует следователь или судья в своей деятельности, не обладают признаком научной обоснованности, в связи, с чем не могут быть отнесены к специальным.

ПРИНЦИП «ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ»

Однако, следователь все же пользуется научно обоснованными методиками расследования, значит обсуждение вопроса об отнесении профессиональных знаний субъектов расследования к специальным не следует считать завершённым.

Анализируя вышеперечисленные мнения к изучению рассматриваемого вопроса, согласимся с Е.Р. Россинской которая считает, что «Незнание субъектами, проводившими расследование и субъектами, отправляющими правосудие всех нюансов действующего законодательства, нередко приводит к отрицательным результатам, как хода всего процесса раскрытия и расследования, так и к таким же результатам на стадиях уголовного судопроизводства. Во избежание таковых необходимо не просто найти нужный нормативный акт и изучить его, а провести исследование, основанное на специальных знаниях [Россинская, 2022: 17]. В связи, с чем можно сделать вывод о том, что рассматриваемые субъекты в своей деятельности используют знания, которые относятся к специальным. Также, С.И. Земцова в своем диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата юридических наук, «Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» (2017), изучая в совокупности большую часть предметов вышеназванных разногласий, говорит о том, что: «определение понятия «специальные знания» как средства собирания и исследования доказательств, средства доказывания в уголовном судопроизводстве базируется на принципе «дополнительности» специальных знаний в уголовном судопроизводстве». Последний заключается в интеграции специальных знаний, используемых субъектами из различных областей, направленных на решение задач возникающих в ходе раскрытия и расследования преступлений в

целом. Земцова С.И. при использовании принципа «дополнительности» полагает, что границы специальных знаний шире, чем их видят вышеперечисленные авторы. По ее мнению, «в специальные знания включаются и правовые знания, которые не входят в предмет профессиональных знаний субъектов раскрытия и расследования преступлений».

Разделяя позицию последнего автора, рассмотрим применение принципа «дополнительности» на практике относительно преступлений против личности.

В данном случае, принцип «дополнительности» выражается в объединении специальных знаний всех субъектов, как на стадии расследования уголовного дела, так и на стадии уголовного судопроизводства, которое значительно улучшит весь объем работ различных субъектов, использующих их, направленный на выявление, раскрытие и расследование и рассмотрение данного вида преступлений.

ВЫВОД

Особенностью данной категории преступлений является необходимость применения не только специальных знаний в сфере биологии, медицины и других естественных наук, но и ряда гуманитарных отраслей науки, таких как психология и педагогика, призванных содействовать выявлению причин, способствующих и обуславливающих совершение данного вида преступлений.

Второй особенностью рассматриваемых преступлений в настоящее время становится роль специалиста в области компьютерных и высоких технологий в связи с тем, что насильственная преступность переместилась на просторы «Интернета». Подтверждением этому могут послужить данные научных исследований, согласно которым, сегодня в интернете можно получить ряд незаконных услуг, которые помогают совершать и продумывать насильственные преступления. Одной из таких является услуга «убийцы по найму» с оплатой при помощи биткоинов [Ларина, Овчинский, 2018; Чучаев, 2019: 94-99]. Здесь также следователю необходимо дополнительно к своим знаниям привлечь знания экспертов и специалистов в области криптобезопасности. В России существуют организации, оказывающие правоохранительным органам на безвозмездной основе услуги по анализу движения средств на криптокошельках, что впоследствии позволяет установить лиц, проводивших транзакции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами особенности, несомненно, вызывают необходимость интеграции специальных знаний различных субъектов (следователя, судьи, эксперта, специалиста и т.д.) во

всех вышеперечисленных сферах, как на стадии расследования, так и на стадии судебного разбирательства, что является подтверждением реализации принципа «дополнительности».

Список литературы:

[1] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (в ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.

[2] «Состояние преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года»: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2023. С. 2

[3] «Комплексный анализ состояния преступности в российской федерации по итогам 2021 года и ожидаемые тенденции ее развития»: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2021. С. 14-23.

[4] Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2019. №2, С 159.

[5] Аверьянова Т.В., Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2001. Вып.2 С.30.

[6] Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016, С. 20.

[7] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: учебник. М., 1987. С. 80.

[8] Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5.

[9] Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С 20.

[10] Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2019. №2, С 159.

[11] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2022 С. 17

[12] Земцова С.И. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Spisok literatury:

[1] On the approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.10.2007 No. 1351 (as amended. dated 07/01/2014) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. No. 42. St. 5009.

[2] "The state of crime in the Russian Federation following the results of 2023": analytical review. Moscow: GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. p. 2

[3] "A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation following the results of 2021 and expected trends in its development": analytical review. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 14-23.

[4] Vardanyan H.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings // YUP. 2019. No.2, P. 159.

[5] Averyanova T.V., Subjects of expert activity // Bulletin of Criminology. 2001. Issue 2 p.30.

[6] Aminev F. G. Forensic expert activity in the Russian Federation: modern problems and ways to solve them: abstract. ... doct. Jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2016, p.

[7] Belkin R.S. Course of Soviet criminology : textbook. M., 1987. p. 80.

[8] Rossinskaya E.R. Special knowledge and modern problems of their use in legal proceedings // Journal of Russian Law. 2001. No. 5.

[9] Makhov V. N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes. M., 2000. From

[10] Vardanyan H.V. Modern problems of using special knowledge in criminal proceedings // YUP. 2019. No.2, From 159.

[11] Rossinskaya E.R. Judicial expertise in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 2022 p . 17

[12] Zemtsova S.I. Participation of a specialist in the disclosure and investigation of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances: diss. ... cand. Jurid. M., 2017.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗЪЯТИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются организационные и правовые аспекты изъятия материальных следов в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ особенностей изъятия образцов для сравнительного исследования в ходе предварительного расследования и их дальнейшее использование в доказательственном плане. Рассмотрены правовые вопросы производства данного следственного действия и его индивидуальности относительно носителей образцов, подлежащих изъятию. Изучены проблемы возникающие в выполнении изъятия образцов для сравнительного исследования в условиях противодействия органам предварительного расследования со стороны защиты. Предложены пути их решения.

Ключевые слова: доказательство, уголовный процесс, изъятие, образцы, следы, законность.

KOROVNIKOV Alexander Leonidovich,
Lecturer at the Department of Special Disciplines
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,
Police Lieutenant Colonel

SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES FOR THE SEIZURE OF SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH

Annotation. The article examines the organizational and legal aspects of the seizure of material traces in criminal proceedings. The analysis of the features of the seizure of samples for comparative research during the preliminary investigation and their further use in the evidentiary plan is carried out. The legal issues of the production of this investigative action and its individuality regarding the carriers of samples to be seized are considered. The problems arising in the execution of the seizure of samples for comparative research in the face of opposition to the preliminary investigation authorities by the defense are studied. The ways of their solution are proposed.

Key words: evidence, criminal procedure, seizure, samples, traces, legality.

Расследование уголовного дела и процесс доказывания в целом имеют свои закономерности и правила, возведенные на уровень закона, хоть и являются своего рода творческой деятельностью следователя, дознавателя, но обязуют их беспрекословно следовать требованиям уголовно-процессуального закона. Осуществляя деятельность по установлению всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, лицо, проводящее предварительное расследование может выполнять лишь определенный ряд следственных действий, которые предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Одним из числа таких является изъятие образцов для сравнительного исследования. Ука-

занное следственное действие, как правило, производится для использования их результатов экспертами в целях уточнения, выяснения тех или иных аспектов. Данное следственное действие, как правило, требует специальных познаний в той или иной области и выполняется зачастую с участием самих экспертов, имеющих процессуальный статус участвующего в следственном действии лица – специалиста.

Выполнение данного следственного действия регламентировано статьей 202 УПК РФ. В соответствии с частью первой статьи 144 УПК РФ выполнение данного следственного действия допускается до возбуждения уголовного дела и может быть произведено на стадии первичной проверки, что дает возможность установления

очень значимых обстоятельств на стадии первичной проверки, своевременно получить доказательства и избежать их возможной утраты.

Производство указанного следственного действия чаще всего связано с ограничением прав человека, так как в большинстве случаев изъятие образцов для сравнительного исследования выполняется непосредственно у какого-либо из участников уголовного судопроизводства. В данном случае возникает вопрос о правомерности изъятия, отъема у того или иного человека тех или иных образцов для сравнительного исследования, в первую очередь биологических.

Соблюдение законности в таком виде следственного действия и соблюдение тактических приемов имеет безусловную важность, так как нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, допущенные в ходе производства изъятия образцов для сравнительного исследования могут повлечь собой утрату иных доказательств. Это может выразиться в производстве экспертизы с использованием изъятого с нарушением закона образца с одновременным использованием ранее изъятого вещественного доказательства, которое может быть израсходовано экспертом при исследовании и утрачено как доказательство, в случае признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Для того, чтобы следственное действие было выполнено, а проведенное изъятие было успешно завершено получением пригодных к исследованию образцов с последующим получением положительного результата, закреплённого экспертным заключением, необходимо четко понимать условия правомерности и тактические особенности его производства.

Образцы для сравнительного исследования представляют собой различного рода предметы, вещества, следы, объекты путем сравнения с которыми каких либо иных объектов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу эксперт путем проведения сравнительного исследования делает выводы по поставленным ему на разрешение вопросы об идентичности или родовой или групповой принадлежности исследуемых объектов, к человеку, предмету и т.д. Посредством сравнительного исследования также идентифицируются и личности погибших.

Лицо, проводящее предварительное расследование в целях установления истины по уголовному делу должно получать образцы не только у свидетелей и потерпевших, но и у подозреваемых и обвиняемых. При этом с последними, зачастую возникают определенные сложности. Это обусловлено требованиями закона о добровольности предоставления образцов для сравнительного исследования, что не всегда возможно в

силу определенного противодействия, оказываемого органу предварительного расследования со стороны защиты.

При возникновении ситуаций, когда добровольное получение образцов для сравнительного исследования невозможно ввиду несогласия в производстве данного следственного действия подозреваемого либо обвиняемого, представители органа предварительного расследования вынуждены прибегать к определенным хитростям и изъять интересующие виды образцов не прямым отображением их у участника уголовного судопроизводства, а путем отыскания источника его носителя, не связанного с расследуемым уголовным делом. Так, к примеру, при несогласии участника уголовного судопроизводства на предоставление экспериментальных образцов почерка, лицо проводящее предварительное расследование может путем производства обыска либо выемки изъять свободные образцы фигуранта по уголовному делу в месте его работы, либо по месту жительства и представить их для экспертного исследования в целях сравнения.

Следует отметить, что производство данного следственного действия осуществляется практически по всем уголовным делам, где в этом возникнет необходимость.

Необходимость в изъятии образцов возникает по двум основным причинам. Первой является наличие какого-либо рода образцов, полученных в ходе первичных проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела (следов пальцев рук, крови и т.п. полученных в ходе первичного осмотра места происшествия). Второй причиной является острая необходимость отыскания образцов в связи со спецификой направленности и квалификации расследуемого уголовного дела. Например, получение смывов ладоней по делам о незаконном обороте наркотических средств для возможности установления связи лица с совершаемым преступлением. То есть необходимость возникает для проведения исследования на тождество данных следов с различными объектами или с конкретным человеком.

Криминалистика выделяет определенные виды изъятия образцов для сравнительного исследования. Все они подразделяются на две группы. В первую группу входят объекты, имеющие индивидуальные признаки, а во вторую объекты отражающие собственные признаки и одновременно родовые.

Особенную значимость изъятие образцов для сравнительного исследования имеют в расследовании преступлений против личности. В этой категории дел производство данного следственного действия выполняется также часто, как обыск и выемка.

Также существует ряд примеров изъятия образцов для сравнительного исследования, не сопряженный с ограничением личных прав участников уголовного судопроизводства. К примеру, в ходе осмотра места происшествия в месте незаконной рубки в обязательном порядке следует произвести изъятие спилов пней деревьев. Данные спилов могут служить образцами для сравнительного исследования с изъятими у лиц, совершивших преступление, фрагментов деревьев при проведении дендрохронологической экспертизы [2].

Подводя итог проведенному исследованию прихожу к выводу о практической значимости выполнения изъятия образцов для сравнительного исследования, как следственного действия. Его использование в уголовно-процессуальной практике позволяет решить ряд задач, направленных на идентификацию изымаемых в ходе расследования следов и объектов путем производства судебных экспертиз различных видов, установить взаимосвязь лиц, предметов, животных и растений с событиями преступления.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

[2] Гончарова, С. В. Комплекс мер по раскрытию и расследованию незаконной рубки лесных насаждений на первоначальном этапе / С. В. Гончарова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 3(96). – С. 136-144.

Spisok literatury:

[1] The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 05/29/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 07/01/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation dated December 24, 2001 No. 52 (part I) of Article 4921.

[2] Goncharova, S. V. A set of measures to disclose and investigate illegal logging of forest plantations at the initial stage / S. V. Goncharova // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. - 2020. – Vol. 1, No. 3(96). – pp. 136-144.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В РАСКРЫТИИ СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Аннотация. Нельзя согласиться с известной недооценкой влияния субъективной стороны на степень общественной опасности преступления в целом, когда ей отводится роль второстепенного, дополнительного фактора по сравнению с объективными элементами. Представляется, что, поскольку внутренняя, субъективная сторона является неотъемлемой интеллектуально-волевым и побудительным атрибутом деяния, она принимает активное участие в процессе формирования его общественной опасности. Субъективная сторона, как относительно самостоятельная подсистема составляющих ее компонентов находится во взаимосвязи с другими подсистемами преступления, оказывает на них обратное влияние: она мотивирует поступок, ставит перед субъектом цель деятельности, определяет ее направление, выбирает способ поведения и используемые при этом средства.

Ключевые слова: субъективная сторона, субъект, мотив, цель, элементы, состав преступления, общественная опасность.

OVECHKIN Denis Gennadievich,
Associate Professor of the Department
of Physical Training of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate
of Pedagogical Sciences, Associate Professor

PRIMAKOVA Svetlana Valerievna,
senior lecturer of the department of special disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE IMPORTANCE OF THE SUBJECTIVE SIDE IN DISCOVERING THE ESSENCE OF PUBLIC DANGER

Annotation. One cannot agree with a certain underestimation of the influence of the subjective side on the degree of social danger of a crime as a whole, when it is assigned the role of a secondary, additional factor compared to the objective elements. It seems that since the internal, subjective side is an integral intellectual-volitional and motivating attribute of an act, it takes an active part in the process of forming its social danger. The subjective side, as a relatively independent subsystem of its constituent components, is interconnected with other subsystems of the crime and has the opposite effect on them: it motivates the action, sets the goal of the activity for the subject, determines its direction, chooses the method of behavior and the means used.

Key words: subjective side, subject, motive, purpose, elements, corpus delicti, public danger.

Субъективная сторона состава преступления охватывает четыре признака: вину, цель, мотив и эмоции. Вина является обязательным, безусловно необходимым признаком, а цель, мотив и эмоции – факультативными. Если в норме Особенной части УК есть прямое указание на цель, мотив или эмоциональное состояние или

если их наличие обязательно, ввиду природы деяния, они так же, как и вина, являются обязательными признаками состава соответствующего преступления.

Нельзя согласиться с известной недооценкой влияния субъективной стороны на степень общественной опасности преступления в целом,

когда ей отводится роль второстепенного, дополнительного фактора по сравнению с объективными элементами. Представляется, что, поскольку внутренняя, субъективная сторона является неотъемлемым интеллектуально-волевым и побудительным атрибутом деяния, она принимает активное участие в процессе формирования его общественной опасности. Субъективная сторона, как относительно самостоятельная подсистема составляющих ее компонентов находится во взаимосвязи с другими подсистемами преступления, оказывает на них обратное влияние: она мотивирует поступок, ставит перед субъектом цель деятельности, определяет ее направление, выбирает способ поведения и используемые при этом средства. Понятно, все это делает человек, наделенный сознанием и волей, руководствуется сформированным мотивом и преследует определенную цель [1, с. 92].

Перед наукой уголовного права стоит задача решить проблему соотношения вины и общественной опасности деяния. Вина характеризует психическое отношение лица к совершенному деянию, предусмотренному УК, и его последствиям, которое проявляется в форме умысла или неосторожности. Некоторые ученые считают, что вина не связана с общественной опасностью. Другие теоретики уголовного права поддерживают мнение, что вина преступника охватывает и осознание общественной опасности деяния [2, с. 12-13]. В частности, с одной стороны, осознание общественной опасности не является неотъемлемым элементом состава преступления и обязательной составляющей для определения умышленной формы вины. Понятие общественной опасности – отвлеченное, поэтому очень сложное для осмысления рядового гражданина, поскольку нуждается в высоком уровне развития индивидуального сознания. Это не содержание и не цель преступного поведения (фактическое обстоятельство преступления), а его сопоставление с основными ценностями общества. Психологическая готовность к совершению определенного поступка (преступления) далеко не всегда означает осознание его общественной опасности. Для констатации умысла достаточно осознания субъектом фактических признаков деяния, общественно опасных последствий своего поступка и желания (сознательного предположения) их наступления.

Кроме того, вина является одним из важнейших признаков состава преступления как показатель степени общественной опасности посягательства. Ведь общественно опасным может быть только осознанная деятельность человека, посягающего на общественные отношения. И действия невменяемого, и невинные действия людей, причиняющих объективный вред, хотя и

могут представлять опасность, но их нельзя рассматривать как общественно опасные [3, с. 136-137].

Общепринятой в уголовно-правовой доктрине является позиция, что преступление, совершенное с преднамеренной формой вины, более общественно опасно, чем совершенное по неосторожности. Несмотря на это, на современном этапе развития общества преступления, совершенные по неосторожности, с такими последствиями, как гибель и травмирование людей, значительно превышают умышленные деяния. Особенно распространены среди них преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Смешанная форма вины также дает возможность конкретизировать степень общественной опасности преступления. К примеру, в уголовно-правовой литературе выделяют два вида смешанной формы вины: 1) обязательны деяние и одно последствие, где деяния с необходимостью влечет наступление следствия. К деянию субъект преступления относится преднамеренно, а к следствию – с неосторожностью; 2) обязательны одно деяние и два последствия, где умышленное деяние с необходимостью предопределяет их наступление. Эти два последствия наступают один за другим, к первому последствию у субъекта преступления только умышленно отношение, а ко второму последствию – отношение исключительно неосторожное.

Другие обстоятельства, определяющие степень общественной опасности и за пределами состава преступления. На степень общественной опасности, повышая или снижая его, влияют также обстоятельства, находящиеся вне состава преступления. Это связано с тем, что преступление как явление социальной действительности по содержанию шире, чем состав преступления, которое является лишь отражением конкретного общественно-опасного деяния в юридическом понятии. Эти обстоятельства позволяют правоприменительным органам максимально справедливо индивидуализировать уголовную ответственность личности, совершившей общественно-опасное посягательство.

Понятие «общественная опасность личности» вряд ли приемлемо, поскольку оно созвучно с категориями «врожденного преступника» и «опасного состояния личности», что с логической необходимостью приводит к выводу о необходимости применения превентивных мер социальной защиты, не связанных с конкретными преступлениями. С этим положением можно было бы согласиться, если рассматривать общественную опасность как некоторое изначально имеющееся или приобретенное человеком свойство, которое характеризует ее всегда, независимо от совер-

шения или несовершения преступления. Однако в науке уголовного права вопрос об общественной опасности личности преступника относится и рассматривается только в связи с совершением ею преступления. Человека как такового, вне его поступков и действий, не можно рассматривать как носителя общественной опасности [1, с. 100-101]. Общественно опасным может быть только лицо, являющееся субъектом преступления.

Характеристики личности преступника могут влиять только на наказание или другие уголовно-правовые последствия преступления, но никоим образом не изменяют общественную опасность преступления (кроме случаев специального рецидива). В уголовно-правовой литературе также высказывается позиция, что социально-психологические особенности личности преступника не влияют на наличие и степень общественной опасности деяния: характеристика личности (положительная или отрицательная) не может проводить предел, что отделяет преступление от непроступного поведения, иначе это было бы нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом. Признание влияния личности преступника на степень общественной опасности преступления противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом. Особенности субъекта не имеют принципиального значения, ибо правосудие существует на основе равенства граждан перед законом и судом, которое возможно только в случае, когда главным в оценке деятельности лица будет деяния субъекта, а не правонарушитель как лицо с его положительными и отрицательными чертами.

Однако, несмотря на то, что уголовная ответственность наступает за деяние, по термину «множественность» и за ее разновидностями скорее скрывается лицо, чем механическое повторение действия. Безусловно, что для общества одинаково опасны деяния, совершенные ранее судимым лицом и лицом, которое всегда было законопослушным, или совершено несовершеннолетним лицом или пожилым лицом. Если бы личность преступника действительно не влияла на степень общественной опасности преступления, такие ее характеристики, как повторность, совершение преступления лицом, ранее судимым за аналогичное деяние, не являлись бы квалифицирующими признаками отдельных составов преступлений. Кроме этого, повторность и рецидив являются обстоятельствами, отягчающими наказание.

Повторность и специальный рецидив преступлений создает для личности определенное «правовое состояние», учитывая наличие которого, в момент совершения нового посягательства, закон предусматривает ряд негативных

юридических последствий для его субъекта. Но особое правовое состояние, то есть объективная реальность, не имеет ничего общего с так называемым опасным состоянием личности. Первое predetermined фактами неоднократного совершения преступлений, оценено законодателем и имеет как объективные, да и юридические основания. Второе же, напротив, выводится из социальной и политической позиции гражданина в обществе, с учетом его идеологических взглядов, убеждений, мировоззрения, образа жизни, контактов с «преступной» средой и других факторов, не оказавшихся в конкретном уголовно-противоправном поведении [1, с. 102].

Преступник, совершив преступление, заявляет обществу о своей опасности. Социально-отрицательные характеристики личности преступника, влияющие на характер и степень общественной опасности преступления, иногда учитываются законодателем при конструировании соответствующих составов преступлений и определении более строгой санкции за их совершение [1, с. 107-108].

Личность преступника и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания, влияют на степень общественной опасности также и потому, что их учитывает законодатель при построении санкции статьи (части статьи) Особой части УК. Ведь судья, назначая наказание, не может выходить за его максимальные пределы. Следовательно, законодательная санкция является мериллом не только степени тяжести преступления, но и личности виновного и обстоятельств, что смягчают и отягчают наказание. А если это так, то утверждение, что содержание понятие личности преступника устраняет его влияние на степень общественной опасности преступного деяния, необходимо подвергнуть критике, учитывая, что типичная степень общественной опасности (степень тяжести совершенного преступления) определяется с учетом санкции статьи (части статьи) уголовного закона.

Следовательно, на основании вышеизложенного, можно заключить, что субъективная сторона, как один из признаков состава преступления влияет на формирование степени общественной опасности конкретного посягательства. Когда она является обязательным признаком состава преступления, ее учитывают при квалификации деяния. А факультативные признаки суд учитывает при индивидуализации уголовной ответственности. Исключением из этого правила являются признаки общего субъекта преступления. Однако признаков состава преступления недостаточно, поскольку деяние, содержащее все обязательные признаки состава преступления, может не представлять общественной опасности, а признаваться судом малозначительным.

Поэтому на степень общественной опасности влияют также обстоятельства, находящиеся вне состава преступления. Это, в частности, характеристики лица виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, виктимное поведение потерпевшего и другие. Они, безусловно, не могут служить основанием для отграничения преступлений от других правонарушений, однако позволяют глубже раскрыть общественную опасность преступного деяния, их учитывают как во время квалификации совершенного преступления, так и при назначении наказания, освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и их отбывания.

В то же время совершение деяния при обстоятельствах, исключающих его преступность, напротив, свидетельствует об отсутствии общественной опасности посягательства и является социально полезным.

Список литературы:

[1] Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособие/Ю.И. Ляпунов. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.

[2] Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния: [монография] / Л. Шуберт. – М.: Гос. изд-во юрид. лит, 1960. – 240 с.

[3] Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния / П.А. Фефелов//Советское государство и право. – 1977. – № 5. – С. 135–138.

[4] Козлов А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 819 с.

Spisok literatury:

[1] Lyapunov Yu.I. Social danger of an act as a universal category of Soviet criminal law: textbook. Allowance / Yu.I. Lyapunov. – М.: VYuZSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. – 119 p.

[2] Schubert L. On the social danger of a criminal act: [monograph] / L. Schubert. – М.: State. legal publishing house lit., 1960. – 240 p.

[3] Fefelov P.A. Social danger of a criminal act / P.A. Fefelov//Soviet state and law. – 1977. – No. 5. – P. 135–138.

[4] Kozlov A.P. The concept of crime / A.P. Kozlov. – St. Petersburg: Publishing house “Legal Center Press”, 2004. – 819 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Аннотация. Статья затрагивает сложную и многогранную проблематику реализации целей уголовного наказания в контексте современного уголовного законодательства. Автор обсуждает значимость и сложности оценки уголовного наказания как средства для восстановления социальной справедливости, подорванной преступлением, а также исследует понятие «исправления» как одной из ключевых целей наказания. В статье анализируются противоречия существующего законодательства в контексте исправления осужденных и предлагается критическая оценка эффективности и адекватности целей уголовного наказания. Особое внимание уделяется обсуждению условно-досрочного освобождения и возможности судебной оценки истинного исправления осужденного. Статья предлагает более глубокий и комплексный подход к пониманию процесса исправления, выходящий за рамки традиционного уголовно-правового дискурса и подчеркивает необходимость интеграции усилий различных отраслей правовой системы для достижения общественной безопасности и справедливости.

Ключевые слова: уголовное наказание, социальная справедливость, исправление осужденных, условно-досрочное освобождение, общественная опасность, уголовное законодательство, правовое регулирование, цели наказания, эффективность наказания, гуманизация правосудия.

SURTSEV Alexander Vladimirovich,
candidate of pedagogical sciences, police lieutenant colonel,
senior lecturer, North Caucasian Institute for Advancement qualifications
of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Department of Special Disciplines

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE GOALS OF CRIMINAL PUNISHMENTS

Annotation. The article touches on the complex and multifaceted issues of implementing the goals of criminal punishment in the context of modern criminal legislation. The authors discuss the significance and complexity of assessing criminal punishment as a means to restore social justice undermined by crime, and also explore the concept of “correction” as one of the key goals of punishment. The work analyzes the contradictions of existing legislation in the context of correction of convicts and offers a critical assessment of the effectiveness and adequacy of the goals of criminal punishment. Particular attention is paid to the discussion of parole and the possibility of a judicial assessment of the true correction of the convicted person. The article offers a deeper and more comprehensive approach to understanding the correction process that goes beyond the traditional criminal legal discourse and emphasizes the need to integrate the efforts of various branches of the legal system to achieve public safety and justice.

Key words: criminal punishment, social justice, correction of convicts, parole, public danger, criminal legislation, legal regulation, purposes of punishment, effectiveness of punishment, humanization of justice.

Введение. Постановка проблемы.

В современном обществе вопрос о роли и целях уголовного наказания не теряет своей актуальности и продолжает вызывать живые дискуссии среди ученых, правозащитников и практикующих юристов. Уголовное наказание, предусмотренное законом как мера государственного при-

нуждения, направлено не только на наказание виновного за совершенное преступление, но и на достижение более широких целей, таких как исправление осужденного, предупреждение новых преступлений и восстановление социальной справедливости. Однако эффективность уголовного наказания в достижении этих целей

вызывает серьезные вопросы, особенно учитывая множество факторов, влияющих на процесс реабилитации и социальной адаптации осужденных.

Основной проблемой, которая обсуждается в данной статье, является сложность реализации целей уголовного наказания в рамках действующего законодательства и практики его применения. Специфика и неоднозначность понятия «социальная справедливость», а также многоаспектность и субъективизм в интерпретации понятия «исправление» создают значительные трудности при оценке уголовного наказания как эффективного инструмента для восстановления нарушенного социального порядка. Кроме того, существующие противоречия и неопределенности в законодательстве относительно процесса исправления осужденных и критериев оценки их реабилитации поднимают вопросы о возможности объективной судебной и общественной оценки истинного преобразования личности осужденного. Эта многогранная проблематика требует глубокого анализа и критического пересмотра подходов к определению и реализации целей уголовного наказания, что и является предметом настоящего исследования.

Основные положения работы

Статья рассматривает сложный вопрос реализации целей уголовного наказания, акцентируя внимание на проблематике достижения социальной справедливости и исправления осужденных в рамках действующего законодательства. Автор выделяет неоднозначность и субъективность в понимании этих понятий и исследует противоречивость законодательных положений, касающихся процесса исправления. Особое внимание уделяется анализу условно-досрочного освобождения как механизма, предполагающего достижение целей наказания до истечения срока, назначенного приговором. Статья подчеркивает необходимость пересмотра и углубленного анализа целей уголовного наказания и предлагает комплексный подход к оценке процесса исправления, выходящий за рамки уголовно-правового регулирования, и направленный на интеграцию усилий различных отраслей правовой системы для обеспечения эффективности и гуманизации наказательной системы.

Исследование основывается на применении разнообразных методов современного научного анализа: диалектический метод, использование специфических методов, например, сравнительно-правового анализа, системного подхода и юридической догматики, значительно усиливает исследование.

Обсуждение проблематики целей наказания в уголовном праве продолжает оставаться актуальным и нерешенным вопросом, несмотря на

наличие обширного спектра теоретических подходов. Возникает значительная сложность при попытке оценить уголовное наказание как инструмент или механизм для восстановления нарушенного баланса социальной справедливости, которое было подорвано совершением преступления, зафиксированного уголовным законодательством. Сложность усугубляется неоднозначностью и субъективизмом в интерпретации понятия «справедливости». Это понятие обладает высокой степенью неопределенности, что влечет за собой разнообразие восприятий его сущности среди различных участников уголовно-правового процесса - от осужденных и пострадавших до третьих лиц и представителей органов государственной власти, ответственных за осуществление правосудия.

Тема исправления осужденного, как одна из ключевых целей уголовного наказания, подчеркивает стремление правосудия не только карать, но и направлять личность на путь исправления и социальной реадaptации. Согласно лексическому значению, «исправление» подразумевает процесс улучшения, устранения существующих дефектов или отклонений от общепринятых норм и ценностей, внося изменения в поведение и мировоззрение осужденного в сторону общепризнанных ценностей. [4, с.235]. Основываясь на данной интерпретации, уголовное наказание предполагает не только реализацию справедливости посредством воздаяния за совершенное преступление, но и направлено на стимулирование личностного роста осужденного, его психологическое и моральное развитие.

Существующее уголовное законодательство описывает процесс исправления осужденного после назначения и исполнения уголовного наказания, однако встречаются противоречивые положения, подчеркивающие сложность определения факта истинного исправления. Эти противоречия открывают поле для дискуссий о возможности судебной и общественной оценки действительного преобразования личности осужденного. Уголовное наказание, согласно части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), направлено не только на наказание за совершенное преступление, но и на достижение целей, в том числе исправления осужденного.

Однако ключевым моментом здесь является рассмотрение вопроса о целесообразности продления исполнения приговора в случаях, когда цель наказания была достигнута ранее установленного срока. Эта проблематика актуализирует дискуссию об эффективности и гуманизации наказательной системы. В соответствии с частью 1 статьи 79 УК РФ, предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения осужден-

ного, если доказано, что он исправился и достигнуты цели наказания до истечения срока, определенного приговором [1].

В существующем уголовном законодательстве предусмотрен механизм условно-досрочного освобождения (УДО), который подразумевает признание осужденного исправившимся до полного отбытия назначенного судом срока. Однако, этот факт не освобождает его от дальнейшего контроля со стороны государственных органов в течение периода, который был бы равен оставшейся части наказания, если бы освобождение не состоялось. Согласно частям 6 и 7 статьи 79 УК РФ, в случае совершения нового правонарушения в это время, процесс отбывания наказания может быть либо возобновлен, либо возобновление происходит автоматически, в зависимости от решения суда.

Это положение ставит под сомнение конечность процесса исправления и предполагает, что освобождение не является полным, а лишь условным, подразумевая продолжение надзора и контроля.

При рассмотрении вопроса об УДО суд сталкивается с необходимостью принятия решения об освобождении лица, когда полная уверенность в его исправлении может быть не достигнута. Это обстоятельство вступает в противоречие с требованиями части 1 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которая предполагает, что осужденный должен доказать свое исправление для освобождения. В то же время, согласно части 6 той же статьи, даже после освобождения осужденный остается под контролем, что подразумевает, что уверенность в его полном исправлении может оставаться под вопросом.

Аналогичные сложности возникают и при применении статьи 73 УК РФ, касающейся условного осуждения. В этом случае суд, решая о назначении наказания, может прийти к выводу, что цели наказания достигнуты без его реального отбывания. Таким образом, назначенное наказание превращается в условное, не требующее фактического исполнения, что вносит элемент юридической фикции в процесс уголовного наказания. При этом, важно отметить, что для принятия такого решения суд должен быть убежден в том, что осужденный демонстрирует признаки исправления уже на этапе судебного разбирательства, как это указано в части 1 статьи 73 УК РФ.

Вопрос об испытательном сроке, установленном в соответствии с частью 3 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), для осужденного, освобожденного на условиях условного осуждения, выдвигает перед правоохранительными органами задачу оценки действий и поведения осужденного в течение этого пери-

ода. Испытательный срок предполагает, что осужденный должен подтвердить свое исправление де-факто несмотря на то, что судебное решение о назначении условного осуждения уже подразумевает признание возможности его исправления без реального отбывания наказания.

Данная ситуация порождает вопрос о том, какие конкретные доказательства должен представить осужденный для подтверждения своего исправления в глазах контролирующих органов. Это могут быть различные формы поведенческих показателей, такие как соблюдение законов, активное участие в социальной жизни, трудоустройство, отсутствие новых правонарушений и другие позитивные изменения в жизни и поведении осужденного.

С другой стороны, существует мнение, что решение о назначении условного наказания, в силу своей предполагаемой природы, может находиться в противоречии с принципом справедливости, закрепленным в статье 6 УК РФ. Это противоречие проистекает из того, что в момент вынесения приговора суд может основываться лишь на предположении о возможном исправлении подсудимого без применения реального наказания, не имея при этом абсолютной уверенности в этом.

В работах юристов и исследователей уголовного права и исполнения наказаний встречается множество попыток определить конкретные критерии, по которым можно было бы оценить исправление осужденного. М. А. Ефимов, например, подчеркивает важность комплексного подхода к оценке процесса исправления, акцентируя внимание на таких аспектах, как дисциплинированность, активное участие в образовательном процессе и социальной жизни исправительного учреждения.

Соблюдение правил, установленных режимом исправительно-трудового учреждения, является основополагающим фактором, свидетельствующим об исправлении осужденного. Это подразумевает не только отсутствие дисциплинарных взысканий, но и получение поощрений за положительное поведение и вклад в жизнь коллектива [3, с.8].

На похожие критерии исправления впоследствии указывал А.И. Васильев [2, с. 128] и др.

Анализ проблемы оценки исправления осужденных, действительно, выявляет определенную односторонность в подходах, предложенных в научной литературе. Большинство разработанных критериев и механизмов оценки исправления фокусируются на лицах, отбывающих наказание в форме реального лишения свободы. Этот акцент на исправительно-трудовых учреждениях объясняется, в первую очередь, наличием четко регламентированной среды и контролируемых условий для наблюдения за поведением осужден-

ных. Однако такой подход оставляет в тени важный аспект оценки исправления осужденных, получивших иные виды уголовного наказания, такие как исправительные работы, обязательные работы, штрафы или условное осуждение.

Одной из ключевых проблематик является высокая степень неопределенности в критериях, применяемых для оценивания процесса реабилитации осужденных. Отмечается, что такие меры, как признание осужденным своей вины за совершенные преступления или обоснованность и адекватность назначенного наказания, а также участие осужденного в культурно-творческих мероприятиях или его склонность к чтению литературных произведений, фактически представляют собой только внешние аспекты поведения. Такие индикаторы не способны адекватно отразить подлинное изменение в моральном облике личности и истинное улучшение её поведенческих норм в контексте исполнения наказания. К тому же, все вышеупомянутые критерии демонстрируют свою эффективность исключительно в рамках исправительной системы, что ставит под вопрос их пригодность и полезность в контексте более широкого общественного восприятия и оценки процесса исправления.

Важно подчеркнуть, что поведение, требуемое от осужденных, может не всегда быть проявлением их искреннего стремления к исправлению, а скорее результатом приспособления к специфическим условиям социального взаимодействия внутри исправительного учреждения. Это поднимает вопрос о том, насколько вероятно, что осужденные, освободившись из-под внешнего давления и ограничений, самостоятельно выберут путь законопослушного поведения. Утверждение о исправлении, основанное на юридических доказательствах таких аспектов, как раскаяние, подчинение, активное участие в общественной жизни учреждения, выражение заботы и других, фактически представляет собой лишь предположение, чья условность и дискуссионность становятся очевидными.

Таким образом, эта критическая оценка поднимает сомнения в адекватности и практической значимости подходов к определению эффективности процесса исправления заключенных. Также она выступает дополнительным аргументом против обоснованности принятия исправления как основной цели уголовного наказания в контексте его институционализации. Такая перспектива подчеркивает необходимость переосмысления и возможного реформатирования существующих механизмов и критериев оценки исправления, предлагая более глубокий и многогранный подход к пониманию этого процесса.

Термин «предупреждение» по своей сути несет в себе идею проактивности и предвидения,

подразумевая предпринятие действий или мер до наступления определенного события. В контексте уголовного права, наказание представляется как мера, направленная на предотвращение будущих правонарушений, актуализируя его роль в системе профилактики преступлений.

В своих работах В. Н. Орлов акцентировал внимание на определении критериев, через которые можно было бы оценить достижение целей как частной, так и общественной профилактики. Несмотря на то, что некоторые из этих критериев были интерпретированы другими исследователями как атрибуты процесса исправления, Орлов выделяет важность осознания осужденным различных аспектов его ситуации, включая:

- Переживание и восприятие назначенного наказания с точки зрения лояльности, страха перед неизбежностью наказания и так далее, что направлено на формирование осознанного отношения к санкциям за преступления.
- Понимание порядка и условий отбывания наказания, включая строгое соблюдение требований законодательства как в период исполнения наказания, так и после его завершения, что способствует формированию у осужденных законопослушного поведения.
- Осознание цели исправительного воздействия, которое различается в зависимости от возрастной категории осужденных: исправимость для взрослых, и перевоспитание для несовершеннолетних, подчеркивая разнообразие подходов к достижению общественной безопасности [5, с.26].

Исследователь подчеркивает, что общественное предупреждение преступлений достигается через формирование в обществе осознанного отношения к ряду ключевых аспектов уголовного наказания. Этот процесс включает в себя:

- Законодательное утверждение и индивидуализация наказания. Важно, чтобы общество воспринимало установленные законом наказания как справедливые и адекватные совершенным преступлениям. Сознание того, что каждое преступление влечет за собой неизбежное наказание, должно стимулировать чувство страха перед возможными последствиями нарушений закона и укреплять уважение к его положениям.
- Признание справедливости условий отбывания наказания. Общественное признание не только самого факта назначения наказания, но и условий, в которых оно отбывается, как справедливых и обоснованных, является ключевым для достижения общего предупреждающего эффекта. Это восприятие способствует созданию общего мнения

о неприемлемости нарушения закона и о том, что государственная система справедлива в своих решениях.

- Осознание обществом исправления или перевоспитания осужденных. Восприятие того, что осужденные могут быть исправлены или перевоспитаны, и что преступления не остаются безнаказанными, влияет на общественное сознание, снижая привлекательность совершения правонарушений. Убежденность в том, что за любое преступление последует справедливое наказание, и что исправительная система способна изменить поведение преступников, способствует формированию мнения о нецелесообразности совершения преступлений [6, с.256].

Анализ целей уголовного наказания, как они определены в существующем уголовном законодательстве, демонстрирует, что ни одна из них не соответствует установленным критериям оценки. При внимательном рассмотрении данных о фактическом достижении заявленных целей возникает основание предполагать, что вся система целей уголовного наказания носит скорее утопический характер в рамках правового поля. Следовательно, вопрос о том, возможно ли на практике достичь этих целей средствами уголовного права, остается открытым. В связи с этим, попытки идеализировать намеченные цели уголовного наказания оборачиваются теоретическим заблуждением, которое приводит к серьезным последствиям.

Ошибочная идеализация целей уголовного наказания ведет к искажению целей и задач, которые стоят перед правоохранительными органами в процессе противодействия преступности. Это приводит к созданию условий, при которых органы правопорядка ориентируются не на реальную эффективность своих действий, а на достижение формальных показателей. Такая ситуация стимулирует «накручивание» статистических данных, что, в конечном итоге, способствует укреплению формализма в подходах к борьбе с преступностью. Таким образом, критический анализ и переосмысление установленных целей уголовного наказания выступают не только как академическая необходимость, но и как практический призыв к улучшению эффективности правоохранительной системы в целом.

Подчеркивание важности точности и ясности в формулировании целей наказания в уголовном законодательстве невозможно переоценить. Такой подход не только способствует правильному пониманию и интерпретации закона, но и обеспечивает возможность для оценки его эффективности на практике через реализацию заявленных целей и определение измеримых критериев их достижения. Это, в свою очередь, требует учета того факта, что нет универсального

наказания, способного в равной мере способствовать реализации общих целей уголовного воздействия.

Важно осознавать, что степень строгости наказания не должна рассматриваться как прямой фактор, определяющий его эффективность. Существует множество переменных, влияющих на итоговое воздействие наказания на преступность, включая его социальную справедливость, восприятие общественностью и соответствие морально-этическим нормам. Следовательно, концепция, что более строгое наказание автоматически приводит к лучшим результатам в предотвращении преступлений, является упрощенной и не отражает сложность реальных социальных процессов.

Анализируя опыт законодательного урегулирования и практическое применение целей уголовного наказания, следует признать, что эффективность наказания в достижении множественных целей вызывает существенные вопросы. В контексте действующего уголовного законодательства Российской Федерации, а именно статей 4, 6, 7 и 60 УК РФ, предполагается, что наказание должно служить комплексной цели, включая исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Однако практика показывает, что реализация этих целей часто оказывается проблематичной, ведь каждая из них требует отдельного подхода и специфических мер, что усложняет их одновременное достижение в рамках одной и той же правовой модели.

Сложность заключается в том, что уголовное наказание по своей сути не может одновременно и полностью удовлетворять разнообразные требования, поставленные перед ним обществом и законом. К примеру, попытки сделать наказание достаточно строгим для исправления осужденного и одновременно с этим эффективным для предупреждения преступлений среди остального населения сталкиваются с рядом противоречий. С одной стороны, устрашение и превентивное воздействие на потенциальных правонарушителей могут быть достигнуты через демонстрацию неизбежности наказания и его строгости. С другой стороны, процесс исправления осужденных требует индивидуализированного подхода, часто подразумевающего более мягкие и гуманные методы.

Страх перед возможной потерей основополагающих прав и свобод действительно может играть роль в поддержании законопослушного поведения среди населения, однако история и современный опыт как России, так и других стран демонстрируют, что уголовно-правовые запреты не могут полностью исключить преступность из социальной среды. Это свидетельствует о том, что мера уголовного наказания сама по себе не может служить исключительным средством предотвращения преступлений и, следовательно, не

может рассматриваться как единственная цель уголовного права.

Основная цель уголовного наказания заключается в акцентировании на общественной опасности преступления, указанного в уголовном кодексе, что подразумевает необходимость комплексного подхода к определению и регулированию наказаний. Другие цели уголовного права, такие как исправление осужденных, предупреждение новых преступлений и защита общества, должны рассматриваться в контексте всей правовой системы и реализовываться через взаимодействие различных отраслей права.

Предложение по формулировке части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации отражает этот подход, акцентируя внимание на необходимости определения характера и степени общественной опасности преступления. Это позволяет подчеркнуть значимость уголовного наказания как меры реагирования на преступления, имеющие серьезные социальные последствия, и подкрепляет идею о том, что комплексное предупреждение преступности требует интеграции усилий не только уголовного права, но и других сфер правового регулирования.

Выводы. Заключение.

Из проведенного анализа следует, что существующая система уголовного наказания сталкивается с серьезными трудностями в достижении своих целей, особенно когда речь идет о социальной справедливости и исправлении осужденных. Неопределенность и субъективность в интерпретации ключевых понятий, а также противоречивые нормы законодательства затрудняют эффективное применение и оценку уголовного наказания как средства восстановления социального порядка. Практика условно-досрочного освобождения, хотя и представляет собой попытку гуманизации наказания, выявляет необходимость более тщательного подхода к оценке исправления осужденного и достижения целей наказания. Важно подчеркнуть, что для повышения эффективности уголовного наказания требуется комплексный подход, который бы включал не только уголовно-правовые, но и социальные, психологические и образовательные меры.

Углубленное исследование проблемы реализации целей уголовного наказания подчеркивает сложность и многогранность этого процесса в условиях современного общества. Для обеспечения социальной справедливости и эффективного исправления осужденных необходим пересмотр существующих подходов и разработка новых стратегий, которые были бы ориентированы на комплексное решение проблемы. Интеграция различных отраслей правовой системы, а также внедрение инновационных практик и методов в процесс исполнения уголовных наказаний могут значительно улучшить ситуацию, сделав наказательную систему более справедливой,

гуманной и эффективной в долгосрочной перспективе. В заключение стоит отметить, что достижение поставленных целей требует совместных усилий со стороны законодателей, практикующих юристов, общественности и научного сообщества.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: по сост. на 04 ноября 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации 1996.-№25.-Ст. 2954.

[2] Васильев А.И. О доказательствах исправления осужденных к лишению свободы // Правоведение. - 1969. - № 6. - С. 127-128.

[3] Калина, В. Ф. История отечественного государства и права: учебник для среднего профессионального образования / В. Ф. Калина, Г. Ю. Курскова. — 3-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 373 с.

[4] Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. - М.: А- Темп. 2006. - 978 с.

[5] Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: Монография / Орлов В.Н. - М.: Изд-во МГЮА. Изд-во «Элит». 2011.-464 с.

[6] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 448 с.

Spisok literatury:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ: according to comp. as of November 4, 2019 // Collection of Legislation of the Russian Federation 1996.-No. 25.-Art. 2954.

[2] Vasiliev A.I. On evidence of correction of those sentenced to imprisonment // Jurisprudence. - 1969. - No. 6. - P. 127-128.

[3] Kalina, V. F. History of the domestic state and law: a textbook for secondary vocational education / V. F. Kalina, G. Yu. Kurskova. — 3rd ed. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. - 373 p.

[4] Ozhegov S.I. Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., add. - M.: A- Temp. 2006. - 978 p.

[5] Orlov V.N. Criminal punishment: concept, goals, system, objects and subjects: Monograph / Orlov V.N. - M.: Publishing house of Moscow State Law Academy. Publishing house "Elite". 2011.-464 p.

[6] Criminal law. General part: textbook for universities / A. V. Naumov [etc.]; responsible editors A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. — 6th ed., revised. and additional - Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. - 448 p.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОНЯТЫХ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Статья подробно рассматривает историю и развитие института понятых в России и других странах, начиная с середины XVII века и до настоящего времени. В ней описывается эволюция правового статуса понятых, изменения в их правах и обязанностях в различные исторические периоды, а также рассматривается применение данного института в уголовном судопроизводстве. Автор анализирует проблемы, связанные с привлечением понятых, их ролью в удостоверении законности проведения следственных действий и обеспечении независимого контроля. Также в статье обсуждаются различные мнения ученых и практиков относительно целесообразности сохранения или отмены данного института. В заключение предлагаются пути совершенствования института понятых в современном российском уголовно-процессуальном праве, включая ограничение на участие и использование технических средств.

Ключевые слова: институт понятых, уголовное судопроизводство, правовой статус, историческое развитие, Россия, УПК, следственные действия, проблемы привлечения понятых, эффективность, совершенствование, сравнительный анализ.

TAMBIEV Sergey Arsenovich,
Police Major, teacher of the department
of special technical training North Caucasian institute
of professional development (branch) Krasnodar university Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation, Nalchik, Russia

PROBLEMS OF ATTRACTING WITNESSES FOR INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation. The article examines in detail the history and development of the institution of witnesses in Russia and other countries, from the mid-17th century to the present. It describes the evolution of the legal status of witnesses, changes in their rights and obligations in various historical periods, and also examines the application of this institution in criminal proceedings. The author analyzes the problems associated with attracting witnesses, their role in certifying the legality of investigative actions and ensuring independent control. The article also discusses various opinions of scientists and practitioners regarding the advisability of maintaining or abolishing this institution. In conclusion, ways to improve the institution of witnesses in modern Russian criminal procedural law are proposed, including restrictions on participation and the use of technical means.

Key words: institution of witnesses, criminal proceedings, legal status, historical development, Russia, Criminal Procedure Code, investigative actions, problems of attracting witnesses, efficiency, improvement, comparative analysis.

Введение. Постановка проблемы

Институт понятых является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства России, уходящей корнями в глубокое прошлое. Введенный в Соборное уложение 1647 года, он изначально служил средством противодействия кор-

рупции и фальсификации доказательств. С течением времени, с изменениями в уголовном законодательстве, происходило эволюционирование роли и статуса понятых, отражающее меняющиеся потребности и условия в области правосудия. Исследование истории и современного положе-

ния института понятых позволяет осветить не только его значение для правосудия, но и текущие вызовы, с которыми сталкивается данное учреждение в рамках уголовного процесса.

Необходимость и целесообразность института понятых в современном уголовном процессе вызывают дискуссии среди ученых и практикующих юристов. С одной стороны, привлечение понятых служит важной гарантией законности и объективности следственных действий, с другой – возникают вопросы о эффективности их участия из-за возможных предвзятостей и недостаточной компетенции. В условиях технологического прогресса и изменения общественного устройства возникает потребность в переосмыслении роли понятых, их прав и обязанностей, а также механизмов их привлечения к участию в уголовном процессе. Поэтому актуальной задачей становится анализ текущего состояния данного института, выявление его проблем и разработка предложений по его оптимизации и совершенствованию.

Основные положения работы.

В статье анализируется институт понятых в российском уголовном процессе, начиная с его исторического развития с середины XVII века, что позволяет проследить эволюцию правового статуса и функций понятых в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется сравнительному анализу практики привлечения понятых в России и странах СНГ в контексте отсутствия подобного института во многих западных странах. Автор выявляет ключевые проблемы, связанные с нежеланием граждан участвовать в качестве понятых, опасениями за их безопасность и потенциальной предвзятостью, а также рассматривает вызовы, стоящие перед институтом в современных условиях, включая необходимость интеграции новых технологий и адаптации к меняющейся общественной структуре. В статье предлагаются пути совершенствования, например, ограничение на количество участия в следственных действиях и улучшение правовой осведомленности понятых, а также проводится дискуссия о целесообразности сохранения данного института, где эксперты и практики обсуждают аргументы за и против, отражая разнообразие мнений и подходов к будущему данной юридической практики.

Исследование основывается на применении разнообразных методов современного научного анализа: диалектический метод, использование специфических методов, например, сравнительно-правового анализа, системного подхода и юридической догматики, значительно усиливает исследование.

Возникновение института понятых в Российской империи уходит корнями в середину XVII

столетия. Именно тогда были сформулированы и закреплены ключевые принципы их работы в Соборном уложении, выпущенном в 1647 году. Основным стимулом для создания такого института проистекал из желания обеспечить эффективный инструментарий для борьбы с коррупционными действиями и неправомерными манипуляциями с доказательственной базой, которые могли осуществлять участники уголовных разбирательств. Определение, данное в Уложении, подразумевало их как «посторонние люди, заслуживающие доверия», что находит отголоски в современном понимании, отраженном в Уголовно-процессуальном кодексе. Однако, отличительной чертой того времени было не только использование понятых для подтверждения легитимности следственных мероприятий, но и для предоставления физической поддержки служебным лицам.

Трансформация российского уголовного законодательства была тесно связана с эволюцией института понятых, достигая своего апогея в рамках судебных реформ 1864 года. Именно в этот период был принят Устав уголовного судопроизводства, который осуществил кардинальные пересмотры в принципах и правилах работы понятых. В частности, документ определил конкретный перечень категорий лиц, имеющих право участвовать в процессе в качестве понятых, и закрепил требование к минимальному количеству таких лиц — не менее двух. Среди призванных к этой роли находились представители местной власти, такие как сельские должностные лица и церковные старосты, а также хозяева торговых точек и недвижимости. В условиях, когда привлечение вышеупомянутых лиц оказывалось невозможным, допускалось обращение за помощью к другим индивидуумам, пользующимся доверием в обществе [12, с. 219]. А. Чебышев-Дмитриев, знаковая фигура в русской правоведческой науке и активный участник комиссии, занимавшейся подготовкой судебных реформ, выдвигал в своих научных работах тезис о том, что привлечение понятого к участию в следственных мероприятиях на удалении свыше 15 верст от его основного места жительства представляет собой особый случай, который следует воспринимать как отклонение от установленного порядка [11, с. 354]. Эта концепция получила правовое закрепление в статье 322 Устава уголовного судопроизводства, где также был закреплен принцип привлечения к процессу лиц того же социального пола при выполнении определенных действий, например, при осмотре или освидетельствовании. Более того, Устав уголовного судопроизводства предоставлял понятым право на высказывание своих мыслей касательно правомочности и адекватности процедур, осуществляемых следственными органами, а также

давал возможность заносить их мнения в официальный протокол. Данное положение было оформлено в статье 343 Уголовного уложения, подчеркивая важность учета мнений понятых в процессе расследования, что способствовало повышению транспарентности и объективности уголовного судопроизводства [9, с. 311].

После установления советской власти институт понятых испытал значительные трансформации, отличающие его от предыдущих регламентаций, каковой была, например, система, установленная Уложением 1864 года. В Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РСФСР 1923 года были внесены существенные нововведения, включая определение категорий лиц, которым было запрещено участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве понятых. Статья 74 УПК РСФСР четко стипулировала, что к участию не допускаются лица, являющиеся сторонами в уголовном процессе, а также их близкие родственники. Кроме того, УПК 1923 года впервые закрепил за понятыми право на получение компенсации за затраты, связанные с их участием в процессе, и материальное вознаграждение за потерянное рабочее время. Это новшество подчеркивало важность и ценность времени и усилий, затраченных понятыми в интересах правосудия.

Статья 75 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР закрепляла юридическую ответственность за неисполнение вызова или иных возложенных на лиц обязательств, касающихся их участия в уголовном процессе. Это касалось не только понятых, но и свидетелей, экспертов, а также переводчиков, подчеркивая их обязанность проявлять дисциплину и ответственность в рамках законодательства. Отказ или уклонение от этих действий могли повлечь за собой применение санкций, в числе которых находились штрафы и привод, служащие инструментами для обеспечения их активного участия в судебных процедурах и поддержания надлежащего порядка в ходе судопроизводства [2].

УПК РСФСР 1923 года действовал до середины 20-го века, после чего его нормы были смещены положениями Основ уголовного судопроизводства 1958 года, в котором уже отсутствовала подробная регуляция деятельности понятых, характерная для предшествующего кодекса. Следствием такого перехода стало официальное прекращение действия УПК 1923 года. После этого момента вопросы, связанные с правовым статусом понятых, начали находить свое решение на уровне законодательных актов отдельных союзных республик. Этот процесс привел к формированию различных подходов к применению и регулированию института понятых в контексте

уголовного судопроизводства, отражая тенденцию к децентрализации и разнообразию в правоприменительной практике.

В уголовно-процессуальном законодательстве каждой союзной республики СССР был заложен особый акцент на роли и статусе понятых в рамках уголовного судопроизводства. Так, например, в Уголовно-процессуальных кодексах (УПК) Латвийской и Казахской ССР выделялись конкретные разделы, детализировавшие права и обязанности данных участников процесса, что подчеркивалось в двух статьях каждого из документов [7, с. 56]. Основопологающим принципом, пронизывающим законодательные нормы того времени, было признание понятых независимыми участниками процесса, причем минимально допустимое количество таких лиц определялось как два. Данная правовая традиция нашла свое продолжение и в нынешней юридической системе Российской Федерации. В частности, современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ в своей 60-й статье четко описывает процессуальное положение понятого, как индивида, который не заинтересован в исходе уголовного разбирательства. Такое лицо привлекается с целью подтверждения факта осуществления определенного следственного действия, а также для свидетельства о его содержании, ходе выполнения и окончательных результатах.

Кроме того, статья 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержит ключевые положения, касающиеся особенностей привлечения к участию в уголовном процессе лиц в качестве понятых, а также определяет их права и обязанности в данной роли. Законодательство ясно очерчивает границы, в рамках которых отдельные категории граждан исключаются из возможности исполнения обязанностей понятого. В частности, запрет распространяется на лиц, не достигших совершеннолетия, участников уголовного процесса и их прямых родственников, а также на сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование в рамках исполнительной власти.

Вместе с тем, данный нормативный акт подробно разъясняет права понятых, которые включают в себя участие в проведении следственных мероприятий, возможность высказывания своих замечаний и предложений по ходу их осуществления, что безоговорочно должно находить свое отражение в официальных протоколах. Также понятым предоставляется право на ознакомление с документацией, фиксирующей результаты следственных действий, в которых они приняли участие, и право на обжалование любых процедурных действий или бездействия со стороны служб предварительного расследования.

С обязанностями понятого связана необходимость явки на вызовы следственных органов или суда, а также поддержание конфиденциальности полученной в ходе участия в процессе информации, при условии, что они были уведомлены об этом заранее.

Первая часть статьи 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что участие понятых является неотъемлемым элементом для обеспечения прозрачности и законности при выполнении ряда ключевых следственных процедур. В список таких действий включены обыск, выемка (в части 3 статьи 183 УПК РФ), личный обыск, а также процедура опознания. Наличие понятых при этих операциях подкрепляет принципы справедливости и законности, делая процесс более прозрачным для всех участников.

В то же время, в рамках существующего законодательства выделен перечень следственных действий, где присутствие понятых не является категорическим требованием. В таких случаях возможно использование технических средств для фиксации процесса, что позволяет гарантировать объективность и достоверность зафиксированных данных. К таковым относятся: арест имущества, осмотры мест происшествий, проведение следственного осмотра, эксгумация трупов, следственный эксперимент, выемка (за исключением ситуаций, определенных в части 3 статьи 183 УПК РФ), проверка показаний непосредственно на месте происшествия, а также наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления согласно пятой части статьи 185 и контроль за переговорами в соответствии с седьмой частью статьи 186 УПК РФ [1].

В рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации существуют определенные следственные действия, в ходе которых участие понятых не является обязательным по умолчанию. Однако, особое внимание уделяется тем моментам, когда осуществление определенных процедур, указанных в первой части статьи 170 УПК РФ, допускает замену понятых техническими средствами для фиксации информации. Такое исключение предусматривается для ситуаций, когда физическое присутствие понятых может быть связано с риском для их здоровья или жизни, либо же когда место проведения следственного действия обладает труднодоступностью. Это подчеркивает гибкость подходов к организации следственного процесса, призванную обеспечить его эффективность при одновременном соблюдении мер безопасности для всех участников.

Кроме того, четвертая часть статьи 170 УПК РФ налагает на следователя обязанность четко информировать понятых о их правах и обязанно-

стях, а также ознакомить их с возможной юридической ответственностью, как это определено в статье 60 того же кодекса. Таким образом, законодательство подчеркивает ключевую роль прозрачности и полного информирования всех участников процесса о правилах их участия, а также об ответственности, что важно для обеспечения справедливости и законности проведения уголовного процесса.

Институт понятых, будучи встроенным элементом уголовно-процессуального кодекса многих постсоветских государств, представляет собой заметное отличие в подходах к правоприменению от тех, что приняты в юридических системах многих западных стран. В контексте международной правовой практики, законодательство таких государств как Великобритания, Германия, США, Канада и Франция не предусматривает широкого использования понятых в процессе совершения следственных действий, что отражает фундаментальные различия в подходах к организации уголовного процесса. Исключением является Израиль, где законодательно закреплено требование о необходимости привлечения двух понятых при проведении обыска жилища, однако и здесь предусмотрены исключения, позволяющие отступить от данного правила в случаях, когда это ограничено протестами со стороны жильцов или, когда обстоятельства требуют незамедлительных действий [10, с. 315].

С другой стороны, анализируя правовую базу стран Содружества Независимых Государств, можно отметить общую тенденцию к сохранению и развитию института понятых, что является свидетельством единообразия юридических традиций в этих странах. При этом, несмотря на внешнее сходство правовых норм, регулирующих деятельность понятых в СНГ, при детальном рассмотрении выявляются отдельные особенности и различия, которые придают уникальный характер каждой национальной юридической системе.

Пример локального отличия можно найти в законодательстве Республики Казахстан, где УПК вводит прямой запрет на разглашение сведений, касающихся материалов уголовного дела, без специального разрешения следователя, дознавателя или прокурора. Это положение является одним из самых значительных отличий, подчеркивающих стремление к защите конфиденциальности информации в ходе уголовного расследования (п. 4 ч. 5 ст. 82 УПК РК) [5].

Анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Армения выявляет интересные особенности в регулировании института понятых, которые, хоть и напоминают российский аналог, в то же время содержат уникальные положения. Одним из таких отличительных аспектов

является ограничение, согласно которому роль понятого может быть предоставлена исключительно гражданам Республики Армения. Это положение, закрепленное в части первой статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РА, подчеркивает привилегированное право граждан участвовать в правосудии своей страны, выполняя функции понятых. В дополнение к этому, законодательство Армении вводит процедурную возможность отвода понятого, причем решение об отводе находится в ведении лица, ответственного за проведение следственного действия, как указано в статье 94 УПК РА [3].

Обсуждение целесообразности института понятых в современной правовой практике представляет собой комплексную и многогранную проблематику, в рамках которой выделяются две принципиально различные позиции. С одной стороны, сторонники сохранения данного института утверждают, что он играет ключевую роль в защите прав и свобод личности, а также в обеспечении интересов правосудия. Аргументы в пользу этой точки зрения касаются не только исторически сложившейся практики использования понятых в России и других странах, но и повышения надежности получаемых в ходе процессуальных действий доказательств, минимизации рисков их фальсификации.

Однако, с другой стороны, существует мнение, активно поддерживаемое преимущественно практикующими юристами, которое базируется на критике текущего положения дел и призывает к ликвидации института понятых. Основные доводы этой группы критиков сводятся к следующему:

- Отсутствие желания у граждан участвовать в процессуальных действиях в качестве понятых, обусловленное страхом и недоверием к деятельности правоохранительных органов;
- Наличие альтернативных средств, возникших в результате технологического прогресса, позволяющих с высокой точностью фиксировать процесс совершения процессуальных действий;
- Ссылки на опыт зарубежных государств, в правовых системах которых институт понятых отсутствует или имеет существенные отличия.

Анализируя ситуацию с применением института понятых в рамках уголовно-процессуальной практики нашего государства, можно обнаружить серию вызовов, требующих внимания и решения. Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство достаточно развито и предусматривает широкий арсенал механизмов для обеспечения правосудия, проблемы в реализа-

ции института понятых продолжают существовать. Одной из основных причин нареканий со стороны общественности является отсутствие должного уровня ответственности и заинтересованности у некоторых следователей и дознавателей, а также выраженное нежелание многих граждан участвовать в процессуальных действиях, воспринимая это как неоправданную трату личного времени [8].

В этом отношении часто возникает проблема поиска и привлечения незаинтересованных лиц для участия в качестве понятых. Решение этой задачи иногда происходит за счет вовлечения студентов-практикантов, что, однако, вносит свои сложности. Ведь каждый из практикантов, участвующих в следственных действиях, стремится получить положительную оценку своей деятельности, что отражается в характеристике, составляемой по итогам практики. Такая система оценки создает условия для возникновения зависимости между оценкой деятельности практиканта и его участием в процессе, что, по существу, исключает возможность считать таких понятых полностью незаинтересованными лицами. В результате, доказательства, полученные при их участии, могут быть признаны недопустимыми, что подрывает эффективность и справедливость процесса получения и оценки доказательств.

Вопрос привлечения понятых, обладающих разнообразным уровнем интеллектуального развития и специализированных знаний, выступает одним из наиболее сложных и спорных аспектов уголовно-процессуальной практики. Фундаментальной функцией понятого является фиксация и удостоверение происходящих процессуальных действий. Тем не менее, для адекватного выполнения этой роли понятому необходимо иметь хотя бы общее представление о характере и содержании удостоверяемых событий и данных. Проблема точности этого положения обостряется, когда в деле фигурируют специфические термины и данные, требующие отдельных знаний для их понимания и интерпретации.

Примером сложности может служить ситуация, когда в протоколе осмотра места происшествия упоминаются специальные ориентирования и замеры, подтверждение и интерпретация которых требуют от понятого определённого уровня экспертности. Ситуация усложняется, если понятой не обладает базовыми знаниями, например, в области форенсики, и не может различить след крови от краски. В таких случаях, возможное решение – это отметка в протоколе о том, что был обнаружен след, внешне напоминающий кровь, не делая однозначных заключений без наличия специализированных знаний.

Выводы. Заключение.

По результатам исследования следует, что институт понятий в России и других странах прошел долгий путь эволюции, меняясь в зависимости от изменений в общественных и правовых реалиях. Понятия играют ключевую роль в обеспечении законности и объективности следственных действий, выступая важным элементом уголовно-процессуального контроля. Однако, несмотря на их значимость, существуют серьезные проблемы и вызовы, связанные с привлечением граждан к выполнению этих функций.

Основные проблемы, выявленные в статье, включают в себя нежелание граждан участвовать в качестве понятых из-за опасений за свою безопасность, потенциальной предвзятости и недостаточной осведомленности о своих правах и обязанностях. Эти проблемы не только снижают эффективность института понятых, но и подрывают доверие к правоохранительной системе в целом.

Выводы автора подчеркивают необходимость реформирования института понятых с целью его адаптации к современным условиям и повышения эффективности. Предложения по совершенствованию включают введение ограничений на количество участия в следственных действиях для предотвращения потенциальной предвзятости, улучшение информирования граждан о их правах и обязанностях в качестве понятых, а также более широкое использование технических средств для замены понятых там, где это возможно.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч.1). - Ст. 4921; Российская газета. - 22 дек. 2017. - № 291.

[2] Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. - 1923. - 7. - Ст. 106.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // Официальные ведомости Республики Армения. - 21 сен. 1998 г. - №22 (55).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 03.04.2024 г.)

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 г. № 231-V // Казахстанская правда. - 10 июл. 2014. - № 133 (27754).

[6] Гарипов Т.И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть?

// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-ponyatyh-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-byt-ili-ne-byt> (дата обращения: 03.04.2024).

[7] Саркисянц, Г. П. Понятие в советском уголовном процессе / Г. П. Саркисянц. - Ташкент, 1975. 88 с.

[8] Семенцов В.А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2014. №2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-uchastiya-ponyatyh-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 03.04.2024).

[9] Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство - судопроизводство / В. К. Случевский. - 3-е изд., предел. и доп. - Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1910. - XIV, 664 с.

[10] Сухарев, А.Я. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / А. Я. Сухарев. - М., 2003. 967 с.

[11] Чебышев-Дмитриев, А. Русское судопроизводство по судебным Уставам 20 ноября 1864 г. / А. Чебышев-Дмитриев. - СПб., 1875. 756 с.

[12] Чистяков, О. И. Российское законодательство X-XX веков в 9 т. Том 8. Судебная реформа / О.И. Чистяков. - М., 1991. 493 с.

Spisok literatury:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ//SZ RF. - 2001. - No. 52 (part 1). - Art. 4921; Russian newspaper. - December 22, 2017. - № 291.

[2] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1923 "On the Approval of the Criminal Procedure Code of R.S.F.S.R." (together with the "Criminal and Procedural Code of R.S.F.S.R.")//SU RSFSR. - 1923. - 7. - Art. 106.

[3] Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia dated September 1, 1998 No. ZR-248//Official Gazette of the Republic of Armenia. - Sept. 21 1998 - No. 22 (55).

[4] Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus dated July 16, 1999 No. 295-Z//URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (date of appeal, 03.04.2024)

[5] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan dated July 04, 2014 No. 231-V//Kazakhstanskaya Pravda. - Jul 10 2014. - № 133 (27754).

[6] Garipov T.I. Institute of Witnesses in Criminal Proceedings of Russia: to be or not to be ?//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-ponyatyh-v-ugo->

lovnom-sudoproizvodstve-rossii-byt-ili-ne-byt (дата обращения: 03.04.2024).

[7] Sarkisyants, G.P. Understood in the Soviet criminal trial/G.P. Sarkisyants. - Tashkent, 1975. 88 с.

[8] Sementsov V.A. On the problems of participation of witnesses in criminal proceedings in Russia//Society and law. 2014. №2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-uchastiya-ponyatyh-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 03.04.2024).

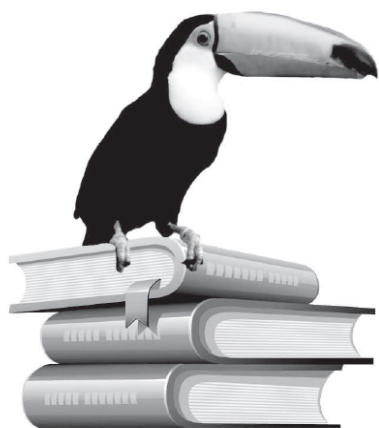
[9] Sluchevsky, V.K. Textbook of the Russian criminal process: judicial system - legal proceedings/

V.K. Sluchevsky. - 3rd ed., limit. and add. - St. Petersburg: printing house of M. M. Stasyulevich, 1910. - XIV, 664 p.

[10] Sukharev, A.Ya. Legal systems of the countries of the world: encyclopedic reference book/A. Ya. Sukharev. - M., 2003. 967 p.

[11] Chebyshev-Dmitriev, A. Russian legal proceedings under judicial charters on November 20, 1864/A. Chebyshev-Dmitriev. - ST. PETERSBURG., 1875. 756 pp.

[12] Chistyakov, O. I. Russian legislation of the X-XX centuries in 9 vol. 8. Judicial reform/O.I. Chistyakov. - M., 1991. 493 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты прокурорского надзора в области обеспечения экологической безопасности водных объектов. Особое внимание уделяется вопросам надзора за поднятием затонувших судов и имущества, а также влиянию этих объектов на состояние водных экосистем. Проведен анализ правовых норм, регламентирующих обязанности владельцев затонувших объектов и роль прокуратуры в обеспечении их соблюдения. Обсуждаются случаи, когда затонувшие объекты представляют угрозу для окружающей среды и судоходства, и возможные меры для минимизации этого воздействия. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются органы прокуратуры, такие как разночтения в правовом статусе собственников судов и судовладельцев, а также пробелы в законодательстве. Предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и практики прокурорского надзора для повышения эффективности защиты водных ресурсов.

Ключевые слова: водный объект, прокурорская проверка, методика, прокуратура, затонувшее имущество.

VASILYEV Aleksey Aleksandrovich,
Deputy of the Saratov Interdistrict Environmental Prosecutor
of the Volga's Interregional Environmental Prosecutor's Office,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology
of Saratov State Law Academy, candidate of Legal Sciences,
Counselor of justice

PROBLEMATIC ASPECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN ENSURING THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF WATER BODIES

Annotation. The article addresses problematic aspects of prosecutorial supervision in ensuring the environmental safety of water bodies. Special attention is given to the supervision of raising sunken ships and property, as well as the impact of these objects on aquatic ecosystems. An analysis of legal norms regulating the responsibilities of the owners of sunken objects and the role of the prosecutor's office in ensuring compliance is conducted. The discussion includes cases where sunken objects pose threats to the environment and navigation, and possible measures to mitigate this impact. The main issues faced by prosecutorial authorities, such as discrepancies in the legal status of shipowners and ship operators and gaps in legislation, are highlighted. Recommendations for improving legal regulations and prosecutorial practices are proposed to enhance the effectiveness of water resource protection.

Key words: water body, prosecutor's inspection, methodology, prosecutor's office, sunken property.

Прокурорская проверка исполнения водного законодательства в ряде случаев имеет свои особенности. Поэтому важным аспектом является знание методики и тактики проведения подобных проверочных мероприятий. Анализ сообщений из средств массовой

информации показывает, что в Российской Федерации на текущий момент существует множество примеров нахождения на протяжении десятилетий на дне водных объектов затонувшего имущества, причиняющего вред флоре и фауне водных объектов, что свидетельствует о имеющихся

резервах в работе прокуратур на данном направлении. В данной статье рассмотрим проблемы, связанные с обеспечением экологической безопасности водных объектов через призму необходимости обеспечения поднятия затонувшего имущества его собственником или соответствующей администрацией бассейна внутренних водных путей.

Обозначим теоретические положения проведения подобной проверки. Так, одним из принципов водного законодательства, согласно п. 2 ст. 3 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ), является приоритет охраны водных объектов перед их использованием, при этом недопустимо оказывать вредное воздействие на окружающую среду при их использовании. Вода, как справедливо отмечено в п. 1 ст. 3 ВК РФ, значима в качестве основы жизнедеятельности человека, является важнейшей составной частью окружающей среды.

Следует констатировать, что далеко не все люди обладают правосознанием, в котором крепко утвердились изложенные выше принципы. О таком положении дел свидетельствует тот факт, что только на расположенной в границах территории Саратовской области акватории до сих пор остается 41 объект затонувшего имущества, которое несмотря на предпринятые прокуратурой меры остается неподнятым. Большинство из таких объектов непосредственно причиняют вред окружающей среде (затопленные суда, перевозившие горюче-смазочные материалы).

Законодательство Российской Федерации возлагает на владельца затонувшего судна, а также на собственника иного затонувшего имущества обязанность по поднятию таких судна и имущества (пункты 1, 2 статьи 47.1 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее - КВВТ РФ)).

При этом федеральное законодательство дифференцирует подход к осуществлению подъема затонувшего имущества в зависимости от вредных последствий, причиненных, главным образом, экологии:

- 1) если находящиеся на дне судно либо иное имущество угрожают безопасности судоходства, причинением вреда окружающей среде, создают препятствия проводимым на водном транспорте или водных объектах работам, их подъем осуществляется их владельцем или собственником в установленный соответствующей администрацией бассейна внутренних водных путей срок;
- 2) когда такие судно либо имущество не создают вредных последствий, указанных выше, их подъем осуществляются их владельцем или собственником не позднее одного года со дня затопления (пункты 4, 5 статьи 47.1 КВВТ РФ).

Парламент нашего государства предусмотрел, что в случае недобросовестного поведения владельца судна либо собственника иного имущества, выражающегося в неисполнении в установленном законом срок предусмотренной законом обязанности по подъему затонувшего имущества, бремя осуществления таких действий ложится на администрацию бассейна внутренних водных путей. При этом такое бремя возникает лишь при условии, что затонувшее судно или иное имущество создают серьезную и непосредственную угрозу безопасности судоходства, непосредственную угрозу причинения значительного ущерба окружающей среде загрязнением, создает препятствия осуществлению рыболовства, деятельности на водном транспорте и водных объектах (часть 1 статьи 49 КВВТ РФ).

Отмечу, что судебная практика в последние годы, наконец, признала, что угроза причинения вреда водному объекту презюмируется в связи с длительным нахождением в водном объекте металлических корпусов затонувших судов, которые разрушаются, окисляются, продукты разрушения судов негативно влияют на флору и фауну водного объекта [1,2].

Между тем, несмотря на детальную правовую регламентацию процедуры обеспечения безопасности окружающей среды от вреда, причиняемого ей нахождением в воде затонувшего имущества, существуют проблемы, которые требуют решительного подхода правоприменителя к их решению.

В частности, нередко в прокурорской практике возникают следующие ситуации, связанные с различиями в правовом статусе собственника судна и судовладельца (под которым понимается лицо, на ином, отличном от собственности, законном праве владеющее судном).

Администрации бассейна внутренних водных путей становится известно о затоплении судна либо иного имущества на таких путях.

Она, в свою очередь, направляет на основании п. 4 ст. 47.1 КВВТ РФ собственнику судна требование об организации подъема такого судна с установлением срока на осуществление работ. Вместе с тем, собственник судна сообщает администрации, что на момент затопления судно по договору аренды (на иных законных основаниях) принадлежало иному лицу, которое являлось судовладельцем, в связи с чем обязанность по его подъему на него не возложена.

В случае, когда прокурор узнает о таких обстоятельствах, остро становится вопрос о надлежащем ответчике по иску об обязанности осуществить подъем такого объекта. Это обусловлено тем обстоятельством, что предъявить такой иск к судовладельцу можно лишь в случае, если администрацией бассейна внутренних водных путей

ему был установлен срок для осуществления таких работ (пункт 4 статьи 47.1 КВВТ РФ). В том случае, когда администрация бассейна такой срок судовладельцу не установила, он не будет являться надлежащим ответчиком по делу, в связи с чем исковое заявление судом будет оставлено без удовлетворения.

При предъявлении такого иска к администрации бассейна внутренних водных путей на основании п. 1 ст. 49 КВВТ РФ прокурор сталкивается с пробелом в правовом регулировании: как указано выше в настоящей статье, одним из условий предъявления такого требования к администрации бассейна является истечение установленного ею или законом (в зависимости от оснований) срока у судовладельца на осуществление данных действий. В том случае, когда такой срок установлен собственнику, который на момент затопления судовладельцем не являлся, прокурор вынужден выжидать установленного п. 5 ст. 47.1 КВВТ РФ годичного срока, чтобы понудить в судебном порядке государственное учреждение поднять затонувшее имущество. Однако при нахождении в водном объекте на протяжении года, а также периода, в течение которого будет завершено судебное разбирательство и решение суда будет исполнено, с неизбежностью обществу сталкивается с колоссальным ущербом, причиненным окружающей среде.

В связи с этим, предлагается внести изменения в ст. 49 КВВТ РФ, дополнив ее пунктом следующего содержания: «Администрация бассейна внутренних водных путей, в случае непринятия мер к предъявлению требований об осуществлении подъема затонувшего судна или иного имущества к их судовладельцу или собственнику с установлением срока на осуществление таких

работ, поднимает затонувшее судно или иное затонувшее имущество и при необходимости удаляет либо утилизирует их.».

Такие изменения представляются социально справедливыми постольку, поскольку администрация бассейна обязана будет совершить подъем имущества, который не организовала, вопреки требованиям закона, по различным причинам.

Таким образом, вода как ценнейший природный ресурс нуждается в особой защите со стороны всех субъектов права. Особенная роль в защите водных ресурсов лежит на органах прокуратуры, которые, в свою очередь, в ходе исполнения возложенных на них задач по обеспечению экологической безопасности таких объектов по объективным причинам сталкиваются с рядом проблем, которые могут быть решены путем внесения соответствующих изменений в действующее правовое регулирование.

Список литературы:

[1] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.02.2024 № Ф02-7572/2023 по делу № А58-4449/2022 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2023 № 88-17181/2023 // СПС «Консультант Плюс».

Spisok literatury:

[1] Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 09.02.2024 No. F02-7572/2023 in case No. A58-4449/2022//SPS Consultant Plus.

[2] Determination of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 12.09.2023 No. 88-17181/2023//SPS Consultant Plus.

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Аннотация. Преступления террористического характера отличаются между собой значительным количеством способов их совершения и различными последствиями этих противоправных действий, что значительно усложняет типизацию следственных ситуаций и разработку практических рекомендаций по их расследованию. На наш взгляд, по состоянию на сегодняшний день, отсутствуют как научно разработанные четкие типовые программы действий следователя в конкретных следственных ситуациях, которые возникают на разных этапах предварительного расследования террористического акта, так и отдельная криминалистическая методика проведения предварительного расследования этих преступлений. Поэтому перед нами стоит задача определить, прежде всего, наиболее типичные следственные ситуации начального этапа расследования террористического акта и предложить программу действий по их решению.

Ключевые слова: террористический акт, расследование, следственная ситуация, алгоритм действий, типизация, расследование.

VORONOVICH Nikolai Konstantinovich,
Lecturer at the Department of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Sociological Sciences

PAVLOV Daniil Viktorovich,
lecturer at the Department of Professional Training,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS IN THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF A TERRORIST ACT

Annotation. Crimes of a terrorist nature differ from each other in a significant number of ways of committing them and various consequences of these illegal actions, which significantly complicates the typification of investigative situations and the development of practical recommendations for their investigation. In our opinion, as of today, there are no scientifically developed clear standard programs of action for the investigator in specific investigative situations that arise at different stages of the preliminary investigation of a terrorist act, or a separate forensic methodology for conducting the preliminary investigation of these crimes. Therefore, we are faced with the task of identifying, first of all, the most typical investigative situations at the initial stage of investigating a terrorist act and proposing a program of action to solve them.

Key words: terrorist act, investigation, investigative situation, algorithm of actions, typification, investigation.

Для отдельных преступлений характерны типичные проявления ситуационной обусловленности расследования, связанные с наличием определенной совокупности данных,

получаемых следователем, на которые он опирается при принятии решений в организации своей работы. Типичная следственная ситуация может быть определена как сформулированная на осно-

вании анализа практики расследования определенной категории преступлений абстрагированная искусственная модель, отражающая состояние имеющейся у следователя информации об обстоятельствах преступления и обстановке, сложившейся на соответствующем этапе расследования.

Рассматривая имеющиеся взгляды ученых-криминалистов на следственную ситуацию, необходимо признать, что единства мнений в определении ее содержания до сих пор нет. Так, к примеру, еще В.К. Гавло рассматривал следственную ситуацию как совокупность данных, характеризующих состояние следствия по делу без учета условий, в которых оно происходит [1, с. 90]. Большинство ученых определяют следственную ситуацию как совокупность информационных, процессуальных, тактических, психологических, организационных условий, при которых на определенный момент осуществляется расследование [4-6].

По нашему мнению, следственную ситуацию следует рассматривать как совокупность условий разного характера, которые сложились на определенном этапе расследования и находятся в относительной статике и зависимости, как с процессуальными особенностями следствия, так и с криминалистическими. Тем самым хотелось бы подчеркнуть влияние следственной ситуации на организацию непосредственной работы следователя на время, на определенном этапе расследования. Поэтому, проанализировав различные подходы ученых к определению сущности и раскрытию значения следственной ситуации, обратим внимание на то, что следственная ситуация отражает непрерывно меняющееся подвижное состояние расследования, но она является управляемой системой, подвергающейся целенаправленному изменению. Изменение следственной ситуации может быть связано с правильной (или, наоборот, неправильной) реализацией тактических приемов, их комплексов, систем, способствующих получению определенной информации.

Неотъемлемым и важным элементом методики расследования преступлений являются типичные следственные ситуации, возникающие на начальном этапе расследования, поскольку следственные ситуации на следующих этапах расследования в большей степени обуславливаются как результативностью предыдущего этапа, так и тактическими решениями, принимаемыми следователем на основе имеющейся доказательственной информации и собственных профессиональных навыков и практического опыта, что усложняет возможность определить закономерность их повторяемости.

Наиболее важное значение для начала работы следователя по уголовному делу о терро-

ристическом акте, является знание им типичных ситуаций, обычно возникающих на момент начала предварительного расследования.

Следственные ситуации могут формироваться с учетом формы организации деятельности террористов: террористический акт, совершенный участниками организованной террористической группы; террористический акт совершен участниками незаконных вооруженных формирований в зоне вооруженного конфликта; террористический акт совершен террористом-одиночкой [2, с. 67-68]. Заметим, что существенное значение для расследования любого преступления и не только террористического акта имеют сведения о личности преступника. Поэтому важное значение для начального этапа расследования террористического акта и других преступлений террористического характера, имеют сведения о личности преступника-террориста, на базе которых должны формироваться типичные следственные ситуации.

Приведем типизацию следственных ситуаций расследования террористического акта, проведенную по критерию наличия или отсутствия информации о личности преступника и определим следующие типичные следственные ситуации, складывающиеся на начальном этапе предварительного расследования: 1) личность террориста известна, он задержан во время совершения преступления или сразу после его совершения; 2) личность террориста известна, но он с места подготовки или совершения террористического акта исчез и принимаются меры по его розыску; 3) личность террориста неизвестна, он погиб или был ликвидирован при совершении или предотвращении совершения преступления, имеются отдельные данные о нем; 4) личность террориста или нескольких террористов неизвестны и не обнаружена информация о преступнике.

Как наиболее благоприятную следует рассматривать такую типичную следственную ситуацию, когда преступники задерживаются при совершении террористического акта или сразу после его совершения. В другой части случаев типичные следственные ситуации следует рассматривать как проблемные с соответствующей степенью проблемности. Наиболее неблагоприятная ситуация складывается, когда преступник неизвестен и не установлена информация о нем. В данном случае степень проблемности на момент начала предварительного расследования расценивается как максимальная.

Рассмотрим некоторые из ситуаций более подробно.

1. Совершен террористический акт и причастные к его совершению лица известны, есть жертвы и пострадавшие от действий террористов. Для разрешения этой ситуации

необходимо осуществить следующие оперативно-розыскные мероприятия и провести следственные действия: организовать аварийно-спасательные работы, установить личности потерпевших и принять меры к отправке пострадавших в больничные учреждения; обеспечить охрану места происшествия и предотвратить проникновение на него посторонних лиц; осмотреть место совершения террористического акта, а при необходимости осуществить отдельный осмотр трупов с привлечением судебно-медицинских экспертов; провести судебно-медицинское освидетельствование потерпевших; при наличии вблизи места происшествия камер внешнего наблюдения, осуществить извлечение и обеспечить сохранность всех видеозаписей; получив сведения о приметах преступников, дать задание оперативным сотрудникам на их задержание и доставку в орган расследования; установить и допросить свидетелей и потерпевших в качестве очевидцев преступления; в случае задержания подозреваемых провести их освидетельствование и осмотр имеющихся у них предметов и вещей; подготовить процессуальные документы и провести обыски жилых помещений и других владений подозреваемых; в случае выявления вещественных доказательств назначить судебные экспертизы, прежде всего – судебно-медицинские, криминалистические, взрывотехнические и т.д.

2. Совершен террористический акт, есть сведения о приметах и личностных данных подозреваемых, но они достоверно не установлены и не задержаны. Для разрешения ситуации необходимо провести организационные мероприятия и осуществить процессуальные действия, предусмотренные при рассмотрении предыдущей ситуации. Кроме того, при допросах очевидцев и проведении оперативно-розыскных мероприятий обратить внимание на подробное установление и фиксацию признаков предполагаемых подозреваемых, составить их словесные портреты; при анализе видеозаписей с камер внешнего наблюдения сравнить приметы зафиксированных в них лиц с приметами, указанными допрошенными очевидцами; ориентировать оперативных сотрудников на розыск подозреваемых, предоставив им изготовленные словесные портреты для розыска исполнителей, пособий, организаторов террористического акта.
3. Получена информация о подготовке террористического акта, совершение которого удалось предотвратить, обнаружены и изъ-

яты орудия преступления, задержаны вероятные подозреваемые. Для разрешения этой ситуации необходимо: осмотреть место происшествия, на котором выявлены признаки подготовки к совершению террористического акта, в том числе орудия преступления; провести осмотр изъятых вещественных доказательств и назначить соответствующие судебные экспертизы; установить и допросить свидетелей; допросить подозреваемых; подготовить процессуальные документы и провести обыски по месту жительства, работы подозреваемых и их транспортных средств.

Следует заметить, что в любой из предложенных следственных ситуаций первоочередной организационной мерой следователя является составление плана предварительного расследования, который выступает своеобразным отражением алгоритмов (комплексов) – набора задач и предписаний, устанавливающих порядок действий исполнителя, направленных на решение конкретных тактических задач. В нашем случае – раскрытие и расследование террористического акта. Поэтому для оптимизации и эффективности осуществления расследования, следователю необходимо составить план расследования, который определяется типичными следственными ситуациями, возникающими на начальном этапе.

Приведем пример ситуации, произошедшей в действительности, когда личность террориста неизвестна и не обнаружена информация о ней. В 2004 г. автомобиль со взрывчаткой, взрыв которой унес большое количество жизней, был припаркован в гостиницу «Хилтон» в Египте. Смертоносный груз подвезли в гостиницу двое террористов, которые припарковали автомобиль и, активировав взрывное устройство, сумели скрыться с места преступления за две минуты до совершения этого теракта. Приблизительно так же вскоре в других местах взорвались два других автомобиля. Их водители были замечены охранниками накануне у ворот кемпингов, но приметы подозреваемых никто не запомнил. Террористы сумели скрыться с места преступления, бросив свои автомобили у въезда на базы отдыха туристов [3].

Комплекс следственных действий и оперативно – розыскных мероприятий, которые необходимо совершить в данной ситуации, зависит от содержания и объема первичной информации. Такая ситуация является самой сложной, неблагоприятной и проблемной для начала предварительного расследования, поскольку характеризуется дефицитом информации, наличием только отдельных, часто отрывочных и недостаточно качественных сведений о личностях преступников, мотивах и целях их действий. Как правило,

следователь в данной ситуации владеет информацией о времени, месте и последствиях совершения террористического акта. Поэтому в ситуации, когда лицо не установлено, важнейшая, с криминалистической точки зрения, информация может быть получена при исследовании способа совершения преступления и следов. Задачи следователя в данном случае состоят в следующем: опираясь на типовые версии и отталкиваясь от них, выявить максимальное количество данных, характеризующих личность террориста или террористов, место их нахождения, проверить выявленных подозреваемых лиц для установления исполнителя террористического акта и его пособников; обеспечение сохранности необходимых следов, подтверждающих факт совершения преступления; оценка данных об обстоятельствах преступления, выявлении и фиксации материальных следов преступления; получение сведений об обстоятельствах совершения преступления, имеющих значение для уголовного производства, от свидетелей, из технических источников фиксации информации; решение других вопросов с использованием специальных знаний, имеющих значение для уголовного производства.

Алгоритм действий следователя в данной ситуации выглядит следующим образом: изучение первичной информации о совершении преступления; осмотр места совершения террористического акта; исследование следовой картины преступления; допрос свидетелей и очевидцев совершенного террористического акта; исследование технических источников фиксации информации о совершении преступления в случае наличия; организация розыска подозреваемого; подготовка и назначение судебных экспертиз; выявление и задержание преступника; выдвижение подозрения и допрос подозреваемого; выявление и задержание других лиц, причастных к совершению преступления; предъявление для опознания исполнителя и организаторов преступления.

В то же время следует учитывать то, что следственная ситуация является категорией динамичной, подвижной, часто меняющейся и мало прогнозируемой. Поэтому каждая из указанных следственных ситуаций сама по себе требует соответствующего перечня и последовательности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а так же других мероприятий иного характера, что должно определяться следователем в каждом конкретном случае, поскольку каждое действие может переводить ситуацию, складывающуюся, как в сторону более, так и менее благоприятной совокупности условий. На эти изменения, прежде всего, влияют имеющиеся у следователя теорети-

ческие знания по имеющимся следственным ситуациям по конкретным преступлениям, а также опыт их расследования.

Таким образом, учет и правильная оценка следственных ситуаций на начальном этапе позволяют определить оптимальную очередность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также порядок их осуществления. В любом случае комплекс процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий должен быть продуман и построен логически, исходя из особенностей сложившейся следственной ситуации. Характер и содержание исходных данных о преступнике определяют направление всей деятельности по расследованию террористического акта. Выделение типичной следственной ситуации позволяет лицу, расследующему преступление террористического характера, выдвинуть наиболее типичные версии, составить план и выбрать правильный путь расследования, что в дальнейшем приведет к раскрытию преступления и установлению, и привлечению виновных к ответственности.

Список литературы:

- [1] Гавло В.К. О следственной ситуации и методике расследования похищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования: матер. науч. конф. Минск, 1973. С. 88-93
- [2] Марутин А.Г. Следственные ситуации первоначального этапа расследования террористического акта // Известия Сочинского государственного университета. 2013. №1-2 (24). С. 66-69.
- [3] Четыре взрыва для израильских туристов. Интернет ресурс: <https://lenta.ru/articles/2004/10/08/blast/> (дата обращения 24.07.2024)
- [4] Киселева, М. А. Следственная ситуация как информационная модель реальных ситуаций расследования / М. А. Киселева // Сборник материалов криминалистических чтений. – 2021. – № 18. – С. 24-25.
- [5] Завьялова, Д. В. Исключительная ситуация как разновидность криминалистических (следственных) ситуаций / Д. В. Завьялова // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова, Москва, 22 декабря 2015 года / Ред.-сост.: М.А. Лушечкина. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2015. – С. 51-54.

[6] Стукалин, В. Б. Криминалистические и следственные ситуации / В. Б. Стукалин, Н. Ю. Лебедев // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под редакцией С. А. Елисеева, Л. М. Прокументова, В. А. Уткина, О. И. Андреевой, М. К. Свиридова, Н. С. Дергача. Том Часть 58. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. – С. 163-164.

Spisok literary:

[1] Gavlo V.K. On the investigative situation and methods of investigating abductions committed with the participation of officials // Questions of forensic methodology, tactics and methods of investigation: materials. scientific conf. Minsk, 1973. pp. 88-93

[2] Marutin A.G. Investigative situations of the initial stage of investigation of a terrorist act // News of Sochi State University. 2013. No. 1-2 (24). pp. 66-69.

[3] Four explosions for Israeli tourists. Internet resource: <https://lenta.ru/articles/2004/10/08/blast/> (date accessed 07/24/2024)

[4] Kiseleva, M. A. Investigative situation as an information model of real investigation situations / M. A. Kiseleva // Collection of materials from forensic readings. – 2021. – No. 18. – P. 24-25.

[5] Zavyalova, D. V. An exceptional situation as a type of forensic (investigative) situations / D. V. Zavyalova // Modern criminology: problems, trends, prospects: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Worker Science of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor Nikolai Pavlovich Yablokov, Moscow, December 22, 2015 / Edited by: M.A. Lushechkina. – Moscow: MAKS Press LLC, 2015. – P. 51-54.

[6] Stukalin, V. B. Forensic and investigative situations / V. B. Stukalin, N. Yu. Lebedev // Legal problems of strengthening Russian statehood / edited by S. A. Eliseev, L. M. Prokumentov, V. A. Utkin, O. I. Andreeva, M. K. Sviridov, N. S. Dergacha. Volume Part 58. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2013. – P. 163-164.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ИЗГОТОВЛЕНИЕМ И ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу субъективной стороны преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов. Рассматривается сложность установления и доказывания умысла при таких преступлениях, особенно в контексте неоднозначности в определении порнографии по сравнению с эротикой. Основное внимание уделено аспектам, связанным с прямым умыслом, специальными целями и осознанием общественной опасности действий. Также обсуждаются недостатки предложений о криминализации оборота порнографических материалов без учета целей распространения, подчеркивая потенциальное расширение границ уголовной ответственности и возможные неоправданные санкции.

Ключевые слова: субъективная сторона, преступления, незаконный оборот, порнографические материалы, умысел, прямой умысел, общественная опасность, специальные цели, криминализация, уголовная ответственность.

KOCHESOKOVA Zalina Khazrataliyeva,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Special Disciplines North-Caucasian Institute
for Advanced Studies, a branch of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia, Nalchik, Russia

THE SUBJECTIVE SIDE OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL PRODUCTION AND TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC MATERIALS OR OBJECTS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the subjective side of crimes related to the illegal production and trafficking of pornographic materials or objects. The difficulty of establishing and proving intent in such crimes is considered, especially in the context of ambiguity in the definition of pornography compared to erotica. The main attention is paid to aspects related to direct intent, special purposes and awareness of the public danger of actions. The shortcomings of proposals to criminalize the trafficking of pornographic materials without taking into account the purpose of distribution are also discussed, highlighting the potential expansion of the boundaries of criminal liability and possible unjustified sanctions.

Key words: subjective side, crimes, illegal trafficking, pornographic materials, intent, direct intent, public danger, special purposes, criminalization, criminal liability.

В процессе юридического анализа преступлений, связанных с незаконным распространением порнографических материалов, особую сложность представляет определение и обоснование элементов субъективной стороны деяния. Данная проблема обусловлена тем, что при квалификации противоправного акта с точки зрения его субъективных аспектов, исследователь сталкивается с необходимостью интерпретации внутренних психологических процессов

правонарушителя, недоступных для непосредственного наблюдения. Вместе с тем, эти процессы оказывают существенное влияние не только на наказание, которое понесет преступник, но зачастую и на квалификацию деяния и является одним из ключевых элементов состава. Важно осознавать важность подтверждения наличия обозначенных процессов фактическими данными, не ограничиваясь показаниями виновных лиц.

Субъективная сторона преступления охватывает область ментальных и эмоциональных переживаний виновного лица, что существенно затрудняет процесс её установления и доказывания. Тем не менее, ряд экспертов в области юриспруденции придерживаются мнения, что «корректная оценка объективной стороны противоправного деяния может служить ключом к пониманию направленности умысла правонарушителя, который находит своё выражение в конкретных действиях последнего» [6, с. 37].

В теории уголовного права субъективная сторона преступления трактуется как комплекс психических процессов, сопровождающих подготовку, осуществление и сокрытие противоправного деяния. При этом критически важно установить, являлось ли совершенное преступление результатом свободного волеизъявления субъекта, или же его воля была ограничена определенными внешними либо внутренними факторами, препятствующими её полноценной реализации [15, с. 108].

Анализ субъективной стороны преступлений, связанных с противозаконным оборотом порнографических материалов, позволяет сделать вывод о том, что все рассматриваемые составы характеризуются умышленной формой вины, а именно - прямым умыслом. Развернутой характеристике прямого умысла посвящены многочисленные труды, однако мы ограничимся только общими положениями и опорой на нормативно-правовые акты.

Согласно положениям части 2 статьи 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), «преступление квалифицируется как совершенное с прямым умыслом в случае, если субъект осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел вероятность или неотвратимость наступления общественно опасных последствий и стремился их реализации».

В научном сообществе и современной судебной практике преобладает консенсус относительно того, что составы преступлений, предусмотренные статьями 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, характеризуются исключительно умышленной формой вины, а именно - прямым умыслом. Это подразумевает, что правонарушитель в полной мере осознает противозаконную природу и значимость своих действий [8, с. 16].

Однако следует отметить, что умысел как юридическая категория обладает глубоким социальным содержанием [11, с. 30].

Важно подчеркнуть, что последнее применимо исключительно к преступлениям с материальным составом [9, с. 14].

Анализируя составы рассматриваемых преступлений, следует отметить их формальный

характер. В таких случаях волевой компонент умысла неизменно выражается в стремлении совершить действия общественно опасного характера, запрещенные уголовным законодательством. Что обуславливает в свою очередь, что умысел в данных преступлениях может быть квалифицирован исключительно как прямой [13, с. 32].

Тем не менее, применительно к рассматриваемым составам преступлений, концепция прямого умысла требует определенного уточнения. Это обусловлено отсутствием унифицированного подхода к определению порнографического характера материалов или предметов.

Необходимо понимать отсутствие специальных экспертных знаний у субъекта, и осознание с его стороны факта совершения перечисленных в норме действий именно применительно к порнографической, а не эротической продукции. Что объективно носит в значительной степени условный характер. Данное обстоятельство создает определенные трудности при квалификации преступных деяний и установлении субъективной стороны преступления.

Проблематика определения субъективной стороны преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов, вызывает дискуссии в научном сообществе. С.Н. Шишков выдвигает тезис о том, что при отсутствии явного осознания порнографического характера материалов нельзя констатировать наличие прямого умысла у правонарушителя. В таком случае возникает риск объективного вменения, что противоречит действующему уголовному законодательству [17, с. 29].

Развивая эту мысль, другой исследователь отмечает, что для формирования умысла на изготовление или реализацию порнографических предметов необходимо предварительное понимание их порнографической сущности. В ситуациях, когда порнографический характер материалов устанавливается лишь в ходе уголовного производства с привлечением экспертов, квалификация действий изготовителя как умышленных может привести к объективному вменению, что недопустимо в рамках российского уголовного права. Изготовитель или распространитель, не обладающий специальными знаниями, может не осознавать порнографическую природу предмета [12, с. 56].

Анализ составов преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, выявляет наличие специфических целевых установок как обязательных элементов субъективной стороны деяния. Отсутствие данных целей исключает возможность квалификации действий как уголовно наказуемых, что подчеркивает их ключевую роль в формировании состава преступления.

При рассмотрении случаев незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов, включая те, что содержат изображения несовершеннолетних, необходимо установить наличие у правонарушителя конкретной цели. Эта цель должна заключаться в намерении распространять, публично демонстрировать или рекламировать порнографические материалы, находящиеся в его распоряжении или производимые им.

В научной литературе справедливо отмечается, что для квалификации деяния как преступного критически важно доказать наличие цели распространения или рекламирования порнографических материалов и предметов в процессе их изготовления. При этом подчеркивается, что изготовление или приобретение подобных материалов исключительно для личного использования не образует состава преступления [7, с. 70].

В современной юриспруденции наблюдается тенденция к более детальному анализу субъективной стороны преступлений, связанных с распространением порнографических материалов. Правоприменительная практика демонстрирует, что для квалификации деяния по соответствующей статье УК РФ необходимо наличие не только прямого умысла, но и специальной цели, направленной на передачу подобных материалов широкому кругу лиц. При этом данные элементы состава преступления должны быть подтверждены конкретными активными действиями субъекта.

Особую значимость в данном вопросе приобрело правовое толкование, предложенное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ. Согласно данной позиции, сам факт размещения порнографических материалов на общедоступных интернет-ресурсах, включая файлообменные сервисы и социальные сети, само по себе не может говорить о наличии умысла на их распространение. Решение обуславливает тем, что к моменту осуществления действий пользователем они были в сети «Интернет» [3].

Примечательно, что данная правовая позиция, исключающая состав преступления в подобных действиях, была сформулирована лишь на уровне высшей судебной инстанции. Впоследствии она нашла отражение в решениях других судов по аналогичным делам в рамках кассационного производства, вынесенных в 2020 году, что свидетельствует о формировании единообразного подхода к разрешению данной категории дел.

В развитие данной правовой позиции, Шестой кассационный суд общей юрисдикции сформулировал аналогичное заключение, указав на то, что осведомленность субъекта о сохранении файлов порнографического характера в про-

граммном обеспечении, предоставляющем доступ к ним другим пользователям, не может рассматриваться как безусловное доказательство наличия умысла на их распространение.

Данная интерпретация получила дальнейшее развитие в судебной практике. В частности, идентичные формулировки, по сути воспроизводящие позицию Судебной коллегии по уголовным делам, нашли отражение в последующих судебных актах. Наиболее значимые на наш взгляд из них: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 г. № 77-291/2020 [4], а также Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 г. № 77-1042/2020 [5].

Однако следует отметить, что в рамках первоначальной редакции одного из законопроектов [2], а также в ряде научных публикаций, выдвигаются предложения о криминализации оборота обозначенных предметов без учета целевой направленности на их распространение. Подобные инициативы, несмотря на их, возможно, благие намерения, представляются необоснованными с точки зрения юридической техники и принципов уголовного права, они оказывают существенное влияние на сбор доказательственной базы и повышают риск необоснованности привлечения.

Позиция, высказанная рядом экспертов в области уголовного права, заслуживает особого внимания. Они справедливо отмечают потенциальные негативные последствия реализации предложений о криминализации оборота порнографических материалов без учета цели их распространения. Как указывается в специализированной литературе, подобные законодательные инициативы могут привести к необоснованному расширению круга лиц, подпадающих под уголовную ответственность за действия, не обладающие достаточной степенью общественной опасности [14, с. 99].

Действительно, отсутствие тщательного анализа и прогнозирования последствий таких законодательных изменений может привести к существенному дисбалансу в системе уголовно-правового регулирования. Установление уголовной ответственности за деяния, не представляющие реальной угрозы охраняемым общественным отношениям, противоречит принципам криминализации и может вызвать серьезные проблемы в правоприменительной практике уже на стадии проведения проверочных действий.

Следует подчеркнуть, что санкции за преступления, связанные с оборотом порнографических материалов, характеризуются значительной строгостью. Распространение действия этих норм на неопределенный круг лиц без учета субъективной стороны деяния представляется непри-

емлемым как с точки зрения теории уголовного права, так и с позиций практической реализации уголовной политики.

Что касается состава преступления, предусмотренного ст. 242.2 УК РФ, а именно съемки несовершеннолетнего в порнографических материалах, здесь законодатель четко определил специальные цели - изготовление и (или) распространение порнографических материалов или предметов. Такой подход обеспечивает необходимый баланс между защитой прав несовершеннолетних и принципом справедливости уголовного закона.

При детальном анализе норм УК РФ, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с оборотом порнографических материалов, обнаруживается определенная несогласованность в формулировках целей, имеющих квалифицирующее значение. Действительно, в статьях 242 и 242.1 УК РФ законодатель оперирует такими понятиями как «публичная демонстрация» и «рекламирование», в то время как статья 242.2 УК РФ использует более широкую формулировку, подразумевающую распространение в целом.

Данная ситуация создает определенные трудности в правоприменительной практике и может привести к неоднозначному толкованию норм уголовного закона. Представляется целесообразным унифицировать подход к определению целей в смежных составах преступлений, что позволит обеспечить единообразное применение уголовно-правовых норм и повысить эффективность противодействия преступлениям в данной сфере.

В этой связи можно предложить два варианта законодательного решения данной проблемы. Первый заключается в использовании единой формулировки целей для всех составов преступлений, предусмотренных статьями 242-242.2 УК РФ, с указанием на распространение, публичную демонстрацию и рекламирование порнографических материалов или предметов. Альтернативный подход предполагает применение более широкого понятия «распространение» во всех указанных статьях, что позволит охватить различные формы противоправного поведения.

В научной литературе справедливо отмечается специфика состава преступления, предусмотренного ст. 242.2 УК РФ, в части привлечения несовершеннолетнего к участию в зрелищном мероприятии порнографического характера. Как указывают некоторые исследователи, в данном случае специальная цель фактически интегрирована в описание объективной стороны преступления, заключаясь в обеспечении участия несовершеннолетнего в подобном мероприятии [8, с. 18]. Такая конструкция состава преступле-

ния подчеркивает особую общественную опасность данного деяния и облегчает его квалификацию правоприменительными органами.

Анализируя составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 242, ст. 242.1 и ст. 242.2 УК РФ, необходимо обратить внимание на важный аспект субъективной стороны - требование заведомости осознания виновным несовершеннолетнего (малолетнего) возраста потерпевших. Данное требование имеет существенное значение для правильной квалификации деяния и обеспечения принципа субъективного вменения в уголовном праве.

В этом контексте заслуживает внимания позиция Р.Д. Шарапова, который подчеркивает необходимость установления достоверного знания виновным о противоправности своих действий в отношении малолетних. При такой конструкции достаточно доказать, что субъект преступления допускал возможность того, что изображенные лица достигли четырнадцатилетнего возраста, что соответствует конструкции неконкретизированного умысла [16, с. 47].

В рамках уголовно-правовой доктрины и практики правоприменения существует обоснованная позиция относительно необходимости учета субъективного восприятия виновным возраста потерпевшего в преступлениях против несовершеннолетних. Данный подход, несмотря на его логическую обоснованность и поддержку ряда специалистов [10, с. 331], не нашел отражения в действующих нормативных формулировках соответствующих составов преступлений.

Введение критерия «заведомости» в отношении осознания виновным несовершеннолетнего возраста жертвы позволило бы минимизировать риски объективного вменения, то есть привлечения к уголовной ответственности лица за деяние, субъективная сторона которого не охватывала осознание данного обстоятельства.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным внесение изменений в ряд статей УК РФ, а именно: ч. 2 ст. 242, ч. 1 ст. 242.1, ч. 1 ст. 242.2, п. «а» ч. 2 ст. 242.1, п. «в» ч. 2 ст. 242.2.

В юридической доктрине и правоприменительной практике сформировалась позиция о необходимости включения в состав рассматриваемых преступлений указания на заведомость осознания виновным возраста потерпевшего. Имплементация данного положения в нормативные формулировки соответствующих уголовно-правовых норм позволит создать надежный фундамент для предотвращения случаев объективного вменения, то есть привлечения к ответственности лиц, не обладавших необходимым уровнем осознания обстоятельств деяния.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на возможном наличии корыстной цели

у лиц, вовлеченных в незаконный оборот порнографической продукции. Данная цель может выражаться в стремлении к извлечению материальной выгоды посредством распространения, демонстрации или рекламирования порнографических материалов [18, с. 321].

Однако следует отметить, что установление корыстной цели не является обязательным элементом состава преступления и не оказывает влияния на квалификацию деяния. Тем не менее, при вынесении приговора суд может принять во внимание наличие данной цели (в случае ее доказанности) в процессе индивидуализации наказания для виновного лица.

Анализ нормативных положений, регламентирующих ответственность за преступления в сфере незаконного оборота порнографии, позволяет сделать вывод о наличии дифференцированного подхода к определению субъекта данных деяний. Такой подход обеспечивает возможность учета индивидуальных характеристик лица, совершившего преступление, и способствует более гибкому применению мер ответственности правоприменительными органами.

Законодатель предусматривает возможность привлечения к ответственности как общего субъекта преступления, так и специального, в зависимости от специфики и характера противоправных действий, осуществляемых в рамках конкретного состава преступления.

Особую сложность при квалификации рассматриваемых деяний представляет установление субъективной стороны преступления. Это обусловлено тем, что данный элемент состава преступления охватывает внутренние психологические аспекты противоправного поведения, связанного с незаконным изготовлением и распространением порнографических материалов. Выявление и доказывание этих аспектов требует тщательного анализа всех обстоятельств дела и применения специальных познаний в области психологии и криминологии.

В рамках правовой доктрины и актуальной судебной практики сформировался консенсус относительно субъективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1 и 242.2 УК РФ. Данные деяния характеризуются умышленной формой вины, причем исключительно в виде прямого умысла. Это подразумевает, что виновный осознает противоправность и общественную опасность своих действий.

Особое значение в структуре субъективной стороны преступлений, регламентированных статьями 242 и 242.1 УК РФ, приобретает специальная цель, преследуемая виновным лицом - распространение, публичная демонстрация или рекламирование данных материалов. Если виновных преследовали иные цели, то это требует

отдельного исследования по особенностям привлечения таких лиц к ответственности в зависимости от установленных фактов.

В научном сообществе имеют место дискуссии относительно целесообразности криминализации оборота порнографических материалов без учета цели их распространения. Однако подобные предложения, несмотря на их благие намерения, представляются необоснованными и противоречащими принципам современной уголовно-правовой политики Российской Федерации.

В правовом государстве криминализация деяний должна основываться на их высокой общественной опасности и способности причинить существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. Расширение сферы уголовно-правового регулирования на действия, не имеющие цели распространения порнографических материалов, может привести к чрезмерному и неоправданному ужесточению уголовной ответственности.

Следует учитывать, что санкции за преступления, связанные с незаконным оборотом порнографии, характеризуются значительной строгостью. Распространение действия этих норм на неопределенный круг лиц без учета цели их действий может привести к криминализации поведения значительного числа граждан, что потенциально способно дестабилизировать социальную структуру российского общества.

В контексте совершенствования уголовного законодательства в сфере преступлений против несовершеннолетних представляется целесообразным внедрение критерия заведомости осознания виновным возраста потерпевшего. Данное предложение направлено на обеспечение более точной квалификации деяний и исключение случаев необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Реализация этой идеи потребует внесения соответствующих поправок в нормы УК РФ, касающиеся преступлений против несовершеннолетних. Эти изменения должны быть направлены на учет субъективного восприятия виновным возраста потерпевшего как квалифицирующего обстоятельства.

В условиях стремительного развития информационного общества проблематика уголовной ответственности за преступления, связанные с оборотом порнографических материалов, приобретает новые аспекты и остается крайне актуальной. Однако следует отметить, что законодательные инициативы в данной области не всегда отличаются продуманностью и эффективностью. Нередко такие новации вступают в противоречие с фундаментальными концепциями, разработанными в теории уголовного права.

Таким образом, исследование подчеркивает сложность правовой квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов. Основные трудности возникают из-за необходимости точно определить умысел и специальные цели действий лица, что обусловлено неоднозначностью в трактовке порнографического и эротического содержания. Ключевым аспектом является необходимость дифференциации прямого умысла и осознания общественной опасности действий виновными лицами.

Важно отметить риски, связанные с предложениями криминализации оборота порнографических материалов без учета специальных целей распространения. Такие меры могут привести к неоправданно широкому применению уголовной ответственности, охватывая действия, которые фактически не представляют значительной угрозы для общества. Это, в свою очередь, может подорвать доверие к правовой системе и привести к неправомерному уголовному преследованию большого числа граждан.

Исследование делает акцент на необходимости тщательного подхода к формулировке уголовно-правовых норм, что поможет избежать ошибок в правоприменении и обеспечит справедливое и адекватное уголовное преследование, исключаящее неправомерное расширение границ уголовной ответственности. Так как соответствие наказания содеянному один из основных принципов, на которых строится справедливость привлечения к уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации в целях противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.07.2012 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

[2] Проект Федерального закона № 113185-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.07.2012 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

[3] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.07.2019 г. № 16-УД19-7 // Документ официально опубликован не был // Консультант плюс: справочно-правовая система.

[4] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 г. № 77-291/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

[5] Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 г. № 77-1042/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

[6] Белецкий И.А., Карпов К.Н. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота порнографических материалов с использованием сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 36-41.

[7] Добренков А.И. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Защита прав несовершеннолетних в деятельности правоохранительных органов: сборник материалов ведомственного круглого стола, научная конференция, 3 октября 2012 г. Орёл, 2013. С. 69-70.

[8] Коновалов Н.Н. Ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в международном, зарубежном и российском уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 15-18.

[9] Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 215 с.

[10] Крупнов Н.М., Сашин А.В., Федотов А.В. Медико-криминалистическая экспертиза определения возраста при преступлениях, связанных с детской порнографией // Криминалистика - прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года) М., 2014. С. 330-332.

[11] Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 28-35.

[12] Осокин Р.Б., Денисенко М.В. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов и предметов. Учебное пособие. М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2005. 120 с.

[13] Парог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. 134 с.

[14] Скобликов П.А. Криминализация оборота детской порнографии: системный анализ существующих законопроектов // Закон. 2013. № 3. С. 91-100.

[15] Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

[16] Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43-48.

[17] Шишков С.Н. Об ответственности за незаконные действия с порнографическими предметами // Российская юстиция. 1996. № 5. С. 29-30.

[18] Шмыков Д.В. Субъект незаконного распространения порнографических материалов или предметов по уголовному законодательству России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 320-321.

Spisok literary:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation in order to counteract the manufacture and circulation of pornographic products "(as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 17.07.2012)//Consultant plus: reference – legal system.

[2] Draft Federal Law No. 113185-6 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in order to counteract the manufacture and circulation of pornographic products" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 17.07.2012)//Consultant plus: reference legal system.

[3] The cassation ruling of the judicial collegium in criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.07.2019 No. 16-UD19-7//The document was not officially published//Consultant plus: reference and legal system.

[4] Determination of the First Court of Cassation of General Jurisdiction of 24.03.2020 No. 77-291/2020//Consultant plus: reference legal system.

[5] Determination of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 17.06.2020 No. 77-1042/2020/ Consultant plus: reference legal system.

[6] Beletsky I.A., Karpov K.N. Criminal law assessment of illegal trafficking in pornographic materials using the Internet//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. № 1. С. 36-41.

[7] Dobrenkov A.I. On the issue of criminal liability for the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors//Protection of the rights of minors in the activities of law

enforcement agencies: collection of materials from a departmental round table, scientific conference, October 3, 2012 Orel, 2013. S. 69-70.

[8] Konovalov N.N. Responsibility for the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors in international, foreign and Russian criminal law//International criminal law and international justice. 2021. № 2. S. 15-18.

[9] Kochoi S.M. Criminal Law. General and Special parts: short course. M.: CONTRACT, Wolters Kluver, 2010. 215 pp.

[10] Krupnov N.M., Sashin A.V., Fedotov A.V. Medico – criminal examination of age determination for crimes related to child pornography//Forensics - past, present, future: achievements and development prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the formation of the forensic service (Moscow, October 16, 2014) M., 2014. S. 330-332.

[11] Nikiforov B.S. On intent under the current legislation//Soviet state and law. 1965. № 6. S. 28-35.

[12] Osokin RB, Denisenko M.V. Criminal liability for illegal distribution of pornographic materials and objects. Tutorial. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shchit-M Publishing House, 2005.120 s.

[13] Rarog A.I. Subjective side and qualification of crimes. M., 2001.134 pp.

[14] Skoblikov P.A. Criminalization of trafficking in child pornography: a systematic analysis of existing bills//Law. 2013. № 3. S. 91 – -100.

[15] Russian criminal law. General and Special parts: textbook/Ed. V.K. Duyunova. - M.: RIOR: INFRA-M, 2019.780 p.

[16] Sharapov R.D. Qualification of crimes related to the illegal trafficking of pornographic materials and objects//Legality. 2021. № 8. S. 43-48.

[17] Shishkov S.N. On responsibility for illegal actions with pornographic objects//Russian justice. 1996. № 5. S. 29-30.

[18] Shmykov D.V. Subject of illegal distribution of pornographic materials or objects under the criminal legislation of Russia//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1 (12). P. 320-321.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется уголовно - правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями и определяются его виды. Целью работы является раскрытие элементов состава преступления, а также рассмотрение спорных вопросов квалификации и недостатков конструкции диспозиции, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями.

Ключевые слова: полномочия, правонарушения, преступление.

KEZHOV Aleksandr Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department
of Operational-Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia Candidate of Pedagogical Sciences

ON THE ISSUE OF HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF CRIME

Annotation. The article examines the criminal legal characteristics of abuse of power and defines its types. It should be noted that this crime refers to crimes that impinge on the functioning of the system of state authorities of the country. The purpose of the work is to disclose the elements of the crime, as well as to consider controversial issues of qualification and shortcomings in the design of the disposition providing for liability for abuse of official powers.

Key words: powers, offenses, crime.

Начиная с зарождения общества под разными названиями, для присвоения ответственности использовались различные правила или критерии. В настоящее время мы называем теорией права преступлений упорядочение этих правил и критериев вменения в систему.

Под системой мы понимаем набор правовых норм или принципов, рационально связанных друг с другом, которые придают согласованность уголовно-правовому институту, в данном случае преступлению.

Теория преступности с ее категориальной системой и установками находится в постоянной эволюции, в частности, из-за ряда составляющих ее элементов. Совершенствование уголовного законодательства необходимо, его применение постоянно внимательно ко всему, что гарантирует лучшее социальное сосуществование и уважение прав граждан.

Историко-правовое развитие теории преступности до ее нынешнего этапа разрабатывалось на основе ценностных философских, политических и культурных предпосылок части док-

трины на разных ее исторических этапах. Они сформулированы следующим образом: позитивизм (с последней трети XIX века до начала XX века), неокантианство (с начала XX века до Второй мировой войны), феноменологический онтологизм (с 30-х по 60-е годы прошлого века) и функционализм, в уголовном праве с 30-х по 60-е годы прошлого века) с 70-х годов по настоящее время.

В конце XIX века в Европе за первенство боролись два течения уголовной мысли. Одна из них итальянского происхождения, классическая школа, основанная на философии Просвещения, которая рассматривала преступление как состоящее из двух совершенно различных частей: объективной, противоправной, и субъективной, вины, а другая - это направление криминальной политики немецкого происхождения с участием Ференца фон Листа (1851-1919), который считал преступника непреодолимой границей уголовного права, что сделало эту тенденцию глубоко проникнутой преобладающим сциентизмом второй половины XIX века [5].

В начале двадцатого века возникла концепция типичности, изложенная Э. Л. Белингом (1866-1932), которая присоединилась к концепции антиюридичности и виновности, сущности догматической школы, которая в конечном итоге утвердилась. В тридцатые годы двадцатого века в той же Германии процветает неоклассическая школа или баденская школа, вдохновленная кантовской концепцией оценки реальности в соответствии с характеристиками, которые приписывает ей каждый человек. Реальность относится к определенным высшим ценностям, которые служат для ее разграничения и систематизации, что привело к теории преступности, позволяющей утверждать, что как несправедливость, так и виновность должны оцениваться с точки зрения вреда, социального вреда и порицаемости., следовательно, предсказуемые ценностные суждения о типичности.

Из этого вытекают субъективные и нормативные элементы несправедливости, предложенные Максом Эрнестом Майером, подтвержденные Зауэром и развитые и навязанные Эдмундом Мезгером. В середине двадцатого века происходит радикальный сдвиг в ориентации теории действий в составе преступлений.

Противоправность поведения будет зависеть от возможности обосновать в соответствии с действующим законодательством, наносит ли совершенное поведение вред или ставит под угрозу законное имущество, которое законодатель намеревается защитить. Это достигается путем формулирования норм, содержащихся в законе, с помощью теоретических критериев, которые служат обоснованием того, какое поведение следует считать запрещенным. Автор предполагает то, что противоправность играет преобладающую роль, собирая в типах формы, с помощью которых субъект связывает себя, он делает это во всей полноте своего содержания: социальное психическое и физическое (и, кроме того, диалектическое и взаимосвязанное). Тогда правовой тип описывает не только действия или бездействие, но и является описанием данной ситуационной области, а типичность, следовательно, является конфигурацией в реальности этого описания. что подразумевает процесс подчинения реального комплекса абстрактному и общему описанию правового типа.

Уголовное или противоправное поведение состоит из ряда элементов, которые необходимо проверить, чтобы сделать вывод о типичности поведения, и которые имеют важные догматические последствия.

Для классической схемы преступления всегда присутствует объективная и субъективная сторона.

Большинство авторов сходятся во мнении, что описание поведения, совершаемого при фактическом допущении уголовной нормы, является уголовно наказуемым по типу или несправедливым. Из-за сложности установления структуры уголовного типа, а также его происхождения и классификации будут рассмотрены только самые общие аспекты, относящиеся ко всем преступлениям в частности [3].

Требование принципа законности гласит, что степень типичности определяется, когда поведение соответствующего уголовного типа проявляется в его внутреннем и внешнем аспектах, в его объективной и субъективной сферах.

Объективная сторона содержит описание внешнего события, воспринимаемого органами чувств, а субъективный тип объединяет элементы, влияющие на реализацию поведения.

Объективные элементы - это те элементы, которые могут быть оценены простым знанием и функция которых заключается в описании поведения или деяния, которые могут быть предметом обвинения и уголовной ответственности. Среди них качество активного субъекта, качество пассивного объекта, ссылки на места, ссылки на средства совершения преступлений, ссылки на материальный объект, юридически охраняемый товар и ссылки на время.

Принцип достоверности традиционно рассматривается как один из отрицательных критериев объективного вменения. Теория объективного вменения выходит на академическую арену с целью заменить простую материальную причинно-следственную связь, которая не позволяла с полной точностью очертить сферу ответственности человека, а также точные причины, по которым можно было приписать ему результат, что также не позволяло установить, исходил ли указанный поведенческий эффект [3].

Объективное вменение позволяет найти более разумное, взвешенное и достаточное основание, чем просто материальная причинно-следственная связь, чтобы можно было сделать вывод об уголовной ответственности обвиняемого, и добавить более аргументированные мотивы, на основе которых можно было бы доказать, что вредное последствие является "его делом"; другими словами, что это зависит от обстоятельств его поведение как человека.

К объективным признакам относятся элементы объективного характера, которые характеризуют типичное действие: исполнитель, действие, формы и средства действия, результат, материальный объект и другие аспекты. С субъективной стороны, что гораздо труднее доказать, отражает субъективную тенденцию или склонность, которые можно вывести, но не наблюдать.

Традиционная догматика делит составляющие преступления на «объективные», которые должны были оценивать тип и противоправность; и «субъективный», который должен был оценивать вину, которая понимается как психическое отношение между преступником и результатом; позже было замечено, что это разделение должно быть объективным. это было несостоятельно по следующим причинам: в некоторых видах преступлений было невозможно объективно охарактеризовать этот тип как несправедливый, потому что законодатель уже требовал на типичном уровне наличия определенных субъективных элементов, если таковые не может быть типичным.

Таким образом, было проведено исследование позволяющее прийти к обоснованному выводу о том, что видовой объект преступлений гл. 23 УК РФ не является частью родового объекта преступлений в сфере экономики, следовательно, позиции некоторого ряда вышеуказанных авторов об оправданном помещении главы 23 в раздел VIII УК РФ представляются ошибочными.

Следовательно, исходя из существующей в Российской Федерации экономической модели, а также морально-ценностных ориентиров, исходящих из потребностей общества, прослеживается необходимость выделения в отдельную группу служебных преступлений, которые можно определить как преступления, совершаемые уполномоченным лицом вопреки интересам государственной службы, службы в органах местного самоуправления.

Список литературы

[1] Ахтырский А.И. Субъекты предупреждения должностных преступлений, совершаемых в

сфере здравоохранения // Российский следователь. 2017. № 11. С. 44 - 46.

[2] Долганов С. И. Общественная опасность корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности // Закон и право. Москва, 2020. № 11.

[3] Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. - М., 1975. С. 48.

[4] Самсонов В.Н. О дифференциации уголовной ответственности за должностные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Российский следователь. 2018. № 12. С. 52 - 56.

[5] Разина О. Враг внутри/ О.Разина//Банковское обозрение. - 2020, - №2 6 - С. 15-18

Spisok literatury:

[1] Akhtyrsky A.I. Subjects of prevention of malfeasance committed in the healthcare sector// Russian investigator. 2017. № 11. S. 44-46.

[2] Dolganov S.I. Public danger of corporate fraud in the field of banking//Law and law. Moscow, 2020. № 11.

[3] Sanity B.V. Malfeasance. Concept and qualification. - M., 1975. S. 48.

[4] Samsonov V.N. On the differentiation of criminal liability for official crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs//Russian investigator. 2018. № 12. S. 52-56.

[5] Razina O. Enemy inside/O. Razina//Banking Review. - 2020, - NO. 2 6 - S. 15-18

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТИВНОСТИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Актуальную и значимую задачу представляет собой разработка модели педагогического содействия в развитии профессиональной адаптивности молодых сотрудников органов внутренних дел. Данная задача предполагает комплексный подход к обучению и воспитанию кадров, готовых к эффективной работе в условиях возрастающих требований и вызовов, в силу того, что в современном обществе, особенно в контексте быстро меняющихся социальных и политических реалий, невозможно переоценить роль органов внутренних дел, а важнейшим аспектом эффективности работы этих структур является профессиональная устойчивость их молодых сотрудников. Исследование теоретических аспектов проектирования такой модели требует глубокого понимания специфики деятельности ОВД, психологических и педагогических основ формирования профессиональной устойчивости: анализ существующих подходов и методик в области педагогики и психологии; разработку новых, наиболее эффективных способов обучения и подготовки молодых специалистов. Анализ этих вопросов позволил нам выработать рекомендации по созданию успешной модели педагогического содействия, способствующей развитию профессиональной устойчивости сотрудников ОВД.

Ключевые слова: профессиональная устойчивость, сотрудник ОВД, модель педагогического содействия, эффективные способы обучения, специфика проявления профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД.

NAGOEVA Marina Auesovna,
doctor of pedagogical sciences,
associate professor North Caucasus institute of advanced training (branch)
of Krasnodar university of the Ministry of internal affairs of Russia

THEORETICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL ADAPTABILITY OF YOUNG EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. The development of a model of pedagogical assistance in the development of professional adaptability of young employees of internal affairs bodies is an urgent and significant task. This task involves an integrated approach to training and educating personnel who are ready to work effectively in the face of increasing demands and challenges, due to the fact that in modern society, especially in the context of rapidly changing social and political realities, it is impossible to overestimate the role of internal affairs agencies, and the most important aspect of the effectiveness of these structures is the professional stability of their young employees. The study of the theoretical aspects of designing such a model requires a deep understanding of the specifics of the activities of the Department of Internal Affairs, the psychological and pedagogical foundations of the formation of professional stability: an analysis of existing approaches and techniques in the field of pedagogy and psychology; the development of new, most effective ways of teaching and training young professionals. The analysis of these issues allowed us to develop recommendations for creating a successful model of pedagogical assistance that contributes to the development of professional stability of police officers.

Key words: professional stability, an employee of the Department of Internal Affairs, a model of pedagogical assistance, effective ways of teaching, the specifics of the manifestation of professional stability in young employees of the Department of Internal Affairs.

Профессиональная устойчивость является ключевым индикатором эффективности функционирования специалистов в различных профессиональных областях, включая органы внутренних дел и представляет собой способность сотрудников поддерживать высокий уровень профессиональной деятельности в условиях:

- психоэмоционального напряжения;
- конфликтных ситуаций;
- при наличии различных профессиональных и личностных рисков.

Нужно отметить, что особенно актуален вопрос развития профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД, которые только начинают свою карьеру и часто сталкиваются с трудностями адаптации к требованиям и условиям службы в силу того, что специфика проявления профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД заключается в необходимости:

- быстрого вхождения в профессиональную роль;
- умения справляться с высокими эмоциональными и физическими нагрузками (с прямой работой на улице, взаимодействием с гражданами в сложных жизненных ситуациях, выполнением сложных и опасных заданий) [1,с.218]. В данном контексте нужно отметить, что молодые специалисты часто сталкиваются с ситуациями, которые требуют мгновенного принятия решений в условиях неопределенности и дефицита информации – факторы, создающие значительное психофизическое напряжение, которое может негативно сказаться на профессиональной деятельности и личностном самочувствии, и в этом контексте педагогическое содействие становится важной составляющей процесса формирования и развития профессиональной устойчивости – наличие целенаправленной системы мер поддержки и развития молодых сотрудников со стороны опытных коллег и руководства, включающей обучение, психологическую поддержку, менторство и коучинг, где особое внимание уделяется:
- развитию профессиональных навыков;
- повышению уровня психоэмоциональной устойчивости;
- формированию способности адаптироваться к меняющимся условиям;
- способности преодолевать профессиональные трудности [2,с.70].

Профессиональная устойчивость, с точки зрения психолого-педагогической науки, предполагает способность индивида поддерживать высокий уровень профессиональной эффективности в условиях профессиональных вызовов, стресса, изменяющейся социально-трудовой

среды [3,с.329]. Отметим, что данное качество в контексте работы в ОВД приобретает особую значимость, учитывая специфику и высокую степень ответственности данной профессиональной деятельностью и, соответственно, осуществление педагогического содействия включает в себя системную работу, направленную на формирование у молодых сотрудников ОВД профессиональной устойчивости: теоретическую подготовку, практическое обучение и тренировку. Отметим следующий аспект – важно чтобы обучение было направлено не только на приобретение специализированных знаний и умений, но и на развитие умений адаптироваться к сложным и изменчивым условиям профессиональной деятельности, на умение решать профессиональные задачи в условиях психоэмоционального напряжения.

В контексте проблематики, две ключевые стратегии педагогического содействия выделяются как наиболее эффективные в развитии профессиональной устойчивости:

- формирование и развитие профессиональных знаний и навыков через целенаправленное обучение и практическую деятельность;
- развитие личностных качеств, укрепление психоэмоционального благополучия и стрессоустойчивости. По нашему мнению, и в силу опыта практической деятельности в системе подготовки и повышения квалификации сотрудников ОВД, данный подход предполагает комплексную работу, начиная от адаптационных программ, предназначенных для новобранцев, до программ постоянного профессионального и личностного развития для более опытных сотрудников. Нужно согласиться с мнением В.А. Бодрова о том, что «основываясь на этих стратегиях, опытные наставники и педагоги ОВД могут эффективно влиять на уровень профессиональной устойчивости молодых сотрудников, помогая им адаптироваться к сложившимся условиям работы и успешно преодолевать возникающие перед ними профессиональные и психологические проблемы, такая поддержка должна быть постоянной и систематической, поскольку только в этом случае можно добиться заметных результатов в формировании профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД» [4,с.298].

Анализируя вопросы относительно модели педагогического содействия, способствующей развитию профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД обратимся к мнению Л.А. Геляхова, с которым мы полностью согласны – «представляет собой комплекс мер, направленных на формирование необходимых компетенций, психологической подготовки и адаптации к профессиональной деятельности в условиях

повышенного психоэмоционального напряжения, в ее основе лежат теоретические положения педагогики, психологии и специфики профессиональной деятельности сотрудников ОВД, и она включает в себя следующие основные компоненты: диагностику уровня профессиональной устойчивости, обучение и тренинг, менторство и сопровождение, а также систему мотивации и оценки результатов» [5,с.131]. По его же мнению «диагностика уровня профессиональной устойчивости предполагает комплексное изучение психофизиологических и психологических характеристик сотрудников, их способности к саморегуляции, стрессоустойчивости, а также наличие профессионально значимых качеств и навыков, и уже на основе полученных данных формируются индивидуальные и групповые программы подготовки» [5,с.132]. Хотелось бы дополнить авторитетное мнение - обучение и тренинг направлены на развитие профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения служебных задач и особое внимание уделяется освоению методов профессиональной коммуникации, управления стрессовыми ситуациями и конфликтами, а также формированию умения работать в команде. Нужно отметить и значимую роль менторства и сопровождения включающего в себя наставничество более опытными коллегами, помогающими молодым сотрудникам и адаптироваться к профессиональной среде, и передают свой опыт и знания, а также поддерживают в сложных ситуациях, способствуя тем самым укреплению профессиональной устойчивости. Нельзя забывать и о системе мотивации и оценки результатов направлена на стимулирование молодых сотрудников к повышению своей профессиональной компетенции, а также на развитие их личностного потенциала, а именно материальные (премии, повышение в должности) и нематериальные (признание, возможности для профессионального и личностного роста) стимулы [6,с.132].

Отметим, в качестве промежуточных выводов:

- подобная модель педагогического содействия способствует развитию профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД;
- способствует общему укреплению кадрового потенциала организации, повышению ее эффективности и репутации в обществе.

Развитие профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД предполагает формирование комплексного подхода, основанного на конкретных критериях и показателях для оценки эффективности, которые служат основой для проектирования модели педагогического содействия направленной на систематическое и целенаправленное развитие ключевых аспектов профессионального становления сотрудников

- психологическая устойчивость, которая включает в себя способность сотрудника эффективно справляться с профессиональным стрессом и эмоциональным напряжением (важным показателем психологической устойчивости служит уровень развития профессионально значимых качеств, таких как самоорганизация, решительность, способность к быстрому принятию решений в критических ситуациях);
- социально-психологическая адаптация к условиям профессиональной деятельности (способность к конструктивному взаимодействию с коллегами и объектами профессиональной деятельности, а также уровень социальной поддержки в профессиональном сообществе);
- профессиональная компетентность (оценивается через систему знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных задач);
- способность к обучению и профессиональному развитию, готовность к инновациям и принятию нестандартных решений;
- мотивационная готовность к служебной деятельности (включает в себя наличие четкой мотивации к профессиональному росту, высокую степень личной заинтересованности в достижении профессиональных целей и стремление к самосовершенствованию).

Считаем, что построение модели педагогического содействия, исходя из данных критериев и показателей, позволит создать эффективную систему подготовки и сопровождения молодых сотрудников ОВД на пути к достижению профессиональной устойчивости и будет способствовать формированию комплексного подхода, включающего: психологическую поддержку; развитие профессиональных компетенций и мотивационную работу, что обеспечит не только высокую эффективность в профессиональной деятельности, но и устойчивость к служебным нагрузкам, стрессам и конфликтам.

Критерии эффективности модели педагогического содействия в развитии профессиональной устойчивости у молодых сотрудников ОВД должны охватывать как изменения в профессиональных навыках и знаниях, так и в личностных характеристиках участников образовательного процесса, а именно:

- повышение уровня профессиональных знаний и навыков (тестирование и экзаменацию по специализированным дисциплинам; анализ кейсов, имитирующих реальные ситуации, с которыми молодые сотрудники могут столкнуться в своей деятельности);
- улучшение способности анализировать сложные ситуации, принимать адекватные и обоснованные решения.

- развитие эмоциональной устойчивости и стрессоустойчивости (работа в ОВД связана с высоким уровнем психологического давления и стресса, эффективность модели может оцениваться через методы психологического тестирования, направленные на выявление изменений в уровне стрессоустойчивости, умении контролировать и управлять собственными эмоциями в сложных и критических ситуациях);
- способность к командной работе и лидерству (педагогическое содействие должно способствовать не только индивидуальному развитию, но и формированию навыков эффективного взаимодействия в команде, умению брать на себя ответственность и проявлять лидерские качества; оценка может включать анализ специальных упражнений и тренингов, направленных на развитие данных аспектов);
- способность к непрерывному саморазвитию и профессиональному росту (развитие способности к самостоятельному обучению, поиску и адаптации новых знаний и навыков в условиях постоянно изменяющейся профессиональной среды; опросы, направленные на выявление интереса и мотивации к личному и профессиональному развитию) [7, с.46].

В качестве итогов проведенного анализа отметим, что совокупность этих критериев позволит оценить не только непосредственные образовательные результаты, но и более широкие изменения в профессиональном и личностном развитии молодых сотрудников ОВД, а также определить долгосрочное влияние педагогического содействия на формирование профессиональной устойчивости которая тесно связана с качеством педагогического содействия в процессе их профессионального развития и созданием эффективной системы поддержки, направленной на формирование и развитие данного качества, что становится крайне важным элементом обеспечения высокой профессиональной готовности и эффективности работы сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы:

- [1] Урусов З.Х. Профессиональная устойчивость как характеристика конкурентоспособности молодых сотрудников органов внутренних дел // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 217-219.
- [2] Доттуев Т.И. Педагогические условия повышения психоэмоциональной устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. №1 (46). С. 65-74.
- [3] Корлякова С.Г., Францева Е.Н. Психолого-педагогические условия формирования психо-

эмоциональной устойчивости у студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №64-1. С. 327-330.

[4] Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 623 с.

[5] Геляхова Л.А. Устойчивость сотрудников ОВД к экстремальным ситуациям служебной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 130-132.

[6] Хромова А. С. Структура, основные свойства и особенности развития эмоциональной устойчивости (на примере сотрудников правоохранительной сферы и студентов юридического факультета): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. 189 с.

[7] Купавцев Т.С. Реализация компетентного подхода в формировании у курсантов вузов МВД России умений и навыков профессионального самосовершенствования // Ученые записки университета Лесгафта. 2009. №11. С. 45-48.niy-

Spisok literatury:

[1] Urusov Z.Kh. Professional stability as a characteristic of the competitiveness of young employees of the internal affairs bodies//World of science, culture, education. 2021. № 6 (91). S. 217-219.

[2] T.I. Dottuev. Pedagogical conditions for increasing the psycho-emotional stability of employees of the internal affairs bodies//Scientific support of the personnel training system. 2021. №1 (46). S. 65-74.

[3] Koriyakova S.G., Frantseva E.N. Psychological and pedagogical conditions for the formation of psycho-emotional stability among students of a pedagogical university//Problems of modern pedagogical education. 2019. №64-1. S. 327-330.

[4] Bodrov V. A. Psychology of professional activity. Theoretical and applied problems. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006. 623 p.

[5] Gelyakhova L.A. Resilience of ATS employees to extreme situations of official activity//Theory and practice of social development. 2014. №2. S. 130-132.

[6] Khromova A.S. Structure, basic properties and features of the development of emotional stability (on the example of law enforcement officers and students of the law faculty): monograph. Irkutsk: Publishing House of ISU, 2011. 189 pp.

[7] Kupavtsev T.S. Implementation of a competency approach in the formation of skills and skills of professional self-improvement among cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia// Scientific notes of the University of Lesgaft. 2009. №11. S. 45-48.

ИНФОРМАЦИОННО ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ, ВЗГЛЯД МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье акцентируется внимание на необходимости сконцентрировать внимание на гармонизации российского законодательства в сфере информационно-психологической защиты в условиях цифровизации. Именно сегодня особую актуальность приобретает своевременное совершенствование российского законодательства с учетом возникновения новых информационных и цифровых технологий. Цель данного исследования-анализ современного состояния правового регулирования жизнедеятельности граждан, трансформирующейся в условиях цифровизации, выявление существующих проблем и определение способов их решения.

Ключевые слова: цифровизация, информационное воздействие, современные технологии, психологическая защита, личное пространство.

KAZAKOV Aslan Alikovich,
Lecturer, Department of GIPD North Caucasus Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

OUTREACH COUNTERTERRORISM, YOUNGER GENERATION VIEW

Annotation. The article focuses on the need to focus on the harmonization of Russian legislation in the field of information and psychological protection in the context of digitalization. It is today that the timely improvement of Russian legislation, taking into account the emergence of new information and digital technologies, is of particular relevance. The purpose of this study is to analyze the current state of legal regulation of the life of citizens, transforming in the context of digitalization, to identify existing problems and determine ways to solve them.

Key words: digitalization, information impact, modern technologies, psychological protection, personal space.

Развитию цифровой экономики способствует внедрение таких «внешних», передовых наукоемких технологий, как биотехнологии, нанотехнологии, технологии энергетических систем и т.д. И наоборот, дальнейшее развитие информационных технологий, включая: технологии облачных вычислений, обработки больших данных, технологии интернета вещей, мобильные технологии, технологии геолокации, технологии распределенных сетей связи, дает импульс развитию наукоемких технологий в реальной «традиционной» экономике [1].

Окидывая взглядом годы, прошедшие с начала перестройки и оценивая масштабы и характер произошедших в стране перемен, понимаешь, что общество и государство кардинально изменились. На смену старым формам ведения хозяйства и экономики пришли новые, существенные изменения произошли в системе государственного правления и политики, общественном сознании и образовании.

Искажена была, и сама суть самого понятия «патриотизм», которое в современном мире зачастую стало подменяться агрессивным по содержанию понятием «национализм», что дало толчок активному культивированию в социуме таких явлениях как ксенофобия и экстремизм и даже нацизм. Особенно опасны эти тенденции, когда речь заходит о молодежи, чьи неокрепшие умы оказываются наиболее восприимчивы к разного рода призывам. И это не может не беспокоить, ведь с именно с молодежью общество и государство связывают надежды на стабильное будущее, а оно во многом зависит от бережного сохранения культурного наследия, обеспечения культурной преемственности и духовного единства между народами, населяющими наше государство. В этой связи информационное воздействие приобретает особую актуальность.

Проведение на постоянной основе информирования населения о правилах безопасного поведения в цифровой среде, а также об админи-

стративной и уголовной ответственности за совершение противозаконных деяний в online-пространстве является эффективным превентивным методом, позволяющим повысить осведомленность граждан о возможных угрозах и рисках в цифровом пространстве. В рамках информационного воздействия на население необходимо не только освещать основные правила безопасного поведения в сети «Интернет», но и последствия нарушений законодательства, чтобы население понимало и объективно оценивало возможные последствия неправомερных действий, осуществляемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Следует отметить, что регулярное информирование населения способствует созданию атмосферы прозрачности и открытости в отношениях между гражданами и государством, что в целом способствует укреплению правопорядка и общественной безопасности. Особую роль в профилактике противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, играет информационно-пропагандистская работа с населением, особенно с молодежью, поскольку именно представители данной категории в силу своих особенностей являются наиболее активными пользователями современных цифровых возможностей. Молодое поколение относится к сведениям, публикуемым в сети «Интернет», как к основному источнику информации, принимая их за достоверную информацию.

Причинами свободного и быстрого распространения радикальных идей среди российской молодежи являются ее психологическая незрелость, максимализм в оценках и суждениях, а также зависимость от чужого мнения. Придавая большое значение профилактической работе с молодежью, Президент РФ обратил внимание на то, что у подрастающего поколения необходимо формировать общероссийскую идентичность, патриотизм, гражданскую ответственность, чувство гордости за историю России, а также воспитывать культуру межнационального и межрелигиозного общения [2].

Неотъемлемой частью культурного кода российского народа всегда был патриотизм. В литературе имеется много дефиниций понятия «патриотизм», которые в обобщенном виде определяют его как высокое социальное нравственное (здесь и далее выделено автором) чувство, осознанную любовь, привязанность к родной земле, преданность ей и готовность к жертвам ради неё, осознанная любовь к своему народу, его традициям. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей родины, желание сохранять её характер и культурные

особенности, и идентификацию себя с другими представителями своего народа, стремление защищать интересы родины и своего народа [4].

Следует отметить, что за несколько последних десятилетий, когда гражданам нашей страны навязывалась чуждая культура, основанная на психологии потребления, культивировании ценностей рационализма, прагматизма и исключительно личного успеха, такие черты русской духовности, как соборность, общинность, коллективизм и патриотизм несколько отступили на второй план, если не сказать совсем оказались погребенными под тяжелой плитой мелкобуржуазного индивидуализма.

Особенно заметна тенденция утраты патриотического духа среди молодых людей. Между тем, именно на молодежь общество возлагает надежды на стабильное будущее, на сохранение культурных и исторических традиций, самобытности народов, проживающих на территории российского государства. В данный момент в нашей стране особенно остро ощущается нужда в настоящих патриотах, которые связывали бы свое счастье и судьбу со своей Родиной.

Считаем необходимым сконцентрировать внимание на необходимости гармонизации российского законодательства в сфере информационно-психологической защиты в условиях цифровизации, но основной уклон в данной регламентации должен быть именно в части комплексного подхода к указанной деятельности в Российской Федерации. Как уже отмечалось ранее, многие нюансы затрагиваются нормативными актами о предпринимательской деятельности, но представляется целесообразным сделать вывод, что более подробное и фрагментарное регулирование вопросов предпринимательства умышленно сужает подход к экономической деятельности.

Действующее российское законодательство весьма фрагментарно регулирует отдельные аспекты использования информационных технологий в экономической деятельности, в связи с чем на практике возникает множество проблем. Таким образом, следует сделать вывод о том, что информационные и цифровые технологии могут отличаться по техническому содержанию, однако они тесно взаимосвязаны и взаимозависимы и в настоящее время использование конкретных из них обусловлено развитостью определенной сферы жизнедеятельности российского общества и государства.

В качестве оптимальной формы совершенствования действующего российского законодательства необходимо выделить его гармонизацию в рамках национальной правовой системы, которую необходимо осуществить на основе критерия соотносимости частных и публичных интере-

сов в процессе использования цифровых технологий в экономической деятельности. Основным аспектом в данном контексте выступает поиск баланса частных и публичных интересов, которые неизменно будут развиваться в экономической сфере с учетом существующего потенциала использования информационных и цифровых технологий.

Оказывается, что самым не разработанным в этой области является спектр вопросов деструктивного воздействия на человека со стороны других людей с парапсихологическими способностями, оккультных организаций, а также других лиц, которые применяют скрытое программирование источников информирования, генераторов физических полей и излучений, программ ЭВМ и иных психотехнологий [3].

Как известно, проблемы воздействия на сознание (подсознание) человека издавна волновали людей во многих странах мира. Новые информационные технологии, средства массовой коммуникации и масс-медиа во много раз усилили возможности психического воздействия на человека, социальные группы и население страны в целом. По оценкам психологов, «человек разумный» постепенно превращается в «человека информационного» - гипнабельность людей за последние 15 лет возросла в три раза (составляет более 90 %) [4].

Основными средствами достижения такого рода целей выступают технологии воздействия на сознание человека, используемые масс-медиа, системами образования и культовыми организациями. Нас интересует решение проблемы обеспечения защиты индивида и общества от аксиологически негативного влияния современных технологий воздействия на сознание человека, особенно технологий масс-медиа*.

Общеизвестны также результаты манипулирования массовым сознанием через заложенное в рекламу скрытое программирование («25-й кадр» и пр.), когда человек делает что-либо помимо своей воли и желания. Так, в 1997 г. около 700 японцев попали в больницу с признаками эпилепсии после просмотра «компьютерного

мультика», т.е. в силу воздействия масс-медиа был нанесен вред их здоровью. Сюда следует добавить ежедневные объявления в российских федеральных и местных газетах типа «наведу порчу» и «сниму сглаз» многочисленных шаманов, колдунов, магов и т.п. В данном случае индивиды не только попадают в сети обыкновенного мошенничества, но и нередко платят за это своим здоровьем.

В связи с изложенным нельзя не согласиться со следующими с мнением большинства исследователей о том, что «Культе жестокости, насилия, порнографии, пропагандируемый в СМИ, печатных изданиях неограниченной продажи, а также в компьютерных играх и др. ведет к неосознаваемому порой желанию у подростков и молодежи подражать этому, способствует закреплению таких стереотипов поведения в их собственных привычках и образе жизни, снижает уровень пороговых ограничений и правовых запретов, что, наряду с другими условиями, открывает путь для многих из них к правонарушениям».

Ведь процесс развития Сети приводит к тому, что она начинает претендовать «на то, чтобы стать основой для функционирования многих жизненно важных механизмов человеческого общества» [5].

В заключение отметим, что, самой эффективной среди технологий воздействия на сознание молодежи является интернет-технология. Это глобальный комплексный набор телекоммуникационных (компьютерно-сетевых) инструментальных средств, всеобъемлющая информационная среда, которая обладает колоссальными информационными ресурсами. Интернет-технология представляет собою универсальное программное обеспечение, принципиально новую инфраструктуру информационного обмена, характеризующуюся мобильностью отыскания, распознавания и использования. В силу этого интернет-технологии открывают новые возможности воздействия на сознание человека и поэтому выступают в качестве эффективного средства программирования человеческого поведения.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-179-184
NIION: 2021-0079-7/24-565
MOSURED: 77/27-025-2024-7-565

РОСТОКИНСКИЙ А. В.,
доктор юридических наук,
профессор департамента права института
экономики, управления и права ГАОУ ВО
“Московский городской педагогический университет“,
e-mail: mail@law-books.ru

ДАНЕЛЯН Рита Суреновна,
кандидат юридических наук,
доцент департамента права института
экономики, управления и права ГАОУ ВО
“Московский городской педагогический университет“,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОПНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В настоящей статье анализируются процессы изменения сообществ гопников, связанные с возникновением и развитием движения АУЕ. Обосновывается вывод о том, что новое сообщество не является ни организацией, ни субкультурой, при том, что ему присущи некоторые элементы тюремной субкультуры. Рассматривается роль СМИ и Интернета в распространении информации о новом движении и в формировании своеобразной моды на него среди делинквентных объединений подростков. Выделяются ряд особенностей организации сообществ приверженцев АУЕ, не присущие территориальным группировкам гопников конца XX - начала XXI вв.

Ключевые слова: АУЕ. Гопники. Криминальный дебют. Субкультура. Общественное движение.

ROSTOKINSKY A.V.,
Doctor of Law, Professor of the Department
of Law Institute of Economics, Management and Law SAOU HE
“Moscow City Pedagogical University”

DANELYAN Rita Surenovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Law Institute of Economics, Management and Law SAOU HE
“Moscow City Pedagogical University”

GOPNIKI OF MODERN TIMES

Annotation. This article analyzes the processes of changing gopnik communities associated with the emergence and development of the AUE movement. The conclusion is substantiated that the new community is neither an organization nor a subculture, despite the fact that some elements of the prison subculture are inherent in it. The role of the media and the Internet in the dissemination of information about the new movement and in the formation of a kind of fashion for it among delinquent associations of teenagers is considered. There are a number of features of the organization of communities of FAT adherents that are not inherent in the territorial groupings of gopnik of the late XX - early XXI centuries.

Key words: AUE. Gopniks. Criminal debut. Subculture. Social movements.

Одним из наиболее заметных криминогенных явлений прошедшего десятилетия стало распространение среди подростков объединений АУЕ [14] (здесь и далее — организация, запрещенная в России вступившим в законную силу решением суда), ознаменовавшего новый, во многом оригинальный этап распространения криминальной субкультуры — с одной

стороны, — и изменения делинквентских подростковых сообществ — с другой. Некоторые авторы вообще говорят о формировании новой делинквентской субкультуры, пришедшей на смену прежним панкам и скинхедам [11]. Другие — утверждают, что в новых социально-экономических, правовых и информационных условиях происходит становление нового движения среди

так называемых гопников [15]. Верховным Судом Российской Федерации данное объединение было признано экстремистским международным общественным движением [16].

Оно привлекло внимание общественности в 2011 году, когда в пос. Приисковом Забайкальского края после неудачного нападения на товарную контору была пресечена деятельность банды из двух десятков молодых людей от 15 до 22 лет. Когда началось следствие, выяснилось, что почти все задержанные — из благополучных семей, но проникнуты т.н. воровскими идеями. Немногом ранее, в 2010 году массовые беспорядки в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края начались с выкрика «Ауе!». Кричал один из местных «авторитетов», т.н. смотрящих за колонией. Но в данном случае участие в беспорядках явно не было криминальным дебютом осужденных подростков [6].

Сотрудники правоохранительных органов, работавшие с указанными обвиняемыми, совершившими впервые тяжкие преступления в составе групп, утверждают, что не выявили у них никаких отличий от субкультуры гопников 10- и 20-летней давности. Там — точно такие же нормы иерархии и коммуникации, «понятия», те же принципы, идеи, мотивы. Добавляются модные словечки, но для несовершеннолетних и даже детей эти три буквы означают своего рода тайное знание. Никто не возьмется его с ходу раскрыть. И ни в одном уголовном деле нет утверждения, что некий NN пошел на преступление, исходя исключительно из идеологии АУЕ.

Произнесение этих трех букв служит распознаванию «свой»-«чужой» по признаку осведомленности и/или поддержки понятий и норм движения. Все зависит от контекста. Это — или приветствие, или угроза, например: «Ауе, иди сюда»; «Ауе, дай мобилку позвонить»; «Ауе, ты кто вообще?» Это восклицательное междометие, и используется оно и как призыв, клич. Тогда как фирма ООО «АУЕ», помогающая отправлять передачи в места лишения свободы, с офисом в Санкт-Петербурге и действующее по всей стране, расшифровывает свое название бессмысленным «Absolute Union Economy» [17].

Такой подход разделяет и В. Ширинкин, лидер фанатской ска-кор-группы «Clockwork Times»: «Я — из Сибири, и хорошо знаю такие движения [АУЕ]. Они всегда были, сравнительно недавно появилась эта аббревиатура. У нас в школе все собирали на общак, на тюрьму. И идеалы такие были: закончу школу, потом в армию, потом сяду в тюрьму, наберусь всего и нормальным буду. ...Скин — пришлая тема. Нужно было всем объяснять, что это все значит, как нужно одеваться, как все нужно делать. [Тут] можно на соседа ...посмотреть и с самого детства понять,

как нужно. Какие нельзя татуировки набивать и слова говорить, чтобы за них не отвечать... Эта протестная молодежь заморачивается не по музыкальным стилям, а по каким-то своим критериям, которые могут быть какими угодно... Надо, чтобы они что-то позитивное нашли в своей идеологии. Они же стремятся тоже к идеалам горизонтального объединения людей, это стопроцентная контркультура, самый настоящий панк-рок. Музыка у них соответствующая — жесткий блатняк [рэп]» [9].

Правозащитник А. Соколов, полагает, что начало обработки молодежи со стороны криминалитета положил Е. Васин, известный также как вор в законе Джем (умер в 2001 году в СИЗО): «Вывозили детей в спортивные лагеря... увлекали за собой, потихоньку обрабатывая». Сведений о неопитах не было еще в милицейских базах, и некоторый период они могли сравнительно спокойно осваивать криминальные специальности. Воровать, грабить, вымогать, пополняя за счет части добычи воровской общак.

После, движение трансформировалось, перекинувшись на южные регионы, где преследовались уже исключительно финансовые цели — сбор денег. Работа начала строиться по принципам сетевого маркетинга. Втянули одного ребенка, он начинает таскать по тысяче в месяц. Потом втягивает еще десять, они тоже начинают таскать по тысяче. Потом каждый из них привлекает еще по десять и так далее. «И всё — под соусом блатной романтики, помощи пацанам, которых «закрыли» [6].

«В одном из районов Екатеринбурга, — сообщает местные активисты, — мы фиксировали ситуацию, когда учащиеся 1-2-го классов начали воровать из магазина сахар и кофе... Выяснилось, что они действовали по поручению старших товарищей, а украденное предназначалось для заключенных местной колонии. Ребята воспринимают это все как игру в сопротивление, в независимость. Они начинают нести деньги, а так как это дети из благополучных семей, финансовый поток формируется неплохой. Кого-то ловят на желании приподняться над остальными и чем-то поруководить, кого-то «ловят на западло» (убеждают заглядывать некую предполагаемую вину перед группой). Для кого-то игра так и заканчивается игрой, кто-то идет дальше, погружаясь в криминальную среду, но человек становится не нужен, как только перестает носить деньги».

Когда задержанных спрашивали, в чем смысл состояния в подобной организации, они отвечают, что никакой организации нет. «А где ты узнал?» «Из Интернета». «А что это значит?» «Я не знаю, что это значит. Вот все говорят, и я говорю». Пресс-служба УМВД России по Забайкальскому краю в 2015-м году сообщала: «С учетом того, что

нет организаторов, лидеров АУЕ, нет никакой [внешней] финансовой поддержки, нет устава, в конце концов, нет единой расшифровки этих букв, мы делаем вывод о том, что АУЕ как движения не существует». Скорее, это — некий образ жизни.

Характерно, что в 2014 году, когда член Совета Федерации А. Беляков внес проект Федерального закона о запрете «пропаганды криминальной субкультуры» в социальных сетях и СМИ, то АУЕ в пояснительной записке было представлено неким аналогом «синих китов» (символом групп самоубийц) для бедных и неблагополучных. В технологиях работы администраторов «групп смерти» и «сообществ АУЕ» уважаемый сенатор нашел «много общих черт». Тогда как качественное различие в целях объединения он не увидел: «АУЕ» выступает формой выживания в обществе правовой аномии и доминирования тюремной, каторжной субкультуры.

Последняя возникла задолго до Интернета. И, не зная рожденного ею свода правил и принципов, не выжить не только в местах лишения свободы, но и в огромных депрессивных регионах, в маленьких городах и на окраинах индустриальных центров, при массовой остановке «социальных лифтов», отсутствия альтернатив, преобладания подавления оппонентов и иных силовых форм разрешения любых социальных противоречий, прежде всего, властными институтами, разрастании архаики и культурной нищеты [17].

При этом, как отмечает ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Д. Громов, «мода на АУЕ, развивающаяся в Интернете, не имеет ничего общего с профессиональной преступностью. Деятелям последней не выгодно выставлять свой образ жизни напоказ и, тем более, приобщать молодое поколение через соцсети. Криминал, как и деньги, любит тишину» [6].

Тогда как, по числу просмотров онлайн-каналы с АУЕ-тематикой, рассчитанной прежде всего на подростков, в середине 2010-х гг. имели до 20,5 млн. просмотров. Сотрудники правоохранительных органов сообщали о более чем 39 тыс. групп «АУЕ» в соцсетях, одна из которых насчитывала 6,5 млн. пользователей. Отмечается распространение таких групп в соцсетях других стран СНГ. Кроме того, в социальных сетях создано большое число групп с лозунгами: «Смерть — легавым, жизнь — вора», — с числом подписчиков от 85 до 800 тысяч. На многих из них представлялись качественные видеоматериалы, саундтреки, предоставлялась возможность познакомиться с заключенным или заказать одежду и сувениры с символикой АУЕ. В онлайн-режиме могут делаться и пожертвования.

Очевидно, интерес пользователей, определяемый сенсационно-скандальным содержанием контента, — конвертировался в немалые доходы заинтересованных лиц.

В то же время, по самым общим оценкам, движение АУЕ насчитывает больше 34 тысяч активных сторонников в 40 регионах России. До 40% из них — подростки в возрасте 13-17 лет. Единое руководство отсутствует, но есть лидеры («смотрящие») в населенных пунктах» [7]. Однако, ни по охвату территорий, ни по количеству совершаемых преступлений, даже самых «громких», и — тем более — по массовым акциям, всё это сообщество не может и близко сравниться с теми же скинхедами конца 90-х -2010 гг., общая численность которых в России никогда не превышала 20 тысяч человек.

В качестве организатора, Интернет, скорее, проигрывает федеральным телеканалам с десятками миллионов просмотров, которые вообще-то вполне могли бы претендовать, если не на организующую АУЕ силу, но на вдохновляющую — безусловно: с гопническо- тюремно- воровской «романтикой», брызжущей из каждого второго, если не первого, сериала, выступлений каждой второй шоу-звезды, а с недавнего времени — и политических и общественных деятелей. «Агрессивно-куражистый стиль поведения недавно стал все заметнее проникать в разные сферы жизни» [11].

Кроме того, исследователи отмечают, что роль онлайн общения и Интернета в целом не является определяющей в первичной десоциализации, на стадии включения 13-14-летних подростков в делинквентские практики. Поиск информации определенного контента предполагает самостоятельную организованную деятельность пользователя, наличие определенных навыков и познаний. Сетевые предпочтения 14-15-летних делинквентов, как правило, ограничиваются мультфильмами, историями мира моды и жизни звезд. Лишь 10-12% интересуется ещё и криминальной тематикой, обычно, в форме просмотра фильмов в жанре «экшн» и т.п. В сообществах, посвященных «АУЕ» и им подобных состоят преимущественно подростки более старшего возраста с анти- и асоциальным опытом (15,5% и 16,7% соответственно) [11].

Ненависть к органам власти, прежде всего, к полиции, вообще мало связана с личным асоциальным опытом или криминальным дебютом. Она отражает позиции и взгляды, давно ставшие характерными для всего российского общества, переориентацию внутренней агрессии. Согласно докладу ИНДЕМ, есть только три страны в мире, где отношение к полиции хуже, чем в России, при том, что полиция в целом выполняет свои функции [5].

Чтобы дать обоснованный ответ на вопрос, является ли АУЕ новой криминальной субкультурой, целесообразно рассмотреть его основные признаки в сравнении с аналогичными элементами движения гопников. Субкультура формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни противостоят (не соответствуют) господствующим в обществе или провозглашаемым и принимаемым им, а потому им отвергаются (порицаются, преследуются). Ничего подобного нет ни в обществе, основные институты которого глубоко поражены криминалом, ни — тем более — внутри сообществ гопников.

Для участников обоих движений характерны примитивный менталитет, разделение всех людей на «своих» и «чужих» и агрессия по отношению к «чужим», выплёскивавшаяся на жителей других районов. Принцип «кто сильнее, тот и прав», или понимание, что обмануть, присвоить что-либо у условно «чужого» субъекта — это нормально. Всё это проявляется и у людей, занимающих высокие посты.

Отличительными признаками субкультуры являются сохраняемые в сознании её носителей элементы [4]:

- стратификации, в том числе, «табель о рангах» и способы определения статуса индивида в группе, групповые «тайные» имена. Заметным отличием АУЕ стало выделение статуса координаторов и арбитров «смотрящих» на местном и — возможно — региональном уровнях;
- поведенческие, включая правила инициации (от лат. *initiatio* — «совершение таинств, посвящение») и регулирования взаимодействия между членами группы между собой и с другими людьми. Ничего подобного у членов групп гопников, как знакомых с АУЕ, так и прежних, не наблюдается;
- коммуникативные, среди которых выделяются сленг, «тайный язык» слов, жестов, татуировок и оберегов, известных членам группы. Как уже отмечалось использование аббревиатуры «АУЕ» служит обозначению осведомленных субъектов, тех «кто в теме»;
- экономические, в том числе, наличие общих материальных фондов, правила их формирования и распределения. В отличие от эпизодических сборов у сообществ гопников, вопросы образования и расходования общака в движении АУЕ выделены четко, выступают одной из основ объединения;
- эпические, включая групповые мифы, сказания и лирику с характерными образами и сюжетными линиями. Не выражено, заимствуется из тюремного фольклора, как и

последующие. Законы криминального мира в значительной степени определяют мировоззрение любых гопников. Однако, если ценности группы вступают в конфликт с «блатными понятиями», гопник, колеблясь, поступит «не по понятиям». Отождествлять тюремную криминальную субкультуру и обычаи гопников было бы неправильно. Это вполне характерно и для АУЕ;

- валеологические, отношение к здоровью, семье, сексу, жизни и смерти;
- сакральные, объединяющие особые духовные практики (групповые обряды, фетиши) и некоторые другие. Все эти элементы тесно связаны между собой и передаются старшими членами группы младшим, относительно стабильно сохраняются и воспроизводятся при постепенной смене персонального состава данной группы. Ввиду отсутствия ряда элементов, присущих субкультуре, признать таковой АУЕ не представляется возможным.

Таким образом, «АУЕ» отражает очередную волну криминализации подростков и молодежи, отличающуюся от предыдущих волн меньшими масштабами и новизной форм социальной репрезентации. Главными отличиями данного движения, имеющего ряд выраженных признаков криминальной (тюремной) субкультуры от гопников прежней эпохи состоит в том, что оно вносит элемент самоидентификации участников, горизонтальной (сетевой) самоорганизации и координации территориальных и образовавшихся в социальных учреждениях группировок подростков с асоциальным поведением, закрепляет экономические основы объединения, предлагают криминальную и пенитенциарную карьеру в качестве личной стратегии и формирует своеобразную моду на соответствующее поведения, транслируемую как через сетевых лидеров, так и в социальных сетях через мессенджеры и Интернет-издания.

Список литературы:

[1] Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514С по иску Генерального прокурора РФ: <https://ria.ru/20200817/1575904248.html>

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. ФЗ от 8 декабря 2020 г.): Справочная система «Гарант»: <http://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/11340:0>

[3] Гаврилюк В.В. Гопники как феномен в среде молодежи // СОЦИС. -2010. -№1. - С. 126—131

[4] Годунов И.В. Организованная преступность от рассвета до заката. М., 2008.

[5] Мовчан А. Идеология зоны: народ и власть в России наконец едины // Ежедневный журнал. 30 января 2017: <https://www.ej.ru/?a=note&id=30660>

[6] Пушкарев И. «Ребята вы в своем уме вообще?» Почему «запрет АУЕ» - плохая идея: мнения силовиков, воров, правозащитников // Журнал ZNAK. 21 августа 2020: https://www.znak.com/2020-08-21/zapret_aue_privedet_k_kriminalizacii_molodezhi_mneniya_ekspertov

[7] Раскрыто число сторонников запрещенного в России движения АУЕ // Лента.ru: 17 августа 2020 г.: <https://lenta.ru/news/2020/08/17/aue2/>

[8] Ростокинский А.В. О зарождении криминальных субкультур // Российский следователь. -2015. -№ 14 -С. 15-18

[9] Сидоров Д. Мы были скинами. Куда ушли бритоголовые и злая музыка, которой они жили // Лента.ru: Архив публикаций: 9 сентября 2017г.: https://lenta.ru/articles/2017/09/09/unity_359/

[10] Тарасов А. Страна из трёх букв. АУЕ: кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство или Хроники новой пионерии // Новая газета №63 от 16 июня 2017 г.: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv>

[11] Хагуров Т.А., Чепелева Л.М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Социология. - 2021. - Том.21. - №2. - С.322-339

[12] Халецкая И. «Вечер в хату»: насколько опасна субкультура АУЕ // РИА-Новости: 17 июля 2017 г.: <https://ria.ru/20170719/1498753809.html>

[13] Эпштейн М. Гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-религия. Чем определяется эта новая государственная субкультура // Новая газета №126 от 13 ноября 2017 г.: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/13/74527-goppi>

[14] Аббревиатура фраз «арестантский уклад един», «арестантское уголовное (уркаганское) единство»: Раскрыто число сторонников запрещенного в России движения АУЕ // Лента.ru: 17 августа 2020 г.: <https://lenta.ru/news/2020/08/17/aue2/>

[15] Существуют несколько версий происхождения термина: 1) от сленгового обозначения грабежа, нападения «гоп-стоп», 2) возглас, означающий прыжок, подскок «не кажи гоп...», 3) аббревиатура -Городское общежитие пролетариата (ГОП): Гаврилюк В.В. Гопники как феномен в среде молодежи // СОЦИС. -2010. -№1. -С. 127

[16] Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу №

АКПИ20-514С по иску Генерального прокурора РФ: <https://ria.ru/20200817/1575904248.html>

[17] Тарасов А. Страна из трёх букв. АУЕ: кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство или Хроники новой пионерии // Новая газета №63 от 16 июня 2017 г.: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv>

Spisok literatury:

[1] Decision of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case No. AKPI20-514S on the claim of the Prosecutor General of the Russian Federation: <https://ria.ru/20200817/1575904248.html>

[2] Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ "On Countering Extremist Activities" (as amended by the Federal Law of December 8, 2020): Reference system "Guarantor": <http://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/11340:0>

[3] Gavriilyuk V.V. Gopniki as a phenomenon among young people//SOCIS. -2010. -№1. - S. 126 - 131

[4] Godunov I.V. Organized crime from dawn to dusk. М., 2008.

[5] Movchan A. The ideology of the zone: the people and power in Russia are finally united//Daily Journal. January 30, 2017: <https://www.ej.ru/?a=note&id=30660>

[6] Pushkarev I. "Are you guys in your mind at all?" Why the "AUE ban" is a bad idea: the opinions of security officials, thieves, human rights activists// ZNAK magazine. 21 августа 2020: https://www.znak.com/2020-08-21/zapret_aue_privedet_k_kriminalizacii_molodezhi_mneniya_ekspertov

[7] Revealed the number of supporters of the AUE movement banned in Russia// Лента.ru: August 17, 2020: <https://lenta.ru/news/2020/08/17/aue2/>

[8] Rostokinsky A.V. On the origin of criminal subcultures//Russian investigator. -2015. - NO. 14 -С. 15-18

[9] Sidorov D. We were skins. Where did the skinheads and the evil music they lived go// Лента.ru: Publication archive: September 9, 2017: https://lenta.ru/articles/2017/09/09/unity_359/

[10] Tarasov A. A country of three letters. AUE: who is behind the criminalization of adolescents, introduces them into the criminal space or Chronicles of the new pioneer//Novaya Gazeta No. 63 of June 16, 2017: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv>

[11] Hagurov T.A., Chepeleva L.M. Socio-psychological reasons for the spread of the AUE subculture (implicit factors of the current problem) Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. - 2021. - Volume 21. - №2. - S.322-339

[12] Khaletskaya I. "Evening in the hut": how dangerous the subculture of AUE is//RIA-Novosti: July 17, 2017: <https://ria.ru/20170719/1498753809.html>

[13] Epstein M. Gop politics, gop journalism, gop religion. What defines this new state subculture// Novaya Gazeta No. 126 dated November 13, 2017: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/13/74527-goppi>

[14] The abbreviation of the phrases "prisoner way of life is one," "prisoner criminal (Urkagan) unity": The number of supporters of the AUE movement banned in Russia is revealed// Лента.ru: August 17, 2020: <https://lenta.ru/news/2020/08/17/aeu2/>

[15] There are several versions of the origin of the term: 1) from the slang designation of robbery, attack "gop-stop," 2) an exclamation meaning a

jump, a jump "do not kazhi gop...," 3) abbreviation -Gorodsky hostel of the proletariat (GOP): Gavrilyuk V.V. Gopniki as a phenomenon among young people//SOCIS. -2010. -№1. -С. 127

[16] Decision of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case No. AKPI20-514S on the claim of the Prosecutor General of the Russian Federation: <https://ria.ru/20200817/1575904248.html>

[17] Tarasov A. A country of three letters. AUE: who is behind the criminalization of adolescents, introduces them into the criminal space or Chronicles of the new pioneer//Novaya Gazeta No. 63 of June 16, 2017: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv>

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. Наличие ярко выраженной идеологической составляющей является одной из отличительных черт современного экстремизма и терроризма, что и позволяет данным явлениям активно развиваться в российском обществе, а также сохранять устойчивость к применяемым мерам противодействия. За последние несколько лет в Российской Федерации совершается достаточно большое количество преступлений экстремистского и террористического характера, что наглядно демонстрирует масштабное распространение противоправных идей и взглядов соответствующей направленности среди населения. Целью представленного исследования выступает анализ современного состояния механизмов борьбы с распространением экстремистской и террористической идеологии среди российского населения в условиях проведения специальной военной операции, выявление существующих проблем и определение способов их решения. На основе проведенного анализа авторы пришли к выводу о том, что с момента начала специальной военной операции в Донбассе наблюдаются существенные изменения в формах и способах распространения экстремистской и террористической идеологии. В настоящее время данная деятельность организовывается уже не только непосредственно преступными сообществами, но и поддерживается отдельными государствами и их спецслужбами, что значительно расширяет ресурсный потенциал противоправного воздействия. Акцентируется внимание на существующих проблемах борьбы с распространением экстремистской и террористической идеологии, сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, антиэкстремистская и контртеррористическая деятельность, борьба с распространением экстремистской и террористической идеологии, специальная военная операция.

KHAMGOKOV Muradin Mukhamedovich,
head of fire training department North Caucasian Institute
for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia PhD in Law,
Associate Professor, Police Colonel

CURRENT PROBLEMS OF COMBATING THE SPREAD OF EXTREMIST AND TERRORIST IDEOLOGY AMONG THE POPULATION IN CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. The presence of a pronounced ideological component is one of the distinctive features of modern extremism and terrorism, which allows these phenomena to actively develop in Russian society, as well as maintain resistance to the countermeasures used. Over the past few years, a fairly large number of crimes of an extremist and terrorist nature have been committed in the Russian Federation, which clearly demonstrates the large-scale spread of illegal ideas and views of a corresponding orientation among the population. The purpose of the presented research is to analyze the current state of mechanisms for combating the spread of extremist and terrorist ideology among the Russian population in the context of a special military operation, identifying existing problems and determining ways to solve them. Based on the analysis, the

authors came to the conclusion that since the start of the special military operation in Donbass, significant changes have been observed in the forms and methods of spreading extremist and terrorist ideology. Currently, this activity is organized not only directly by criminal communities, but is also supported by individual states and their intelligence services, which significantly expands the resource potential of illegal influence. Attention is focused on the existing problems of combating the spread of extremist and terrorist ideology, and proposals are formulated for their solution.

Key words: extremism, terrorism, anti-extremist and counter-terrorism activities, combating the spread of extremist and terrorist ideology, special military operation.

Экстремизм и терроризм выступают глобальными проблемами современности, поскольку в настоящее время непосредственно данные противоправные явления получают масштабное распространение по всему миру. Актуальна трансформация вышеназванных явлений и для Российской Федерации, на территории которой в условиях обострения геополитических конфликтов на постсоветском пространстве активно развиваются причины и условия противоправного поведения экстремистской и террористической направленности.

Важно отметить, что за последние несколько лет в Российской Федерации совершается достаточно большое количество преступлений экстремистского и террористического характера. По данным МВД России в 2022 году было зарегистрировано 2233 преступления террористического характера и 1566 преступлений экстремистской направленности [5], а в 2023 году – 2382 преступления террористического характера и 1340 преступлений экстремистской направленности [6]. Несмотря на наметившуюся тенденцию сокращения преступного поведения экстремистского характера, представленная статистика наглядно демонстрирует масштабное распространение противоправных идей и взглядов соответствующей направленности среди российского населения.

Наличие ярко выраженной идеологической составляющей является одной из отличительных черт современного экстремизма и терроризма, что и позволяет данным явлениям активно развиваться в российском обществе, а также сохранять устойчивость к применяемым мерам противодействия. Несмотря на пристальное внимание к заявленной проблематике со стороны государства, интенсификация распространения экстремистской и террористической идеологии среди населения в настоящее время имеет целый ряд объективных причин, начиная от кризисных социально-экономических обстоятельств и заканчивая эффективностью антироссийской пропаганды, проводимой со стороны многих зарубежных государств. В данном контексте следует отметить, что многие процессы в России в настоящее время тесно связаны с проводимой специальной военной операцией в Донбассе, что пред-

полагает как активную трансформацию внутригосударственной политики, так и совершенствование международного взаимодействия.

В современной правовой науке проводится достаточно большое количество исследований, посвященных проблемам экстремизма и терроризма, что представляется справедливым и обоснованным в связи с необходимостью постоянного изучения указанных противоправных явлений в целях совершенствования соответствующих механизмов противодействия. Пристальное внимание также уделяется и проблемам распространения экстремистской и террористической идеологии, однако данные аспекты, как правило, рассматриваются в рамках общего теоретико-правового осмысления и не учитывают всего многообразия факторов, влияющих на динамику развития идеологических составляющих экстремизма и терроризма. В связи с вышеизложенным в рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на особенностях идеологической трансформации экстремизма и терроризма в условиях проведения специальной военной операции, через призму которых целесообразно оценивать эффективность действующих механизмов борьбы с указанными явлениями, выявлять существующие проблемы и определять наиболее перспективные способы их решения с учетом современных внутригосударственных и международных реалий.

Однако, прежде чем перейти непосредственно к анализу антиэкстремистской и контртеррористической деятельности видится необходимым конкретизировать базовые понятия по заявленной проблематике. В настоящее время сформулировано множество подходов к пониманию идеологии экстремизма и терроризма, что объективно обусловлено ее сложностью и многоаспектностью. В рамках представленного исследования под идеологией предлагается понимать совокупность учений, идей и взглядов определенного содержания, на основе которых формируется противоправное поведение конкретной направленности. Несмотря на то, что экстремизм и терроризм являются относительно самостоятельными противоправными явлениями, видится необходимым подчеркнуть не только их теснейшую взаимосвязь, но и идеологическое единство,

поскольку терроризм выступает крайним проявлением экстремистской деятельности. Идеологическую составляющую анализируемых противоправных явлений в современной науке принято определять через совокупность идей социального, расового, национального неравенства, выступающих основой для обоснования применения насилия не только для разрешения любого конфликта, но и для достижения конкретных общественных и государственных целей [8, с. 120]. При этом важно отметить, что реальные цели организации и осуществления экстремистской и террористической деятельности и те ориентиры, которыми руководствуются лица, разделяющие соответствующие взгляды, качественно отличаются друг от друга. В то время как экстремизм и терроризм в настоящее время активно используется в целях дестабилизации конкретных территорий, наращивания степени социальной напряженности и обеспечения конкретных политических решений, люди, которые непосредственно вовлекаются в данное противоправное функционирование преследуют свои собственные цели, которые организаторы вышеназванной деятельности умело маскируют под общественные интересы.

Наиболее уязвимыми к распространению идеологии экстремизма и терроризма являются дети, подростки и представители молодежи, поскольку особенности их психоэмоционального восприятия действительности, а также отсутствие критического мышления в большей степени позволяют трансформировать их идеи и взгляды в противоправное русло. Привлекательность экстремистских и террористических проявлений для указанных лиц, как правило, обуславливается следующими причинами:

- 1) самовыражение и желание выделиться из толпы. Дети, подростки и представители молодежи в большей степени ориентированы на определение собственной позиции по различным вопросам, в связи с чем поддержка экстремистских и террористических взглядов становится для них своеобразным средством самовыражения. Несмотря на то, что большинство из них осознают противоправную направленность вышеназванного поведения, желание не быть как все и выделяться даже незаконными способами выступает дополнительными мотивами, в том числе и к активным действиям преступной направленности.
- 2) потребность преодоления одиночества и появление в окружении людей со схожими взглядами. Многие дети, подростки и представители молодежи испытывают определенные социо-коммуникативные проблемы,

из-за которых у них возникают сложности сближения в обществе ровесников. Данные уязвимости активно используются экстремистскими и террористическими организациями, которые становятся своеобразными площадками, где каждого индивида понимают и принимают с его особенностями, и оказывают всю необходимую моральную поддержку в части дальнейшего развития личности. Единение взглядов с другими людьми не только снижает степень рационального мышления в части оценки противоправности конкретных идей, но и обеспечивает ошибочное восприятие собственной нужности и значимости как элемента одного механизма, в рамках чего воспитывается ориентация на групповые установки [1, с. 350].

- 3) неполноценное воспитание со стороны семьи, недостаток внимания, а также детские травмы. Взаимодействие личности в социуме и ее нравственно-этические ценности во многом закладываются именно в семье, и в случае проблем в данной сфере, индивиды на протяжении всей своей жизни способны искать способы решения своих психоэмоциональных проблем. Интерес к экстремистским и террористическим взглядам в данном случае может осуществляться как в рамках сепарации от родительского воздействия, выступать проявлением своеобразного противопоставления себя обществу, а также стать закономерным последствием приверженности деструктивным субкультурам.

Несмотря на то, что идеология выступает основой организации и осуществления экстремистской и террористической деятельности, в правовой литературе достаточно справедливо отмечается, что изначально лицо, вовлекаемое в подобное противоправное функционирование, действует исходя из собственных идей и взглядов, связанных с его личностными переживаниями и проблемами, и лишь после осознания близости своего личного и общественно ориентированного интенсифицируется интерес к идеологии в целом и возникает потребность в развитии соответствующих взглядов. Наиболее наглядно данная ситуация может быть проиллюстрирована на примере религиозного экстремизма и терроризма, когда индивид, будучи приверженцем конкретной религии, в контексте собственных сложностей и поиска способов их разрешения переориентируется на превращенные религиозные идеологии, которые оправдывают насилие в различных аспектах, в том числе в качестве средства решения конфликтов.

Утопичным представляется организация такого общественного взаимодействия, при котором в социуме и у индивидов не возникает никаких существенных проблем, поскольку подобное состояние совершенно неестественно. Кроме того, несмотря на эффективную борьбу со стороны государства с выявлением и пресечением деятельности экстремистских и террористических организаций, следует предположить, что данные преступные сообщества будут сохранять свое функционирование в различных формах. В связи с чем особое практическое значение приобретает развитие правосознания и мировосприятия российского населения в целях формирования устойчивой неприязни к идеям и взглядам экстремистской и террористической направленности [2, с. 119].

В рамках представленного исследования видится необходимым подчеркнуть, что с момента начала специальной военной операции в Донбассе наблюдаются существенные изменения в формах и способах распространения экстремистской и террористической идеологии. В настоящее время данная деятельность организуется уже не только непосредственно преступными сообществами, но и поддерживается отдельными государствами и их спецслужбами, что значительно расширяет ресурсный потенциал противоправного воздействия. На практике встречаются попытки массовой вербовки представителей российского населения, склонения их к совершению экстремистских деяний, террористических актов, диверсий, саботажа и т.п. [3, с. 97].

Несмотря на то, что специальная военная операция в Донбассе носит конкретные цели обеспечения государственной безопасности России и защиты прав и законных интересов российских граждан, и выступает результатом множественных нарушений ранее заключенных международных соглашений, в российском обществе за счет социальной напряженности создается благодатная почва для формирования и развития экстремистских и террористических взглядов. В условиях возникновения социально-экономических сложностей индивидам свойственно обосновывать свои проблемы через призму неэффективности государственной деятельности, что в совокупности с успешной и масштабной антироссийской пропагандой позволяет вовлекать в экстремистскую и террористическую деятельность достаточно большое количество людей.

На основе проведенного анализа необходимо выделить следующие проблемы борьбы с распространением экстремистской и террористической идеологией:

- 1) доступность информации экстремистского и террористического содержания в сети «Интернет». Современные интернет-ресурсы выступают далеко не только средством распространения соответствующих запрещенных материалов, но и многие интернет-площадки позволяют организовывать и координировать экстремистскую и террористическую деятельность. В данном контексте особое значение имеют социальные сети, в которых представители преступных сообществ налаживают контакт с лицами, потенциально пригодными для вовлечения в противоправную деятельность. Несмотря на то, что российские компетентные органы активно блокируют и удаляют запрещенные материалы в сети «Интернет», их появление и масштабы распространения в полной мере контролировать невозможно. В связи с этим видится необходимым активизировать антиэкстремистскую и контртеррористическую деятельность в сети «Интернет». Актуальным представляется развитие контента вышеназванной направленности на различных интернет-ресурсах (социальные сети, видеохостинги и др.). Кроме того, в большей степени следует демонстрировать различные оперативные, следственные и судебные мероприятия, связанные с наступлением негативных правовых последствий для лиц, совершающих экстремистские и террористические деяния. Подобная информация может побудить других людей своевременно критически оценить то воздействие, которое на них оказывается.
- 2) активные темпы распространения экстремистских и террористических взглядов среди детей, подростков и молодежи. Учитывая, что представители указанных категорий населения имеют важнейшее социальное значение для развития российского государства и общества, и непосредственно от сформированных у них идей и взглядов будет зависеть будущее России, борьбы с распространением экстремистской и террористической идеологии в данном направлении представляется приоритетной. Как отмечалось ранее, становление личности индивидов начинается с семьи, однако в ситуациях, когда существуют проблемы в функционировании данного института, степень негативного воздействия и потенциальной противоправной трансформации сознания ребенка и подростка можно минимизировать за счет вовлеченности в данную

деятельность образовательных учреждений и общественных организаций [7, с. 243]. Сотрудники школ, колледжей и техникумов действительно тесно связаны с процессом становления и развития личности детей, и адресная работа с представителями неблагополучных семей должна иметь развитые формы. В случае авторитетного положения соответствующих специалистов в детском и подростковом коллективе возникают не только возможности оперативного пресечения противоправного поведения, но и существуют реальные рычаги трансформации правосознания и мировосприятия представителей молодежи. Кроме того, видится необходимым развивать творческую, спортивную и культурно-массовую занятость детей, подростков и молодежи, доступность для них различных кружков и секций, а также организация иных коллективных и индивидуальных занятий, с учетом потребностей конкретных возрастных категорий.

- 3) развитие неонацистских взглядов, масштабное распространение которых выступает основой для формирования и развития экстремистских и террористического поведения. На территории России давно действуют псевдорелигиозные секты, которые разделяют определенные аспекты нацизма и неонацизма. Однако при условии отсутствия с их стороны противоправных деяний, значительно осложняется их выявление, в связи с чем на протяжении длительно времени они могут находиться в «спящем режиме»/ Развитие подобных объединений на территории российского государства имеют значимые цели, основной из которых выступает наращивание протестного ресурса для возможностей дестабилизации политической и социальной обстановки в необходимый момент [4, с. 33]. В данном контексте принципиальное значение приобретает не только эффективное функционирование правоохранительных органов в части определение потенциально опасных структур, но и активизация внутренней политики по вопросам обеспечения межнациональных и межконфессиональных взаимодействий с учетом возникающих вызовов и угроз.

Вышеназванные проблемы нуждаются в скорейшем решении, поскольку их наличие негативно отражается на эффективности антиэкстремистской и контртеррористической деятельности. Указанное функционирование в полной мере необходимо ориентировать на борьбу с распространением экстремистской и террористической

идеологии, поскольку от степени устойчивости соответствующих противоправных взглядов в российском обществе напрямую зависят масштабы противоправного поведения.

Список литературы:

- [1] Козлова И.В. Подростки и насильственный экстремизм в интернет-пространстве // Социология и право. 2023. Т. 15, № 3. С. 345-354.
- [2] Кряжев В.С. К вопросу о необходимости комплексного подхода к исследованию терроризма и экстремизма для целей обеспечения национальной безопасности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3(41). С. 118-125.
- [3] Розенко С.В. Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости // Oeconomia et Jus. 2023. № 3. С. 96-103.
- [4] Семкина Е.Н., Чагилов В.Р. Распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2023. № 2. С. 30-33.
- [5] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 17.04.2024).
- [6] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 17.04.2024).
- [7] Тирских А.А. Профилактика идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4(107). С. 240-250.
- [8] Фокин С.А., Смирнов В.Н. Особенности современной экстремистской идеологии // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 1(13). С. 119-122.

Spisok literatury:

- [1] Kozlova I.V. Teenagers and violent extremism in the Internet space//Sociology and law. 2023. VOL. 15, NO. 3. S. 345-354.
- [2] Kryazhev V.S. On the need for an integrated approach to the study of terrorism and extremism in order to ensure national security//Siberian criminal procedural and forensic readings. 2023. № 3(41). S. 118-125.
- [3] Rosenko S.V. Digital technologies as a means of developing terrorist ideology in the Russian

Federation: problems of counteraction and punishability//Economia et Jus. 2023. № 3. S. 96-103.

[4] Semkina E.N., Chagilov V.R. Dissemination of neo-Nazi views as a form of extremist activity in modern conditions//Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute." 2023. № 2. S. 30-33.

[5] The state of crime in the Russian Federation in January - December 2022. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (access date: 17.04.2024).

[6] The state of crime in the Russian Federation for January - December 2023. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (access date: 17.04.2024).

[7] Tirskikh A.A. Prevention of the ideology of extremism and terrorism in the educational environment//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4(107). S. 240-250.

[8] Fokin S.A., Smirnov V.N. Features of modern extremist ideology//Professional legal education and science. 2024. № 1(13). S. 119-122.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Расследование преступлений представляет собой сложный процесс установления истины посредством сбора доказательств и доказывания факта совершения преступного деяния на основе норм закона, определяющих как содержание преступного деяния, так и порядок его расследования. Данная деятельность осуществляется уполномоченными органами в соответствии со строгим порядком, определяющим допустимые пределы использования полномочий, которыми наделены органы следствия и оперативно розыскной деятельности; с использованием строго определенных методов и форм следственной деятельности; с учетом сформированного процессуального порядка расследования противоправных деяний. Выход за пределы правового поля ведет к тому, что результаты расследования невозможно будет принять как установленную абсолютную истину, создаст условия для того, чтобы виновное лицо избежало наказания, ушло от уголовной ответственности, в результате чего в обществе возникают сомнения по поводу способности правоохранительных органов обеспечить законность. Данное обстоятельство определяет необходимость контроля за деятельностью следственных органов, что осуществляется в норме надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Материалы и методы. Структурно-логический подход стал основанием для данного исследования, позволил представить деятельность прокурора на этапе предварительного следствия как совокупность функциональных полномочий, позволяющих говорить о самостоятельной и весомой роли прокурора в расследовании уголовных дел, защиты прав и свобод граждан, обеспечения законности и эффективности уголовного процесса; методы анализа нормативно – правовых актов и научных исследований, касающихся рассматриваемой проблемы; структурирования полномочий прокурора, которые вытекают из норм УПК; обобщения полученной информации.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что прокурорский надзор является главной функцией прокурорской деятельности на этапе досудебного расследования, при том, что процессуальное руководство и прокурорский контроль возможно рассматривать как вспомогательные функции, способствующие эффективному прокурорскому надзору.

Сделан вывод, что прокурорский надзор – это совокупность действий прокурора по наблюдению за соблюдением законности на досудебных этапах уголовного процесса, применяемых прокурором в рамках определенных законом полномочий для своевременного выявления, пресечения и недопущения нарушений прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, а также привлечения нарушителей к ответственности. Закрепленные в УПК возможности прокурора, с помощью которых он осуществляет надзор за соблюдением законов на стадиях досудебного расследования, являются формой реализации одной из главных задач уголовного процесса – охраны прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства. Эту же задачу решают контрольные полномочия прокурора, а также полномочия процессуального руководства.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, предварительное расследование, права и свободы, полномочия, надзор, контроль, руководство.

SAVENKOV Sergey S.,
Youth Development Specialist,
MGIMO University

POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL INVESTIGATION

Annotation. Investigation of crimes is a complex process of establishing the truth by collecting evidence and proving the fact of committing a criminal act based on the norms of law that determine both the content of the criminal act and the procedure for its investigation. This activity is carried out by authorized bodies in accordance with a strict procedure that determines the permissible limits of the use of powers vested in the

investigative and operational search agencies; using strictly defined methods and forms of investigative activity; taking into account the established procedural order of investigation of illegal acts. Going beyond the legal field leads to the fact that the results of the investigation cannot be accepted as the established absolute truth, will create conditions for the guilty person to avoid punishment, evade criminal liability, as a result of which doubts arise in society about the ability of law enforcement agencies to ensure the rule of law. This circumstance determines the need to control the activities of investigative bodies, which is carried out in the norm of supervision over the execution of laws by bodies carrying out operational-search activities, inquiry and preliminary investigation.

Materials and methods. The structural and logical approach became the basis for this study, made it possible to present the activities of the prosecutor at the stage of preliminary investigation as a set of functional powers that allow us to talk about the independent and significant role of the prosecutor in the investigation of criminal cases, the protection of the rights and freedoms of citizens, ensuring the legality and effectiveness of criminal proceedings; methods of analyzing regulatory and legal acts and scientific research related to the problem under consideration; structuring the powers of the prosecutor, which follow from the norms of the Criminal Procedure Code; generalization of the information received.

Research results. As a result of the analysis, it was revealed that prosecutorial supervision is the main function of prosecutorial activity at the stage of pre-trial investigation, despite the fact that procedural guidance and prosecutorial control can be considered as auxiliary functions that contribute to effective prosecutorial supervision.

Conclusion. It is concluded that prosecutorial supervision is a set of actions of the prosecutor to monitor compliance with the law at the pre-trial stages of criminal proceedings, applied by the prosecutor within the framework of the powers determined by law for the timely detection, suppression and prevention of violations of the rights, freedoms and legitimate interests of participants in the criminal process, as well as bringing violators to justice. The powers of the prosecutor, enshrined in the Code of Criminal Procedure, with the help of which he supervises compliance with laws at the stages of pre-trial investigation, are a form of implementation of one of the main tasks of the criminal process - the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of participants in criminal proceedings. The same task is solved by the supervisory powers of the prosecutor, as well as the powers of procedural management.

Key words: *prosecutor, criminal process, preliminary investigation, rights and freedoms, powers, supervision, control, management.*

Введение

Расследование преступлений представляет собой сложный процесс установления истины посредством сбора доказательств и доказывания факта совершения преступного деяния на основе норм закона, определяющих как содержание преступного деяния, так и порядок его расследования. Данная деятельность осуществляется уполномоченными органами в соответствии со строгим порядком, определяющим допустимые пределы использования полномочий, которыми наделены органы следствия и оперативно розыскной деятельности; с использованием строго определенных методов и форм следственной деятельности; с учетом сформированного процессуального порядка расследования противоправных деяний.

Выход за пределы правового поля ведет к тому, что результаты расследования невозможно будет принять как установленную абсолютную истину, создаст условия для того, чтобы виновное лицо избежало наказания, ушло от уголовной ответственности, в результате чего в обществе возникают сомнения по поводу способности правоохранительных органов обеспечить законность.

Данное обстоятельство определяет необходимость контроля за деятельностью следственных органов, что осуществляется в норме надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (абз. 3 п. 2 ст. 1 Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [14]).

Правовую основу прокурорского надзора составляют принципы деятельности органов прокуратуры, которые закреплены в ст. 129 Конституции РФ [4] и в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [14], а важнейшим инструментом обеспечения законности в досудебных стадиях расследования уголовных правонарушений является прокурорский надзор, который в условиях текущей военно-политической ситуации становится важнейшим элементом юридической безопасности, обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан России вне зависимости от экстремального характера сложившейся ситуации и необходимости быстрого расследования преступных деяний.

В тоже время реализацией надзорной функции не исчерпывается деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, что

определяется системным характером данной деятельности и ее особым значением для обеспечения прав и свобод граждан, соблюдения законности и повышения эффективности уголовного процесса. Соответственно актуальной задачей является структурирование деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса в соответствии с законодательно закрепленными его полномочиями.

К вопросам, касающимся участия прокурора в уголовном процессе, в последние годы обращались такие ученые, как Кузнецова Е. В. [5], Леханова Е. С., Казнина И. А., Смирнова Ю. А. [6], Пудрова Г.С. [8], Трифонова К.А., Бирюков С. Ю. [11], Халтаева И.П. [16] и др.

Исследователи в своих работах рассмотрели проблемы участия прокуроров в надзоре за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью; исследовали их деятельность на завершающем этапе предварительного расследования; также в работах ученых рассмотрены средства прокурорского надзора и изучены вопросы повышения его эффективности.

Анализ научной литературы позволяет говорить о том, что, как правило, ученые выделяют надзорную функцию прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, однако данной функциональной ролью прокурора его деятельность не ограничивается.

Таким образом, целью данной статьи является структурирование полномочий прокурора в досудебных стадиях расследования уголовных дел.

Материалы и методы

Структурно-логический подход стал основанием для данного исследования, позволил представить деятельность прокурора на этапе предварительного следствия как совокупность функциональных полномочий, позволяющих говорить о самостоятельной и весомой роли прокурора в расследовании уголовных дел, защиты прав и свобод граждан, обеспечения законности и эффективности уголовного процесса. В процессе исследования использовались методы анализа нормативно-правовых актов и научных исследований, касающихся рассматриваемой проблемы; структурирования полномочий прокурора, которые вытекают из норм УПК; обобщения полученной информации. Материалам для написания данной статьи стали положения законодательных актов, определяющих полномочия прокурора на этапе предварительного расследования уголовных дел.

Результаты исследования

Вопрос о сущности прокурорского надзора, его месте в системе других государственно-правовых институтов, о предмете и границах его осуществления до сих пор остается дискуссионным, и не только в науке, но и в юридической практике.

Более того, поскольку эти вопросы имеют решающее значение для практики, а значит и для обеспечения режима законности в стране в целом, то ученые уделяют им особо пристальное внимание. Активнее всего они обсуждаются в последнее время.

Как отмечала Кузнецова Е. В., прокурорский надзор – это специфическая деятельность государственных органов прокуратуры, которая осуществляется от имени государства и заключается в проверке точности соблюдения Конституции России и выполнения законов, действующих на ее территории [5].

В свою очередь, Н. Ф. Бережкова определяет прокурорский надзор как «совокупность взаимосвязанных положений правового, общетерриториального, методического характера, которые раскрывают предмет, цели и задачи прокурорского надзора, иного функционального предназначения и содержания деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка (безопасности)» [2].

Н. А. Петухов и А. С. Мамыкин, считают, что «прокурорским надзором является одно из направлений правоохранительной деятельности, которое состоит в решении прокуратурой задачи по обеспечению исполнения закона и соблюдению прав и свобод человека на всей территории России и осуществляемое в пределах и порядке, установленных законодательством Российской Федерации» [7].

С точки зрения А.П. Рыжакова «прокурорский надзор это деятельность Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, которая осуществляется от имени государства и направлена на обеспечение точного и единообразного исполнения законов на территории всей страны федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, должностными лицами, субъектами, осуществляющими общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, которые находятся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, путем принятия мер к выявлению, своевременному устранению нарушения закона и привлечению виновных лиц к ответственности» [10].

Таким образом, анализ и синтез определенных, приведенных выше, позволяет говорить о том, что прокурорский надзор за органами следствия и дознания в досудебных стадиях уголовного процесса представляет собой форму деятельности органов прокуратуры, направленную

на обеспечение законности, выявление, устранение и предупреждение нарушений закона данными органами правопорядка

Прокурорский надзор служит одним из элементов государственного механизма в деле обеспечения конституционных гарантий личности в уголовном процессе. Руководствуясь принципами уголовного судопроизводства, закрепленными в ст. 11 и 14 УПК РФ [13], прокурор обязан охранять права и свободы граждан в уголовном процессе, а также следовать принципу презумпции невиновности. И немедленно реагировать в рамках своих полномочий на любые нарушения, выразившиеся в искажении или неправильном толковании закона, выгодных тому или иному субъекту правоприменения [3].

Практика осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства показывает, что характерными нарушениями законодательства при расследовании уголовных дел экономической направленности являются нарушения требований ст. 6.1 УПК РФ, выражающиеся в несвоевременном принятии к производству уголовных дел, после отмены незаконных решений о приостановлении предварительного расследования, необоснованном продлении сроков предварительного расследования и несвоевременным проведением необходимых следственных действий [3].

Как показывают результаты анализа надзорной деятельности прокуратуры, нарушения (умышленные злоупотребления) могут быть самыми разными [1]. И в первую очередь они проявляются тогда, когда сотрудниками оперативных подразделений совершаются действия, не соответствующие предписаниям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [15].

Обладая властно-распорядительным характером, прокурорский надзор имеет существенное влияние непосредственно на все досудебные стадии уголовного процесса, прокурор имеет возможность эффективно осуществлять деятельность в досудебном производстве, отменяя незаконно прекращенное либо приостановленное уголовное преследование. На практике в рамках уголовного судопроизводства прокурор имеет эффективное средство реагирования – требование об устранении нарушений, однако, при этом прокурор осуществляет и контрольные полномочия.

По поводу вышеизложенного, считаем верной позицию, согласно которой, несмотря на внешнее сходство и наличие общих черт, контроль и надзор – это самостоятельные формы юридической деятельности. Они преследуют общую цель предупреждения и прекращения

нарушения законности, однако достигаются применением специфических для каждого средств и методов. Реализация контролирующими органами своих функций подразумевает не только установление законности и правопорядка, но и обеспечение эффективности и целесообразности государственного управления [9].

Так, например, надзорные полномочия прокурора прослеживаются в его функции проверки исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (абз. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации) [13]; в свою очередь контрольная функция прокурора реализуется в процессе отмены незаконных или необоснованных постановлений органов дознания (абз. 6 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации) [13], что, в конечном итоге, способствует укреплению законности и повышению эффективности уголовного процесса.

Таким образом, целью надзора является точное и неукоснительное исполнение законов без исследования при этом целесообразности действий должностных или должностных лиц государственных органов. Надзор ограничивается проверкой соблюдения законодательно закрепленных норм. Для контроля важно не только выяснение вопроса о нарушении субъектом управления действующего законодательства, но и вопрос правильности, целесообразности и эффективности использования им предоставленных правовых норм [9].

Таким образом, несмотря на общность цели, которую имеют контроль и надзор, указанные виды деятельности являются разными категориями, они отличаются субъектом, средствами и способами реализации.

При этом, действующий УПК откорректировал функцию прокурора по надзору и сместил акцент с чисто надзорной деятельностью прокурора на непосредственное руководство процессуальной деятельностью органа досудебного расследования предварительного следствия (абз. 4 ч. 2 ст. 37 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [13]), что существенным образом повышает статус прокурора именно как стороны уголовного производства со стороны обвинения.

В этом контексте следует отметить, что возникает проблема разграничения понятий прокурорского надзора и процессуального руководства следствием, поскольку тесно связаны и их сложно рассматривать отдельно. С одной стороны, именно процессуальное руководство является, по сути, формой прокурорского надзора, а с другой – в этом вопросе существует значительное сущностное противоречие: прокурор, являясь фактически руководителем расследования,

сам же за ним и наблюдает, что вызывает вопрос относительно объективности такого расследование.

По мнению Р.Ф. Тоштемировой, указанное противоречие сопровождает функцию уголовного преследования прокуратуры и в дальнейшем – на стадии судебного разбирательства: роль прокурора как лица, осуществляющего как процессуальное руководство следствием, так и государственное обвинение в суде, обуславливает его заинтересованность в игнорировании потенциальных ошибок на стадии досудебного расследования, допущенных следственными подразделениями, за которыми он наблюдал, а несет ответственность за качество проводимого следствия [11].

В этой связи в настоящее время следует определить пределы, в которых прокурор может осуществлять руководство следственной деятельностью, а в дальнейшем придать деятельности прокуратуры исключительно надзорные функции.

Изучение сущности прокурорского надзора за соблюдением законности в деятельности органов, осуществляющих оперативно – розыскные мероприятия, позволяет предложить ряд совершенствующих мер к организационно-структурному построению деятельности органов прокуратуры.

Считаем, что при формулировании задач данного вида прокурорского надзора следует иметь в виду, что прокурор, осуществляя функцию процессуального руководства, не становится в связи с этим участником оперативно – розыскной деятельности, не является фигурой, заменяющей фигуру следователя, ведущего расследование. Руководство прокурора может заключаться в определении общей стратегии расследования уголовного правонарушения и контроля за порядком осуществления процессуальных действий. В то же время вопросы тактики следственных действий должны решать следователь и оперативные работники. При этом важной и главной функцией прокурора является надзорная, учитывая, что именно в досудебных стадиях расследования уголовных дел, при проведении оперативно-розыскных мероприятий в наибольшей степени могут ограничиваться права и законные интересы граждан (в частности их права на тайну переписки, телефонных разговоров, на свободу передвижения и т.д.).

Поэтому главной задачей прокурора в данном направлении его деятельности является предупреждение и прекращение нарушений прав и законных интересов физических и юридических лиц, вовлеченных в сферу расследования уголовного дела, обеспечение установленных законодательством условий и порядка проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что прокурорский надзор, как гарантия обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, является совокупностью действий прокурора по наблюдению за соблюдением законности в ходе расследования преступных деяний, применяемых им в рамках определенных законом полномочий для своевременного выявления, пресечения и недопущения нарушений прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, а также привлечения нарушителей к ответственности.

Закрепленные в УПК возможности прокурора, с помощью которых он осуществляет надзор за соблюдением законов в досудебных стадиях, являются формой реализации одной из главных задач уголовного процесса – охраны прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства.

Эту же задачу решают и контрольные полномочия прокурора, позволяющие не только обеспечивать законность и правопорядок, но и решать проблемы, связанные с эффективностью управления процессами расследования уголовных дел, направляя следственные действия по пути соблюдения законности и обеспечивает общую стратегию предварительного следствия.

Список литературы:

[1] Бабичев Д.А. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскного документирования преступлений экономической направленности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 96-102.

[2] Бережкова, Н. Ф. К вопросу о совершенствовании прокурорского надзора за деятельностью полиции / Н. Ф. Бережкова // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 82—85.

[3] Гришко Л.Е. Прокурорский надзор за обеспечением прав и законных интересов обвиняемого и осужденного за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 182-186.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с поправками от 04.10.2022) // Официальном интернет-портале правовой информации. <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

[5] Кузнецова Е. В. О прокурорском надзоре и ведомственном контроле на завершающем этапе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. №1. с. 11-17.

[6] Леханова Е. С., Казнина И. А., Смирнова Ю. А. Генезис прокурорского надзора за предва-

рительным расследованием и оперативно-розыскной деятельностью // Право и государство: теория и практика. 2023. №8. С. 336-339.

[7] Правоохранительные и судебные органы России: учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 434 с.

[8] Пудрова Г.С. Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия (на примере следователей Следственного комитета РФ) в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник науки. 2023. №11. С. 316-336.

[9] Рыгалова К. А. Деятельность и роль прокурора при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2019. 215 с.

[10] Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: учебник / А. П. Рыжаков. М.: Дело и сервис, 2015. 592 с

[11] Тоштеморова Р. Ф. Уголовно-процессуальные властеотношения на предварительном следствии: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022 204 с.

[12] Трифонова К. А., Бирюков С. Ю. Уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе расследования // Legal Concept. 2022. Т. 1. №3. С. 112-120.

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[14] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 12.03.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472

[15] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[16] Халтаева И.П. Проблемные аспекты прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Вестник магистратуры. 2022. №10. с. 62-65.

Spisok literary:

[1] Babichev D.A. Prosecutor's supervision over the legality of operational-search documentation of economic crimes // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (49). P. 96-102.

[2] Berezhkova, N.F. On the issue of improving prosecutorial supervision over police activities / N.F. Berezhkova // Administrative law and process. 2016. No. 1. P. 82-85.

[3] Grishko L.E. Prosecutor's supervision over ensuring the rights and legitimate interests of the

accused and convicted of crimes in the sphere of economic activity // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2020. No. 1 (42). P. 182-186.

[4] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020, with amendments dated 04.10.2022) // Official Internet portal of legal information. <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

[5] Kuznetsova E. V. On prosecutorial supervision and departmental control at the final stage of preliminary investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. pp. 11-17.

[6] Lekhanova E. S., Kaznina I. A., Smirnova Yu. A. Genesis of prosecutorial supervision over preliminary investigation and operational-search activities // Law and state: theory and practice. 2023. No. 8. P. 336-339.

[7] Law enforcement and judicial bodies of Russia: textbook / edited by N. A. Petukhov, A. S. Mamykin. Moscow: Russian State University of Justice, 2015. 434 p.

[8] Pudrova G. S. Improving the efficiency of prosecutorial supervision over the activities of preliminary investigation bodies (on the example of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation) in the field of observance of human and civil rights and freedoms in the pre-trial stages of criminal proceedings // Bulletin of Science. 2023. No. 11. P. 316-336.

[9] Rygalova K. A. Activities and role of the prosecutor in the implementation of judicial control in pre-trial proceedings in criminal cases: diss. ... Cand. of Law. Sciences. - Saratov, 2019. 215 p.

[10] Ryzhakov A. P. Law enforcement agencies: textbook / A. P. Ryzhakov. Moscow: Business and service, 2015. 592 p.

[11] Toshtemirova R. F. Criminal procedural authority relations during preliminary investigation: diss. ... cand. of Law. Moscow, 2022 204 p.

[12] Trifonova K. A., Biryukov S. Yu. Criminal procedural means of prosecutorial supervision at the final stage of the investigation // Legal Concept. 2022. Vol. 1. No. 3. P. 112-120.

[13] Criminal Procedure Code of the Russian Federation” of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 22.04.2024) // SZ RF. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[14] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 (as amended on 12.03.2024) “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // SZ RF. 1995. No. 47. Art. 4472

[15] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 29.12.2022) “On Operational Investigative Activities” // SZ RF. 1995. No. 33. Art. 3349.

[16] Khaltavaeva I.P. Problematic aspects of prosecutorial supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies // Bulletin of the Magistracy. 2022. No. 10. pp. 62-65.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, ВИДАХ И ФОРМАХ ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. Противодействие экстремизму и преступлениям экстремистской направленности – приоритетная цель российского государства. Несмотря на удельно незначительную, в контексте всех зарегистрированных преступлений, долю преступлений экстремистской направленности, их общественная опасность заключается в возможных негативных последствиях для государства, которые они способны причинить.

Преступления экстремистской направленности, в отличие от большинства других, отличает их публичный характер, желание лиц, совершивших преступление, заявить о совершенных ими деяниях, представить свою идеологию как единственно верную. Лицо, совершая, например, публичные призывы, направленные на возбуждение ненависти, стремится к тому, чтобы призыв достиг как можно большего количества людей, повлиял на их сознание и нашел отклик и понимание.

Вместе с тем, экстремизм как термин, помимо отдельных актов международного характера, практически не употребляется в нормативно-правовых актах международного права. По схожему пути идет и законодательство Российской Федерации, которое не раскрывает определение данного термина в УК, а в Федеральном Законе «О противодействии экстремизму» смешивает понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм». Несмотря на это, в литературе доминирует позиция, исходя из которой данные термины не являются синонимами. В доктрине предлагаются разнообразные подходы к определению понятия и сущности экстремизма, его отграничения от терроризма.

Цель проведенного исследования – показать позиции международного и российского законодательства по определению понятия «экстремизм», раскрыть формы и виды экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм; формы экстремизма; виды экстремизма; публичность в преступлениях; возбуждение ненависти.

LEVIN Denis Dmitrievich,
Junior researcher at the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT, TYPES AND FORMS OF EXTREMISM

Annotation. Countering extremism and extremist crimes is a priority goal of the Russian state. Despite the relatively insignificant proportion of extremist crimes in the context of all registered crimes, their public danger lies in the possible negative consequences for the state that they can cause.

Extremist crimes, unlike most others, are distinguished by their public nature, the desire of the perpetrators of the crime to declare their deeds, to present their ideology as the only true one. A person, making, for example, public appeals aimed at inciting hatred, strives to ensure that the appeal reaches as many people as possible, affects their consciousness and finds a response and understanding.

At the same time, extremism as a term, apart from individual acts of an international nature, is practically not used in normative legal acts of international law. The legislation of the Russian Federation follows a similar path, which does not disclose the definition of this term in the Criminal Code, and in the Federal Law “On Countering Extremism” mixes the concepts of “extremist activity” and “extremism”. Despite this, the literature is dominated by the position that these terms are not synonymous. The doctrine offers a variety of approaches to defining the concept and essence of extremism, its differentiation from terrorism.

The purpose of the study is to show the positions of international and Russian legislation on the definition of the concept of “extremism”, to reveal the forms and types of extremism.

Key words: extremism; forms of extremism; types of extremism; publicity in crimes; incitement to hatred.

К вопросу о понятии, видах и формах экстремизма

Проблема противодействия преступлениям экстремистской направленности носит международный характер, оставаясь актуальной и для Российской Федерации.

Согласно статистическим данным, можно проследить динамику состояния преступности экстремистской направленности. За 2023 год было зарегистрировано 1340 преступлений, за 2022 год – 1566 преступлений, за период 2021 года – 1057 преступлений, за 2020 год – 833 преступления, за 2019 – 585 преступлений, за период 2018 года было зарегистрировано 1265 преступлений. Важно отметить, что снижение 2019 года связано с изменениями внесенными в законодательство в 2018 году в статью 282 УК, предусматривающими возможность привлечения лица к уголовной ответственности только после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Данные, полученные при анализе судебной практики за последние 5 лет свидетельствуют о тенденции роста совершения преступлений экстремистской направленности [1, с. 5-6], исключение составляет 2023 год в котором зафиксировано значительное снижение регистрируемых преступлений по данной категории дел. Несмотря на это следует отметить, что тенденция совершения преступлений экстремистской направленности имеет признаки роста, а изменения, связанные с введением в статью 282 УК административной преюдиции не смогли снизить количество совершаемых преступлений.

Экстремизм как явление известно давно. Исторически он проявлялся в различных своих видах, носил как религиозный, так и политический характер, реже национальный. Связано это с тем, что в Античные и Средневековые времена вопросы о принадлежности к определенному религиозному течению (культу) и политической приверженности к определенной фигуре (царю, сатрапу, вождю, базилевсу, королю) носили первостепенное значение. В свою очередь, вопросы национальной принадлежности играли вторичную роль. Так, в битве при Граннике (334 г. до н.э.) и при Гавгамелах (331 г. до н.э.) греко-македонскому войску Александра Македонского противостояли греческие наемники, сражающиеся на стороне царя державы Ахеменидов Дария III. Основными видами экстремизма в Античности и Средневековье являлись религиозный и политический экстремизм. Например, в I веке до н.э. действовал ряд еврейских сект, отличительной чертой которых была фанатичность и жестокость, секта зилотов (в переводе с греческого – «ревнители») противостояла проникновению влияния эллинизма в Иудею, а секта сиккариев [2, с.

65] (в переводе с латыни – «кинжальщики») боролась против проримски настроенной еврейской знати, сотрудничавшей с Римом.

Согласно положениям указанными в Указе Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» «экстремизм создает реальную опасность суверенитету, основам конституционного строя, территориальной целостности, межэтническому и межконфессиональному единству, общественной и политической стабильности Российской Федерации». Экстремизм, согласно положениям Стратегии, носит деструктивный характер, имеет направленность на разобщение, усиление проявлений межэтнической и межконфессиональной ненависти, создает угрозы безопасности и стабильному развитию государства.

В Стратегии среди определений нет разъяснения чем же является экстремизм, также определение, как отмечает ряд авторов, отсутствует и в статьях Федерального закона от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который ограничился перечислением деяний, охватываемых понятием экстремизма [3, с. 241-242].

Определение данному понятию существует в «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 25 июля 2002 года, согласно положениям которой экстремизм – «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них». Исходя из определения следует подчеркнуть, что в конвенции правильно отнесены преступления экстремистской направленности к числу посягательств против государственной власти, так как, в разделе X (преступления против государственной власти) находятся составы незаконного захвата или удержания власти (ст.278), а согласно положениям конвенции экстремизм является деянием, направленным, в том числе, на незаконный захват или удержание власти.

Следующим документом в сфере противодействия экстремизму является «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизма» от 9 июня 2017 года. Конвенция определяет экстремизм как «идеологию и практику, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий». Полагаем, что такое определение

экстремизма имеет под собой основание. Терроризм доктриной признается крайней формой экстремизма, Федеральный Закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ дает легальное определение данному понятию, подразумевая под терроризмом «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений». При этом в отличие от Федерального Закона «О противодействии экстремизму», который уравнивает понятия «экстремистской деятельности» и «экстремизма», Конвенция различает данные термины, признавая «экстремистским актом» конкретные деяния, образующие состав преступления или правонарушения, а экстремизм, в свою очередь, определяя как идеологию и практику. Считаем обоснованным предложение разграничить в ФЗ «О противодействии экстремизму» понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», ввести в нормы Федерального Закона «О противодействии экстремизму» понятие «экстремизма», взяв за основу положения «Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизма».

Конвенция использует термин «экстремистский акт», ряд исследователей считают, что данный термин является удачным, так как, ответственность предусмотрена за совершение конкретного действия, а не за сам экстремизм в целом, помимо этого, редакция статьи 205 претерпела изменения, сменив название с «терроризм» на «террористический акт» [3, с. 245].

В рамках Содружества Независимых Государств (далее СНГ) в 1996 году был создан «Модельный Уголовный Кодекс» (далее Модельный Кодекс). Отмечается, что в контексте установления уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности УК РФ отошел от изначальной концепции Модельного Кодекса. Сравнивая диспозиции статьи 187 Модельного Кодекса (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) и статьи 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) важно отметить ряд отличий [4, с.126-127]:

1. Модельный Кодекс признает преступлением лишь возбуждение вражды, тогда как УК РФ таковым признает помимо возбуждения вражды, еще и возбуждение ненависти и унижение человеческого достоинства;
2. Модельный Кодекс признает преступлением возбуждение лишь национальной, расовой и религиозной вражды, УК РФ охватывает под термином возбуждение (помимо уже названного), также возбуждение вражды или ненависти также по признакам пола, языка, национальности или принадлежности к какой-либо социальной группе.

Термин «экстремизм», до недавнего времени, практически не встречается в законодательстве зарубежных западных стран, но активно используется в пост-советских государствах, например, в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Таджикистан и Республике Узбекистан. Примечательно, что уголовное законодательство, согласно Уголовным Кодексам, вышеперечисленных государств преступления экстремистской направленности относит, преимущественно, к преступлениям против государственной власти. Исключением является законодательство Республики Казахстан, в которой данная категория преступлений отнесена к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. При этом УК Казахстана не дифференцирует преступления, связанные с финансированием террористической и экстремистской деятельности, объединяя их в одну норму (ст. 258 УК Республики Казахстан). УК Российской Федерации не только предусматривает ответственность за финансирование террористической и экстремистской деятельности, но и дифференцирует размер наказания. За финансирование терроризма (ст.2051) предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. В свою очередь, за финансирование экстремистской деятельности (ст.2823) предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет. Считаем, что дифференциация размера наказаний за преступления террористической и экстремистской направленности является обоснованной по причине того, что общественная опасность преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности выше, в связи с чем установление единых санкций не отвечает назначению уголовного судопроизводства, указывающего в ч.2 ст.6 УПК на необходимость назначения лицам, виновным в совершении преступлений справедливого наказания.

УК согласно примечанию 1 к статье 2051 под финансированием терроризма понимает, в том числе, предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг в целях совершения ряда преступлений, среди которых особенно стоит выделить следующие составы: посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (278), вооруженный мятеж (статья 279) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо угроза его совершения (статья 360). На наш взгляд, законодатель необоснованно распространяет действие примечания 1 статьи 2051 по отношению к составам, предусмотренных разделом X (статьи 277,

278 и 279), а также разделом XII. Родовым объектом первого являются общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям власти, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, родовый объект статьи 360 – мир и безопасность человечества. В свою очередь, родовый объект раздела IX, в составе которого и находится статья 2051 – общественная безопасность, здоровье населения и общественная нравственность, экология, безопасность движения общественного транспорта и компьютерных информационных процессов. На основании этого преступления, предусмотренные статьями 2051, 277, 278, 279 и 360 имеют совершенно различные объекты защиты, поэтому считаем, что распространение действия положений статьи 2051 на иные разделы УК не способствует системности и логической стройности построения уголовного законодательства.

Согласно статье 24 Федерального Закона «О противодействии терроризму» запрещается создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на совершение ряда преступлений предусмотренных главой 24 УК, помимо этого ФЗ распространяет действие статьи 24 и на иные составы (221, 277-280, 2821-2823, 360 и 361), по причинам описанным выше поддерживаем мнение тех исследователей, которые считают, что подобная ситуация создает проблемы в понимании и отграничении таких терминов как «экстремизм» и «терроризм». Действующее законодательство требует проведение изменений, направленных на отграничение названных выше понятий.

В литературе предложены многочисленные варианты определения понятию экстремизм. А.И. Рарог определяет экстремизм как «приверженность к крайним формам разрешения социальных конфликтов, обосновывающих необходимость применения насильственных методов» [5, с.67]. Другие авторы понимают под экстремизмом: «действия, а также идеи, угрозы и намерения, нарушающие установленные законом права и свободы граждан» [2, с.65-66]. Вместе с тем, законодательство Российской Федерации, как отмечает ряд авторов, не дает легального определения термина «экстремизм», данное обстоятельство препятствует разграничению преступлений экстремистской и террористической направленности. С.М. Кочои дает следующее определение: «экстремизм – идеология и практика воздействия на органы власти и граждан, связанные с противоправными действиями, совершаемыми по мотивам национальной (этни-

ческой), религиозной, расовой, политической ненависти». В указанном определении автор избегает дословного цитирования положений примечания 2 статьи 2821, которая помимо мотивов национальной, религиозной, расовой и политической ненависти указывает на мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, вынуждены согласиться с мнением С.М. Кочои в той части, что отнесение мотивов ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе является изменением несвойственным отечественному законодательству, не способствующим единообразию судебной практики, в связи с тем, что устанавливает «расплывчатое» понятие «какой-либо социальной группы». Данное изменение было внесено в статью 2821 в 2007 году, первоначальная редакция статьи не предусматривала в своем содержании мотивов вражды и ненависти по отношению к какой-либо социальной группе.

Сложности в теории вызывают вопросы, связанные с выделением форм и видов экстремизма. В литературе нередки ситуации, когда происходит смешивание понятия формы и вида, по нашему мнению, данные понятия следует отличать. Под формой экстремизма следует понимать внешнее выражение содержания экстремизма, под видом – определенную группу сходных общественно-опасных деяний [6, с.123]. Мы согласны с теми авторами, которые выделяют следующие виды экстремизма [7, с.71-72]: бытовой, религиозный, национальный, политический, молодежный и т. д. Поддерживаем точку зрения С.М. Кочои, который выделяет две формы экстремизма: уголовно-наказуемый и административно-наказуемый [7, с.71-72]. Ряд авторов, например, В.Е. Зварыгин, А.С. Кондаков называют религиозный экстремизм формой экстремизма [8, с.303], на наш взгляд, в данном случае прослеживается смешивание понятия формы и вида. Подобной точки зрения придерживаются А.В. Римский и А.В. Артюх, считая, что религиозный, национальный и политический экстремизм следует считать именно формами экстремизма, а не его видами [9, с.246].

В заключение необходимо отметить, что противодействие преступлениям экстремистской направленности – одна из основных задач уголовной политики Российской Федерации. Несмотря на небольшой удельный вес совершаемых преступлений экстремистской направленности их совершение наносит непоправимый ущерб государственной системе власти, способно дестабилизировать деятельность государственных учреждений. Особо опасным среди преступлений главы 32 УК считаем преступление, предусмотренное статьей 282, так как, возбуждение ненависти направленно на создание в обществе

нетерпимости к отдельным группам лиц по признаку их национальной, религиозной, расовой принадлежности. Возбуждение ненависти особенно общественно опасно в реалиях российского государства, представляющего собой федерацию – союз субъектов, выделенных в том числе и по национальному признаку. Россия государство многонациональное и многоконфессиональное, возбуждение социальной ненависти – инструмент, используемый сепаратистами и националистами, имеющими своей целью – дестабилизацию политической стабильности Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение / автореф... дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2015. – 29 с.

[2] Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки / Философия права. – 2007. – № 4(23). – С. 65-71

[3] Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 240-247.

[4] Борисов С.С. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Москва, 2012. – 484 с.

[5] Рарог А.И. Соотношение между экстремизмом и терроризмом // Юристы - Правоведъ. – 2010. – № 6(43). – С. 67-69.

[6] Кочои С.М. Уголовно-правовое противодействие идеологическому экстремизму // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 117-132.

[7] Самойлов С.Ф. Характерные черты и основные виды экстремистской деятельности // Общество и право. 2024. №1. С.71-74.

[8] Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Проблемные вопросы определения сущности религиоз-

ного экстремизма как уголовно-правового и социального явления. // Экономика и право. 2024. Т. 34. вып.2. С.301-305.

[9] Римский, А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16(71). – С. 244-249.

Spisok literatury:

[1] Veliyev F.Z. The motive of hatred or enmity and its criminal legal significance//author... dis. Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08. - Moscow, 2015. - 29 s.

[2] Vorontsov S.A. The concept of extremism and its essential features//Philosophy of law. – 2007. – № 4(23). - S. 65-71

[3] Kochoi S.M. On the quality of criminal law regulation of responsibility for extremism and ideological extremism//All-Russian Criminological Journal. – 2022. - T. 16, NO. 2. - S. 240-247.

[4] Borisov S.S. Extremist crimes: problems of legislation and law enforcement: dis. Dr. Jurid. Sciences: 12.00.08 - Moscow, 2012. - 484 s.

[5] Rarog A.I. The relationship between extremism and terrorism//Lawyer-Pravoveda. – 2010. – № 6(43). - S. 67-69.

[6] Kochoi S.M. Criminal law counteraction to ideological extremism//Journal of Russian Law. 2021. VOL. 25. № 11. S. 117-132.

[7] SamoiloV S.F. Characteristic features and main types of extremist activities//Society and law. 2024. №1. S.71-74.

[8] Zvarygin V.E., Kondakov A.S. Problematic issues of determining the essence of religious extremism as a criminal law and social phenomenon / Economics and law. 2024. T. 34. issue 2. S.301-305.

[9] Rimsky, A.V., Artyukh A.V. Extremism and terrorism: the concept and main forms of manifestation / Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. – 2009. – № 16(71). - S. 244-249.

КУШХОВ Руслан Хабильевич,
кандидат юридических наук,
подполковник полиции, старший преподаватель,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
Кафедра специальных дисциплин,
e-mail: Ruslan_48@mail.ru

БОЗИЕВ Мурат Владимирович,
майор полиции, преподаватель,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кафедра специальных дисциплин,
e-mail: dok132828@gmail.com

КУМЕХОВА Марьяна Борисовна,
преподаватель,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
Кафедра специальных дисциплин,
e-mail: mkumekhova@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ВИДЫ УБИЙСТВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья рассматривает проблематику уголовной ответственности за привилегированные виды убийств в Российской Федерации, с особым вниманием к убийствам, совершаемым в состоянии аффекта или во время родов. Авторы анализируют сложности, связанные с трактовкой и квалификацией таких преступлений, особенно в случаях убийства новорожденных матерью, и указывают на отсутствие четкости в законодательных определениях, что приводит к ошибкам в судебной практике. Обсуждается необходимость доработки Уголовного кодекса РФ, в частности статьи 106, с целью уточнения спорных понятий и введения более строгих критериев квалификации для улучшения правоприменительной практики.

Ключевые слова: привилегированные убийства, уголовная ответственность, УК РФ, судебная ошибка, следственная практика, квалификация преступлений, законодательные изменения, психоэмоциональная нестабильность, правовые дефиниции, корректировка возрастных норм.

KUSHKHOV Ruslan Khabilevich,
Candidate of Legal Sciences, major of the police,
Lecturer, North-Caucasus institute (branch)
of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior
of Russia Department of Special Disciplines

BOZIEV Murat Vladimirovich,
police major, teacher, North Caucasian Institute
for Advancement qualifications of employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Special Disciplines

KUMEKHOVA Maryana Borisovna,
teacher, North Caucasus Institute
for Advanced Studies qualifications of employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Department of Special Disciplines

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR PRIVILEGED TYPES OF MURDER AND WAYS TO SOLUTION THEIR

Annotation. *The article examines the issues of criminal liability for privileged types of murders in the Russian Federation, with special attention to murders committed in a state of passion or during childbirth. The authors analyze the difficulties associated with the interpretation and qualification of such crimes, especially in cases of maternal homicide of newborns, and point out the lack of clarity in legislative definitions, which leads to errors in judicial practice. The need to amend the Criminal Code of the Russian Federation, in particular Article 106, is discussed in order to clarify controversial concepts and introduce more stringent qualification criteria to improve law enforcement practice.*

Key words: *privileged murders, criminal liability, the Criminal Code of the Russian Federation, miscarriage of justice, investigative practice, qualification of crimes, legislative changes, psycho-emotional instability, legal definitions, adjustment of age standards.*

В современной правовой системе Российской Федерации категория «привилегированных убийств» охватывает деяния, выполненные в условиях, которые уменьшают общественную опасность этих актов. Данная категория преступлений включает в себя нарушения, регламентированные статьями 106, 107 и 108 Уголовного кодекса Российской Федерации, обозначающие специфические условия и обстоятельства совершения убийств, что позволяет судебным органам применять смягчающие обстоятельства при вынесении приговоров [1].

Преступление, закреплённое в статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, охарактеризованное как убийство матерью своего новорожденного ребенка, представляет собой один из наиболее сложных для квалификации случаев в рамках судебного и следственного процессов. Этот вид деяния влечет за собой значительные трудности в правоприменительной практике из-за его специфической природы и эмоциональной окрашенности, требуя от следственных органов и судей особой внимательности и глубокого понимания мотивов и обстоятельств, которые привели к совершению преступления [2, с. 157].

Преступления, направленные против жизни новорожденных, неизменно вызывают значительное общественное возмущение, что придает процессу их квалификации особую остроту. Эти деяния выходят за рамки общепринятых норм и противоречат основным принципам человеческой морали, ведь они напрямую нарушают инстинкт материнской заботы, заложенный природой. Особенно тревожными являются масштабы таких преступлений: по данным последних шести лет, в Российской Федерации зарегистрирована смерть более 200 новорожденных от рук собственных матерей [3, с. 24].

Анализируя специфику преступлений, связанных с убийством новорожденных, следует отметить, что действующее законодательство относит такие деяния к категории привилегиро-

ванных. Подобная классификация основывается на наличии особых обстоятельств, сопутствующих совершению преступного акта и существенно влияющих на его правовую оценку.

К числу таких обстоятельств, прежде всего, относится факт убийства младенца непосредственно после родов. Законодатель признает, что в этот период женщина находится в особом физическом и психологическом состоянии, которое может существенно ограничивать ее способность осознавать характер и последствия своих действий.

Кроме того, привилегированный статус может быть присвоен убийству новорожденного, совершенному в условиях, вызывающих серьезное психоэмоциональное потрясение. Такие ситуации могут быть связаны с различными травмирующими событиями, происходящими в жизни женщины и оказывающими сильное дестабилизирующее воздействие на ее психику.

Еще одним фактором, учитываемым при квалификации убийства новорожденного как привилегированного, является наличие у матери психического расстройства, не исключающего вменяемости. В таких случаях женщина хотя и осознает фактический характер своих действий, но не может в полной мере руководить ими вследствие болезненного состояния психики [5, с. 74].

Касаемо убийства новорожденного непосредственно после родов, временной аспект совершения преступления приобретает ключевое юридическое значение. Именно временной интервал между рождением ребенка и совершением преступления служит основным критерием для квалификации действий как привилегированных. Этот критерий помогает определить, было ли преступление совершено в состоянии крайней психоэмоциональной напряженности, что существенно влияет на оценку деяния в рамках уголовного права.

Анализируя судебную практику, можно выявить существенный недостаток в подходе к рассмотрению дел, связанных с психоэмоциональ-

ным состоянием обвиняемых женщин. Зачастую суды не применяют комплексный подход, который бы учитывал совокупность различных факторов, оказывающих влияние на психику и эмоции подсудимой. Кроме того, недостаточное внимание уделяется выявлению причинно-следственных связей, способных спровоцировать повышенную эмоциональную нестабильность и психологическую уязвимость.

Психоэмоциональная нестабильность может быть обусловлена целым спектром причин, которые необходимо тщательно исследовать в каждом конкретном случае. Одним из факторов является физический дискомфорт, испытываемый женщиной во время родового процесса. Однако, помимо непосредственно связанных с родами обстоятельств, существуют и другие потенциальные триггеры, которые могут усугубить психологическое состояние обвиняемой. К ним относятся конфликтные ситуации в семье, разрыв отношений с партнером, являющимся отцом ребенка, а также общая напряженность и неблагоприятный климат в семейном окружении.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации выявляет существенный пробел в области регулирования ответственности за преступления, связанные с убийством новорожденных. В частности, острую проблему представляет отсутствие дифференцированного подхода к квалификации деяний, направленных против жизни нескольких младенцев, рожденных одновременно (так называемых «двоен» или «троен»), а также к случаям убийства, совершенного с особой жестокостью.

Действующие нормы уголовного права не предусматривают отягчающих обстоятельств для ситуаций, когда жертвами преступного посяательства становятся двое или более новорожденных детей. Такое положение вещей свидетельствует о серьезном несовершенстве системы уголовной ответственности, поскольку не учитывает повышенную общественную опасность и тяжесть последствий подобных деяний.

Логичным и справедливым шагом было бы внесение изменений в законодательство, предусматривающих разделение уровней ответственности в зависимости от количества жертв.

Кроме того, предлагается пересмотреть возрастное ограничение уголовной ответственности, снизив его до 14 лет. Такая корректировка обусловлена психологическими и социальными исследованиями, которые показывают, что начиная с этого возраста подростки способны адекватно оценивать последствия своих действий и осознавать уровень угрозы, которую их поступки могут представлять для общества. Понижение возрастного порога уголовной ответственности предполагает более раннее вовлечение молодых

людей в ответственное отношение к закону, способствуя формированию законопослушного поведения.

В статье 107 Уголовного кодекса Российской Федерации рассматривается убийство, совершённое в состоянии аффекта, как особая категория уголовного преступления. Это правовое положение подчёркивает специфические обстоятельства, при которых преступление было совершено: резкая эмоциональная вспышка, спровоцированная обстоятельствами, имеющими значительную силу. Такие обстоятельства могут существенно смягчить ответственность лица, если будет доказано, что его действия были результатом мгновенного, не контролируемого эмоционального порыва, вызванного действиями жертвы или иными мощными воздействиями [1].

В рамках правовой оценки угрозы выделяются два критерия: объективный и субъективный. Объективный критерий угрозы связан с реальностью угрозы и предполагает, что после оценки обстановки потерпевший приходит к выводу о том, что угроза реально может быть осуществлена. Этот критерий оценивается правоприменителем на основании доказательств и обстоятельств дела, а также возможности лица, выразившего угрозу, выполнить свои угрожающие намерения.

Субъективный критерий связан с личным восприятием и убежденностью потерпевшего в том, что угроза может быть реализована. Важным является то, что убежденность должна быть основана на разумной оценке объективных факторов, таких как предшествующее поведение угрожающего, его возможности и ресурсы. Угроза может касаться как непосредственного момента, так и предстоящих событий в обозримом будущем [4, с. 29].

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, охарактеризованное статьей 107 Уголовного кодекса РФ, является сложным для правовой квалификации по нескольким причинам. Во-первых, необходимо доказать наличие аффекта, то есть чрезвычайного психического состояния, вызванного сильнейшим внешним раздражителем. Это состояние должно возникнуть непосредственно в ответ на предшествующее противоправное поведение потерпевшего, которое и спровоцировало виновное лицо на совершение убийства.

Состояние аффекта характеризуется потерей самоконтроля, что делает причинение смерти потерпевшему своего рода неосознанной реакцией на действия жертвы. Важно подчеркнуть, что временной интервал между провокацией и самим актом убийства должен быть минимальным. Это подразумевает, что длительное раз-

мышление или планирование убийства исключает возможность признания действий виновного совершенными в состоянии аффекта.

Определение точного момента возникновения аффекта и его продолжительности требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, включая психологические и психиатрические экспертизы. Также существенным является учет характера и интенсивности предшествующего противоправного поведения потерпевшего.

Часть первая статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Это правовое положение подчеркивает важность соблюдения законных границ защиты при отражении агрессии, направленной против жизни или здоровья человека и его близких.

Превышение пределов необходимой обороны характеризуется действиями, которые явно не соответствуют характеру и опасности угрозы. Например, если ответная реакция на нападение несоразмерно велика по отношению к уровню непосредственной угрозы, такие действия могут быть квалифицированы как превышение пределов обороны.

Основным объектом защиты в данной статье является жизнь человека. В случаях, когда лицо, защищаясь, превышает необходимые для обороны меры и причиняет смерть нападающему, такие действия переходят границы разрешенной законом самообороны и требуют юридической оценки на предмет соответствия действий степени угрозы.

Рассмотрение превышения пределов необходимой обороны и превышения мер, необходимых для задержания преступника, представляет собой сложную правовую задачу, требующую детального анализа обстоятельств дела. Оба преступления характеризуются тем, что смерть посягающего или преступника не является первоначальной целью действий обороняющегося или задерживающего. Скорее, смерть является последствием действий, превысивших законные рамки самообороны или мер, необходимых для задержания.

Аспекты для установления превышения пределов:

- Адекватность реакции: Необходимо оценить, соответствовали ли действия лица, причинившего смерть, степени и характеру угрозы. Для этого анализируются такие факторы, как интенсивность атаки, доступные средства защиты и возможность избежать конфликта.
- Необходимость применения силы: Оценка того, мог ли обороняющийся или задерживающий действовать иначе, не прибегая к

крайним мерам, способным привести к смерти нападающего или преступника.

- Пропорциональность: Соответствие между масштабом угрозы и жестокостью примененных мер. Превышение характеризуется использованием чрезмерной силы по отношению к уровню реальной угрозы.
- Временная близость: Оценка времени между угрозой и ответной реакцией. Значительная задержка может указывать на то, что действия были продуманны и целенаправлены, что исключает спонтанность, типичную для законной самообороны.

В настоящее время одной из ключевых проблем, общей для рассмотренных юридических статей, является отсутствие четко определенных нормативных актов, которые бы позволяли безоговорочно классифицировать признаки и составы преступлений. В частности, анализируя положения статьи 106 Уголовного кодекса РФ, можно отметить значительное «омоложение» возраста лиц, совершающих правонарушения. Согласно данной статье, применение норм возможно только после достижения субъектом возраста 16 лет. Статья 108 УК РФ описывает преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В обоих случаях действия виновного направлены не на совершение убийства как такового, а на предотвращение или прекращение агрессивных действий и задержание преступника, что подпадает под действие уголовного законодательства. Эти аспекты подчеркивают наличие пробелов в законодательстве, которые требуют детальной проработки и уточнения для обеспечения правовой определенности и эффективности правоприменительной практики.

Исследование подчеркивает недостатки в существующей системе квалификации привилегированных составов преступлений, указывая на необходимость реализации ряда реформаторских мероприятий для устранения выявленных проблем. Основная выявленная проблема заключается в наличии множества смягчающих обстоятельств, которые могут одновременно влиять на решение суда. Однако законодательство не предусматривает четких правил, определяющих степень смягчения наказания в зависимости от каждого из этих обстоятельств. Это создает правовую неопределенность и может приводить к несогласованности и несправедливости в судебной практике. В связи с этим, актуализируется потребность в разработке и внедрении законодательных изменений, которые бы уточнили механизмы учета смягчающих обстоятельств, обеспечивая тем самым более предсказуемые и справедливые исходы судебных дел.

Для усиления прозрачности и справедливости судебной системы представляется важным закрепить на законодательном уровне детальную классификацию смягчающих обстоятельств, а также четко определить степень их влияния на суровость приговора. Такой подход потребует не только количественного учета смягчающих факторов, но и анализа их качественных характеристик. Особое внимание следует уделить определению причинно-следственных связей между наличием смягчающих обстоятельств и характером совершенного преступления.

Классификация должна включать параметры, которые помогут оценить не только присутствие смягчающего фактора, но и его весомость в контексте конкретного дела. Это позволит судьям обоснованно применять смягчающие обстоятельства, основываясь на четко прописанных нормативах, и делать выводы о том, как эти факторы влияют на общественную опасность деяния и степень ответственности преступника.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении дел о привилегированных преступлениях часто учитываются личностные характеристики обвиняемого. Эти характеристики могут включать, например, его прошлое поведение, мотивы и личные обстоятельства, которые расширяют перечень смягчающих обстоятельств. Вместе с тем, такие личностные данные не всегда коррелируют с общественным влиянием совершенного преступления, что ставит под сомнение их релевантность в контексте оценки общественной опасности деяния.

Введение личностных характеристик в понятийный аппарат уголовного права и выделение их в отдельную категорию могут способствовать более четкому и структурированному подходу к учету этих данных при принятии судебных решений. Отдельная категория позволит судьям более осознанно подходить к оценке того, как личные качества влияют на решение о степени наказания.

Особенность доказательства состояния аффекта в момент совершения преступления играет ключевую роль в юридической оценке действий подсудимого и последующем принятии судебных решений. Состояние аффекта, вызванное сильным психоэмоциональным потрясением, обычно требует проведения специальной судебно-психиатрической экспертизы, которая может быть назначена только по решению суда. Это состояние признается важным фактором, способным изменить квалификацию деяния и влиять на степень и характер наказания.

С точки зрения правоприменения, признание состояния аффекта как значимого элемента преступления подчеркивает необходимость уста-

новления прямой причинно-следственной связи между сильным эмоциональным возмущением и преступным действием. Это состояние должно быть непосредственно вызвано событиями, приведшими к экстремальному психологическому состоянию. В соответствии со статьей 107 УК РФ, преступление, совершенное в состоянии аффекта, может рассматриваться иначе по сравнению с обычными условиями, предусмотренными статьей 61 УК РФ, что может вести к смягчению наказания или изменению его характера [1].

Признание состояния аффекта у лица, совершившего преступление, имеет сложные последствия для квалификации его действий. Важно понимать, что наличие аффекта не всегда приводит к снижению общественной опасности деяния; в некоторых случаях это состояние может даже увеличить потенциальную угрозу для общества. Это связано с тем, что аффект часто приводит к потере контроля над поведением, что может вызвать непреднамеренно агрессивные или опасные действия.

Однако, в юридическом контексте, состояние аффекта позволяет выделить деяния, совершенные в таком психоэмоциональном состоянии, в отдельную категорию преступлений. Это деление помогает законодателям и судьям более точно оценивать мотивы и психологическое состояние обвиняемого в момент совершения преступления. Оно подчеркивает значимость понимания психического состояния в качестве ключевого элемента при определении степени ответственности и выборе наказания.

Для корректного учета такого состояния важно проведение качественной экспертизы, которая подтвердит наличие аффекта и поможет установить, как он повлиял на поведение человека.

Вопросы ответственности экспертов в сфере судебной экспертизы и уголовной ответственности за преступления требуют тщательного рассмотрения. В связи с этим, становится актуальной идея введения наказаний за нарушения, допущенные экспертами в процессе их профессиональной деятельности, согласно статье 307 Уголовного кодекса РФ. Такой подход может способствовать снижению уровня профессиональной недобросовестности, поскольку ужесточение ответственности усиливает мотивацию к соблюдению высоких стандартов работы.

С другой стороны, вопрос уголовной ответственности несовершеннолетних, особенно в деликатных случаях, как убийство новорожденного матерью, предусмотренное статьей 106 Уголовного кодекса РФ, требует особого внимания. Обсуждается предложение о понижении воз-

раста уголовной ответственности с 16 до 14 лет. Это изменение предлагается на фоне аргументов о том, что уже в 14 лет подростки способны осознавать последствия своих действий и их угрозу для общества. Однако, такая мера требует всестороннего анализа с точки зрения психологической готовности и социальной адекватности возложения подобной ответственности на подростков, учитывая различные аспекты развития личности в данном возрасте.

Рассмотрение вопроса уголовной ответственности за убийство новорожденных в Российской Федерации, безусловно, требует глубокой правовой проработки, особенно в контексте повышения суровости наказаний за особо тяжкие случаи. Отсутствие в законодательстве четких положений, касающихся ответственности за убийство нескольких новорожденных (так называемые убийства «двойни» и «тройни»), а также за убийство с особой жестокостью, выявляет значительные пробелы в существующих нормативных регуляциях.

Введение более строгих мер ответственности и разграничение наказаний в зависимости от степени общественной опасности действий могло бы способствовать более адекватному реагированию на такие преступления. Предложение о пересмотре статьи 106 УК РФ, включая выделение в отдельные составы преступлений убийство нескольких детей или убийство с особой жестокостью, кажется обоснованным.

При этом, предлагается изложить статью 106 УК РФ в следующей редакции «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, наказывается ограничением свободы на срок от одного до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Актуальное законодательство Российской Федерации предусматривает ряд наказаний за убийство матерью своих новорожденных детей, однако вопрос о достаточности и адекватности этих мер остаётся открытым. Убийство двух и более детей во время или сразу после родов, наказуемое ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, принудительными работами на аналогичный срок или лишением свободы до четырех лет, может восприниматься как недостаточно строгое в свете общественной опасности данного деяния.

Вопрос наказания за убийство новорожденного ребенка матерью в условиях психотравмирующей ситуации или при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости, является одним из наиболее сложных аспектов уголовного права. Закон предусматривает различные виды наказания, такие как ограничение

свободы, принудительные работы или лишение свободы, сроком от двух до четырех лет, при этом для принудительных работ срок может достигать пяти лет.

Данная норма уголовного законодательства представляет собой ответ на серьезные преступления, связанные с убийством матерью двух и более новорожденных детей во время или сразу после родов, а также убийством в условиях психотравмирующей ситуации или при наличии психического расстройства, которое не исключает вменяемости. Она отражает стремление общества и государства к более строгому наказанию за особенно тяжкие преступления, подчеркивая серьезность преступлений против жизни новорожденных.

Установление наказания в виде ограничения свободы, принудительных работ или лишения свободы на срок от трех до семи лет позволяет учесть как общественную опасность преступления, так и индивидуальные обстоятельства дела. Это важно для обеспечения справедливости и адекватности наказания, особенно учитывая сложные психологические и социальные факторы, которые могут сыграть роль в совершении таких действий.

При этом ключевым моментом остается не только назначение наказания, но и обеспечение соответствующей психологической и социальной поддержки для женщин, оказавшихся в подобной ситуации.

Корректировка законодательной базы и проведение целенаправленных мероприятий могут сыграть ключевую роль в минимизации несправедливо вынесенных судебных решений и стандартизации подходов к квалификации преступлений, особенно в таких чувствительных областях, как уголовная ответственность за убийство новорожденных. Важно, чтобы такие изменения сопровождались широким общественным обсуждением и участием экспертов в области права, психологии и социальной работы. Это обеспечит, что любые нововведения будут отражать как текущие научные и практические знания, так и общественные ожидания относительно справедливости и эффективности правосудия.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 ст. 2954.

[2] Бабичев А.Г. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С. 254-255.

[3] Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. Б. Борови-

ков, А. А. Смердов; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 505 с.

[4] Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие признаки составов преступлений: правовая природа, классификация, особенности законодательной регламентации и правоприменения: монография. - М.: Юрлитинформ, 2019. - 157 с.

[5] Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 707 с.

Spisok literatury:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25 Art. 2954.

[2] Babichev A.G. Features of the corpus delicti under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation//Eurasian Legal Journal. - 2022. - № 3 (166). - S. 254-255.

[3] Borovikov, V. B. Criminal Law. Special part: textbook for universities/V. B. Borovikov, A. A. Smerdov; edited by V. B. Borovikov. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Yuright Publishing House, 2023. - 505 s.

[4] Donets S.P. Qualifying and privileged signs of corpus delicti: legal nature, classification, features of legislative regulation and law enforcement: monograph. - M.: Yurlitinform, 2019. - 157 s.

[5] Sverchkov, V.V. Criminal Law. General and Special parts: a textbook for universities/V.V. Sverchkov. - 9th ed., Revised. and add. - Moscow: Yuright Publishing House, 2022. - 707 s.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МНИМАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ

Аннотация. Основное содержание исследования составляет анализ одного из распространенных в последнее время вида мошеннических действий, совершаемых с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» - размещения заведомо ложной информации, связанных с мнимой деятельностью благотворительного характера. Актуальность связана с повышенной опасностью рассматриваемой модели преступных деяний, поскольку они совершаются посредством сети «Интернет», адресованы неопределенному кругу лиц, значительно увеличивая число возможных потерпевших от таких действий и размер причиненного в результате совершенного преступления ущерба неравнодушным гражданам. Автором проведен анализ относятся ли рассматриваемые преступные действия к разновидности единичных сложных преступлений или являются совокупностью преступлений. Рассмотрены проблемы определения источника получения незаконного обогащения, места совершения преступления, места изъятия имущества. Сделан вывод о необходимости законодательного разъяснения в части единства или множества источников незаконного изъятия денежных средств при совершении интернет-мошенничества. Статья представляет интерес для исследователей проблем квалификации мошеннических действий.

Ключевые слова: Преступление, мошенничество, квалификация, единично сложное преступление, совокупность преступлений, место совершения преступления, место изъятия имущества.

MURTAZINA Ksenia Anatolyevna,
postgraduate student of the Department of criminal law
of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Anadyr

IMAGINARY CHARITY AS ONE OF THE TYPES OF FRAUD COMMITTED IN THE INFORMATION-TELECOMMUNICATIONS NETWORK

Annotation. The main content of the study is an analysis of one of the most common types of fraudulent actions committed recently using the Internet information and communication network for posting deliberately false information related to imaginary charitable activities. The relevance is associated with the increased danger of the considered model of criminal acts, since they are committed via the Internet, addressed to an indefinite circle of people, significantly increasing the number of possible victims of such actions and the amount of damage caused to concerned citizens as a result of the committed crime. The author analyzes whether the criminal acts in question belong to a variety of single complex crimes or are a set of crimes. The problems of determining the source of illegal enrichment, the place of commission of a crime, and the place of seizure of property are considered. It is concluded that there is a need for legislative clarification regarding the unity or plurality of sources of illegal withdrawal of funds when committing Internet fraud. The article is of interest to researchers of the problems of fraud qualification.

Key words: Crime, fraud, qualification, a single complex crime, a set of crimes, a crime scene, a place of seizure of property.

В последнее время в различных сферах активно используется информационно-коммуникационная сеть «Интернет», благодаря которой граждане приобрели возможность дистанционным путем оперативно разрешать

возникающие жизненные проблемы: покупать необходимые товары, пользоваться государственными услугами для оформления документов, получать образование. Вместе с тем повысился уровень опасности быть вовлеченным в

преступные схемы, в первую очередь, касающиеся хищений у граждан денежных средств с использованием мошеннических действий. Прогресс не стоит на месте, преступниками создаются информационные ресурсы, цель у которых одна – незаконно завладеть денежными средствами граждан. Злоумышленники с каждым годом совершенствуют способы противоправных деяний, изначально не имея намерений выполнить взятые на себя обязательства, преследуя цель избежать уголовной ответственности и последующего наказания, получив как можно большую материальную выгоду от своих действий.

Распространенной моделью мошеннических действий является размещение в информационно-коммуникационной сети «Интернет» заведомо ложной информации о продаже товаров народного потребления, проведении различных обучающих вебинаров, предоставлении оккультно-магических услуг. Ущерб, причиненный гражданам, как правило, является значительным, гораздо реже образует крупный размер. В данной ситуации действия лиц, причастных к совершению таких преступлений, квалифицируются по частям 2 и 3 статьи 159 УК РФ.

Достаточно новой формой интернет-мошенничества является использование заведомо ложной информации, размещенной в объявлениях благотворительного характера: сбор денег на лечение детей, помощь пенсионерам, людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, животным. Сумма для пожертвования не оговаривается, либо предлагается оказать материальную помощь, на первый взгляд в незначительном размере, 10-20 рублей.

Автором проведен анализ 49 приговоров судов общей юрисдикции по делам о мошенничестве за период с 2020 года, из которых два о мошеннических действиях, совершенных посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет», связанных с мнимой деятельностью благотворительного характера.

Так, Майкопским городским судом Республики Адыгея по делу № 1-37/2017 С. осужден по ч. 2 ст. 159 УК РФ [4]. Судом установлено, что С. решил путем обмана похищать денежные средства граждан Российской Федерации, разработав преступную схему, согласно которой он намеревался размещать на различных сайтах глобальной сети «Интернет» информацию о нуждающемся в срочном лечении ребенке, на что необходим сбор благотворительных пожертвований. Реализуя возникший преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана, действуя умышленно, из корыстных побуждений, С. разместил на различных сайтах в глобальной сети «Интернет» заведомо недо-

стоверную информацию о необходимости оказания помощи в виде пожертвований на лечение тяжелобольного малолетнего ребенка, с использованием абонентских номеров и банковской карты, оформленных на его имя. Кроме того, указанный гражданин изготовил листовки с аналогичной информацией, которые размещал на остановках общественного транспорта и в торговой точке с разрешения её владельца, не располагавшего информацией о преступных намерениях С.

В ходе предварительного расследования установлено, что ущерб причинен 32 потерпевшим, суммы перечисленных ими на банковскую карту С. денежных средств варьировались от 100 до 5 000 рублей, в общем злоумышленник незаконно получил от граждан 20 550 рублей. Ущерб в размере по 5 000 рублей причинен двоим гражданам, для остальных потерпевших суммы перечисленных денежных средств – незначительны.

Полагаем необходимо учитывать тот факт, что, исходя из способа подготовки к преступлению следует, что мошеннические действия С. направлены в отношении неопределенного круга лиц, умысел преступника направлен на хищение неопределенной суммы денежных средств. Размер предполагаемого незаконного обогащения не ограничивается определенной суммой, поскольку С. не оговаривал размеры пожертвований, каждый из потерпевших определял их самостоятельно. Поскольку в рассматриваемой ситуации речь идет о множестве «источников» незаконного обогащения, С. мог получить сумму денежных средств эквивалентную или даже более чем предусмотрена законодателем в качестве критерия определения крупного или особо крупного размера в статьях 21 Главы Уголовного кодекса Российской Федерации. Осужденный не собирался отказываться от продолжения преступных действий. О данном факте свидетельствуют документы о причастности его к деятельности двух благотворительных организаций, признанных судом необоснованной, так как все представленные копии документов якобы подтверждающих принадлежность С. к указанным организациям, являются копиями, заверенными неизвестно каким гражданином, то есть у суда имеются основания сомневаться в их подлинности. На первый взгляд все вышеизложенное свидетельствует о наличии единого умысла на совершение мошенничества, прерванного по независящим от злоумышленника обстоятельствам.

В целях соблюдения принципа законности и для правильной квалификации действий мошенников при совершении аналогичных преступных деяний необходимо установить являются ли они единым продолжаемым мошенничеством или идет речь о совокупности преступлений.

На примере рассматриваемого приговора С., реализуя возникший преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана, действуя умышленно, из корыстных побуждений, в неустановленное время, находясь в неустановленном месте, используя неустановленные технические средства, разместил на различных сайтах в глобальной сети «Интернет» заведомо недостоверную информацию о необходимости оказания помощи в виде пожертвований на лечение тяжелобольного малолетнего ребенка. При совершении мошенничества рассматриваемого вида преступником единожды совершается преступное действие – размещение заведомо ложной информации, что, в свою очередь, влечет за собой множество последствий в виде причиненного разным гражданам ущерба.

Признаки длящихся и продолжаемых преступлений подробно разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» [3]. В п. 2 указано, что «под длящимся понимается преступление, которое начинается с определенного преступного действия или определенного преступного бездействия, образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния» [3]. Пунктом 4 постановления № 43 разъяснено какое преступление следует считать продолжаемым: «состоящее из двух или более тождественных противоправных деяний, охватываемых единым умыслом. При этом продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления, так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состава преступления, но в своей совокупности составляют одно преступление» [3].

Таким образом, руководствуясь разъяснением высшей инстанции, можно сделать вывод о том, что мошеннические действия, совершенные посредством сети «Интернет» относятся к длящимся преступлениям.

Отдельным блоком следует рассмотреть проблему источника получения незаконного обогащения, совершенного путем мошеннических действий посредством сети «Интернет».

А.В. Архипов считает, что в общем при квалификации единого продолжаемого мошенничества необходимо одновременно руководствоваться двумя постановлениями Пленума Верховного Суда РФ: одно из них посвящено судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое, второе о судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [7].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление» [1]. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснено, что «в случае совершения нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого образует крупный или особо крупный размер, содеянное квалифицируется с учетом соответствующего признака, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере» [2]. Таким образом, в постановлении Пленума Верховного суда № 29 применительно к кражам, грабежам, разбоям выделяется понятие «одного и того же источника» [1], в постановлении Пленума Верховного суда № 48 для мошеннических действий разъяснение об источниках получения незаконного обогащения, их единстве или множественности, отсутствует.

В науке уголовного права под термином «источник» ученые понимают «потерпевшего» (А.В. Архипов [7], П.С. Яни [8]). В рассматриваемом нами случае источников обогащения, то есть потерпевших тридцать два, сделан вывод о том, что действия С. – это не совокупность преступлений, поскольку мошенничества совершались не в отношении каждого из них как отдельного субъекта, умысел преступника на хищение денежных средств возник единожды, в отношении неопределенного круга лиц, а единое длящееся преступление. Речь идет о множестве «источников» незаконного обогащения, ими могут являться как равнодушные граждане, так и юридические лица, обманутые в результате размещения ложной информации в сети «Интернет».

На наш взгляд, разъяснение суда высшей инстанции в части единства или множества источников незаконного изъятия денежных средств, совершенное посредством сети «Интернет» необходимо для последующей квалификации мошеннических действий в соответствии с повышенной степенью опасности совершенного деяния.

В ходе проведения исследования особый интерес вызвали определение места изъятия имущества, то есть денежных средств, полученных в результате совершения интернет-мошенничества, и разрешение вопроса: тождественны ли в данном случае понятия «место изъятия имущества» и «место совершения преступления»?

Автору близка позиция Беловой Н.В., Белова А.В., полагающих, что при установлении лица, совершившего преступление, местом совершения преступления необходимо считать его местонахождение в момент совершения преступления или местонахождение оборудования (технических средств), с помощью которых совершено преступление, а на первоначальных стадиях, когда лицо не установлено, местом совершения преступления на момент возбуждения уголовного дела необходимо считать место проживания потерпевшего [9].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегов значение слово «место» определяет как «пространство, которое занято или может быть занято кем-нибудь, чем-нибудь, на котором что-нибудь происходит, находится или где можно расположиться» [6]. Постановлением пленума Верховного суда № 48 разъяснено, что «местом совершения мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, исходя из особенностей предмета и способа данного преступления, является, как правило, место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств» [2]. Таким образом, место совершения интернет-мошенничества – это место нахождения преступника и его средства коммуникации для выхода в сеть «Интернет» для совершения преступных действий.

Банковский счет открывается в кредитных учреждениях (банках) и предназначен для аккумуляции безналичных денежных средств для их целевого использования, в том числе участия физических и юридических лиц в безналичном денежном обороте. Для удобства клиентов банки развивают дистанционное обслуживание, предоставляя гражданам и юридическим лицам удаленное распоряжение денежными средствами, то есть без визита в банк. Следовательно, место изъятия имущества – это банковский счет, который открывается и ведется кредитной организацией, имеющей юридический адрес регистрации, то есть имеется привязка к определенному месту.

Следует сделать акцент на способе совершения преступления - использование информационно-коммуникационных технологий, то есть сети «Интернет». Е.А. Русскевич одним из признаков таких преступлений, свидетельствующих об их повышенной опасности, выделяет гипертаргетиванность, поскольку «преступлениям, совершаемым с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, как никаким другим, свойственна нацеленность сразу на многих потерпевших и способность вызывать целые цепи многоуровневых общественно опасных последствий» [10]. Согласно данным, предо-

ставленных Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 1 января 2022 года с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г., численность граждан Российской Федерации составила 146 980 061 человек [5]. Указанные цифры свидетельствуют о возможном размере причиненного ущерба. При этом не стоит забывать о таком признаке сети «Интернет» как глобальность, следовательно, круг возможных потерпевших значительно расширяется за счет граждан иностранных государств.

Подводя итог проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что мошеннические действия, совершенные путем размещения в информационно-коммуникационной сети «Интернет» заведомо ложной информации о сборе денежных средств под предлогом благотворительности, во-первых, квалифицируются как единое длящееся преступление, во-вторых, в отличие от иных видов мошенничества в случае использования сети «Интернет» место совершения преступления – это местонахождение преступника и его технического средства в момент реализации преступного умысла, в-третьих, место изъятия имущества – это конкретный банковский счет, который находится на обслуживании в кредитной организации, в-четвертых, использование сети «Интернет» существенно повышает степень опасности совершенных действий.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Интернет-ресурс Верховный Суд Российской Федерации - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: [https:// www.vsr.ru/documents/own/8242/?ysclid=lyr68vndnf698478285](https://www.vsr.ru/documents/own/8242/?ysclid=lyr68vndnf698478285) (дата обращения 02.06.2024)

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»// Интернет-ресурс Верховный Суд Российской Федерации - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: [https:// www.vsr.ru/files/26106/?ysclid=lyr6hp2f9q173738011](https://www.vsr.ru/files/26106/?ysclid=lyr6hp2f9q173738011) (дата обращения 02.06.2024)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях»// Интернет-ресурс Верховный Суд Российской Федерации - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: [https:// www.vsr.ru/documents/own/8453/?ysclid=lyr6l3cr8k312527524](https://www.vsr.ru/documents/own/8453/?ysclid=lyr6l3cr8k312527524) (дата обращения 12.07.2024)

[4] Приговор Майкопского городского суда по делу № 1-317/2017 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/6kL8qwKqh5x8/?regular-txt=®ular-case_doc=1-317%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=Никандров+Алексей+Владимирович+%28Майкопский+городской+суд+%28Республика+Адыгея%29%29 (дата обращения 23.05.2024)

[5] Федеральная служба государственной статистики - [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 28.03.2024)

[6] Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой // 18-е изд. М.1986. С. 299.

[7] Архипов А.В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации // журнал «Уголовное право». № 5. 2017. С. 13-19

[8] Яни П.С. Размер хищения // журнал «Законность». 2016. № 11. С. 37-42

[9] Белова Н.В., Белов А.В. Место совершения дистанционных хищений (проблемы практики применения) [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/mesto-soversheniya-distantsionnyh-hischeniy-problemy-praktiki-primeneniya/viewer> (дата обращения 13.07.2024)

[10] Е.А. Рускевич Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2020. – 12 с.

Spisok literary:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 (ed. 15.12.2022) “On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery “//Internet resource Supreme Court of the Russian Federation - [Electronic resource]: - Access mode: <https://www.vsr.ru/documents/own/8242/?ysclid=lyr68vndnf698478285> (date of appeal 02.06.2024)

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No.

48 (ed. 15.12.2022) “On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement “//Internet resource Supreme Court of the Russian Federation - [Electronic resource]: - Access mode: <https://www.vsr.ru/files/26106/?ysclid=lyr6hp2f9q173738011> (date of appeal 02.06.2024)

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.12.2023 No. 43 “On some issues of judicial practice in criminal cases of continuing and continuing crimes “//Internet resource Supreme Court of the Russian Federation - [Electronic resource]: - Access mode: <https://www.vsr.ru/documents/own/8453/?ysclid=lyr6l3cr8k312527524> (date of application 12.07.2024)

[4] Verdict of the Maykop City Court in case No. 1-317/2017//Internet resource Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act) - [Electronic resource]: - Access mode: http://sudact.ru/regular/doc/6kL8qwKqh5x8/?regular-txt=®ular-case_doc=1-317%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=Никандров+Алексей+Владимирович+%28Майкопский+городской+суд+%28Республика+Адыгея%29%29 (date of appeal 23.05.2024)

[5] Federal State Statistics Service - [Electronic Resource]: - Access mode: <https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020> (date of application 28.03.2024)

[6] Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words/ed. N. Yu. Shvedova//18th ed. M.1986. S. 299.

[7] Arkhipov A.V. Unified continued theft: problems of qualification//journal “Criminal Law.” № 5. 2017. S. 13-19

[8] Jani P.S. The size of the theft//journal “Legality.” 2016. № 11. S. 37-42

[9] N.V. Belova, A.V. Belov. Place of remote theft (problems of application practice) [Electronic resource]: - Access mode: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/mesto-soversheniya-distantsionnyh-hischeniy-problemy-praktiki-primeneniya/viewer> (date of contact 13.07.2024)

[10] Е.А. Рускевич Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and problems of their qualification: Author. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. - Moscow, 2020. - 12 s.

СИМОНОВА Елена Константиновна,
Студентка Юридической школы
Дальневосточный Федеральный Университет,
e-mail: lenslk2004@gmail.com

ИСТОМИНА Виктория Витальевна,
Студентка Юридической школы
Дальневосточный Федеральный Университет,
e-mail: vikaistomina2004@gmail.com

ЧЁРНЫЙ Тимофей Михайлович,
Студент Юридической школы
Дальневосточный Федеральный Университет,
e-mail: tema.chernyy.90@gmail.com

Научный руководитель:
КВАСНИКОВА Татьяна Владимировна,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В работе представлены проблемы квалификации по ст. 275 УК РФ «Государственная измена». Полагаем, что тема актуализируется в настоящее время поскольку российское государство проводит специальную военную операцию и находится в ситуации геополитического кризиса, поэтому ответственность по данной норме должна быть регламентирована более подробно. Из-за частых изменений уголовного законодательства возникают новые проблемы правоприменительной практики, не позволяющие верно применять данный состав преступления, что недопустимо. В заключении научной работы авторы предлагают внести уточняющие корректировки в существующую ст. 275 УК РФ, а также приходят к мнению о необходимости судебного толкования данной нормы.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, передача сведений, проблемы квалификации госизмены, военнопленные.

SIMONOVA Elena Konstantinovna,
Student of the Law School Far Eastern Federal University

ISTOMINA Victoria Vitalievna,
Student of the Law School Far Eastern Federal University

CHERNUY Timofey Mikhailovich,
Student of the Law School Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KVASNIKOVA Tatyana Vladimirovna

TREASON: QUALIFICATION ISSUES

Annotation. The paper presents the problems of qualification under Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation “High treason”. We believe that the topic is currently being updated because the Russian state is conducting a special military operation and is in a situation of geopolitical crisis, therefore, responsibility under this norm should be regulated in more detail. Due to frequent changes in criminal legislation, new problems of law enforcement practice arise that do not allow the correct application of this corpus delicti, which is unacceptable. In the conclusion of the scientific work, the authors propose to make clarifying adjustments to the existing Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also come to the conclusion that a judicial interpretation of this norm is necessary.

Key words: high treason, espionage, transfer of information, problems of qualification of treason, prisoners of war.

С момента вступления в силу Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) понятие государственной измены приобрело знакомый и современный нам вид в ст. 275 УК РФ «Государственная измена». В редакции УК РФ до 14.07.2022 года государственная измена определялась как: «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».[1] Данная статья оставалась неизменной около 10 лет (с 12 ноября 2012 года). Однако, в связи с непростой внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой, появлением новых вызовов, законодатель принял Федеральный закон от 14.07.2022 N 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 260), и дополнил имеющийся состав ст. 275 УК РФ новым деянием, которое ранее не входило в установленный перечень действий, характеризующихся как государственная измена, а именно «переход на сторону противника». Вместе с изменением объективной стороны состава преступления, законодатель добавил примечание 1 в ст. 275 УК РФ, в котором определяет понятие такого перехода, как «участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники». Меры, принятые в этой области, направлены на обеспечение национальной безопасности и предотвращение угроз со стороны внутренних и внешних врагов. Внесение поправок в УК РФ обусловлено необходимостью повышения эффективности борьбы с такими преступлениями и содействия защите интересов государства.

Ещё одним дополнением, внесенным вышеуказанным законом, является шпионаж, понятие которого не приведено в ст. 275 УК РФ, так как диспозиция данной статьи является ссылочной. В части определения шпионажа она отсылает к ст. 276 УК РФ: «Передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной

организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации либо передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации». Стоит отметить, что до вступления в силу обсуждаемого выше ФЗ № 260 понятие шпионажа не включало в свой предмет сведения о ВС РФ, а именно «передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации».

Значительные изменения, произошедшие 2022 году в отношении появления более подробного состава преступления по статьям, влекут за собой некоторые проблемы квалификации, о которых пойдёт речь в данной статье. Их необходимо ликвидировать для того, чтобы складывалась единая судебная практика, правоохранительные органы могли однозначно констатировать наличие или отсутствие состава преступления, а граждане осознавали, какие действия недопустимы. Интерес представляет статистика о зарегистрированных преступлениях по ст. 275 УК РФ, представленных УМВД РФ, которая отражает многократный рост рассматриваемых преступлений за последние десять лет. Так, в 2013 г. было зарегистрировано 9 преступлений, в 2018 – 7, в 2023 г. – 207 преступлений. Преступлений по новой ст. 275.1 УК РФ было зарегистрировано в 2023 г. – 31, а выявлено лиц – 8.

Существует проблема квалификации, связанная с субъектом, а именно выбор статьи, применяемой в отношении лиц с двойным гражданством. Так, на данный момент, по данным экспертов, около полутора миллионов россиян имеют второе гражданство. [5] Это создает проблемы квалификации деяния по ст. 275 и 276 УК РФ, так как состав ст. 275 УК РФ предусматривает специальный субъект -гражданин Российской Федерации, а ст. 276 УК РФ – иностранных граждан и лиц без гражданства. В результате формируется проблема – какая статья применима для лиц с двумя

гражданствами. В литературе говорится о том, что правоохранительным органам следует избирать ст. 275 УК РФ, которая предусматривает более жесткие санкции. В статье 62 Конституции Российской Федерации провозглашено: «Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает его от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации». В соответствии с этой конституционной нормой статья 10 Федерального закона № 138-ФЗ устанавливает: «Гражданин Российской Федерации, имеющий двойное гражданство или множественное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации вне зависимости от места его проживания, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации».

Принимая во внимание приведенные законодательные акты, можно сделать вывод, что наличие у гражданина Российской Федерации двойного гражданства не влияет на его возможность являться субъектом преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. Поэтому лица с двойным гражданством (бипатриды), включающим гражданство Российской Федерации, в случае совершения государственной измены подлежат уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ. [8]

Необходимо считать, что практическая квалификация деяния верна, так как лицо, имеющее Российское гражданство, действительно должно осознавать принадлежность к России и учитывать последствия за измену государству. Однако, рекомендуется изменить п. 1 ст. 275 УК РФ следующим образом: «... гражданином Российской Федерации или лицом, имеющим гражданство Российской Федерации...», альтернативная формулировка может иметь лишь вторую часть предлагаемого определения, то есть: «...лицом, имеющим гражданство Российской Федерации...». Все это позволит сформировать однозначную позицию в отношении лиц, имеющих двойное гражданство, совершающих шпионаж, а также укажет на сохранение ответственности по ст. 275 УК РФ для индивидов, считающих, что подданство иностранного государства, в случае выявления преступления, позволит смягчить наказание.

Неоднозначность сохраняется в отношении пленения лиц. Так, ст. 275 УК РФ четко отграничила ее квалификацию от ст. 352.1 УК РФ – если лицо добровольно сдалось в плен, но не стало участвовать против России в военном конфликте, если же такие действия имели место, то его дей-

ствия подпадают под признаки объективной стороны состава преступления ст. 275 УК РФ. Можно лишь дополнить примечание ст. 275 УК РФ тем, что под участием необходимо понимать не только непосредственную деятельность, как солдата, но и, например, предоставление консультаций, оказание помощи любого вида. Такое дополнение позволяет однозначно квалифицировать наличие или отсутствие состава преступления по ст. 275 УК РФ.

Большая неоднозначность применения ст. 275 УК РФ имеет место в том случае, если лицо попадает в плен недобровольно, но под пытками предоставляет противнику конфиденциальную информацию. [4] С одной стороны, рассматривая нормативно-правовые акты, указываем, что это деяние, квалифицирующееся как государственная измена. Это же может доказать Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» - согласно общим обязанностям военнослужащих, п. 23 – военнопленный не имеет права разглашать конфиденциальные сведения, в целом он может предоставить противнику лишь информацию о своем ФИО, воинском звании, личном номере и дате рождения. [3] Таким образом, даже информация о строении боевой машины может стать причиной предъявления обвинения по ст. 275 УК РФ. Отметим, что международное законодательство, например, ст. 17 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года «Об обращении с военнопленными», прямо запрещает пытки в отношении военнопленных, однако, фактически она не соблюдается. С другой стороны, в ст. 275 УК РФ не указано освобождение от ответственности в таком случае, значит, лицо может быть к ней привлечено в представленной ситуации. Более того, следы пытки могут не существовать – она может проводиться психологически или могут иметь место лишь угрозы. Таким образом, крайне важно сформировать однозначную позицию законодателя по этому вопросу и включить ее в статью, например, указав, что предоставление сведений под пытками не является причиной для отказа от ответственности по статье 275 УК РФ.

Альтернативные деяния объективной стороны в статье 275 УК РФ, которые недостаточно подробно расписаны, тоже формируют проблему квалификации по данной статье. Например, финансирование или предоставление сведений иностранной организации. Законодатель в статье 275 УК РФ четко не обозначил организации, помощь которым недопустима, указано лишь, что они должны угрожать безопасности Российской Федерации. Это формирует неоднозначность – если одни организации, например, специальные службы иностранных государства, такие как ФБР

– это однозначно учреждения, формирующие угрозу для России, то организация «Гринпис» признана нежелательной в нашей стране, потому оказание ей помощи может считаться преступлением по статье 275 УК РФ, но финансирование «Гринписа» не является очевидной государственной изменой для населения. Для формирования более понятного для населения законодательства необходимо указать, что финансирование и обеспечение любой помощи организациям и лицам, которые даже косвенно могут относиться к организациям, угрожающим безопасности России – уголовное наказуемое деяние по статье 275 УК РФ. Рекомендуется прямо выделить следующие объекты, не являющиеся очевидными: нежелательные организации, иностранные агенты, международные организации, проводящие антиправительственные мероприятия и некоторые иные. Это важно для однозначного формирования понимания у населения недопустимых действий.

Доказать важность такого разграничения, может следующий кейс – в 2008 году гражданка Российской Федерации отправляла знакомому иностранцу сведения в отношении перемещений военной техники. [7] До 2015 года российские спецслужбы определяли, имеет ли место государственная измена, так как привлечь лицо к ответственности, если информация передается не представителю иностранной организации, угрожающей безопасности России, нельзя. В 2015 году было установлено, что лицо, получившее сведения – представитель иностранной спецслужбы, что позволило сформировать состав преступления по ст. 275 УК РФ. В дальнейшем данная гражданка была освобождена от ответственности Указом Президента. Отсутствие общественной опасности подтверждается тем, что она не знала о профессии ее знакомого, не осознала важность передаваемых данных и конечный пункт передачи информации, то есть вина её не была с прямым умыслом на государственную измену. Однако, наличие приговора подтверждает, что даже передача по неосторожности влечёт за собой уголовную ответственность. Данная ситуация крайне важна для трансформации законодательства – необходимо, чтобы законодатель определил входит ли в состав ст. 275 УК РФ, передача сведений без наличия у лица информации о том, что собеседник – представитель организации, представляющей угрозу для безопасности России.

Важно в этом же направлении однозначно определить возможность или невозможность квалификации деяния, в случае обмана человека. Если в первой ситуации имела место халатность – гражданин, не выявив принадлежность иностранного лица к опасным организациям, предо-

ставил ему сведения, то введение в заблуждение – иная ситуация. Представим пример для понимания – предположим, блогера, живущего неподалеку от военной части, просят сделать определенные фотоснимки техники. При этом организация представляется, например, иностранным сообществом любителей военной техники, фактически являясь спецслужбой. Если данная просьба (или услуга, в случае оплаты) будет оказана, то однозначности в законодательстве нет, так как, с одной стороны, имеет место прямое нарушение ст. 275 УК РФ, с другой стороны, лицо не имело настоящих сведений о своем собеседнике. Рекомендуется Верховному Суду РФ разъяснить в постановлении, что данные сведения могут передаваться не только по прямому желанию, но и в связи с его обманом или злоупотреблением доверия. Предполагается уточнение что, граждане обязаны проверять лиц, которых они информируют, так как обман не является причиной для снятия ответственности по ст. 275 УК РФ.

Близкая проблема имеет место в отношении разграничения ст. 275 УК РФ и 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны». [6] Если в предыдущих примерах лица не обладали конфиденциальными сведениями, то здесь пример более значимый. На данный момент практика следующая – если лицо, разглашающее государственную тайну, не знает о принадлежности собеседника к организации, формирующей угрозу для России, то наступает ответственность по ст. 283 УК РФ, если знает – по 275 УК РФ. В результате, определить достоверность такого знания – еще одна сложная задача, которую зачастую однозначно решить невозможно. Можно рекомендовать внести следующие правки в законодательство – разглашение государственной тайны любому лицу, имеющему иностранное гражданство, ведет к наступлению ответственности по ст. 275 УК РФ. Аргументировать это можно тем, что патриотизм в иностранных государствах формируется на высоком уровне, потому вероятность передачи нежелательным организациям столь важных сведений существует и достаточно высока. Таким образом, для минимизации рисков, рекомендуется ужесточить ответственность в этом направлении для имеющих доступ к государственной тайне.

Существуют ситуации, при которых лица намеренно передают иностранным специальным службам и иным опасным для России организациям сведения, но являющиеся фальшивыми - на практике такие ситуации уже случались. Возникает вопрос, является ли деяние уголовно наказуемым по ст. 275 УК РФ или недостоверность сведений – однозначной причиной для отказа в возбуждении дела. Отсутствие практики показывает, что ст. 275 УК РФ в данном случае не приме-

няется, однако, это рекомендуется закрепить в соответствующей статье для формирования однозначности позиции. При этом имеет место иной состав преступления – «Мошенничество» (ст. 159 УК РФ) Авторам представляется необходимым, предупредить такую деятельность россиян постановлением Верховного Суда РФ, так как их дезинформация может сформировать угрозы для реализации полного и эффективного дезинформирования иностранных служб российскими органами.

Ещё одна немаловажная проблема связана с введением 14 июля 2022 года ст. 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», которая предполагает ответственность за установление и поддержание гражданином Российской Федерации отношений сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, если при том отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. Представляется, что в соответствии с данной нормой предусмотрена ответственность только за сам факт установления и поддержания гражданином указанных отношений сотрудничества. Если же на фоне такого установленного сотрудничества гражданин РФ совершает действия, предусмотренные ст. 275 УК РФ, то ответственность наступает именно за государственную измену. [9]

При подробном рассмотрении данной статьи возникает вопрос о том, какие действия, предусмотренные данной статьёй, не образуют объективную сторону ст. 275 УК РФ. Так, например, если гражданин А. решит оказать какую-либо помощь иностранной разведке в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, он перед этим обязательно установит и будет поддерживать отношения с ней, причём злоумышленник непременно постарается сохранить конфиденциальный характер. Предположим, что А. пошёл на контакт с иностранной разведкой, которая дала ему задание: вести визуальное наблюдение за численностью и укомплектованностью военной части, расположенной в его населённом пункте, и докладывать информацию своему куратору. Он задание получил, очевидно имел намерения по его выполнению, но приступить не успел по независящим от него обстоятельствам – его уже поймали сотрудники российских спецслужб. Здесь и встаёт следующий вопрос: какую статью Особенной части УК РФ ему будут вменять? Деяния, совершённые А., одновременно носят в себе и признаки пре-

ступления, предусмотренного ст. 275.1, и покушения, в соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ, на преступление, предусмотренное ст. 275 УК РФ. Таким образом, возникает коллизия норм, когда это конкретное деяние попадает под влияние двух норм права. Решение этой проблемы зависит от того, будет ли считаться ст. 275.1 специальной по отношению к ст. 275 УК РФ, поскольку в таком случае, в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, будет применяться специальная норма.

Подводя итог, констатируем, что, с введением значительных изменений в составы преступления против основ конституционного строя и безопасности государства появилось достаточное количество актуальных проблем квалификации государственной измены. В рамках данной научной статьи были представлены такие проблемы, как: наличие у лица двойного гражданства, формирующее неоднозначность применения ст. 275 УК РФ; недостаточно точное описание причин привлечения к ответственности за эту статью; проблемы ее применения для военнопленных и многие иные. Авторам представляется необходимым разработку Пленумом Верховного суда постановления о вопросах судебной практики по уголовным делам о государственной измене, поскольку судебная практика представлена незначительным числом приговоров, и в силу отсутствия разъяснений и сложности составов, рискует стать совершенно не единообразной, что в свою очередь грозит нарушениями принципа справедливости уголовного наказания.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 13. – Ст. 1687.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №29. – Ст. 5227.

[3] Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // Консультант-Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (дата обращения: 25.05.2024).

[4] Власенко, В. В. Добровольная сдача в плен (ст. 352 УК РФ): вопросы уголовной ответ-

ственности и освобождения от нее / В. В. Вла-сенко // Уголовное право. – 2023. – № 3(151). – С. 38-45. – DOI 10.52390/20715870_2023_3_38.

[5] Евдокимов, М. И. Государственная измена и шпионаж: правовое регулирование и проблемы квалификации / М. И. Евдокимов // Проблемы государства и права в исследованиях студентов: Сборник материалов XVIII Межвузовской научно-практической конференции, Москва-Тюмень, 14 апреля 2023 года. – Москва-Тюмень: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры», 2023. – С. 167-170.

[6] Ефремова, Н. Н. Проблемы квалификации государственной измены и отграничения от смежных составов преступлений / Н. Н. Ефремова // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: Сборник научных статей участников XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Коломна, 20 мая 2022 года / Отв. редактор Т.А. Мельниченко. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2022. – С. 84-89.

[7] Пожарская, В. В. Государственная измена: правовое регулирование и проблемы квалификации / В. В. Пожарская, О. С. Шумилина // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов Шестидесятой международной научно-практической конференции, Белгород, 30 октября 2023 года. – Белгород: ООО «ГиК», 2023. – С. 362-367.

[8] В. Н. Рябчук «Государственная измена и шпионаж. Уголовное-правовое и криминологическое исследование» - 2007. - с. 59. URL: (дата обращения: 26.06.2024)

[9] Серeda Ирина Михайловна, Ступина Светлана Александровна Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. №1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-izmena-otdelnye-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 10.06.2024).

Spisok literatury:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.03.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954; 2024. – № 13. - Art. 1687.

[2] On amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure

of the Russian Federation: feder. Law of July 14, 2022 No. 260-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – №29. - Art. 5227.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 10.11.2007 No. 1495 (as amended on 01.03.2024) “On approval of the general military charters of the Armed Forces of the Russian Federation” (together with the “Charter of the internal service of the Armed Forces of the Russian Federation,” “Disciplinary charter of the Armed Forces of the Russian Federation,” “Charter of the garrison and guard services of the Armed Forces of the Russian Federation”)//Consultant-Plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (accessed on: 25.05.2024).

[4] Vlasenko, V.V. Voluntary surrender (Article 352 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of criminal liability and exemption from it/V.V. Vlasenko//Criminal law. – 2023. – № 3(151). - S. 38-45. – DOI 10.52390/20715870_2023_3_38.

[5] Evdokimov, M. I. High treason and espionage: legal regulation and qualification problems/M. I. Evdokimov//Problems of the state and law in student research: Collection of materials of the XVIII Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow-Tyumen, April 14, 2023. - Moscow-Tyumen: Autonomous non-profit organization of higher education “Institute of Business Career,” 2023. - S. 167-170.

[6] Efremova, N. N. Problems of qualification of high treason and delimitation from related corpus delicti/N. N. Efremova//Law and state, society and personality: history, theory, practice: Collection of scientific articles by participants of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kolomna, May 20, 2022/Otv. editor T.A. Melnichenko. - Kolomna: State educational institution of higher education of the Moscow region “State social and humanitarian University,” 2022. - S. 84-89.

[7] Pozharskaya, V.V. High treason: legal regulation and qualification problems/V.V. Pozharskaya, O.S. Shumilina//Science and education: domestic and foreign experience: Collection of works of the Sixtieth International Scientific and Practical Conference, Belgorod, October 30, 2023. - Belgorod: GiK LLC, 2023. - S. 362-367.

[8] V. N. Ryabchuk “High treason and espionage. Criminal Law and Criminological Research “- 2007. - p. 59. URL: (Accessed: 26.06.2024)

[9] Sereda Irina Mikhailovna, Stupina Svetlana Aleksandrovna High treason: individual issues of qualification//Prologue: a journal about law. 2023. №1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-izmena-otdelnye-voprosy-kvalifikatsii> (дата обращения: 10.06.2024).

БАБЕНКОВА Виктория Романовна,
студентка 4 курса юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет,
e-mail: viktoria.babenkowa@yandex.ru

ТРУФАНОВА Александра Юрьевна,
студентка 4 курса юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет,
e-mail: trufanovaalexandra@gmail.com

КРЮКОВА Мария Игоревна,
студентка 4 курса юридического факультета,
Юго-Западный государственный университет,
e-mail: mari.kryukova.2002@mail.ru

ЛЯСКОВЕЦ Андрей Владимирович,
Старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный государственный университет,
e-mail: Skalabor@gmail.com

КРИТЕРИЙ ДОПУСТИМОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ КРИМИНАЛИСТИКИ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Реализация тактических приемов криминалистики в ходе следственных действий является важным аспектом, определяющим успешность и эффективность всего следственного процесса. Проблемы правильного применения тактических приемов к подозреваемым (обвиняемым) без нарушения их конституционных прав и законодательных пробелов в части правил применения некоторых приемов существуют и на сегодняшний день. Цель настоящего исследования предполагает анализ критериев, определяющих допустимость тактических приемов при производстве следственных действий, а также рассмотрение позиций ученых, занятых изучением данной проблематики. Особое внимание авторы статьи уделяют разграничению понятий «следственные хитрости» и «тактический обман», чтобы четко определить границы использования таких приемов в следственной деятельности.

Ключевые слова: тактический прием, критерии допустимости, обман, тактика, следователь, следственная хитрость.

BABENKOVA Victoria Romanovna,
4th year student of the Faculty of Law,
Southwest State University

TRUFANOVA Alexandra Yurievna,
4th year student of Law Faculty,
Southwest State University

KRYUKOVA Maria Igorevna,
4th year student, Faculty of Law,
Southwest State University

LYASKOVETS Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics, Southwest State University

THE CRITERION OF THE ADMISSIBILITY OF THE IMPLEMENTATION OF TACTICAL TECHNIQUES OF CRIMINOLOGY IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation. *The implementation of tactical techniques of criminology in the course of investigative actions is an important aspect that determines the success and effectiveness of the entire investigative process. The problems of the correct application of tactical techniques to suspects (accused) without violating their constitutional rights and legislative gaps in terms of the rules for the use of certain techniques exist today. The purpose of this study involves the analysis of criteria that determine the admissibility of tactical techniques in the production of investigative actions, as well as consideration of the positions of scientists engaged in the study of this problem. The authors of the article pay special attention to the differentiation of the concepts of “investigative tricks” and “tactical deception” in order to clearly define the boundaries of the use of such techniques in investigative activities.*

Key words: *tactical technique, criteria of admissibility, deception, tactics, investigator, investigative trick.*

Вопрос эффективности качества исполнения процессуальных действий, которые направлены на собирание доказательств и установление истины по уголовному делу, является актуальным в современных реалиях. Ведь это обуславливает законность и обоснованность осуществления уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения. Довольно сложной деятельностью в рассматриваемой области является проведение допроса. Данная форма следственных действий направлена на получение достоверной информации, связанной с расследуемым преступлением или событием, которая может быть использована в дальнейшем расследовании или в судебном процессе. Показания формируются путем реализации тактических криминалистических приёмов допроса подозреваемых и обвиняемых, которые должны быть обоснованы, связаны между собой и направлены на получение достоверной информации. Однако на законодательном уровне отсутствует чёткая дефиниция в отношении понимания указанных приёмов, которая смогла бы разграничить допустимое и недопустимое психологическое воздействие в современных условиях, что усложняет проведение данного следственного действия.

Криминалистическая тактика является основным инструментом для следователя при расследовании различных видов преступлений. По-нашему мнению, криминалистическая тактика – это совокупность методов и действий при расследовании преступлений, которая обеспечивает получение наиболее эффективного и точного результата при минимальных критериях энерго- и ресурсозатратности. Данное понятие тождественно с такими понятиями как следственная тактика и уголовная тактика.

Тактика оказывает значительную роль во всех следственных действиях, начиная от предварительного следствия и заканчивая судебным следствием. Сущность криминалистической тактики формируется из задач и принципов, при

этом задачи и принципы соответствуют их содержанию в уголовно-процессуальном кодексе РФ в статьях 6, 6.1, 7, 9, 10, 11,12, 13, 14. Тактика направлена в целом на расследование, раскрытие и предупреждение преступлений, при этом ее можно рассматривать как линию поведения лица, расследующего преступление. Основными признаками криминалистической тактики является рациональность, оптимальность, эффективность и целесообразность. Так, А.Н. Васильев включает в понятие «тактика» все вышеперечисленные признаки: «это наиболее целесообразный подход (метод, способ) к правильной организации и проведению расследования в целом по делу, а также в отдельных действиях, обеспечивающий эффективность и быстроту разрешения задач всего расследования или данного действия» [1, с. 9].

В ходе нашего исследования необходимо рассмотреть понятие «тактический прием». Тактический прием – это центрообразующее понятие криминалистической (следственной) тактики. Многие приемы, разработанные криминалистической тактикой, приобрели в силу своей рациональности, целесообразности и оптимальности по отношению к типовым ситуациям, складывающимся в процессе расследования и производства отдельных следственных действий, характер необходимости их обязательного выполнения [2, с. 198].

Тактические приемы, в свою очередь, имеют специфические особенности. Во-первых, все виды тактических приемов должны соответствовать допустимости, то есть при применении тактических приемов в расследовании необходимо учитывать тот факт, что действия следователя должны совпадать с законодательством. Тактические приемы должны быть правомерными, не нарушать права и интересы граждан, в отношении которых ведется расследование, не ущемлять их честь и достоинство, репутацию. При этом в законах Российской Федерации не закреплены правила применения таких приемов в отношении граждан, то есть нет четкого ограничения и предела, когда тактический прием выхо-

дит за рамки закона, поэтому в ходе исследования необходимо рассмотреть понятие «критерий допустимости».

Во-вторых, тактический прием должен быть научно обоснован и испробован в научной практике, чтобы избежать погрешностей при расследовании и данным действием получить положительный результат.

В-третьих, целесообразность тактического приема должна соответствовать некоторым критериям: минимальное использование человеческой деятельности, вспомогательных ресурсов, времени.

В-четвертых, тактический прием должен быть альтернативным, поэтому его применение не всегда является обязательным, следовательно вправе выбрать один из возможных приемов или не использовать ни один из них вовсе, так как расследование преступления будет полноценным без его применения. Отсутствие законодательного закрепления правил производства предварительного расследования не ограничивает следователя в выборе тактического приема, поэтому он может воздействовать на участников следственных действий наиболее приемлемым для него способом.

В-пятых, приемы должны быть моральны и этичны, так как при расследовании преступлений необходимо проявлять уважение к субъектам преступления и иным участникам, но в какой степени следователь может выходить за рамки морали и этики, законодательством не установлено. Поэтому данное положение является спорным, так как при выполнении некоторых приемов и следственных хитростей принципы морали и этики в некоторой степени нарушаются. Рассмотрим данную проблему далее, в нашем исследовании.

Таким образом, тактический прием представляет собой совокупность способов и действий, исходящих из возникшей противоправной ситуации, для получения, исследования и использования информации, относящийся к уголовному разбирательству.

На сегодняшний день, наблюдается тенденция систематизации тактических приемов, детализация каждого вида приемов, так как количество преступлений и их сложность возрастает, поэтому наличие противоречий по применению тактических приемов увеличивается.

При рассмотрении назначения тактических приёмов наиболее существенной проблемой является отсутствие чётких критериев их допустимости в следственных действиях. Она может выражаться в том, что некоторые тактические методы могут нарушать права подозреваемых, свидетелей или других участников уголовного процесса. Например, применение физической

силы, психологического давления или запугивания может быть недопустимым и противоречить принципам справедливого судопроизводства. Данные положения нашли своё отражение в статье 164 УПК РФ.

Судебная практика и международные стандарты устанавливают определенные ограничения на тактические приемы, чтобы защитить права и свободы участников уголовного процесса. Например, Конвенция ООН запрещает использование пыток, жестокого или нечеловечного обращения в отношении подозреваемых или обвиняемых. В различных странах существуют законы и правила, регулирующие тактические приемы в следственных действиях. Например, в США Конституция гарантирует право на защиту от незаконных обысков и задержаний, а также право на недопустимость принудительных показаний. Однако, несмотря на существующие законы и правила, нарушения все равно могут происходить. В таких случаях, подозреваемые или обвиняемые могут обжаловать незаконные тактические приемы в суде и требовать их исключения из доказательств.

Важным аспектом является то, чтобы следователи и правоохранительные органы соблюдали закон и уважали права всех участников уголовного процесса, в частности при использовании различных тактических приёмов. Независимо от того, насколько тщательную разработку получили те или иные приёмы в теории, их практическое применение в ходе конкретных следственных действий может продемонстрировать их неэффективность и, следовательно, полностью или частично обесценить соответствующие теоретические положения. Данные обстоятельства имеют место быть и при реализации на практике тактических разработок, реализуемых при производстве экспериментальных следственных действий.

Нарушение критерия допустимости тактических приемов следователем может иметь серьезные последствия, такие как незаконное получение доказательств, нарушение прав подозреваемого или свидетеля, неправомерное использование силы или превышение полномочий. Это может привести к отмене результатов следственных действий, исключению доказательств из материалов дела или даже к возбуждению дисциплинарного или уголовного дела в отношении следователя.

Для тактических приёмов характерны такие признаки как законность, научная обоснованность, безопасность и этичность. Однако данные понятия носят, как правило, субъективный характер, что влечёт за собой противоречия на практике. Поэтому отсутствие чёткого критерия допустимости в законодательстве является предметом широких дискуссий и полемик среди учёных в отношении данного явления.

Нередко юристы и правоприменители проводят параллель между тактическим приёмом и обманом. Одни относятся к понятию «обмана» при реализации следственного действия довольно абстрактно и считают данный приём частью работы следователя для получения необходимой информации и сведений о совершённом преступном деянии. Другие учёные воспринимают возможность допущения обмана в следственных действиях крайне отрицательно, считая это прямым нарушением законодательства.

Однако, требование «недопустимости обмана» во многом носит теоретический характер, на практике же ситуация обстоит иначе. Так, вопрос, касаемо возможности использования обмана в следствии, был актуален среди многих учёных. В целом, довольно распространено мнение, что использование обмана в следственной практике может быть оправданным, если это помогает раскрыть преступления и обеспечить безопасность общества. Например, Р. С. Белкин считал, что условия, в которых сегодня работают следователи, поистине экстремальные: помимо перегрузок и постоянного дефицита времени идет изощренное противодействие расследованию со стороны преступного сообщества, поэтому недопустимо лишать следователя любого тактического средства борьбы с преступностью только потому, что оно может вызвать сомнения в его абстрактной «моральной чистоте» [3, с. 115].

При этом адвокаты и защитники прав человека считают, что использование обмана в следственной практике нарушает принцип презумпции невиновности и право на справедливое судебное разбирательство. Они утверждают, что подозреваемые должны быть защищены от таких тактических приемов, чтобы не подвергаться неправомерным давлениям или психологическим воздействиям.

В ходе исследования авторами работы было установлено, что между обманом и тактическим приёмом существует очень тонкая грань, которую при осуществлении следственных мероприятий необходимо учитывать, чтобы не допустить пограничную ситуацию, нарушающую права обвиняемого или подозреваемого. В связи с этим открытым остаётся вопрос о допустимых и недопустимых формах «обмана» в ходе проведения допроса. Сам по себе допрос является специфичной формой взаимодействия между следователем (дознавателем) и подозреваемым и обвиняемым, так как он основан на прямом психологическом воздействии. Для того чтобы получить достаточный объем информации, следователю необходимо создать наиболее комфортные условия при допросе, установить психологический контакт с лицом, дающим показания [4]. Во многом взаимодействие осложняется и тем, что подозреваемые и обвиняемые дают ложные показания,

утаивают известную им информацию в силу каких-либо обстоятельств, не указывают всех лиц, участвовавших в преступном деянии или же вовсе в силу положений ст. 51 Конституции РФ, отказываются давать показания. В указанных случаях для выяснения всех фактов следователю просто необходимо применять какие-либо тактические приёмы, чтобы прийти к законному и обоснованному выводу. Тактические приемы криминалистики могут быть допустимыми, если они не противоречат закону и не нарушают права подозреваемого или свидетеля. Например, использование различных техник постановки вопросов или наблюдение за невербальными сигналами может быть полезным для проверки показаний и выявления противоречий. Для получения достоверных сведений субъектами расследования могут применяться такие приемы, как устремленность к доминированию; приуменьшение роли допрашиваемого; оправдание действий при совершении преступления; использование скрытых угроз в адрес допрашиваемого; «очернение» других участников уголовного дела; обольщение; демонстрация гнева и т. д.

Уникальная практика применения «психологических ловушек» вызывает особый интерес, особенно в контексте демонстрации объектов, имеющих отношение к расследуемому событию. Вопрос обоснованности и правомерности их использования также является предметом дебатов среди юристов. Основная задача такого приема состоит в том, чтобы создать искусственную ситуацию, в которой допрашиваемое лицо может продемонстрировать свое знание информации относительно данных условий, а именно объекта, являющегося раздражителем для потенциального преступника.

Использование знаний в области психологии, расчет на наличие воспоминаний о некотором предмете, связанным с расследуемым событием, все это содержит в себе принцип «стимул-реакция», чем и может воспользоваться следователь. Однако следует отметить, что правомерным подобная хитрость будет лишь тогда, когда подозреваемый без прямого влияния со стороны следователя сам примет решение прореагировать на предъявленную информацию либо сделать вид, что ничего не произошло. Практика показывает, что такую «демонстрацию» целесообразно проводить при проверке показаний допрашиваемого о месте сокрытия трупа, орудий преступления и иных вещественных объектов.

Приведем пример. Подозреваемый Н. дал показания о том, что гаечный ключ, которым он совершил убийство, выброшен им около лесополосы недалеко от места происшествия. Однако у следствия имелись определенные данные полагать, что гражданин Н. дает ложные объяснения о

месте сокрытия орудия убийства. В этой связи следователь решил произвести осмотр названного Н. места с его участием и с использованием металлоискателя, предполагая, что негативный результат проведения такого действия убедит подозреваемого дать правдивые показания о нахождении орудия преступления. В своих рассуждениях следователь оказался прав. Участвуя в осмотре территории лесополосы, Н. убедился, что с помощью металлоискателя следователь обнаруживает все находящиеся на указанном месте металлические предметы, на что следователь и обратил его внимание. После этого Н. признался в том, что дал ложные показания и назвал точное место, где был скрыт гаечный ключ, который впоследствии был обнаружен.

Этот пример показывает, что главная ценность «следственных хитростей» заключается в возможности установления объективной истины по делу даже в тех случаях, когда следствие не располагает полной информацией или достаточными доказательствами. А обман трактуется как преднамеренное действие с целью сообщения заведомо ложных сведений или искажение реальных фактов.

Стоит сравнить опыт зарубежных стран. В. П. Бахин отмечает, что американская практика в этой области идет еще дальше [5]. Чтобы заставить подозреваемого признаться в совершении преступления, его обвиняют в более тяжком, но несовершенном преступлении, ставя перед ним выбор: признаться в своем или подвергнуться возможной угрозе уголовного преследования за преступление, которого он не совершал. В этой тактике отчетливо видно применение угроз и давления. Этот пример еще раз подчеркивает необходимость разграничения между правомерными и недопустимыми приемами. Из вышесказанного можно сделать вывод, что тактические комбинации предполагают, что лицо, их использующее, маневрирует имеющейся информацией о следственной ситуации.

Ценность подобных приемов заключается в том, что их применение способствует установлению истины по делу даже тогда, когда следствие не располагает достаточными доказательствами, и, тем не менее, лицо при отсутствии желания дать правдивые показания так или иначе добровольно их дает. Известно, что обман состоит в сообщении ложных сведений о положении дел или в извращении истинных фактов. Обмануть - значит намеренно ввести в заблуждение, сказав неправду. Очевидно, обман можно рассматривать не только как сообщение ложной информации, но и как сознательное и намеренное действие, направленное на склонение лица к ошибке, посредством искаженного представления фактов или информации с целью получить незаконное или несправедливое преимущество.

В заключение следует отметить, что использование «следственных хитростей» возможно при условии, когда допрашиваемое лицо обладает свободой выбора своей позиции и имеет возможность ее изложить, что, в свою очередь, является определяющими признаками правомерности тактических приемов. Такие методы никогда не должны использоваться как безальтернативное давление. Поскольку УПК РФ не регулирует данный вопрос, некоторые ученые считают невозможным использование таких хитростей. Именно поэтому следователь должен быть предельно бдительным и внимательным в каждом конкретном случае, оказывая психологические приемы воздействия на подозреваемых или обвиняемых, принимая во внимание не только законные требования, но и этические и моральные нормы.

Список литературы:

- [1] Васильев А. Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник статей. – М.: Госюриздат, 1961. – Вып. 15. – С. 5-47.
- [2] Александров И. В. Криминалистика: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2023. – 376 с.
- [3] Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – С. 115.
- [4] Алексеева Т. А. Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 152-154.
- [5] Бахин В. П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности // Междунар. Славян, акад. наук. – 2002. – 163 с.

Spisok literatury:

- [1] Vasil'ev A. N. Investigative tactics and its place in the system of criminology // Soviet criminology in the service of investigation. Collection of articles. – Moscow: Gosyurizdat, 1961. – Issue 15. – P. 5-47.
- [2] Aleksandrov I. V. Criminalistics: textbook for universities. – Moscow: Yurait, 2023. – 376 p.
- [3] Belkin R. S. Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminology. – M.: NORMA, 2001. – P. 115.
- [4] Alekseeva T.A. The main problems of oral speech research in criminalistics // Bulletin of Tomsk State University. – 2014. – №. 383. – P. 152-154.
- [5] Bakhin V. P. Disinformation and provocation as a means of countering criminal activity // International. Slavyan, Academy of Sciences. – 2002. – 163 p.

МЕДВЕДЕВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры
управления и административной
деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России
имени И. Д. Путилина,
e-mail: taniavbel@yandex.ru

СЕРИКОВ Роман Владимирович,
преподаватель кафедры уголовного процесса и
криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: serikov_roman@mail.ru

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ИНТЕРВАЛОВ ОТ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ДО ИЗБРАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕГО МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Аннотация. В работе дается анализ института задержания лица в административной деятельности полиции, как одной из мер государственного принуждения, его задержания в порядке ст.91 УПК РФ и последующего содержания под стражей. Установление особенностей реализации и проблем при исчислении срока с момента фактического задержания до момента составления протокола в порядке ст.91 УПК РФ. Выявление недостатков нормативной регламентации и практического применения меры пресечения в виде содержания под стражей, выработка научно обоснованных подходов по возможным способам их преодоления.

Ключевые слова: задержание, меры принуждения, мера пресечения, содержание под стражей, законность, подозреваемый.

MEDVEDEVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Management and Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies, Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

SERIKOV Roman Vladimirovich,
teacher of the department of criminal procedure and criminology,
Stavropol branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH TIME INTERVALS FROM THE DETENTION OF A PERSON, WHEN APPLYING A MEASURE OF STATE CORRECTION BEFORE THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE AGAINST HIM IN THE FORM OF DETENTION

Annotation. The purpose of the work is to analyze the institution of detaining a person in the administrative activities of the police, as one of the measures of state coercion, his detention in accordance with Article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and subsequent detention. Establishing implementation features and problems in calculating the period from the moment of actual detention to the moment of drawing up the protocol in accordance with Article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Identification of shortcomings in regulatory regulation and practical application of the preventive measure in the form of detention, development of scientifically based approaches on possible ways to overcome them.

Key words: detention, coercive measures, preventive measure, detention, legality, suspect.

В качестве одной из мер государственного принуждения, предусмотренных главой 4 Федерального закона от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» является задержание. Согласно части первой статьи 14 указанного закона, полиция защищает право каждого на свободу и личную неприкосновенность. До судебного решения в случаях, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Часть вторая статьи гласит, что «полиция имеет право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, - по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

Общей проблемой, на наш взгляд, как для законного задержания в порядке ст.91 УПК РФ, так и административного задержания сотрудником полиции является установление точного времени фактического задержания, поскольку оно устанавливается в большинстве случаев лишь со слов сотрудников его проводивших, что в свою очередь соответственно может привести к нарушению трехчасового срока, на который имеют право задержать человека сотрудники полиции в рамках исполнения функции государственного принуждения и трехчасового срока, предусмотренного частью первой статьи 92 УПК РФ.

Рассмотрим ситуацию на следующем примере: около 18 часов 00 минут имел место быть грабеж, потерпевший незамедлительно сразу после его совершения сообщил о данном факте в дежурную часть ближайшего отдела полиции, позвонив по телефону «112». При этом потерпевший подробно описал личность преступника, особые приметы, одежду. Оперативный дежурный в свою очередь сообщил нарядам патрульно-постовой службы полиции, находящимся в патруле в той части города, где произошел грабеж, данную информацию. Спустя 2 часа после совершения преступления, то есть около 20 часов 00 минут, лицо, похожее по приметам на подозреваемого, задерживает работник патрульной службы, и доставляет его в отдел полиции, где следователь или дознаватель составляет протокол задержания лица в порядке ст. 91 УПК РФ, при этом время фактического задержания отражается в протоколе соответственно лишь со слов сотрудника патрульно-постовой службы, доставившего этого человека. На наш взгляд на законодательном уровне остается открытой проблема определения четкого периода времени, в течение которого допустимо держать доставленного с момента фактического задержания до момента составления протокола и задержания его в

порядке ст. 91 УПК РФ. Общепринято не превышать временной интервал, составляющий до трех часов с момента фактического задержания, поскольку именно три часа срок административного задержания человека сотрудниками полиции на законных основаниях. Часть первая статьи 92 УПК РФ гласит, протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. То есть можно предположить, что таким образом общий срок может составлять шесть часов, с момента фактического задержания до момента составления протокола в порядке ст.91 УПК РФ. Мы считаем, что указанный временной шестичасовой интервал необходимо закрепить на законодательном уровне, во избежание путаницы и споров с прокуратурой. Поскольку, как следует из личного опыта авторов статьи, дознаватели и следователи на практике никогда не превышают трехчасовой интервал. То есть, если, к примеру, протокол задержания составляется в 12.00 часов, то в графе в протоколе «время фактического задержания» будет указано уже 9.05 часов, хотя по сути можно указать и любое реальное время с 6.00 часов.

Далее обратимся к избранию меры пресечения. Избрание меры пресечения является сложной процессуальной деятельностью, которая реализуется в несколько этапов, каждый из которых осуществляется в рамках соответствующей процессуальной формы, а затем предусматривает последовательное выполнение определенных действий, привлечение определенного круга субъектов и документирование согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства. На наш взгляд основная проблема это нехватка времени при подготовке материалов для их рассмотрения следователем. В ряде случаев характерной чертой подготовительного этапа деятельности по решению вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу является осуществление процессуальных мер, принятие соответствующих решений и составление документов в условиях максимальных временных ограничений. В частности, речь идет о решении вопроса об избрании меры пресечения в случаях, когда лицо было задержано в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ. Для наглядности сказанного приведем пошаговый хронометраж соответствующей процессуальной деятельности. Выходное время свяжем с самим задержанием, которое согласно ст. 91 УПК РФ, рассчитывается с момента, когда задержанное лицо силой или через подчинение приказу вынуждено оставаться рядом с уполномоченным должностным лицом или в помещении, определенном уполномоченным должностным лицом.

Кроме того, хотим отметить, что в достаточно сжатые сроки инициаторами рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения должны быть установлены, должным образом закреплены, проанализированы и положены в обоснование своей позиции (ходатайства) фактические данные, объем которых, согласно требованиям законодательства, достаточно значительный. Как результат – на практике имеют место случаи использования непроверенной информации, обоснование необходимости избрания меры пресечения по надуманным основаниям, составление ходатайств путем копирования законодательных конструкций без какой-либо индивидуализации и т.п.

Таким образом, мы считаем, что вариантом решения определенной проблемы нехватки времени могло бы стать внедрение удлиненной процедуры задержания. Продление трехсуточного срока задержания на тот же срок без возможности дальнейшей пролонгации соответствовало бы критерию разумности сроков для осуществления мер, связанных с существенными ограничениями прав и свобод человека. Шесть суток представляется достаточным сроком для того, чтобы собрать, проанализировать и сформулировать обоснованную позицию по вопросу избрания меры пресечения. Подобное продление должно осуществляться по решению судьи, который бы в судебном заседании с соблюдением требований состязательности взвешивал доводы сторон относительно целесообразности продления срока задержания как экстраординарного процессуального мероприятия.

Список литературы:

[1] Мельников, В. Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому / В. Ю. Мельников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 2(259). – С. 94-104.

[2] Максимов, Н. О. Задержание подозреваемого как элемент института подозреваемого / Н. О. Максимов // Студенческий вестник. – 2022. – № 28-2(220). – С. 25-26.

[3] Тыхренов, П. С. Актуальные проблемы задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / П. С. Тыхренов // Вестник магистратуры. – 2021. – № 1-3(112). – С. 43-46.

[4] Царев, Д. Л. Исчисление процессуальных сроков при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления / Д. Л. Царев // Молодой ученый. – 2023. – № 33(480). – С. 61-62.

Spisok literatury:

[1] Melnikov, V. Yu. Detention of a suspect as a measure of coercion: from suspicion to suspect / V. Yu. Melnikov // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2005. – No. 2(259). – pp. 94-104.

[2] Maksimov, N. O. Detention of a suspect as an element of the institution of a suspect / N. O. Maksimov // Student Bulletin. – 2022. – No. 28-2(220). – pp. 25-26.

[3] Tykhrenov, P. S. Current problems of detaining a suspect in criminal proceedings / P. S. Tykhrenov // Magistracy Bulletin. – 2021. – No. 1-3(112). – pp. 43-46.

[4] Tsarev, D. L. Calculation of procedural deadlines when detaining a person suspected of committing a crime / D. L. Tsarev // Young scientist. – 2023. – No. 33(480). – P. 61-62.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Стабильность российского государства в настоящее время во многом зависит от обеспечения экономического развития, что предполагает недопустимость развития противоправного поведения в указанной сфере. Одним из примеров преступлений, которое наносит существенный ущерб экономическому состоянию государства, является контрабанда. В современных социально-экономических реалиях, вызванных обострением геополитических конфликтов и осложнением внешне-экономических связей, важнейшее значение приобретает борьба с указанным преступным поведением. В данном контексте регулярно в правовой науке поднимаются вопросы об эффективности уголовной ответственности за контрабанду. Целью представленного исследования выступает анализ современного состояния института уголовной ответственности за контрабанду и определение перспективных направлений его совершенствования с учетом современных социально-экономических и правовых реалий. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что за последние несколько лет в уголовное законодательство внесен целый ряд изменений, которые не только ужесточают ответственность за контрабанду, но и планомерно совершенствуют содержательные характеристики данного преступного поведения с учетом возникающих угроз стабильному развитию российского государства различной направленности. Акцентируется внимание на факторах, влияющих на формирование и развитие преступного функционирования, связанного с незаконным перемещением определенных объектов через государственную границу РФ или таможенную границу ЕАЭС.

Ключевые слова: контрабанда, стратегически важные товары и ресурсы, уголовная ответственность, российское уголовное законодательство.

ASHKHOTOVA Liana Arkadyevna,
teacher of the department organization
of law enforcement activities North Caucasus Institute (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, candidate of pedagogical sciences,
police captain

IMPROVING CRIMINAL LIABILITY FOR SMUGGLING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The stability of the Russian state currently largely depends on ensuring economic development, which presupposes the inadmissibility of the development of illegal behavior in this area. One example of a crime that causes significant damage to the economic state of the state is smuggling. In modern socio-economic realities, caused by the aggravation of geopolitical conflicts and the complication of foreign economic relations, the fight against this criminal behavior is of utmost importance. In this context, questions about the effectiveness of criminal liability for smuggling are regularly raised in legal science. The purpose of the presented study is to analyze the current state of the institution of criminal liability for smuggling and identify promising directions for its improvement, taking into account modern socio-economic and legal realities. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that over the past few years a number of changes have been made to the criminal legislation, which not only tighten responsibility for smuggling, but also systematically improve the substantive characteristics of this criminal behavior, taking into account emerging threats to the stable development of the Russian state of various types. direction. Attention is

focused on factors influencing the formation and development of criminal activity associated with the illegal movement of certain objects across the state border of the Russian Federation or the customs border of the EAEU.

Key words: *smuggling, strategically important goods and resources, criminal liability, Russian criminal legislation.*

В современных экономических реалиях, связанных с осложнением международных экономических связей Российской Федерации и внешним санкционным давлением, оказываемым со стороны многих зарубежных государств, особое значение приобретает обеспечение стабильного функционирования государства. В данном контексте следует отметить существенное негативное влияние, возникающее в результате распространения противоправного и преступного поведения среди российского населения, поскольку подобные деяния могут не только наносить непосредственный ущерб, но и значительно снижают экономический потенциал страны. Среди подобных деяний выделим контрабанду, субъектно-объектный состав и способы совершения которой динамично изменяются с учетом современных социально-экономических обстоятельств.

Важно отметить, что в правовой науке существует множество исследований, посвященных проблемам борьбы с контрабандой. Однако в большинстве своем авторы концентрируют внимание на конкретных разновидностях подобного преступного поведения. Среди наиболее комплексных работ по заявленной проблематике следует выделить диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук В.К. Заиграевой на тему «Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза», в которой формулируются значимые для теоретико-правовой разработки заявленной проблематики выводы с учетом развития международного сотрудничества в рамках ЕАЭС [1]. Однако в указанном исследовании учтены далеко не все последние нововведения уголовного законодательства Российской Федерации.

В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с совершенствованием уголовной ответственности за контрабанду в Российской Федерации с учетом современных социально-экономических и правовых реалий. Актуальность предпринятого научного анализа наглядно демонстрируется масштабами распространения преступной практики вышеназванной направленности. Так, по данным ФТС России в 2023 году таможенными органами было возбуж-

дено 1822 уголовных дела, что на 1,4% меньше, чем в 2022 году (1847 уголовных дел). Однако следует отметить, что наибольшее количество уголовных дел по-прежнему возбуждается по статьям, предусматривающим ответственность за контрабанду (наркотиков, стратегически важных товаров, алкогольной и табачной продукции, а также наличных денежных средств). Так, лидирующие позиции занимает ст. 226.1 УК РФ, по которой в 2023 году было возбуждено 740 уголовных дел, а в 2022 году – 704 уголовных дела [4].

Частое практическое применение уголовных норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, обуславливает необходимость регулярной оценки эффективности института уголовной ответственности в анализируемой сфере. В первую очередь подчеркнем, что указанные нормы динамичны, и за последние годы в них достаточно часто вносились изменения, не только в части ужесточения ответственности, но и посредством конкретизации содержательных характеристик преступного поведения, регламентируемых в диспозиции в целях дальнейшей точной квалификации соответствующих деяний.

В 2023 году было проведено достаточно комплексное совершенствование института уголовной ответственности за контрабанду, что объективно обусловлено не только динамикой противоправной практики, но и потенциальными вызовами и угрозами, формируемыми в современных реалиях. Остановимся подробнее на последних изменениях действующего уголовного законодательства.

В условиях обострения геополитического конфликта на постсоветском пространстве принципиальное значение приобретает недопустимость контрабанды достижений технической науки, что теснейшим образом связано с развитием вооружения. В данном контексте своевременным представляется дополнение с конца марта 2023 года ст. 226.1 УК РФ такими объектами незаконного перемещения как технологии, научно-техническая информация, а также результаты интеллектуальной деятельности, в отношении которых непосредственно в диспозиции квалифицированного состава указанной уголовно-правовой отмечается их возможность использования в целях создания вооружений и военной техники, а также связанных с оружием массового поражения [6].

Кроме того, с конца марта 2023 года существенные изменения произошли в процессе привлечения к ответственности за незаконный экспорт из Российской Федерации, регламентированный ст. 189 УК РФ. Важно отметить, что в рамках указанной уголовно-правовой нормы появились такие объекты как вооружения и военная техника, а также ужесточена ответственность за указанное деяние – теперь за незаконный экспорт предусмотрено лишение свободы (от 3 до 7 лет) со штрафом до 1 млн. руб. или без такового и с ограничением свободы (до 1 года) или без такового. Квалифицирующие признаки дополнены совершением вышеназванного деяния с использованием служебного положения, в отношении оружия массового поражения, а также совершение подобных деяний организованной группой лиц, в связи с чем соразмерно дифференцирована уголовная ответственность: лишение свободы на срок от 5 до 12 лет со штрафом до 1 млн. руб. или без такового и с ограничением свободы (до 2 лет) или без такового [6].

В 2024 году еще ряд изменений затронули диспозицию ст. 226.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за контрабанду веществ, оружия, военной техники, а также стратегически важных ресурсов. В первую очередь отметим, что была конкретизирована граница ЕАЭС взамен ранее используемых формулировок, которые уже не соответствовали правовым реалиям сотрудничества государств-членов ЕАЭС в таможенной сфере [2, с. 66].

С 1 апреля 2024 года простой состав вышеназванной уголовно-правовой нормы теперь переориентирован на незаконное перемещение без учета законодательных требований к таможенному сопровождению и порядку соответствующий действий в отношении стратегически важных товаров и ресурсов, культурных ценностей (в крупном размере), а также животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, охраняемых в связи с занесением в Красную книгу РФ и обязательствами по международным договорам. За указанные деяния предусмотрена ответственность в виде штрафа (от 300 тыс. до 1 млн. руб.), принудительные работы (до 5 лет), а также лишение свободы (до 5 лет) [5]. Вышеназванное дополнение объективно обусловлено совершенствованием действующего отраслевого законодательства в части регулярного обновления содержания Перечня стратегически важных товаров и ресурсов, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 [3].

Состав преступления, ориентированный на незаконные действия с веществами, отдельными разновидностями оружия, военной техникой

также сохранился, равно как и ответственность за соответствующие деяния осталась неизменной. При этом ответственность для квалифицированных признаков ужесточена в части увеличения размера штрафов до 1 млн. руб. Учитывая тот факт, что контрабанда наносит существенный экономический ущерб государству, увеличение размеров штрафов в данном случае представляется обоснованным.

С 1 апреля 2024 года изменилась уголовная ответственность за незаконное перемещение алкогольной и табачной продукции. Данные товары внесены в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов, в связи с чем ответственность за деяния, связанные с ними, теперь подлежит квалификации по ст. 226.1 УК РФ. Уголовно-правовая норма (ст. 200.2 УК РФ), которая ранее регламентировала ответственность за контрабанду указано разнообразности утратила силу [5]. Важным моментом в данном случае является то, что ранее действовавшая ст. 200.2 УК РФ определяла незаконными соответствующие деяния лишь при их совершении на границе ЕАЭС, однако в последние годы активное развитие получила противоправная практика незаконного перемещения алкогольной продукции и табачных изделий из государств-членов ЕАЭС в РФ, следовательно, речь идет о преступном деянии на границе РФ. Попадание вышеназванной продукции на российский рынок создает угрозы развития экономической деятельности, поскольку, как правило, речь идет о товарах более низкого качества и с заниженной ценой, но вызывающем спрос в связи с указанными характеристиками. Кроме того, ущерб наносится в связи с несоблюдением требований об акцизах на соответствующие товары.

На основе проведенного анализа преступной практики по заявленной проблематике видится необходимым выделить следующие факторы, влияющие на формирование и развитие преступного функционирования в анализируемой сфере:

- 1) усложнение внешнеэкономической деятельности в связи с внешним санкционным давлением;
- 2) экономическая нестабильность отдельных секторов экономики, в том числе проблемы развития предпринимательской деятельности;
- 3) проведение специальной военной операции, в рамках которой возникает интерес к получению отдельных технологий, связанных с российским вооружением;
- 4) динамика развития способов совершения контрабанд с учетом современного состоя-

ния ограничительного воздействия со стороны таможенных и иных компетентных органов правоохранительной направленности;

- 5) повсеместные процессы информатизации и цифровизации, позволяющие организовывать и координировать преступную деятельность в удаленном режиме, что значительно расширяет масштабы транснациональной преступности.

Все вышеназванные факторы до сих пор не снижают степени своего влияния, в связи с чем следует предположить сохранение их актуальности в ближайшее время. Однако учитывая формируемые тенденции противоправной практики в совокупности с указанными факторами, влияющими на ее развитие, представляется необходимым на постоянной основе оценивать причины и условия преступности, состоящей в незаконном ввозе и вывозе определенных благ, которые имеют особое значение в современных реалиях.

Так, например, в правовой литературе акцентируется внимание на необходимости дальнейшей конкретизации составов анализируемых преступлений в части дополнения положениями о различных разновидностях оружия, поскольку в настоящее время существуют определенные проблемы и противоречия в данном вопросе [7, с. 162]. Кроме того, для эффективной борьбы с контрабандой принципиальное значение приобретает не только актуальное состояние отраслевого законодательства, но и формирование единых подходов правоприменительной практики. Квалификация анализируемых деяний требует применения комплекса знаний от лиц, которые занимаются не только выявлением соответствующих деяний, но и в последующем принимают решения о назначении уголовного наказания [8, с. 360].

Таким образом, за последние несколько лет в уголовное законодательство внесен целый ряд изменений, которые не только ужесточают ответственность за контрабанду, но и планомерно совершенствуют содержательные характеристики данного преступного поведения с учетом возникающих угроз стабильному развитию российского государства различной направленности.

Список литературы:

[1] Заиграева В.К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 214 с.

[2] Лавринов В.В. Проблемы определения перемещения через границу как признака кон-

трабанды // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3(41). С. 59-67.

[3] Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» (ред. от 01.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 38. Ст. 5133.

[4] Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2024-03/04/id_2023.pdf (дата обращения: 21.04.2024).

[5] Федеральный закон от 11.03.2024 № 43-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 12. Ст. 1567.

[6] Федеральный закон от 18.03.2023 № 82-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 12. Ст. 1895.

[7] Хайруллина Р.Г., Ахмадуллина И.А., Шигорцова Е.С. Особенности объективных признаков контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов // Наука и бизнес: пути развития. 2023. № 4(142). С. 160-162.

[8] Шляхов Е.Д., Тихонов И.Р., Квасникова Т.В. Отдельные аспекты квалификации контрабанды // Образование и право. 2023. № 7. С. 358-361.

Spisok literatury:

[1] Zaigraeva V.K. Criminal liability for smuggling strategically important goods and resources in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union: diss.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2023. 214 pp.

[2] Lavrinov V.V. Problems of defining cross-border movement as a sign of smuggling//Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2023. № 3(41). S. 59-67.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 13.09.2012 No. 923 "On approval of the list of strategically important goods and resources for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as on the definition of types of strategically important goods and resources for which a large amount is recognized as a value exceeding 100 thousand rubles" (ed. From 01.08.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 38. Art. 5133.

[4] Draft final report on the results and main activities of the FCS of Russia. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2024-03/04/id_2023.pdf (access date: 21.04.2024).

[5] Federal Law of 11.03.2024 No. 43-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 12. Art. 1567.

[6] Federal Law of 18.03.2023 No. 82-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian

Federation" //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 12. Art. 1895.

[7] Khairullina R.G., Akhmadullina I.A., Shigortsova E.S. Features of objective signs of smuggling of strategically important goods and resources //Science and business: development paths. 2023. № 4(142). S. 160-162.

[8] Shlyakhov E.D., Tikhonov I.R., Kvasnikova T.V. Certain aspects of smuggling qualification //Education and law. 2023. № 7. S. 358-361.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы профилактики экстремизма и террористического поведения среди молодежи в интернет-пространстве. В ней рассматриваются основные факторы, способствующие подверженности молодых людей радикализации через онлайн-коммуникацию, а также обсуждаются возможные способы борьбы с данной проблемой. Автор подчеркивает важность раннего выявления признаков экстремистской деятельности среди молодежи и предлагают конкретные методы профилактики, направленные на просветительскую работу с молодыми людьми в цифровой среде. Особенно подчеркивается важность взаимодействия всех институтов гражданского общества в данной деятельности. Результаты исследования предлагают ценные рекомендации для специалистов работающих с молодежью, государственных органов и общественных организаций, стремящихся эффективно противодействовать росту экстремистской активности в сети Интернет.

Ключевые слова: профилактика, взаимодействие, экстремизм, терроризм, радикальные идеи.

TEUVAZHAEV Zaur Anisovich,
police captain, lecturer at the Department
of Internal Affairs in Special Conditions of the North Caucasus Institute
for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PREVENTION OF EXTREMISM AND TERRORIST BEHAVIOR YOUNG PEOPLE IN THE INTERNET: TRADITIONAL AND INNOVATIVE FORMS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problem of preventing extremism and terrorist behavior among young people in the Internet space. It examines the main factors contributing to the susceptibility of young people to radicalization through online communication, and also discusses possible ways to combat this problem. The author emphasizes the importance of early detection of signs of extremist activity among young people and proposes specific prevention methods aimed at educating young people in the digital environment. The importance of the interaction of all civil society institutions is especially emphasized. The results of the study offer valuable recommendations for specialists working with young people, government agencies and public organizations seeking to effectively counter the growth of extremist activity on the Internet.

Key words: prevention, interaction, extremism, terrorism, radical ideas.

Мировое сообщество проходит сложный путь глобализации и цифровизации, который характеризуется представлением всего современного общества в виде единой информационной среды, пользующейся всеми доступными информационно-техническими средствами и ресурсами сети «Интернет». Но ориентируясь на актуальные статистические данные, можно смело утверждать, что такое всеобщее распространение IT-технологий и ресурсов сети «Интер-

нет» обусловило рост информационных преступлений во всем мировом сообществе.

События последних дней показали, что вопросы профилактики распространению экстремистских и иных радикальных идей остаются одной из основополагающих задач, стоящих перед государством и обществом на современном этапе. При этом представители различных негативных субкультур пытаются в своей преступной деятельности использовать геополитиче-

ские процессы, наметившиеся в последнее время [6]. Ни для кого не секрет, что наиболее незащищённой частью населения для распространения радикальных идей является ее молодежная часть. Проблема профилактики экстремизма и террористического поведения среди молодежи в интернет-пространстве остается актуальной и нарастающей. С развитием технологий и все более широким доступом к интернету, радикальные группировки и экстремистские организации все активнее используют онлайн-платформы для вербовки и пропаганды, особенно в молодежной среде [1].

Социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-ресурсы обмена идеями, распространения запрещенной информации и координации действий. Молодежь, особенно подверженная воздействию различных идей и течений, может легко стать объектом радикализации и пропаганды экстремистских идей в виртуальном пространстве. В этой связи, профилактика экстремизма и других негативных субкультур среди молодежи в интернете носит важное значение [3]. Необходимо разрабатывать специализированные программы и проекты для просвещения и образования молодежи о рисках радикализации, а также о методах противодействия экстремистской пропаганде. Важно также сотрудничество между правоохранительными органами, интернет-провайдерами, общественными организациями и средствами массовой информации для эффективного контроля и предотвращения распространения экстремистского контента в сети.

Актуальность данной проблемы подчеркивается регулярными случаями террористических актов, совершаемых под воздействием интернет-пропаганды и радикальных идей. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи в интернете сегодня является одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов, профильных ведомств, специалистов по безопасности и изучения экстремизма. Важно уделить должное внимание этой проблеме и разработать эффективные стратегии предотвращения и противодействия с радикализации молодежи в онлайн-пространстве.

Действительно, тема профилактики экстремизма и террористического поведения среди молодежи в интернет-пространстве является очень важной и актуальной. Для осуществления целого комплекса превентивных мер должна осуществляться консолидированная деятельность всех институтов гражданского общества [2].

В профилактике экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве существует ряд основных проблем,

как традиционных, так и связанных с современными инновационными формами. Некоторые из них включают в себя:

1. Анонимность и доступность: интернет обеспечивает анонимность пользователям, что позволяет легче проникать в экстремистские сообщества и потенциально участвовать в террористической деятельности без опасения быть выявленным. Доступность различных материалов и средств коммуникации в интернете также облегчает распространение экстремистской пропаганды.
2. Сложность контроля и мониторинга: объем информации, поступающей из интернета, очень велик, что делает процесс контроля и мониторинга радикальной активности сложным и трудоемким.
3. Радикализация онлайн: интернет предоставляет широкие возможности для пропаганды радикальных идей и вербовки новых членов в экстремистские организации в особенности в ее молодежной части.
4. Недостаток координации и сотрудничества: выявление и противодействие онлайн-экстремизму требует сотрудничества между государственными органами, интернет-провайдерами, специалистами по безопасности и другими заинтересованными сторонами. Однако, не всегда достигается необходимый уровень скоординированности их действий.
5. Инновационные методы экстремистов: представители негативных субкультур постоянно предпринимают новые шаги для обхода контроля и блокировок, используя шифрование сообщений, анонимные сети, социальные сети и другие инновационные технологии.

Для эффективного преодоления этих проблем важно разрабатывать комплексные подходы, включающие в себя образовательные программы, сотрудничество с интернет-провайдерами, психологическую поддержку молодежи и активное вовлечение специалистов по борьбе с экстремизмом [5].

Необходимо выделить основные направления профилактической деятельности в данном направлении. Вот несколько возможных подходов, которые могут помочь в профилактике указанных явлений:

1. Образовательные программы: организация тренингов, семинаров и лекций для молодежи о вреде экстремизма и терроризма, а также об опасностях интернет-радикализации. Важно донести до них аргументированные доводы против экстремистских идей и методов.
2. Использование социальных сетей и онлайн-платформ для просвещения и пред-

упреждения: разработка информационных кампаний, создание ресурсов для поддержки и консультирования молодежи в сети, а также публикация материалов, рассказывающих о последствиях террористической деятельности.

3. Сотрудничество с интернет-провайдерами и платформами для обнаружения и блокирования экстремистского контента: важно контролировать распространение экстремистской пропаганды в сети и принимать меры по ее удалению.
4. Проведение профилактических мероприятий с участием специалистов по психологии и социологии: психологическая помощь и консультации молодежи, склонной к радикальным идеям, могут помочь им избежать участия в радикальных группировках.
5. Взаимодействие с интернет-СМИ: данный институт имеет потенциал оказать значительное влияние на формирование общественного мнения, повышение осведомленности и обучение молодежи о проблемах экстремизма и терроризма.
6. Внедрение инновационных технологий и методов: разработка приложений и онлайн-платформ для обучения и информирования молодежи о проблеме экстремизма и терроризма.

Также в дань современной моде нельзя оставлять без внимания возможности искусственного интеллекта в данной профилактической деятельности. Кроме того, важно проводить мониторинг и анализ ситуации в интернет-пространстве, чтобы эффективно бороться с нарастающей угрозой экстремизма и терроризма среди молодежи.

Правоохранительная система при отслеживании, блокировании и расследовании преступлений в информационном пространстве систематически сталкивается с рядом сложностей, вызванных спецификой IT-преступлений становятся эффективным инструментом для привлечения новых сторонников. Анализ данной сферы преступности демонстрирует высокий уровень, обусловленный следующими предпосылками:

- недостаточной нормативно – правовой регламентацией процессов, протекающих в информационном пространстве, несовершенством законодательства в области киберпреступности;
- проблематикой расследования киберпреступлений ввиду сложности идентификации личности преступника;
- постоянным ростом новых методов совершения кибератак;

- нехваткой квалифицированных кадров в области, совмещающей правоохранительную сферу, интернет-пространство и IT-технологии;
- отсутствием общей методики борьбы с киберпреступлениями.

Все причины киберпреступности условно можно разделить на пять видов: социальные, экономические, правовые, организационные и политические.

Социальные причины характеризуют масштабность распространения компьютерных средств и современных информационно-технических продуктов. Также сюда можно отнести потребительское поведение населения к информации, недостаточность правовой и цифровой грамотности, а также специфику и характер совершения киберпреступлений на отдельной территории.

Среди экономических причин выделяются особенности производства компьютерной продукции и программного обеспечения (монополизм, недобросовестная конкуренция, завышение цен на программные продукты, быстрое и относительно безопасное обогащение киберпреступников).

К правовым причинам относится слабая правовая регламентация IT-сферы и несовершенное международное и национальное законодательство, регулирующее вопросы, связанные с компьютерными технологиями.

К организационным причинам следует отнести необработанность системы предупреждения и пресечения преступности в информационном пространстве, недостатки в деятельности правоохранительного комплекса по розыску преступников и блокированию недобросовестных пользователей сети «Интернет».

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что вопросы профилактики экстремистских и других радикальных идей являются одной из важнейших задач всего гражданского общества, которые будут иметь необходимый эффект только при тесном взаимодействии всех институтов общества, исключающей формальный подход, путем должной вовлеченности [7].

А для предотвращения атак злоумышленников или минимизации последствий применения информационного оружия рекомендуется использовать многоуровневую систему защиты информационного пространства, обеспечивать контроль за стабильной и бесперебойной работой банков данных, осуществлять охрану национальных информационных ресурсов и их конфиденциальную передачу по открытым информационным площадкам и сетям, а также использовать качественное программное обеспечение и лицензионные технические средства.

Видится необходимым повышение правовой и цифровой грамотности населения, а также введение и обеспечение обязательной и достаточной идентификации личности пользователя при предоставлении доступа в сети Интернет в местах коллективного пользования.

Список литературы:

[1] Аккаева Х.А. Актуальные направления деятельности правоохранительных органов по борьбе с молодежным экстремизмом // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. No 4. С. 110-114.

[2] Гаужаева В.А., Шамаев А.М. Взаимодействие мирового сообщества в вопросах противодействия различного рода террористическим и экстремистским проявлениям // Социально-политические науки. 2019. No 5. С. 117-119.

[3] Гоголева А. Я. Понятие профилактики и борьбы с преступностью // Молодой ученый. 2014. No 6.1 (65.1). С. 3-7. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10456/> (дата обращения: 08.04.2024).

[4] Шамаев А.М., Болобан М.Л. Пропаганда патриотических ценностных установок как превентивная мера в распространение экстремизма и нацизма в молодежной среде // Евразийский юридический журнал. 2022. No4 (167). С. 406.

[5] Сайт. URL: <https://svpressa.ru/society/article/410912/> (дата обращения: 06.04.2024).

[6] Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Б.А. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере

экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, No 1. С. 13-21

Spisok literatury:

[1] Akkaeva Kh.A. Current areas of law enforcement activities to combat youth extremism//Gaps in Russian legislation. 2022. VOL. 15. No 4. S. 110-114.

[2] Gauzhaeva V.A., Shamaev A.M. Interaction of the world community in countering various kinds of terrorist and extremist manifestations//Sociopolitical sciences. 2019. No 5. S. 117-119.

[3] Gogoleva A. Ya. The concept of prevention and combating crime//Young scientist. 2014. No 6.1 (65.1). S. 3-7. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10456/> (access date: 08.04.2024).

[4] Shamaev A.M., Boloban M.L. Propaganda of patriotic values as a preventive measure in the spread of extremism and Nazism among young people//Eurasian Law Journal. 2022. No4 (167). S. 406.

[5] Site. URL: <https://svpressa.ru/society/article/410912/> (access date: 06.04.2024)

[6] Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Borisov S.V., B.A. Spasennikov B.A. Actual problems of preventing economic crimes committed using information and telecommunication networks ./Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation All-Russian Criminological Journal. 2017. Т. 11, No. 1. С. 13-21.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-237-242
NIION: 2021-0079-7/24-576
MOSURED: 77/27-025-2024-7-576

ТОРЛОВ Леонид Олегович,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: torlov.lo@dvfu.ru

БОЛТЕНКО Софья Сергеевна,
Студент Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: boltenko.ss@dvfu.ru

Научный руководитель:
КВАСНИКОВА Татьяна Владимировна,
Кандидат юридических наук, доцент кафедры,
e-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена всестороннему исследованию понятия stalking в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Рассматриваются причины и этапы stalking, его формы и характерные черты жертв. Проводится сравнительный анализ правового регулирования stalking в России и других странах. Особое внимание уделяется перечню прав граждан, нарушение которых позволяет привлечь преследователя к ответственности.

Ключевые слова: преследование, stalking, ответственность преследователей, жертва, посягательства, криминализация, преступление против личности.

TORLOV Leonid Olegovich,
Law School Student Far Eastern Federal University

BOLTENKO Sofya Sergeevna,
Law School Student Far Eastern Federal University

Scientific supervisor:
KVASNIKOVA Tatyana Vladimirovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department

PROSECUTION IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of the concept of stalking in the context of the criminal legislation of the Russian Federation. The causes and stages of stalking, its forms and characteristic features of victims are considered. A comparative analysis of the legal regulation of stalking in Russia and other countries is carried out. Special attention is paid to the list of citizens' rights, the violation of which makes it possible to bring the persecutor to justice.

Key words: stalking, stalking, responsibility of stalkers, victim, assaults, criminalization, crime against the person.

Преследование (сталкинг, stalking) — это нежелательное поведение, которое выражается в преследовании жертвы и навязчивом внимании со стороны другого лица. Термин «сталкерство» происходит от английского слова «to stalk», которое означает «ходить осторожно и крадучись». Это понятие тесно связано с охотой и определяется как «выс-

леживание кого-либо». В прошлом сталкинг при-менялся к охотникам, бродягам и браконьерам.

Сталкинг сам по себе не является заболеванием. Им могут заниматься вполне здоровые люди. Однако некоторые психические болезни и нарушения действительно способны проявляться навязчивостью — например, алкогольная или наркотическая зависимость, шизофрения, деза-

даптация. Некоторые расстройства личности также могут способствовать нездоровому поведению человека — например, истерическое, нарциссическое, диссоциальное и эмоционально-неустойчивое.

Люди становятся стalkerами по различным причинам. Например — преследователь находится в иллюзии и верит, что жертва его любит, что его счастье возможно только с ней или с ним. То есть он хватается за партнера как за единственно возможного. Иногда такое случается из-за того, что жертва, желая поберечь чужие чувства, не сказала четкого «нет» преследователю в надежде, что он все поймет и ситуация решится сама собой. А стalker, цепляясь за «последний шанс», упорно не желает видеть признаки того, что отношения невозможны. Или же причина сталкинга заключается в том, чтобы контролировать жертву; влиять на принятие реше-

ния; или же это самая обычная месть и др. Преследователю важно чувствовать свою власть над человеком, управлять его чувствами и жизнью. Видя страх и страдание «объекта», стalker упивается собственной значимостью или местью.

Сталкинг условно можно разделить на следующие этапы: начало преследования, непосредственное давление на жертву и оглашение требований. Преследования могут быть дистанционными или с прямым контактом.

Формы сталкинга разнообразны - от лайков, звонков и сообщений в Интернете до угроз, повреждения имущества и нанесения травм. При этом 11% жертв страдают от сталкинга на протяжении пяти и более лет. В основном люди знают преследователя лично: то есть, стalkerами могут быть как бывшие или нынешние партнеры жертвы или же знакомые.

Таблица 1. Характеристика жертв сталкинга (в %)

Показатели	Пострадавшие от экс-партнера		Пострадавшие от других лиц
	Несколько раз от одной формы преследования	От трех и более форм преследования	
Возраст (лет)			
От 16 до 24	16,3	8,8	12,5
От 25 до 34	17,3	11,5	12,2
От 35 до 44	15,7	10,8	11,0
От 45 до 54	15,8	10,4	9,8
От 55 до 64	10,0	6,5	8,7
От 65 до 70	7,5	4,4	7,9
Образование			
Высшее	17,1	10,3	14,5
Среднее специальное	15,5	10,4	11,4
Среднее	13,5	8,9	8,4
Начальное	11,6	8,1	6,5
Занятость			
Руководители и предприниматели (большой бизнес)	16,9	11,0	17,2
Служащие	15,8	9,7	11,5

Рабочие	15,4	10,3	7,9
Мелкий бизнес	11,8	9,5	11,9
В поисках работы (с опытом работы)	17,8	13,9	13,0
В поисках работы (без опыта работы)	10,9	5,7	14,2
Домохозяйки	13,5	9,4	13,8
Студенты	15,8	9,4	12,8
Безработные	8,2	5,6	9,5
Другое	25,7	22,9	9,5
Гражданство			
Итальянки	14,8	9,8	10,9
Американки	19,9	11,1	5,5

Таблица 2. Основные формы преследований (в %)

Формы преследования	От бывшего партнера		От других лиц	
	Один раз	Более одного раза	Один раз	Более одного раза
Отправка сообщений, звонки, электронные письма, письма и нежелательные подарки	3,3	10,2	3,4	7,0
Повторяющиеся просьбы о встречах	2,9	10,2	1,8	3,7
Ожидание у дома, работы, места учебы	2,9	8,5	1,6	2,6
Навязывание разговоров против воли	3,5	11,6	2,3	4,8
Слежка	2,1	7,1	2,0	3,0
Повреждение личных вещей	1,4	1,7	0,8	0,4
Оскорбительные комментарии	0,4	0,8	0,6	0,4
Угроза причинения вреда детям или дру- гим близким людям	0,7	1,5	0,5	0,4
Другие виды	0,4	0,6	0,3	0,5

В Государственную Думу 6 октября 2023 года внесли проект (на момент 28.06.2024 находится все еще в рассмотрении в первом чтении), по которому россияне получают право обращаться в суд с требованием «запретить другому человеку к ним приближаться», то есть в России сложилась парадоксальная ситуация, так как сейчас суд может запретить преследователю звонить определенному человеку, слать ему электронные или бумажные письма. Но при этом нет нормы, которая запрещала бы приближаться и общаться с ним на прямую. А в феврале 2024 году Конституционный Суд опубликовал решение которое объясняет, как именно жертвы могут себя защитить, например: запретить приближаться сталкеру при случайной встрече по закону нельзя, а запретить ему находиться возле дома или работы жертвы – можно.

По сравнению с другими подобными преступлениями, сталкинг отнесли к уголовно наказуемому деянию сравнительно недавно - с начала 1990-х годов упоминание появилось в законодательстве некоторых стран. Сталкеров наказывают по уголовной статье – например: в США (статьи 1.07 – 1.11 УК США) и Германии (в 18 разделе статья 238 Уголовного Уложения Федеративной Республики Германии). В Японии полагают, что преследование - уголовный проступок, а в России – непроступное деяние. В Великобритании ответственность за сталкинг предусмотрена как за самостоятельное преступление, но это является скорее особенностью прецедентного законодательства.

В российском Уголовном кодексе нет отдельной статьи, которая предусматривает наказание за преследование, то есть преследование с точки зрения законодательства РФ - это не одно правонарушение, а их совокупность.

По мнению законодателей, привлечь преследователя к ответственности можно только в случае, если в отдельных его действиях в процессе преследования усматриваются признаки уголовного преступления или административного правонарушения.

Основной перечень прав граждан, за нарушение которых преследователя можно привлечь к ответственности:

1. Право на тайну частной жизни.

Никто, без Вашего согласия, не вправе собирать, хранить и распространять о Вас информацию, относящуюся к вашей частной жизни. К праву на частную жизнь относится так же и право на изображение гражданина (статья 152.1 Гражданского Кодекса РФ).

Сбор, хранение и распространение информации о частной жизни является преступлением,

за которое предусмотрена уголовная ответственность по статье 137 Уголовного Кодекса РФ — «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

2. Право на доброе имя, честь, достоинство и охрану деловой репутации.

Зачастую в процессе преследования, агрессор нецензурно, используя недопустимые сравнения, оскорбляет и унижает жертву, он способен даже оклеветать, используя лживые сведения, чтобы нанести урон авторитету жертвы. Оскорбления являются административным правонарушением- статья 5.61 КРФоАП «Оскорбления», а распространение заведомо ложных сведений это и вовсе уголовное преступление — статья 128.1 УК РФ «Клевета».

3. Право на имущество и защиту его от посягательства

Ст.167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества». Является ли ущерб значительным определяют примечания к ст.158 УК РФ, согласно которым, значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей.

Если ущерб составляет менее 5000 рублей или «незначительный» для жертвы – то действия преследователя будут квалифицированы как административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества». К такому, например, можно отнести дверной замок, залитый клеем, вследствие чего жертва не сможет попасть к себе домой.

4. Право на неприкосновенность жилища.

Незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица является преступлением, предусмотренным ст.139 Уголовного кодекса РФ «Нарушение неприкосновенности жилища», за совершение которого предусмотрена уголовная ответственность.

Так же объектом охраны в сталкерстве могут служить не только конституционные права, но и здоровье человека, примером могут служить «Побои», которые рассматриваются в ст. 116, 116.1 УК РФ, так и ст. 6.1.1 КоАП РФ, то есть они не влекут вреда здоровью пострадавшему, но причиняют физическую боль, но условный синяк у пострадавшего может нанести ему психологическую травму, а здоровье может служить как физической боли, так и психологической.

Законодательство нашей страны в области защиты граждан от преследования недостаточно развито по сравнению с зарубежными странами. Факты угроз и преследования подпадают под статьи 119, 128.1, 133, 137, 138, 139 и 163 УК РФ.

Преступления, связанные с насилием, составляют 5% от общего числа преступлений. Количество преступлений против жизни и здоровья, указанных в главе 16 УК РФ (статьи 105–125), уменьшается. В 2022 году количество осуждённых за преступления, предусмотренные главой 16 УК РФ, снизилось на 3,6% и составило 60,3 тысячи человек, или 10,4%, по сравнению с 2021 годом (62,5 тысячи человек, или 11,1%).

Дело в том, что отсутствие единой нормы о преследовании является пробелом в уголовном законодательстве для привлечения к ответственности за преследование в РФ, так как приходится прибегнуть к статьям уголовного и административного права для решения данного дела, и следовательно для дальнейшего конструктивного судебного производства законодателям следует внести в УК РФ отдельную статью, которая будет включать в совокупности все факторы для привлечения stalkера к уголовной ответственности и не рассматривать каждую норму различной отрасли права отдельно.

Для привлечения stalkера к уголовной ответственности, нужно исходить из его действий, посягающих на жизнь жертвы. Для полного понимания приведем пример: Девушка получает на почту письмо с оскорблениями от анонимного абонента, за это преследователя можно привлечь к административной ответственности по статье 5.61 КоАП, а если stalkер уже начнёт присылать письма близким и знакомым этой девушки, в которых будут содержаться ложные сведения, порочащие честь и достоинство, то тогда его деяния можно будет квалифицировать по статье 128.1 УК РФ «Клевета». Если за какое-либо одно деяние, преследователя можно привлечь к административной ответственности, и далее его деяния за собой будут влечь более «тяжелый фон», то тогда его уже следует привлечь к уголовной ответственности.

18 мая 2023 года Московский городской суд рассмотрел уголовное дело о нарушении неприкосновенности частной жизни (статья 137 часть 1 УК РФ) и угрозе убийством (статья 119 часть 1 УК РФ) в отношении М., который преследовал свою бывшую девушку, её родственников и друзей: следил за ними, отправлял сообщения с угрозами убийства, устанавливал трекары на автомобиль и так далее.

Несмотря на то, что в январе 2023 года Измайловский районный суд признал его виновным и назначил наказание в виде 600 часов обязательных работ, осуждённый продолжил заниматься преступной деятельностью. Адвокат подал апелляционную жалобу с требованием ужесточить наказание.

Суд удовлетворил требования адвоката, и stalkеру назначили наказание в виде ограничения свободы на срок один год и восемь месяцев с запретом покидать дом в ночное время и выезжать за пределы города проживания.

Следует подчеркнуть, что нашему мнению, данное наказание не восстанавливает социальную справедливость потому, что преследователь может нарушать права и свободу жертвы и в дневное время, тем самым оценка действий виновного была не совсем правильной и полной так, как не полностью защищает жертву от противоправных действий.

Отличие преследования от большинства преступлений заключается в том, что оно криминализует образ действий, а не отдельные преступные деяния. Кроме того, отдельные действия, составляющие поведение преследователя, не считаются преступными.

В качестве примера рассмотрим уголовное законодательство США. В нем существует организация, которая собирает самую актуальную информацию на государственном уровне о насилии и преследовании со стороны интимного партнёра (Национальное обследование интимного партнёра и сексуального насилия, NISVS). Это делается для улучшения условий профилактики насилия. Опрос проводится регулярно с 2010 года (обновлённый отчёт на апрель 2022 года). Результаты показывают, что почти каждая третья женщина (31,2 %, или около 38,9 миллионов) в США сообщила о преследовании в какой-то момент своей жизни, когда она испытывала страх, угрозу или беспокойство о своей безопасности. В России ситуация достаточно схожая.

В УК Российской Федерации отсутствуют механизмы привлечения к ответственности преследователей, и правоохранительные органы не могут оказывать полноценную поддержку жертвам преследований. Преследование остаётся непризнанным и недооценённым, так как правоохранительные органы часто рассматривают его только как слежку, наблюдение или надзор, считая эти действия отдельными случаями, без учёта их связи с другими видами поведения, которые не приводят к опасным общественным последствиям и последующей уголовной ответственности. Правоохранительные органы реагируют только на конкретные преступления, не анализируя контекст, в котором они совершаются.

Данная ситуация требует анализа, мониторинга и более глубокого исследования для того, чтобы рассмотреть возможность криминализации такого деяния как преследование и внесения в УК РФ.

Список литературы:

[1] Иванов В.Д. Предупреждение замышляемых преступлений: учебное пособие. Караганда, 1979.

[2] Мосгорсуд ограничил stalkera в свободе. URL: <https://wcons.net/novosti/mosgorsud-ogranichil-stalkera-v-svobode/>

[3] Сторублёнкова Е.Г., Самуткин В.Л. Сталкинг: синдром навязчивого преследования / Проблемы в российском законодательстве. 2017. N 6.

[4] Хотин О.В. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственной преступности органами внутренних дел Центрального федерального округа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.

[5] Justea US Law / California Penal Code. URL: <https://kw.justk.com/codes/california/codepen>

[6] А.В. Алёшина Криминологическая характеристика преследования (сталкинга) как форма деструктивного поведения / Сетевое издание «Академическая мысль», N 1, март 2024 г., с. 5-7. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/481235020/paragraph/23/doclist/724/1/0/0/сталкинг>

Spisok literatury:

[1] Ivanov V.D. Prevention of plotted crimes: a textbook. Karaganda, 1979.

[2] The Moscow City Court limited the stalker in freedom. URL: <https://wcons.net/novosti/mosgorsud-ogranichil-stalkera-v-svobode/>

[3] Storublenkova E.G., Samutkin V.L. Stalking: obsessive persecution syndrome//Gaps in Russian legislation. 2017. N 6.

[4] Khotin O.V. Criminological characterization and prevention of violent crime by the internal affairs bodies of the Central Federal District: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2009.

[5] Justea US Law // California Penal Code. URL: <https://kw.justk.com/codes/california/codepen>

[6] A.V. Alyoshina Criminological characterization of persecution (stalking) as a form of destructive behavior//Online publication "Academic Thought," No. 1, March 2024, p. 5-7. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/481235020/paragraph/23/doclist/724/1/0/0/сталкинг>

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛОЖНОГО ДОКУМЕНТА

Аннотация. В статье основное внимание уделено роли экспертных исследований в установлении признаков, характеризующих объект такой категории преступлений как мошенничество, связанное с использованием подложных документов.

Автор отмечает, что возможность использования такого рода исследований для установления непосредственного объекта обсуждаемой категории мошенничества как общественных от-ношений, на которые посягает преступник, обусловлено тем, что отдельные элементы этих отношений находят свое реальное выражение в действиях последнего по изготовлению и использованию подложных документов, а также в форме предмета посягательства, то есть в материальных объектах и процессах, доступных для экспертных исследований.

По этой причине научно – технические, и прежде всего, экспертные исследования подложных документов, использованных при совершении мошенничества, и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств, играют важнейшую роль в доказывании события указанной категории преступлений. При этом отмечается, что установление объекта преступления обсуждаемой категории осуществляется опосредованно путем использования фактов, относящихся к другим сторонам события, например, объективной стороне.

В работе констатируется, что заключение эксперта при доказывании объекта мошенничества не может считаться доказательством, исчерпывающе характеризующим объект преступления.

Ключевые слова: экспертные исследования, мошенничество, объект преступления, подложный документ.

GLUKHOVA Darya Andreevna,
lecturer at the Department of Document Research
of the Educational and Scientific Complex
of Expert and Forensic Activities Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE IMPORTANCE OF EXPERT RESEARCH IN IDENTIFYING THE OBJECT OF FRAUD INVOLVING THE USE OF A FORGED DOCUMENT

Annotation. Focuses on the role of expert research in establishing the signs that characterize the object of such a category of crimes as fraud associated with the use of forged documents. The author notes that the possibility of using this kind of research to establish the direct object of the discussed category of fraud as social relations encroached upon by the criminal is due to the fact that individual elements of these relations find their real expression in the latter's actions in the production and use of forged documents, and also in the form of the subject of the attack, that is, in material objects and processes available for expert research.

For this reason, scientific, technical, and above all, expert studies of forged documents used in committing fraud and added to the case as material evidence play a vital role in proving the occurrence of this category of crime. It is noted that the establishment of the object of the crime of the category under discussion is carried out indirectly through the use of facts relating to other aspects of the event, for example, the objective side.

The work states that the expert's conclusion when proving the object of fraud cannot be considered evidence that exhaustively characterizes the object of the crime.

Key words: *expert research, fraud, object of crime, forged document.*

Согласно современной теории уголовного права, объект преступления - это «общественные отношения, урегулированные нормами права, охраняемые уголовным законом» [6, с.117]. Каждое такое отношение всегда складывается относительно какого-то предмета - материального или нематериального, блага либо поведения людей. С этой точки зрения объектом мошенничества всегда является собственность, то есть общественные отношения по поводу собственности. Понимание собственности как общественного отношения не противоречит толкованию собственности как правового блага, имущественного интереса, социальной ценности [4, с. 74].

Необходимость использования судебной экспертизы при исследовании таких, казалось бы, «нечитаемых» с помощью научно-технических средств явлений вытекает из того, что в реальной действительности любые общественные отношения выступают не в идеальной форме, т.е. не в виде понятий, научных абстракций, отражающих лишь общее и существенное, а в своем движении, как конкретные, персонифицированные отношения, включающие не только общее, но и особенное, свойственное только каждому из них. Поскольку указанные категории являются отражением в сознании людей объективных связей предметов и явлений, то установление их требует анализа именно таких связей, а это далеко не всегда доступно правоведам.

Возможность использования экспертных исследований для установления непосредственного объекта преступления как общественных отношений, на которые посягает преступник, обусловлено, прежде всего, тем, что эти отношения репрезентируются во вне в действиях подозреваемого и предмете посягательства, то есть в реальных материальных объектах и процессах, доступных для такого рода исследований.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что предметом посягательства мошенников, становятся, как правило, отдельные элементы общественных отношений выраженных в форме денежных средств или правоустанавливающих документов на чужую собственность. Причем, значительная доля такой категории преступлений совершается с использованием подложных документов в качестве средства мошеннического обмана. Это обстоятельство и определяет особое значение научно - технических исследований документов, и прежде всего в виде судебной экспертизы, при установлении объекта обсуждаемой категории мошенничества.

Заметим, что понятие общественных отношений наряду с интересами, в связи с которыми или по поводу которых возникают отношения между людьми, включают в себя и субъектов общественных отношений - носителей этих интересов.

При этом социологи рассматривают «интерес» как категорию объективную, потому что его материальной основой являются объективные потребности людей, а психологи определяют его как категорию субъективную, характеризующую определенное психическое состояние субъекта или как направленность воли и внимания субъекта на объект.

Однако для юриста, как нам представляется, это понятие важно именно как единство объективного и субъективного, поскольку при расследовании преступления приходится учитывать то и другое, и особенно соотношение объективного и субъективного. А.Г. Здравомыслов отмечал, что это соотношение, есть, с одной стороны, переход объективного в субъективное, так как любой интерес имеет соответствующую основу в окружающих субъекта обстоятельствах, а с другой - переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность желания, намерения субъекта [3, с. 46].

Исследование первой стороны соотношения позволяет выявить совокупность практических связей лица в обществе, сами действия, направленные на удовлетворение потребностей, а анализ второй - мотивы и цели совершения преступления. Иначе говоря, с учетом первой стороны соотношения возможно установление обстоятельств, характеризующих субъект и объективную сторону преступления, а с учетом второй - обстоятельств, раскрывающих субъективную сторону содеянного.

Однако указанное соотношение объективного и субъективного свидетельствует также о том, что интерес - это состояние лица, отражающееся в сознании, и вместе с тем сознание, переходящее в действие [3, с.28, 29].

А если интерес есть сознание, переходящее в действие, то он характеризует не только отношение субъекта к объекту, но и процесс волевого поведения лица, направленного на удовлетворение его потребностей.

Именно эта, «динамическая», сторона интереса и важна для его понимания как элемента объекта преступления, поскольку она: а) показывает, каким образом «оживает» интерес и «включается» в общественные отношения в качестве

его элемента; б) позволяет раскрыть содержание интереса как элемента общественных отношений, охраняемых уголовным правом (объекта преступления), учитывая, что «юридическая норма может регулировать только такие общественные отношения, которые выражаются или могут выражаться в актах волевого поведения участников этих отношений» [1, с.34]

При анализе роли судебной экспертизы в установлении объекта мошенничества необходимо учитывать, что объектом посягательства являются не вообще общественные отношения, а те из них, против которых непосредственно направлено содеянное.

В силу того, что специфики условий реализации общественных отношений, а именно того, что они являются материальным выражением общественных отношений во вне либо как материальная предпосылка их существования (квартиры, автомобили, различные предметы, вещи и денежные средства) либо как форма их закрепления (удостоверяющие, правоустанавливающие документы), эти условия оказываются непосредственными объектами посягательства мошенников.

Но эти же, выступающие в качестве непосредственного объекта мошенничества предметы материального мира нередко становятся объектами экспертного исследования, когда необходимо применить специальные знания для изучения их содержания и свойств.

Однако из этого не следует, что в таких случаях эксперт исследует непосредственный объект преступления, ибо для определения последнего необходимо точно установить не только предмет преступного посягательства, но и те общественные отношения, которые за ним стоят.

В силу этого истинное значение установленных экспертом сведений при исследовании им правоустанавливающих документов, проявляется только после анализа общественных отношений, также подвергшихся воздействию мошенника.

При этом недостаточно установить только нарушение определенных общественных отношений. Известно, что общественные отношения существуют не изолированно, а в комплексе взаимосвязанных отношений. По этой причине одно преступление может причинять вред одновременно нескольким различным общественным отношениям.

Так, в частности, при совершении мошенничества, связанного с использованием подложных документов, зачастую осуществляется посягательство не только на сферу имущественных отношений, но, как правило, сопряжено с причинением вреда другим общественным отношениям, охраняемым другими нормами уголовного права.

Примером может служить уголовное дело, возбужденное в 2020 году СУ МВД по Ростовской области в отношении гр.Г.- генерального директора ООО «Стройтрест». Последний, обладая полномочиями в области административно-хозяйственной деятельности данной организации, заключил договор с муниципальным образованием «Город Волгодонск», согласно которому ООО «Стройтрест» было обязано выполнить определенный объем работ по ремонту городской автомобильной дороги. Однако исполнитель нарушил условия договора, не выполнив предусмотренный сметной документацией объем работ. Тем не менее, гр. Г. и представитель заказчика - гр. Б., действуя по предварительному сговору, оформили документы с заведомо завышенными сведениями об объеме выполненных подрядчиком работ, на основании которых муниципальное образование «Город Волгодонск» перечислило на расчетный счет ООО «Стройтрест» 212 04340 руб. Значительная часть этих средств в сумме 10 663149 были в дальнейшем присвоены указанными лицами.

При выяснении обстоятельств совершения рассматриваемого преступления была назначена и осуществлена идентификационная почерковедческая экспертиза подписей от имени гр.Б., расположенных в актах обследования автодороги, в заданиях на выполнение работ [2]. При этом был установлен факт выполнения подписей самим гр.Б., что опосредованно свидетельствовало о наличии преступного сговора подозреваемых и о сопричастности данного лица к изготовлению подложных документов, то есть о совершении служебного подлога – вида преступления, непосредственным объектом посягательства которого является установленный порядок деятельности органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления (ст. 292 УК РФ). Но поскольку заведомо подложные документы использовались в качестве средства хищения чужого имущества - денег, принадлежащих муниципальному образованию «Город Волгодонск», это деяние подпадает под действие ч.2 ст.159 УК РФ и квалифицировалось как мошенничество, непосредственным объектом которого являются общественные отношения собственности.

Обращает на себя внимание то, что в приведенном примере роль экспертных исследований в установлении непосредственного объекта рассматриваемого преступления, свелась к выявлению фактов, характеризующих объективную сторону деяния. Однако полученная информация способствовала, установлению непосредственного объекта преступления, поскольку между этими сторонами состава данного вида преступлений существует несомненная связь.

Но зачастую об объекте мошенничества невозможно судить, не изучив характер действий субъекта или не выяснив умысел субъекта. Не раскрывая здесь понятия умысла, укажем лишь, что это понятие носит явно юридический характер, и поэтому установление умысла не может быть предметом экспертного исследования. Однако производство судебной экспертизы может способствовать определению отдельных признаков, характеризующих умысел.

Действия, связанные с изготовлением и использованием подложных документов, согласно действующему законодательству, относятся к умышленным, то есть лицо, создающее и (или) использующее подложный документ, сознает общественную опасность своих действий, что предполагает наличие у субъекта прямого умысла и определенной цели. Поэтому выявленный экспертом, например, факт замены фотокарточки в паспорте, предъявленном для получения кредита в банке, способствует установлению: направленности деяния – противоправному получению денежных средств, а, следовательно, и непосредственного объекта мошенничества – общественных отношений собственности.

Поскольку сущность объекта преступления подлежит доказыванию опосредствованно, через «доступные» свойства и качества, установление которых нередко требует специальных знаний, то значение судебной экспертизы не может быть раскрыто без выяснения того, что образует предмет доказывания. Ведь не все обстоятельства, которые могут устанавливаться путем доказывания, являются в то же время обстоятельствами, подлежащими доказыванию, а именно обстоятельствами, образующими предмет доказывания.

Вопрос этот возникает не потому, что уголовно-процессуальный закон (ст. 73 УПК РФ) перечисляя обстоятельства, образующие предмет доказывания по каждому уголовному делу, не указывает непосредственно на объект преступления. Поскольку описанный в законе предмет доказывания включает в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, событие преступления, и из самого содержания закона (п. 1 ст. 73 УПК РФ) следует, что «событие преступления» – сложное понятие, состоящее из ряда элементов, то не трудно сделать вывод, что в качестве одного из таких элементов, подлежащих обязательному установлению, выступает и объект преступления, без которого не может быть раскрыт истинный характер события преступления, его содержание.

Однако, хотя уголовно-процессуальный закон и предписывает обязательность доказывания наличия и характера события преступления

(а, следовательно, и объекта его), тем не менее, согласно общепринятому в науке уголовного процесса мнению, по каждому делу подлежат доказыванию лишь фактические обстоятельства. Поэтому, указанное выше требование закона должно пониматься в том смысле, что, предписывая устанавливать событие преступления, он ориентирует на доказывание именно фактов объективной действительности, свойств реальных событий.

Но, объект посягательства – общественные отношения – сложный элемент преступления, далеко не все признаки которого могут быть непосредственно восприняты в виде фактов объективной действительности, а потому устанавливаются как производные. Производные же свойства «не требуют доказывания: они либо неопровержимо презюмируются законодателем, либо вытекают из признаков состава, устанавливаемых по делу» [5, с. 114], в силу чего суждение о них выводится логическим путем на основе доказанности других признаков преступления.

Это лишний раз свидетельствует о том, что заключение эксперта при доказывании объекта мошенничества не может считаться доказательством, содержащим фактические данные, характеризующие все признаки непосредственного объекта преступления. Роль судебной экспертизы в этом процессе определяется тем, что объект деяния «как и любой другой элемент состава, устанавливается, исходя из определенного круга фактических обстоятельств» [7, с.168], исследование которых нередко требует применения специальных знаний.

Недопустимыми являются все еще распространенные в практике ошибки, связанные с переоценкой значения заключения эксперта как доказательства, когда следователь (а иногда и суд) рассматривает установленные экспертом сведения как факты, которые полностью характеризуют объект преступления.

В этой же связи представляется весьма сомнительной правомерность привлечения экспертов-бухгалтеров для установления размера материального ущерба, причиненного мошенниками страховой компании в результате инсценировки дорожно-транспортного происшествия [8, с.132-133].

Известно, что в экспертной практике под материальным ущербом понимается оцененный в денежном выражении прямой имущественный ущерб, нанесенный предприятию, организации, учреждению или отдельным лицам. В основе такого определения материального ущерба лежит не денежная оценка имущественного ущерба, не количественная его сторона, а качественная, ориентирующая экспертов на установление не

размера ущерба, а его характера, следовательно, и характера последствий преступления. Указывая же на характер последствий, эксперт, хочет он этого или нет, предопределяет и объект посягательства. Иначе говоря, констатируя наличие материального ущерба, эксперт указывает тем самым и на нарушение имущественных интересов, то есть решает вопросы, которые являются исключительной прерогативой следствия и суда, так как связаны с правовой оценкой действий определенных лиц. Поэтому, эксперт-бухгалтер из-за отсутствия таких надежных критериев не вправе давать оценку последствиям содеянного, иначе это может привести к неправильному определению объекта преступления.

Основное значение судебно-бухгалтерской экспертной, на наш взгляд, заключается не в том, чтобы определять наличие ущерба, а в том, чтобы выяснить расхождения между данными бухгалтерского учета и фактическим наличием товарно-материальных ценностей, проверить обоснованность бухгалтерских операций, соответствие их требованиям бухгалтерского учета.

Таким образом, принципиальная возможность и даже необходимость использования экспертных исследований для установления объекта мошенничества, сопряженного с использованием подложных документов, как общественных отношений, на которые посягает преступник, обусловлено, прежде всего, тем, что эти отношения репрезентируются во вне в действиях подозреваемого по изготовлению и использованию подложных документов, а также предмете посягательства, то есть в реальных материальных объектах и процессах, доступных для экспертного исследования. К тому же направленность посягательства на определенные общественные отношения при совершении преступлений, связанных с изготовлением и использованием подложных документов, трудно представить без проведения таких исследований.

Список литературы:

[1] Александров Н.Г. Сущность права. М. Юриздат, 1950

[2] Заключение эксперта № 405 от 26 марта 2021г. Архив ЭКО МУ МВД России «Волгодонское» ГУ МВД РФ по Ростовской обл.

[3] Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории, Л.,1964.

[4] Коржанский Н.И. Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.

[5] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. Изд. «Юридическая литература», М. 1972.

[6] Сабитова Е. Ю. Документы как объективный признак составов преступлений. Дисс канд. юрид. наук. Саратов. 2005.

[7] Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. «Юридическая литература», М., 1973.

[8] Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний. Дисс. канд юрид. наук. Иркутск. 2015.

Spisok literatury:

[1] Alexandrov N.G. Essence of law. M. Yurizdat, 1950

[2] Expert Opinion No. 405 dated March 26, 2021 Archive IVF MU Ministry of Internal Affairs of Russia "Volgodonskoe" GU Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Rostov region.

[3] Zdravomyslov A.G. The problem of interest in sociological theory, L.,1964.

[4] Korzhansky N.I. The object of crime and the subject of criminal law protection. M., 1980.

[5] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. Ed. "Legal Literature," M. 1972.

[6] Sabitova E. Yu. Documents as an objective sign of corpus delicti. Diss cand. jurid. sciences. Saratov. 2005.

[7] Theory of evidence in Soviet criminal proceedings. Ed. "Legal Literature," M., 1973.

[8] O.V. Trubkina. Features of the initial stage of investigation of insurance fraud committed in relation to the material interests of insurance companies. Diss. cand juris. sciences. Irkutsk. 2015.

ЛАЙПАНОВ Ахмат Исламович,
Старший преподаватель кафедры
специальных дисциплин ВФ ФГКОУ
ВО РЮИ МВД России, майор полиции,
e-mail: A888xaaa@gmail.com

ФЕДОРЕНКО Яна Александровна,
Преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: Eleskhanova.yana@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

Аннотация. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются важнейшей обязанностью государства. Власть, посредством своих уполномоченных органов, обязана отвечать на любые незаконные действия, которые нарушают права и свободы граждан, применяя различные меры принуждения. Значительное место среди таких нарушений занимают правонарушения, угрожающие общественному порядку и безопасности.

Ключевые слова: меры принуждения, общественный порядок, общественная безопасность, общественное место, квалификация, распитие алкогольной продукции, мелкое хулиганство.

LAIPANOV Akhmat Islamovich,
Senior lecturer of the Department
of Special Disciplines of the Higher School of Economics
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Major

FEDORENKO Yana Alexandrovna,
Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative
Activities Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Police Major

ON SOME PROBLEMS OF OFFENDING QUALIFICATION, COMMITTED IN PUBLIC PLACES

Annotation. Recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms are the most important duty of the State. The authorities, through their authorized bodies, are obliged to respond to any illegal actions that violate the rights and freedoms of citizens by applying various coercive measures. A significant place among such violations is occupied by offenses that threaten public order and security.

Key words: coercive measures, public order, public safety, public place, qualification, drinking, petty hooliganism.

В настоящее время существует проблема с квалификацией некоторых видов правонарушений. Полное понимание этих вопросов невозможно без уточнения термина «общественное место». На данный момент можно утверждать, что в соответствии с федеральным законом от 07 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции», в обязанности сотрудников правоохранительных органов входит обеспечение безопасности граждан

и поддержание порядка в общественных местах. Эти места включают улицы, площади, стадионы, скверы, парки, транспортные магистрали, вокзалы, аэропорты, морские и речные порты и другие подобные пространства [1]. Стоит отметить, что согласно статистическим данным, количество преступлений в зонах с большим количеством людей значительно возрастает, что поднимает вопрос о точном определении понятия

«общественное место», так как во многих видах нарушений это является важным элементом активной стороны правонарушения.

Термин «общественное место» не закреплен в законодательстве и определяется на основе правовых норм из разных отраслей права, которые указывают перечень таких мест для конкретных статей, например, ч. ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ [2]. К общественным местам, помимо зон с высоким количеством людей (улицы, общественный транспорт, аэропорты, вокзалы, парки), относятся также любые доступные участки для неограниченного числа лиц, где присутствуют или могут находиться люди (подъезды, подземные переходы, лестницы, территории садовых сообществ и т.д.).

Опираясь на научные данные, можно утверждать, что общественные места являются территорией, где люди вступают в социальные связи для удовлетворения различных жизненных нужд. Понятие общественного пространства обусловлено присутствием там людей, поскольку любое отклонение от общепринятых норм поведения в этих местах влияет на интересы, как отдельных людей, так и коллективов и общества в целом. Анализ понятия «общественное место» помогает классифицировать эти пространства по разным признакам.

В научных публикациях общественные локации разделены на следующие группы: постоянные (круглосуточно доступные, например, улицы, площади, парки, дворы и прочее), периодические (здания и помещения, работающие по расписанию, такие как магазины, общественный транспорт, культурные учреждения и так далее), а также эпизодические, где взаимодействие людей носит временный характер. Таким образом, можно сказать, что луга, лесные поляны и пляжи за пределами города, когда там проходят события или собирается большое количество людей для отдыха, также рассматриваются как общественные пространства. В реальной жизни такого рода классификация не используется. Стоит также учитывать, что квалификация определённого действия может меняться в зависимости от места его совершения. Место, где было совершено правонарушение, как известно, является обязательным элементом административного правонарушения. Поэтому одно и то же действие может быть признано административным правонарушением в одних обстоятельствах, а в других - нет.

Употребление пива, напитков на его основе, а также алкогольных и спиртосодержащих продуктов в общественных местах, в нарушении ст. 20.20 КоАП РФ, влечет за собой административное наказание. Однако никакого наказания не

налагается за употребление алкоголя в барах или ресторанах, так как эти заведения имеют специальное разрешение для таких действий, но по факту являются общественными местами. Также проблема квалификации заключается в том, что непонятно можно ли признавать улицу, парк или сквер общественным местом при отсутствии там людей. Так, вышеуказанными местами являются учебные заведения, детские площадки и иные общественные места, не имеющие статус питейного заведения. Таким образом, понятие «общественное место» часто является ключевым фактором в юридической оценке подобных ситуаций. Так, реализация данной административной нормы имеет ряд проблем, в частности, существует неясность в плане определения окончания правонарушения, например, неясно считается ли правонарушением, если гражданин в запрещенном месте открыл бутылку и разлил по стаканам спиртной напиток, или же окончанием правонарушения считается именно распитие алкоголя. Данный вопрос остается открытым на сегодняшний день. Также существует проблема с доказыванием факта правонарушения, например, гражданин в парке распивал спиртное, увидев УУП, он выбросил бутылку в урну и сказал, что УУП показалось и на самом деле он в парке не пил, так в таких случаях сотруднику полиции необходимо произвести фото или видеосъемку или же привлечь свидетелей, которые к слову, совсем неохотно учувствуют в подобных мероприятиях.

Мелкое хулиганство - это административное нарушение, которое затрагивает общественный порядок и спокойствие людей, проявляющееся в неподобающем поведении и игнорировании норм приличия. Это также включает в себя пренебрежение интересами и правами других людей и общества в целом. Сюда относятся случаи нецензурной лексики в общественных местах, оскорбительное поведение по отношению к гражданам и аналогичные проступки. Мелкие правонарушения зачастую совершаются в присутствии свидетелей, поскольку нарушителю удается максимально выразить свое пренебрежение к обществу именно в людных местах. Тем не менее, для квалификации этого правонарушения публичность его совершения не является обязательным условием. Например, акт мелкого хулиганства может включать нанесение неприличных надписей на забор, даже если это происходит, когда никого нет поблизости. Ключевой компонент субъективной стороны данного правонарушения - это побуждение к удовлетворению собственных нужд и самовыражению посредством пренебрежения уважением к другим людям.

Ненормативная лексика в публичных пространствах рассматривается законодательством

и этическими стандартами как действие, демонстрирующее откровенное пренебрежение к окружающим.

Открытое использование нецензурных выражений равнозначно мелкому хулиганству, за которое предусмотрена ответственность согласно ст. 20.1 КоАП РФ. Проблемой квалификации этого правонарушения может являться нецензурная брань у себя в квартире с открытым окном, ведь личное жилое помещение нельзя назвать общественным местом. Но зачастую действия, совершаемые в жилых помещениях, посягают на охраняемые законом права и свободы окружающих лиц. Есть ли основания для привлечения к ответственности этих лиц с учетом того, что они не выполняют объективную сторону данного правонарушения? И наносится ли этим деянием вред членам семьи и лицам, проживающим совместно?

Ст.20.21 КоАП РФ предусматривает ответственность за нахождение в состоянии опьянения в общественных местах. Общественный порядок и общественная безопасность, являются основными объектами данного противоправного посягательства. Наказуемым является пребывание в общественных местах, таких как улицы, стадионы, парки и транспорт общего пользования, в состоянии опьянения, которое унижает человеческое достоинство и моральные нормы общества, независимо от того, было ли оно вызвано алкоголем, наркотиками или психотропными веществами, принятыми без медицинских показаний. Появление в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность будет считаться правонарушением, не зависимо от того где были употреблены алкогольные напитки. Ключевым признаком правонарушения является нахождение в состоянии алкогольного опьянения, которое унижает человеческое достоинство и преступает общепринятые нормы поведения в общественных местах. Оценивание данного правонарушения необходимо осуществлять, принимая во внимание результаты медицинского освидетельствования лица. Правила проведения медицинского освидетельствования утверждены Приказом Минздрава России № 933н [3], а правила направления на данное освидетельствование – нормами КоАП РФ (ст. 27.12.1), а также Постановлением Правительства № 37 [4]. В соответствии с пунктом 6 приказа Министерства здравоохранения РФ № 933н, при наличии хотя бы одного из следующих признаков можно обоснованно предполагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения и должно быть направлено на медицинское освидетельствование:

- 1) запах алкоголя изо рта;
- 2) неустойчивость позы и шаткость походки;
- 3) нарушение речи;
- 4) резкое изменение окраски кожных покровов лица.

При анализе внешнего состояния нарушителя, следует также обращать внимание и на другие признаки опьянения, не перечисленные среди названных критериев (резкое уменьшение или увеличение зрачков, излишняя потливость, тремор рук и прочие). Особенно это актуально для состояния наркотического опьянения. Медицинское освидетельствование на состояние опьянения имеет смысл для установления наличия обстоятельств, отягчающих административную ответственность согласно ст. 4.3 КоАП РФ, а в случае, когда состояние выступает элементом объективной стороны административного правонарушения – оно является обязательным. Так, для привлечения к ответственности гражданина по ст. 20.21 КоАП РФ наличие в материалах дела акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения обязательно. К такому выводу пришел Верховный Суд РФ, прекратив производство по делу. При этом наличие в материалах дела двух рапортов сотрудников полиции и объяснения свидетеля не обеспечили устранение сомнений в виновности лица: «...при рассмотрении дела о нарушении административного законодательства, касающегося статьи 20.21 КоАП РФ, следует принимать во внимание, что подтверждением состояния опьянения человека служит результат медицинского освидетельствования.» [5]. Одной из особенностей объективной стороны этого противоправного деяния, является не сам факт нахождения лица в общественном месте в состоянии опьянения, а то состояние, при котором лицо своим поведением и внешним видом, оскорбляет человеческое достоинство и противоречит общественным стандартам. Это может проявляться в виде грубых выкриков, непристойных жестов, неопрятного вида, мокрой или загрязненной одежды, вызывающей отвращение, потере чувства стыда, нарушенной координации движений или полной беспомощности в случае потери сознания. Но проблема заключается в том, что если человек находится в общественном месте, без нахождения там людей, может ли он понести ответственность, если он не ущемляет права граждан?

В целях устранения проблем в квалификации правонарушений, совершаемых в общественных местах, мы предлагаем следующие редакции статей 20.1 и 20.21 КоАП РФ:

1. Появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах

в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность окружающих граждан.

В такой редакции смещается акцент не столько с места совершения административного правонарушения, сколько с состояния опьянения в целом, которое теперь не должно абстрактно оскорблять возможных наблюдателей, а именно определенный круг присутствующих лиц, которых в процессе производства по делу можно признать потерпевшими и принять от них заявление с просьбой привлечь к административной ответственности.

2. Мелкое хулиганство, т. е. оскорбительное приставание к гражданам, нецензурная брань или другие умышленные действия, выражающие явное неуважение к личности и (или) обществу, нарушающие общественный порядок и (или) спокойствие граждан, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества.

Вышеуказанная редакция статьи ст.20.1 КоАП РФ позволит привлекать к административной ответственности лиц, нарушающих общественный порядок не только в общественных местах, но и в местах, которые, по сути, не являются общественными, а принадлежат лицу на праве собственности (машина, квартира, земельный участок в домовладении и т. д.)

3. В целях усиления ответственности за административные правонарушения предлагаем внести в ст. 20.1 часть 3, предусматривающую повышенную ответственность, т.е. более строгое наказание за - «повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частями 1 и второй настоящей статьи».

В заключении хотелось бы сказать, что данный вопрос требует четкой регламентации любых действий, которые наносят общественному порядку и общественной безопасности. Законодатель должен обратить внимание на пробелы в данных статьях, чтобы при совершении вышеуказанных деяний не возникало проблем с квалификацией.

Список литературы:

[1] Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Сост. И.В. Хмил, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Симферополь, 2023

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) с.1

[3] Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

[4] Постановление Правительства РФ от 23.01.2015 № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения».

[5] Постановление Верховного Суда РФ от 24.09.2019 № 87-АД19-15.

Spisok literatury:

[1] Collection of articles on the results of the II International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Volume 1. Comp. I.V. Khmil, edited by S.A. Trofimov, E.V. Evsikova. Simferopol, 2023

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 N 195-FZ (rev. of 06.04.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation of January 7, 2002 No. 1 (part I) p.1

[3] Order of the Ministry of Health of Russia dated 18.12.2015 No. 933n "On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic)."

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 23.01.2015 No. 37 "On approval of the Rules for sending persons who have committed administrative offenses for a medical examination for intoxication."

[5] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.09.2019 No. 87-AD19-15.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ВЕК РАЗВИТИЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Аспекты цифровой трансформации в значительной степени воздействуют на современное право, вследствие чего учеными отмечается, что современная уголовно-правовая система, существующие особенности охраны прав и свобод личности, формирование общественной безопасности нуждаются в совершенствовании вследствие активного развития телекоммуникационных технологий, что также сопряжено с учащением случаев совершения киберпреступлений, мошенничества, связанного с использованием телекоммуникационных технологий.

В контексте данного исследования особую актуальность приобретает анализ современных процессов, связанных с внедрением цифровых технологий в сферу уголовного права. Важно рассмотреть различные научные подходы к формированию правовых норм, регулирующих ответственность за преступления в области телекоммуникаций, в рамках действующего уголовного законодательства.

Отдельного внимания заслуживает изучение перспективных направлений использования технологий искусственного интеллекта в процессе квалификации противоправных деяний и осуществления правоохранительной деятельности. В связи с этим целесообразно также проанализировать возможности применения современных телекоммуникационных систем в образовательном процессе при подготовке специалистов в области уголовного права и криминологии.

Анализ современной ситуации показывает, что развитие телекоммуникационных технологий привело к возникновению новых вызовов в сфере борьбы с преступностью. Однако эти же технологии открыли инновационные возможности для обнаружения, расследования и профилактики противоправных деяний, а также для осуществления уголовного преследования.

Стоит отметить, что по мере распространения и совершенствования телекоммуникационных систем в области уголовного права возникает ряд сложных вопросов и дилемм. Многие из этих проблемных аспектов остаются нерешенными на данный момент, что создает определенные трудности для правоприменительной практики и требует дальнейшего изучения и разработки соответствующих правовых механизмов.

Перед уголовным правом в современном мире поставлена цель, которая заключается в формировании модели совершенствования уголовного законодательства, которая будет эффективной и позволит учитывать существующие изменения в развитии телекоммуникационных технологиях.

Ключевые слова: развитие уголовное права, телекоммуникационные технологии и уголовное право, телекоммуникационные технологии, цифровые технологии, уголовное право, квалификация преступлений, киберпреступления, искусственный интеллект.

KORABLEV Andrey Alekseevich,
lawyer of the Moscow Law Chamber,
Senior Lecturer at Synergy University

MODERN ASPECTS OF CRIMINAL LAW IN THE AGE OF TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Annotation. Aspects of digital transformation have a significant impact on modern law, as a result of which scientists note that the modern criminal law system, the existing features of the protection of personal rights and freedoms, the formation of public security need to be improved due to the active development of telecommunications technologies, which is also associated with an increase in cases of cybercrime, fraud related to the use of telecommunications technologies.

In the context of this research, the analysis of modern processes related to the introduction of digital technologies in the field of criminal law becomes particularly relevant. It is important to consider various

scientific approaches to the formation of legal norms regulating responsibility for crimes in the field of telecommunications within the framework of current criminal legislation.

Special attention should be paid to studying promising directions for using artificial intelligence technologies in the process of qualifying unlawful acts and carrying out law enforcement activities. In this regard, it is also advisable to analyze the possibilities of applying modern telecommunication systems in the educational process when training specialists in the field of criminal law and criminology.

Analysis of the current situation shows that the development of telecommunication technologies has led to new challenges in the fight against crime. However, these same technologies have opened up innovative opportunities for detecting, investigating, and preventing illegal acts, as well as for carrying out criminal prosecution.

It should be noted that as telecommunication systems spread and improve, a number of complex issues and dilemmas arise in the field of criminal law. Many of these problematic aspects remain unresolved at the moment, which creates certain difficulties for law enforcement practice and requires further study and development of appropriate legal mechanisms.

In the modern world, criminal law is faced with the goal of forming a model for improving criminal legislation that will be effective and allow for taking into account existing changes in the development of telecommunication technologies.

Key words: development of criminal law, telecommunication technologies and criminal law, telecommunication technologies, digital technologies, criminal law, qualification of crimes, cybercrime, artificial intelligence.

Инновационные телекоммуникационные технологии играют ключевую роль в эффективном противодействии преступности. В современной криминалистике и уголовном процессе широко используются цифровые базы данных, облегчающие сбор доказательств. Многие процессы подвергаются автоматизации, часто с применением искусственного интеллекта для обработки информации и поддержки принятия решений.

Эти передовые технологии также находят применение в образовательной сфере, в частности, при обучении специалистов в области уголовного права. Это способствует подготовке высококвалифицированных кадров для судебной системы и правоохранительных органов.

В то же время, развитие технологий породило новый вид противоправных деяний - киберпреступления. Их составы закреплены в различных статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ. Под киберпреступлениями понимаются общественно опасные деяния, совершаемые с использованием искусственного интеллекта и телекоммуникационных технологий. К ним относятся хакерские атаки, интернет-мошенничество, распространение онлайн-угроз, незаконное получение конфиденциальной информации в сети и другие подобные правонарушения [1].

В современном мире появляются новые формы противоправных деяний, которые пока не нашли отражения в действующем уголовном законодательстве. К ним можно отнести преступления, связанные с использованием технологий подмены лиц (дипфейки) и незаконными операци-

ями с цифровыми финансовыми активами, не признанными официальными платежными средствами.

В научном сообществе ведутся дискуссии о путях совершенствования уголовно-правового регулирования в условиях стремительного развития телекоммуникационных технологий. Мнения исследователей разделились: одни ученые выступают за точечную криминализацию деяний, связанных с новыми технологиями, предлагая вносить изменения в уже существующие составы преступлений.

Другие специалисты настаивают на необходимости комплексного подхода к проблеме и разработке новых составов преступлений, учитывающих специфику цифровой среды. Это отражение во взглядах отражает сложность задачи по адаптации уголовного права к реалиям информационного общества [2].

Некоторые исследователи фокусируют свое внимание на практических аспектах правоохранительной деятельности в условиях цифровизации. Они изучают особенности расследования преступлений, совершенных с использованием современных телекоммуникационных технологий, а также анализируют законодательную базу в этой области. Особый интерес для них представляет мотивация киберпреступников, которую они рассматривают через призму криминологических теорий.

Эта группа ученых склонна рассматривать новые технологии не как отдельную категорию преступлений, а скорее как инновационный инструментарий для совершения уже известных

уголовному праву противоправных деяний. Такой подход позволяет интегрировать новые явления в существующую систему уголовно-правовых норм, не нарушая ее целостности.

С их точки зрения, ключевым является не столько создание новых составов преступлений, сколько адаптация методов расследования и доказывания к специфике цифровой среды. Это включает в себя разработку новых криминалистических методик, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий, а также совершенствование механизмов международного сотрудничества в борьбе с трансграничной киберпреступностью [3].

Ряд исследователей предлагает выделить преступления в сфере телекоммуникаций в отдельную категорию. Такой подход обусловлен растущим осознанием того, что существующая структура Особенной части Уголовного кодекса РФ не в полной мере отвечает вызовам современного информационного общества. Особую озабоченность вызывают новые формы противоправной деятельности, связанные с использованием «цифровых двойников» и других передовых технологий [4].

В научной литературе затрагиваются аспекты, которые сопряжены с использованием искусственного интеллекта, а также предоставления ему отдельного правового статуса, при этом авторами отмечается, что искусственный интеллект представляется весьма сложным, а также обладает возможностями анализа, восприятия информации, самообучения [5], вследствие чего в рамках дискуссий внимание также уделяется вопросам рисков, которые сопряжены с его применением [6].

На современном этапе искусственный интеллект с позиции субъекта преступных деяний может сформировать проблемы, которые заключаются в формировании негативных последствий, так как преступниками роботы будут применяться для преступлений, а сами будут безнаказанны, при этом когда рассматриваемый феномен получит независимость от людей в рамках решений, действий, а также возможность осмысления поведения, тогда допускается рассмотрение его в качестве субъекта преступлений [1].

Уголовным правом затрагивается определенная сфера, в рамках которой существуют определенные оценочные признаки, что сопряжено с существованием коллизий, затрагивающих квалификацию преступлений, а именно неопределенностью в обществе ценностных приоритетов, вследствие чего использование искусственного интеллекта, а также его причисление к субъектам преступлений представляется преждевременным.

В настоящее время с позиции уголовного права авторами выделяется необходимость формирования нормы, связанной с вынужденным альтернативным вредом, а также с позиции законодательства человеческая жизнь определена в качестве наиболее значимого аспекта при сопоставлении с общественными отношениями в сфере собственности.

В практической деятельности нанесение тяжкого вреда здоровью лицам, которыми предпринимались попытки хищения чужого имущества в большинстве случаев квалифицируются в качестве превышения границ обороны, при этом имеются отдельные случаи, в которых подобные действия считаются правомерными.

В свете вышеизложенного возникает вопрос о потенциальной роли искусственного интеллекта в анализе и оценке правовых ситуаций. Особый интерес представляет возможность использования ИИ для уголовно-правовой квалификации деяний средней тяжести и определения наказаний, не связанных с лишением свободы. Этот аспект требует тщательного изучения и оценки.

Рассмотрение вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта в контексте квалификации преступных деяний неразрывно связано с пониманием его возможностей и ограничений. Ключевым фактором здесь является способность ИИ к осознанному анализу действий, что является необходимым условием для корректной правовой оценки. В связи с этим, позиция большинства исследователей, предполагающая совместное принятие решений человеком и искусственным интеллектом, представляется наиболее обоснованной и перспективной [7].

На современном этапе искусственный интеллект предоставляет возможность выявлять возможных жертв бытового насилия, что подчеркивается в трудах зарубежных исследователей, а данные методы применяются в США, что позволяет анализировать виктимизацию людей [12], при этом используемый искусственный интеллект предоставляет возможность определения жертв, преступников, объективных факторов, которые формируют основу для финансового использования, а также жесткого обращения с людьми.

Некоторые системы искусственного интеллекта в настоящее время обладают возможностью выявления финансового использования людей, а также возможностью отграничения разновидностей финансового использования, вследствие чего учеными предполагается, что искусственный интеллект позволит сформировать совокупность алгоритмов для сотрудников правоохранительных органов, направленных на выявление финансового использования людей, а также предотвращения подобных преступлений [9].

Важным аспектом развития уголовного права в эпоху цифровизации является совершенствование образовательных программ. В связи с быстрой эволюцией киберпреступности растет потребность в квалифицированных специалистах, обладающих глубоким пониманием современных видов преступлений и методов борьбы с ними. Это ставит новые задачи перед системой юридического образования.

Эффективность работы правоохранительных органов сегодня во многом зависит от умения использовать информационно-правовые технологии. Поэтому подготовка современных специалистов в области уголовного права неразрывно связана с активным применением телекоммуникационных технологий, электронных библиотечных систем, правовых справочников и интернет-ресурсов. Особое место в этом процессе занимают технологии дистанционного обучения, которые все шире внедряются в практику высших учебных заведений, позволяя обеспечить непрерывное профессиональное развитие сотрудников правоохранительных органов.

Использование телекоммуникационных технологий в уголовном праве рассматривается с позиции регулирования и охраны правоотношений, например, интеллектуальных прав в виртуальном пространстве, а также с позиции противодействия преступности, при этом непосредственно обширное их распространение провоцирует угрозы и опасения у ученых, что обусловлено рисками замены деятельности людей на искусственный интеллект и компьютеры в целом.

В современном мире телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект становятся все более распространенными в различных областях, при этом с позиции киберпреступности, в настоящее время в рамках уголовного права существует необходимость масштабного совершенствования, обновления законодательства, а действенность подобных изменений находится в зависимости от восприятия существующих тенденций в сфере телекоммуникационных технологий.

Современное сообщество рассматривает изменения, затрагивающие аспекты уголовно-правового регулирования, вследствие чего изучаются такие тенденции, как адаптация некоторых существующих механизмов к распределительным реестрам, технологиям блокчейн [10], а также затрагиваются уголовно-правовые аспекты регулирования криптовалют в государствах, что формирует основу для исследования телекоммуникационных технологий в уголовном праве и процессе [11; 1].

При сопоставлении телекоммуникационных технологий и правовых аспектов, многие авторы

затрагивают специфику их использования на практике с позиции регулирования и контроля, а также ограничений использования в рамках обмена информацией, персональных данных, при этом представляется очевидным, что происходящие изменения уже затрагивают сферу уголовного права.

Существующие изменения сопряжены с увеличением мощности современных компьютеров, распространением социальных сетей, сети Интернет, что обуславливает необходимость формирования новых направлений защиты данных, шифрования, поскольку имеющиеся средства могут стать нерезультативными.

Таким образом, повсеместное распространение телекоммуникационных технологий затрагивает многие сферы, в том числе и аспекты уголовного права, что провоцирует необходимость совершенствования законодательства, внесения дополнений и изменений, а также подбор новых средств и методов защиты и противодействия преступлениям.

Список литературы:

- [1] Серебрянникова А.В., Лебедев М.В. Уголовное право в эпоху цифровых технологий // Союз криминалистов и криминологов. №4. 2020. С. 65-69
- [2] Рассолов И.М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал. 2008. № 2 (134). С. 44-46
- [3] Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 54.
- [4] Русскевич Е.А. О цифровизации Особенной части УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №1. С. 146-151.
- [5] Камышанский В.П., Корецкий А.В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 42-50
- [6] Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109
- [7] Щелконогова Е.В. Уголовное право on-line: теория и практика цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Д.В. Бахтеева. 2019. С. 177-181.
- [8] Christopher Rigano Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // National Institute of Justice Journal, 2019, no. 280, P. 1-10.
- [9] Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, рас-

крытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 28–34

[10] Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С.В. Власова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2018. - № 1. - С. 9-18.

[11] Проваткина В.Е., Шенер Э.А., Волошина Т.В. Развитие уголовного права в условиях современных цифровых технологий // МНИЖ. 2022. №11 (125).

[12] Exploring Elder Financial Exploitation Victimization at the University of Texas Health Science Center at Houston, NIJ award number 2013-IJ -CX-0050 // URL: <https://nij.ojp.gov/funding/awards/2013-ij-cx-0050>

Spisok literatury:

[1] Serebriannikova A.V., Lebedev M.V. Ugolovnoe pravo v epokhu tsifrovyykh tekhnologii//Soiuz kriminalistov i kriminologov. №4. 2020. S. 65-69

[2] Rassolov I.M. Kiberprestupnost': poniatie, osnovnye cherty, formy proiavleniia // Iuridicheskiy mir. Obshcherossiiskii nauchno-prakticheskii pravovoi zhurnal. 2008. № 2 (134). С. 44–46

[3] Gavrilova Iu.A. Pravoprimeritel'naiia praktika: osobennosti smysloobrazovaniia // Zhurnal Rossiiskogo prava. 2018. № 5. S. 54.

[4] Russkevich E.A. O tsifrovizatsii Osobnoi chasti UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. №1. S. 146–151.

[5] Kamyshanskii V.P., Koretskii A.V. Poniatie i pravovoi status nositelia iskusstvennogo intellekta // Vlast' Zakona. 2019. № 1 (37). S. 42–50

[6] Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniia prava // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Iuridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 1. S. 91–109

[7] Shchelkonogova E.V. Ugolovnoe pravo on-line: teoriia i praktika tsifrovizatsii // Tekhnologii XXI veka v iurisprudentsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod red. D.V. Bakhteeva. 2019. S. 177–181.

[8] Christopher Rigano Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // National Institute of Justice Journal, 2019, no. 280, R. 1–10.

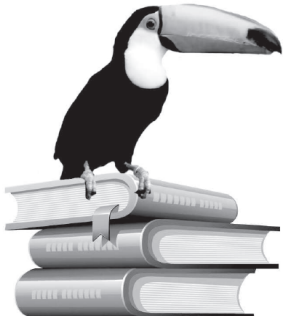
[9] Afanas'ev A.Iu. Iskusstvennyi intellekt ili intellekt sub'ektov vyavleniia, raskrytiia i rassledovaniia prestuplenii: chto pobedit? // Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal. 2018. № 3 (38). S. 28–34

[10] Vlasova S.V. K voprosu o prispособlivanii ugolovno-protsessual'nogo mekhanizma k tsifrovoi real'nosti / S.V. Vlasova // Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal. - 2018. - № 1. - S. 9-18.

[11] Проваткина В.Е., Шенер Э.А., Волошина Т.В. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ // МНИЖ. 2022. №11 (125).

[12] Exploring Elder Financial Exploitation Victimization at the University of Texas Health Science Center at Houston, NIJ award number 2013-IJ -CX-0050 // URL: <https://nij.ojp.gov/funding/awards/2013-ij-cx-0050>

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-257-261
NIION: 2021-0079-7/24-580
MOSURED: 77/27-025-2024-7-580

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ШТРАФНЫХ ИЗОЛЯТОРАХ, ПОМЕЩЕНИЯХ КАМЕРНОГО ТИПА, ЕДИНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ КАМЕРНОГО ТИПА И ОДИНОЧНЫХ КАМЕРАХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. Целью исследования выбрано изучение правовых и организационных проблем законности содержания осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ. Для ее достижения использовался диалектический принцип познания окружающей действительности, аналитический и статистический методы, осуществлялся контент-анализ дефиниций, содержащихся в уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста, ФСИН и Генпрокуратуры России, научных и учебно-методических работах, опубликованных по теме. Также активно применялся метод включенного наблюдения, при участии автора в прокурорских проверках исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Было установлено, что соблюдение законности на рассматриваемом направлении исполнения уголовных наказаний является актуальным правовым институтом для теории уголовно-исполнительного права и прокурорского надзора, практики отечественной пенитенциарной деятельности в современных условиях. В современной России выстроена и эффективно функционирует система ведомственного, судебного и общественного контроля, прокурорского надзора за соблюдением закона, прав осужденных, находящихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ. Правовую основу анализируемого института составили положения УИК РФ (ст. 118), ПВР ИУ 2022 г. Установлены права осужденных, нуждающихся в обеспечении и защите в соответствии с уголовно-исполнительным законом. К ним относятся: законность содержания осужденных в указанных помещениях ИУ; их коммунально-бытовое, медицинское, санитарно-гигиеническое обеспечение; право на приобретение продуктов питания; получение посылок, передач, бандеролей; обеспечение работой; приглашение представителей традиционных религиозных образований, указанных в законе; телефонных переговоров и краткосрочных свиданий; право на ежедневную прогулку. Соблюдение указанных и других прав осужденных оказывает положительное воздействие на эффективность дисциплинарной практики в ИУ, создает предпосылки соблюдения требований режима и надзора, достижения целей наказания.

Ключевые слова: законность, осужденные, штрафные изоляторы, помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH THE LEGALITY OF THE DETENTION OF CONVICTS IN PENAL ISOLATION CELLS, CELL- TYPE PREMISES, SINGLE CELL-TYPE PREMISES AND SINGLE CELLS OF CORRECTIVAL INSTITUTIONS

Annotation. *The aim of the study was to study the legal and organizational problems of the legality of the detention of convicts in the detention center, PKT, EPKT and solitary confinement cells. To achieve it, the dialectical principle of cognition of the surrounding reality, analytical and statistical methods were used, content analysis of definitions contained in the penal enforcement law, departmental legal acts of the Ministry of Justice, the Federal Penitentiary Service and the Prosecutor General's Office of Russia, scientific and educational works published on the topic was carried out. The method of on-line surveillance was also actively used, with the author's participation in prosecutor's inspections of correctional institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation. It was established that the observance of legality in the area of execution of criminal penalties under consideration is an actual legal institution for the theory of penal enforcement rights and prosecutorial supervision, the practice of domestic penitentiary activities in modern conditions. In modern Russia, a system of departmental, judicial and public control, prosecutorial supervision of compliance with the law, the rights of convicts in detention centers, PKT, EPKT and solitary confinement cells has been built and is effectively functioning. The legal basis of the analyzed institute was made up of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (art. 118), the Law of the Republic of Kazakhstan and the Law of 2022. The rights of convicts in need of security and protection in accordance with the penal enforcement law are established. These include: the legality of the detention of convicts in the specified premises and facilities; their communal, medical, sanitary and hygienic provision; the right to purchase food; to receive parcels, transfers, parcels; to provide work; to invite representatives of traditional religious formations specified in the law; telephone conversations and short-term visits; the right to a daily walk. Observance of these and other rights of convicts has a positive impact on the effectiveness of disciplinary practice in the IU, creates prerequisites for compliance with the requirements of the regime and supervision, and achieving the goals of punishment.*

Key words: *legality, convicts, penal isolation cells, cell-type premises, single cell-type premises, single cells, prosecutor's supervision.*

Введение. Вопросы соблюдения законности при отбывании уголовных наказаний являются приоритетными в современной отечественной системе уголовно-исполнительных правоотношений. Они находят свое отражение в законах, директивных документах Правительства РФ (Распоряжение 29.04.2021 г., утвердившее Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года), ведомственных правовых актов Минюста, ФСИН и Генпрокуратуры России.

В современной России выстроена и успешно функционирует система соблюдения законности на рассматриваемом направлении, включающая ведомственный, судебный и общественный контроль, а также прокурорский надзор за исполнением законов при отбывании уголовных наказаний. Проводимые нами на протяжении нескольких десятилетий научные исследования показывают наличие устойчивой позитивной динамики выявления и устранения нарушений закона, профилактики их причин и условий [1, с. 69-72]. ФСИН и Генпрокуратурой России проводятся плановые системные мероприятия, направленные на обеспечение закона при отбывании наказания в виде лишения свободы и особенно, содержащихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ.

Порядок и условия содержания в указанных помещениях являются предметом проверок, которые осуществляются в плановом и внеплановом порядке специализированными прокурорами

во исполнении Приказа Генпрокуратуры России № 6 2014 г. По их результатам выносятся мотивированные акты прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона: представления, протесты, а также постановления об отмене незаконного решения администрации ИУ о водворении осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночные камеры.

Таким образом, проблема соблюдения законов при содержании осужденных в перечисленных помещениях ИУ является актуальной для теории уголовно-исполнительного права и прокурорского надзора, современной отечественной пенитенциарной практики.

Методы и принципы исследования. Для изучения содержания рассматриваемого правового феномена использовался диалектический принцип познания окружающей действительности, аналитический и статистический методы, осуществлялся контент-анализ дефиниций, содержащихся в уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актов Минюста, ФСИН и Генпрокуратуры России, научных и учебно-методических работах, опубликованных по теме. Также активно применялся метод включенного наблюдения, при участии автора в прокурорских проверках исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Основные результаты. Анализ статистических данных Генпрокуратуры РФ, материалов прокурорских проверок, методик их осуществле-

ния в ИУ показывает, что первостепенное внимание прокуроры уделяют изучению оснований и порядка перевода осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночные камеры, соблюдения сроков и условий содержания, установленных УИК РФ. Подобный подход закономерен, поскольку уголовно-исполнительный закон накладывает на этих осужденных дополнительные ограничения их прав, запреты на передвижение, социальные контакты, участие в жизни учреждения, трудовую деятельность и обучение, предоставление телефонных переговоров, свиданий с родственниками, коммунально-бытовые ограничения, изменения распорядка дня, получение посылок, бандеролей и др.

Отметим, что основными правовыми ориентирами, содержащими нормы по реализации рассматриваемого института, для надзирающих прокуроров являются ст. 118 УИК РФ, а также Приказ Минюста России от 04.07.2022 N 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», согласованные с Генпрокуратурой России [2].

Первостепенное внимание прокуроры обращают на соблюдение закона при водворении осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночные камеры. Проверяют законность и обоснованность решения администрации ИУ, соразмерность совершенного осужденными нарушения установленного порядка отбывания наказания, за которое должностными лицами было вынесено такое решение. Параллельно может осуществляться правовая оценка законности признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, постановления его на профилактический учет. В случае выявления нарушения закона прокурор выносит мотивированное постановление об отмене решения администрации ИУ, направлении осужденного в другие условия отбывания наказания, предусмотренные для вида учреждения [3, с. 159-163].

Также рассматривается законность перевода осужденных в одиночные камеры в целях обеспечения их личной безопасности, изоляции в случае совершения пенитенциарного преступления [4]. Проверяется порядок проведения личных обысков осужденных, предоставления им предусмотренных законом коммунально-бытовых условий, санитарно-гигиенических принадлежностей, одежды, продуктов питания.

В частности, изучается практика применения закона о предоставлении осужденным, переведенным в ПКТ, ЕПКТ или одиночные камеры в порядке взыскания права ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и пред-

метов первой необходимости средств, имеющих на их лицевых счетах, в размере 6 500 рублей. Получать одну посылку, передачу или бандероль.

Анализируется соблюдение ч. 3 ст. 118 УИК РФ о предоставлении работы отдельно от других осужденных. Необходимо отметить, что материалы прокурорских проверок показывают, что не все ИУ имеют возможность обеспечивать трудовую занятость осужденных в период нахождения их в запираемых помещениях. Кроме того, указанное требование закона сопряжено с дополнительными организационными усилиями по выделению отдельных изолированных производственных помещений или камер, закреплению сотрудников, составлению графиков вывода на работу и др.

Единственным исключением, когда применение меры взыскания к осужденным, признанным злостными нарушителями режима отбывания, не позволяет им продолжать выполнять трудовые обязанности является их перевод в ЕПКТ в порядке взыскания в соответствии со ст. 115 и ч. 3 ст. 118 УИК РФ. Другими словами, здесь наступают правовые последствия применения дисциплинарных взысканий за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания [5, с. 241-243].

В данной связи, чтобы исключить дуализм рассматриваемой нормы, можно согласиться с учеными, предлагающими модернизировать ч. 3 ст. 118 УИК РФ дополнением о том, что осужденные, водворенные в ШИЗО, ПКТ или одиночные камеры, работают отдельно от других осужденных при наличии такой возможности в ИУ. При этом обязанность администрации ИУ будет состоять лишь в обеспечении вывода на работу рассматриваемой категории осужденных отдельно от других. Поэтому практику прекращения трудовых отношений с осужденными, содержащимися в ШИЗО и ПКТ, в целом следует признать неверной [6, с. 21-24].

Надзирающий прокурор проверяет соблюдение должностными лицами ИУ не только ст. 118 УИК РФ, но и Федерального закона № 117 2021 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», согласно которым осужденные имеют право приглашать священнослужителей религиозных объединений, указанных в законе.

Особое внимание надзирающие прокуроры обращают на соблюдение права осужденных на ежедневную прогулку (один час - для содержащихся в ШИЗО, 1,5 часа - в ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах, до 3-х часов в день на срок до одного месяца осужденным, содержащимся в ПКТ и ЕПКТ, не допускающим нарушения установленного порядка отбывания наказания во время содержания в указанных помещениях, по постановлению начальника ИУ). Также осужденным

данной категории с разрешения администрации ИУ могут предоставляться одно краткосрочное свидание в течение 6 месяцев.

В ходе проведения проверок, надзирающие прокуроры изучают порядок предоставления осужденным медицинского и санитарно-гигиенического обеспечения [7]. Они проводятся в специально оборудованных помещениях. Медицинская помощь проводится медработниками при ежедневной проверке санитарного состояния помещений ШИЗО и ПКТ, а также при обращениях осужденных. В случаях, когда имеется угроза здоровью или жизни осужденных, содержащихся в указанных помещениях, медицинский работник принимает меры к срочной доставке такого лица в медицинскую часть [8].

Санитарная обработка производится отдельно от других осужденных. Больные осужденные размещаются в отдельных камерах по медицинским показаниям. Прокуроры проверяют обеспечение осужденных согласно установленным нормам индивидуальными средствами гигиены (хозяйственным и туалетным мылом, зубной щёткой, зубной пастой, туалетной бумагой, одноразовыми бритвами, средствами личной гигиены).

Осужденным, находящимся в ШИЗО и ПКТ, может быть разрешен телефонный разговор. Однако ПВР ИУ указывает лишь на исключительные личные обстоятельства (смерть или тяжёлую болезнь близкого родственника, угрожающую жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье, и др.).

Также прокуроры осуществляют проверку распорядка дня осужденных, содержащихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах. Соблюдение права на 8 часовую непрерывный ночной сон, обеспечение постельными принадлежностями, которые используются осужденными в ночное время суток. Организацию дежурства в камерах, выдачу одежду по сезону.

Прокуроры реагируют на поступившие в ходе проверки и личного приема обращения и жалобы осужденных. В частности, определяют правильность зачета времени нахождения осужденных в ЛИУ И ЛПУ в срок отбывания ими взыскания в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах [9].

Анализируются прокурорами и факты использования администрациями ИУ одиночных камер в качестве безопасных мест в целях обеспечения личной безопасности осужденных.

Обсуждение результатов исследования соблюдения законности содержания осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ осуществлялось на научных форумах:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и обще-

ство: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 16.04.2021 г. Доклад на тему: «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» проведенном в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

Заключение. Соблюдение законности, прав и свобод осужденных, содержащихся в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ является важным направлением контрольной и надзорной деятельности, проводимой в УИС государственными органами. Нарушители установленного порядка отбывания наказания в ИУ, в том числе признанные злостными, наделены законом существенно ограниченными правами, которые, в то же время, исполняются администрациями учреждений. Подобный гуманный и рациональный подход, базирующийся на международных пенитенциарных стандартах, позволяет совершенствовать дисциплинарную практику, предупреждать совершение осужденными пенитенциарных преступлений, выполнять требования режима, добиваться поставленных уголовным законом целей исправления, социальной адаптации и ресоциализации осужденных.

В настоящее время модернизируются и совершенствуются методики проведения прокурорских проверок, в которых важное место отводится анализу законности исполнения наказания в отношении осужденных переведенных для дальнейшего отбывания наказания ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночные камеры ИУ в порядке взыскания, крайней меры дисциплинарного воздействия в условиях исправительных колониях.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития // В книге: Преступление, наказание, исправление. Материалы 6 Международного пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Рязань, 2023. С. 69-72.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев

С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[3] Ковалев О.Г. Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования // В книге: V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9-ти томах. Рязань. 2021. С. 159-163.

[4] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[5] Савинова Е. А. Правовые последствия применения дисциплинарных взысканий за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания // Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом. Сборник материалов круглого стола международной научно-практической конференции. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2018. С. 241-243.

[6] Алфимова О. А. Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и одиночных камерах исправительного учреждения // Вестник Кузбасского института. 2021. № 2. С. 21-24.

[7] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Учебное пособие. Псков 2023. 88 с.

[8] Усеев Р. З. Водворение, перевод и условия содержания осужденных в штрафных изоляторах и помещениях камерного типа исправительных колоний: учебно-методическое пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2012. 68 с.

[9] Настольная книга прокурора / Аберхив Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андрианов М.С., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И. С., Винокуров А.Ю., Воеводина Т.Г., Воронов А.Д., Городков Ю.А., Григорьев Д.В., Гришин А.В. и др. Практическое пособие / Сер. 9. Профессиональная практика. (3-е издание, переработанное и дополненное). Москва, 2014. 1139 с.

Spisok literatury:

[1] Kovalev O.G. The importance of prosecutorial supervision in the implementation of the main activities of the penal enforcement system at the present stage of its development // in the book: crime, punishment, correction. Materials of the 6th

International Penitentiary Forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 No. 5473-1 "on institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation". Ryazan, 2023. pp. 69-72.

[2] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epishnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[3] Kovalev O.G. Organization and methodology of prosecutorial inspections in correctional colonies of the penal enforcement system in the context of its reformation // in the book: The V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (timed to coincide with the Year of Science and Technology in 2021 in the Russian Federation). A collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Ryazan. 2021. pp. 159-163.

[4] Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[5] E. Savinova. A. The legal consequences of the application of disciplinary penalties for malicious violations of the established procedure for serving punishment // problems of the appointment and execution of criminal penalties in Russia and abroad. Collection of materials of the round table of the international scientific and practical conference. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. pp. 241-243.

[6] Alfimova O. A. Some issues of employment of convicts held in penal isolation cells, cell-type rooms and solitary confinement cells of a correctional institution // Bulletin of the Kuzbass Polytechnic Institute. 2021. No. 2. pp. 21-24.

[7] Kovalev O.G. Prosecutorial supervision of the execution of laws in institutions and bodies of the penal enforcement system / textbook. Pskov 2023. 88 P.

[8] p. Useev. Z. The content, transfer and conditions of detention of convicts in penal isolation cells and cell-type premises of correctional colonies: an educational and methodological manual. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2012. 68 p.

[9] The prosecutor's handbook / aberhiev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andrianov M.S., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Belevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budaisky S.N., Bulanova N.V., But N..D., Viktorov I. S., Vinokurov A.Y. T. Vojvodina.G., Voronov A.D., Gorodkov Yu.A., Grigoriev D.V., Grishin A.V., etc. Practical guide / series 9. Professional practice. (3rd edition, revised and expanded). Moscow, 2014. 1139 P

К ВОПРОСУ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Целью исследования является разработка компьютерной модели, служащей средством автоматизации процессов планирования финансовых затрат в производственно-хозяйственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. На примере разработанного web-приложения для расчета стоимости приобретения кормов для животных рассмотрены перспективы внедрения современных технологий в планово-экономическую деятельность учреждений УИС. Отдельное внимание уделено обоснованию разработки используемого вычислительного алгоритма.

Ключевые слова: животноводство, кормление, статистическая отчетность, анализ данных, машинное обучение, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

AUTOMATION OF PLANNING PROCESSES IN THE PRODUCTION AND ECONOMIC ACTIVITIES OF PENAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The purpose of the study is to develop a computer model that serves as a means of automating the processes of planning financial costs in the production and economic sector of the penal and correctional system of the Russian Federation. On the example of the developed web-application for calculating the cost of purchasing animal feed, the prospects for the introduction of modern technologies in the planning and economic activities of penal institutions are considered. Particular attention is paid to the rationale for the design of the computational algorithm used.

Key words: animal breeding, feeding, statistical reporting, data analysis, machine learning, Penal System of the Russian Federation.

Обеспечение продовольственной безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) является важным направлением ведомственных прикладных научных исследований [1, С. 150]. Решению обозначенного спектра задач способствуют процессы переориентации системы закупок продовольствия для нужд пенитенциарной системы на развитие животноводства.

Кролиководство служит перспективной сферой, служащей обеспечению учреждений УИС продовольствием. Повышению эффективности процессов планирования деятельности производственного сектора УИС служит автоматиза-

ция рабочих процессов, связанных с расчетом затрат на разведение животных [2, С. 237]. В ходе исследования построена компьютерная модель расчета финансовых ресурсов на выращивание кроликов в течение года. Рассматривается смешанный тип кормления животных. В рационе предусмотрены концентраты, сено, силос, корнеплоды, зеленые корма [3, С. 18]. Программа для расчета потребного количества и стоимости кормов реализована в форме web-приложения, разработанного на языке Python с использованием фреймворка Streamlit, доступ к которому осуществляется через web-браузер. Интерфейс программного средства приведен на рис. 1.

Экономическая модель разведения кроликов при смешанном типе кормления

Неслучной период Случной период

Крольчиха и самец в неслучной период

кол-во кормодней в году

33 - +

концентраты

3,46 - +

Рис. 1. – Интерфейс программного средства в web-браузере

В качестве входных данных учитывается 4 окрола от крольчихи в год и получение 24 крольчонка на мясо в год. Для расчета потребного количества кормов для самца и самки в неслучной период используются данные, отображенные на *рис. 2, 3*.

Неслучной период Случной период

Крольчиха и самец в неслучной период

кол-во кормодней в году

33 - +

концентраты

3,46 - +

сено

1,19 - +

силос, корнеплоды

3,23 - +

зеленые корма

4,48 - +

Рис. 2. – Потребность в кормах для самца и самки (неслучной период)

Неслучной период Случной период

Крольчиха и самец в случной период

кол-во кормодней в году

32 - +

концентраты

4,16 - +

сено

1,44 - +

силос, корнеплоды

3,84 - +

зеленые корма

5,60 - +

Рис. 3. – Потребность в кормах для самца и самки (случной период)

В качестве входных данных для учета потребности крольчихи используется раздел программы, отображенный на *рисунках 4, 5*.

Крольчиха сукрольная Крольчиха лактирующая

Крольчиха сукрольная

кол-во кормодней в году

120 - +

концентраты

16,80 - +

сено

6,00 - +

силос, корнеплоды

15,60 - +

зеленые корма

23,10 - +

Рис. 4. – Потребность в кормах (крольчиха сукрольная)

Крольчиха лактирующая (7-8 крольчат)

кол-во кормодней в году

180 - +

концентраты

62,40 - +

сено

21,10 - +

силос, корнеплоды

57,20 - +

зеленые корма

83,35 - +

Рис. 5. – Потребность в кормах (крольчиха лактирующая)

Расчет потребности кормов для молодняка производится с использованием данных, отображенных на рисунках 6 – 8.

На одну голову молодняка с 45 до 120 дней

кол-во кормодней в году

75 - +

концентраты

10,14 - +

сено

3,14 - +

зеленые корма

11,97 - +

Рис. 6. – Потребность в кормах на одну голову молодняка

Всего на 24 головы молодняка

концентраты

243,36

- +

сено

75,36

- +

зеленые корма

287,28

- +

Рис. 7. – Потребность в кормах на 24 головы молодняка

Годовая потребность ремонтного молодняка

кол-во кормодей в году

42

- +

концентраты

5,25

- +

сено

1,89

- +

силос, корнеплоды

5,67

- +

зеленые корма

8,19

- +

Рис. 8. – Потребность в кормах ремонтного молодняка

Данные годовой потребности в кормах для самца приведены на рис. 9 – 11 [4, С. 112].

Годовая потребность самца

кол-во кормодней в году

365

- +

концентраты

47,50

- +

сено

16,40

- +

силос, корнеплоды

44,00

- +

зеленые корма

64,00

- +

Рис. 9. – Годовая потребность в кормах для самца

Доля самца на одну крольчиху (1:8)

концентраты

5,93

- +

сено

2,05

- +

силос, корнеплоды

5,50

- +

зеленые корма

8,00

- +

Рис. 10. – Расчет потребности в кормах с учетом доли самца на одну крольчиху, равной 1:8

На крольчиху с приплодом

(24 головы до 4-х месячного возраста с долей самца 1:8 и 0,7 голов ремонтного молодняка)

концентраты	<input type="text" value="341,36"/>	-	+
сено	<input type="text" value="109,03"/>	-	+
силос, корнеплоды	<input type="text" value="91,00"/>	-	+
зеленые корма	<input type="text" value="420,00"/>	-	+

Рис. 11. – Расчет головой потребности кормов на крольчиху с приплодом

Входными данными для расчета являются региональные цены на учитываемые типы кормов (рисунки 12, 13).

Стоимость кормов, руб. за кг.

концентраты:	<input type="text" value="324,44"/>	-	+
сено:	<input type="text" value="176,50"/>	-	+
силос, корнеплоды:	<input type="text" value="19,23"/>	-	+
зеленые корма:	<input type="text" value="423,75"/>	-	+

Рис. 12. – Ввод стоимости кормов

Разработанный алгоритм расчета позволяет в автоматическом режиме получить необходимое количество финансовых средств на закупку кормов (рис. 13).

Расчет общей стоимости кормов на год

Расчитать итоговую стоимость

Стоимость концентратов: 110750.84 руб.

Стоимость сена: 19243.8 руб.

Стоимость силоса, корнеплодов: 1749.93 руб.

Стоимость зеленых кормов: 177975.0 руб.

Итого: 309719.56 руб.

Рис. 13. – Расчет итоговой стоимости кормов

Предложенное программное средство позволяет осуществлять расчет необходимого количества финансовых средств на приобретение кормов для животных, а также проводить анализ возможностей по самостоятельному заготовлению кормов учреждениями. Применение при разработке приложения web-технологий обеспечивает сетевой доступ к работе с полученной информационной финансово-экономической моделью через Интернет-браузер без необходимости развертывания программного продукта на ЭВМ локально, а также позволяет работать с приложением как на персональном компьютере, так и на мобильных устройствах [5, С. 240]. Использование выбранного стека технологий служит выполнению требований законодательства Российской Федерации в сфере импортозамещения программного обеспечения. Предложенная компьютерная модель служит инструментом снижения расходования бюджетных средств по обеспечению продовольствием нужд уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г., Беляев А.К., Еремин И.М. Исследование технологий биометрического распознавания личности в системах охранного телевидения и возможности применения их в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы:

сборник материалов круглого стола, Тверь, 21 апреля 2020 г. – Тверь, 2020. С. 148-162.

[2] Киргизова С.А. Особенности кормления кроликов в личных подсобных хозяйствах // Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции. В 4-х частях, Чебоксары, 12-13 марта 2024 г. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. С. 235-240.

[3] Бачинская В.М., Дельцов А.А., Гончар Д. В. Важность полноценного белкового, минерального и витаминного кормления кроликов // Ветеринарная морфология и патология. 2023. № 2. С. 17-25.

[4] Интизарова А.Е., Казарина Е.В., Тицкая А.В. Технологии ухода за сельскохозяйственными животными: Учебное пособие для СПО. – Саратов, Москва: Профобразование, Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 150 с.

[5] Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г. Перспективные направления информационных технологий в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Воронеж, 23 мая 2019 года. Часть 1. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 238-253.

Spisok literatury:

[1] Churakov D.Yu., Car'kova E.G., Belyaev A.K., Eremin I.M. Issledovanie tekhnologij biometričeskogo raspoznavaniya lichnosti v sistemah

охранного телевидения и возможности применения их в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы: сборник материалов круглого стола*, Тверь, 21 апреля 2020 г. – Тверь, 2020. С. 148-162.

[2] Kirgizova S.A. Особенности кормления кроликов в личных подсобных хозяйствах // *Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции. В 4-х частях*, Чебоксары, 12-13 марта 2024 г. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. С. 235-240.

[3] Bachinskaya V.M., Del'cov A.A., Gonchar D. V. Vazhnost' polnocennogo belkovogo, mineral'nogo

i vitaminnogo kormleniya krolikov // *Veterinarnaya morfologiya i patologiya*. 2023. № 2. С. 17-25.

[4] Intizarova A.E., Kazarina E.V., Tickaya A.V. Tekhnologii uhoda za sel'skohozyajstvennymi zhivotnymi: Uchebnoe posobie dlya SPO. – Saratov, Moskva: Profobrazovanie, Aj Pi Ar Media, 2021. – 150 s.

[5] Churakov D.Yu., Car'kova E.G. Perspektivnye napravleniya informacionnyh tekhnologij v уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // *Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях*, Воронеж, 23 мая 2019 года. Част' 1. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 238-253.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования явилось изучение актуальных проблем психологической готовности сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях и чрезвычайных обстоятельствах оперативно-служебной деятельности. Для ее достижения применялись диалектический принцип, аналитический и статистический методы, контент-анализ дефиниций, содержащихся в литературных источниках отечественных юристов и психологов.

Их применение позволило определить место и значение психологической готовности в системе характеристик, необходимых сотрудникам для эффективной реализации оперативно-розыскных функций, выполнения задач профессиональной деятельности. Значительное место в структуре факторов, влияющих на личность субъектов ОРД занимает экстремальный характер профессиональной деятельности. Многие ОРМ осуществляются в условиях скрытности, негативного эмоционального фона, пространственного в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных, максимальной концентрации и мобилизации психических ресурсов организма, преодоления негативных состояний стресса, вызванных противоправным поведением спецконтингента, приготовлением и совершением ими пенитенциарных преступлений. В этой связи одной из приоритетных психологических характеристик выступает готовность сотрудников к осуществлению ОРД. Психологическую готовность сотрудников оперативных подразделений УИС к служебной деятельности, экстремальным ситуациям и чрезвычайным обстоятельствам можно рассматривать как комплекс психологических характеристик, позволяющих эффективно реализовывать оперативно-розыскные функции, выполнять задачи, отраженные в должностных инструкциях. Установлена устойчивая корреляция таких психологических характеристик, составляющих готовность как мотивация профессиональной деятельности, социально-психологическую адаптивность, способность преодолевать психологическое выгорание и профессиональную деформацию, духовно-нравственное развитие сотрудников оперативных подразделений УИС. Различные аспекты психологической готовности сотрудников оперативных подразделений УИС неразрывно связаны с профессиональной подготовкой сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях и чрезвычайных обстоятельствах оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность, сотрудники, психологические характеристики, учреждения УИС, пенитенциарная безопасность, оперативно-розыскная деятельность.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF EMPLOYEES OF OPERATIONAL UNITS OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. The purpose of the study was to study the actual problems of psychological readiness of employees of operational units of the penal enforcement system to act in extreme situations and emergency circumstances of operational and official activities. To achieve it, the dialectical principle, analytical and statistical methods, and content analysis of definitions contained in literary sources of domestic lawyers and

psychologists were used. Their application made it possible to determine the place and importance of psychological readiness in the system of characteristics necessary for employees to effectively implement operational investigative functions and perform tasks of professional activity. The extreme nature of professional activity occupies a significant place in the structure of factors affecting the personality of the subjects of the ORDO. Many MPAs are carried out in conditions of secrecy, a negative emotional background common among suspects, accused and convicted persons, maximum concentration and mobilization of mental resources of the body, overcoming negative stress conditions caused by illegal behavior of a special agent, preparation and commission of penitentiary crimes by them. In this regard, one of the priority psychological characteristics is the willingness of employees to implement the ORDO. The psychological readiness of employees of the operational units of the UIS for official activities, extreme situations and emergency circumstances can be considered as a set of psychological characteristics that allow effective implementation of operational investigative functions, perform tasks reflected in job descriptions. A stable correlation has been established between such psychological characteristics that make up readiness as motivation for professional activity, socio-psychological adaptability, the ability to overcome psychological burnout and professional deformation, and the spiritual and moral development of employees of the operational units of the UIS. Various aspects of the psychological readiness of employees of the operational divisions of the UIS are inextricably linked with the professional training of employees to act in extreme situations and emergency circumstances of operational and official activities.

Key words: psychological readiness, employees, psychological characteristics, penal institutions, penitentiary security, operational investigative activities.

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников оперативных подразделений УИС, в современный период ее интенсивного развития, предполагает наличие развитых психологических характеристик, коммуникативной и разведывательной компетенций, умений и навыков получения и реализации оперативно-розыскной информации в специфических условиях СИЗО и ИУ.

Материалы теоретико-эмпирических исследований по теме показывают наличие существенных особенностей, детерминированных спецификой ОРД в УИС, которые оказывают непосредственное влияние на состояние и формирование психологических состояний, свойств и качеств личности сотрудников оперативных подразделений УИС, необходимых для эффективного решения профессиональных задач. В рассматриваемом контексте возрастает значение научного анализа и интерпретации современной профессиограммы ОРД, психограммы сотрудников оперативных подразделений УИС [1, с. 195-198].

Значительное место в структуре факторов, влияющих на личность субъектов ОРД занимает экстремальный характер профессиональной деятельности. Многие ОРМ осуществляются в условиях скрытности, негативного эмоционального фона, распространенного в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных, максимальной концентрации и мобилизации психических ресурсов организма, преодоления негативных состояний стресса, вызванных противоправным поведением спецконтингента, приготовлением и совершением ими пенитенциарных преступлений.

Важнейшей характеристикой, позитивно влияющей на эффективность профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений УИС, выступает их психологическая готовность к осуществлению мероприятий в условиях изоляции от общества подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Методы и принципы исследования. Для изучения содержания и особенностей психологической готовности сотрудников оперативных подразделений УИС использовались принцип диалектического познания, аналитический и статистический методы, контент-анализ дефиниций, содержащихся в научных публикациях отечественных ученых в области права и юридической психологии.

Основные результаты. Проведенный теоретико-эмпирический анализ показывает, что профессиональная деятельность сотрудников оперативных подразделений осуществляется в условиях повышенной опасности и неопределенности, вызовов, рисков возникновения сложных кризисных, конфликтных, экстремальных ситуаций. К их числу, по справедливому высказыванию ученых относятся групповые неповиновения, массовые беспорядки, захват заложников, побеги из-под охраны, вооруженные нападения на учреждения. При этом ситуации групповых неповиновений, носящие условно пассивный характер, выражающиеся в групповом отказе принимать пищу, выходить из помещения, на работу, групповом акте членовредительства, имеющем демонстративно-шантажный смысл и ставящем целью добиться послаблений режимных требований, могут перерасти в активные

разрушительные действия, обладающие высокой степенью опасности для жизни и здоровья ее участников [2, с. 350-362].

Подобные события, безусловно, относятся к стрессогенным. Они требуют от сотрудников развитых умений и навыков ориентации в складывающейся обстановке, оценки и прогнозирования ее динамики и последствий. Использование оптимальных алгоритмов поведения ориентированных на обеспечение пенитенциарной безопасности. Взаимодействия с представителями других служб и подразделений учреждений УИС. В данном контексте возрастает значение психологической готовности сотрудников. Рассмотрим более подробно ее содержание, механизмы и особенности.

Контент-анализ дефиниций, содержащихся в литературных источниках показывает разнообразие научного толкования рассматриваемого феномена. Например, отдельные ученые относят готовность к способностям и свойствам личности, состоянию перед выполнением конкретной деятельности. Предлагают рассматривать ее в качестве сложного психологического образования психических процессов, эмоциональных компонентов, мотивов поведения. Как состояние, сформированное на основе приобретенных знаний, опыта, качеств, а также включающее психологические компоненты, к которым необходимо отнести мотивы, установки, стратегии поведения и др.

Представляется что подобный подход в понимании феномена готовности с точки зрения основ отечественной психологической науки (теории деятельности А.Н. Леонтьева), юридической психологии (взглядов А.Р. Ратинова, Э.И. Эминова и других ученых) является не совсем удачным, поскольку перечисляет свойства и качества личности, состояния, другие многочисленные психологические термины и определения. Наш взгляд, здесь необходимо обозначить основное, принципиальное содержание готовности с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева.

Д.В. Егоренков в структуре готовности к преодолению экстремальных ситуаций, весьма обоснованно выделяет три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный, каждый из которых реализуется через соответствующую ему функцию [3, с. 118-122].

При этом автор под мотивационно-ценностным компонентом понимает совокупность мотивов, установок, приоритетов, ценностей, определяющих отношение к необходимости выполнения деятельности в экстремальных условиях. Когнитивный компонент определяется способностью анализировать экстремальные ситуации, их прогнозировать, выбирать оптимальную для них

модель поведения, базирующуюся на имеющемся опыте реагирования. Деятельностный предполагает наличие умений и навыков решения профессиональных задач, реализуемых в имитируемых и реальных чрезвычайных обстоятельствах. Организации активного взаимодействия с другими участниками экстремальной ситуации.

Представляется весьма интересным и информативным научный подход интерпретации готовности личности в экстремальной ситуации, разработанный А.Н. Блеером и другими авторами, предложившими выделять физиологическую, психическую и психологическую готовность. Первая зависит от состояния физических и физиологических качеств организма (конституционных особенностей, типа нервной системы, ее стабильности, лабильности и устойчивости, вегетативной пластичности и т.д. Вторая обусловлена уровнем развития свойств и качеств личности (специальных навыков действий в экстремальной ситуации, положительной мотивацией и др.). Третья определяется состоянием активной деятельности, мобилизованностью на предстоящие действия [4].

Таким образом, психологическую готовность сотрудников оперативных подразделений УИС к служебной деятельности, экстремальным ситуациям и чрезвычайным обстоятельствам можно рассматривать как комплекс психологических характеристик, позволяющих эффективно реализовывать оперативно-розыскные функции, выполнять задачи, отраженные в должностных инструкциях.

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволило выявить устойчивую корреляцию таких психологических характеристик, составляющих готовность как мотивацию профессиональной деятельности, социально-психологическую адаптивность, способность преодолевать психологическое выгорание и профессиональную деформацию, духовно-нравственное развитие сотрудников оперативных подразделений УИС.

Центральным элементом психологической готовности выступает комплекс мотивов профессиональной деятельности. Они детерминируют выбор службы в оперативных подразделениях [5, с. 45-58]. Среди них особо выделяются патриотические мотивы, личного роста, самовыражения и самореализации в специфическом направлении пенитенциарной деятельности, профилактики и пресечения пенитенциарной преступности, выполнения объема работы, требующего максимальной концентрации когнитивной и эмоционально-волевой сфер при наличии факторов опасности и профессионального риска [6, с. 26-30].

Другим элементом психологической готовности сотрудников оперативных подразделений УИС является социально-психологическая адаптивность к специфическим, часто негласным условиям ОРД, проведения ОРМ в СИЗО и ИУ. Установлена зависимость уровня адаптивности с эффективностью выполнения служебных задач, достижения целей исправления и ресоциализации осужденных. Высокий уровень адаптивности сотрудников позволяет успешно устанавливать психологические контакты с персоналом учреждений УИС, осужденными и конфиденциантами, осуществлять коммуникативную компетенцию в процессе реализации оперативной информации [7, с. 170-174].

К числу элементов психологической готовности мы также относим способность сотрудников оперативных подразделений УИС купировать и преодолевать психологическое выгорание и профессиональную деформацию, возникающие в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности. Здесь необходимо отметить роль пенитенциарных психологов учреждений в ее диагностике и психокоррекции. Осуществляемая ими планомерная и целенаправленная работа на данном направлении способствует достижению положительных результатов, снижению уровня омоложения личного состава оперативных подразделений, продолжению плодотворной работы в оперативных подразделениях СИЗО и ИУ [8, с. 92-96].

Духовно-нравственное развитие сотрудников оперативных подразделений УИС является обязательным элементом их психологической готовности к осуществлению профессиональной деятельности в специфических условиях социальной изоляции в СИЗО и ИУ, экстремальных ситуациях и чрезвычайных обстоятельствах. Духовность и нравственность сотрудников не только определяют их мотивационную направленность, систему установок и отношений, выбор модели поведения, но позволяют преодолевать трудности, сопутствующие пенитенциарной деятельности. Идеология и мировоззрение, направленные на достижение позитивных социальных целей, формируют психологическую устойчивость и готовность сотрудников оперативных подразделений, творческих под в решении оперативно-розыскных задач [9, с. 89-93].

Различные аспекты психологической готовности сотрудников оперативных подразделений УИС неразрывно связаны с профессиональной подготовкой сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях и чрезвычайных обстоятельствах оперативно-служебной деятельности [10].

Так, А.А. Герасимов справедливо полагает, что подготовка к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств является систем-

ным процессом, направленным на формирование у сотрудников УИС необходимых компетенций и профессионально важных качеств личности, способствующих осуществлению грамотных и эффективных действий в случаях возникновения чрезвычайных обстоятельств [11, с. 86-88].

Автор подчеркивает, что наибольшая часть подготовки сотрудников УИС к действиям при чрезвычайных обстоятельствах осуществляется при проведении служебной подготовки по месту службы, а примерно треть всего объема подготовки – в ходе реализации программ высшего и дополнительного профессионального обучения в образовательных учреждениях ФСИН России.

Обсуждение результатов исследования психологической готовности сотрудников оперативных подразделений учреждений УИС осуществлялось на научных форумах:

Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России) в Академии управления МВД России 29 ноября 2023 г. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся 5 апреля 2024 г., в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России на секции «Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность: наука, обучение, практика». Доклад на тему «Современные проблемы психологического обеспечения деятельности оперативных подразделений учреждений УИС»;

V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, состоявшемся в Академии ФСИН России 11 - 12 апреля 2024 г. Доклад на тему «Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития».

Заключение. Изучение содержания и особенностей психологической готовности сотрудников оперативных подразделений УИС к действиям в экстремальных ситуациях и чрезвычайных обстоятельствах пенитенциарной деятельности подтвердило актуальность и значимость данного института в организации работы оперативных подразделений.

Теоретико-прикладное изучение проблемы позволило выделить основные элементы психологической готовности, к которым относятся такие психологические характеристики как мотивация профессиональной деятельности, социально-психологическая адаптивность, способность преодолевать психологическое выгорание и профессиональную деформацию, духовно-нравственное развитие сотрудников оперативных подразделений УИС.

Приоритетным направлением формирования психологической готовности сотрудников оперативных подразделений к действиям в экстремальных ситуациях, чрезвычайных обстоятельствах служебной деятельности является профессиональная подготовка, включающая профессиональное моделирование, использование форм и видов активного обучения курсантов и слушателей образовательных организаций ФСИН России. Проведение комплексных научных исследований теоретических, организационно-правовых, методических основ совершенствования готовности к ОРД в УИС сотрудников, курсантов и слушателей. Модернизация образовательных программ первоначальной подготовки, повышения квалификации в целях смещения акцентов на практическое обучение, использование психологических познаний, современных обучающих технологий.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Современные проблемы психологического обеспечения деятельности оперативных подразделений учреждений УИС // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов 11 Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024. С. 195-198.

[2] Лобанова Е. С., Кириллова Т. В., Смыковский В. В. Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе. Пенитенциарная наука, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 350–362.

[3] Егоренков Д.В. Сущностные характеристики психологической готовности личности к преодолению экстремальных ситуаций // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 118-122.

[4] Основы психофизиологии экстремальной деятельности: курс лекций / под ред. А.Н. Блеера. М.: Анита Пресс, 2006. 380 с.

[5] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. К вопросу изучения мотивации профессиональной деятель-

ности персонала уголовно-исполнительной системы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 45-48.

[6] Ковалев О.Г. Особенности профессиональной мотивации сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований» 2023. № 1 (8). С. 26-30.

[7] Ковалев О.Г. Социально-психологическая адаптивность как важнейшая характеристика личности сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // В сборнике: К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. Сборник материалов круглого стола. 2023. С. 170-174.

[8] Ковалев О.Г. Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития // В книге: Психология 21 века: Сборник материалов 5 Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2024. С. 92-96.

[9] Ковалев О.Г. К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник материалов круглого стола посвященного памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В. Тверь, 2024. С. 89-93.

[10] Баламут А.Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях: учебное пособие / А.Н. Баламут, В.М. Поздняков. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2021. 141 с.

[11] Герасимов А.А. Актуальные вопросы подготовки сотрудников УИС к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2 (3). С. 86-88.

Spisok literatury:

[1] Kovalev O.G. Modern problems of psychological support for the activities of operational units of the UIS institutions // In the collection: The penitentiary system and society: the experience of interaction. Collection of materials of the 11th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 145th anniversary of the penal enforcement system of the Russian Federation. Perm, 2024. pp. 195-198.

[2] Lobanova E. S., Kirillova T. V., Smykovsky V. V. Topical issues of formation of readiness of employees of the penal enforcement system to act in case of emergency in the context of the implementation of a competence-based approach in the educational process. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, No. 2 (54), pp. 350-362.

[3] Egorenkov D.V. Essential characteristics of a person's psychological readiness to overcome extreme situations // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013. No. 1 (24). pp. 118-122.

[4] *Fundamentals of the psychophysiology of extreme activity: a course of lectures* / edited by A.N. Bleer. M.: Anita Press, 2006. 380 p.

[5] Vilkova A.V., Kovalev O.G. On the issue of studying the motivation of professional activity of the staff of the penal enforcement system // *Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences*. 2023. No. 18. pp. 45-48.

[6] Kovalev O.G. Features of professional motivation of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // *All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research* 2023. No. 1 (8). pp. 26-30.

[7] Kovalev O.G. Socio-psychological adaptability as the most important characteristic of the personality of employees of operational units of the penal enforcement system // In the collection: To the 80th anniversary of the birth of Doctor of Pedagogi-

cal Sciences, Professor Litvishkov V.M. Collection of materials of the round table. 2023. pp. 170-174.

[8] Kovalev O.G. Operational investigative psychology in the criminal justice system: current state and development vectors // In the book: *Psychology of the 21st Century: A collection of materials from the 5th All-Russian Symposium (with international participation) dedicated to the 145th anniversary of the penal enforcement system and the 90th anniversary of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service*. Ryazan, 2024. pp. 92-96.

[9] Kovalev O.G. On the issue of spiritual and moral education of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: *Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects*. Collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Litvishkov V.M. and Doctor of Psychological Sciences, Professor Sochivko D.V. Tver, 2024. pp. 89-93.

[10] Balamut A.N. Psychological training of employees of the penal enforcement system to act in extreme situations: a textbook / A.N. Balamut, V.M. Pozdnyakov. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. 141 p.

[11] Gerasimov A.A. Topical issues of training of employees of the UIS to act in the event of emergency circumstances // *Issues of modern science and practice*. 2020. No. 2 (3). pp. 86-88.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СОТРУДНИКАМИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Аннотация. Статья посвящена зарубежному опыту социальной работы с сотрудниками пенитенциарной системы на примере скандинавских стран; автор отмечает ее основные направления. Первое направлено на обучение и подготовку персонала, включает в себя курсы повышения квалификации и тренинги по управлению стрессом и разрешению конфликтов. Второе базируется на предоставлении психологической поддержки и консультаций как для сотрудников пенитенциарных учреждений, так и для их семей.

Ключевые слова: зарубежная пенитенциарная система, социальная работа, мотивация при прохождении пенитенциарной службы, скандинавские страны.

TUMANOVA Ekaterina Vladimirovna,
Pskov Branch of the Federal Penitentiary Service
of Russia University Pskov, Russian Federation lecturer
of the Department of Civil Sciences,
captain of the Internal Service

SOCIAL WORK WITH EMPLOYEES IN PENITENTIARY INSTITUTIONS ON THE EXAMPLE OF THE SCANDINAVIAN COUNTRIES

Annotation. The article is devoted to the foreign experience of social work with employees of the penitentiary system on the example of Scandinavian countries; the author notes its main directions. The first one is aimed at staff education and training, includes advanced training courses and trainings on stress management and conflict resolution. The second is based on the provision of psychological support and counseling for both prison staff and their families.

Key words: foreign penitentiary system, social work, motivation during prison service, Scandinavian countries.

Социальная работа играет важную роль в обеспечении благополучия и поддержки сотрудников пенитенциарных учреждений. В скандинавских странах, известных своим прогрессивным подходом к социальной политике, социальная работа с сотрудниками пенитенциарных учреждений является неотъемлемой частью системы уголовного правосудия.

По мнению Ананьева О. Г., Матвиенко В. Е. социальная работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) – система согласованных организационно-правовых и воспитательных мероприятий, направленных на реализацию установленных законодательством

социальных гарантий и мер социальной поддержки сотрудникам и членам их семей [1, с.110].

Объектами социальной работы в Российской Федерации выступают – сотрудники и их семьи, пенсионеры и ветераны УИС. Заметим, что социальная работа в скандинавских странах включает в себя более широкий круг лиц – сотрудников полиции, юстиции, пенитенциарных служащих и членов их семей.

Социальная работа включает в себя: правовое обучение и правовое воспитание личного состава, оказание ему помощи в решении социальных проблем; подготовку предложений по совершенствованию нормативной правовой

базы, касающейся социальной защиты сотрудников и членов их семей; осуществление постоянного и действенного контроля за полным доведением до сведения личного состава установленных норм довольствия [1, с.111].

Сотрудники пенитенциарных учреждений сталкиваются с рядом актуальных проблем, среди которых можно выделить:

1. Эмоциональное выгорание. Служба, связанная с постоянным взаимодействием с криминализованным элементом, вызывает эффект эмоционального истощения.

С течением времени это приводит к снижению стрессоустойчивости, в ряде случаев раздражительности, незаинтересованности в своей деятельности и в конечном счете снижению мотивации к дальнейшему прохождению службы.

2. Профессиональная деформация. Постоянное взаимодействие с осужденными может привести к изменению восприятия мира и формированию стереотипов.
3. Отсутствие поддержки со стороны коллег. В некоторых случаях сотрудники могут чувствовать себя изолированными и не получать необходимой поддержки от коллег.
4. Недостаток знаний и навыков. Вышеперечисленные проблемные аспекты создают предпосылки для отсутствия кадрового потенциала в целом. Неопытные сотрудники, поступающие на службу, не имеют достаточного служебного опыта поведения и работы с криминальным контингентом граждан.

Представляется, что социальная работа с сотрудниками пенитенциарных учреждений направлена на решение этих проблем. Она выступает важным инструментом для поддержания их здоровья и благополучия; реализуется посредством психологической поддержки (сотрудники могут получить помощь психолога для преодоления эмоционального выгорания и профессиональной деформации); обучения и повышения квалификации (сотрудники могут пройти обучение и повысить свою квалификацию, чтобы улучшить свои знания и навыки); создания благоприятной атмосферы в коллективе (руководство может создать условия, при которых сотрудники будут чувствовать поддержку со стороны коллег и руководства); профилактики профессиональных заболеваний (социальная работа может включать мероприятия по профилактике профессиональных заболеваний, таких как эмоциональное выгорание и профессиональная деформация).

Традиционно к скандинавским странам относят три страны – Данию, Норвегию, Швецию. Территориально Скандинавия включает в себя

также Финляндию, Исландию и острова Северной Атлантики, что сближает ее с понятием «страны Северной Европы» (Nordic countries). Эти страны помимо географической близости и северного местоположения имеют и ряд других объединяющих черт: общность исторического развития, высокий уровень экономического развития и сравнительно небольшое по численности население [2, с.88].

Обратимся к некоторым примерам организации социальной работы с сотрудниками пенитенциарной системы скандинавских стран. Дания – государство в Северной Европе, площадью 43 094 км² и количеством населения (по состоянию на 01.01.2023 г.) 5,932 млн. чел. Число осужденных: 72 человека на 100 тыс. населения (по состоянию на 2021 г.) [3].

В тюрьмах Дании среди обслуживающего персонала присутствует психолог, консультирующий, как правильно находить подход к осужденным, как себя вести в момент поступления человека в тюрьму. Среди надзирателей, сотрудников тюрем от 30 до 35 % – женщины. Заработная плата сотрудника составляет около 3000 евро в месяц [4, с.102].

Сотрудники тюрем и мест предварительного заключения страны обеспечиваются беспроводными аппаратами, сочетающими технологии связи, личной безопасности и определения местоположения на случай возникновения беспорядков и опасных ситуаций [2, с.102].

Норвегия – государство в Северной Европе, площадью 385 207 км² и количеством населения (по состоянию на 01.01.2023 г.) 5,474 млн. чел. Число осужденных небольшое: 56 человек на 100 тыс. населения (по состоянию на 2021 г.) [3].

Следует отметить, что в Норвегии профессия сотрудника тюремного ведомства относится к числу престижных, уровень их дохода соответствует зарплате профессоров. Средний доход офицера (в рублях) составляет около 200 000 рублей в месяц, что примерно на 30 % выше средней заработной платы по стране. Именно это является одной из причин отсутствия коррупции в норвежских тюрьмах.

Сотрудником на аттестованной должности в тюремном ведомстве может стать физически здоровый, не злоупотребляющий спиртными напитками и ведущий добропорядочный образ жизни норвежский гражданин.

При приеме на работу в пенитенциарные учреждения обращается внимание на возраст (в Норвегии – 21 год), уровень образования. Прием осуществляет специальная комиссия, единственная на всю страну.

До момента назначения на должность сотрудник должен пройти двухлетний курс обуче-

ния в специальном образовательном учреждении службы исполнения наказаний Академии подготовки тюремного персонала Королевства Норвегия (KRUS) в Осло (www.krus.no), а также иметь трудовой стаж не менее одного года [2, с.90].

В программу профессиональной подготовки входят тренинги по реабилитации, по конструктивному отношению к тюремной системе, тренинги, направленные на то, чтобы человек почувствовал ответственность за предоставленную ему власть, сумел применить свои властные полномочия и спецсредства [2, с.91].

В Норвегии психологическая забота о сотрудниках пенитенциарных учреждений включает в себя несколько важных аспектов. Во-первых, это обучение и подготовка персонала, включающая в себя курсы повышения квалификации и тренинги по управлению стрессом и разрешению конфликтов. Во-вторых, это предоставление психологической поддержки и консультаций как для сотрудников, так и для их семей.

Особое внимание уделяется профилактике профессионального выгорания и созданию благоприятной рабочей атмосферы. Норвегия стремится создать такие условия, чтобы сотрудники пенитенциарных учреждений имели доступ к необходимым ресурсам и поддержке для поддержания своего психологического здоровья и благополучия [5, с.30].

Швеция – небольшая страна на севере Европы, площадью 450 295 км² и количеством населения (по состоянию на 31.12.2023 г.) 10,551 млн. чел. Число осужденных: 73 человека на 100 тыс. населения (по состоянию на 2021 г.) [3].

В Швеции психологическая поддержка сотрудников пенитенциарных учреждений организована через систему обучения и повышения квалификации. Весь персонал тюрем проходит специализированную психологическую подготовку, включая обучение на курсах повышения квалификации, где они изучают основы психологии и методы работы с осужденными.

Это позволяет сотрудникам лучше понимать психологические особенности своей работы и эффективно взаимодействовать с под учётным элементом.

Кроме того, в Швеции существует практика привлечения специалистов-психологов и психотерапевтов для работы с осужденными. Эти специалисты могут оказывать помощь как самим осужденным, так и сотрудникам, сталкивающимся с эмоциональными трудностями в процессе работы.

Таким образом, в Швеции психологическая поддержка сотрудников пенитенциарных учреждений включает в себя как обучение и повышение квалификации, так и доступ к профессиональной

психологической помощи. Это способствует созданию благоприятной рабочей атмосферы и повышению эффективности работы персонала.

Финляндия – государство, расположенное в Северной Европе, площадью 338 145 км² и количеством населения (по состоянию на 01.03.2023 г.) 5,568 млн. чел. Число осужденных небольшое: 50 человек на 100 тыс. населения (по состоянию на 2021 г.) [3].

В Финляндии тюремный служащий получает десять средних окладов или заработков рабочих в стране и обеспечивается самой высокой пенсией среди государственных служащих [2, с.95].

Работать в пенитенциарных учреждениях Финляндии престижно.

Психологическая забота о сотрудниках пенитенциарных учреждений имеет свои плюсы. Во-первых, при поступлении на службу в пенитенциарную систему Финляндии кандидаты должны иметь убеждение в возможности изменения и развития личности. Возраст кандидата должен быть не менее 19 лет, и он должен иметь как минимум вторую ступень профессионального или лицейского образования. Также сотрудник пенитенциарной службы Финляндии должен быть примером для подражания и образцом законопослушного жителя своей страны [6, с.250].

Сотрудники пенитенциарной системы Финляндии обучаются принципам гуманного обращения с заключенными, исключая ущемление их прав и свобод.

Особое внимание уделяется формированию этических норм и коммуникативных способностей у будущих сотрудников.

Это важно для создания благоприятной атмосферы в тюрьмах и эффективного взаимодействия с осужденными.

Таким образом, психологическая забота о сотрудниках пенитенциарных учреждений в Финляндии направлена на формирование у них понимания важности гуманного отношения к осужденным гражданам, а также на развитие необходимых профессиональных и личностных качеств.

Исландия – небольшая страна, площадью 103 125 км² и количеством населения (по состоянию на 01.01.2022 г.) 376 248 чел. Число осужденных также небольшое: 29 человек на 100 тыс. населения (по состоянию на 2021 г.), что является одним из самых низких процентных соотношений в мире [3].

Общее число сотрудников (офицеры, руководство, офисные работники) составляет около 100 человек. Принимая во внимание малочисленность тюремного персонала Исландии, нет необходимости в ежегодном обучении новых сотрудников.

Пенитенциарная система подчиняется министру юстиции, а Администрация тюрем и пробация контролирует исполнение приговоров, работу тюрем и выполняет административные функции, включая вопросы кадрового обеспечения и подготовки персонала. Сотрудники тюрем – гражданские служащие, назначенные на свои должности после сдачи необходимых экзаменов в Национальном колледже подготовки тюремного персонала [7, с.16].

В Республике Исландия государство предоставляет полицейским широкий социальный пакет в виде разнообразных льгот и социальных гарантий, включающий, в частности, предоставление служебного жилья. Важным нововведением по новому закону о полиции в Исландии, как видится, является разрешение (с согласия начальника полиции) полицейскому выполнять другую работу за справедливую оплату, если это не наносит ущерба основным служебным обязанностям.

Не вызывает сомнения, что исландские полицейские дорожат своей службой, которая является очень престижной, и поэтому здесь случаи коррупции буквально единичны [8, с.132].

При изучении международного опыта о содержании социальной работы в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран четко прослеживается два основных ее направления, реализуемых с сотрудниками пенитенциарных служб.

Первое направлено на обучение и подготовку персонала, включает в себя курсы повышения квалификации и тренинги по управлению стрессом и разрешению конфликтов.

Второе базируется на предоставлении психологической поддержки и консультаций как для сотрудников пенитенциарных учреждений, так и для их семей.

Кажется разумным обратить внимание на некоторые зарубежные практики социальной работы с сотрудниками пенитенциарных служб и применить их в социальной и воспитательной работе, а также при создании благоприятной социально-психологической атмосферы в коллективах и подразделениях российской уголовно-исполнительной системы, способствуя тем самым её улучшению.

Список литературы:

[1] Ананьев О. Г. Социальная работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы: курс лекций / О. Г. Ананьев, В. Е. Матвиенко; под общ. ред. А. В. Вертиева. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016. 350 с.

[2] Тимофеева Е. А. Состояние и особенности профессиональной подготовки сотрудников пенитенциарных систем скандинавских стран //

Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С.88-104.

[3] Рейтинг стран мира по количеству заключённых // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/prison-population-ranking> (дата обращения: 10.07.2024).

[4] Горобцова, А. Права человека за границей. Дания – страна, уважающая права человека... [Электронный ресурс] / А. Горобцова. – URL: <http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1223633063> (дата обращения: 10.07.2024).

[5] Багреева Е. В. Историко-сравнительный анализ психологической практики в пенитенциарных учреждениях скандинавских стран и России: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.06. Рязань, 2006. 24 с.

[6] Горкун, М. И. Целевые установки и содержание подготовки кадров для пенитенциарной системы в Финляндии / М. И. Горкун // Горизонты образования: материалы I Международной научно-практической конференции, Омск, 29–30 октября 2020 года. – Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2020. С. 249-251.

[7] Подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений в некоторых скандинавских странах / Стыкалина М.В. - Рязань: Академия ФСИН России, 2010. 47 с.

[8] Сергеев А. Г. К вопросу о реализации права на жилище и других социальных прав сотрудниками правоохранительных органов зарубежных стран // Научный портал МВД России. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-prava-na-zhilische-i-drugih-sotsialnyh-prav-sotrudnikami-pravoohranitelnyh-organov-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 10.07.2024).

Spisok literatury:

[1] O. G. Ananyev. Social work with employees of the penitentiary system: a course of lectures/O. G. Ananyev, V. E. Matvienko; under the general. ed. A.V. Vertieva. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 350 s.

[2] Timofeeva E. A. Status and features of professional training of employees of the penitentiary systems of the Scandinavian countries//Bulletin of the Samara Law Institute. 2015. № 1 (15). S.88-104.

[3] Ranking of countries in the world by the number of prisoners//URL: <https://gtmarket.ru/ratings/prison-population-ranking> (date of appeal: 10.07.2024).

[4] Gorobtsova, A. Human rights abroad. Denmark is a country that respects human rights... [Electronic resource] / A. Gorobtsova. - URL: <http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1223633063> (access date: 10.07.2024).

[5] E.V. Bagreeva. Historical and comparative analysis of psychological practice in penitentiary institutions of Scandinavian countries and Russia: abstract of dis.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.06. Ryazan, 2006. 24 pp.

[6] Gorkun, M. I. Targets and content of training for the penitentiary system in Finland/M. I. Gorkun// Horizons of education: materials of the I International Scientific and Practical Conference, Omsk, October 29-30, 2020. - Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Pedagogical University," 2020. S. 249-251.

[7] Training of prison officers in some Scandinavian countries/Stykalina M.V. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2010. 47 pp.

[8] Sergeev A. G. On the implementation of the right to housing and other social rights by law enforcement officers of foreign countries//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-prava-na-zhilisce-i-dругih-sotsialnyh-prav-sotrudnikami-pravoohranitelnyh-organov-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 10.07.2024).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-282-284

NIION: 2021-0079-7/24-584

MOSURED: 77/27-025-2024-7-584

ЕФИМОВ Александр Александрович,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук,
доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КУБИЯСОВА Анна Михайловна,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится исследование отдельных вопросов, связанных с административными правонарушениями в сфере безопасности дорожного движения. Исследуется статистика правоприменительной практики в рассматриваемой сфере, проводится анализ ее динамики, а также ее взаимосвязь с качественными и количественными характеристиками массива административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, делается акцент на необходимости принятия мер по повышению уровня компетентности должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях указанной категории и принятии мер к развитию культуры участников дорожного движения.

Ключевые слова: правонарушение, водитель, административная ответственность, дорожное движение, безопасность, профилактика.

EFIMOV Alexander Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law
and Administrative Activities of the Stavropol Branch
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Police Colonel

KUBIYASOVA Anna Mikhailovna,
Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative
Activities of the Internal Affairs Bodies of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police Major

SOME ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE NORMS OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Annotation. The article examines certain issues related to administrative offenses in the field of road safety. The statistics of law enforcement practice in the field under consideration are studied, its dynamics are analyzed, as well as its relationship with the qualitative and quantitative characteristics of the array of administrative offenses in the field of road safety, emphasis is placed on the need to take measures to increase the level of competence of officials conducting proceedings on administrative offenses of this category and taking measures to develop the culture of participants traffic.

Key words: offense, driver, administrative responsibility, traffic, safety, prevention.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [1] (далее – КоАП РФ) на протяжении последних нескольких лет постоянно изменяется, дополняется и корректируется. Наибольшее количество изменений и дополнений прошло в главе 12 КоАП РФ в области дорожного движения. Если в первой редакции КоАП РФ были перечислены наиболее встречающиеся нарушения в области дорожного движения, то на данный момент в нем нашли отражение практически все требования Правил дорожного движения Российской Федерации [2] (далее – ПДД). Правонарушения в сфере безопасности дорожного движения являются одними из наиболее распространенных видов в административной практике.

Сложно выделить доли совершаемых административных правонарушений в указанной сфере относительно форм вины правонарушителей. Далеко немалое их число в сфере безопасности дорожного движения совершается при осознании противоправности своих действий, то есть умышленно. Также большая доля административных правонарушений совершается по неосторожности, при самонадеянном расчете правонарушителя на предотвращение вредных последствий своего противоправного поведения, а также не предвидевшего возможности наступления таких последствий, хотя должного и могущего их предвидеть. В последнюю категорию также попадают лица вовсе незнающие действующих норм ПДД. Данный фактор не исключает виновности деяний, однако оказывает значительное негативное воздействие на общую картину состояния безопасности на дорогах.

Согласно статистическим данным представленным Государственной автомобильной инспекцией за последние три года, отслеживается существенный рост числа выявленных административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения. Так, в 2021 году общее число выявленных нарушителей норм административного законодательства в сфере безопасности дорожного движения составило 119 386 107. В 2022 году данная цифра составила 130 741 483, а в 2023 году уже данное число достигло 149 356 020. Таким образом, число нарушителей ПДД РФ всего за 3 года возросло на 25 процентов.

Также за 3 последних года на 31 процентов увеличилось число возбужденных дел об административных правонарушениях: 2021 год - 182 999 545, 2022 год - 204 101 471, 2023 год - 240 101 010. Последние данные также свидетельствуют о росте числа правонарушений, установление обстоятельств, подлежащих выяснению требует определенных усилий со стороны сотрудников Госавтоинспекции.

При этом наряду с увеличением числа правонарушителей значительно уменьшилось число правонарушителей, в отношении которых в качестве меры наказания применено предупреждение. Так в 2021 году наказание в виде предупреждения применено к 588 839 нарушителям ПДД, в 2022 году к 530 071 и в 2023 году к 379 649. Это может свидетельствовать об ужесточении применяемых к нарушителям ПДД мер наказания, что может расцениваться и как увеличение числа правонарушителей, привлекаемых к административной ответственности повторно, так и ужесточении профилактических мер, ввиду неэффективности применения самого мягкого из видов наказания, предусмотренных нормами административного законодательства.

Штрафные санкции за некоторые правонарушения значительно увеличены. На фоне этого значительно возросла доля решений, принимаемых органами внутренних дел о применении такого наказания, как административный штраф. В 2021 году было вынесено 179 521 834 таких постановлений, в 2022 году их число составило 201 235 997, в 2023 году оно возросло до 237 570 638. В процентном выражении доля такого роста составила на 32 процента.

Существенно увеличены и требования к оформлению материалов об административных правонарушениях. Это в первую очередь связано с растущим числом обжалования решений по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения. Этот фактор обязывает наиболее компетентно осуществлять доказывание наличия виновности правонарушителями и тщательно подходить к установлению признаков состава административного правонарушения.

Дела об административных правонарушениях в области дорожного движения рассматриваются в значительном количестве по месту совершения административного правонарушения органом внутренних дел либо судом. Также при наличии ходатайства правонарушителя, рассмотрение дела о административном правонарушении может осуществляться по месту его жительства.

В случае отсутствия сведений о месте и времени рассмотрения протокола об административном правонарушении в нем самом, правонарушитель должен быть надлежащим образом об этом уведомлен. Также такую информацию он может получить лично в Госавтоинспекции по месту совершения административного правонарушения.

Решение по делу об административном правонарушении принимается в установленный административным законодательством срок.

Водитель, либо иной участник дорожного движения, участвуя в рассмотрении составленного в отношении него протокола об административном правонарушении в праве реализовывать в полном объеме свои права.

Рассмотрение дела об административном правонарушении производится с обязательным участием лица, привлекаемого к административной ответственности, за исключениями случаев его неявки без уважительной причины либо наличия ходатайства о рассмотрении без его участия. Законом предусмотрено право лица, привлекаемого к административной ответственности пользоваться помощью доверителя либо защитника, полномочия которых должны быть удостоверены надлежащим образом.

Прекращение производства по делам об административных правонарушениях по реабилитирующим обстоятельствам, влечет собой определенный перечень правовых последствий по восстановлению нарушенных прав лица, в отношении которого такое решение принято.

Подобные факты являются нередкими, поэтому они требуют систематизации и принятия действенных мер по их недопущению.

Несмотря на существенно снизившиеся показатели по числу прекращенных дел об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения, которые в 2021 году составили 552 994, а в 2022 и 2023 годах соответственно 370 345 и 345 096, качество материалов по делам об административных правонарушениях требует дальнейшего улучшения в целях максимального исключения фактов нарушения прав участников дорожного движения.

Однако принятия мер в исследуемом вопросе требуется не только в отношении соблюдения прав участников производства по делам административных правонарушениях, но и повы-

шению общей грамотности и культуры участников дорожного движения, их взаимному уважению независимо от правового и социального статуса.

Большой массив и, как в ходе исследования было установлено, стабильный рост из года в год числа административных правонарушений никак не должно отрицательно влиять на качество материалов по делам об административных правонарушениях независимо от степени их вредности, а также видов и размеров наказания, предусмотренных санкциями статей, за их совершение.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

[2] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090 [Электронный ресурс] // Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <http://internet.garant.ru> (дата обращения: 02.07.2024).

Spisok literatury:

[1] The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on 06/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). Article 1.

[2] On the Rules of the road: Decree of the Government of the Russian Federation dated October 23, 1993 No. 1090 [Electronic resource] // Access from the GARANT system // EPS "System GARANT" URL: <http://internet.garant.ru> (date of application: 02/07/2024).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-285-294
NIION: 2021-0079-7/24-585
MOSURED: 77/27-025-2024-7-585

ИВАНОВ Александр Сергеевич,
Магистр,
Генеральный директор ЗАО
«Российская оценка, Москва, Россия,
e-mail: alexander.ivanov@rosocenka.com

КОМИССИОННАЯ ОЦЕНОЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты проведения комиссионной оценочной экспертизы как ключевого инструмента в управлении активами и принятию стратегических решений в различных отраслях. Особое внимание уделено методологическим подходам к формированию экспертной комиссии, критериям отбора её участников и процедуре проведения оценки. На основе анализа современных практик и нормативной базы предложена концептуальная модель, обеспечивающая повышение объективности и точности экспертиз. Описаны основные проблемы, возникающие в процессе проведения комиссионной оценочной экспертизы, в том числе влияние субъективных факторов и конфликтов интересов. Проведено исследование инструментов предотвращения данных проблем с использованием современных технологий, таких как цифровые платформы и алгоритмы машинного обучения. Результаты исследования могут быть полезны для профессиональных оценщиков, представителей научного сообщества и лиц, ответственных за принятие управленческих решений.

Ключевые слова: экспертиза, оценочная экспертиза, оценочная деятельность, комиссионная экспертиза, правовое регулирование, эксперты.

IVANOV Alexander Sergeevich,
Master's degree,
CEO of LLC "Russian Assessment,
Moscow, Russia

COMMISSION ASSESSMENT EXAMINATION

Annotation. The article discusses the theoretical and practical aspects of conducting a commission appraisal examination as a key tool in asset management and strategic decision-making in various industries. Special attention is paid to methodological approaches to the formation of the expert commission, the criteria for the selection of its participants and the evaluation procedure. Based on the analysis of modern practices and the regulatory framework, a conceptual model is proposed that ensures an increase in the objectivity and accuracy of examinations. The main problems arising in the process of conducting a commission assessment examination, including the influence of subjective factors and conflicts of interest, are described. A study of tools for preventing these problems using modern technologies, such as digital platforms and machine learning algorithms, has been conducted. The results of the study can be useful for professional appraisers, representatives of the scientific community and those responsible for making managerial decisions.

Key words: expertise, appraisal expertise, appraisal activity, commission expertise, legal regulation, experts.

Введение. Комиссионная оценочная экспертиза представляет собой важнейший инструмент в процессах принятия обоснованных решений в различных отраслях, начиная от юриспруденции и заканчивая экономикой. В условиях современного развития науки и техники, когда количество объектов и сложности оценочных задач постоянно возрастают, роль таких экспертиз становится исключительно значимой. В дан-

ной статье рассматриваются ключевые аспекты проведения оценочных экспертиз и регламент проведения комиссионной оценочной экспертизы в контексте соблюдения актуальных нормативных требований и методологических подходов.

Основной целью нашего исследования является комплексный анализ процедур и методов проведения комиссионных оценочных экс-

пертиз. Специфика таких экспертиз связана с необходимостью объединения профессионального опыта и знаний различных экспертов для достижения объективных и всесторонних оценок. Таким образом, исследование направлено на выявление факторов, влияющих на качество и точность экспертных заключений, а также на разработку рекомендаций по оптимизации процесса проведения подобных экспертиз.

Новизна данного исследования заключается в систематизации и обобщении опыта проведения комиссионных оценочных экспертиз с акцентом на современные реалии и нормативные изменения [1; 2; 3; 4; 5]. В частности, в работе представляются новые методические подходы к регламентированию процессов экспертизы и оценки их эффективности. Впервые в отечественной литературе предлагаются конкретные алгоритмы интеграции междисциплинарных знаний и методик для повышения достоверности и объективности экспертиз.

В основе данного исследования лежит комплексный подход, который включает анализ нормативно-правовых документов, методов экспертной оценки и практического опыта проведения экспертиз различными комиссиями. В качестве основных методов использованы системный анализ, сравнительный метод, а также метод экспертных оценок. Практическая часть работы базируется на конкретных примерах и кейсах, включающих результаты проведенных комиссионных оценочных экспертиз в различных сферах.

Таким образом, данное исследование направлено на всесторонний анализ и совершенствование практики проведения комиссионных оценочных экспертиз, что в конечном итоге способствует улучшению качества и достоверности экспертных заключений.

Основная часть. Судебная экспертиза по оценке стоимости представляет собой процедурное действие, включающее в себя анализ и предоставление экспертного мнения по вопросам, требующим особых знаний в сфере определения ценности объектов. В контексте арбитражного процесса, где ключевым является установление стоимости, экспертная оценка часто является единственным доступным методом для получения необходимых доказательств, подчеркивая ее важность для достижения правосудия [4].

Экспертное заключение по вопросам ценообразования часто играет ключевую роль в ходе судебных разбирательств и служит фундаментом для судебного определения объема обязательств участников процесса [30; 33]. Оценочная сфера является сложной и уникальной дисциплиной, требующей для адекватной оценки рыночной стоимости привлечения экспертов с глубокими профессиональными знаниями [11; 14; 17].

Важно подчеркнуть, что назначение судебной экспертизы происходит не только тогда, когда обе стороны представляют различающиеся оценочные отчеты в качестве доказательств, показывающих разные оценки стоимости того же актива на одну и ту же дату [10; 13; 16]. Экспертиза также может быть назначена, если в распоряжении суда находится всего один отчет, но возникают вопросы к его достоверности и объективности, или если одна из сторон оспаривает его, указывая на ошибки в оценке (в частности, на занижение или завышение стоимости) и выделяя явные проблемы в отчете, которые не соответствуют законодательным требованиям [21; 31].

Судебные органы обязаны не только учитывать, но и тщательно изучать выводы судебных экспертов [19; 23; 26]. Экспертное мнение не может служить абсолютным доказательством, и суд должен осуществлять глубокий анализ представленных фактов, принимая во внимание аргументы всех сторон процесса [28; 29]. Например, в одном из решений Верховный Суд подчеркнул необходимость для арбитражных судов более внимательно рассматривать детали дела и проследить причинно-следственные связи между событиями. Также было указано, что судьи должны критически оценивать экспертизу, сопоставляя ее с другими доказательствами, представленными в деле [6].

В рамках кассационного обжалования Арбитражный суд Московского округа решением от 23 января 2019 г. отменил предыдущие судебные акты по данному делу и отправил его на пересмотр из-за обнаруженных ошибок. Судебная коллегия выявила, что суды более низких инстанций нарушили положения ст.ст. 64, 65, 71, 82, 87, 170 и 271 АПК РФ [2], указав: «... суд первой инстанции безосновательно признал заключение судебной экспертизы окончательным, игнорируя обоснованные и подтвержденные экспертным заключением аргументы в отношении оценки этого доказательства. В ответ на возражения истца, касающиеся нарушений, допущенных в ходе судебной экспертизы, суд обязан был провести их юридическую оценку и обосновать свои решения». Недостаточный анализ деталей кейса, включая верификацию реальной ценности доли для выплаты заявителю, мог стать причиной вынесения неправомερных решений суда. Поэтому, в ходе повторного рассмотрения, суду предстоит исправить эти проблемы, полностью выяснить и проанализировать все ключевые моменты. Следует также беспристрастно оценить аргументы всех участников процесса и имеющиеся доказательства, а также рассмотреть возможность проведения новой судебной экспертизы.

При этом каждый участник процесса обладает правом предложить экспертов для рассмотрения дела, однако это не является их обязательством. Таким образом, даже та сторона, которая инициирует проведение экспертизы, не обязана называть конкретных специалистов [20].

Выбор эксперта критичен для судебного разбирательства, так как эксперт, применяя свою специализированную экспертизу, должен оказать помощь судье в понимании всех аспектов дела для вынесения обоснованного вердикта. В то же время, в ст.ст. 82 АПК РФ, 79 ГПК РФ, 77 КАС РФ и 195 УПК РФ не содержится указаний, позволяющих суду отклонять кандидатуры экспертов, предложенных сторонами спора.

В процессе выбора эксперта основное внимание следует уделять его квалификации и нейтральности, а также наличию достаточных оснований для доверия к его выводам. Суду важно проявлять инициативу в процедуре отбора экспертов, рекомендованных сторонами конфликта. В случае, если предложенный кандидат не соответствует требованиям суда для проведения коллегиальной экспертизы, судья может посоветовать стороне обратиться за экспертной оценкой к организации с более высоким уровнем компетенции.

Опыт показывает, что в процессе подбора экспертов судебные органы часто опираются на официальную информацию о высшем образовании, занимаемой позиции и профессиональном опыте претендента. Вместе с тем, суды редко занимаются проверкой предоставленных данных об эксперте на предмет их подтверждения документально.

Изучение судебных дел выявило, что суды не всегда тщательно анализируют квалификацию, опыт и способности экспертных учреждений и самих экспертов [6; 7; 8; 9]. Это иногда приводит к неправильному выбору организации или специалиста, которые не обладают необходимыми полномочиями для проведения экспертизы, утвержденной судом. В итоге, решения о назначении экспертизы часто возвращаются обратно в судебные инстанции из-за отказа в их проведении, то есть остаются без реализации.

Добавим, что законодательство не предусматривает строгих критериев для оценки квалификации эксперта. В соответствии с первой ч. 55 ст. АПК РФ [2], экспертом может быть признано лицо, которое имеет специализированные знания по вопросам, связанным с делом, и которое суд назначает для подготовки заключения.

В реальности, при определении квалификации эксперта, судебные органы обращаются к информации о его образовании и профессио-

нальном опыте. Этот метод, наряду с другими аспектами, зачастую не способствует выбору наиболее подходящего эксперта, который обладает необходимым опытом и квалификацией.

Протесты сторон в процессе, указывающие на недостаточную квалификацию или опыт эксперта, а также подача заявлений на отвод эксперта или специалиста, обычно основанные на этих же причинах, большей частью приводят к отклонению таких заявлений судом. При рассмотрении вопроса об отводе, суд опирается на официальные данные о образовании, должности и практическом опыте лица. Также суду необходимо убедиться в наличии соответствующих документов, подтверждающих способность эксперта выполнить оценочную экспертизу.

В рамках стандартной практики, регулирование оценочной деятельности осуществляется в соответствии с Федеральным законом РФ от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» [5]. Основные принципы проведения оценки, категории ценности и процедуры оценочных работ определены в Федеральных стандартах оценки.

Данный закон предъявляет строгие условия к квалификации оценщиков, допущенных к профессиональной деятельности на территории Российской Федерации, в том числе требования к высшему образованию по специальности, членству в саморегулируемых организациях (СРО), внесению взносов в компенсационный фонд, наличию страховки от профессиональных рисков и успешной сдаче квалификационного экзамена.

Изначально складывалась такая ситуация, что при назначении оценочной экспертизы судебные органы выбирали специалистов, не отвечающих критериям, установленным Федеральным законом № 135-ФЗ от 29 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности» [5]. Были зафиксированы эпизоды, когда для проведения оценочных работ суд направлял дело в организации, где не хватало экспертов с нужным опытом и специализацией. Встречались случаи, когда задачи по оценке стоимости возлагались на специалистов, квалификация которых ограничивалась оценкой стоимости транспортных средств.

Но сравнительно недавно сложилась тенденция, что судебные оценочные экспертизы должны соответствовать положениям федерального законодательства, регулирующего оценочную деятельность. Верховный суд РФ в п. 45 своего Обзора подчеркивает, что экспертное заключение, которое определяет стоимость компенсации за земельный участок, изымаемый в государственные нужды, исходя из его рыночной стоимости, если оно составлено с нарушением

Федерального закона № 135-ФЗ от 29 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности в РФ», федеральных стандартов оценки и других нормативно-правовых актов, не может считаться надежным доказательством для определения суммы компенсации за конфискованное имущество [6].

Этот аспект также касается подтверждения профессиональных навыков и опыта экспертов в сфере оценочной работы. Важно подчеркнуть, что методика выбора экспертов судебными органами ведет к тому, что затраты на проведение судебно-оценочных экспертиз зачастую оказываются значительно ниже, чем стандартные рыночные тарифы, несмотря на то, что выполнение такой экспертизы требует высокой квалификации и ответственности [12; 15; 18].

Механизм назначения экспертов имеет свои особенности. Обычно ценообразование осуществляется на основе конкуренции [22]. При выборе экспертов суд учитывает не только их опыт и профессионализм, но и стоимость предоставляемых услуг, при этом часто именно ценовой фактор становится решающим в процессе выбора [32].

В реальной судебной практике задачу оценки независимости и объективности экспертов часто берут на себя участники судебного разбирательства. Существуют определённые неявные факторы, которые могут указывать на предвзятость эксперта:

- спорная или несоответствующая специализация;
- отсутствие соответствующего опыта в области проводимой экспертизы;
- заниженная стоимость экспертных услуг;
- слишком быстрое выполнение экспертизы;
- присутствие в других судебных делах вместе с лицом, предложившим этого эксперта.

Как было отмечено ранее, судебные органы зачастую избегают глубокого анализа и предпочитают более простой путь, отдавая предпочтение экспертам с самой низкой стоимостью услуг и минимальными сроками выполнения. Эта практика часто приводит к ухудшению качества и эффективности судопроизводства.

Следует подчеркнуть ряд проблем, связанных с проведением оценочных экспертиз, влияющих на продолжительность арбитражных разбирательств:

- 1) Особенности оценочной экспертизы, зависящей от профессионального мнения экспертов, требуют от судебных органов углубленного анализа их выводов;
- 2) Привлечение экспертов, не обладающих достаточной квалификацией, что зачастую

ведет к назначению повторных экспертиз и, как следствие, к задержкам в ходе судопроизводства.

- 3) Ограниченность проведенного исследования и анализа узкого круга данных, что вызывает потребность в проведении дополнительных или повторных экспертиз.

В результате, процедурное положение специалиста и его выводы имеют значительно меньший вес, чем заключения эксперта. В связи с этим, в судебной практике России чаще всего предпочтение отдаётся назначению экспертизы, а заявления о привлечении к делу специалистов с нужной квалификацией обычно отвергаются, что в итоге приводит к нарушению принципа равноправного соперничества сторон.

Российское законодательство допускает организацию коллегиальной экспертизы, при которой группа экспертов отвечает на вопросы, поставленные судом. В ситуациях, когда между сторонами возникают споры по поводу выбора эксперта, суд имеет право уполномочить проведение коллегиальной экспертизы из числа предложенных специалистов. Недавно стало обычной практикой включать в комиссию экспертов, предложенных участниками судебного процесса.

Дополнительно, критериями для проведения коллегиальной экспертизы служат трудности в выяснении фактов дела и потребность в исчерпывающих и непредвзятых разъяснениях на вопросы, поставленные судом. Судебные органы могут определиться с проведением такой экспертизы, учитывая сложность и особенности изучаемых объектов. В случаях, когда сведения об объекте исследования являются противоречивыми, характеристики объекта недостаточно информативны, отсутствует чёткая методология исследования, судья может принять решение о комиссионной экспертизе, чтобы избежать затягивания судебного процесса.

В процессе выполнения оценочных экспертиз часто возникают вопросы к специалисту относительно соблюдения установленных законодательством о независимой оценке и федеральными нормативами стандартов в этой сфере [6].

Среди преимуществ комиссионной оценочной экспертизы можно отметить следующие аспекты (исходя из анализа экспертного мнения по вопросу оценки стоимости объекта исследования), осуществляемой группой экспертов, выбранных участниками арбитражного разбирательства:

Фактор	Преимущества
Глубина и всесторонность исследования	Члены комиссии (два и более человек) имеют возможность более глубокого и всестороннего исследования объекта экспертизы, использовать более широкий методологический инструментарий и т.п.
Сокращение сроков судебного процесса	Участники процесса при комиссионной экспертизе в большей степени заинтересованы в изначальной и полной постановке вопросов, поставленных на разрешение экспертов. Поэтому вероятность назначения дополнительной или повторной экспертизы существенно снижается, что означает не затягивание сроков судебного процесса
Объем исследования	Наличие в составе экспертов, из разных экспертных организаций, с разным уровнем опыта и профессиональных навыков экспертов, позволяет провести исследование более широко, проанализировав большой объем данных и применяя различные методологические подходы
Объективность исследования	Наличие двух и более экспертов, представляющих разные организации, возможно разные СРО, имеющие различный жизненный и профессиональный опыт – все это существенно повышает объективность анализа объекта исследования. Как уже отмечалось, при проведении оценочной экспертизы не последнюю роль играет субъективное профессиональное суждение. Наличие нескольких экспертов со своими субъективными суждениями, которые обсуждаются в процессе подготовки заключения, существенно объективизируют исследование объекта и выводы экспертизы.
Формальные претензии	Когда эксперты достигают общего мнения, участникам судебного процесса становится труднее выдвигать формальные возражения. Если же такие возражения все же появляются, эксперты могут продемонстрировать, что исправление указанных недочетов не влияет на конечный вывод исследования.
Независимость экспертов	Объективность эксперта — ключевой аспект в судопроизводстве. Иногда, к сожалению, эксперты могут проводить оценку, исходя из предвзятых мнений, сформированных в согласии с одной из сторон до начала экспертизы. Однако, когда в комиссию входят несколько экспертов, предложенных различными сторонами, это значительно повышает шансы на сохранение их независимости.
Устойчивость заключения	Термин "устойчивость заключения эксперта" неофициально указывает на то, будет ли суд принимать выводы эксперта в качестве улик по делу. В случае, если после анализа заключения и допроса эксперта назначается дополнительная экспертиза, это говорит о том, что первоначальная экспертиза "не прошла" в суде. Это не только негативно сказывается на репутации эксперта, но и ведет к задержкам в судебном процессе. Комиссионная экспертиза, в свою очередь, считается более надежной в судебных спорах. Эксперты, участвующие в комиссии, стремятся использовать самые обоснованные и полные аргументы при формировании своего мнения, что способствует принятию взвешенных решений.
Независимость назначения экспертов от стоимости услуг	В процессе подбора эксперта его гонорар утрачивает свою значимость. Когда каждая из сторон конфликта имеет право предложить своего специалиста для участия в комиссии, ключевыми критериями становятся профессиональный опыт и квалификация. В такой ситуации обе стороны заинтересованы в том, чтобы комиссия состояла из экспертов с высоким уровнем профессионализма.

Хотя комиссиянная экспертиза имеет ряд неоспоримых преимуществ, в процессе её проведения экспертный коллектив может встретиться с рядом трудностей. Вот основные проблемы и трудности, которые могут возникнуть при выполнении комиссиянной финансово-экономической экспертизы:

1. Гармоничность взаимодействия экспертов. Ключевым фактором успешности комиссиянной экспертизы является гармоничное сотрудничество экспертов, их сбалансированное участие в разработке выводов, отсутствие доминирования и психологическое единство. Однако на деле члены комиссии могут испытывать неравенство. Некоторые эксперты, обладая значительными полномочиями и профессиональным стажем, могут оказывать влияние на решения комиссии, тем самым подавляя вклад других участников, чьи мнения могут быть отодвинуты на второй план.
2. Структурирование деятельности. Отсутствие чёткой процедуры для подготовки общего вывода и отработанного механизма функционирования экспертной комиссии значительно затрудняет процесс комиссиянной экспертизы. Это включает в себя установление взаимодействия между экспертами, определение их ролей внутри комиссии, процедуру создания запросов и обработки материалов дела, а также определение, кто из экспертов будет ответственен за формирование итогового заключения и каков будет вклад каждого эксперта в составление документа.
3. Значимость достижения консенсуса. Для комиссиянной экспертизы крайне важно разработать общее заключение, то есть достичь согласованного между всеми участниками мнения по поставленным вопросам. Основная задача – определить критерии для признания мнения согласованным. Процесс достижения единства мнений тесно связан с уровнем профессионализма экспертов, их практическим опытом, степенью схожести их знаний, а также с набором знаний и методов, которыми они владеют.
4. Обязательность составления индивидуального заключения при наличии несогласия. Одна из ключевых характеристик проведения комиссиянных экспертиз заключается в том, что экспертам зачастую бывает сложно достичь общего взгляда по вопросам организации исследования, выбору методики, выполнению расчетов и формулировке итогов, а также по поводу структуры самого экспертного заключения. Если эксперты комиссии достигают консенсуса, они формируют коллективное заключение.

В ситуациях, когда между ними возникают разногласия, те эксперты, чьи взгляды расходятся с мнением большинства, предоставляют собственное заключение.

Из рассмотренных арбитражных дел, где были проведены комиссиянные оценочные экспертизы, в половине из них эксперты не достигли единого мнения и выразили свою позицию в индивидуальных заключениях.

К примеру, в рамках дела № А03-5074/2018, коллективное экспертное заключение по ст. 84 АПК РФ [2] не было выдано из-за различий в подходах к выбору сопоставимых объектов, которые были выставлены на продажу на момент оценки стоимости объектов экспертизы, а также предложенных к аренде помещений. В ходе двух судебных комиссиянных оценочных экспертиз не было достигнуто единства мнений среди экспертов по вопросам, связанным с выбором аналогов для исследуемых объектов; в итоге было выдано четыре отдельных экспертных заключения.

В соответствии с толкованиями, предоставленными Верховным Судом РФ и отражёнными в седьмом пункте постановления Пленума от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», в случае когда эксперты, выполняющие комиссиянную экспертизу, представляют отдельные мнения, суд должен в своём решении изложить все доводы и основания для согласия или несогласия с каждым из экспертных заключений по отдельности.

Несомненно, разнообразие мнений, выраженных в заключениях комиссиянной экспертизы, требует от суда проведения дополнительных опросов экспертов. Задача суда заключается в выяснении оснований расхождения во мнениях экспертов, что неизбежно усложняет процесс вынесения судебного решения и может привести к задержкам в судопроизводстве.

Очевидно, что два различных экспертных заключения, составленных членами комиссии с противоположными взглядами, менее предпочтительны, чем общее заключение, одобренное всеми участниками комиссии. Тем не менее, два заключения от комиссии экспертов предпочтительнее одного, составленного единолично экспертом, так как это, хоть и усложняет анализ судом, способствует более тщательному и эффективному судебному разбирательству.

Организация комиссиянной экспертизы с участием экспертов из различных учреждений, которые представляют интересы сторон в процессе, представляет собой сложную задачу [24; 25; 27]. Такие организационные сложности могут привести к неоптимальной работе комиссии и, как следствие, к продлению времени, необходимого для судебного разбирательства.

Заключение. В данной статье проведен комплексный анализ особенностей проведения оценочных экспертиз и регламента реализации комиссионной оценочной экспертизы. Полученные результаты подчеркивают важность использования комиссионного подхода для получения объективных и достоверных оценок, особенно в контексте сложных и неоднозначных ситуаций. Основные преимущества комиссионной экспертизы заключаются в высокой степени профессионализма, возможности междисциплинарного взаимодействия и минимизации субъективных факторов, что значительно повышает качество экспертных заключений. В дальнейшем целесообразно предусмотреть единый стандарт и методологию проведения комиссионных экспертиз для обеспечения единства получаемых результатов и повышения доверия к этой форме экспертной деятельности. Определение ключевых аспектов регламента комиссионной оценочной экспертизы позволяет говорить о перспективах совершенствования данной практики и ее интеграции в широкие области научных и прикладных исследований.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
- [2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 12.04.2024).
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 12.04.2024).
- [4] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (посл. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. – Ст. 2291.
- [5] Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности» (посл. ред.) // СЗ РФ. 1998. № 31. – Ст. 3813.
- [6] Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам Верховным Судом Российской Федерации совместно с Верховными судами республик, краевыми, областными судами и равными им судами проведено обобщение практики применения законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70136428/?ysclid=ly60nc1wj6650696067> (дата обращения: 12.04.2024).
- [7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, 2020 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142552/> (дата обращения: 12.04.2024).
- [8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71471246/> (дата обращения: 12.04.2024).
- [9] Определение Верховного Суда № 301-ЭС17-18814 от 19.08.2019 по спору между ООО и его участником относительно компенсации последнему действительной стоимости его доли в уставном капитале общества в связи с отсутствием согласия на ее отчуждение третьему лицу [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1800398 (дата обращения: 12.04.2024).
- [10] Абдилов К.С., Жанадилов А.Е. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 12. – С. 72-76.
- [11] Власов В.В., Гороховский О.А. Судебная экспертиза как средство доказывания в гражданском процессе // Наука и практика. 2014. № 3 (60). – С. 24-27.
- [12] Егорова О.В. Особенности оценки заключения эксперта: критерии достоверности [Электронный ресурс]. Арбитражный суд Вологодской обл. – URL: <https://vologda.arbitr.ru/node/13391> (дата обращения: 12.04.2024).
- [13] Жижина М.В. Рецензирование экспертных заключений в практике рассмотрения арбитражных дел // Вестник арбитражной практики». 2014. № 4 (53). – С. 51-58.
- [14] Жуков Ю.Н. Некоторые аспекты практики назначения комиссионной экспертизы из числа экспертов, предложенных сторонами спора: Доклад на научно-практической конференции «Повышение качества судебной экспертизы в процессе судопроизводства», г. Новосибирск, 2019 г. (архив автора).
- [15] Иванов А.С. Проблемы повышения эффективности проведения финансово-экономической экспертизы в арбитражном процессе [Электронный ресурс]. Научный журнал. 2024. № 2 (69). – URL: <https://scientificmagazine.ru/stati/yuridicheskie-nauki.html> (дата обращения: 12.04.2024).
- [16] Лебединский В.И. Меморандум экспертов «О назначении и порядке проведения комиссионной судебной экспертизы, экспертами, предложенными участвующими в деле лицами» [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/7/6/memorandum_ekspertov_o_

naznachenii_i_poryadke_provedeniya_komissionnoj_sudebnoj_ekspertizy_ekspertam (дата обращения: 12.04.2024).

[17] Лебединский В.И., Жарский И.П. Как сделать отвод судебному эксперту: чек-лист для проверки [Электронный ресурс]. 21.11.2019. – URL: https://pravo.ru/story/216136/?desc_chrono_2_3= (дата обращения: 12.04.2024).

[18] Лебединский В.И., Ильин М.О. Методические разъяснения по выбору судебных экспертов (организаций, учреждений) СПОО «Экспертный совет» от 12.08.2019 г. Методические разъяснения по выбору судебных экспертов (организаций, учреждений) от 12.08.2019 [Электронный ресурс] / Ассоциация «Саморегулируемая организация оценщиков «Экспертный совет». – URL: <https://srosovet.ru/content/editor/Metod/MR-expert.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

[19] Лимонов С.В. Методология рецензирования судебных экспертиз [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 9. – С. 220-225. – URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/10/Limonov.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

[20] Методические разъяснения по выбору судебных экспертов (организаций, учреждений) от 12.08.2019 [Электронный ресурс] / Ассоциация «Саморегулируемая организация оценщиков «Экспертный совет». – URL: <https://srosovet.ru/content/editor/Metod/MR-expert.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

[21] Минаков А.В., Суглобов А.Е. Развитие и проблемы цифровизации банковских услуг [Электронный ресурс] // Modern Economy Success. 2021. № 4. – С. 88-102. – URL: <https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2021/10/mes-4-2021.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

[22] Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситихова [и др.]; Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.

[23] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 576 с.

[24] Россинская Е.Р. Экспертиза в арбитражном процессе [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2006. № 38. – URL: <https://base.garant.ru/5306776/> (дата обращения: 12.04.2024).

[25] Россинская Е.Р., Баринов Е.Х., Бодров Н.Ф. Судебная экспертиза в цивилистических процессах. – М.: Проспект, 2023. – 704 с.

[26] Судебная экспертиза: типичные ошибки [Россинская Е.Р., Дмитриев Е.Н., Подволоцкий И.Н.] под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2022. – 544 с.

[27] Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе: Учебное пособие / Э.Ф. Мусин [и др.] под ред. Э.Ф. Мусина. – М.: Юрайт, 2023. – 273 с.

[28] Тарасова Ю. Экспертиза: правила оспаривания [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. 2016. № 12 (915). – URL: <https://base.garant.ru/57281809/> (дата обращения: 12.04.2024).

[29] Хомутов С.В. По вопросу различных подходов к оценке заключения эксперта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). – С. 264-274.

[30] Червинский А.С. Основания назначения комиссионной судебной экспертизы // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. – С. 184-186.

[31] Шейко В.В., Митюшкин Р.А. Методика проведения экспертизы исполнения контракта в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35). – С. 40-42.

[32] Шейко В.В., Митюшкин Р.А. Отдельные правовые проблемы исполнения государственного контракта при поставке товара с улучшенными характеристиками // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. – С. 73-79.

[33] Экспертиза отчетов об оценке: Учебник [Каминский А.В., Ильин М.О., В.И. Лебединский В.И. и др.]. 2-е изд. – М.: Про-Аппрайзер, 2015. – 272 с.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12.12.1993) // Rossijskaya gazeta. 25.12.1993. № 237.

[2] Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[3] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 № 51-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[4] Federal'nyj zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» (posl. red.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 23. – St. 2291.

[5] Federal'nyj zakon ot 29.07.1998 № 135-FZ «Ob ocenochnoj deyatel'nosti» (posl. red.) // SZ RF. 1998. № 31. – St. 3813.

[6] Obzor sudebnoj praktiki po primeneniyu zakonodatel'stva, reguliruyushchego naznachenie i provedenie ekspertizy po grazhdanskim delam Ver-

hovnym Sudom Rossijskoj Federacii sovместno s Verhovnymi sudami respublik, kraevymi, oblastnymi sudami i ravnymi im sudami provedeno obobshchenie praktiki primeneniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego naznachenie i provedenie ekspertizy po grazhdanskim delam (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 14.12.2011) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://base.garant.ru/70136428/?ysclid=ly60nc1wj6650696067> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[7] Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1, 2020 (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.06.2020) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142552/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[8] Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 20.12.2016). [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71471246/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[9] Opredelenie Verhovnogo Suda № 301-ES17-18814 ot 19.08.2019 po sporu mezhdru OOO i ego uchastnikom otnositel'no kompensacii poslednemu dejstvitel'noj stoimosti ego doli v ustavnom kapitale obshchestva v svyazi s otsutstviem soglasiya na ee otchuzhdenie tret'emu licu [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1800398 (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[10] Abdilov K.S., Zhanadilov A.E. Zaklyuchenie eksperta kak dokazatel'stvo v grazhdanskom processe // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremenom obshchestve. 2013. № 12. – S. 72-76.

[11] Vlasov V.V., Gorohovskij O.A. Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v grazhdanskom processe // Nauka i praktika. 2014. № 3 (60). – S. 24-27.

[12] Egorova O.V. Osobennosti ocenki zaklyucheniya eksperta: kriterii dostovernosti [Elektronnyj resurs]. Arbitrazhnyj sud Vologodskoj obl. – URL: <https://vologda.arbitr.ru/node/13391> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[13] Zhizhina M.V. Recenzirovanie ekspertnyh zaklyuchenij v praktike rassmotreniya arbitrazhnyh del // Vestnik arbitrazhnoj praktiki". 2014. № 4 (53). – S. 51-58.

[14] Zhukov Yu.N. Nekotorye aspekty praktiki naznacheniya komissionnoj ekspertizy iz chisla ekspertov, predlozhennyh storonami spora: Doklad na nauchno-prakticheskoy konferencii «Povyshenie kachestva sudebnoj ekspertizy v processe sudoproizvodstva», g. Novosibirsk, 2019 g. (arhiv avtora).

[15] Ivanov A.S. Problemy povysheniya effektivnosti provedeniya finansovo-ekonomicheskoy ekspertizy v arbitrazhnom processe [Elektronnyj resurs]. Nauchnyj zhurnal. 2024. № 2 (69). – URL:

<https://scientificmagazine.ru/stati/yuridicheskie-nauki.html> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[16] Lebedinskij V.I. Memorandum ekspertov «O naznachenii i poryadke provedeniya komissionnoj sudebnoj ekspertizy, ekspertami, predlozhennymi uchastvuyushchimi v dele licami» [Elektronnyj resurs]. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/7/6/memorandum_ekspertov_o_naznachenii_i_poryadke_provedeniya_komissionnoj_sudebnoj_ekspertizy_ekspertam (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[17] Lebedinskij V.I., Zharskij I.P. Kak sdelat' otvod sudebnomu ekspertu: chek-list dlya proverki [Elektronnyj resurs]. 21.11.2019. – URL: https://pravo.ru/story/216136/?desc_chrono_2_3= (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[18] Lebedinskij V.I., Il'in M.O. Metodicheskie raz'yasneniya po vyboru sudebnyh ekspertov (organizacij, uchrezhdenij) SROO «Ekspertnyj sovet» ot 12.08.2019 g. Metodicheskie raz'yasneniya po vyboru sudebnyh ekspertov (organizacij, uchrezhdenij) ot 12.08.2019 [Elektronnyj resurs] / Associaciya «Samoreguliruemaya organizaciya ocenshchikov «Ekspertnyj sovet». – URL: <https://srosovet.ru/content/editor/Metod/MR-expert.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[19] Limonov S.V. Metodologiya recenzirovaniya sudebnyh ekspertiz [Elektronnyj resurs] // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. № 9. – S. 220-225. – URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2018/10/Limonov.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[20] Metodicheskie raz'yasneniya po vyboru sudebnyh ekspertov (organizacij, uchrezhdenij) ot 12.08.2019 [Elektronnyj resurs] / Associaciya «Samoreguliruemaya organizaciya ocenshchikov «Ekspertnyj sovet». – URL: <https://srosovet.ru/content/editor/Metod/MR-expert.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[21] Minakov A.V., Suglobov A.E. Razvitie i problemy cifrovizacii bankovskih uslug [Elektronnyj resurs] // Modern Economy Success. 2021. № 4. – S. 88-102. – URL: <https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2021/10/mes-4-2021.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[22] Pravo i ekonomicheskoe razvitie: aktual'nye voprosy: Monografiya / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhshaeva, T.E. Sitohova [i dr.]; Gl. red. E.V. Fomin. – CHEboksary: OOO «Izdatel'skij dom «Sreda», 2023. – 196 s.

[23] Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe: monografiya. – 4-e izd. pererab.i dop. – M.: Norma: INFRA-M, 2020. – 576 s.

[24] Rossinskaya E.R. Ekspertiza v arbitrazhnom processe [Elektronnyj resurs] // EZH-Yurist. 2006. № 38. – URL: <https://base.garant.ru/5306776/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

[25] Rossinskaya E.R., Barinov E.H., Bodrov N.F. Sudebnaya ekspertiza v civilisticheskikh proces-sah. – M: Prospekt, 2023. – 704 s.

[26] Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki [Rossinskaya E.R., Dmitriev E.N., Podvolockij I.N.] pod red. E.R. Rossinskoj. – M: Prospekt, 2022. – 544 s.

[27] Sudebno-ekonomicheskaya ekspertiza v ugolovnom processe: Uchebnoe posobie / E.F. Musin [i dr.] pod. red. E.F. Musina. – M.: Yurajt, 2023. – 273 s.

[28] Tarasova Yu. Ekspertiza: pravila osparivaniya [Elektronnyj resurs] // EZH-YUrist. 2016. № 12 (915). – URL: <https://base.garant.ru/57281809/> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

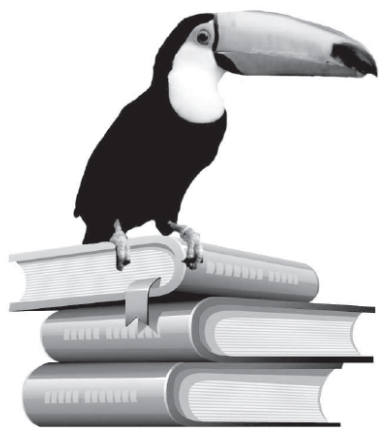
[29] Homutov S.V. Po voprosu razlichnyh pod-hodov k ocenke zaklyucheniya eksperta // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (88). – S. 264-274.

[30] Chervinskij A.S. Osnovaniya naznacheniya komissionnoj sudebnoj ekspertizy // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2009. № 3. – S. 184-186.

[31] Shejko V.V., Mityushkin R.A. Metodika provedeniya ekspertizy ispolneniya kontrakta v sootvetstvii s Federal'nym zakonom "O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" // Evrazijskaya advokatura. 2018. № 4 (35). – S. 40-42.

[32] Shejko V.V., Mityushkin R.A. Otdel'nye pravovye problemy ispolneniya gosudarstvennogo kontrakta pri postavke tovara s uluchshennymi karakteristikami // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 8-1. – S. 73-79.

[33] Ekspertiza otchetov ob ocenke: Uchebnik [Kaminskij A.V., Il'in M.O., V.I. Lebedinskij V.I. i dr.]. 2-e izd. – M.: Pro-Apprajzer, 2015. – 272 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента
и экономической теории
Уральского государственного
аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

БАТРАКОВА Светлана Игоревна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: s-batrakowa@mail.ru

РУЧКИН Алексей Владимирович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: alexeyruchkin87@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Урал - крупнейший промышленный регион РФ, где работают металлургические, машиностроительные предприятия. Во многих городах действуют предприятия по производству строительных материалов. Одним из крупнейших предприятий региона по производству цемента является ООО «SLK CEMENT». В современных условиях для повышения рентабельности промышленного предприятия важно провести анализ его конкурентоспособности.

Конкурентоспособность является одним из ключевых показателей успешного развития бизнеса. Этот показатель отражает способность предприятия опережать других участников рынка в своей сфере деятельности и достигать намеченных целей. В настоящее время на рынке работает большое количество конкурирующих организаций.

Крайне важным для повышения конкурентоспособности предприятия является внедрение новейших технологий и современных методов управления. Кроме того, повышению конкурентоспособности способствует высокий уровень престижа работы на предприятии и отсутствие негативных отзывов.

Ключевые слова: конкурентоспособность, качество, методы, инновации, новые технологии.

KRUZHKOVA Tatiana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

RUSHCHITSKAIA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasiia Viktorovna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

BATRAKOVA Svetlana Igorevna,
Senior lecturer of the Department of Foreign Languages
of the Ural State Agrarian University

RUCHKIN Alexey Vladimirovich,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
of the Ural State Agrarian University

PECULIARITIES OF ANALYZING THE COMPETITIVENESS OF A MODERN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Annotation. *The Urals is the largest industrial region of the Russian Federation, where metallurgical and machine-building enterprises operate. There are enterprises for the production of building materials in many cities. One of the largest cement production enterprises in the region is SLK CEMENT LLC. In modern conditions, in order to increase the profitability of an industrial enterprise, it is important to analyze its competitiveness.*

Competitiveness is one of the key indicators of successful business development. This indicator reflects the company's ability to outperform other market participants in its field of activity and achieve its goals. Currently, there are a large number of competing organizations operating in the market.

The introduction of the latest technologies and modern management methods is extremely important for increasing the competitiveness of the enterprise. In addition, the high level of prestige of work at the enterprise and the absence of negative reviews contribute to increasing competitiveness.

Key words: *competitiveness, quality, methods, innovation, new technologies.*

Основными критериями оценки конкурентоспособности являются социальная ориентация, новизна для потребителя, безопасность, имидж предприятия, информативность, стоимость потребления и другие. В настоящее время используются различные методы оценки конкурентоспособности предприятий.

Одним из них является экспертный метод, который, несмотря на свои преимущества, имеет ряд недостатков. Прежде всего, это субъективность оценки, что ставит под сомнение ее достоверность. Часто предприятия не прибегают к услугам профессиональных экспертов, и роль оценщиков выполняют руководители предприятий. Тем не менее, сложность задачи оценки конкурентоспособности промышленного предприятия оправдывает использование этого метода. Выявить конкурентные преимущества позволяет создание двумерных матриц, позволяющих сравнивать предприятия по различным критериям.

В современных условиях широко применяется матрица Бостонской консалтинговой группы (БКГ), разработанная Брюсом Д. Хендерсоном. Она основана на анализе роста спроса и доли

рынка и помогает определить перспективы развития предприятия.

В матрице выделяются группы стратегических хозяйственных подразделений, таких как «звезды», «дойные коровы», «трудные дети» и «собаки». Эти группы характеризуются различными сочетаниями темпов роста и долей рынка, что способствует разработке стратегии развития. В целом для оценки конкурентоспособности предприятия используются различные методы, что позволяет адаптировать их к специфике различных отраслей и условий рынка.

Предприятие ООО «SLK CEMENT» занимает определённую нишу в промышленности Уральского региона и его конкурентоспособность зависит от высоких стандартов безопасности и качества, использования инноваций а также способности адаптироваться к внешним экономическим условиям. Все это позволит предприятию эффективно позиционировать себя на рынке.

Для оценки конкурентоспособности компании используются различные показатели. На рисунке 1 представлены основные показатели деятельности исследуемого предприятия.

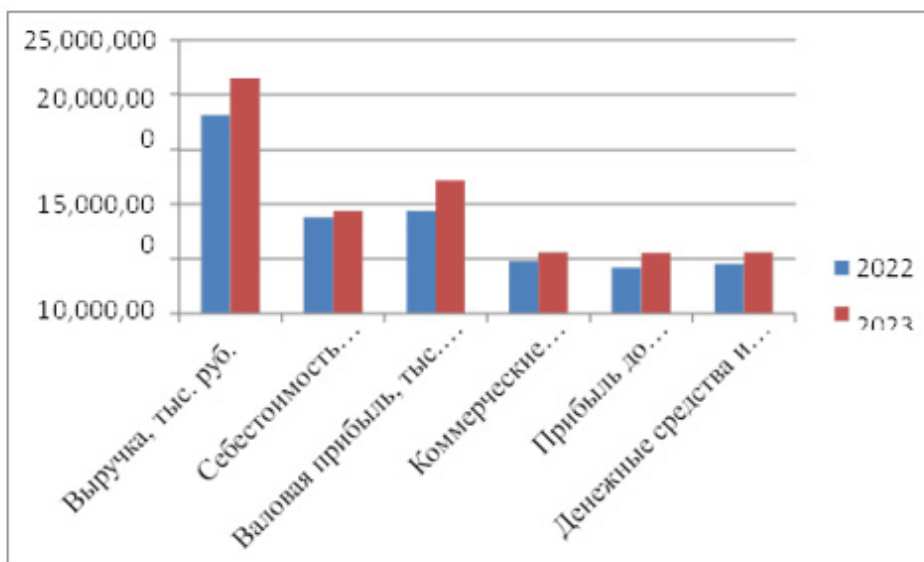

Рис. 1. Основные показатели деятельности ООО «SLK CEMENT»

Анализ основных показателей конкурентоспособности ООО «SLK CEMENT» показывает значительный рост выручки и валовой прибыли в 2023 году по сравнению с 2022 годом.

Комплексный метод оценки конкурентоспособности позволяет провести исследование на представленном рынке аналогичных услуг.

Для успешного функционирования на рынке и обеспечения высокой конкурентоспособности были определены критерии (требования) предъявляемые потребителями к продукции компании. Это - качество продукции, цена, сроки поставки, уровень сервиса и другие. Данные критерии относятся и к исследуемому предприятию.

Качество продукции: Высокое качество цемента, соответствие стандартам и требованиям.

Цена: Конкурентоспособные цены, соответствие уровню рынка.

Сроки поставки: Оперативная доставка продукции, соблюдение сроков.

Сервисное обслуживание: Поддержка клиентов, предоставление консультаций и информации.

На основе указанных выше критериев потребителей можно оценить ожидаемую конку-

рентоспособность продукции ООО «SLK CEMENT».

Проведенный анализ основных финансовых показателей позволил сделать вывод, что основные коэффициенты в 2023 году превышали среднеотраслевые показатели. К примеру: коэффициент текущей ликвидности составил 8,14, а среднеотраслевой - 2,91., коэффициент автономии - 0,93 против среднеотраслевого - 0,51. Рентабельность продаж составила 23,3% при среднеотраслевом показателе - 17,1, норма чистой прибыли - 20,4 при среднеотраслевом - 9,01 и т.д.

В результате анализа основных финансовых показателей можно сделать вывод, что финансовое состояние ООО «SLK CEMENT» на конец 2023г. значительно лучше многих крупных предприятий, занимающихся производством цемента.

С целью выявления уровня конкурентоспособности ООО «SLK CEMENT» сравним его показатели с аналогичными предприятиями отрасли.

Анализ оценки конкурентоспособности продукции ООО «SLK CEMENT» с другими предприятиями - конкурентами представлен в *таблице 1*.

Таблица 1. Оценка ожидаемой конкурентоспособности продукции

Критерий	ООО «SLK CEMENT»	ООО Евроцемент»	ООО «ЛафаржХолсим»
Качество продукции	Высокое	Высокое	Высокое

Цена	Средняя	Высокая	Средняя
Сроки поставки	Быстрые	Средние	Средние
Сервисное обслуживание	Высокий уровень	Средний уровень	Высокий уровень

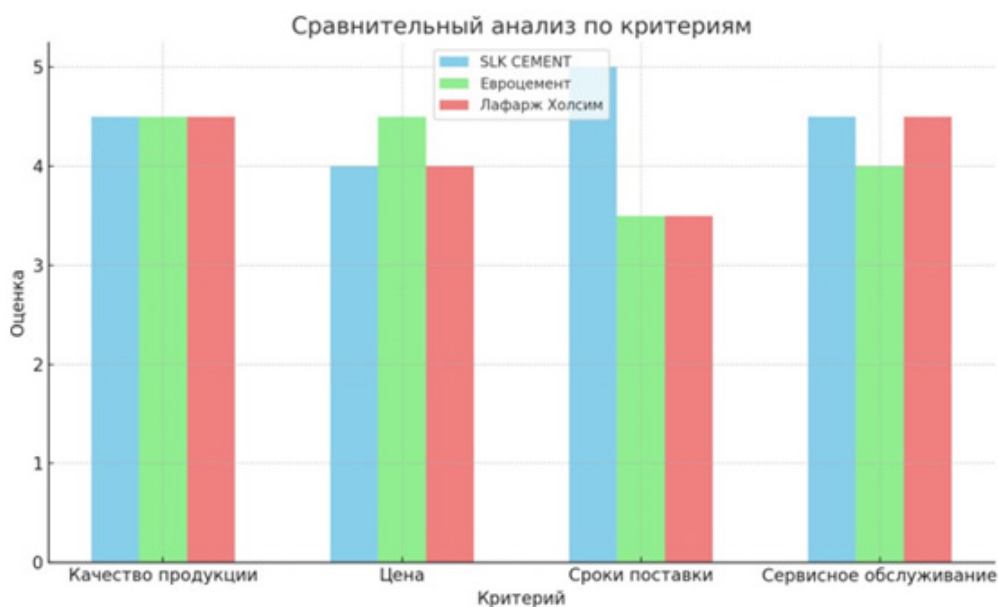

Рисунок 2 – Сравнительный анализ по критериям

Оценка ожидаемой конкурентоспособности продукции ООО «SLK CEMENT» показывает, что компания находится на уровне своих основных конкурентов по качеству продукции и срокам поставки. При этом, можно отметить, что цены у ООО «SLK CEMENT» более конкурентоспособны по сравнению с ООО «Евроцемент», что может

стать значимым преимуществом на рынке. Высокий уровень сервисного обслуживания также является важным фактором для привлечения платежеспособных клиентов.

Проанализируем показатели выручки и прибыли ООО «SLK CEMENT» и предприятий конкурентов и составим сравнительную таблицу 2.

Таблица 2. Сравнение выручки и прибыли

Показатель	ООО «SLK CEMENT» (2023)	ООО «Евроцемент» (2023)	ООО «ЛафаржХолсим» (2023)
Выручка, тыс. руб.	21 515 269	22 100 000	20 500 000
Валовая прибыль, тыс. руб.	12 174 481	12 100 000	10 700 000

Проанализируем показатели себестоимости и коммерческих расходов ООО «SLK CEMENT» и

предприятий конкурентов и составим сравнительную таблицу 3, а также рисунок 3.

Таблица 3. Сравнение себестоимости и коммерческих расходов

Показатель	ООО «SLK CEMENT» (2023)	ООО «Евроцемент» (2023)	ООО «ЛафаржХолсим» (2023)
Себестоимость продаж, тыс. руб.	9 340 788	10 000 000	9 800 000
Коммерческие расходы, тыс. руб.	5 580 796	5 300 000	5 900 000

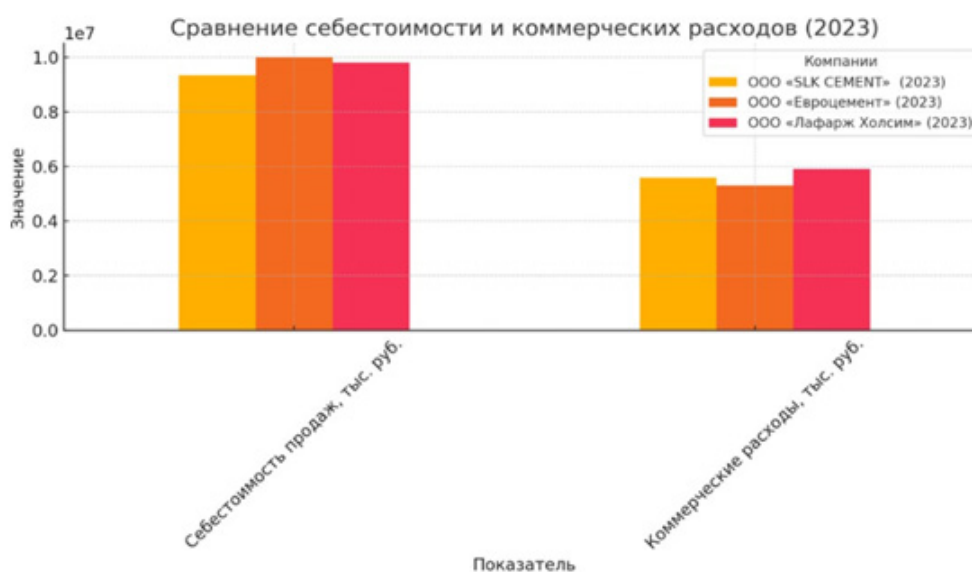

Рис. 3 Сравнение себестоимости и коммерческих расходов

Также, для получения полноценной картины для оценки уровня конкурентоспособности проведем сравнительный анализ инноваций и вне-

дрения новых технологий, качества продукции и финансовой устойчивости, с другими предприятиями (таблицы 4, 5, 6).

Таблица 4. Сравнение инноваций и внедрения новых технологий

Параметр	ООО «SLK CEMENT»	ООО «Евроцемент»	ООО «ЛафаржХолсим»
Инновационные технологии	Высокий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Вложения в НИОКР	Значительные	Умеренные	Значительные

Таблица 5. Сравнение качества продукции

Параметр	ООО «SLK CEMENT»	ООО «Евроцемент»	ООО «ЛафаржХолсим»
Соответствие стандартам	Высокое	Высокое	Высокое
Уровень брака	Низкий	Средний	Низкий
Удовлетворенность клиентов	Высокая	Высокая	Высокая

Таблица 6. Сравнение финансовой устойчивости

Параметр	ООО «SLK CEMENT»	ООО «Евроцемент»	ООО «ЛафаржХолсим»
Коэффициент текущей ликвидности	1.5	1.3	1.4
Долговая нагрузка	Низкая	Средняя	Средняя
Рентабельность активов	Высокая	Высокая	Средняя

Таким образом, на основе сравнительной характеристики можно сделать вывод, что проанализировав финансовые показатели, качество продукции и наличие инновационных технологий, а также слабые и сильные стороны, ООО «SLK CEMENT» и его продукция являются более конкурентоспособными по сравнению с другими анализируемыми предприятиями. При этом, стоит отметить, что для сохранения достигнутых рыночных позиций необходимо системно разрабатывать стратегию конкурентоспособности и придерживаться ее.

Список литературы:

[1] Горбова И.Н. Эффективное управление организацией как фактор конкурентоспособности в условиях кризиса // Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы: Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции: посвящается 100-летию ДОННТУ, Донецк, 19–20 ноября 2020 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. С. 493- 497.

[2] Рущицкая О.А. Значение финансовой устойчивости в деятельности организации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2023. № 3(325). С. 71-76.

[3] Рущицкая, О.А, Кружкова Т.И., Фетисова А.В. Современные конкурентные стратегии предприятий // Право и управление. 2024. № 2. С. 271-276.

[4] Тришкина Н.А. Управление конкурентоспособностью организации // Вестник Московского международного университета. 2024. № 1(1). С. 308-314.

[5] Черненко В.Г. Стратегии конкурентоспособности предприятия // Управление в экономике и бизнесе. 2023. № 5. С. 70-75.

[6] Чижов Д.М. Стратегии конкурентоспособности в современных условиях // Экономика и право. 2023. № 6. С. 22-26.

[7] Чуркин А.А. Принципы управления конкурентоспособностью организации // Экономические науки. 2022. № 8. С. 20-25.

[8] Шаповалов В.И. Конкурентные стратегии предприятия // Менеджмент и маркетинг. 2023. № 4. С. 50-55.

[9] Шестаков Н.В. Влияние внешней среды на конкурентоспособность предприятия // Журнал экономических исследований. 2023. № 7. С. 33-37.

[10] Шушканов И.П. Инновационные методы повышения конкурентоспособности // Современные тенденции экономики. 2023. № 4. С. 60-65.

Spisok literatury:

[1] Gorbova I.N. Jeffektivnoe upravlenie organizaciej kak faktor konkurentosposobnosti v uslovijah krizisa // Jekonomika i marketing v XXI veke: problemy, opyt, perspektivy: Sbornik materialov XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: posvjashhaetsja 100-letiju DONNTU, Doneck, 19–20 nojabrja 2020 goda. – Doneck: Doneckij nacional’nyj tehničeskij universitet, 2020. P. 493- 497.

[2] Rushhickaja O.A. Znachenie finansovoj ustojchivosti v dejatel’nosti organizacii // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5: Jekonomika. 2023. № 3(325). P. 71-76.

[3] Rushhickaja, A.V., Kruzhkova T.I., Fetisova A.V. Sovremennye konkurentnye strategii // Pravo i upravlenie. 2024. № 2. P. 271-276.

[4] Trishkina N. A. Upravlenie konkurentosposobnost’ju organizacii // Vestnik Mos-

kovskogo mezhdunarodnogo universiteta. 2024. № 1(1). P. 308-314.

[5] Chernenko V.G. Strategii konkurentosposobnosti predpriyatija // Upravlenie v jekonomike i biznese. 2023. № 5. P. 70-75.

[6] Chizhov D.M. Strategii konkurentosposobnosti v sovremennyh uslovijah // Jekonomika i pravo. 2023. № 6. P. 22-26.

[7] Churkin A.A. Principy upravlenija konkurentosposobnost’ju organizacii // Jekonomicheskie nauki. 2022. № 8. S. 20-25.

[8] Shapovalov V.I. Konkurentnye strategii predpriyatija // Menedzhment i marketing. 2023. № 4. P. 50-55.

[9] Shestakov N.V. Vlijanie vneshnej sredy na konkurentosposobnost’ predpriyatija // Zhurnal jekonomicheskikh issledovanij. 2023. № 7. P. 33-37.

[10] Shushkanov I.P. Innovacionnye metody povyshenija konkurentosposobnosti // Sovremennye tendencii jekonomiki. 2023. № 4. P. 60-65.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного
аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

БАТРАКОВА Светлана Игоревна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: s-batrakowa@mail.ru

РУЧКИН Алексей Владимирович,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: alexeyruchkin87@gmail.com

ФУНКЦИИ И РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Корпоративная культура является ключевым компонентом индивидуальности любой организации, которая сказывается на поведении ее сотрудников и общей продуктивности. В современном мире эффективная корпоративная культура стала важным инструментом обеспечения конкурентного преимущества и стимулирования устойчивого роста. Для того чтобы лучше понимать проблемы формирования корпоративной культуры и ее развития, данная тема заслуживает большего внимания.

Актуальность темы заключается в том, что корпоративная культура играет важную роль в эффективности деятельности организации в настоящее время формирование и развитие корпоративной культуры имеет решающее значение для достижения конкурентных преимуществ и устойчивого роста, однако, несмотря на проведенные исследования, многие вопросы остаются открытыми. В настоящее время большинство компаний в России не считают нужным использовать корпоративную культуру в качестве инструмента, повышающего эффективность работы персонала. Для того, чтобы корпоративная культура развивалась и совершенствовалась, требуется искоренить принцип работы, который заключается в «прожигании» рабочего времени. Такая ситуация широко распространена в российских компаниях и имеет отрицательное влияние, так как затормаживает рост, отсутствуют стимулы к развитию и росту, к внедрению новых идей.

Ключевые слова: корпоративная культура, сотрудники, организация, функции, методы.

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatiana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

RUSHCHITSKAIA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

BATRAKOVA Svetlana Igorevna,
Senior lecturer of the Department of Foreign Languages
of the Ural State Agrarian University

RUCHKIN Alexey Vladimirovich,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
of the Ural State Agrarian University

FUNCTIONS AND ROLE OF CORPORATE CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF A MODERN ORGANIZATION

Annotation. *Corporate culture is a key component of any organization's identity, which affects the behavior of its employees and overall productivity. In today's world, an effective corporate culture has become an important tool to ensure competitive advantage and stimulate sustainable growth. In order to better understand the problems of corporate culture formation and its development, this topic deserves more attention.*

The relevance of the topic is that corporate culture plays an important role in the effectiveness of the organization's activities at present, the formation and development of corporate culture is crucial for achieving competitive advantage and sustainable growth, however, despite the research conducted, many issues remain open. Currently, most companies in Russia do not consider it necessary to use corporate culture as a tool to improve the efficiency of personnel. In order for corporate culture to develop and improve, it is necessary to eradicate the principle of work that consists in "burning through" working time. This situation is widespread in Russian companies and has a negative impact, as it hinders growth, lacks incentives for development and growth, for the introduction of new ideas.

Key words: *corporate culture, employees, organization, functions, methods.*

В настоящее время корпоративная культура в любой организации является важным звеном для формирования необходимой рабочей атмосферы и эффективности труда.

Компании с высоким уровнем развития корпоративной культуры являются более привлекательными для потенциальных сотрудников и бизнес-партнеров. Грамотная организация и наличие корпоративной культуры дадут максимально положительный результат для компании.

Также, корпоративная культура может являться эффективным стратегическим инструментом, который позволяет направлять персонал организации на общие цели и конечные результаты.

Исходя из всех существующих теорий и определений в изучении корпоративной культуры, можно выделить ее главную мысль – основу корпоративной культуры составляют взгляды,

ценности и идеи, которые разделяются между сотрудниками организации.

Корпоративная культура в любой организации выполняет множество важных функций, определяющих эффективную работу компании.

Ниже приведем ряд ключевых функций корпоративной культуры:

- **Познание.** Она находится на начальной стадии знакомства с организацией, т.е. Когда новый сотрудник входит в коллектив и начинает понимать окружающих. На данном этапе фиксированные цели и система ценностей организации могут позволить сотрудникам быстро адаптироваться к работе данной компании.
- **Общественная память.** Заключается в накоплении уже существующих ценностей и их воплощение в действиях персонала.

- Регламентирующая. Данная функция показывает то, что корпоративная культура является индикатором норм поведения в организации.
- Коммуникативная. Благодаря общим целям, традициям и нормам корпоративной культуры происходит взаимодействие сотрудников в организации.
- Смыслообразующая. Бывает так, что корпоративная культура в организации влияет на мировоззрение человека и вступает в противоречие с его личными ценностями. В этом случае человек может перенести эту коллективную систему ценностей на свою личную жизнь.
- Охранная. Корпоративная культура служит своеобразным барьером для нежелательных тенденций внутри коллектива организации.
- Мотивационная. Данная функция очень важна, т.к. с помощью корпоративной культуры сотрудники принимают и осознают внутриорганизационные цели и ценности, что побуждает их пробудить свой скрытый потенциал и дает стимул к развитию.
- Формирование имиджа. Эта функция говорит о том, что клиенты и партнеры организации формируют свое мнение о компании благодаря ее системе ценностей, целей и ориентиров.
- Образовательная. Данная функция предполагает непрерывное самосовершенствование и обучение, которые положительно влияют на производительность и эффективность работы сотрудников.

Функции корпоративной культуры предназначены для того, чтобы создать у сотрудников организации ощущение сродства, общий образ «мы» и обеспечить совпадение интересов компании с интересами тех, кто в ней работает. И это должно начинаться с момента трудоустройства новых сотрудников в организацию. То есть hr-менеджер организации оценивает не только профессиональные навыки, знания и умения, но и личностные качества претендента, для того, чтобы он максимально быстро смог адаптироваться к существующей корпоративной культуре.

Не стоит забывать и про сильное влияние внешней среды на корпоративную культуру. При этом компании, существующие в одной отрасли могут иметь абсолютно разные, ничем не схожие корпоративные культуры и при перемещении сотрудников из одной организации в другую, могут происходить изменения и самой культуры. Именно адаптировавшись ко всем внешним угрозам и вызовам компания может занять стабильное место на рынке.

Выделим основные факторы, оказывающие влияние на корпоративную культуру:

- структура управления предприятием – диктуется не только отраслью, в которой существует организация или ее видом деятельности, но и организационной культурой – сотрудники должны четко понимать свои должностные обязанности и связи;
- вид деятельности, направление деятельности – здесь раскрывается необходимость выполнения целей, задач, перспектив организации сотрудниками;
- поддержка со стороны менеджеров – это та помощь, которую могут и должны оказывать управленцы своим подчиненным;
- стимулирование – моральное, материальное и любое другое;
- управление конфликтами – наличие в коллективе медиаторов и профилактика конфликтов через командообразование;
- управление вероятными рисками – здесь мы понимаем степень инициативности сотрудников в вопросах по основным видам деятельности и приемлемость из реализации/внедрения;
- и т.д.

Также основной задачей руководителя организации является доведение через корпоративную культуру до каждого сотрудника смысла существования и функционирования организации, а именно – миссии. Осознавая и принимая ее, сотрудник начинает принимать непосредственное участие в достижении целей организации, несет ответственность за выполняемую работу. Поэтому требуется системное применение методов поддержания корпоративной культуры, например, через наличие корпоративной символики, одежды, логотипов, лозунгов, наличия историй и мифов, эталонных образов поведения и пр. Сотрудник должен быть причастен к деятельности организации во всех ее проявлениях.

Важно, какие задачи, функции и критерии являются предметом постоянного внимания менеджера. Когда руководитель говорит подчиненным о важности той или иной проблемы, существующей в рабочей деятельности, происходит поддержка эффективности корпоративной культуры.

Поведение руководства в тяжелых рабочих моментах и кризисных ситуациях. Любая кризисная ситуация требует от организации совершенствования, улучшения или пересмотра каких-либо элементов корпоративной культуры, введение новых ценностей или норм.

Отдельного упоминания требует кадровая политика – начиная от отбора кандидатур, их адаптации, профессионального и карьерного

роста, до увольнения. Все это тоже отражается через призму корпоративной культуры. Например, отсутствие карьерного роста или повышения квалификации всегда негативно сказывается на продуктивности сотрудников.

Приведем несколько ярко выраженных примеров традиций в организации, по которому можно судить о полноценности корпоративной культуры в этой организации:

- Сотрудники с понедельника по четверг приходят на работу в одежде офисного стиля, но по пятницам в организации «свободный» день, т.е. каждый работник может прийти на работу в любой одежде.
- Ежегодные премии за отработанный год.
- За переработки начальство отправляет своих сотрудников на какие-либо развлечения или отдых за счет компании.
- Обязательное использование продукции компании в рабочее и личное время. Это могут быть косметические продукты, канцелярские товары, пищевая продукция и т.д.

В заключении стоит отметить, что именно корпоративная культура имеет свойство сглаживать проблему согласования индивидуальных целей отдельных сотрудников с общей целью компании, формирует общее культурное пространство, ценности и нормы, которые поделены между сотрудниками. Понимание теоретических основ формирования и развития корпоративной культуры позволяет руководителям целенаправленно формировать и развивать ее так, чтобы она соответствовала стратегическим целям организации и способствовала повышению ее эффективности.

Список литературы:

[1] Аксенова Александра Дмитриевна Роль Внутренних Коммуникаций В Построении Корпоративной Культуры // Научные записки молодых исследователей. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnutrennih-kommunikatsiy-v-postroenii-korporativnoy-kultury> (дата обращения: 15.07.2024).

[2] Варлакова Ю.В., Казаченок Ю.В. Корпоративная культура организации как инструмент управления персоналом // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2022. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-organizatsii-kak-instrument-upravleniya-personalom> (дата обращения: 15.07.2024).

[3] Герасименко Ольга Владимировна Корпоративная культура как фактор эффективной реализации стратегических целей компании // Телескоп. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-faktor-effektivnoy-realizatsii-strategicheskikh-tseley-kompanii> (дата обращения: 15.07.2024).

[4] Данилова Е.А. Теоретические аспекты корпоративной культуры компании // УПИРР. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-korporativnoy-kultury-kompanii> (дата обращения: 16.07.2024).

[5] Казакова Е.Д. Корпоративная культура как инструмент hr-менеджмента // Стратегии бизнеса. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-instrument-hr-menedzhmenta> (дата обращения: 16.07.2024).

[6] Калашникова И. В., Сигитова М. А., Соцкова С. И. Корпоративная культура: нормативный уровень // Вестник ТОГУ. 2023. №1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-normativnyy-uroven> (дата обращения: 16.07.2024).

[7] Магомедов Абдула Ахметович, Алиева Патимат Руслановна Корпоративная культура // Московский экономический журнал. 2022. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-1> (дата обращения: 15.07.2024).

[8] Оганезова Нина Александровна, Плешев Дмитрий Александрович Корпоративная культура как фактор повышения эффективности деятельности организации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-faktor-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii-1> (дата обращения: 15.07.2024).

[9] Садикова М.А. Анализ современных моделей корпоративной культуры // Экономика и социум. 2024. №1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-modeley-korporativnoy-kultury> (дата обращения: 15.07.2024).

[10] Перелыгина Ирина Анатольевна Формирование корпоративной культуры личности и ее роль в управлении процессами изменений в корпорациях // Вестник МГУКИ. 2023. №3 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korporativnoy-kultury-lichnosti-i-ee-rol-v-upravlenii-protsessami-izmeneniy-v-korporatsiyah> (дата обращения: 16.07.2024).

[11] Халилова Р.Р. Корпоративные мероприятия как способ мотивации персонала // Вестник науки. 2023. №1 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-meropriyatiya-kak-sposob-motivatsii-personala> (дата обращения: 16.07.2024).

Spisok literatury:

[1] Aksenova Aleksandra Dmitrievna Rol' vnutrennih kommunikacij v postroenii korporativnoj kul'tury // Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej. 2023. №1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnutrennih-kommunikacij-v-postroenii-korporativnoj-kul'tury](https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vnutrennih-kommunikacij-v-postroenii-korporativnoj-kul-tury)

vnutrennih-kommunikatsiy-v-postroenii-korporativnoy-kultury (дата обращения: 15.07.2024).

[2] Varlakova YU.V., Kazachenok YU.V. Korporativnaya kul'tura organizatsii kak instrument upravleniya personalom // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2022. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-organizatsii-kak-instrument-upravleniya-personalom> (дата обращения: 15.07.2024).

[3] Gerasimenko Ol'ga Vladimirovna Korporativnaya kul'tura kak faktor effektivnoj realizatsii strategicheskikh celej kompanii // Teleskop. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-faktor-effektivnoy-realizatsii-strategicheskikh-tseley-kompanii> (дата обращения: 15.07.2024).

[4] Danilova E.A. Teoreticheskie aspekty korporativnoj kul'tury kompanii // UPIRR. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-korporativnoy-kultury-kompanii> (дата обращения: 16.07.2024).

[5] Kazakova E.D. Korporativnaya kul'tura kak instrument hr-menedzhmenta // Strategii biznesa. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-instrument-hr-menedzhmenta> (дата обращения: 16.07.2024).

[6] Kalashnikova I. V., Sigitova M. A., Sockova S. I. Korporativnaya kul'tura: normativnyj uroven' // Vestnik TOGU. 2023. №1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-normativnyy-uroven> (дата обращения: 16.07.2024).

[7] Magomedov Abdula Ahmetovich, Alieva Patimat Ruslanovna Korporativnaya kul'tura // Mos-

kovskij ekonomicheskij zhurnal. 2022. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-1> (дата обращения: 15.07.2024).

[8] Oganezova Nina Aleksandrovna, Pleshev Dmitrij Aleksandrovich Korporativnaya kul'tura kak faktor povysheniya effektivnosti deyatel'nosti organizatsii // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-faktor-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii-1> (дата обращения: 15.07.2024).

[9] Sadikova M.A. Analiz sovremennykh modelej korporativnoj kul'tury // Ekonomika i socium. 2024. №1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennykh-modeley-korporativnoy-kultury> (дата обращения: 15.07.2024).

[10] Perelygina Irina Anatol'evna Formirovanie korporativnoj kul'tury lichnosti i ee rol' v upravlenii processami izmenenij v korporatsiyah // Vestnik MGUKI. 2023. №3 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korporativnoy-kultury-lichnosti-i-ee-rol-v-upravlenii-protsessami-izmeneniy-v-korporatsiyah> (дата обращения: 16.07.2024).

[11] Halilova R.R. Korporativnye meropriyatiya kak sposob motivatsii personala // Vestnik nauki. 2023. №1 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-meropriyatiya-kak-sposob-motivatsii-personala> (дата обращения: 16.07.2024).

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издаст научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ОГОВОРКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ: СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Аннотация. В статье рассматривается возможность обязательного включения в договор с государственным заказчиком положений антикоррупционной оговорки в отсутствие противоречий с гражданско-правовым принципом свободы договора. Автор рассуждает о возможности наличия антикоррупционной оговорки в договорах государственного заказа в качестве существенного условия, аргументирует законность такой возможности, предлагает ее законодательное закрепление.

Ключевые слова: договоры, государственный заказ, принцип свободы договора, гражданское право, Россия.

KALASHNIK Fyodor Alekseevich,
master's degree in the field of study 40.04.01
Legal support of the activities of public authorities
and representation in court

BELOBORODOV Maxim Vladimirovich,
Scientific adviser, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor Department of Civil Law and
Procedure law school Far Eastern Federal University

ANTI-CORRUPTION CLAUSE AS A REQUIRED ELEMENT GOVERNMENT CONTRACTS: RELATION TO THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT

Annotation. The article discusses the possibility of mandatory inclusion of anti-corruption clauses in a contract with a government customer in the absence of contradictions with the civil law principle of freedom of contract. The author discusses the possibility of having an anti-corruption clause in government contracts as an essential condition, argues for the legality of such a possibility, and proposes its legislative implementation.

Key words: contracts, state order, principle of freedom of contract, civil law, Russia.

Статья 421 ГК РФ закрепляет принцип свободы договора [1]. Сам принцип включает в себя несколько частей, а именно [2]:

- 1) свобода заключения договора – выражается в возможности выбора контрагентов для заключения соглашений, а также оли-

цетворяет монолог Гамлета («быть или не быть»), разрешая вопрос о том, заключать ли договор вообще или отказаться от его заключения.

- 2) свобода выбора модели договора – являет собой возможность отходить от заранее

заготовленных законодателем моделей договоров и объединять их между собой (заключать смешанные договоры), либо заключать такие договоры, которые прямо не поименованы в законе (например, договор бункеровки).

3) свобода определения условий договора – позволяет сторонам договора воздействовать на содержание будущих правоотношений, самим определяя, что включить в договор, а что убрать из него, каким деталям уделить наибольшее внимание и какие процедуры конкретизировать (за исключениями, определенными в законодательстве в качестве императивных [3]).

Некоторые ученые подходят к подходу определения частей данного принципа более детально, выделяя свободные и абсолютные императивы (его содержание), родоначальником чего является Кузнецова О.А. [4], другие акцентируют внимание на деление его различных частей, например моделей, как это делает С.В. Сарбаш, подразделяя их на поименованные, непоименованные и упомянутые [5], но в рамках данной работы внимание будет сосредоточено на частях, обозначенных в самом начале.

Фактически, все части принципа свободы договора, как по отдельности, так и в совокупности, отражают диспозитивные составляющие гражданского права.

Однако, не смотря на само название принципа «свободы» договора и его составные части (суть), необходимо понимать, что «свобода» не является «свободой» в ее абсолютном понимании, а имеет определенные ограничения [6]. Эти ограничения существуют для возможности соблюдения баланса между интересами сторон договора и интересами государства и общества (публичными), что абсолютно оправданно со стороны законодателя [7]. Вместе с тем, сфера государственных контрактов в силу своей специфики и подверженности коррупции нуждается в дополнительных мерах по недопущению проявления коррупционных явлений [8,9]. Такой мерой может стать антикоррупционная оговорка, однако, ряд авторов опасается, что ее обязательное включение в текст договора противоречит принципу свободы договора, что является недопустимым [10]. Автор настоящей работы не является сторонником тех, кто выражает опасения по данному вопросу, и выступает за обязательное включение антикоррупционной оговорки в государственные контракты, а также ее закрепление в качестве существенного условия для таких соглашений.

Включение антикоррупционной оговорки в договор государственного заказа не нарушает принцип свободы договора в силу следующего:

1. Законодательная основа: основным законом, регулирующим государственные закупки выступает Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ. Он подробно регламентирует процедуру государственных закупок, отражая в себе общие положения, планирование, осуществление закупок, контроль, мониторинг и аудит в их сфере и т.д., но не содержит положений об антикоррупционной оговорке [11]. Тем не менее, на данный момент существует ряд иных правовых норм и рекомендаций правового характера в отношении антикоррупционной оговорки. Так, антикоррупционная оговорка предусмотрена, в частности, статьей 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Шаблонно-типовой вариант антикоррупционной оговорки представлен Приказом Минтруда России от 24.12.2018 N 834н». Кроме того, благодаря статьям 421 и 422 ГК РФ, не будет коллизий и противоречий, поскольку они предусматривают необходимость соответствия условий договора закону. Также, необходимо внести изменения, например, в статью 528 ГК, закрепив там положение о том, что при заключении государственного или муниципального контракта обязательным является включение в такой контракт условия (положения/раздела) об антикоррупционной оговорке, а само условие признается существенным, в следствие чего его отсутствие в подписанном сторонами договоре будет считаться незаключенным из-за несоблюдения основных положений о заключении договора (статьи 421, 422, 432 ГК РФ).
2. Общественная направленность: договоры по государственным заказам заключаются для достижения благих целей, реализуются в интересах общества и государства. Включение антикоррупционной оговорки не только станет реальным отражением запроса социума на противодействие коррупции в общественно значимой сфере, но и обеспечит защиту этих интересов, снижая коррупционные риски и обеспечивая прозрачность и честность при воплощении правоотношений, вытекающих из таких договоров.
3. Добровольное согласие сторон: сторонами сторон таких договоров выступают с одной стороны государство и с другой стороны заинтересованный в реализации своего

предпринимательского интереса коммерческий субъект. Первый реализует свою добровольность через размещение в реестре контрактов, а значит выказывает волеизъявление на его заключение, а второй – через возможность либо отказаться от него (не участвовать в конкурсе), либо приняв участие в торгах, продемонстрировав свои намерения на его заключение. Реализуя одну часть принципа свободы договора (заключение) разным способом, вторую его часть (условия) стороны претворяют в жизнь вместе. Сама необходимость наличия антикоррупционной оговорки не исключает возможность влияния сторон (путем совместных переговоров, достижением консенсуса) на ее содержание, как было отмечено ранее. Безусловно, необходимо закрепить определенную ее форму в виде обязательной (императивной), но другие (санкции, правила поведения, конфиденциальность) предоставить для самостоятельного установления (или не установления) сторонам, реализовав диспозитивное начало гражданского права.

4. Защита прав сторон: антикоррупционная оговорка предполагает двустороннюю защиту прав и интересов сторон, поскольку действует в отношении всех контрагентов договора. Фактически, она обеспечивает равные условия ее реализации и предотвращает возможность получения необоснованных и/или незаконных выгод и благ одной из сторон за счет противоправных и/или коррупционных явлений. Фактически, здесь же можно говорить о равенстве сторон на защиту, как участников гражданско-правовых отношений, поскольку, как следует из Федерального закона № 44-ФЗ, государственный (муниципальный) контракт/контракт – это гражданско-правовые договоры. К тому же, именно поэтому мы и можем рассуждать в плоскости принципа свободы договора, который относится к принципам гражданского права.
5. Прозрачность и доверие: наличие антикоррупционной оговорки в договорах государственного заказа будет способствовать повышению уровня доверия между контрагентами, поскольку они будут наиболее информированы о возможных рисках и санкциях за совершение коррупционных деяний, что в свою очередь обеспечит прозрачность в исполнении обязательств по договору, будет заставлять действовать стороны максимально добросовестно и с учетом интересов не только себя и/или контрагента, но и в интересах общества и

государства. Все это в совокупности повысит уровень деловой репутации контрагентов, будет способствовать долголетнему и продуктивному сотрудничеству, сделает государство более привлекательным для инвестиций в том числе. Эти же положения будут являться отражением принципов, закрепленных в специализированном законе (ранее обозначенный Федеральный закон № 44-ФЗ), которыми выступают принципы открытости, прозрачности, профессионализма.

6. Существенное условие: невозможность исключить существенные условия из договора не говорит о нарушении принципа свободы договора, ведь нельзя заключить договор купли-продажи в отсутствие указания его предмета, равно как и иных существенных условий в других договорах (обусловленных спецификой), так и в данном случае, обязательность включения антикоррупционной оговорки не свидетельствует о противоречии закону, поскольку часть ее содержания стороны смогут определять сами (например, варианты поведения в случае, когда коррупционные деяния совершены в нарушение оговорки, или же обозначить различные санкции, в случае нарушения данного «существенного» условия).

Таким образом, антикоррупционная оговорка, став существенным условием договоров государственного и муниципального заказа не будет противоречить принципу свободы договора, поскольку будет закреплена в законе в выше обозначенном качестве в силу специфики договорных отношений, связанных с удовлетворением интересов государства и общества (государственные контракты), что в свою очередь благоприятным образом скажется на противодействии коррупции в сфере государственных закупок, сформирует положительный имидж данной сферы и поднимет ее престиж.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 26.01.1996 №14-ФЗ (посл. ред. от 11.03.2024) // СПС «Консультант-Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.07.2024).
- [2] Гольдин Е.Т. Принцип свободы договора: понятие и содержание. – Текст: электронный / Е.Т. Гольдин /International scientific review. – 2022. – № LXXXV. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-ponyatie-i-soderzhanie> (дата обращения: 03.07.2024).
- [3] Волков А.В. Злоупотребление принципом свободы договора / А.В. Волков // Юрист. – 2015. – № 4.– С. 11.

[4] Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права: монография / О.А. Кузнецова – Москва: Статут, 2006. – 267 с.

[5] Комментарий С.В. Сарбаша к Постановлению Президиума ВАС РФ от 30 окт. 2007 г. № 8105/2007: Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2007 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012.

[6] Иванова Ю.А. Принцип свободы договора в гражданском праве. – Текст: электронный / Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло, В.И. Федулов / Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 05.07.2024).

[7] Солонецкая Е.М. Принцип свободы договора. – Текст: электронный / Е.М. Солонецкая / Наука, образование и культура. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora> (дата обращения: 07.07.2024).

[8] Эксперты НИУ ВШЭ оценили потери государства от коррупции в закупках // Антикоррупционный портал: [сайт]. – URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/eksperty_niu_vshe_otsenili_poteri_gosudarstva_ot_korrupsii_v_zakupkah (дата обращения: 08.07.2024).

[9] Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках // РБК: [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 08.07.2024).

[10] Филатова Е. В. Антикоррупционная оговорка в гражданско-правовых договорах: теоретические и практические аспекты использования. – Текст: электронный / Е. В. Филатова // Юридические исследования. – 2023. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupcionnaya-ogovorka-v-grazhdansko-pravovyh-dogovorah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-ispolzovaniya> (дата обращения: 10.07.2024).

[11] Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 12.07.2024).

Spisok literary:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): dated 26.01.1996 No. 14-FZ (last rev. from 11.03.2024) //SPS “Consultant-Plus.” - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 01.07.2024).

[2] Goldin E.T. Principle of freedom of contract: concept and content. - Text: electronic/E.T. Goldin/ International scientific review. – 2022. – № LXXXV. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-ponyatie-i-soderzhanie> (access date: 03.07.2024).

[3] A.V. Volkov. Abuse of the principle of freedom of contract/A.V. Volkov//Lawyer. – 2015. - NO. 4.- S. 11.

[4] Kuznetsova O.A. Norms and principles of Russian civil law: monograph/O.A. Kuznetsova - Moscow: Statute, 2006. - 267 p.

[5] Commentary by S.V. Sarbash to the Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 30, 2007 No. 8105/2007: Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: selected decisions for 2007 with a commentary by A.A. Ivanova. M., 2012.

[6] Yu.A. Ivanova. Principle of freedom of contract in civil law. - Text: electronic/Yu.A. Ivanova, L.N. Menyailo, V.I. Fedulov/Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave> (access date: 05.07.2024).

[7] Solonetskaya E.M. Principle of freedom of contract. - Text: electronic/E.M. Solonetskaya/Science, education and culture. – 2018. – № 5. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora> (access date: 07.07.2024).

[8] HSE experts assessed the state’s losses from corruption in procurement//Anti-corruption portal: [website]. – URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/eksperty_niu_vshe_otsenili_poteri_gosudarstva_ot_korrupsii_v_zakupkah (дата обращения: 08.07.2024).

[9] Experts estimated the average size of kickbacks in public procurement//RBC: [website]. - URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (access date: 08.07.2024).

[10] Filatova E. V. Anti-corruption clause in civil law contracts: theoretical and practical aspects of use. - Text: electronic/E.V. Filatova//Legal research. – 2023. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupcionnaya-ogovorka-v-grazhdansko-pravovyh-dogovorah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-ispolzovaniya> (дата обращения: 10.07.2024).

[11] Federal Law No. 05 “Consultant-Plus” dated April 2013, 44-FZ//SPS “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs.” - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (access date: 12.07.2024).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. В данной статье анализируются виды уголовных наказаний двух стран: Российская Федерация и Китайская Народная Республика. Выделяются отличительные черты уголовных систем, способов, условий и оснований наказаний. Делается вывод о том, что данные системы имеют множество сходств, и в тоже время ряд отличительных черт.

Ключевые слова: системы наказаний, уголовное наказание, законодательство, виды наказаний, цели наказания.

ISTOMINA Victoria Vitalievna,
Student of the Law School
of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

SIMONOVA Elena Konstantinovna,
Student of the Law School of the Far Eastern
Federal University of Russia, Vladivostok

Scientific supervisor:
KVASNIKOVA Tatyana Vladimirovna

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF PUNISHMENTS IN THE CRIMINAL LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND CHINA

Annotation. This article analyzes the types of criminal penalties in two countries: the Russian Federation and the People's Republic of China. The distinctive features of criminal systems, methods, conditions and grounds for punishments are highlighted. It is concluded that these systems have many similarities, and at the same time a number of distinctive features.

Key words: punishment systems, criminal punishment, legislation, types of punishment, goals of punishment.

Согласно статье 43 Уголовного Кодекса Российской Федерации:

«Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого

лица». Наказание применяется в целях восстановления справедливости, а также предупреждения совершения новых преступлений.

В то же время, Уголовный кодекс КНР не дает конкретного определения понятию «уголовное наказание». Вместо этого в статьях 33 и 34 они разграничиваются на основные и дополнительные.

Уголовный кодекс РФ в статье 44 содержит полный перечень видов наказаний, а уже в 45-ой они разделяются также на основные и дополнительные виды.

Одно из основных отличий содержится именно в части разграничения наказаний, полный перечень приведён в *таблице 1* и *таблице 2*.

Таблица 1. Основные наказания России и Китая

Россия	Китай
Обязательные работы	Надзор
Исправительные работы	Арест
Ограничения по военной службе	Срочное лишение свободы
Принудительные работы	Пожизненное лишение свободы
Арест	Смертная казнь
Содержание в дисциплинарной воинской части	
Лишение свободы на неопределенный срок	
Пожизненное лишение свободы	
Смертная казнь	

Источник: разработано автором

Таблица 2. Дополнительные наказания России и Китая

Россия	Китай
Штраф	Штраф
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Лишение политических прав
Ограничение свободы	Конфискация имущества
Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	

Источник: разработано автором

На основе данных таблиц можно сделать несколько выводов. В первую очередь при рассмотрении основных видов наказаний видно, что список Уголовного кодекса в России обширнее и содержит в себе в том числе исправительные, принудительные и обязательные работы, которые

не отражаются в уголовном кодексе Китая. Также к основным наказаниям в РФ входят ограничения по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, что говорит об их особой роли в государственной системе. Уголовный кодекс Китая, однако, содержит отличный вид

наказания – надзор, который подразумевает под собой нахождение под контролем органов общественной безопасности.

Присутствуют в двух системах и схожие наказания. В качестве основных оба кодекса выделяют арест. Например, в китайской системе в статье 43 для преступника предусматривается возможность пребывания дома в течение 1-2 дней в месяц, а работающим может выдаваться соответствующее вознаграждение. В российском уголовном кодексе таких послаблений не предоставляется, однако, по статье 54 «Арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет.». Также предусматривается отдельное условие содержания для военных, а именно отбывание ареста на гауптвахте. При этом срок ареста схож, оба кодекса устанавливают срок от одного до шести месяцев, однако УК РФ указывает, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца.

Теперь перейдем к рассмотрению срочного лишения свободы (на неопределенный срок), пожизненного лишения свободы и смертной казни. Необходимо отметить, что в отличие от законодательства КНР законодательство РФ предусматривает мораторий на смертную казнь, вследствие чего данное наказание не приводится в исполнение. Однако в статье 59 УК обозначены все условия назначения такого наказания, часть 1 и 2 полностью копируют содержание статьи 57 о пожизненном лишении свободы, однако далее в части 2.1 и 3 указывается, что в соответствии с международным договором смертная казнь не назначается лицу, выданному иностранным государством для уголовного преследования. В том числе и смертная казнь в соответствии с частью 3 данной статьи в качестве помилования может быть заменена на пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок двадцать пять лет. В Китае ситуация обстоит несколько иначе: смертная казнь применяется, хоть и официальной статистики не приводится. Как и в России применяется только к преступникам, совершившим преступления особой тяжести, а в случае, когда нет необходимости приводить приговор в немедленное исполнение, может быть отсрочка на два года. «Приговоры к смертной казни, за исключением вынесенных Верховным народным судом, должны передаваться на утверждение Верховному народному суду. Приговоры к смертной казни с отсрочкой исполнения могут выноситься народными судами высшей ступени либо ими утверждаться.» - так гласит статья 48 УК КНР, из чего мы делаем вывод об отличных от законо-

дательства РФ процедурах назначения наказания. К сходствам же относится и положение статьи 49, а именно недопустимость применения данного наказания для несовершеннолетних, однако мужчины и женщины, за исключением находящихся в состоянии беременности во время судебного разбирательства, не освобождаются от данной меры пресечения. Так же, как и в уголовном кодексе РФ, наказание может быть заменено на пожизненное лишение свободы, если осужденный к смертной казни с отсрочкой во время отсрочки не совершил умышленного преступления. Помимо этого, наказание может быть заменено на лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет.

Если рассматривать дополнительные виды наказаний, то сразу видно, что и здесь в уголовном кодексе РФ выделяется больше видов наказаний, и сходства заключаются лишь в наличии штрафа, как меры пресечения. В системе дополнительных наказаний Китая появляется конфискация имущества и лишение политических прав, которые не отражаются в системе РФ, вместо этого законодатель делает акцент на наказаниях для военнослужащих. Необходимо также отметить, что в отличие от Китая, где дополнительные наказания могут применяться в том числе и как основные, в УК РФ такой вид наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград может применяться только в качестве дополнительного вида (ст.45 ч.3 УК РФ).

Срочное лишение свободы в двух государствах тоже имеют свои особенности. В Китае Кодекс устанавливает срок от шести месяцев до пятнадцати лет (ст.45 УК КНР); осужденные содержатся в тюрьмах либо других местах исполнения приговора, как правило в исправительных колониях для несовершеннолетних (ИКН) преступников, куда заключают осужденных моложе 18 лет, приговоренных народным судом к лишению свободы на определенный срок, пожизненному лишению свободы или к смертной казни с отсрочкой исполнения на 2 года, а каждый трудоспособный обязан трудиться с целью воспитания и исправления. В России же Кодекс предусматривает лишение свободы на неопределенный срок (ст.56 УК РФ). Оно устанавливается на срок от двух месяцев до двадцати лет, а при совокупности приговоров – более тридцати лет в качестве исключительных случаев. Изоляция преступника от общества осуществляется путем направления преступника в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима, либо в тюрьму.

В уголовном кодексе Китая условия срочного и пожизненного лишения свободы схожи, если не считать сам срок наказания. В УК РФ, в свою очередь, обозначены условия назначения такого рода наказания, а именно за совершение: особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, половой неприкосновенности несовершеннолетних. Также пожизненное заключение не назначается женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

В перечне основных наказаний в уголовном кодексе РФ приведено ограничение по военной службе, которое, в свою очередь, не приведено в аналогичном кодексе в КНР. Данное наказание в РФ назначается осужденным военным служащим, проходящим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет за совершение преступлений против военной службы, а также осужденным военным служащим, проходящим военную службу по контракту, вместо исправительных работ. В Китае 10-я глава особенной части уголовного кодекса посвящена преступлениям военным служащим против воинского долга, и если в России санкции зачастую ограничиваются удержаниями из заработной платы, отсутствием повышения в должности, воинском звании, то в Китае, наказания разнятся: от срочного лишения свободы и вплоть до смертной казни. Исходя из этого можно считать, что санкции Китая в отношении военным служащих более строгие, по сравнению с санкциями в России.

Рассматривая дополнительные виды наказаний, в первую очередь стоит уделить внимание штрафу. В РФ он устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет, либо он исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа. В качестве дополнительного наказания штраф может назначаться за:

- преступления против личности;
- преступления в сфере экономики;
- преступления против общественной безопасности и общественного порядка;
- преступления против государственной власти;
- преступления против военной службы;
- преступления против мира и безопасности человечества.

О штрафе в российской уголовной системе можно также говорить и как об основном наказа-

нии в преступлениях небольшой и средней тяжести. Однако в некоторых случаях он может назначаться и за тяжкие преступления. В Общей части не определены конкретные размеры штрафов. На основании 52 статьи УК КНР наказание в виде штрафа назначается в определенной сумме в соответствии с обстоятельствами дела. Основным сходством является тот факт, что УК Китая также выделяет возможность применения штрафа, как самостоятельного наказания, например ст. 170 УК КНР устанавливает, что изготовление фальшивых денежных знаков может наказываться лишением свободы на срок от 3 до 10 лет со штрафом в размере от 50 тыс. до 500 тыс. юаней.

Лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности в уголовном кодексе России описано в статье 47 и состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью. Срок такого наказания устанавливается от одного года до пяти лет в качестве основного и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания. В некоторых случаях может быть назначено на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания. В УК КНР, в свою очередь, оно не выделяется в перечне дополнительных видов наказания, однако существует лишение политических прав, которые состоят: в праве избирать и быть избранным, в праве свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций, в праве занимать должности в государственных органах и занимать руководящие должности в государственных компаниях и народных организациях. Такое наказание устанавливается на срок от одного года до пяти лет, а для осужденных к надзору, и дополнительно к лишению политических прав, сроки лишения и надзора равны и осуществляются одновременно. В качестве дополнительного наказания в соответствии со статьей 56 может быть применено к лицам, совершившим:

- преступления против государственной безопасности;
- умышленное убийство;
- изнасилование;
- поджог;
- взрыв;
- отравление;
- разбой.

Но нельзя говорить о том, что лишению политических прав не подвергаются граждане РФ. Например, не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или)

особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, - до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости; осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, - до истечения пятнадцати лет со дня снятия или погашения судимости; осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, и другие.

Интересно, что в УК РФ в качестве дополнительного наказания, в отличие от УК КНР, выделяется ограничение свободы, которое подразумевает под собой запрет на уход с постоянного места проживания в определенное время суток, посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования и т.д. Данное наказание назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного наказания, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или лишению свободы. За осужденным осуществляется надзор соответствующими органами, а в случае злостного уклонения степень наказания ужесточается до лишения свободы. Китайский уголовный кодекс, как уже говорилось ранее, рассматривает надзор только в качестве основного наказания, что дает право полагать, что основная разница заключается именно в части классификации, если учитывать большое количество схожих положений в статьях 38-41 УК КНР.

Конфискация имущества разъясняется в статьях 59-60 УК КНР и выделяется в качестве дополнительного наказания. Сразу стоит обратить внимание на то, что в уголовном кодексе РФ данное наказание как дополнительное не выделяется, что, конечно же, не отменяет его наличие. Однако ранее данное наказание все-таки выделялось в качестве дополнительного. Федеральным законом от 8 декабря 2003 года конфискация имущества как вид наказания была исключена из Уголовного кодекса и на протяжении более двух лет в уголовном праве Российской Федерации отсутствовала. В указанный период времени имущество могло быть конфисковано только как вещественное доказательство на основании статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Впоследствии это затруднило работу правоохранительных и судебных органов и нарушило ряд международных соглашений, в соответствии с которыми Россия взяла на себя обязательства применять конфискацию имущества к лицам,

совершившим преступления. 27 июля 2006 Федеральным Законом N 153-ФЗ конфискация имущества была возвращена в Уголовный кодекс РФ, но не в качестве наказания, а как «иная мера уголовно-правового характера». В дальнейшем текст главы «Конфискация имущества» редактировался более 10 раз.

В данный момент наказание представляет собой изъятие части или всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного, согласно статье 59 УК КНР. При этом сохраняется необходимый прожиточный минимум для самого преступника и членов семьи, находящихся у него на иждивении. В УК РФ данное наказание разъясняется в статье 104.1, где также конкретизируется и само имущество, подлежащее изъятию. К нему относятся, например деньги, ценности, полученные в результате совершения преступления, используемые для совершения преступлений, таких как финансирование терроризма, экстремистской деятельности, а также транспортное средство обвиняемого. А при отсутствии у виновного имущества, на которое может быть обращено взыскание, причиненный вред взыскивается в денежном эквиваленте, что указано в статье 104.3. Исходя из анализа данного наказания, сходства выявляются только в формулировке и принципе исполнения. Таким образом можно с уверенностью сказать, что наиболее точным и доработанным в плане содержания наказанием является наказание в УК РФ.

Системы уголовных наказаний России и Китая имеют основное сходство в том, что построены по принципу от наименее тяжких к наиболее тяжким, многие виды наказаний дублируются в законодательстве обеих стран. Вероятнее всего это связано с тем, что уголовное законодательство Российской Федерации сохраняет отдельные признаки социалистического уголовного законодательства, преемственного от законодательства Советского Союза.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) / СПС КонсультантПлюс

[2] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М.: ООО «юридическая фирма контракт», 2021.

[3] Александров Ю. Тюремная система Китая // Ведомости УИС. 2010. №5 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-sistema-kitaya> (дата обращения: 10.06.2024).

[4] Бабенко Александр Александрович, Тинишев Булат Нязирович Особенности уголов-

но-правовой системы наказаний в Китайской Народной Республике // Вопросы российской юстиции. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-sistemy-nakazaniy-v-kitayskoy-narodnoy-respublike> (дата обращения: 10.06.2024).

[5] Борсученко Светлана Алексеевна Система наказаний по Уголовному кодексу Китайской Народной Республики // Уголовно-исполнительное право. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nakazaniy-po-ugolovnomu-kodeksu-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 10.06.2024).

[6] Савин Андрей Александрович, Семенов Сергей Александрович уголовное наказание - понятие, признаки, сущность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-nakazanie-ponyatie-priznaki-suschnost> (дата обращения: 10.06.2024).

[7] Чучаев Александр Иванович, Коробеев Александр Иванович уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Часть 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-kitaya-splav-pravovoy-mysli-i-natsionalnoy-spetsifiki-chast-2> (дата обращения: 10.06.2024).

Spisok literary:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended 29.05.2024) (with amendments and additions, entry as of 10.06.2024) /ATP ConsultantPlus

[2] Criminal Code of the People's Republic of China/ed. A. I. Chuchaev, A. I. Korobeev; per. With kit. prof. Huang Daoxiu. 2nd ed. M.: LLC "Law Firm Contract," 2021.

[3] Alexandrov Yu. China's prison system// Vedomosti UIS. 2010. №5 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-sistema-kitaya> (access date: 10.06.2024).

[4] Babenko Alexander Alexandrovich, Tinishv Bulat Nyazirovich Features of the criminal legal system of punishments in the People's Republic of China//Issues of Russian justice. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovno-pravovoy-sistemy-nakazaniy-v-kitayskoy-narodnoy-respublike> (дата обращения: 10.06.2024).

[5] Borsuchenko Svetlana Alekseevna Punishment system under the Criminal Code of the People's Republic of China//Penal Law. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nakazaniy-po-ugolovnomu-kodeksu-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 10.06.2024).

[6] Savin Andrey Alexandrovich, Semenov Sergey Alexandrovich criminal punishment - concept, signs, essence//Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-nakazanie-ponyatie-priznaki-suschnost> (access date: 10.06.2024).

[7] Chuchaev Alexander Ivanovich, Korobeev Alexander Ivanovich the criminal code of China: a fusion of legal thought and national specificity. Part 2//Asia Pacific: Economics, Politics, Law. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-kitaya-splav-pravovoy-mysli-i-natsionalnoy-spetsifiki-chast-2> (дата обращения: 10.06.2024).

JURKOMPANI
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-317-320

NIION: 2021-0079-7/24-590

MOSURED: 77/27-025-2024-7-590

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна,

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Современное общество сложно представить без доступа к информационно-техническим средствам и ресурсам сети «Интернет», посредством которых решается огромное количество вопросов, начиная от распространения актуальной информации до организации бизнес-проектов. На сегодняшний день торговые площадки, научные центры и даже государственные органы используют Интернет-ресурсы как средство распространения полезной информации и привлечения внимания к злободневным проблемам. Однако использование данных информационных площадок сопровождается и возникновением новых угроз, связанных с ростом преступности в области киберпространства. Современное мировое сообщество можно представить в виде единого информационного поля, обусловившего удобство совершения широкого спектра административных правонарушений и преступлений.

Интернет – преступность – это угроза для безопасности национальных интересов и всего мирового сообщества, что объясняется широким охватом аудитории в сети, высокой конфиденциальностью такого рода преступлений, сложностью их расследования и неумением ориентироваться в особенностях современного кризисного информационно-коммуникационного взаимодействия.

Задачей настоящей работы является анализ основных видов киберпреступлений, а также проблем, связанных с противодействием данным видам административных правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: киберпреступления, средства массовой информации, сеть «Интернет», противодействие преступлениям в адрес России, преступления в сети «Интернет», фейки, защита информации, кибератака, киберпреступник.

KARCHAEVA Kamila Avarievna,

Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Law Enforcement Organization
of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Senior police Lieutenant

ENSURING CYBERSECURITY IN THE MODERN WORLD

Annotation. It is difficult to imagine a modern society without access to information technology and Internet resources, through which a huge number of issues are solved, ranging from the dissemination of relevant information to the organization of business projects. Today, trading platforms, research centers and even government agencies use Internet resources as a means of distributing useful information and drawing attention to topical issues. However, the use of these information platforms is accompanied by the emergence of new threats associated with the growth of crime in the field of cyberspace. The modern world community can be represented as a single information field, which has made it convenient to commit a wide range of administrative offenses and crimes.

Internet crime is a threat to the security of national interests and the entire world community, which is explained by the wide coverage of the audience on the Web, the high confidentiality of such crimes, the complexity of their investigation and the inability to navigate the features of modern crisis information and communication interaction.

The objective of this work is to analyze the main types of cybercrimes, as well as problems related to countering these types of administrative offenses and crimes.

Key words: *cybercrimes, mass media, the Internet, countering crimes against Russia, crimes on the Internet, fakes, information protection, cyberattack, cybercriminal.*

История киберпреступности берет свое начало с появления первых ЭВМ и на сегодняшний день имеет уже богатый опыт и широкое распространение.

Сегодня самыми распространенными киберпреступлениями являются следующие: мошенничество с использованием банковских карт, взлом электронных адресов и частных торговых интернет площадок, DDoS-атаки, социальная инженерия, фишинг, кибер-сталкинг, запрещенный/незаконный контент, наборы эксплойтов. Отдельного внимания заслуживают преступления, связанные с вербовкой молодых людей в ряды вооруженных радикальных сообществ, а также незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, который также осуществляется с использованием информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет».

Преступление, совершенное в сети «Интернет», можно определить как общественно опасное деяние, совершенное при помощи современных информационно-технических средств и ресурсов сети «Интернет». Следует отметить, что IT-преступления могут нести угрозу не только отдельным лицам или организациям, а целым государствам и международным интересам. Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растёт пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. [9].

Аналізу актуальных проблем противодействия киберпреступлениям уделяли внимание многие авторы и ученые, среди которых отметим труды З.Л. Шхагапсоева, М.Х. Машекуашевой, Л.А. Геляховой, Е.А. Алиевой, Е.Р. Николаевой, А.П. Суходолова, Р.Г. Кочоян, М.К. Кумышевой, Л.А. Кодзоковой.

Под термином «киберпреступление» мы понимаем весь перечень преступлений в сфере информационных технологий, как преступления объектом которых являются сами компьютеры и их операционная система, так и преступления, в которых компьютеры являются лишь способом или средством совершения преступления.

Разные авторы и ученые дают различные определения термину «киберпреступления». Например, Карпова Д.Н. видит «киберпреступность» не просто как компьютерные преступле-

ния, а как социальную девиацию, осуществляемую при помощи технических средств с доступом в сеть «Интернет». Она считает, что задачи такого рода преступлений в нанесении ущерба государству, удар наносится как по экономической составляющей, так и по идеологическим ценностям гражданина, организации или государства. [6]

Интересна также точка зрения М. Е. Батухтина, который в своих научных изысканиях представляет «киберпреступность» с точки зрения преступной деятельности в электронной системе, которая осуществляется при помощи компьютерных ресурсов либо против них [5].

Мы склонны считать, что киберпреступностью можно назвать любую противоправную деятельность, осуществляемую посредством современных информационно-технических средств, IT-технологий или в виртуальном пространстве. Все киберпреступления можно условно разделить на две категории: насильственные и ненасильственные преступления в области киберпространства. Насильственные характеризуются угрозой применения насильственных действий: киберэкстремизм и кибертерроризм, угроза физической расправы. Ненасильственные, в большей степени, это преступления, преследующие финансово-экономические цели: кибермошенничество, кибершантаж, киберворовство, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, азартные игры в сети «Интернет», отмывание денег с помощью электронного перемещения.

Политические причины представляются нам комплексом мероприятий, направленных на подрыв репутации государства, его стабильности и конституционного строя.

Почти три четверти киберпреступлений (71,1%) совершается путем кражи или мошенничества (371,2 тыс.; -8,6 %), почти каждое восьмое (11,9 %) с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств (62,2тыс.; +20,9 %). 98,7 % всех зарегистрированных киберпреступлений выявлены органами внутренних дел. [10]

Для эффективного противостояния киберпреступности в 21 веке система защиты информационного пространства отдельного гражда-

нина и государства в целом должна быть представлена в виде единой системы, состоящей из физической, правовой, технической и криптографической защиты информации [10]. Речь идет о разработке и внедрении усовершенствованных систем и программного обеспечения, усилении авторизации и аутентификации пользователей, а также о создании криптографических алгоритмов и методов шифрования.

Также необходимым видится внедрение в образовательные программы дисциплины об основах безопасности в сети «Интернет» и правилах этикета в киберпространстве.

Основными задачами кибербезопасности являются совершенствование нормативно-правовой и законодательной базы в области обеспечения кибербезопасности и своевременное пресечение угроз со стороны киберпреступников с целью минимизации ущерба от атак мошенников на информационную среду и пресечения посягательств на информационные ресурсы и персонал на основе нормативно-правовых механизмов.

Безусловно, противодействие интернет-преступности в современном мире (учитывая процессы глобализации) невозможно представить без международного сотрудничества и взаимопомощи.

Состояние внешней политики и проблемы во внутренней жизни общества, среди которых выделим агрессию и санкционную политику ряда государств в адрес нашей страны, ведение специальной военной операции на Украине, деятельность радикальных и запрещенных на территории России организаций, говорят о том, что на территории России будет провоцироваться рост преступности, в том числе и в информационном пространстве [7].

Противодействие киберпреступлениям не будет эффективным без обобщения судебной и следственной практики по пресечению киберпреступлений, а также без разработки единой методики расследования преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-технических средств.

Также рекомендуется постоянный обмен опытом между государствами и международное сотрудничество в направлении блокирования деятельности киберпреступников, так как современные киберпреступления несут угрозу всему мировому сообществу.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция)

[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021)

[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020)

[4] Алиева Е.А. Сеть интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180-182.

[5] Батухтин М. Е. Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2018.

[6] Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. Том. 22. № 8. С. 46-50.

[7] Суходолов А.П., Иванцов С.В., Борисов С.В., Б.А. Спасенников Б.А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 13 -21 <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnyeproblemypreduprezhdeniyaprestupleniyvsfereekonomikisovershaemyhsipolzovanieminformatsionno>

[8] Тропина Т.Л. Киберпреступность. — Владивосток, 2009

[9] Тропина Т.Л., В.А.Номоконов. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология интернет – пространства, 2012 № 1(24)

[10] Урбан В.В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 55-63.

[11] Машекуашева М.Х. О масштабах информационных угроз в современных условиях. Право и управление. 2023. № 11. С. 17-19.

Spisok literatury:

[1] Federal Law “On Information, Information Technology and Information Protection” of 27.07.2006 N 149-FZ (latest edition)

[2] “Code of Administrative Offences of the Russian Federation” dated 30.12.2001 N 195-FZ (rev. dated 04.02.2021)

[3] “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 30.12.2020)

[4] Aliyeva E.A. Internet as a means of committing depraved actions//Gaps in Russian legislation. 2017. № 4. S. 180-182.

[5] Batukhtin M.E. Cybercrimes: causes, types, forms, consequences, directions of counteraction// Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage Materials of the International Scientific Conference of Adjuncts, Graduate Students, Cadets and Students. 2018.

[6] Karpova D.N. Cybercrime: a global problem and its solution//Power. 2014. Volume. 22. № 8. S. 46-50.

[7] Sukhodolov A.P., Ivantsov S.V., Borisov S.V., B.A. Spasennikov B.A. Actual problems of preventing economic crimes committed using information and telecommunication networks. Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation All-Russian

Criminological Journal. 2017. VOL. 11, NO. 1. С. 13-21 <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnyeprob-lemypreduprezhdeniyaprestupleniyvsfereekonomiki-sovershaemyhsipolzovanieminformatsionno>

[8] Tropina T.L. Cybercrime. - Vladivostok, 2009

[9] Tropina T.L., V.A. Nomokonov. Cybercrime as a new criminal threat//Criminology of the Internet space, 2012 No. 1 (24)

[10] Urban V.V. Crimes committed using information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counter them//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (88). S. 55-63.

[11] Mashekuasheva M.Kh. On the scale of information threats in modern conditions. Law and governance. 2023. № 11. S. 17-19.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И КИБЕРЗАЩИТЫ. ВИДЫ ОБЪЕКТОВ ОХРАНЫ

Аннотация. *Анализируя все аспекты кибербезопасности, вопрос объектного состава указанного института на наш взгляд не должен оставаться без внимания. Научная разработка данной проблематики с учетом современной нормативной базы в сфере регулирования кибербезопасности позволит более полно увидеть сферу ее непосредственного действия. Однако, следует заметить, что долгий период становления института и неоднобразие регулирующего законодательства породили много смежных ему явлений, которые также заслуживают особого внимания и определения их «поля» деятельности. А значит, необходим анализ соотношения кибербезопасности и киберзащиты, ведь довольно часто представленные явления воспринимаются как вполне идентичные, что в свою очередь, является грубой ошибкой.*

Ключевые слова: киберзащита, кибербезопасность, объект охраны, информационная безопасность.

AKOLZIN Evgeniy Pavlovich,
teacher of the department of special disciplines
of the Volgodosk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PRIMAKOVA Svetlana Valerievna,
senior lecturer of the department of special disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPTS OF CYBER SECURITY AND CYBER PROTECTION. TYPES OF PROTECTION OBJECTS

Annotation. *Analyzing all aspects of cybersecurity, the issue of the object composition of this institution, in our opinion, should not be ignored. The scientific development of this issue, taking into account the modern regulatory framework in the field of cybersecurity regulation, will allow us to more fully see the scope of its direct action. However, it should be noted that the long period of formation of the institution and the heterogeneity of regulatory legislation gave rise to many related phenomena, which also deserve special attention and definition of their “field” of activity. This means that an analysis of the relationship between cybersecurity and cyber protection is necessary, because quite often the presented phenomena are perceived as completely identical, which in turn is a gross mistake.*

Key words: cyber defense, cyber security, security object, information security.

В настоящем исследовании мы проведем анализ понятий кибербезопасности и киберзащиты, рассмотрим виды объектов, подлежащих киберзащите. Забегая вперед, мы должны подчеркнуть, что кибербезопасность имеет более широкую дефиницию и сущность,

чем киберзащита. С другой стороны, последнее явление характеризуется наличием отдельного объектного состава. Таким образом, последующей разработке, с целью раскрытия особенностей института кибербезопасности, подлежат вопросы, связанные, во-первых, с анализом суц-

ности явления киберзащиты, а также его отличием и соотношением с правовым институтом кибербезопасности, во-вторых, определением объектного состава обеих правовых категорий.

На сегодняшний день термин «киберзащита» не имеет должного отражения как в научной среде, и на уровне законодательства. Большинство ученых отождествляют его с понятием «кибербезопасность», что, по нашему мнению, является крайне неверным суждением. В положениях действующего законодательства термин применяется довольно часто, но в то же время его дефиницию ни в одном официальном документе не представлен. К примеру, в тексте Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ дано определение безопасности критической информационной инфраструктуры, а такие определения как «киберзащита» или «кибербезопасность» не применяются.

В связи с отсутствием нормативно определенной дефиниции понятия киберзащиты, было бы целесообразно начать его анализ, опираясь на лингвистическое его толкование. Указанный термин состоит из двух составляющих — «кибернетический» и «защита». Последняя составляющая, согласно Словарю языка редакцией С.И. Ожегова толкуется как «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности» [1]. Другое составляющее понятие происходит от названия одного из современных научных отраслей – кибернетики. Последняя, представляет собой науку о закономерностях обработки, получения, хранения, обмена информацией в сложных системах управление, несмотря на происхождение последних (техническое, биологическое, социальное и т.д.) [2].

Учитывая лингвистические особенности составляющих элементов понятия «киберзащита», термин можно истолковать как защитные действия, направленные на обеспечение безопасности в сфере получения, обработки, хранения и передачи информации посредством сложных систем управления. Главной проблемой данной трактовки является то, что она не выделяет особенности явления киберзащиты. и, кроме этого, создает путаницу, которая не дает разграничить его с правовым институтом кибербезопасности. Однако в работах ученых термины довольно часто употребляются как синонимы, хотя некоторые ученые имеют несколько иную точку зрения. Как уже было отмечено ранее, данными понятиями описываются различные правовые явления и механизмы. Учитывая, изложенное, можно предположить, что киберзащита является составным элементом кибербезопасности,

поэтому его рассмотрение необходимо проводить через призму особенностей последнего Института.

Рассмотрим для примера обеспечивающий механизм, касающийся всех без исключения правовых явлений и институтов современной правовой системы. На сегодняшний день система политических мер обеспечения представляет собой политику государства в определенной сфере, в нашем случае – в области кибербезопасности. В современных условиях политическая поддержка института должна быть направлена на: обеспечение информационного суверенитета в киберпространстве; создание надежной защиты национального сегмента киберпространства; укрепление обороноспособности государства в киберпространстве; борьбу с киберпреступностью и кибертерроризмом; недопущение и предотвращение вмешательства во внутренние дела государства и прекращение посягательств на его Интернет-ресурсы со стороны других государств и т.п.

Следует отметить особенности других мер, входящих в систему киберзащиты, ведь с их помощью также можно изучить его специфику. К примеру, оперативные мероприятия в большинстве случаев являются прерогативой правоохранительных органов. Их главная особенность – это быстротечность применения и высокая эффективность. Как правило, такие меры используются для предупреждения киберправонарушений в конкретных ситуациях, то есть они носят превентивный характер. В этом контексте следует отметить точку зрения большинства иностранных ученых, считающих, что предупреждение киберправонарушений (в частности, преступлений) проще и легче, чем последующее рассмотрение вопроса по факту их совершения.

Итак, подытоживая вышеприведенное, мы можем утверждать: под понятием киберзащиты следует понимать систему (механизм) средств разного характера, посредством которых осуществляется поддержка и обеспечение института кибербезопасности. Киберзащита осуществляется с помощью использование достаточно широкого круга правовых инструментов, порядок использования которых урегулирован нормами многих законодательных и подзаконных нормативно правовых актов. Разграничение кибербезопасности и киберзащита является принципиально важным вопросом, ведь оно напрямую связано с процессом их реализации, который при неправильном подходе может нанести вред охраняемым законом интересам и правам людей, осуществляющих различные операции с информацией в киберпространстве.

Проведение границы между сущностью института кибербезопасности и механизмом

киберзащиты также имеет большое значение для освещения их объектного состава, который, между прочим, крайне разный. Неодинаковая природа и целевое назначение двух представленных явлений доказывают то, что они имеют разные объекты правового действия. Правовой объект в общем виде можно рассматривать как объект той или другой правовой отрасли или объект правоотношений определенного типа. Объект отрасли представляет собой совокупность общественных отношений, в сфере которых между отдельными субъектами возникают соответствующие права и обязанности. В рамках нашего исследования такое определение можно использовать для выделения объектного состава кибербезопасности, являющейся правовым институтом, предмет влияния которого является достаточно широким.

Несколько иное теоретическое выражение имеют объекты киберзащиты. Их следует представить как составной элемент возникающих в процессе правоотношений реализации вышеприведенных мер с целью обеспечения кибербезопасности. Мы можем классифицировать блага, ради которых люди вступают во взаимоотношения юридического характера, на две группы: материальные объекты и нематериальные объекты.

К первой группе относятся все без исключения вещи, движимое и недвижимое имущество, денежные ценности, а также имущественные права. К нематериальным относятся: нематериальные объекты правоотношений, связанные с материальными объектами (информация - материальный носитель информации; результаты интеллектуальной творческой деятельности - книга, промышленный образец); нематериальные объекты правоотношений, не связанные с материальными объектами (здоровье, жизнь, честь, достоинство); поведение субъектов правоотношений; результаты поведения субъектов; охраняемый законом интерес субъекта и т.д. Иными словами объектный состав кибербезопасности составляют общественные отношения по поводу использования киберпространства, а также организации безопасного поиска, обработки и передачи информации в данной сфере. В свою очередь, объектами механизма киберзащиты выступают материальные и нематериальные блага, на которые направлено действие мер обеспечения кибербезопасности, входящих в состав этого механизма.

Таким образом, киберзащита, как мы определили, распространяет свое действие не на отдельные группы правоотношений, а на определенные материальные и нематериальные блага. Объекты же кибербезопасности по сравнению с киберзащитой более широкие и самостоятель-

ные. Приведем несколько примеров объектов кибербезопасности. На наш взгляд к ним относятся информационно-телекоммуникационные системы, в которых осуществляется обработка охраняемой законодательством информации, то есть таких сведений, которые не предназначены для общего использования. Из положений действующего законодательства можно выделить несколько видов схожей информации. Одной из наиболее важных является государственная тайна, то есть тайная информация, охватывающая сведения в сфере обороны, экономики, науки и техники, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, разглашение которых может нанести вред национальной безопасности и которые признаны государственной тайной и подлежат охране государством. В данном случае искусственное нарушение работы информационно-телекоммуникационных систем, в которых содержатся подобные сведения, может нанести весомый вред не только частным, но и государственным интересам в соответствующих сферах деятельности.

Кроме государственной тайны, в киберпространстве также обрабатывается другая охраняемая законом информация, в частности: информация, находящаяся во владении средства массовой информации или журналиста и предоставленная им при условии неразглашения авторства или источника информации; сведения, которые могут составлять врачебную тайну; сведения, которые могут составлять тайну совершения нотариальных действий; конфиденциальная информация, в том числе содержащая коммерческую тайну; сведения, которые могут составлять банковскую тайну; личная переписка личности и другие записи личного характера; информация, которая находится у операторов и провайдеров телекоммуникаций, о связи, абонента, предоставление телекоммуникационных услуг, в том числе получение услуг, их продолжительность, содержание, маршруты передачи, тому подобное; персональные данные лица, находящиеся в его личном владении или в базе персональных данных, которая находится у владельца персональных данных.

Разглашение или похищение вышеприведенных сведений во время кибератаки или нарушение работы информационно-телекоммуникационных систем иным образом, конечно, не будет иметь такого ущерба, как в случае с государственной тайной. Однако вся информация, согласно которой существует законодательная требование по охране, автоматически становится объектом киберзащиты в тех случаях, когда ее обработка осуществляется с использованием компьютерных технологий.

Следовательно, кибербезопасность является сложным правовым явлением, в рамках которого действует механизм киберзащиты, представляющий собой систему мер организационной, нормативно-правового, военного, оперативного, технического и другого характера, целью которых является обеспечение вышеприведенного института. Объектами кибербезопасности выступают отношения правового характера, возникающие в сфере обмена и обработки информации в киберпространстве, а также отношения, связанные с развитием этого правового института, в частности, правоотношения с развития информационной структуры государства и т.д. Объектный состав киберзащиты составляют материальные блага, информационные системы, посредством которых осуществляется обработка и передача информации в киберпространстве, а именно: информационно-телекоммуникационные системы, в которых обрабатывается информация с ограниченным доступом, объекты критической инфраструктуры, информационно-телекоммуникационные системы, в которых осуществляется обработка государственных информационных ресурсов. Обеспечение охраны объектов кибербезопасности является стратегически важным вопросом для современного состояния национальной безопасности, при этом охрана объектов - киберзащита имеет тактическое значение.

Список литературы:

- [1] Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. Интернет ресурс <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/67618> (Дата обращения 11.07.2024).
- [2] Большой энциклопедический словарь (БЭС). Интернет ресурс <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (Дата обращения 11.07.2024)
- [3] Борисенко, А. В. Понятие кибербезопасности. Кибербезопасность государственных органов / А. В. Борисенко // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и

кредитных систем: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Белгород, 15 сентября 2022 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 297-299.

[4] Родионова, В. М. Развитие кибербезопасности в эпоху цифровизации: образование в области кибербезопасности для эффективной защиты / В. М. Родионова // Наука и образование в современных условиях: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 13 декабря 2023 года. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2023. – С. 41-48.

Spisok literatury:

- [1] Ozhegov's explanatory dictionary. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949-1992. Internet resource <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/67618> (Date of access: 07/11/2024).
- [2] Large Encyclopedic Dictionary (BED). Internet resource <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (Date of access: 07/11/2024)
- [3] Borisenko, A. V. The concept of cybersecurity. Cybersecurity of government bodies / A. V. Borisenko // Current problems of development of economic, financial and credit systems: collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference, Belgorod, September 15, 2022. – Belgorod: Belgorod State National Research University, 2022. – P. 297-299.
- [4] Rodionova, V. M. Development of cybersecurity in the era of digitalization: education in the field of cybersecurity for effective protection / V. M. Rodionova // Science and education in modern conditions: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Neftekamsk, December 13 2023. – Neftekamsk: Scientific Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2023. – P. 41-48.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация. Киберпреступность является примером одного из самых быстро развивающихся видов транснациональной преступности. Целью данного исследования является изучение феномена «киберпреступность» как проблема транснационального правонарушения, а также мер профилактики и способов борьбы с массовыми коммуникациями противоправного содержания. Феномен «киберпреступность» охватывает широкий спектр правонарушений – включая преступления против негласности, приватности, полноты, открытости данных и информационных систем. Ввиду глобального и уникального характера киберпреступлений, несогласованность систем уголовного правосудия является основным препятствием в репрессиях против подобных правонарушений. Международно-правовые меры играют важную роль в предотвращении и борьбе с киберпреступностью.

Международное сообщество прекрасно осознает, что гармонизация законов и содействие международному сотрудничеству имеют важное значение для достижения глобальной кибербезопасности. До сих пор не удалось завершить разработку универсального комплексного кодекса, бороться с киберпреступностью, главным образом из-за различий между странами в подходах к таким преступлениям. Формы международного сотрудничества сегодня включают экстрадицию, взаимно-правовую помощь, паритетное признание иностранных судебных решений и неформальное сотрудничество между полицией. Киберпространство имеет огромный потенциал для использования государствами-членами в качестве платформы для дальнейшего обсуждения нерешенных проблем, которые мешают созданию эффективных механизмов сотрудничества.

Таким образом, существующие расхождения в сфере положений о мировом сотрудничестве, отсутствие обязательств по времени реагирования, отсутствие соглашения по разрешенному прямому доступу к экстерриториальным данным, многочисленные неформальные правоохранительные сети и различия в гарантиях сотрудничества между странами представляют собой серьезные проблемы для эффективного международного сотрудничества в сфере киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпреступление, информационно-коммуникационные технологии, кибербезопасность, глобализация, технический прогресс.

URUSOVA Laura Khabalovna,
senior lecturer, of the State, Civil and Law disciplines
Department candidate of pedagogical sciences North-Caucasian
Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

COUNTERING THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES FOR CRIMINAL PURPOSES

Annotation. Cybercrime is an example of one of the fastest growing types of transnational crime. The purpose of this study is to study the phenomenon of «cybercrime» as a problem of transnational crime, as well as preventive measures and ways to combat mass communications with illegal content. The phenomenon of «cybercrime» covers a wide range of offenses - including crimes against secrecy, privacy, completeness, openness of data and information systems. Due to the global and unique nature of cybercrime, incoherent criminal justice systems are a major obstacle in cracking down on such offenses. International legal measures play an important role in preventing and combating cybercrime.

The international community is well aware that harmonizing laws and promoting international cooperation are essential to achieving global cybersecurity. Until now, it has not been possible to complete the development of a universal comprehensive code to combat cybercrime, mainly due to differences between countries in approaches to such crimes. Forms of international cooperation today include extradition, mutual legal assistance, parity recognition of foreign judgments and informal police cooperation. Cyberspace has enormous potential for member states to use as a platform to further discuss outstanding issues that hinder the creation of effective cooperation mechanisms.

Thus, existing divergences in global cooperation provisions, lack of response time commitments, lack of agreement on permitted direct access to extraterritorial data, numerous informal law enforcement networks, and differences in cooperation guarantees between countries pose significant challenges to effective international cooperation in the field of cybercrime.

Key words: *cybercrime, information and communication technologies, cybersecurity, globalization, technological progress.*

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная информатизация современности коснулась всех областей социума. Не требуется особых технических знаний, чтобы оценить масштаб влияния цифровых технологий на современное общество. Киберпреступность является примером одного из самых быстро развивающихся видов транснациональной преступности. Однако средства, доступные для расследования и судебного преследования киберпреступлений в основном носят национальный характер. Целью данного исследования является изучение феномена «киберпреступность» как проблема транснационального правонарушения, а также мер профилактики и способов борьбы с массовыми коммуникациями противоправного содержания.

ФЕНОМЕН «КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ»

Киберпреступления создают целый ряд проблем для традиционного уголовного права и системы уголовного правосудия в целом. Прежде всего, сам феномен «киберпреступность» охватывает широкий спектр правонарушений – включая преступления против негласности, приватности, полноты, открытости данных и информационных систем. К ряду подобных преступлений относятся преступления, связанные с компьютером, преступления, связанные с контентом (например, педофилия, порнография, действия расистского и ксенофобского характера, правонарушения, связанные с нарушением авторских прав и т.п.) [1, с.80].

Вторая проблема заключается в том, что информационные и коммуникационные технологии (далее ИКТ) сложны и часто незнакомы традиционному миру уголовного правосудия. Расследование преступлений, связанных с подобными правонарушениями, требуют хорошо обученного персонала на этапе расследования, во время судебного преследования и в судах. Технологические и компьютерные знания несколько чужды правоохранительным органам и правовой культуре [2, с.170].

Третья основная проблема, связанная с киберпреступлениями, касается вопросов суверенитета, поскольку они происходят в виртуальном мире. Ввиду глобального и уникального характера киберпреступлений, несогласованность систем уголовного правосудия является основным препятствием в репрессиях против подобных правонарушений.

По сравнению с обычными преступлениями законы, касающиеся киберпреступлений, должны содержать более продвинутое следственные меры, правила, связанные с юрисдикцией, и правила, касающиеся электронных доказательств, а также, потребности в международном сотрудничестве. Транснациональное измерение правонарушения в области киберпреступности возникает в том случае, когда способ или последствие правонарушения расположено на территории одного государства, что может препятствовать судопроизводству другого государства [3, с.153].

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТРУКТУРА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Распространение транснациональной киберпреступности усугубляется отсутствием эффективной глобальной нормы и механизма сотрудничества для преследования и наказания преступников. Выражая подобную обеспокоенность международного сообщества, Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд положений, согласно которым игнорирование мер профилактики и способов борьбы с массовыми коммуникациями противоправного содержания может грозить дестабилизацией всех государств без исключения.

Всемирная интернет-конференция, проведенная в Китае, с ее масштабом участия и актуальностью обсуждаемых тем, является одним из самых влиятельных и ожидаемых ежегодных событий в киберпространстве. Четвертая конференция состоялась в 2017 году в Учжене и была посвящена теме: «Развитие цифровой экономики для открытости и общей выгоды — построение сообщества общего будущего в киберпространстве».

стве». На форуме обсуждались пути и средства дальнейшего международного сотрудничества в целях эффективной борьбы с киберпреступлениями, поскольку кибербезопасность является важной предпосылкой для полной реализации потенциала глобальной цифровой экономики, основанной на справедливом и прозрачном совместном использовании ресурсов.

Международно-правовые меры играют важную роль в предотвращении и борьбе с киберпреступностью [4, с.131]. Таким образом, в последние годы наблюдаются выраженные сдвиги в мерах и способах борьбы с проявлениями киберпреступности. К ним относятся ряд инструментов – в частности, Совет Европы Конвенции, Соглашение Шанхайской организации сотрудничества и Лига арабских государств. Конвенция – это прямо выраженное соглашение, целью которого является создание юридических обязательств между Государствами-участниками. Также важно отметить, что между этими инструментами произошел значительный взаимный синергизм. Таким образом, очевидно, что региональные инструменты доминируют в существующем режиме международного права, касающегося киберпреступления.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

В середине 1990-х годов Интернет распространился по всему миру, Совет Европы стал первой межправительственной договорной организацией по борьбе с киберпреступлениями, особенно с нарушениями об авторских правах, компьютерном мошенничестве, детской порнографии и нарушениях сетевой безопасности. В 1996 году Совет Европы начал работу над проектом конвенции, которая касалась не только уголовных преступлений, вопросы материального права, но также и уголовно-процессуальные вопросы, а также международные уголовно-правовые процедуры и соглашения. После четырех лет переговоров Будапештская Конвенция о киберпреступлениях была завершена в 2001 году и вступила в силу в 2004 году. Конвенция не только способствовала сближению, последовательности и совместимости законодательства о киберпреступности между различными инфраструктурными странами, но и направляла развивающиеся страны к передовому опыту в создании собственного законодательства в борьбе с киберпреступностью. Конвенция получила широкое признание как решающий документ, отражающий передовую международную практику. Сама модель законодательства и попытки разработать новый международный документ по киберпреступности фактически опирались на принципы, изложенные в настоящей Конвенции. Примечательно, что такие государства, как Египет, Ниге-

рия и Пакистан использовали Конвенцию в качестве модели и подготовили части своих проектов законодательства в соответствии с ней без формального присоединения. Конвенция о киберпреступности за ним последовал Первый дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности вступил в силу в 2006 году. Государства, ратифицировавшие Дополнительный протокол, обязаны ввести уголовную ответственность за распространение расистских и ксенофобских материалов через киберпространство.

Некоторые государства продолжают поддерживать переговоры по всеобъемлющей Международной конвенции, а другие предостерегают от дублирования усилий, создавая нечто похожее на Будапештскую Конвенцию. Такие различия действительно требуют более широких дискуссий по вопросам киберпреступности между странами во всем мире [5, с.188].

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В 2001 году была создана Евразийская организация безопасности - Шанхайская организация сотрудничества (далее ШОС), изначально состоявшая из шести государств-членов (Китай, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан), с целью политического, военного и экономического сотрудничества. Особое внимание ШОС уделялось борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом. Статус наблюдателя имели Индия, Пакистан, Монголия и Иран, а Беларусь и Шри-Ланка — были двумя партнерами по диалогу в рамках ШОС. Индия и Пакистан были официально признаны новыми членами организации 8 сентября 2017 г.

Международная информационная безопасность занимает видное место в повестке дня ШОС. Участники всерьез обеспокоены угрозами, исходящими от киберпространства. Соглашение ШОС в области международной информационной безопасности подчеркнуло «цифровой разрыв» между государствами. Это было сделано из-за растущего страха, что вероятность участия развивающихся стран в международном сотрудничестве в области информационных технологий сокращалась [6, с.735]. ШОС считает важным не допустить, чтобы народы использовали свои технологии для нарушения экономической, социальной и политической стабильности и безопасности других суверенных государств. Западные страны, с другой стороны, в целом утверждают, что подобный государственный контроль может серьезно ограничить свободу киберпространства.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Международный кодекс поведения в киберпространстве (далее Кодекс) был представлен на

рассмотрении Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2011 года государствами-членами ШОС.

Проект был направлен на определение прав и обязанностей государств в информационном пространстве, а именно:

- соблюдать Устав ООН, подчеркивая уважение суверенитета и
- территориальной целостности;
- не использовать ИКТ для враждебной деятельности и агрессии и не распространять информацию об оружии или связанных с ним технологии;
- сотрудничать в борьбе с преступной и террористической деятельностью с использованием ИКТ;
- способствовать созданию демократического и многостороннего управления Интернетом;
- пропагандировать «важную роль ООН в формулировании международных норм.

Международный кодекс поведения в области информационной безопасности призван стать открытым и устойчивым процессом достижения международного консенсуса. Кодекс стремится к тому, чтобы правительства должны играть важную роль в области информационной и кибербезопасности. На национальном уровне, правительства должны руководить всеми заинтересованными сторонами, включая частный сектор, в решении вызовов безопасности и укрепления законодательства и наращивания институционального потенциала. На международном уровне государства должны осуществлять эффективное сотрудничество в предотвращении киберпреступности, защищая критическую информационную инфраструктуру, а также поддерживая стабильность и безопасность функционирования информационных и коммуникационных систем.

АРАБСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Инструмент Лиги арабских государств – Арабская конвенция о борьбе с информационными преступлениями в сфере технологий была принята в 2010 году с целью расширения сотрудничества между арабскими странами «для борьбы с преступлениями в области информационных технологий, угрожающими их безопасности, интересам и безопасности своих сообществ» и предоставление сторонам возможности «принять общую уголовную политику, направленную на защиту арабского общества от преступлений, связанных с информационными технологиями». Арабская конвенция подписана 18 арабскими странами, включая все шесть членов Совета сотрудничества стран Персидского залива.

Однако, говоря о предотвращении киберпреступности в Совете сотрудничества стран Персидского залива, аналитики полагают, что сотрудничество внутри стран Персидского залива по борьбе с киберпреступностью в той или иной степени опирается на двусторонние отношения и неформальные каналы, такие как сотрудничество с полицией или между ведомствами. Хотя эти механизмы полезны, их недостаточно для эффективного режима: они налагают ограничения на следственные действия, не имеют единого подхода и вынуждены действовать в рамках нескольких правоохранительных сетей. Неформальные механизмы обычно служат предшественником официальных запросов на заключение договоров о взаимной правовой помощи, которые облегчают взаимобмен информацией между странами.

ВЫВОДЫ

Несмотря на почти всеобщую поддержку международных действий по борьбе с киберпреступностью, в настоящее время не существует универсального глобального соглашения по борьбе с киберпреступностью. Международное сообщество прекрасно осознает, что гармонизация законов и содействие международному сотрудничеству имеют важное значение для достижения глобальной кибербезопасности. До сих пор не удалось завершить разработку универсального комплексного кодекса, бороться с киберпреступностью, главным образом из-за различий между странами в подходах к таким преступлениям. Формы международного сотрудничества сегодня включают экстрадицию, взаимно-правовую помощь, паритетное признание иностранных судебных решений и неформальное сотрудничество между полицией.

Однако из-за нестабильного характера электронных доказательств международное сотрудничество в области уголовных преступлений в области киберпреступности требует своевременного реагирования и возможности запрашивать специализированные следственные действия, такие как сохранение компьютерных данных.

Механизм, посредством которого может быть достигнута такая гармонизация, остается спорным. По мере развития технологий и наши меры реагирования должны будут развиваться и меняться. Вместо того, чтобы сосредоточиться на различиях как препятствии на пути к гармонизации, основное внимание должно быть сосредоточено на том, как эти различия могут быть решены в работе над достижением общей цели эффективного международного сотрудничества против глобального вызова [7, с.28].

Каждая страна должна будет определить, что она считает необходимым для эффективной

борьбы с киберпреступностью, учитывая национальные, региональные и международные стандарты при принятии законов, которые наилучшим образом соответствуют национальным условиям. Тем не менее, глобальное соглашение обеспечит решающий шаблон, по которому можно оценивать такие усилия, обеспечивая международно-признанную основу для гармонизации законов о киберпреступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следовательно, существующие расхождения в сфере положений о мировом сотрудничестве, отсутствие обязательств по времени реагирования, отсутствие соглашения по разрешенному прямому доступу к экстерриториальным данным, многочисленные неформальные правоохранительные сети и различия в гарантиях сотрудничества между странами представляют собой серьезные проблемы для эффективного международного сотрудничества в сфере киберпреступлений. Киберпространство имеет огромный потенциал для использования государствами-членами в качестве платформы для дальнейшего обсуждения нерешенных проблем, которые мешают созданию эффективных механизмов сотрудничества.

Список литературы:

[1] Архипов, В. В. Интернет-право: учебник и практикум для вузов / В. В. Архипов. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 249 с.

[2] Богомолов, А. И. Противодействие компьютерной преступности: законодательство, практика / А. И. Богомолов // Молодой ученый. — 2024. — № 2 (501). — С. 170-172. — URL: <https://moluch.ru/archive/501/110048/> (дата обращения: 19.04.2024).

[3] Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.

[4] Доррин Ф. Причины и последствия террористических актов// Закон и право. – Кэмбридж. Том 12. № 3. С. 124-131.

[5] Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.

[6] Урусова Л.Х. Статистика по терроризму: вызов измерительных тенденций в глобальном терроризме//В сборнике: Современные научные исследования в сфере педагогики и психологии Сборник результатов научных исследований. Киров, 2018. С. 730-736.

[7] Полуянов, С.А. Некоторые вопросы выявления и пресечения сбыта наркотиков бесконтактным способом с использованием сети Интернет // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе: сборник международного научно-практического семинара (2-3 апреля 2020 г.) - Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. - С. 26-30.

Spisok literatury:

[1] Arkhipov, V.V. Internet law: textbook and workshop for universities / V.V. Arkhipov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. – 249 p.

[2] Bogomolov, A. I. Countering computer crime: legislation, practice / A. I. Bogomolov // Young scientist. - 2024. - No. 2 (501). — P. 170-172. — URL: <https://moluch.ru/archive/501/110048/> (date of access: 04/19/2024).

[3] Activities of internal affairs bodies to combat crimes committed using information, communication and high technologies: textbook: 2 hours / [A. V. Anosov and others]. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – Part 1. – 208 p.

[4] Dorrin F. Causes and consequences of terrorist acts // Law and law. - Cambridge. Volume 12. No. 3. pp. 124-131.

[5] Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. Digital criminology: textbook. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 244 p.

[6] Urusova L.Kh. Statistics on terrorism: challenging measurement trends in global terrorism//In the collection: Modern scientific research in the field of pedagogy and psychology Collection of scientific research results. Kirov, 2018. pp. 730-736.

[7] Poluyanov, S.A. Some issues of identifying and suppressing the sale of drugs in a non-contact manner using the Internet // Current problems of countering drug trafficking at the present stage: collection of an international scientific and practical seminar (April 2-3, 2020) - Krasnoyarsk: SibYul Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - P. 26-30.

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-330-334
NIION: 2021-0079-7/24-593
MOSURED: 77/27-025-2024-7-593

БАГИРОВ Заур Русланович,
Старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: bagirov07.05@gmail.com

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Информатизация и цифровизация затрагивают многие сферы жизнедеятельности современного человека в связи с чем в различных направлениях его функционирования наблюдается постепенная переориентация на ведущую роль соответствующих технологий. Экономическая деятельность, совершенствованию которой уделяется пристальное внимание со стороны практически всех государств, также не является исключением и в ней активно внедряются новейшие достижения информационно-технологической науки и техники. Целью представленного исследования является анализ перспектив гармонизации российского законодательства в сфере экономической деятельности в условиях цифровизации. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что гармонизацию российского законодательства в сфере экономической деятельности в условиях цифровизации необходимо проводить на основе комплексного подхода к экономической деятельности в Российской Федерации. Акцентируется внимание на отдельных наиболее перспективных направлениях совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: экономическая деятельность, правовое регулирование, цифровизация, гармонизация законодательства, регуляторное воздействие.

BAGIROV Zaur Ruslanovich,
Senior lecturer of the Department
of Fire Training North Caucasus Institute of Advanced Training
(branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF HARMONIZATION OF RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. Informatization and digitalization affect many areas of modern human life, and therefore, in various areas of its functioning, there is a gradual reorientation to the leading role of appropriate technologies. Economic activity, the improvement of which is paid close attention by almost all states, is also no exception and the latest achievements of information science and technology are actively being introduced in it. The purpose of the presented research is to analyze the prospects for harmonization of Russian legislation in the field of economic activity in the context of digitalization. Based on the analysis, it is concluded that the harmonization of Russian legislation in the field of economic activity in the context of digitalization should be carried out on the basis of an integrated approach to economic activity in the Russian Federation. Attention is focused on some of the most promising areas of de improvement

Key words: economic activity, legal regulation, digitalization, harmonization of legislation, regulatory impact.

Введение. Несмотря на то, что экономическая деятельность является важным составляющим элементом развития любого государства, в настоящее время ни в зарубежных странах, ни в

Российской Федерации не выработано единого подхода к регламентации указанной деятельности. С одной стороны, данная тенденция объективно обусловлена разнообразием форм и методов осуществления экономической деятельности в современном мире, а также множество возможных вариантов субъектных составов в зависимости от степени развитости конкретной экономики. Однако на практике, всестороннее правовое регулирование имеет существенное значение для повышения эффективности реализации нормативных положений, предусматривающих особенности поведения субъектов экономической деятельности.

Современная экономическая деятельность в России существенно трансформируется путем активного внедрения различных информационных и цифровых технологий. Данный процесс выступает весьма закономерным итогом технического и информационного прогресса, в связи с чем в настоящее время актуальным является не просто оценка перспектив отдельных технологий, а уже достаточно давно речь идет о цифровой экономике в целом, которая непосредственно ориентирована на совершенно иные методы экономической деятельности, нежели это предусматривалось традиционными подходами к экономическому развитию страны.

Несмотря на дрящущийся характер процессов информатизации и цифровизации, российское законодательство до сих пор характеризуется фрагментарным правовым регулированием отдельных наиболее значимых аспектов указанных способов повышения эффективности экономической деятельности. При этом, правовая регламентация самой экономической деятельности также не отличается полнотой и толкование нормативных положений в указанной сфере существенно осложняется их точечным появлением в актах различных отраслей права.

Основная часть. В настоящее время для российской правовой системы актуальна тенденция опережающего развития цифровых технологий и экспериментальных использований их в различных областях экономической деятельности, в том числе без соответствующих правовых основ или посредством фрагментарного правового регулирования отдельных аспектов цифровизации. Данная тенденция, с одной стороны, представляется весьма оправданной, так как до момента выяснения конкретных форм и способов использования тех или иных цифровых технологий в экономической деятельности не представляется целесообразным вносить соответствующие изменения в российское законодательство, но, с другой стороны, до момента более или менее полноценной регламентации отдельных

цифровых технологий может пройти достаточно много времени, на протяжении которого отсутствие четких законодательных рамок может снизить эффективность применяемых в конкретных условиях технологий или может использоваться не весь их потенциал.

Перевод экономических отношений в цифровую среду не позволяет в полной мере применять нормы классических правовых конструкций к новым отношениям (в особенности касающимся различных видов информационных ресурсов, процессов сбора информации и условий доступа к ней, электронного документооборота). Классические правовые конструкции не способны учесть всех нюансов использования вышеназванных технологий, в том числе в контексте их динамичного развития и совершенствования цифровых подходов к экономической деятельности. В данном контексте возникает острая необходимость постоянного совершенствования правовых конструкций, для чего необходим регулярный мониторинг эффективности используемых цифровых технологий.

При этом, цифровые правоотношения, развивающиеся в процессе экономической деятельности, обладают определенной спецификой, которая во многом связана с их объектом, субъектным составом. Помимо этого, серьезное влияние на цифровые правоотношения оказывают специфические условия их возникновения, изменения и прекращения. Субъектный состав отличается качественным своеобразием, так как затрагивают интересы различных субъектов права. В данном контексте также следует отметить необходимость на законодательном уровне четко определять практически вопросы взаимодействия субъектов экономической деятельности, а также пределов вмешательства органов государственной власти в анализируемый процесс. Отсутствие выработанных подходов к регламентации отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики, не позволяет принимать системные правовые решения. Как следствие, возникают проблемы правоприменения и несогласованности нормативных предписаний.

Характеризуя действующее российское законодательство, предусматривающее нормативные положения об особенностях организации и осуществления экономической деятельности в условиях цифровизации, следует признать его не соответствующим современному состоянию общественных отношений в цифровой сфере. Так, весьма дискуссионными представляются действующие механизмы идентификации в цифровой среде, а именно – особенности получения и использования электронной подписи в России.

Судебная и следственная практика демонстрирует уязвимость правовых режимов отдельных видов тайн и других государственных информационных ресурсов. В данном контексте следует отметить острую необходимость существенного совершенствования правового режима персональных данных.

Учитывая подход российского законодателя в части регламентации нормативных положений, посвященных использованию цифровых технологий в экономической деятельности, в различных отраслях права, следует учитывать, что на их правоприменение влияет отраслевая специфика, что также подчеркивает актуальность комплексного регулирования анализируемых вопросов с целью предотвращения проблем.

Если говорить о конкретных вариантах совершенствования законодательства о цифровых технологиях в экономической деятельности следует отметить, что в правовой литературе высказываются разные мнения по этому поводу. Одни правоведы отмечают необходимость систематизации существующих норм и кодификации соответствующих законодательных требований [3, с. 30]. Данное предложение представляется не целесообразным, так как в указанном случае произойдет исключение отраслевых особенностей реализации отдельных правил поведения субъектов правоотношений в сфере использования цифровых технологий. При этом, если комплексно регламентировать именно цифровые аспекты – не всегда получится учесть динамичность развития экономических отношений.

В рамках данного исследования представляется необходимым сконцентрировать внимание на необходимости гармонизации российского законодательства в сфере экономической деятельности в условиях цифровизации, но основной уклон в данной регламентации должен быть именно в части комплексного подхода к экономической деятельности в Российской Федерации. Многие нюансы экономической деятельности затрагиваются нормативными актами о предпринимательской деятельности, но более подробное и фрагментарное регулирование вопросов предпринимательства умышленно сужает подход к экономической деятельности [2, с. 377].

Первостепенным для гармонизации анализируемого законодательства представляется теоретико-правовая разработка базовых категорий в данной сфере, например, таких как «экономическая деятельность». Помимо этого, острую необходимость приобретает закрепление на законодательном уровне таких понятие как «цифровые технологии в экономической деятельности» и «цифровая экономика». Если продолжать

рассматривать вышеназванные категории лишь через призму информационной науки, возникает множество вопросов правомерности применения отдельных технологий непосредственно в экономической сфере, например, в контексте запрета монополизации секторов экономики, которая в настоящее время фактически встречается на практике, так как субъекты экономической деятельности, внедрившие и развивающие цифровые технологии, оказываются на совершенно ином уровне профессиональной деятельности.

В рамках представленного исследования также видится необходимым акцентировать внимание на значимом критерии – соотносимости частных и публичных интересов в процессе использования цифровых технологий в экономической деятельности. Современная практика, особенно в части регулирования экономических отношений в кризисное время, демонстрирует акцентирование внимание на публичных или на частных интересах в зависимости от их уязвимости в конкретный момент. Однако подобная ситуация на законодательном уровне представляется недопустимой, так как в целом негативно влияет на развитие экономической деятельности в государстве. Сознательное ограничение экономической деятельности частных субъектов может привести к необратимым процессам, которые невозможно восстановить за счет лишь публичных интересов в анализируемой сфере.

Развитие информационного и цифрового общества, а также становление соответствующего уклада экономики в вышеназванных условиях технического прогресса обуславливает не только необходимость определенного сближения национальных рынков, но и первостепенным представляется существенное изменений базовых принципов коммуникации субъектов экономической деятельности, что в свою очередь в той или иной степени требует ориентации их действий в рамках гражданских правоотношений совершенно на иные условия товарооборота.

В данном контексте в качестве приоритетного направления следует выделить развитие цифровой торговли, которая в настоящее время активно используется в жизни современного человека, совершающего постоянно продажи и покупки посредством сети «Интернет» или специальных приложений для мобильных телефонов. Учитывая существенные отличия указанной новой модели взаимодействия субъектов экономической деятельности с появлением в вышеназванных правоотношениях цифровых технологий, актуальным для современного российского законодательства является закрепление механизмов обеспечения баланса прав и законных интересов

участников торговой деятельности, а также обеспечения единообразия правил продажи товаров во всех видах торговой деятельности, недискриминации в режимах онлайн- и офлайн-продаж.

Несмотря на то, что гражданско-правовые отношения в данном контексте особенно нуждаются в подробной регламентации в сложившихся новых цифровых условиях экономической деятельности важно отметить, что в Российской Федерации до сих пор существует множество пробелов регулирования действий частных и публичных лиц в сети «Интернет». Если говорить точнее, то следует отметить прогрессивность административного и уголовного законодательства, в рамках которых постоянно совершенствуется институт ответственности за противоправное поведение в указанной сфере. Однако к настоящему моменту по-прежнему не создано единого правового подхода к отношениям, которые возникают, изменяются и развиваются в сети «Интернет».

Учитывая особенности цифровой торговли следует акцентировать внимание на необходимость разработки гибких подходов к регулированию указанного направления экономической деятельности. В данном контексте также следует отметить существенные перспективы масштабного использования опыта работы платформ с целью эффективного развития российского законодательства с учетом регуляторного потенциала платформ как весьма специфического инструмента, который может применяться как на моменте организации, так и выступает весьма результативным при контрольной деятельности участников рынка [1, с. 156].

В правовой литературе иногда высказывается мнение о том, что в настоящее время существует необходимость закрепления новых правил и видов гражданско-правовых договоров в сфере цифровой торговли [4, с. 1142]. На основе проведенного исследования данное предложение видится неоправданным, так как максимум, что может и требует уточнения, так это конкретизация разрешения вопроса в отношении определения юридического адреса и места нахождения юридического лица в случае, если оно занимается цифровой торговлей. В контексте развития электронного документооборота представляется необходимым ориентировать идентификацию указанных субъектов экономической деятельности по адресу электронной почты на едином портале государственных услуг.

На основе исследования регуляторной политики в сфере экономической деятельности для развития цифровой экономики представляется необходимым выделить в качестве наиболее перспективных следующие направления:

- закрепление механизмов обеспечения баланса прав и законных интересов участников торговой деятельности в условиях применения цифровых технологий;
- разработка гибких подходов к регулированию цифровой торговли;
- уточнение отдельных аспектов реализации требований гражданского законодательства в условиях внедрения цифровых технологий;
- совершенствование законодательства об интеллектуальной собственности с учетом рисков и угроз неправомерного поведения в рамках использования цифровых технологий;
- разработка специальных режимов и правил использования искусственного интеллекта;
- совершенствование законодательства о налогах и сборах с целью учета особенностей функционирования отдельных субъектов экономической деятельности в условиях цифровизации экономики, которое представляет существенный потенциал для развития в конкретный промежуток времени;
- закрепление в законодательстве особенностей осуществления экономической деятельности, связанной с выпуском и использованием криптовалют;
- развитие финансового контроля с использованием цифровых технологий и др.

Заключение. Таким образом, к настоящему моменту в Российской Федерации уже имеется определенный опыт регламентации процессов информатизации и цифровизации экономической деятельности. Важно отметить, что указанные процессы являются весьма логичным развитием правовой сферы в условиях активного распространения информационных и цифровых технологий в современном мире. Учитывая значение экономической деятельности для каждого государства, представляется необходимым комплексно регламентировать в контексте осуществления экономической деятельности использование информационных и цифровых технологий в российском законодательстве с целью повышения уровня экономического потенциала.

Список литературы:

[1] Брынцев А.Н., Левина Е.В. Платформенно-сетевая экономика: особенности становления в России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 3. С. 149-161.

[2] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала // Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

[3] Русских С.С. Цифровизация экономической деятельности и права в рамках цифровой глобализации // Право и экономика. 2023. № 8(426). С. 29-34.

[4] Тойменцева И.А., Чичкина В.Д. Роль цифровизации в экономической деятельности организаций // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1(150). С. 1139-1144.

Spisok literaturey:

[1] Bryntsev A.N., Levina E.V. Platform-network economy: features of formation in Russia//Management and business administration. 2023. № 3. S. 149-161.

[2] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of an individual and society: features of the influencing potential//Law and management. 2024. № 2. PP. 375-377.

[3] Russian S.S. Digitalization of economic activity and law in the framework of digital globalization//Law and Economics. 2023. № 8(426). S. 29-34.

[4] Toymentseva I.A., Chichkina V.D. The role of digitalization in the economic activities of organizations//Economics and Entrepreneurship. 2023. № 1(150). S. 1139-1144.

**Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ИКОННИКОВ Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель организации режима
Санкт-Петербургский университет
ФСИН России
(Псковский филиал),
e-mail: ikonnikov1975@yandex.ru

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ РОЗЫСКА ОСУЖДЕННЫХ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Целью исследования явились правовые и организационные особенности применения современных информационных технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества. Для ее достижения использовался диалектический принцип познания окружающей действительности, аналитический и статистический методы, контент-анализ дефиниций, содержащихся в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста, МВД, ФСИН и Генпрокуратуры России, научных и учебно-методических работах, опубликованных по теме. Определена правовая основа использования инноваций, информационных технологий в уголовно-исполнительной системе и УИИ. Указаны приоритетные системы и технологии, используемые при розыске осужденных, состоящих на учете в инспекциях (справочно-правовая информационная система, содержащая поисковую информацию, обрабатываемую специальными программными и технологическими средствами, касающуюся криминогенных и криминалистических характеристик осужденных, состоящих на учете в УИИ, информационная система СПРУТ и программный комплекс Гранд-УД, поисковая дактилоскопическая систем «АДИС», «Безопасный город» и другие. Определены перспективы использования искусственного интеллекта при организации розыска осужденных. Информации содержащейся в мобильных средствах связи, социальных сетях и мессенджерах.

При осуществлении розыска осужденных, находящихся на учетах в УИИ, необходимо взаимодействовать с сотрудниками служб и подразделений УИС в нем участвующими (оперативными подразделениями УИС, обладающими возможностями осуществления оперативно-розыскной деятельности, проведения оперативно-розыскных мероприятий). Наиболее востребованными выступают современные информационные и компьютерные технологии, реализуемые в процессе проведения таких ОРМ как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент, наведение справок, отождествление личности. При их внедрении в деятельность сотрудников УИИ и других подразделений УИС возникают объективные потребности развития соответствующих профессиональных компетенций, теоретических знаний, практических умений и навыков применения программных продуктов и технического оборудования.

Ключевые слова: современные информационные технологии, поисковые системы, розыск осужденных, наказания без изоляции от общества, уголовно-исполнительные инспекции, сотрудники.

IKONNIKOV Dmitry Sergeevich,
Senior lecturer of the department organization
of the regime St. Petersburg University of the
Federal Penitentiary Service of Russia
(Pskov branch)

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FEATURES OF THE USE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES AND SEARCH ENGINES TO SEARCH FOR CONVICTS WHO EVADE SERVING THEIR SENTENCES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational features of the use of modern information technologies and search engines for convicts who evade serving their sentences without isolation from society. To achieve it, the dialectical principle of cognition of the surrounding reality, analytical and statistical methods, content analysis of definitions contained in the criminal procedure and penal enforcement law, departmental legal acts of the Ministry of Justice, the Ministry of Internal Affairs, the Federal Penitentiary Service and the Prosecutor General's Office of Russia, scientific and educational works published on the topic were used. The legal basis for the use of innovations and information technologies in the penal enforcement system and the criminal justice system has been determined. The priority systems and technologies used in the search for convicts registered in inspections are indicated (a legal reference information system containing search information processed by special software and technological means concerning the criminogenic and criminalistic characteristics of convicts registered in the UII, the OCTOPUS information system and the Grand-UD software complex, a fingerprint search system "ADIS", "Safe City" and others. The prospects of using artificial intelligence in the organization of the search for convicts are determined. Information contained in mobile communications, social networks and messengers. When carrying out the search for convicts who are registered in the Criminal Investigation Department, it is necessary to interact with employees of the services and departments of the criminal investigation department participating in it (operational units of the criminal investigation department with the capabilities to carry out operational investigative activities, conduct operational investigative measures). The most in demand are modern information and computer technologies implemented in the process of conducting such ORMs as removing information from technical communication channels, listening to telephone conversations, operational experiment, making inquiries, identification of a person. When they are introduced into the activities of employees of the UII and other departments of the UIS, there are objective needs for the development of appropriate professional competencies, theoretical knowledge, practical skills and skills in the application of software products and technical equipment.*

Key words: *modern information technologies, search engines, search for convicts, punishments without isolation from society, penal inspections, employees.*

Введение. Использование современных информационных технологий, цифровой трансформации в различных областях современной жизнедеятельности российских граждан является приоритетной задачей развития государства. В настоящее время роль информационных технологий в жизни современного общества очень велика [1, с. 22-28].

Информационные технологии в виде программных продуктов, процессоров, метода поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации закреплены в специальных правовых актах: Федеральном законе № 149 – ФЗ 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Указах Президента Российской Федерации № 203 2017 г. «О стратегии развития информационного общества в России Российской Федерации на 2017-2030 годы» и № 490 2019 г. «О

развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».

Применительно к деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации – в Концепции ее развития на период до 2030 года, утвержденной Правительством РФ 29.04.2021 г. Данный нормативный документ предусматривает не только внедрение современных информационных технологий в пенитенциарную деятельность учреждений и органов УИС, но и активное осуществление цифровой трансформации сфере исполнения уголовных наказаний, в том числе без изоляции осужденных от обществ [2, с. 13-17].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных особенностей применения современных информационных

технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества использовался диалектический принцип познания окружающей действительности, аналитический и статистический методы, контент-анализ дефиниций, содержащихся в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста, МВД, ФСИН и Генпрокуратуры России, научных и учебно-методических работах, опубликованных по теме.

Основные результаты. Различные аспекты применения информационных и цифровых технологий, криминалистических инноваций при раскрытии преступлений, розыске лиц, уклоняющихся от отбывания наказания отражены в работах таких ученых как: А.В. Агаркова, О.А. Астафьева, Э.А. Бочарова, А.А. Комардина, А.А. Ларинкова Д.В. Меньяло, Н.В. Румянцева, Е.Н. Рязановой. Указанные и другие авторы подчеркивали практическую целесообразность и перспективность применения информационных технологий сотрудниками УИИ при розыске осужденных, состоящих на учете и уклоняющихся от отбывания наказания.

Одной из распространенных технологий выступает справочно-правовая информационная система. Она содержит поисковую информацию, которая обрабатывается специальными программными и технологическими средствами, касающуюся криминальных и криминалистических характеристик осужденных, состоящих на учете в УИИ различных УФСИН (ГУФСИН).

Также весьма эффективно может применяться информационная система СПРУТ и программный комплекс Гранд-УД, объединяющие потребителей информации - сотрудников правоохранительных органов. В целях оптимизации значительного объема дактилоскопических карт лиц, состоящих на учетах, проходивших по уголовным делам, может использоваться поисковая система «АДИС» [3, с. 180-183]. В отношении которых проводились следственные действия, назначались судебные и криминалистические экспертизы, использовались индивидуальные особенности подозреваемых, обвиняемых и осужденных (опознание, проверка показаний на месте, допрос и др.) [4].

В рассматриваемом контексте важна информация, содержащаяся в материалах габитоскопических и дактилоскопических исследований. В автоматизированных базах данных (о нераскрытых преступлениях, похищенном и утерянном оружии, предметах и вещах, имеющих регистрацию и индивидуальные номера). Для активизации розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества, выглядит перспективным и своевременным обновление их идентификационных

документов, содержащие важнейшие элементы информации об их личности в электронном формате.

В целях совершенствования розыска осужденных, состоящих на учетах в УИИ, мы солидарны с предложением ученых в сфере оперативно-розыскной деятельности Н.В. Румянцева и А.В. Агаркова использовать современные технические средства, позволяющие определять местоположения абонента, средств связи, а также ознакамливаться с сообщениями, передаваемыми им по различным каналам связи, в том числе в социальных сетях и в специально созданных программах, используемых в мобильных устройствах (мессенджерах Viber и WhatsApp), проводить такие мероприятия как прослушивание телефонных переговоров, входящих в круг родственных или дружеских связей разыскиваемых, негласное наблюдение в их жилищах и т.д. [5, с. 34-39].

Одним из перспективных направлений развития криминалистических технологий, которые могут использоваться сотрудниками УИИ, других подразделений УИС и правоохранительных органов при розыске осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества, по справедливому высказыванию Д.В. Бахтеева, является использование технологий искусственного интеллекта, позволяющего обеспечивать быстрое выполнение задач, оперативно-розыскного и учетно-статистического характера. Он поможет реализовывать тематические модели поведения осужденных их мимических и пантомимических проявлений, выявлять их в толпе в общественных местах, на объектах транспортной инфраструктуры, более эффективно проводить оперативно-розыскные и поисковые мероприятия [6, с. 45-48].

При осуществлении розыска осужденных, находящихся на учетах в УИИ возрастает актуальность взаимодействия сотрудников служб и подразделений УИС в нем участвующих. В первую очередь с оперативными подразделениями УИС, обладающими возможностями осуществления оперативно-розыскной деятельности, проведения оперативно-розыскных мероприятий [7].

Наиболее востребованными в рассматриваемом контексте выступают современные информационные и компьютерные технологии, реализуемые в процессе проведения таких ОРМ, закрепленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» как снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент, наведение справок, отождествление личности [8].

Другим направлением совершенствования розыска осужденных является повышение эффективности межведомственного взаимодействия ФСИН и МВД России путем обмена инфор-

мацией, совместного использования справочных и поисковых информационных систем [9, с. 517-520]. Например, инновационной технологии аппаратно-программного комплекса «безопасный город», позволяющей не только осуществлять поиск разыскиваемых лиц, но предотвращать совершение ими новых правонарушений [10]. Указанная система имеет функции фиксации, обработки и хранения видео информации, получаемой из видеочамер, установленных в общественных местах городской инфраструктуры, вокзалах и аэропортах, метро и других видах наземного транспорта [11, с. 41-43]. Применение подобных систем позволило кратно увеличить эффективность мероприятий по розыску лиц, их оперативного обнаружения и задержания при поступлении сигнала оповещения о совпадении признаков внешности и поведения разыскиваемых, фильтрации изображения в социальных сетях.

Таким образом, использование информационных систем и технологий в организации розыска осужденных без изоляции от общества может значительно улучшить эффективность работы правоохранительных органов. С помощью современных технологий можно быстро и точно отслеживать местонахождение осужденных, контролировать их перемещения, а также предотвращать побеги. Информационные системы позволяют обеспечить обмен данными между различными учреждениями и организациями, ускоряют процесс выявления преступлений и задержания преступников. Также технологии могут использоваться для организации эффективной системы мониторинга и контроля за осужденными, что также способствует обеспечению безопасности общества [12, с. 100-103].

Порядок, полнота и своевременность проведения розыскных мероприятий по обнаружению осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества, использование возможностей ОРД, является предметом надзорной деятельности органов прокуратуры в соответствии с Приказами Генпрокуратуры России № 6 2014 г. и № 33 2011 г. об исполнении законов администрациями СИЗО, ИУ и УИИ, а также осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Обсуждение результатов исследования соблюдения законности содержания осужденных в СИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночных камерах ИУ осуществлялось на научных форумах:

Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты», проведенной во Владимирском юридическом институте ФСИН России 7 декабря 2023 года. Доклад на тему «Организация исполнения нака-

заний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, состоявшейся в Самарском юридическом институте ФСИН России 11 января 2024 года. Доклад на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний в виде принудительных работ: проблемы и перспективы».

Заключение. Современные информационные технологии, инновации в сфере их применения, реализация цифровой трансформации при осуществлении розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний без изоляции от общества являются в современных условиях действенным механизмом повышения эффективности поисковой деятельности, установления места нахождения указанных лиц. При их внедрении в деятельность сотрудников УИИ и других подразделений УИС возникают объективные потребности развития соответствующих профессиональных компетенций, теоретических знаний, практических умений и навыков применения программных продуктов и технического оборудования. Отметим, что значительная его часть базируется на прикладных основах отечественной криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, подчеркивая необходимость совершенствования профессионализма сотрудников на этом направлении.

Другим проблемным вопросом здесь выступает обеспечение информационной и компьютерной безопасности, защиты индивидуальных баз данных и программных продуктов от несанкционированного доступа посторонних лиц, выведения из строя технических средств. Рассматриваемые и другие особенности должны являться предметом научного исследования темы, формирования профессиональных компетенций в образовательных организациях ФСИН России по учебным дисциплинам «Криминалистика» и «Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций».

Список литературы

[1] Ковалев О.Г. Современные проблемы использования цифровых технологий и инноваций при обеспечении пенитенциарной безопасности // Право и образование. 2024. № 5. С. 22-28.

[2] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уго-

ловно-исполнительной системе на современном этапе ее развития//Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[3] Сафонов А.А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел российской федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. №3. С. 180-183.

[4] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[5] Румянцев Н.В., Агарков А.В., Некоторые проблемные вопросы розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, и пути их разрешения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №4. С. 34-39.

[6] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №2. С. 45-48.

[7] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[8] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[9] Ковалев О.Г. Организационные и правовые аспекты взаимодействия подразделений ФСИН и МВД России при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарных учреждениях // В сборнике: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов 11 Международной научно-практической конференции. Могилев, 2023. С. 517-520.

[10] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[11] Прокопов В.Б. О проблеме организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и полиции по розыску лиц, уклоняющихся от исполнения наказания // Уголовно-исполнительное право. 2011. №2. С. 41-43.

[12] Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Актуальные проблемы розыска лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Человек: преступление и наказание. 2016. №3 (94). С. 100-103.

Spisok literatury:

[1] Kovalev O.G. Modern problems of using digital technologies and innovations in ensuring penitentiary security // Law and education. 2024. No. 5. pp. 22-28.

[2] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal system at the present stage of its development//The penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 4. pp. 13-17.

[3] Safonov A.A. Modern automated fingerprint identification system of internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of Economic security. 2021. No. 3. pp. 180-183.

[4] Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[5] Rumyantsev N.V., Agarkov A.V., Some problematic issues of the search for persons evading punishment and ways to resolve them // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №4. С. 34-39.

[6] Bakhteev D.V. Artificial intelligence in criminology: state and prospects of use // Russian law: education, practice, science. 2018. No.2. pp. 45-48.

[7] Theory of operational investigative activity / Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. Short training course / Ser. Short training courses in legal sciences. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[8] Commentary on the Federal Law “On operational investigative activities”. With the application of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights / Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Moscow, 2006. 426 p.

[9] Kovalev O.G. Organizational and legal aspects of interaction between the departments of the Federal Penitentiary Service and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of operational investigative activities in penitentiary institutions // In the collection: Fighting crime: theory and practice. Abstracts of the 11th International Scientific and Practical Conference. Mogilev, 2023. pp. 517-520.

[10] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[11] Prokopov V.B. On the problem of organizing the interaction of penal enforcement inspections and the police in the search for persons evading punishment // Penal enforcement law. 2011. No. 2. pp. 41-43.

[12] Kutukov S.A., Smirnov S.N. Actual problems of the search for persons sentenced to punishment without isolation from society // Man: crime and punishment. 2016. No.3 (94). pp. 100-103.

КОВТУН Наталия Александровна,
доцент кафедры уголовного
права и криминологии Ростовского
юридического института МВД России,
кандидат психологических наук, доцент,
e-mail: Natalia-5787@yandex.com

МАРИШЕВА Асият Мухамедовна,
преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: m_asya@mail.ru

ИНТЕРНЕТ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ ИДЕЙ И ЭКСТРЕМИЗМА, МЕРЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. Особое внимание в рамках научного исследования автором уделяется распространению радикальной идеологии и экстремизма в молодежной среде с применением возможностей глобальной сети. В рамках методических рекомендаций предложены меры по профилактике радикальной идеологии и экстремизма, в том числе, в молодежной среде, а также меры по профилактике «киберэкстремизма».

Ключевые слова: Интернет, экстремистская информация, пропаганда экстремистской идеологии, глобальная сеть, экстремисты, информационные ресурсы, профилактика «киберэкстремизма», демотиваторы, протестные лидеры.

KOVTUN Natalia Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law and Criminology Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor

MARISHEVA Asiyat Mukhamedovna,
Lecturer of the Department of Organization
of Law Enforcement Activities North Caucasian Institute
for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia Police Major

THE INTERNET AS A PLATFORM FOR THE DISSEMINATION OF RADICAL IDEAS AND EXTREMISM AND MEASURES TO PREVENT IT

Annotation. The author pays special attention to the spread of radical ideology and extremism among young people using the capabilities of the global network. The methodological recommendations propose measures to prevent radical ideology and extremism, including among young people, as well as measures to prevent “cyber extremism”.

Key words: Internet, extremist information, propaganda of extremist ideologies, global network, extremists, information resources, prevention of “cyber extremism”, demotivators, protest leaders.

В статье 14 «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», которая утверждена 28 ноября 2014 г. прописано, что глобальная сеть является основным средством связи для экстремистских

организаций. Также Интернет – это инструмент, используемый для привлечения в свои ряды новых членов. Интернет выступает платформой для распространения экстремистской идеологии. Организация и координация совершения пре-

ступных действий также реализуется посредством глобальной сети. Интернет используется для пропаганды разнообразных экстремистских идеологий, но наиболее опасными формами экстремизма, которые распространяются в сети, являются политический, религиозный и националистический [8].

Для экстремизма в глобальной сети характерно наличие специфических особенностей:

- виртуальный характер экстремистской информации, которая доступна широкому кругу лиц без ограничений;
- анонимность, которая обеспечивается экстремистам;
- широкие возможности для использования мультимедийных технологий, возможность создания экстремистского контента и легкость его передачи;
- сложность доказательства совершения экстремистских действий в сети, по причине того, что информация хранится исключительно на оборудовании экстремиста и у провайдера;
- наличие возможности общения в формате онлайн, которое позволяет обмениваться быстро сведениями, содержащими экстремистскую информацию.

Эти возможности предоставляют максимально широкие возможности для распространения экстремистской и радикальной идеологии. И самое главное - при этом можно оставаться анонимным [9].

Посредством Интернета очень высокими темпами совершенствуются методики продвижения политических экстремистских идей. Формирование мировоззрения социума конкретной страны в современных условиях значительно упрощается. Проведение государственного переворота возможно дистанционно, присутствие организаторов в самой стране необязательно. Информация передается дистанционно и мобильно через различные сети.

Экстремисты действуют в соответствии с разработанными идеологическими методиками. Они содержат очень подробную информацию о методах воздействия на потенциальных членов. Необходимая медиареальность в регионе формируется дистанционно экстремистскими политтехнологами.

Именно применение таких технологий имело место при реализации «цветных революций». С.В. Володенков провел анализ применяемых политическими коммуникациями Интернет-технологий, на основе которого он выделил ряд этапов, составляющих подрывную работу:

- 1) протестные группы внедряются в социальные группы, сетевые сообщества и аккаунты, которые существуют вначале в режиме оффлайн. Активно задействуются

такие информационные ресурсы, как «Facebook», «Twitter», «YouTube»;

- 2) начало активной работы сетевых ресурсов и ведение пропагандистской работы, которая направлена на дискредитацию действующей власти;
- 3) внедрение альтернативных идей, символов в сознание общества. Распространяется информация об иных ценностях посредством пропаганды среди пользователей глобальной сети;
- 4) информационный ресурс становится максимально монопольным. Осуществляется это в результате вытеснения официальной и прогосударственной информации. Экстремисты активно транслируют собственную модель политических процессов. И данная модель направлена на интересы оппозиционных кругов;
- 5) создание вокруг сетевых оппозиционных ресурсов ажиотажа и привлечение к ним максимального внимания;
- 6) сетевые протестные лидеры активно продвигаются в социальном медиапространстве, лидеры формулируют свои протесты и требования к действующей власти. Идеи активно озвучиваются и распространяются в сети;
- 7) формирование так называемого «общественного мнения» посредством проведения акций протеста с привлечением широких масс. Информация о планируемых акциях распространяется также в глобальной сети;
- 8) работа по мобилизации людей для участия в протестных акциях в офлайн пространстве. Основными инструментами являются протестная политическая символика, демонстраторы, плакаты, видеоролики экстремистского характера, комментарии пользователей. Эти методы направлены на создание единой атмосферы, что постепенно приводит к формированию политических символов и идей;
- 9) активное распространение в сети визуализированной информации о начале так называемой революции, недовольстве народа. В сети распространяется информация о происходящих массовых акциях протеста, жестоким обращении с протестующими во время разгона митингов. Далее публикуются посты в режиме реального времени «очевидцев» и участников происходящих событий. Тексты и видеоролики размещаются на популярных ресурсах, они активно распространяются. Итогом является формирование массовых представлений о политических событиях в стране;

- 10) при блокировке Интернет-платформы внешние заинтересованные лица обеспечивают технологическое обеспечение. Тем самым восстанавливают доступ к оппозиционным ресурсам;
- 11) получение и распространение заявлений от западных стран о политической поддержке. Данная поддержка направлена на начало диалога между властью и оппозицией;
- 12) полная дискредитация действующей власти и политических лидеров, признание их нелегитимности, при содействии внешних политических сил;
- 13) создание новых «народных» органов власти, которые формируются из представителей оппозиционных сил;
- 14) высказывания инициативы о проведении досрочных парламентских и президентских выборов;
- 15) информационное сопровождение в сети после событий, чтобы укрепить новую власть. Формирование в глобальной сети мнения о поддержке новой политической силы.

Описанная выше модель была применена в Киргизии, Египте, Украине. Цели такой деятельности: совершение государственного переворота; изменение конституционного строя посредством насильственных действий; противодействие деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Без использования современных технологий с учетом современного уровня развития специальных служб организация экстремистских действий не представляется возможной [10].

Подводя итоги научного исследования целесообразно отметить, что Интернет является доступной платформой для распространения радикальных идей и экстремизма, особенно в молодежной среде. Экстремизм в глобальной сети имеет ряд специфических особенностей:

- виртуальный характер экстремистской информации, которая доступна широкому кругу лиц без ограничений;
- анонимность, которая обеспечивается экстремистам;
- широкие возможности для использования мультимедийных технологий, возможность создания экстремистского контента и легкость его передачи;
- сложность доказательства совершения экстремистских действий в сети, по причине того, что информация хранится исключительно на оборудовании экстремиста и у провайдера;
- наличие возможности общения в формате онлайн, которое позволяет обмениваться

быстро сведениями, содержащими экстремистскую информацию.

Профилактика радикальной идеологии и экстремизма основывается на проведении мероприятий, которые разрабатываются в рамках Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Алескеров В.И. О некоторых аспектах преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Российская юстиция. 2019. N 11. С. 39 – 41

[2] Сахнов И.П. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма и профилактика аддиктивного поведения в молодежной среде: учебно-методическое пособие / И.П. Сахнов. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2021. 147 с.

[3] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.09.2023).

[4] Ахильгов А.М. Экстремизм: понятие, сущность, классификация - // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 183-186.

[5] Противодействие экстремистской деятельности, создающей чрезвычайные обстоятельства криминального характера: курс лекций / Г.И. Демин и др. М.: Академия управления МВД России, 2021.

Spisok literatury:

[1] Aleskerov V.I. On some aspects of extremist and terrorist crimes committed using the sphere of telecommunications and computer information// Russian justice. 2019. N 11. S. 39 - 41

[2] I.P. Sakhnov. Countering the spread of the ideology of extremism and terrorism and preventing addictive behavior among young people: educational and methodological manual/I.P. Sakhnov. - Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov, 2021. 147 pp.

[3] Strategy to counter extremism in the Russian Federation until 2025 (approved by by the President of the Russian Federation 28.11.2014 No. Pr-2753)//Access from the ConsultantPlus legal system (date of appeal: 08.09.2023).

[4] Akhilgov A.M. Extremism: concept, essence, classification -//Young scientist. 2020. № 23 (313). S. 183-186.

[5] Countering extremist activities that create extraordinary criminal circumstances: a course of lectures/G.I. Demin et al. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

DOI: 10.24412/2224-9133-2024-7-343-348

NIION: 2021-0079-7/24-596

MOSURED: 77/27-025-2024-7-596

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
Всероссийского государственного университет
юстиции (РПА Минюста России),
e-mail jenn08@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Аннотация. В данной статье автор предпринял попытку исследовать различные научные взгляды на правовую природу решений собраний таких важнейших корпоративных юридических лиц, как хозяйственные общества. В настоящее время решение собрания выступает своеобразным феноменом, который не имеет четко определенного места в классификации юридических фактов. Основная причина правовой неопределенности по данному вопросу кроется, на взгляд автора, в отсутствии четкого понимания сути сделки, ее абстрактном характере. В процессе анализа автор приходит к выводу, что существует масса факторов, подчеркивающих сделочный характер рассматриваемого института, при этом данный подход не превалирует в отечественной юриспруденции.

Ключевые слова: решение собрания, хозяйственное общество, сделка, правовая природа, юридический факт, корпоративное право.

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedural Law of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the St. Petersburg Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE EXTRA- JUDICIAL FORM OF PROTECTION OF SUBJECTS OF BUSINESS ACTIVITY: PRO ET CONTRA

Annotation. In this article, the author, from the standpoint of practical expediency, analyzes individual tools of an extrajudicial form of protection of the rights and legitimate interests of business entities. In the process of analysis, the author comes to the conclusion that the extrajudicial law enforcement form plays an extremely important and positive role in the mechanism for ensuring the stability of the legal status of these examples. However, the article notes weaknesses in the regulation of various methods of extrajudicial protection, which does not contribute to the growth of their popularity and the full use of their potential. The author's reflections result in conclusions about those conditions, as well as the circumstances of a particular situation or dispute, that are required for the successful and effective application of each of the considered methods.

Key words: extrajudicial form of protection, method of protection, business entities, notarial protection, arbitration (arbitration proceedings), mediation, claim procedure.

Оправной точкой рассуждений о правовой природе решений собраний хозяйственных обществ с очевидностью выступает взгляд на данный правовой феномен как на особый юридический факт.

Решения собраний, как видно при первичном приближении, позиционируются Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5] как экстраординарные основания, порождающие, изменяющие и прекращающие, гражданские права и обязанности (ст.8 ГК РФ). В доктрине встречается мнение о том, что целевое назначение таких решений, проявляющих себя в качестве юридических фактов, обусловленное их сущностью и подчеркнутое также спецификой его наименования заключается в том, чтобы «создавать, прекращать или менять правовые отношения, поскольку решение представляет собой проявление человеческой воли» [24, с. 62].

Именно в таком качестве (т.е. в качестве юридического факта) изначально воспринимались российским законодателем различного рода решения собраний.

В «постнулевых» годах прошлого столетия в доктринальных источниках высказывались разнообразные мнения: начиная от того, что «решение органов юридического лица, направленное на создание, изменение или прекращение правоотношений, есть не что иное, как сделка» [17, с. 192], и, заканчивая кардинально противоположной позицией: «решение собрания нельзя признать сделкой, поскольку собрания участников общества (акционеров) не признаются законом в качестве самостоятельного субъекта права» [17, с. 193]. Зачастую звучали предположения об иной правовой природе указанного феномена: так, к примеру, В.С. Ем считал верным отнести решения собраний корпоративных юридических лиц к иным юридически значимым действиям субъектов соответствующих правоотношений [8, с. 432-433]. Такой подход имел и других сторонников: Е.М. Хегай, подчеркивая специфику правовой природы решения собрания как особого юридического факта, тем не менее, не устанавливала какой-либо его самостоятельности [31, с. 107].

До 2013 г. о каком-либо правовом режиме решений собраний говорить не было оснований, что, впрочем, не выводило данную квалификационную проблему на первый план, поскольку имелись доктринальные сомнения, куда большего значения, например, относительно понятия и признаков корпорации. Несколькими годами ранее в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. (далее – Концепция) вполне закономерно был подчеркнут пробел в правовом регулировании «такого вида юридических актов как решения собраний» [9]. Очевидно, что разработчики указанной Концепции, а также Концепции совершенствования общих положений ГК РФ

[10, с. 41], также предпочли обойти острые углы правопонимания, деликатно поименовав решение собраний «юридическим актом». Примечательно, что свидетельству А.В. Егорова, выступавшего участником рабочей группы по разработке Концепции, рабочая группа активно обсуждала идею о возможности квалификации решений собраний в качестве сделки, итогом чего стал вывод, что решение собрания сделкой не является» [7, с. 7].

Не уменьшилось вопросов и после принятия Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ [28], превнесший в п. 1 ст. 8 ГК РФ подпункт 1.1, поставивший решение собраний в один ряд со сделками, но не включивший их в сделочный состав. Таким образом, законодательная природа решения собраний осталась непонятной и размытой.

Важным шагом в процессе реформирования гражданского законодательства в развитии юридической мысли в этом вопросе стало принятие Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ [29], который дополнил ч. 1 ГК РФ гл. 9.1 «Решения собраний». Но и тут ученых, а также корпоративных юристов ждало разочарование, поскольку правила ст. 181.1 ГК РФ больше похожи на тавтологию и никак не проясняют правовую природу решений собраний.

Поскольку обсуждение указанных новелл стало порождать широкий резонанс в кругах юридической общественности, за дело пришлось взяться высшей судебной инстанции. Во-первых, Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), разъясняя содержание положений п. 2 ст. 181.1 ГК РФ указал, что под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества как специфической группы лиц, обладающей набором специальных признаков. Стоит учитывать, что к решениям собраний, помимо прочего, относятся решения коллегиальных органов управления юридического лица (собраний участников, советов директоров и т.д.) [22].

А.В. Егоров отметил особую важность указания ВС РФ на то, что «субъекты решений являются членами гражданско-правового сообщества, имеющими право на голосование... Статус гражданско-правового сообщества должен следовать из закона, и только в этом случае решение такого сообщества будет связывать, в том числе меньшинство голосовавших против его принятия» [35].

Представляется интересным, что несовершенство гл. 9.1. ГК РФ стали причиной многочисленных научных дискуссий. Так, Ю.С. Харитоновна придерживалась мнения, что нормы указанной главы не действуют в отношении решений собраний тех корпоративных юридических лиц, правосубъектность которых устанавливается специ-

альными законами, а применяются только в тех случаях, когда не имеется особых правил для собраний тех или иных гражданско-правовых сообществ [6, с. 253].

Д.В. Новак подвергает такую позицию справедливой критике, поскольку «в гл. 9.1 ГК РФ есть множество норм, по сравнению с которыми в законодательстве о хозяйственных обществах и иных юридических лицах не содержится специальных норм, исключающих их действие, т.е. предусматривающих иное. Соответственно, положения гл. 9.1 ГК РФ в этой части субсидиарно применимы к решениям собраний участников юридических лиц» [15].

Продолжая выбранный курс исследования, обусловленный тем, что решения собраний хозяйственных обществ однозначно выступают юридическим фактом, но непонятной «этиологии», видится целесообразным выяснить, каким образом в принципе могут возникать идеи об их сущности. Для этого обратим свой взор на становление системы юридических фактов в дореволюционное время.

Бесспорно, данный вопрос был крайне популярным у классиков российской дореволюционной юриспруденции. В фундаментальных теоретических работах ряда именитых ученых конца XIX - начала XX в., среди которых стоит упомянуть Н.М. Коркунова [11, с. 169-165], И.В. Михайловского [14, с. 572-575], Е.Н. Трубецкого [26, с. 200-204] и др., глава «Юридические факты» являлась важной и неотъемлемой частью курса лекций. Выдающиеся цивилисты того времени также не обходили вниманием этот вопрос. Например, Г.Ф. Шершеневич, которого называют одним из основоположников сделочной теории правовой природы решения собраний, предположил, что юридический факт возникает или по воле вступающих в юридическое отношение лиц, и, следовательно, это будет юридическое действие (сделка, правонарушение), либо без их воли, что получит характер события (истечение срока, смерть, рождение). [33, с. 623-628]

Другой известный дореволюционный специалист П.А. Писемский, активно развивавший договорную теорию юридического лица, в том числе настаивавший на договорной природе устава компании, также стоял на позициях сделочной теории решения собраний [20, с. 106-111].

В представленном контексте также представляют интерес труды П.П. Цитовича – крупного дореволюционного цивилиста, полагавшего, что решения собраний носят договорный характер [32, с. 150].

Но, несмотря на интересные и многогранные работы дореволюционных юристов, посвященные правовой сущности отношений, возникающих и развивающихся «внутри» юридического лица, пристального внимания решениям, прини-

маемым органами юридических лиц, не уделялось и специальных исследований не производилось [3, с. 5].

Пожалуй, последним ученым досоветского права, заслуживающим внимания в ряду сторонников сделочной природы решений участников коллектива, стоит назвать И.С. Перетерского, который в 1929 г. рассматривая сущность многосторонних сделок взял за образец соглашения участников товарищества [19, с. 8].

В советской цивилистической доктрине, как отмечает С.С. Вилкин, решение органа юридического лица обычно увязывается с идеей локального нормотворчества. Подобный подход сформировал нормативную теорию [2], в центр которой положено управленческое решение как локальный нормативный акт организации, причем спровоцировало развитие такого подхода активное формирование такой новой отрасли советского права, как трудовое право. В основе последней, где колоссальное значение уделялось особому субъекту – трудовому коллективу советских граждан, объединённых идеей построения социалистического (а на перспективу – коммунистического) общества, выступила задача формирования локальных нормативных актов, в частности, правил внутреннего трудового распорядка. Очевидно, что в советском праве не было места идеям объединения лиц и капиталов для получения частных экономических благ или улучшений.

Стоит ли готовить о том, что до недавнего времени нормативная теория господствовала в юридической науке [34, с. 6-8]. Несмотря на то, что и в настоящее время нормативная теория по-прежнему имеет сторонников, следует согласиться с выводом В.А. Белова: на сегодня для сохранения нормативной концепции корпоративного акта причин не существует [1, с. 772].

Наконец, нельзя не обратить внимание, что существует еще одна теория правовой природы решения собраний – специально-юридическая, которая усматривает в сущности рассматриваемого института черты особого юридического факта [13, с. 140].

Примечательно, например, что А.В. Габов выводит специфику правовой природы решения собраний хозяйственных обществ через категорию «управленческое решение» [4, с. 87-90]. Другим сторонником такого подхода – Д.В. Ломакимым – делается вывод, что в процессе принятия решения собрания организации или ее уполномоченного органа, только осуществляется волеобразование, а не волеизъявление как в сделках [12, с. 120-123].

По мнению О.М. Родионовой, решение собрания – это не действия физических или юридических лиц, преследующих цель установить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности, что выражает суть сделки (ст. 153

ГК РФ), а есть итог «деятельности по организации осуществления субъективного права голоса участниками собрания», при этом имеется в виду, что участники сообщества не совершают волеизъявления [23, с. 66]. Этот вывод вряд ли заслуживает поддержки, как справедливо отмечается в доктрине, что волеизъявление может обретать самые разнообразные формы и совершаться различными способами [25, с. 13-15].

Д.В. Новак, критикуя специально-юридическую теорию, подчеркивает, что правила о изучаемом институте содержатся в отдельной главе, а само решение выделено в перечне оснований возникновения гражданских прав и обязанностей (подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ) [15]. Однако согласимся, что влияние общих положений ГК РФ о сделках на регламентацию решений собраний явно усматривается из ряда правил гл. 9.1 ГК РФ. Но на наш взгляд, скорее прав К.И. Труханов, предположивший, что это вызвано скорее соображениями практического удобства, нежели отрицанием свойств юридической сделки у решений собраний» [27, с. 8-10].

Автор считает, что разбираясь с правовой природой решения собраний хозяйственных обществ, стоит акцент сделать на том, что под решениями собраний понимаются как решения общего собрания участников, так и иных органов управления. Таким образом, с одной стороны, мы не зауживаем содержание указанного явления. С другой стороны, нас может поджидать некий «семантический» капкан: в ряде норм говорится о собрании и как о коллегиальном органе корпорации, и как о формате участия. Такое положение дел, по мнению Ю.С. Поварова, выступило главной причиной пересмотра терминологии, употребляемой в ГК РФ: так, новеллы 2021 г. были основаны на том, что слово «собрание» правильнее применять в целях характеристики коллектива лиц (т.е. гражданско-правового сообщества) [21, с. 9]. Таким образом, указанные законоположения сориентированы на коллегиальные органы. Вместе с тем, указанный подход не является достаточно убедительным для российского правоприменителя, который распространяет требование о нотариальном удостоверении факта принятия решения [16].

Следовательно, есть совокупность предпосылок смотреть на правовую природу решений собраний хозяйственных обществ с позиции сложной структуры сделочного юридического факта. Например, в научной доктрине ведущие цивилисты неоднократно в своих размышлениях о сделочной природе различных правовых явлений обращаются к составным частям фактического состава сделок: волеизъявлению, отлагательным условиям, форме и пр. При этом по меткому выражению А.Г. Карапетова, «это позволяет исключить бессмысленное умножение правовых

сущностей» [18, с. 531]. В любом случае особенности наступления правовых последствий данного факта в целом проистекают из его сложно-составной правовой природы.

Список литературы:

[1] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2011. 1093 с.

[2] Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», дата обращения – 05.06.2024 г.

[3] Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

[4] Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. – М.: Статут, 2005. 412 с.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6-12 / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2014. 383 с.

[7] Егоров А.В. Вклад выпускников РШЧП в развитие общих проблем гражданского права: размышления составителя // Сделки, представительство, исковая давность: сб. работ выпускников РШЧП при ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ / сост. и отв. ред. А.В. Егоров. – М., 2017. 31 с.

[8] Ем В.С. Основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений // Гражданское право: учебник. Т. 1 / Под ред. Е.А. Суханова. – М., 2004.

[9] Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. // Вестник ВАС РФ, 2009, № 11, ноябрь

[10] Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ, 2009, № 4.

[11] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. – М.: Тип. Н.К. Мартынова, 1909. 354 с.

[12] Ломакин Д.В. Решение собрания – это особая разновидность юридического акта // Арбитражная практика. 2013. № 8.

[13] Маковская А.А. Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества / В кн.: Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006;

- [14] Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск: В.М. Посохин, 1914. 604 с.
- [15] Новак Д.В. Решение собрания как вид сделки // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора В.В. Витрянского / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2021 // Доступ из Справочно-правовой системы «Гарант», дата обращения – 05.06.2024 г.
- [16] Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 5, май, 2020.
- [17] Павлов Н.А. Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 3 (121).
- [18] Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330-333, 380-381, 382-406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2022. 1188 с.
- [19] Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР. Сделки, Договоры. Вып. V. Институт советского права, РАНИОН. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. 84 с.
- [20] Писемский П. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. – М., 1876. 229 с.
- [21] Поваров Ю.С. Решение собраний: учебное пособие. – Самара, изд-во Самарского университета, 2022.
- [22] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.
- [23] Родионова О.М. О правовой природе решений общих собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 5.
- [24] Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 62-66.
- [25] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
- [26] Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. 632 с.
- [27] Труханов К.И. Решения собраний - новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10.
- [28] Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7627.
- [29] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2327.
- [30] Харитонов Ю.С. Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5.
- [31] Хегай Е.М. Правовой статус общего собрания акционеров по российскому законодательству: порядок организации работы, принятия и обжалования решений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
- [32] Цитович П.П. Учебник торгового права. Вып. первый. – Киев; СПб., 1891. 314 с.
- [33] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. Т. 1: Вып. 1 - 4. М.: Тип. Бр. Башмаковых, 1910. 698 с.
- [34] Шиткина И.С. Правовое регулирование деятельности акционерных обществ внутренними (локальными) документами. Дис. канд. юрид. наук. - М., 1997.
- [35] <https://privlawjournal.com/news/resheniya-sobranij korporativnoe veshhnoe pravobankrotstvo>

Spisok literatury:

- [1] Belov V.A. Civil law. A common part. Т. II. Persons, benefits, facts: a textbook. – М.: Yurayt Publishing House, 2011. 1093 p.
- [2] Vilkin S.S. On the normative theory of the decision of a body of a legal entity // Bulletin of Civil Law. 2008. No. 2. [Electronic resource]. Accessed from the ConsultantPlus Reference and Legal System, access date: 06/05/2024.
- [3] Vilkin S.S. Civil-legal nature of volitional acts of collegial bodies of a legal entity: dis. ...cand. legal Sci. М., 2009.
- [4] Gabov A.V. Interested party transactions in the practice of joint stock companies: problems of legal regulation. – М.: Statute, 2005. 412 p.
- [5] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.
- [6] Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 6-12 / Ed. Doctor of Law, Prof. L.V. Sannikova. – М.: Statute, 2014. 383 p.

- [7] Egorov A.V. Contribution of RSChP graduates to the development of general problems of civil law: reflections of the compiler // Transactions, representation, limitation of actions: collection. works of graduates of the Russian Shchp at the Institute of Private Emergencies named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation / comp. and resp. ed. A.V. Egorov. – M., 2017. 31 p.
- [8] Eat V.S. Grounds for the emergence, change and termination of civil legal relations // Civil law: textbook. T. 1 / Ed. E.A. Sukhanov. – M., 2004.
- [9] Concept for the development of civil legislation 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2009, No. 11, November
- [10] The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2009, No. 4.
- [11] Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. 9th ed. – M.: Type. N.K. Martynova, 1909. 354 p.
- [12] Lomakin D.V. The decision of the meeting is a special type of legal act // Arbitration practice. 2013. No. 8.
- [13] Makovskaya A.A. Legal consequences of the invalidity of decisions of the general meeting of shareholders and the board of directors of a joint-stock company / In the book: Invalidity in civil law: problems, trends, practice: Collection of articles / Rep. ed. M.A. Rozhkova. – M.: Statute, 2006;
- [14] Mikhailovsky I.V. Essays on the philosophy of law. T. 1. Tomsk: V.M. Posokhin, 1914. 604 p.
- [15] Novak D.V. The decision of the meeting as a type of transaction // Problems of civil law in judicial practice and legislation: a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor V.V. Vitryansky / Rep. ed. E.A. Sukhanov. – M.: Statute, 2021 // Access from the Reference and Legal System «Garant», date of access – 06/05/2024.
- [16] Review of judicial practice on some issues of application of legislation on business companies, approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2019 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 5, May, 2020.
- [17] Pavlov N.A. Application of general rules on transactions and their invalidity to decisions of meetings: a review of practice // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2024. No. 3 (121).
- [18] Change of persons in an obligation and liability for violation of an obligation: commentary on articles 330-333, 380-381, 382-406.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.G. Arkhipova, V.V. Baybak, S.A. Gromov and others; resp. ed. A.G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2022. 1188 p.
- [19] Peretersky I.S. Civil Code of the RSFSR. Transactions, Agreements. Vol. V. Institute of Soviet Law, RANION. – M.: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1929. 84 p.
- [20] Pisemsky P. Joint-stock companies from the point of view of civil law. – M., 1876. 229 p.
- [21] Povarov Yu.S. Resolution of meetings: a training manual. – Samara, Samara University Publishing House, 2022.
- [22] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 140, 06/30/2015.
- [23] Rodionova O.M. On the legal nature of decisions of general meetings and their invalidity in German and Russian civil law // Bulletin of Civil Law. 2012. T. 12. No. 5.
- [24] Ryzhenkov A.Ya. Meeting decisions as a legal fact in business law // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2021. No. 1. P. 62-66.
- [25] Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to articles 153 - 208 of the Civil Code of the Russian Federation / V.V. Baybak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin and others; resp. ed. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2018. 1264 p.
- [26] Trubetskoy E.N. Lectures on the encyclopedia of law. M.: T-vo Type. A.I. Mamontova, 1917. 632 p.
- [27] Trukhanov K.I. Decisions of meetings - a new category in the Civil Code of the Russian Federation // Law. 2013. No. 10.
- [28] Federal Law of December 30, 2012 No. 302-FZ “On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // SZ RF. 2012. No. 53 (part I). Art. 7627.
- [29] Federal Law of May 7, 2013 No. 100-FZ “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation.
- [30] Kharitonova Yu.S. Invalidity of decisions of meetings and transactions: points of intersection // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 5.
- [31] Khagai E.M. Legal status of the general meeting of shareholders under Russian legislation: the procedure for organizing work, making and appealing decisions: dis. ...cand. legal Sci. – M., 2009.
- [32] Tsitovich P.P. Textbook of commercial law. Vol. first. - Kyiv; St. Petersburg, 1891. 314 p.
- [33] Shershenevich G.F. General theory of law: The theoretical part. Philosophy of law. T. 1: Issue. 1 - 4. M.: Type. Br. Bashmakov, 1910. 698 p.
- [34] Shitkina I.S. Legal regulation of the activities of joint stock companies by internal (local) documents. Dis.... cand. legal Sci. - M., 1997.
- [35] <https://privlawjournal.com/news/resheniya-sobraniy-korporativnoeveshhnoepravobankrotstvo>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ПЕРИОД COVID-19 НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

Аннотация. Работа посвящена изучению зарубежного опыта по обеспечению правопорядка в период COVID-19 в Китае. Рассмотрение статистических данных позволяет сделать вывод об эффективности внедренных мер обеспечения правопорядка в Китае. Изучение новых мер борьбы с преступностью и обеспечению правопорядка позволяет устранить существующие пробелы в правоприменительной практике, а также повысить профессионализм сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

Ключевые слова: COVID-19, Китай, преступность, смертность, зарубежный опыт, правоохранительные органы, статистика, правопорядок, меры.

HOVHANNISYAN Ksenia Stanislavovna,
Postgraduate student of the Department
of Private and Public Law Penza State University

Scientific supervisor:
SINTSOV G.V.,
Doctor of Law, Professor

FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING LAW AND ORDER DURING COVID-19 USING CHINA

Annotation. The paper is devoted to studying foreign experience in ensuring law and order during COVID-19 in China. Consideration of statistical data allows us to draw a conclusion about the effectiveness of the implemented measures to ensure law and order in China. Studying new measures to combat crime and ensure law and order allows us to eliminate existing gaps in law enforcement practice, as well as to improve the professionalism of law enforcement officers in the Russian Federation.

Key words: COVID-19, China, crime, mortality, foreign experience, law enforcement agencies, statistics, law and order, measures.

В данной работе хотелось бы рассмотреть статистику заболеваемости и преступности в очаге возгорания «чумы XXI века» - Китае.

За все время в Китае было заражено 99 318 718 человек, а смертей – 121 790 случаев.

Согласно статистическим данным, пик заболеваемости в Китае пришелся на февраль-март 2022 года и декабрь 2022 года. (см. Рис. 1) [5].

Интересным выступает тот факт, что всемирная «чума» началась в начале 2020 года и в большинстве стран мира пик заболеваемости и смертности пришелся именно на 2020 и 2021 года, тогда как в Китае, эпицентре заболеваемости, пик пришелся только на 2022 год.

По нашему мнению, считаем, что статистика заболеваемости в Китае является недостоверной. Следует учесть, что в принципе статистика заболеваемости не может быть исчерпывающе полной и точной в виду наличия латентных больных, не обращавшихся за помощью медицинского персонала. Отсутствие какой-либо статистики в период с января 2020 года по январь 2022 года либо ее минимальные показатели, по нашему мнению, являются все же не признаками латентной заболеваемости, а эффективной и своевременной борьбы и профилактики COVID-19. Ниже рассмотрим основные меры борьбы со стороны правительства Китая, а пока перейдем к рассмо-

Статистика COVID-19 в Китае за все время

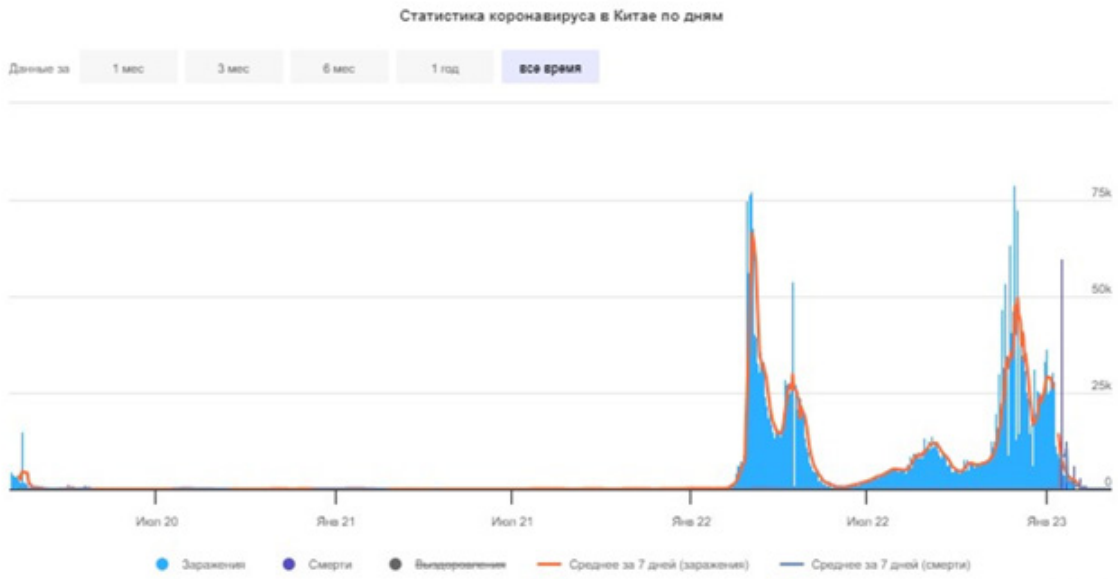

Рисунок 1. Статистика COVID-19 в Китае

трению преступности в Китае во время распространения COVID-19.

С каждым годом уровень преступность в Китае уменьшается, так, если 2017 году коэффи-

циент преступности составлял 0.57, то уже в 2018 на 6.28 % меньше и составил 0.53. В 2019 году – 0.52, а в 2020 году – 0.50, что меньше на 3.22%, по сравнению с предыдущим годом (см. Рис. 2).

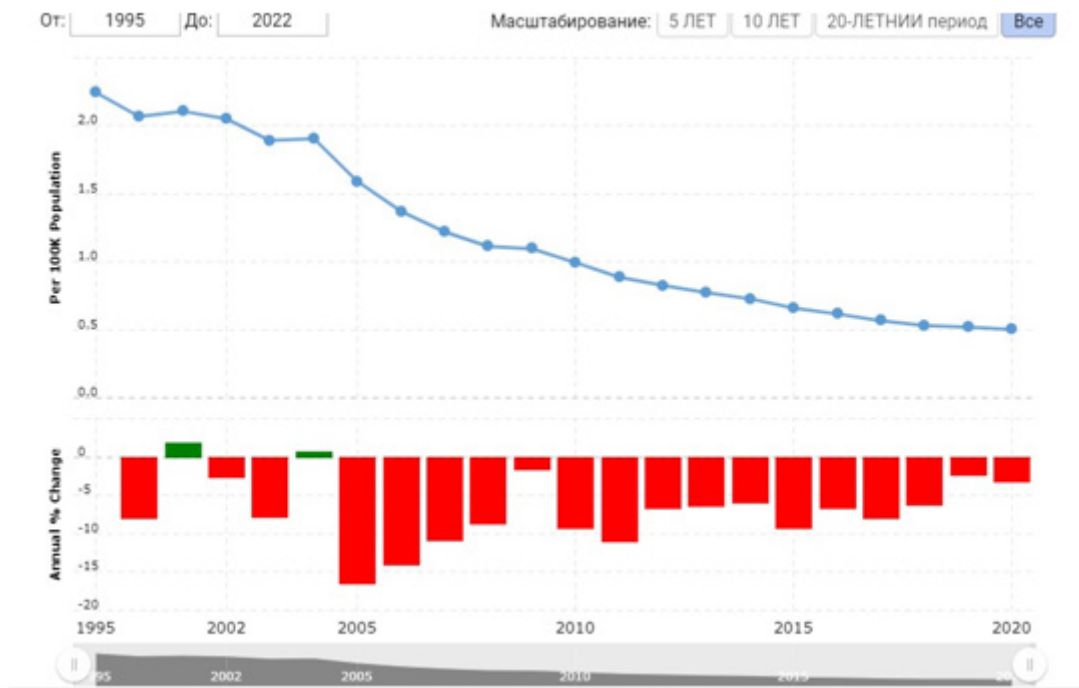

Рисунок 2. Коэффициент преступности в Китае

В 2021 году Китай стал одной из стран с самым низким количеством убийств: 0,5 убийства на 100 тыс. человек, что намного ниже, чем в США и других странах Запада. В США этот показатель – 5,35, т.е. почти в 11 раз больше, чем в Китае.

В 2022 году Китай вошел в тридцатку самых безопасных стран мира с минимальным количеством совершенных преступлений.

Проведя статистическое исследование можно сделать вывод, что несмотря на распространение массового заболевания в Китае, преступность лишь только уменьшалась. Это говорит об эффективности мер противодействия преступности и сохранения правопорядка со стороны правоохранительных органов.

В Китае строгое законодательство, которое имеет 69-ть статей, высшим наказанием по которым является расстрел. Вот некоторые из них: государственная измена, организация вооруженных беспорядков, любые формы контрабанды, сексуальные преступления, а также взяточничество, дезертирство, хищения и грабежи[3, С.108].

С введением карантинных мер был также введен запрет любого перемещения по городу и между городами, а также были отменены все возможные массовые мероприятия. Несоблюдение данных мер подпадает под действие уголовного законодательства Китая, где наказанием выступает тюремное заключение.

Считаем, что несмотря на суровость наказания, эффективность уголовного преследования за нарушение карантинных мер подтверждается удивительно низкой статистикой преступности в Китае. По нашему мнению, законодательство Российской Федерации следует дополнить нормами, предусматривающими уголовную ответственность за нарушение правил здравоохранения. В частности, считаем, что снятие ограничительных мер в 2022 году были поспешными, поскольку вспышки заболеваемости коронавирусом и его разновидностями продолжают вспыхивать во всех уголках мира. В Российской Федерации необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность нахождения в многолюдных местах в средствах индивидуальной защиты, а также соблюдать все возможные меры для профилактики заболеваемости в целях предотвращения ее распространения.

В Китае активно работает умная система противодействия преступности, которая может наперед предвидеть совершение преступления. Скрытая система видеонаблюдения, сеть, которая раскинута по всему Китаю, позволяет контролировать каждый шаг и действие человека [4, С. 224].

В Китае данная система эффективно работает, поскольку именно благодаря данной системе преступность в стране минимальна. По факту, сейчас в нашей стране также есть система видеонаблюдения в виде камер фото-и видеофиксации, но является ли данная система столь эффективной, как в Китае? Безусловно, считаем, что количество данных камер необходимо увеличить не только на проезжей части, но и на пешеходных улицах города, в целях предотвращения и предупреждения преступности. Необходимо вводить в систему умное наблюдение, позволяющее автоматически, без привлечения человека, предвидеть преступность, как это есть в Китае.

В полиции Китая внедрена практика передачи части своих обязательств добровольческим образованиям [1, С. 160].

Считаем это очень интересной практикой. Поскольку на плечи правоохранителей Российской Федерации возлагается итак большой круг обязанностей, то передача полномочий на добровольческие образования по патрулированию улиц в целях выявления массовых скоплений без индивидуальных средств защиты, позволит увеличить эффективность деятельности полиции по пресечению преступности.

Подводя итог исследованию, хотелось бы резюмировать вышесказанное.

Соотнеся статистику заболеваемости в США и Китае можно констатировать тот факт, что общая заболеваемость в США - 103 436 829 человек (по отношению к общему числу населения страны- 339,9 млн человек) намного превышает общую заболеваемость в Китае - 99 318 718 человек (по отношению к общему числу населения страны- 1 411,7 млн человек). На основании приведенных данных можно сделать вывод, что политика правительства Китая и введение новых мер борьбы с заболеваемостью намного эффективнее, нежели деятельность правительства США. Данный факт подтверждается и статистикой преступности, где в Китае преступность за последние года уменьшается, а в США прослеживается увеличение преступности [2, С.6].

Актуализация методов статистического анализа преступности имеет как научное, так и практическое значение. Рассмотренные обобщающие показатели в форме относительных величин, рассчитанные по Китаю в целом, позволят адекватно оценить различные аспекты преступности в анализируемой территории в динамике.

Внедрение на практике правоохранительных органов РФ новых мер обеспечения правопорядка, заимствованных у правоохранительных органов зарубежных стран, позволит увеличить эффективность правоприменительной практики и сократить число преступности.

Список литературы:

[1] Алферов О.Л. «Укрощение» пандемии COVID-19: правовые подходы к борьбе с коронавирусом в Италии, США и Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2022. С. 153-166

[2] Гафурова Н. Международное сотрудничество в борьбе с пандемией, вызванной коронавирусом COVID-19: зарубежный и национальный опыт // Review of law sciences. 2020. С. 1-12

[3] Печерица В.Ф. Мощь Китая и немощь США в противостоянии с COVID-19 // Российско-китайские исследования. 2020. С.103-116

[4] Семина Т.В., Го Вэй Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией COVID-19 в Китае (КНР) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 1. С. 216-238

[5] Официальная статистика COVID-19 по данным ВОЗ // <https://covid19.who.int> (дата обращения 28.06.2024)

Spisok literatury:

[1] Alferov O.L. "Taming" the COVID-19 pandemic: legal approaches to the fight against coronavirus in Italy, the USA and China // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract journal. 2022. Pp. 153-166

[2] Gafurova N. International cooperation in the fight against the pandemic caused by the COVID-19 coronavirus: foreign and national experience // Review of law sciences. 2020. Pp. 1-12

[3] Pecheritsa V.F. The power of China and the weakness of the United States in the fight against COVID-19 // Russian-Chinese studies. 2020. Pp. 103-116

[4] Semina T.V., Guo Wei Sociocultural environment and measures to combat the COVID-19 pandemic in China (PRC) // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2022. No. 1. Pp. 216-238

[5] Official statistics on COVID-19 according to WHO // <https://covid19.who.int/> (date of access 06/28/2024)

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.
В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОРОЛЕВСТВА ИСПАНИИ В СФЕРЕ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследованы положения Договора между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам, выявлены существенные противоречия и недостатки юридической техники при оформлении текста Договора на русском и испанском языках, изучено соответствие национального законодательства указанных стран нормам Договора, выявлены соответствующие противоречия. Автором проанализирована актуальная судебная практика российских и испанских судов по вопросам признания и исполнения иностранных судебных решений, обобщена иностранная доктрина по данной проблематике, вынесены предложения по совершенствованию положений международного договора.

Ключевые слова: международное частное право, международный гражданский процесс, признание и исполнение иностранных судебных решений, экзекватура, правовая помощь по гражданским делам, международное сотрудничество по вопросам частного права.

DANILOVA Sofia Alekseevna,
student at the International Law Department
of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

PROBLEMS OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KINGDOM OF SPAIN IN RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN JUDGMENT

Annotation. The article studies the provisions of the Convention between the Kingdom of Spain and the Union of Soviet Socialist Republics on Mutual Assistance in Civil Matters, reveals significant contradictions and shortcomings of legal technique in the execution of the text of the Convention in Russian and Spanish languages, studies the compliance of the national legislation of these countries with the norms of the Convention, reveals relevant contradictions. The author analysed the current judicial practice of Russian and Spanish courts on the issues of recognition and enforcement of foreign judgments, summarised foreign doctrine on this issue, and made proposals to improve the provisions of the international treaty.

Key words: private international law, international civil procedure, recognition and enforcement of foreign judgments, exequatur, legal assistance in civil cases, international cooperation on private law issues.

В современном обществе с усложнением системы общественных отношений, ростом числа трансграничных сделок, увеличением объема экономического оборота между иностранными государствами и транснациональными корпорациями возрастает необходимость в эффективном правовом регулировании сотрудничества государств, в том числе в лице органов судебной системы, по частно-правовым вопросам.

Одним из наиболее важных аспектов международно-правового сотрудничества по гражданским делам является правовая регламентация института признания и исполнения иностранных судебных решений, поскольку от существующей нормативно-правовой базы и массива международно-правовых актов зависит обеспечение национальных и геополитических интересов государств, с одной стороны, и, с другой стороны, гарантии соблюдения и защиты прав и законных

интересов физических и юридических лиц, доверие граждан целого ряда государств к судебной системе, обеспечение законности и правопорядка.

Кроме того, практическая значимость исследований по данной проблематике заключается в необходимости систематизации и последующей подготовке Сборников о практике применения международных договоров о правовой помощи по гражданским делам, поскольку в процессе правоприменительной практики возникает ряд сложностей. Итак, рассмотрим на примере Договора между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам (г. Мадрид, 1990 г.) (далее — «Договор») соответствующие противоречия:

Во-первых, необходимо сопоставить положения Договора с принципами «*lis alibi*» и «*res iudicata*». Известный со времён римского права принцип «*res iudicata*» («решенное дело») и корреспондирующий ему постулат «*res iudicata pro veritate habetur*» («судебное решение должно приниматься за истину») не нашло фактического применения в практике признания и исполнения иностранных судебных решений в Испании.

Контраргументом по мнению испанских ученых [1] является тот факт, что вышесказанный принцип не коррелирует с принципом паритета правового режима между юрисдикцией испанских судов и иностранных судов по вопросам международной юрисдикции, поскольку в большинстве споров, осложненных иностранным элементом, возможно обращение как в суды Испании, так и в суды иностранных государств.

В том случае, когда признания иностранного судебного решения невозможно добиться в Испании в соответствии с нормами национального права и права Европейского Союза, в первую очередь Регламента 1215/2012 Европейского парламента и Совета ЕС от 12.12.2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам», судебная практика позволяет обратиться с иском в испанский суд для разрешения дела, что обосновывается принципом «*justitia nemine neganda est*» («недопустимость отказа в правосудии»).

Так, соответствующая судебная практика начала складываться в 2015 г. с кассационного постановления Верховного Суда Испании [2], оставившего в силе решение Суда первой инстанции №1 муниципалитета Герника и Луно (автономное сообщество Страна Басков). В соответствии с обстоятельствами дела, оба супруга имели гражданство Молдавии, при этом один из супругов и общий ребенок постоянно проживали на территории Испании. 29 мая 2012 г. с иском о расторжении брака и определении места жительства несовершеннолетнего ребенка с ней в выше-

указанный суд обратилась гражданка А. В ответ на иск, было подано возражение гражданином Б. и представлено решение о расторжении брака и определении места жительства несовершеннолетнего с ним, вынесенное Судом г. Рышканы (Молдавия) от 26 октября 2012 г. Суд первой инстанции в судебном решении от 18 марта 2013 г. постановил: «решение суда Молдавии не имеет юридической силы на территории Испании, поскольку ответчиком не было подано ходатайство о признании и приведении в исполнение указанного судебного решения. В связи с чем, в соответствии с законодательством необходимо вынести настоящее судебное решение для защиты прав несовершеннолетних и законных представителей, поскольку неясно, является ли решение суда Молдавии окончательным».

Также, в решении Верховного Суда Испании подчеркнуто, что в данном случае не имело место несоблюдение принципа «*lis pendens*», а имело место несоблюдение процедуры экзекватура, поскольку ответчик указал на решение суда Молдавии лишь как на документ, подтверждающий юридический факт. Более того, решение суда Молдавии не может быть приведено в исполнение на территории Испании, поскольку противоречит публичному порядку в связи с нарушением права ответчика на судебную защиту, так как решение было вынесено при неявке ответчика и в отсутствие надлежащего судебного уведомления. В обоснование Верховный Суд Испании сослался на положения ст. 410 и 411, 218.2, 951 Закона Испании «О гражданском судопроизводстве».

Сложившийся подход к признанию и исполнению иностранных судебных решений нашел отражение в апелляционном постановлении Проинципального Суда Мадрида от 20.04.2021 г., которым было отменено решение Суда первой инстанции №11 г. Мадрид. Так, суд апелляционной инстанции не согласился с доводами нижестоящего суда и определил, что «отказ в экзекватуре решения суда Республики Дагестан не препятствует инициированию нового судебного разбирательства в Испании по тому же вопросу при условии наличия у испанских судов международной юрисдикции, которая в данном случае не оспаривается и возникает вследствие того факта, что непризнание в Испании вышеупомянутого решения лишает его последствий «*res iudicata*».

В соответствии со сложившейся судебной практикой, для того, что иностранное судебное решение имело юридическую силу на территории Испании, необходимо, чтобы оно было признано и подлежало исполнению в соответствии с механизмами признания и исполнения, предусмотренными в соответствующих международных договорах Испании с иностранными государствами, а в случае отсутствия международных договоров в

соответствии со ст. 44-49 Закона 29/2015 «О международном правовом сотрудничестве по гражданским делам». В случае если иностранное судебное решение не было признано на территории Испании, оно не имеет юридической силы и не порождает юридических последствий, за исключением того, что является доказательством лишь существования данного иностранного судебного решения.

Данный подход к признанию и приведению в исполнение иностранных судебных решений прослеживается в решении Суда провинции Жирона от 12.03.2013 («пока не признана действительность иностранного судебного решения, недопустимо ссылаться на принцип «res judicata»), решение Суда провинции Санта-Круз-де-Тенерифе от 15.05.2013 («решение суда Флориды о расторжении брака для целей наделения его юридической силой на территории Испании, должно предварительно получить признание»), решение Суда провинции Барселона от 18.01.2012 («иностранное судебное решение, которое не было признано в установленном порядке, не имеет юридической силы в Испании»).

Следовательно, если иностранное судебное решение не было признано и приведено в исполнение на территории Испании, стороны могут повторно заявить иск по тому же предмету и основанию в суде Испании. Необходимо отметить, что в ряде стран существует практика пересмотра судебных решений, вынесенных иностранным судом, с целью проверки их законности и обоснованности, однако, Испания не относится к данной группе стран, поскольку презюмируется принцип римского права «*res iudicata pro veritate habetur*» («судебное решение должно приниматься за истину»).

Во-вторых, отсутствует единый порядок обращения с ходатайством о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения.

Так, согласно п. 3 ст. 23 Договора к ходатайству, среди прочего, должен быть приложен «заверенный перевод документов, указанных в пп. 1 и 2 ст.23, а также перевод ходатайства». Текст указанной нормы права Договора на испанском языке следующий: «*se deberá acompañar a la solicitud las traducciones legalizadas de los documentos indicados en los párrafos 1 y 2 del artículo 23 así como la de la solicitud*». В российском законодательстве не содержится легального определения «заверенный перевод», однако, исходя из правоприменительной практики, можно сделать вывод, что речь идет именно о нотариальном заверении. Вместе с тем, в Испании под «*traducción legalizada*» понимается перевод, заверенный апостиелем или же консульская легализация, поскольку процесс легализации не эквивалентен процессу нотариального перевода.

Согласно ст. 14 Договора, как на русском языке, так и на испанском языке «документы, которые выданы или засвидетельствованы по установленной форме и скреплены официальной печатью компетентного государственного учреждения или должностного лица одной из Договаривающихся Сторон, не требуют на территории другой Договаривающейся Стороны какого-либо удостоверения», следовательно, данная норма отменяет необходимость проставления апостиля на документах, используемых в рамках сотрудничества по гражданским делам между Россией и Испанией.

Таким образом, нарушается принцип единообразия в судебной практике российских и испанских судов, нарушается процессуальное равенство заинтересованных лиц, поскольку в зависимости от судьейского усмотрения, в одном судебном процессе в соответствии со ст. 14 Договора будут приняты документы без соблюдения каких-либо дополнительных формальностей, во втором судебном разбирательстве, Суд откажет в принятии ходатайства со ссылкой на текст Договора на русском языке в отсутствие нотариального заверения, а в третьем случае, на основании текста Договора на испанском языке будет необходимо проставление апостиля. Данная правовая коллизия порождает нарушение процессуальных сроков и повышенные затраты сторон, связанные с процессом признания и приведение в исполнение иностранного судебного решения.

Следовательно, нарушается процессуальное равенство заинтересованных лиц, поскольку в зависимости от судьейского усмотрения: а) в одном судебном процессе согласно ст. 14 Договора будут приняты документы без соблюдения каких-либо дополнительных формальностей; б) во втором судебном разбирательстве Суд откажет в принятии ходатайства за отсутствием нотариального заверения со ссылкой на текст Договора на русском языке; в) в третьем случае, на основании текста Договора на испанском языке будет необходимо проставление апостиля. Данная правовая коллизия порождает затягивание процессуальных сроков и увеличение судебных расходов.

В-третьих, правовая коллизия связана с регулированием порядка обращения в иностранный суд с ходатайством о признании и исполнении иностранного судебного решения и института международного судебного поручения. Одной из целей данного Договора является «облегчение доступа граждан в суды другого государства», однако, положения ст. 22 Договора противоречат национальному законодательству Испании, а именно, Закону №29 «О международном правовом сотрудничестве по гражданским делам» (далее — «Закон»).

Так, в 2021 г. Провинциальным Судом города Жироны (автономное сообщество Каталония, Испания) по результатам рассмотрения апелляционной жалобы было оставлено без изменения решение Суда первой инстанции №4 г. Жирона по делу о признании и принудительном исполнении на территории Испании решения Кузьминского районного суда г. Москвы.

В основание своих выводов, Суд первой инстанции указал, что: “п.1 ст. 22 Договора между СССР и Королевством Испания о правовой помощи по гражданским делам требует того, что ходатайство о выдаче разрешения на исполнение решения и о приведении решения в исполнение было подано в учреждение по месту вынесения решения, данное учреждение пересылает ходатайство компетентному суду другой Договаривающейся Стороны”. По мнению Суда апелляционной инстанции такая передача ходатайства через органы государственной власти Договаривающихся Сторон позволяет суду, принявшему решение по существу рассматриваемого дела, рассмотреть собственную компетенцию на исполнение судебного решения и в случае отсутствия такого полномочия направить данное ходатайство компетентному государству.

Вместе с тем, Суд допускает исключение из вышеуказанного общего правила. Так, п. 2 ст. 22 Договора допускает подачу ходатайства о выдаче разрешения на исполнения е решения и о приведении решения в исполнении непосредственно в компетентный суд Договаривающейся Стороны в случае, если лицо, заявляющее ходатайство имеет место жительства или место пребывания на территории данного государства. В данном случае, испанским Судом установлено, что заявитель такого места жительства или места пребывания на территории Испании не имеет.

Далее обратимся к испанскому национальному законодательству: Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений регулируется, в первую очередь, нормами Закона №29 “О международном правовом сотрудничестве по гражданским делам” от 31.07.2015 г. [Ley 29/2015, de 30 de julio, de cooperación jurídica internacional en materia civil] (далее — “Закон”).

Согласно ст. 42 Закона под “экзекватурой” понимается производство по признанию иностранного судебного решения и, в случае необходимости, по выдаче разрешения на его исполнение. В соответствии с положениями Закона процесс по признанию иностранного судебного решения инициируется посредством обращения с ходатайством в компетентный суд любого заинтересованного лица (ст. 54 Закона). Процесс признания иностранного судебного решения всегда предшествует его исполнению, однако в процессуальном документе данные требования могут быть заявлены одновременно.

Следовательно, ст. 54 Закона “О международном правовом сотрудничестве по гражданским делам” противоречит положениям ст. 22 Договора между СССР и Королевством Испания о правовой помощи по гражданским делам, поскольку лица, обращающиеся за судебной защитой, наделены большим объемом процессуальных прав и гарантий, в первую очередь, правом напрямую обращаться в Суд за защитой своих прав и законных интересов.

На наш взгляд, такое положение противоречит как самой сущности двустороннего соглашения о правовой помощи по гражданским делам — обеспечить посредством заключения международного договора более высокую степень правовой защиты по сравнению с национальным законодательством, поскольку в самой преамбуле Договора обозначено, что Договаривающиеся Стороны осознают необходимость углубления и облегчения своих правовых отношений, регулируемых Гаагской конвенцией по вопросам гражданского процесса от 01.03.1954 г., а также входит в конфронтацию с правом граждан одной Договаривающейся Стороны пользоваться на территории другой Договаривающейся Стороны в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, как и граждане этой Договаривающейся Стороны (ст. 1 Договора).

Рассмотрим российское национальное законодательство: В национальном законодательстве Российской Федерации прямо не закреплено какой именно субъект имеет право на обращение в Суд на территории Российской Федерации с ходатайством о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. В частности, в ст. 410 ГПК РФ закреплено лишь то, что “ходатайство взыскателя о принудительном исполнении решения иностранного суда рассматривается” соответствующим судом, установленным в статье. А ст. 242 АПК РФ закреплено, что “заявление о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений подается стороной, в пользу которой принято решение” в соответствующий суд, также установленный статьей. На наш взгляд, отсутствие прямого законодательного закрепления на национальном уровне порядка подачи ходатайства в суды общей юрисдикции о признании и исполнении иностранного судебного решения порождает правовую неопределенность в связи с наличием аналогичных положений в международных договорах РФ по вопросам правовой помощи по гражданским делам.

Таким образом, возникает сложная противоречивая ситуация: с одной стороны, международный договор Российской Федерации, при-

званный обеспечить более высокий уровень правовой защиты, требует применения международного судебного поручения, в качестве механизма обращения в судебные органы за признанием и исполнением иностранных судебных решений, с другой стороны, национальное законодательство Российской Федерации, в частности, соответствующие положения АПК РФ, и национальное законодательство Королевства Испания в части, урегулированной нормами Закона «О международной правовой помощи по гражданским делам» позволит лицу обратиться напрямую в соответствующий суд за признанием и приведением в исполнение иностранного судебного решения.

В международном частном праве общепринятым принципом является принцип взаимности. Данный принцип соблюдается, среди прочего, и в вопросах признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Так, целесообразным представляется анализ определения Свердловского областного Суда о возвращении ходатайства о признании и разрешении принудительного исполнения на территории РФ приказов суда первой инстанции №4 Марбельи (Испания) от 23.07.2020 г.

Таким образом, сложности в правопримени- тельной практике при признании и исполнении иностранных судебных решений как в судах Рос- сийской Федерации, так и в судах Королевства Испания связаны с недостатками юридической техники при оформлении текста договора, нацио- нальное законодательство, как России (ГПК РФ и АПК РФ), так и Испании (Закон «О междунаро- дной правовой помощи по гражданским делам»), предусматривает гораздо более широкий и эффективный механизм признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения, нежели Договор между СССР и Королевством Испания о правовой помощи по гражданским делам, который нуждается в соответствующем реформировании, а также, положения Договора на русском языке и испанском языке противоре- чат друг другу, идут вразрез с судебной практи-

кой применения норм Договора, не учитывают социально-экономическое развитие государств и особенности осуществления консульской дея- тельности. Поскольку, международный договор Российской Федерации призван обеспечить более высокий уровень правовой защиты, полагаем, что необходимо создание двусторонней комиссии по совершенствованию указанных положений Договора.

Список литературы:

[1] Интернет-источник. Accursio DIP - Blog. La denegación del reconocimiento-exequatur en España permite ejercitar acción declarativa ante los tribunales españoles: sin reconocimiento-exequatur no hay paraíso (ni cosa juzgada). Режим доступа: <http://accursio.com/blog/?p=1401>. Дата обращения: 10.05.2024.

[2] Интернет-источник. Судебное решение Верховного Суда Испании: коллегии по граждан- ским делам. Номер дела: STS 5153/2015 - ECLI:ES:TS:2015:5153. Tribunal Supremo. Sala de lo Civil. Fecha: 26/11/2015. N° de Recurso: 2088/2014. N° de Resolución: 625/2015. Ponente: jose antonio seijas quintana. Tipo de Resolución: Sentencia.

Spisok literary:

[1] Internet source. Accursio DIP - Blog. The refusal of reconnaissance-execution in Spain allows the declaration of declaratory actions before the Spanish tribunals: the sin of reconnaissance-exe- quatur is not paraíso (ni cosa juzgada). Access mode: <http://accursio.com/blog/?p=1401>. Access date: 05/10/2024.

[2] Internet source. Judgment of the Supreme Court of Spain: civil panel. Case number: STS 5153/2015 - ECLI:ES:TS:2015:5153. Supreme Tribu- nal. Sala de lo Civil. Fecha: 11/26/2015. Recursion number: 2088/2014. Resolution number: 625/2015. Ponente: José Antonio Seijas Quintana. Solution type: Sentencia.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Аннотация. Культурное и историческое наследие важнейшие аспекты в развитии культуры в России. В данной статье рассматриваются правовые механизмы, которые могут быть использованы для сохранения уникальных культурных традиций и памятников истории. Анализируются роль законодательства в защите культурного наследия и восстановлении утраченных культурных ценностей. Подчеркивается важность соблюдения правовых норм для сохранения и передачи культурного наследия будущим поколениям.

Ключевые слова: культурное наследие, историческое наследие, памятники культуры, органы власти, сохранение, популяризация, уполномоченные органы, ответственность, подзаконные акты, культурное достояние, народы, поколения.

AKININ A.A.

PRESERVATION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Annotation. Cultural and historical heritage are the most important aspects in the development of culture in Russia. This article examines the legal mechanisms that can be used to preserve unique cultural traditions and historical monuments. The role of legislation in the protection of cultural heritage and the restoration of lost cultural values is analyzed. The importance of observing legal norms for the preservation and transfer of cultural heritage to future generations is emphasized.

Key words: cultural heritage, historical heritage, cultural monuments, authorities, preservation, popularization, authorized bodies, responsibility, by-laws, cultural heritage, peoples, generations.

Неотъемлемой частью России является культурное и историческое наследие, оно помогает формировать национальную идентичность. Это бесценное достояние, сформированное десятками поколениями россиян, которое отражает многовековую историю, традиции и успехи, достигнутые нашим народом. Для поддержания национального самосознания, укрепления и создания связи между прошлым, настоящим и будущим, передачи своих знаний будущим поколениям необходимо сохранение наследия [1].

Федеральные законы, подзаконные акты и международные соглашения регулируют защиту культурного и исторического наследия Российской Федерации. Однако, несмотря на принятые меры, сохранение наследия сталкивается с множеством вызовов, такие как: недофинансирование, вандализм, незаконная реставрация, перепрофилирование объектов, а также под угрозой исчезновения находятся уникальные

артефакты и памятники. Перед юристами стоит задача усовершенствовать законодательство, разработать эффективные механизмы охраны и развития популярности культурного наследия, в разных уголках страны, а также обеспечить ответственность за несоблюдение законов, уничтожение или повреждение памятников культуры и архитектуры.

Сохранение культурного и исторического наследия России имеет прочные правовые основы, которые закреплены в нормативно-правовых актах страны. Основопологающим документом является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятый в 2002 году. Этот закон определяет правовой режим объектов культурного наследия, устанавливает права и обязанности государственных органов, гарантирует сохранность объектов культурного наследия Российской Федерации, для настоящего и будущего поколений России [1].

Вопросы охраны культурного достояния Российской Федерации также регулируются Гражданским кодексом РФ, Земельным кодексом РФ, Градостроительным кодексом РФ, рядом федеральных законов и подзаконных актов. Эти правовые акты определяют правовой статус объектов культурного наследия, устанавливают порядок учета, использования и распоряжения такими объектами [1].

Важную роль в сохранении культурного наследия играют и региональные нормативно-правовые акты, которые принимаются органами власти субъектов Российской Федерации. Эти документы детализируют федеральное законодательство, учитывая местную специфику, и дополняют его положениями, чтобы реализовать государственную политику на региональном уровне.

Государство в Российской Федерации несет первостепенную ответственность за сохранение и защиту объектов культурного наследия народов России. Это закреплено в Конституции РФ и федеральном законодательстве. Государство обязано организовывать охрану, реставрацию и популяризацию объектов культурного наследия [2].

Органы государственной власти всех уровней реализуют данный комплекс мер. Они устанавливают правовой режим объектов культурного наследия, определяют порядок их использования, организуют государственную охрану и следят за соблюдением законодательства. Государство также обеспечивает финансирование мероприятий, направленных на содержание, сохранение, популяризацию и охрану объектов культурного наследия.

Государство несет ответственность за повышение эффективности системы учета, паспортизации и мониторинга состояния объектов культурного достояния РФ. Правительство создает необходимые условия для привлечения граждан в общественные объединения, религиозные организации, а также в процесс сохранения и популяризации культурного наследия [2].

В сфере охраны культурного наследия государственная власть осуществляется на: федеральном, региональном и муниципальном уровнях. На каждом из них органы власти обладают определенными полномочиями, которые закреплены в законодательстве. К основным полномочиям законодательной власти относятся: принятие законов, регулирующих вопросы сохранения, охраны объектов культурного наследия.

Органы исполнительной власти осуществляют управление в сфере охраны культурного наследия. Они занимаются выявлением, государ-

ственной регистрацией и паспортизацией объектов, организуют проведение научных исследований и реставрационных работ, ведут государственные реестры, а также осуществляют надзор за соблюдением законодательства [3].

Полномочия судебной власти заключаются в рассмотрении судебных споров, связанных с нарушениями законодательства, в том числе по искам о признании объектов культурного наследия, об их постановке на государственную охрану, о привлечении к ответственности за причинение вреда объектам и памятникам культурного наследия.

Собственник, который владеет объектом культурного наследия возлагает на себя определенные ограничения и обременения. Они направлены на реализацию конституционных прав граждан, а также конституционной обязанности по сохранению культуры в стране.

Под сохранением объектов культурного наследия понимаются мероприятия, направленные на обеспечение их целостности, а также может включать: ремонт, реставрацию и внедрение объекта в современное использование [4].

Лица, ответственные за сохранение объектов культурного наследия, обязаны проводить мероприятия по финансированию и содержанию объектов культурного наследия. При этом запрещается проводить работы, которые могут изменить объект или изменять условия, которые приведут к порче или исчезновению объекта [4].

Работы по сохранению объекта культурного наследия должны проводиться на основании задания на проведение указанных работ и разрешения, выданных уполномоченным органом. При этом, работы по сохранению объектов памятников, например: ремонт, реставрация должны производиться только теми организациями, которые обладают лицензией, обеспечивающей разрешение на проведение данных видов работ. После проведения ремонта необходимо представить в уполномоченный орган отчет, включая научный отчет о выполненных работах. Приемка работ осуществляется с участием уполномоченного органа, который выдал разрешение на проведении реставрации.

Помимо проведения работ по сохранению объектов культурного наследия собственники или правообладатели объектов должны обеспечить установку на них информационных надписей и обозначений, обеспечить доступ к объекту культурного наследия [5].

За нарушение требований, установленные в законодательстве РФ виновные лица несут уголовную, административную и иную юридическую ответственность.

Так, статьями 243 и 243.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за уничтожение и повреждение объектов культурного наследия, а также за нарушение требований сохранения и использования таких объектов, если эти действия привели к уничтожению или повреждению объектов культурного наследия в крупном размере (стоимость работ по восстановлению составляет больше полумиллиона рублей).

За нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия, нарушение режима использования земель в границах территории таких объектов, несоблюдение ограничений, установленных в зонах охраны объектов культурного наследия, предусматривается административная ответственность по ст. 7.13 кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Если были проведены строительные работы, ремонт или реставрация культурного объекта без разрешения уполномоченного органа, виновные лица несут административную ответственность по ст. 7.14 КоАП РФ [5].

Помимо этого, собственник, который ненадлежаще следит за объектом культурного наследия, не выполняет требований по его сохранению, совершает действия, направленные на уничтожение памятника, оштрафован лишается прав собственности и по решению суда объект культурного наследия может быть изъят.

Документирование объектов культурного наследия является ключевым элементом правовой охраны. Этот процесс включает в себя: систематический сбор, анализ и хранение информации обо всех исторический, культурных, археологический объектах. В России существует Единый государственный реестр объектов культурного наследия, в котором содержатся подробные сведения о каждом охраняемом объекте - местоположение, историческая справка, технические характеристики, текущее состояние [5].

Документация объектов культурного наследия ведется на федеральном и региональном уровнях. Она включает в себя паспорта объектов, охранные обязательства и учетные карты. Это позволяет контролировать состояние памятников, отслеживать изменения и принимать меры по их сохранению. Учетная документация является основой для работы государственного надзора и привлечения к ответственности за нарушения законодательства.

Сохранение культурного и исторического наследия народов России является одной из важнейших задач. Она стоит не только на националь-

ном, но и на международном уровне. Российская Федерация активно участвует в различных международных организациях и соглашениях, направленных на защиту и популяризацию культурного достояния. Страна является членом Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, а также участвует в программах Совета Европы [6].

В рамках этого сотрудничества Россия обменивается опытом с другими государствами, совместно разрабатывает стратегии и механизмы охраны объектов культурного наследия, а также проводит совместные научные исследования и ведут реставрационные работы. Особое внимание уделяется сохранению уникальных памятников, которые внесены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (Кремль в Москве, Исторический центр Санкт-Петербурга).

Международное сотрудничество способствует привлечению дополнительных ресурсов, технологий и экспертных знаний для более эффективной охраны культурного наследия Российской Федерации. Совместные проекты с зарубежными партнерами позволяют не только сохранять, но и популяризовать российское культурное достояние за рубежом [7].

Сохранение культурного и исторического наследия России является важной задачей, стоящей перед государством. Для эффективной правовой охраны ценностей необходимо дальнейшее развитие нормативно-правовой базы, совершенствование механизмов государственного управления и усиление ответственности за нарушения в этой сфере. В перспективах нужно повысить статуса объектов культурного наследия, расширить полномочия органов охраны, а также активизировать международное сотрудничество в области сохранения уникальных памятников истории и культуры народов России.

Список литературы:

- [1] Александров, А.А. Международное сотрудничество в сфере культурного наследия / А.А. Александров. – М.: Проспект, 2009. – 176 с.
- [2] Арнаутова, Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / Ю.А. Арнаутова // История и память. – М., 2009. – С. 47–55.
- [3] Гордин, В.Э. Роль сферы культуры в развитии туризма в Санкт-Петербурге / В.Э. Гордин // Санкт-Петербург: многомерность культурного пространства. – СПб.: Левша, 2009. – С. 3–4
- [4] Драчева, Е.Л. Экономика и организация туризма: международный туризм / Е.Л. Драчева, Е.Б. Забаев, И.С. Исмаев. – М.: КНОРУС, 2005. – 450 с.

[5] Сенин, В.С. Организация международного туризма: учебник / В.С. Сенин. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 400 с.

[6] Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. –2007. – № 2–3. – С. 8–27.

[7] Хмелевская, Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти / Ю.Ю. Хмелевская // Век памяти, память века. – Челябинск, 2009. – С. 475–498.

Spisok literatury:

[1] Alexandrov, A.A. International cooperation in the field of cultural heritage/A.A. Alexandrov. - M.: Prospect, 2009. - 176 s.

[2] Arnautova, Yu.A. The culture of memory and the history of memory/Yu.A. Arnautova//History and memory. -M., 2009. - S. 47-55.

[3] Gordin, V.E. The role of the cultural sphere in the development of tourism in St. Petersburg/V.E. Gordin//St. Petersburg: multidimensionality of the cultural space. - St. Petersburg: Lefty, 2009. - S. 3-4

[4] Dracheva, E.L. Economics and organization of tourism: international tourism/E.L. Dracheva, E.B. Zabaev, I.S. Ismaev. - M.: KNORUS, 2005. - 450 s.

[5] Senin, V.S. Organization of international tourism: textbook/V.S. Senin. - M.: Finance and Statistics, 2004. - 400 s.

[6] Halbwaks, M. Collective and historical memory/M. Halbwaks//Untouchable reserve. –2007. – № 2–3. - S. 8-27.

[7] Khmelevskaya, Yu. Yu. On memorization of history and historization of memory/Yu. Yu. Khmelevskaya//Century of memory, memory of the century. - Chelyabinsk, 2009. - S. 475-498.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

№ 7 (июль)

2024 год

Сдано в набор 19.08.2024. Подписано в печать 26.08.2024.
Формат 60x90/8. Печ. л. 45,25. Тираж 100 экз. Заказ № 54.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.